

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Vet.

PE2904.B457.C55

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

ВЪЗМОЖНОСТЬ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Буратынскаго. Барона Брамбеуса. Ф. В. Булгарина. А. Ф. Воейкова. Кн. П. А. Вяземскаго. Ф. Н. Глинка. Н. И. Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. И. И. Давыдова. В. А. Жуковскаго. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашникова. М. Т. Каченовскаго. И. В. Кирьевскаго. Казака Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова. Н. В. Кукольникъ. М. Е. Лобанова. А. М. Максимовича. А. П. Максимовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго-Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ф. Одоевскаго. А. Н. Очкина. В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорьльскаго. Н. А. Полеваго. А. С. Пушкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-Панько. П. П. Свинына. О. И. Сенковскаго. И. Н. Скобелева. И. М. Снитирева. Н. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Федорова. Гр. Д. И. Хвостова. А. С. Хомякова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П. Шевырева. А. В. Шидловскаго. А. С. Шишкова. В. Н. Щастинаго. Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястребцева. Г. М. Яценкова, и другихъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

и

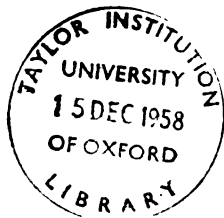
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 1835 года Декабря 31 дня.

Ценсоръ *Никитенко*.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОЭЗІЯ.

МОЯ МОЛИТВА.

**О Ты, Кого хвалить не смѣю,
Творецъ всего, Спаситель мой!
Но Ты, къ Кому я пламеню
Моямъ всемъ сердцемъ, всей душой, —**

Кто по Своей небесной воле
 Грѣхи любовью превозмогъ,
 Приникъ страдальцевъ къ бѣдной доле,
 Какъ другъ и братъ, отецъ и Богъ.

Кто солнца яркими лучами
 Сіяетъ мнѣ въ красъ денной,
 И огнезвѣздными зарями
 Всегда горитъ въ тиши ночной;
 Крушитель зла, Судья верховный, —
 Кто насъ спасаетъ отъ сѣтей,
 И ставитъ противъ тмы грѣховной
 Всю бездну благодсти Своей.

Услышь, Христось, мое моленье,
 Мой духъ Собою озари,
 И сердца бурнаго волненье,
 Какъ зыбь морскую усмири;
 Прими меня въ Свою обитель,
 Я блудный сынъ, — Ты отче мой;
 И, какъ надъ Лазаремъ, Спаситель,
 О, прослезися надо мной!

Меня не крестъ мой ужасаетъ:
 Страданье вѣрою цвѣтѣтъ;
 Самъ Богъ кресты намъ посылаетъ,
 А крестъ нашъ Бога намъ даѣтъ.
 Тебѣ во слѣдъ итти готовый,
 Молю, чтобъ духъ мой подкрѣпиль;
 Хочу носить вѣнецъ терновый,
 Ты Самъ, Христось, его носиль.

Но въ мрачномъ, горестномъ удѣлѣ,
 Хоть я безъ ногъ и безъ очей,
 Еще горитъ въ убитомъ тѣлѣ
 Пожаръ бунтующихъ страстей.

Въ Тебѣ одномъ моя надежда,
 Ты радость, свѣтъ и тишина,
 Да будетъ брачная одежда
 Рабу строптивому дана.

Тревожной совѣсти угрозы,
 О Милосердый, успокой;
 Ты видишь покаянья слёзы,
 Молю, не вниди въ судь со мной;
 Ты всемогущъ, а я безсильный;
 Ты Царь міровъ, а я убогъ;
 Безсмертенъ Ты, — я прахъ могильный,
 Я быстрый мигъ, — Ты вѣчный Богъ!

О! дай, чтобъ вѣрою святою
 Разсыялъ я туманъ страстей,
 И чтобъ безоблачной душою
 Прощалъ врагамъ, любилъ друзей;
 Чтобъ лучъ отраднѣй упованья
 Всегда мнѣ въ сердце проникалъ,
 Чтобъ помнилъ я благодѣянья,
 Чтобъ оскорбленья забывалъ.

И на Тебя я уповаю:
 Какъ сладко мнѣ любить Тебя!
 Твоей я благодати вѣрваю
 Жену, дѣтей, всего себя!
 О, искупя невинной кровью
 Виновный, грѣшный міръ земной,
 Пребудь божественной любовью
 Вездѣ, всегда, во мнѣ, со мной!

И. КОЗЛОВЪ.

*

НОРМАНСКІЙ ОБЫЧАЙ.

=

РЫБАЧЬЯ ХИЖИНА НА БЕРЕГАХЪ НОРМАНДІИ.

—————

ВАЛЬДЕРЪ, мореходецъ.

РИХАРДЪ, рыбакъ.

ТОРНЪЛДА.

=

ВАЛЬДЕРЪ.

Твое здоровье, мой хозяинъ добрый!
Признаться ли? Я благодаренъ бурь,
Занесшей насъ въ спокойный твой заливъ:
Давно такимъ радушнымъ угощеньемъ,
У свѣтлаго огня, въ пріютъ мирномъ,
Порадованъ я не былъ.

РИХАРДЪ.

Въ добрый часъ;
Доволенъ ты, и мы довольны; въ нашихъ
Рыбачьихъ хижинахъ какая роскошь?
Но вдвое намъ по сердцу гость такой,
Какъ ты, рожденный въ сѣверныхъ странахъ,
Изъ коихъ въ старину приплыли наши
Отцы, о коихъ намъ изъ древнихъ лѣтъ
Такъ много славнаго сохранено
Въ преданіяхъ и пѣсняхъ сладкозвучныхъ.
Но долженъ я тебѣ, мой благородный

Гость, объявить, что есть у насъ обычай,
 По коему здѣсь каждый иноземець,
 Кто бъ ни былъ онъ, богатый иль убогій,
 За угощенье платить.

Бальдеръ.

Радъ исполнить
 Я вашъ обычай; мой корабль, стоящій
 На якорь въ заливъ, полонъ рѣдкихъ
 Товаровъ, собранныхъ по берегамъ
 Земель полуденныхъ: есть золотые
 Плоды, есть вина сладкія, есть птицы,
 Плянющія взоръ блистаньемъ перьевъ;
 И кузницъ сѣверныхъ издѣлья есть:
 Двуострые мечи, кольчуги, шлемы.

Рихардъ.

Меня не понялъ ты, мой гость почтенный!
 Норманскій нашъ обычай не таковъ:
 Здѣсь всякій, кто ночлегъ далъ иноземцу,
 Имѣеть право требовать, чтобъ гость
 Иль сказку разсказалъ, иль пѣсню спѣлъ,
 И въ свой чередъ ему онъ тѣмъ же платить.
 На старости держусь я старины,
 Люблю я пѣсни, сказки и преданья.
 Исполни жъ нашъ обычай, добрый гость!

Бальдеръ.

Иная сказка сладостнѣй вина,
 Душистые плоды, пестрые птицы;
 И часто звукъ старинной бранной пѣсни,
 Какъ звукъ мечей, какъ громъ щитовъ плянеть
 Нашъ слухъ: и такъ не вовсе я ошибся.
 Хоть въ памяти не много у меня

Разказовъ, но почитать такой похвальный
 Обычай я готовъ. Вотъ что недавно
 На палубъ, въ морскую тишину
 Намъ при дунъ одинъ изъ корабельныхъ
 Товарищей рассказывалъ.

Рихардъ.

Но прежде
 Еще по кубку выпьемъ. (*Пьютъ*) Начинай.

Бальдеръ.

Два сѣверныхъ породы славной Графа,
 Друзья изъ младости, переплывали
 Моря на корабляхъ своихъ союзныхъ;
 И много битвъ на сушѣ и водахъ,
 И много бурь они видали вмѣстѣ;
 И много разъ, на Югъ и Востокъ,
 У береговъ цвѣтущихъ бросивъ якорь,
 Другъ съ другомъ отдыхъ сладостный дѣлили.
 Вотъ наконецъ они въ старинныхъ замкахъ,
 Наслѣдїи отцовскомъ, поселились,
 И имъ одну печаль послало Небо:
 Они супругъ любимыхъ схоронили,
 Почти въ одно лишась ихъ время; горе
 Тѣснѣй сдружило ихъ, но и отрада
 Осталась имъ въ печали ихъ глубокой:
 У одного былъ сынъ, ребенокъ бодрый,
 Другой имѣлъ младенца дочь. Чтобъ новымъ
 Союзомъ утвердить святую дружбу,
 Чтобъ вѣчная осталась память ей,
 Отцы дѣтей рѣшились сочетать,
 И ихъ они тогда же обручили.
 И дѣвочкѣ и мальчику на шею,
 На легкихъ золотыхъ цѣпочкахъ были,
 Повѣшены два перстня дорогихъ:

Въ одномъ изъ перстней былъ сафиръ, какъ очи
 Невѣстины лазурный, а въ другомъ
 Былъ камень, розовый, какъ молодыя
 Румяныя ланиты жениха.

Рихардъ.

Былъ камень розовый, ты говоришь,
 Въ кольцо невѣсты?

Бальдери.

Да, большой рубинъ.

Но слушай далѣе. Тогда ужъ мальчикъ
 Былъ лѣтъ пятнадцати; былъ силенъ, ловко
 Владѣлъ мечемъ, и могъ ужъ обуздать
 Коня; не для тревогъ морскихъ отецъ
 Его готовилъ: онъ былъ долженъ замки
 И области наслѣдственныя предковъ
 Могучею рукою защищать.
 Невѣста же была еще младенецъ
 Лѣтъ четырехъ; еще не покидала
 Она своей пріютной колыбели;
 Усердная за ней смотрѣла няня.
 Но что жъ случилось? Былъ прекрасный день
 Весенній; на берегъ морской изъ замка
 Съ малюткой вышла няня, вслѣдъ за нею
 Толпа прислужницъ молодыхъ; цвѣты
 И камышки блестящія собирали
 Онъ на берегу; малютка ими
 Играла; море было тихо; свѣжій
 Весенній вѣтерокъ едва касался
 Прозрачныхъ водъ, и солнце въ нихъ сверкало,
 И отблескъ волнъ пріятно трепеталъ
 На свѣжей зелени. Челнокъ рыбацкій
 Привязанъ былъ у берега; цвѣтами

Душистыми наполнивши его,
 Прислужницы малютку положили
 Въ цѣвты, и отвязавъ веревку, тихо
 На плещущихъ кругомъ волнахъ качали
 Челнокъ; младенецъ веселился; вдругъ
 Веревка непримѣтно изъ руки,
 Ее державшей, ускользнула въ воду,
 И легкою волною откачнуло
 Челнокъ отъ берега; хотять его
 Схватить, но до него уже не можетъ
 Достать рука; и море, сколь ни тихимъ
 Казалось оно дотолъ, тянетъ
 Какую то невидимую силой
 Его впередъ; дитя, въ цѣвтахъ играя,
 Слыбется, слышенъ крикъ его веселый;
 А женщины на берегу подъемлютъ
 Отчаянные вопли. Въ это время
 Женихъ, прѣзжавшій съ своею малюткой
 Невѣстой повидаться, на конѣ
 По ближнему береговому лугу
 Скакалъ и прыгалъ; онъ на крикъ примчался,
 И свѣдавъ, что случилось, смѣло въ воду
 Погналъ коня, дабы поймать челнокъ.
 Но холодъ волнъ почувствовавши, конь
 Сталъ на дыбы и бросился назадъ,
 И съдока умчалъ съ собой обратно.
 А между тѣмъ челнокъ все далъ, далъ;
 Вотъ наконецъ изъ тихаго залива
 Онъ выплылъ; вдругъ повѣялъ свѣжій вѣтеръ,
 И скоро онъ совсѣмъ исчезъ изъ глазъ
 Въ открытомъ морѣ.

Рихардъ.

Бѣдное дитя,
 Спаси тебя хранитель Ангель твой!

Бальдеръ.

Услышавъ вѣсть ужасную, отецъ
Немедленно всѣмъ кораблямъ своимъ
Велѣлъ пуститься въ море; на быстрѣйшемъ
Онъ поплылъ самъ. Но въ морѣ нѣтъ слѣдовъ;
А къ вечеру перемѣнился вѣтеръ,
И всю ту ночь свирѣпствовала буря.
Вотъ наконецъ по долгомъ и напрасномъ,
Исканія, нашли пустой рыбачій
Челнокъ и въ немъ увядшіе цвѣты.

Рихардъ.

Что сдѣлалось съ тобою, добрый гость?
Ты дышишь тяжело, ты весь въ лицѣ
Перемѣнился!

Бальдеръ.

Нѣтъ. Послушай дамъ:

Съ той бѣдственной поры покинулъ отрокъ
Женихъ коня и прильпился къ тяжкимъ
Морскимъ трудамъ; сталъ плавать; въ холодъ, въ бурю,
Бросался въ волны и боролся съ моремъ,
И руку приучалъ владѣть кормиломъ;
И наконецъ, ставъ юношей могучимъ,
Онъ корабли вооружилъ и въ морѣ
Пустился..... на землѣ его надеждъ
Уже ничто не льстило; ни одна
Красавица окрестныхъ замковъ сердца
Его не трогала; онъ обрученъ
Былъ морю дикому, волнамъ свирѣпымъ,
Пожравшимъ все его земное счастье.
Тамъ въ глубинѣ была его невѣста,
Тамъ былъ и обручальный перстень. Главный

Корабль свой онъ украсилъ парусами
 Пурпурными и рвзбой золотою,
 Какъ брачному прилично кораблю.

РИХАРДЪ.

Не такъ ли этотъ былъ корабль украшенъ,
 Какъ твой, на якорь стоящій въ нашемъ
 Заливѣ?

БАЛЬДЕРЪ.

Можетъ быть. На этомъ брачномъ,
 Могучемъ корабль онъ претерпѣлъ
 Не мало бурь, и волны, громы, вихри
 Не разъ ему привѣтственные пѣсни,
 Въ ужасный хоръ совокупясь, гремѣли.
 Не мало битвъ морскихъ онъ совершилъ,
 И знаютъ всѣ на Сѣверѣ его
 Подъ страшнымъ именемъ: когда въ бою,
 Сдѣлавъ корабль свой съ кораблемъ врага,
 На палубу его съ мечемъ подъятымъ
 Възбываетъ онъ, народъ кричитъ: бѣда!
 Пропали мы! *Женихъ морской*, помилуй!
 Я кончилъ свой разсказъ.

РИХАРДЪ.

Благодарю;
 Мнѣ старику разшевелилъ онъ душу.
 Но, кажется, не достаеъ конца
 Разсказу твоему. Кто можетъ знать,
 Погибло ли дитя въ волнахъ, иль нѣтъ?
 Попастся могъ на встрѣчу челноку
 Корабль и взять дитя, оставивъ въ морѣ
 Челнокъ; иль быть могло принесено
 Дитя на островъ, моему подобный,

И люди добрые могли его
Найти; и можетъ быть, подѣ ихъ надзоромъ
Малютка выросла, и можетъ быть,
Она теперь цвѣтущей дѣвой стала.

Бальдеръ.

Искусно ты досказываешь сказки.
Но твой теперь чередъ; готовъ я слушать.

Рихардъ.

Я въ старину знавалъ преданій много
О Рыцаряхъ, о Герцогахъ Норманскихъ;
Любимецъ мой былъ нашъ Рихардъ *безстрашный*,
Который ночью видѣлъ такъ, какъ днемъ,
И по лѣсу гулялъ въ глухую полночь,
Сражаясь съ нечистыми духами.
Но память у меня теперь плоха,
И въ головѣ отъ старости все смутно;
И такъ не взыщешь ты, когда намѣсто
Меня, мой долгъ теперь тебѣ заплатить
Питомица моя, та молодая
Красавица, которая спитъ
Въ углу такъ тихо, къ намъ спиной, и сѣти
Мои чинить при свѣтѣ ночника.
Она поетъ, какъ соловей, и много
Прекрасныхъ пѣсень знаетъ. Не дичись,
Торильда, гостя; спой ему ту пѣсню
Про дѣвицу красавицу и перстень,
Что для тебя сложилъ пѣвецъ прохожій;
Я знаю, ты ее поешь охотно.

Торильда поетъ.

Тихой утренней порою,
Надъ прозрачною водою,

Дѣва съ удочкой сидитъ
 И на удочку глядитъ.
 Ждетъ.... но удочка не гнется,
 Волосокъ не шевельнется,
 Неподвиженъ поплавокъ,
 Не беретъ въ водѣ крючокъ.
 И она, прождавъ напрасно,
 Надѣваетъ свой прекрасной
 Съ камнемъ алымъ перстенькъ
 На приманчивый крючокъ.
 Вдругъ вода зашевелилась,
 И на удочкѣ явилась
 У драгаго перстенька
 Бѣлоснѣжная рука;
 И съ рукою бѣлоснѣжной,
 Видомъ бодрый, взглядомъ пѣжный,
 Надъ равниной водяной
 Всплылъ красавецъ молодой.
 Дѣва очи опустила:
 «Не тебя въ волнахъ ловила
 «Я, красавецъ молодой;
 «Возврати мнѣ перстень мой».
 — Дѣва съ ясными очами!
 Рыбу ловятъ не перстнями;
 Въ морѣ перстнемъ пойманъ я;
 Буду твой, ты будь моя. —

БАЛЬДЕРЪ.

Что слышу? Чудный, таинственный голосъ!
 Какое тамъ небесное лице,
 Горящее застычивымъ румянцемъ,
 Сквозь волны золотыхъ кудрей сіяетъ,
 И предо мной опять животворить
 Минувшіе, младенческіе годы?
 Что вижу? Розовый знакомый камень

Въ златомъ кольцо на пальцѣ у нее?
 Такъ, это ты, погибшая невѣста!
 А я... я твой женихъ, женихъ морей;
 Вотъ мой сафиръ, твоимъ очамъ подобный;
 А тамъ насъ ждетъ и брачный нашъ корабль.

РИХАРДЪ.

Я угадалъ развязку, добрый витязь!
 Она твоя; возьми свою невѣсту,
 Сокровище, мнѣ посланное небою.
 Держи ее могучею рукою:
 Ты вѣрное прижмешь ко груди сердце.
 Но что? Смотри, мой рыцарь, ты совсемъ
 Запутался въ сѣтяхъ моей Торильды.

В. ЖУКОВСКИЙ.

8 Ноября, 1832.

Верне, на берегу Женевского озера.

ГУСАРЬ.

=

Скребницей чистилъ онъ коня,
 А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
 «Занесъ-же вражій духъ меня
 На распроклятую квартиру!

Здѣсь челоѵвка беретуть,
 Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ,
 Наслу шей пустыхъ дадутъ,
 И ужъ не думай о горькѣ.

Здѣсь на тебя какъ лютой зверь
 Глядитъ хозяйнѣ, а съ хозяйкой....
 Не бось, не выманишь за дверь
 Ея ни честию, ни нагайкой.

То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
 Валятся сами въ ротъ голушки,
 Виномъ хоть пару подавай,
 А молодницы — молодухи!

Ей ей, не жаль отдать души
 За взглядъ красотки *чѣрнобровой*.
 Однимъ, однимъ не хороши.....»
 — А чѣмъ же? Расскажи, служивой.

Опъ сталъ крутить свой длинный усъ
 И началъ: «Молвить безъ обиды,
 Ты, клопецъ, можетъ быть не трусь,
 Да глупъ, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днѣпра
 Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
 Была пригожа и добра,
 А мужъ-то померъ, замъчай-ка.

Вотъ съ ней и подружился я;
 Живемъ согласно, такъ что любо:
 Прибыю — Марусинька моя
 Словечка не промолвить грубо;

Нашьюсь — уложить, и сама
 Опохмѣлиться приготовить;

Мигну бывало: Эй, кума! —
 Кума ни въ чемъ не прекословить.

Кажись, о чемъ бы горевать?
 Живи въ довольствѣ, безобидно!
 Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
 Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.

За чемъ бы ей, сталъ думать я,
 Вставать до пѣтуховъ? Кто просить?
 Шалить Марусинька моя;
 Куда ее лукавый носить?

Я сталъ присматривать за ней.
 Разъ я лежу, глаза прищуря,
 (А ночь была тюрьмы чернѣй
 И на дворѣ шумѣла буря)

И слышу: кумушка моя
 Съ печи тихохонько прыгнула,
 Слетка обшарила меня,
 Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,

И свѣчку тонкую зажгла,
 Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
 Тамъ съ полки скляночку взяла,
 И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

Раздѣлась доната; потомъ
 Изъ склянки три раза хлѣбнула,
 И вдругъ на вѣникъ верхомъ
 Взвилась въ трубу и улизнула.

Эге! смекнулъ въ минуту я:
 Кума-то, видно, басурманка!
 Постой, голубушка моя!....
 И съ печи слѣзь — и вижу: склянка.

Понюхаль: кисло! что за дрянь!
 Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
 Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лахань,
 И оба въ печь. Я вижу: худо!

Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
 И на него я брызнулъ склянкой —
 Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!... И вотъ
 И онъ туда же за доханкой.

Я ну кропить во всь углы
 Съ плеча, во что ужъ ни попало;
 И все: горшки, скамьи, столы,
 Маршь! маршь! все въ печку поскакало.

Кой чортъ! подумалъ я: теперь
 И мы попробуемъ! и духомъ
 Всю склянку выпилъ; върь не върь —
 Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.

Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
 Куда, не помню и не знаю;
 Лишь встрѣчнымъ звездочкамъ кричу:
 Правый!..... и на земь упадаю.

Гляжу: гора. На той горѣ
 Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
 Свистать, и въ мерзостной игрѣ
 Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ.....
 И вдругъ бѣжить моя Маруся:
 Домой! Кто звалъ тебя, пострѣль?
 Тебя съѣдать! Но я, не струся:

Домой? да! чорта съ два! почему
 Мнѣ знать дорогу! — Ахъ, онъ страшный!

Вот кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаанный.

— Чтобъ я, я съѣзъ на кочергу,
Гусарь присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вотъ и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребеть копытомъ, весь овонь,
Дугою шея, хвостъ жрубою.

Садись. — Вотъ съѣзъ я на коня,
Ищу уздечки, — нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: все также; самъ же я
Сажу верхомъ и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вотъ что случается порою.

И сталъ крутить онъ длинный усь,
Прибавя: молвить безъ обиды,
Ты хлопонецъ, можетъ быть, не трусь,
Да глупъ, а мы видали виды.

А. ПУШКИНЪ.

СВЪЖАНА И РУСЛАНЪ.

=

БАЛЛАДА.

=

«О какой судьбой ужасной,
«Грозный мой отецъ,
«Наказалъ ты пламень страстной
«Нашихъ двухъ сердець!
«Годъ, какъ здѣсь, во тмѣ унылой,
«Я не вижу дня,
«И не знаетъ другъ мой милой,
«Гдѣ найти меня!»

Такъ изъ башни одинокой,
Надъ Днѣпромъ рѣкой,
Слышенъ былъ въ ночи глубокой
Плачь красы молодой.
Кто же узница младая,
Смутныхъ думъ полна?
Дочь надменнаго Рогдая,
Ленская Княжна.

Ахъ! Свѣжана всѣхъ милѣе
 Межъ Княженъ цвѣла,
 И не такъ была лилея,
 Какъ она была.
 Очи томныя горѣли
 Голубымъ огнёмъ,
 Кудри мягкія темныя
 На челѣ младомъ.

И Князя къ отцу съѣзжались
 Изъ далѣкихъ странъ,
 Всѣ прекрасною плѣнились,
 Но ни царскій санъ,
 Ни Князь Пронскій, ни Князь Бѣльскій,
 И весь сонмъ Князей,
 Всѣ ничто! Русланъ Гомельскій
 Былъ по сердцу ей.

Онъ отваженъ, онъ прелестенъ,
 Онъ былъ честь дружинъ,
 Но убогъ и неизвѣстенъ,
 Не боярскій сынъ.
 И родитель раздраженный
 Гонить жалость прочь,
 Тайно въ башнѣ отдаленной
 Заключилъ онъ дочь.

И сквозь ставни роковыя
 Не проходитъ день;
 Всѣ тамъ призраки ночныя,
 Всѣ нѣмалъ тѣнь;
 Лишь порой она внимаетъ,
 Какъ волна кипитъ,
 Вташка робкая порхаетъ
 И тростникъ шумитъ.

И вотъ къ башнѣ той высокой
 Въ челнокъ рыбакъ
 Путь стремить свой одинокой,
 Лишь настанетъ мракъ.
 Въ волны неводъ онъ бросаетъ,
 Къ башнѣ взоръ стремя,
 И прохожихъ увѣряетъ,
 Что тутъ рыбы тма.

Но не въ пользу трудъ упорный,
 Мало рыбъ бѣжить,
 И онъ часто съ душой черной
 Вкругъ себя глядитъ;
 На лицѣ слѣды печали
 И въ очахъ туманъ;
 Вы давно все отгадали,
 Что рыбакъ Русланъ.

И онъ сторожа ласкаетъ,
 Въ свой пріютъ зоветъ,
 Сладкимъ медомъ угощаетъ,
 Только самъ не пьетъ;
 И случись послѣ раздолья
 Бѣдный сторожъ спалъ:
 Онъ ключи изъ подголовья
 У хмьельнаго взялъ.

Бьется сердце у Руслана,
 Къ башнѣ онъ стрѣлой:
 «Другъ мой милый, о Свѣжана,
 «Я опять съ тобой.
 «Ахъ, не медли! надъ холмами
 «Лишь заря блеснѣтъ,
 «Въ церковь сельскую съ вѣщами
 «Духовникъ прійдетъ.»

И она, то замираетъ,
 То въ ней кровь кипитъ,
 И вѣнецъ святой сіяетъ,
 И любовь манитъ.
 Какъ же быть! Перекрестилась,
 И не тратя словъ,
 Ужъ на пристани явилась,
 Гдѣ челнокъ готовъ.

И невинная Свѣжана,
 Отъ препонъ пѣжнѣй,
 Видитъ небо и Руслана,
 Все, что мило ей.
 Дерзко волны разсѣкая,
 Сталъ нырять челнокъ,
 Но ужасна мгла ночная
 И шумящій токъ.

И вотъ молнія блеснула,
 Съ трескомъ гранулъ громъ,
 Роща сонная вздрогнула
 Надъ рѣкой Днѣпромъ;
 Вихри бурные несутся,
 И реветъ волна.
 Ахъ! нѣ звезды не зажгутся,
 Не взойдетъ луна?

И страшнѣй грозы тревога
 Двухъ молодыхъ сердець;
 Другъ за друга молятъ Бога:
 Но судилъ Творецъ
 Имъ, обманутымъ мечтою,
 Свѣтлыхъ дней не знать,
 И съ молитвой начатою
 Въ небеса предстать.

Гдѣ каменя угрожали
 И разбился чолнъ,
 Тамъ страдальцевъ отыскали
 У прибрежныхъ волнъ,
 И священникъ посядѣлый
 Къ нимъ пришелъ съ зарѣй;
 Но удѣлъ ихъ саванъ бѣлый,
 Не вѣнецъ златой.

Сокрушенный самъ бѣдами,
 Онъ ихъ прахъ любилъ,
 Панихиду со слезами
 Каждый день служилъ.
 И быть въ башнѣ одинокой
 Удалось мнѣ,
 И читать рассказъ жестокой
 На ея стѣнѣ.

И надъ тихою могилой
 Я не разъ мечталъ,
 И въ туманъ призракъ милой
 Надо мной леталъ.
 Непонятное волненье
 Мнѣ тѣснило грудь;
 Видя чудное явленье,
 Я не смѣлъ дохнуть.

Н. КОЗЛОВЪ.

БЕРИТСКОЕ ЧУДОВИЩЕ.

=

ЛЕГЕНДА.

=

Въ земль Финикійской, на брегъ морскомъ,
Берить, осыненный холмистымъ вѣнцомъ,
Въ роскошномъ саду, на пестряющей ткани,
Раскинулся гордо любимцемъ боговъ!
Вотъ Княжескій теремъ, межъ капищъ и зданій,
Вотъ пристань съ ватагой гостиныхъ судовъ;
Торговлею движется площадь градская;
Народъ благоденствуетъ, горя не зная!

Но долго ли счастье въ дружбѣ съ людьми?
Боговъ попущенье — огромнѣйшій змій,
Въ заливѣ морскомъ поселившись, выходитъ —
И ловить и душить и губить людей,
И ужасъ смертельный на городъ наводитъ,
И ядъ навѣваетъ изъ пасти своей,
И нѣтъ ни какого надъ нимъ одолѣнья,
И нѣтъ никому ни житья, ни спасенья!

И въ праздномъ уныньѣ на площадь идетъ,
На площади къ Князю взываетъ народъ:
«О Княже! спаси: погибаетъ отъ змія!»
А Князь: — «Ахъ, помочь бы мнѣ дѣтямъ моимъ!»

Боговъ мы дознаемся воли свята,
 И чѣмъ мы ужасную страсть отвратимъ!» —
 Жрецамъ повелѣвъ онъ провѣдать объ этомъ;
 Жрецы уже идутъ изъ храма съ отвѣтомъ:

«Чтобъ весь не погибъ нашъ страдальческій градъ,
 Беритскіе люди! вамъ боги велеть:
 День каждый, по жребію, дочь или сына
 Чудовищу грозному въ жертву давать;
 Доколѣ не минетъ насъ бѣдствій година!
 Всемъ чадоимвующимъ жребій бросать —
 Отъ Князя до нищаго — нѣтъ исключенья!
 Другіе сподобятся тѣмъ лишь спасенья!»

Какъ смерть, многолюдная площадь молчить,
 И люди, какъ тѣни; а Князь говорить:
 «Лишь дочь единую боги мнѣ дали,
 Какъ душу одну! Но я первый готовъ
 Во слезные дни всенародной печали
 Смиренно покорствоватъ волѣ боговъ!»
 Послышались вопли: «Да будетъ, да будетъ!
 По волѣ боговъ пусть насъ жеребій судить!»

И жребій бросаютъ — и жребій рѣшенъ....
 Плвнительный отрокъ на смерть обреченъ!
 И мать возрыдала по дѣтищѣ миломъ,
 И дѣтище въ бѣлый покровъ облекла;
 Съ толпой, въ торжествѣ погребально-уныломъ,
 На берегъ залива его отвела —
 И жертву цѣлуетъ самъ Князь на прощанъ;
 Стонъ матери слышится въ общемъ стenanъ....

Самъ Князь ее крѣпко подъ руку беретъ,
 И въ городъ отводитъ; за ними народъ;
 Влѣзаютъ на крыши и стѣны градскія,
 И башню собой полвѣнкомъ обвели,

И ждуть появленія страшнаго змія....
 Глядятъ, какъ бѣжится отрокъ вдали,
 Что жертвенный агнецъ на пастбищѣ дикомъ —
 Вдругъ воздухъ потрясса пронзительнымъ крикомъ...

Заливъ разступился — и змій роковой,
 Изъ водъ исторгаясь чешуйной главой,
 Поднялся, свился и развился широко
 Единнымъ размахомъ и, жертву схвативъ,
 Въ пучину несетъ горделиво, высоко —
 И шумно закрылся надъ ними заливъ....
 На день лишь единый Бериту пощада,
 И горькое *завтра* настанетъ для града!

И сколько пастало ужаснѣйшихъ дней!
 Берить отдастъ на свидѣнье дѣтей —
 И воютъ и вопятъ и бьются о груди,
 И сродники жертву на берегъ ведутъ.
 До смерти прискорбны Беритскіе люди;
 У Князя кровавыя слезы текутъ —
 И пасть отверзаетъ на градъ беззащитный
 Боговъ попущеніе, змій ненасытный!

И Княжеской дочери выпала смерть!
 Князь грустно воззрѣвъ на небесную твердь
 И только промолвилъ: «Ея жеребій выпалъ!»
 И, очи потупя, отшелъ во дворець.
 Беритскій народъ себя пепломъ осыпалъ:
 «Теперь-то послѣдней отрадъ конецъ!
 О боги! зачѣмъ насъ казнить такъ жестоко!
 Зачѣмъ у насъ вырвать и свѣтлое око!»

Лежить на Беритѣ безсонная почъ;
 Бесѣдуетъ съ Княземъ прекрасная дочь:
 «Зачѣмъ не могу я, какъ дщерь Іефѳаа,
 При дѣвичьихъ пѣсняхъ о прожитыхъ дняхъ,

И медленно къ смерти своей привыкая,
 Оплакивать дѣвство на вольныхъ горахъ!
 Заутра мнѣ смерть, и — родитель — какая!
 Зачѣмъ не умру я, какъ дочь Исфая?»

— «Подумай, Сидона! Коль смерть рѣшена,
 Что жъ медлить? ужъ смертью душа сражена!
 Все милое, свѣтлое мигомъ пропало;
 Осталася красная жизнь назади!
 А жреческій ножъ иль змѣнное жало —
 Не жертва ль такая жъ богамъ? Разсуди!
 Ты свято умрешь, за народъ умирая,
 Какъ дочь Агамемнона, дочь Исфая.

— «Такая жъ о смерти твоей возгрезить
 Немолчная слава! Несчастнѣй Беритъ —
 Быть можетъ — собою искупишь... Сидона!
 Отыдешь къ богамъ — такъ боговъ умоли!
 Въ тебѣ я отдамъ мое сердце изъ лона....
 Отдамъ ожерелье Беритской земли —
 Будь жертвой послѣдней, единое чадо!
 Ахъ, болѣе вѣрно богамъ и не надо!» —

«Я до-свѣту слезы съ рѣсницы сотру;
 Какъ Княжеской дѣвѣ достоинъ, умру....
 Но только молю объ одномъ, мой родитель:
 Ты съ башни гляди на погибель мою!
 Ты издали дочери будь утѣшитель
 Въ предсмертныхъ скорбяхъ! Какъ на брегъ стою —
 Все буду глядѣть на тебя — и тобою
 На смерть ободряться съ покорной душою!»

Другъ къ другу упали въ объятія.... тѣнь
 Съ Ливана слетаетъ — и тронулся день.
 Нѣжна и блѣдна, какъ лилея Сарона,
 Въ сребристой одеждѣ, въ жемчугахъ, въ цвѣтахъ,

Воздвиглася къ смерти младая Сидона,
 И съ нею весь городъ... весь городъ въ слезахъ,
 И воють и вопять, и бьются о груди,
 И волосъ терзають Беритскіе люди.

Народъ на стѣнахъ, а на башнѣ *одинъ!*
 Сидона на брегъ ужасныхъ пучинъ,
 Какъ бѣлая лебедь; покровы, что крылья,
 И вѣтръ порывается дѣву спасти,
 Отвѣять отчаянье, слезы безсилья —
 Нельзя улетѣть и не должно уйти!
 И въ грусти смертельной — какъ лебедь Стримона
 Съ разбитымъ крыломъ — оетается Сидона!

Вдругъ топоть. Вотъ витязь, въ мѣди, какъ въ огнѣ,
 Съ могучимъ копьемъ и на бѣломъ конѣ —
 Привѣтствовалъ дѣву, спросилъ и увѣдалъ,
 О чемъ она плачетъ, зачѣмъ тутъ одна;
 И рѣчи печальной онъ кончить ей не далъ:
 «О мнѣ не страшися: я ратникъ, Княжна!
 Я агницы бѣдной въ нуждѣ не оставляю;
 Я горнюю силу на змѣ прославлю!»

— «Нѣтъ, юноша добрый! меня не спасешь,
 А самъ понапрасну со мной пропадешь!
 И тысячи бѣ витязей мало для змѣя!
 Коль жертвою боги меня обрекли,
 Такъ что же возмогутъ всѣ силы людскія?
 Не мѣди, спасися, бѣги сей земли!
 Чтобъ ради меня ты погибъ, не хочу я;
 Богами молю тебя, смерть твою чуя!» —

«Напрасенъ твой страхъ — я останусь съ тобой!
 Безмолвно, Княжна, безболзненно стой
 Подъ знаменемъ крестнымъ (и витязь прекрасный
 Сидону трикратно крестомъ освѣнилъ)

Тебя не дотронется змій твой ужасный!
 Конье — что Господняя молнія! силъ
 У Господа много: свершиться же чуду...
 Гляди, какъ сражаться съ чудовищемъ буду!»

Заливъ разступился.... Какъ столпъ водяной,
 Изъ безднъ исторгается змій роковой —
 И поплылъ огромными кольцами, хлеща
 Хвостомъ, водометомъ бѣя изъ ноздрей,
 И желточешуйной громадою блеща
 На солнцѣ, въ дождѣ серебристыхъ зыбей....
 Онъ выплылъ, поднялся на лапы — и жало
 Мечемъ изъ разинутой пасти торчало!

Онъ ядомъ дохнулъ и шипучей стрѣлой
 На витязя кинулся.... Витязь молодой
 Ударилъ въ конье, и чудовище мигомъ
 Въ гортань поразилъ и къ землѣ прикомоль;
 Съ конемъ полетѣлъ чрезъ него перепрыгомъ
 И къ дѣвѣ воззвалъ: «Я его поборолъ!»
 Змій бьется отчаянно, кровью облитый;
 У дѣвы восторгомъ вспыхали ланиты.

Изъ города высыпалъ съ шумомъ народъ,
 Спасенную дѣву на руки беретъ;
 И рѣзкими клыками славятъ героя;
 Чудовище тащутъ за нимъ, веселясь;
 А онъ на конѣ, разъяренномъ отъ боя,
 Възъезжаетъ во градъ — и во срътенъе Князь:
 «Божественный юноша, града спаситель!
 Повѣдай намъ: кто ты, отважный воитель!»

На площади грозное тѣло лежитъ;
 На змій-губителя смотреть Берить;
 Тогда громогласно отвѣтствуетъ витязь:
 «Васъ боги губили — спасаетъ васъ *Богъ!*»

Не мнѣ, а *Единому Богу* дивитесь:
 Господь повелѣлъ — я дерзнулъ и возмогъ!
 Я силенъ водою и духомъ Закона —
 Я есмь Христiанинъ, поклонникъ Сіона!...»

— «Поклонимся Господу, спасшему насъ!» —
 Раздался Берита торжественный гласъ,
 И Князь продолжалъ: «Научи же насъ Слову,
 И все, чего хочешь, въ награду бери
 За подвигъ великій во славу Христову!
 Мы чѣмъ тебѣ можемъ воздать? говори!
 Все наше твое, святогшннй вонтель,
 Берита и Княжеской дщери спаситель!»

— «Прійдетъ къ тебѣ пастырь; со всеми людьми
 Ты тотчасъ святое Крещенье приими;
 Святитесь во имя Христова закона!
 Не нужно отъ васъ для меня ничего:
 Я снъ мою ставлю подъ пальмой Сіона,
 И царство мое не отъ міра сего!» —
 Конь вспыхнулъ подъ силой владѣтельскихъ чреселъ,
 И витязь помчался, о Господѣ веселъ.

Берить отродился святою водою —
 И вновь благоденствуетъ. «Что же съ тобой,
 Сидона?» — «Молюся.» — «Выдь замужъ, Сидона:
 Князь нуженъ по мнѣ для Беритской земли!»
 — «Я Божія дѣва подъ пальмой Сіона!
 Докучныхъ моихъ жениховъ удали:
 Мой бракъ — не земной! а женихъ мнѣ, Спаситель,
 Единственный другъ — святогшннй вонтель!» —

БАРОНЪ РОЗЕНЪ.

Стихотворенія

Г. Р. ДЕРЖАВИНА,

нигдѣ не напечатанныя.

I.

ОКОВЫ.

=

Лиза голову чесала
Скромно гребнемъ золотымъ;
Вырвавъ волосъ, привязала
Къ красотамъ меня своимъ;
Ставь сей скованъ цѣпью нѣжной,
Я прервать ее хотѣлъ,
Но, чрезъ опытъ, и желѣзной
Тверже цѣпи я нашель.

Съ самой той поры я въ скукъ,
Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь,
Не могу съ ней быть въ разлукъ,
Волосомъ за ней влежусь.
Тѣмъ лишь только облегчаюсь,
Что къ ней ближе приближаюсь
И касаюсь сладкихъ устъ.

II.

СИНИЧКА.

=

Синичка весеня,
 Тилякать престань!
 То время осеня,
 Зяблику дань
 Ты платишь, и таешь,
 Вдыхаешь.

Любить всемъ въ Природѣ
 Судьбой суждено,
 Но въ птичьемъ народѣ
 Ахъ! нужно одно,
 Что если пылаешь,
 Вдыхаешь.

То помни, что лѣто
 Тотчасъ протечетъ,
 Что сердце нагрѣто
 Лишь страстью поетъ.
 Но хладъ какъ встрѣчаешь,
 Вдыхаешь.

Такъ выбери жъ птичку
 Таковую себѣ,
 И въ осень синичку,
 Чтобъ жала къ себѣ
 И хладу не знала,
 Вдыхала, вдыхала, вдыхала!

III.

НЕЗАБУДОЧКА.

=

Милый незабудка цвѣтикъ,
Видишь, другъ мой, я стена
Вду отъ тебя, мой свѣтикъ:
 Не забудь меня!

Встрѣтишься ль гдѣ съ розой невной,
Иль лилеей взоръ плвня,
Въ самой страсти неизбежной
 Не забудь меня!

Ручейкомъ ли гдѣ журчащимъ
Зной омосшь лѣтня дня,
И въ жемчугъ водъ шумящихъ
 Не забудь меня!

Ветерокъ ли гдѣ порханьемъ
Кликнетъ, въ тѣнь тебя маня,
И подъ усть его дыханьемъ
 Не забудь меня!

ПРОЗА.

=

ВСЯ ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ НѢСКОЛЬКИХЪ ЧАСАХЪ.

=

ПОВѢСТЬ, ИСПОЛНЕННАЯ ФИЛОСОФИИ.

=

Скажите мнѣ, какъ рождается женщина?..... Откуда берется въ ней, въ самомъ началѣ ея существованія, въ самой почкѣ ея жизни, эта душа женскаго пола, душа сладкая, мягкая, благовонная, легкая, прозрачная, хрустальная; рдѣющая разноцвѣтными искрами, быстро играющими по мелкой ея грани, налитая эфирною нѣгою, непрерывно вспыхивающая пламенемъ молнійныхъ ощущеній; насыщенная любовію, втягивающая въ себя любовь отсюду, изъ вещественной атмосферы, изъ умственнаго міра, изъ вымысла, изъ надеждъ, изъ обманчивыхъ видѣній, подобно тому, какъ игла громоваго отвода втягиваетъ въ себя разлитое вокругъ нея въ воздухъ и облакахъ электричество; блестящая любовію, дышащая любовію и испаряющаяся изъ тѣла въ горячій туманъ любви?..... душа, съ розовыми понятіями, съ свѣтлыми чувствами, съ лучезарнымъ воображеніемъ, съ отраднымъ началомъ вѣры

и горькими съменами земнаго счастья; чистая, какъ само счастье, и робкая, какъ добродѣтель; кроткая, стыдливая, слабая, и безпечная; страшашаяся ядовитаго жала опытности, и какъ опытность проникательная?.....

Не есть ли это только блистательная, но неосязаемая радуга, производимая отраженіемъ лучей нѣжности, красоты и прелестей ея тѣла?.....

Но любовь!..... но непреложное, неизгладимое желаніе любить?..... Нѣтъ! эта душа должна быть частицею безконечнаго объема божества, наполняющаго міръ, имъ созданный; но частицею отторгнутою отъ него съ другаго боку, не съ того, откуда взята душа мужская.

Скажите мнѣ еще и то, почему, при всегдашнемъ замѣшательствѣ, господствующемъ въ дѣлахъ рода человѣческаго, никогда такая душа, во время рожденія, не попадетъ въ жесткое, мѣдное мужское тѣло, ни душа мужская, душа смѣлая, гордая, сильная, брыкливая, жадная крови, увлажненная началами всѣхъ высокихъ добродѣтелей и всѣхъ нечистыхъ страстей, душа безъ страха, безъ врожденнаго стыда, безъ состраданія, не завалится случайно въ тихое, роскошное, пуховое тѣльце дѣвушки? По крайней мѣрѣ, всѣ Члены Общества Испытателей Природы утверждаютъ, что этого никогда не бываетъ. По положенію, оно можетъ быть такъ въ самомъ дѣлѣ; но въ практикѣ, я думаю, случаются въ этомъ отношеніи большія, ужасныя, непростительныя ошибки.

Какъ бы то ни было, я очень сожалею, что не родился дѣвушкою. И, наблюдая со вниманіемъ не-

земную красоту женской души, я не понимаю даже, какъ можно въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ согласиться быть мужчиною; какъ всѣ люди давно уже не переродились въ женщинъ; какъ вся Природа не оборотилась, напримѣръ, молодою, прекрасною, чувствительною Графиною?..... Какъ тогда было бы весело на свѣтъ! Мы не знали бѣ ни пушекъ, ни сраженій, ни революцій. Вся земля была бы одною огромною модною лавкою, вся наша солнечная планетная система однимъ необъятнымъ Англійскимъ магазиномъ.

Словомъ, я въ отчаяніи, что я не дѣвушка. И вы тоже, не правда ли?..... И, сказать по совѣсти, изъ чего бьемся мы на свѣтъ, служимъ, кланяемся, хлопочемъ?..... То ли дѣло, если бѣ я и вы, благосклонные подписчики этого Журнала — да умножится число ваше до безконечности! — были миленькими, пригожими дѣвушками, въ коротенькихъ розовыхъ юбочкахъ, съ пестрыми шелковыми передничками! Насъ тотчасъ отдали бѣ, всѣхъ вмѣстѣ, въ дѣвичій пансіонъ.

А въ пансіонъ другой свѣтъ, другое житье! Сто, двѣсти, триста существъ, хорошенькихъ, смазливыхъ, обворожительныхъ, невинныхъ, и худыхъ и жирныхъ, и бѣлыхъ и черныхъ, и прямыхъ и кривыхъ, учатся для виду, на дѣлѣ беззаботно порхають мыслию за потѣхами, за игрушками, за наслажденіями; то вьжуютъ дружбы на тѣхъ же прутикахъ, какъ и шелковыя сѣтки, то порюютъ сѣтки и дружбы, то ищутъ отрады въ примиреніяхъ, то шепчутся, то перемигиваются, то дуются, то передразниваютъ, то заглядываютъ на улицу, то заводятъ глубокія тайны, то исподтишка высовываютъ языки гувернанткамъ, то слегка упражняются въ любезномъ лице-

мърствѣ, то мечтають о балахъ и любви, и, за недостаткомъ лучшаго, пробуютъ свои сердца на блѣдныхъ, угрюмыхъ, педагогическихъ лицахъ учителей. Ленты и мѣстоименія, сѣлетни и причастія, злословіе и таблица умноженія, прелести нѣжной страсти и эпохи Древней Исторіи, моды и Катихизисъ, антреша и добродѣтели Нравоученія, локоны, косы, рѣпки, моря, Олимпъ, Парижъ, Каменный Островъ, кружатся омутомъ въ этихъ быстрыхъ, вѣтренныхъ, игривыхъ воображеніяхъ, образуя въ нихъ, какъ кусочки цвѣтнаго стекла въ калейдоскопъ, всякой разъ новые, всякой разъ болѣе и болѣе любопытные, но всегда блестящіе, но всегда веселые, стройные, пестрые, причудные, сжатые, расприснутые фантазматическіе узоры, которые забавляютъ ихъ, смѣшать, радуютъ, развлекаютъ мгновенно, — потомъ вдругъ исчезаютъ, не оставляя послѣ себя ни какого слѣда, ни какого воспоминанія, кромѣ чувства минувшаго удовольствія и жажды новаго наслажденія. Прелесть, вѣдь, быть дѣвушкою, и образовать свой умъ и свое сердце въ пансіонѣ!.....

И до какого совершенства можно довести ихъ такимъ образомъ! Пансіонѣ есть свѣтъ въ уменьшенномъ видѣ, полный свѣтъ въ маломъ размѣрѣ, свѣтъ сжатый, сокращенный, который удобно можно было бы положить въ табакерку; но тамъ есть все, — все, что ни задумаете!..... Какъ вы никогда не бывали дѣвушками, то вѣрно и не знаете, — а я знаю изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ, знаю офиціальнымъ образомъ, — что тамъ, въ пансіонахъ, между дѣвушками нногда есть даже тайныя Общества, о которыхъ полиція по сю пору и помятія не имѣетъ; общества гибельныя, разрушительныя, ужасныя, настоящіе Тугендбунды въ корсетъ. Они, подобно Нѣмецкимъ и Италіянскимъ революціоннымъ союзамъ,

раздѣляются на степени, имѣють свои установленные обряды и стремятся къ опредѣленной, имъ только известной, цѣли. Степеней, — вѣдь я все знаю! — степеней обыкновенно бываетъ три: крошки, подростки и дѣвицы. Къ первой принадлежать дѣвушки моложе двѣнадцати лѣтъ: тѣ не смѣють ни о чемъ знать, ни говорить, и чувства свои могутъ только изливать передъ куклами. Во второй разрядъ поступаютъ на тринадцатомъ году жизни: здѣсь уставъ Общества позволяетъ уже разсуждать, тихонько и понемножку, о любви и мужчинахъ, даже избирать себѣ почетныхъ любовниковъ. Третья и самая высокая степень, обладающая великою тайною Общества, состоитъ исключительно изъ розовыхъ существъ лѣтъ четырнадцать и болѣе, у которыхъ платье на груди начинаетъ прелестно вздуться: онѣ шепчуть только между собою, и ежели признають полезнымъ присоединить къ своему кругу которую нибудь изъ подростковъ, то напередъ избирають одну изъ среды своихъ сестеръ, для предварительнаго изложенія ей правилъ и тайны союза. Просвѣщенная такимъ образомъ дѣвушка въ цѣломъ пансіонѣ уже именуется дѣвицею, и участвуетъ во всѣхъ совѣщаніяхъ и забавахъ новыхъ своихъ пріятельницъ. Хотите ли, чтобъ я сказалъ вамъ эту завѣтную, ужасную тайну?..... Такъ и быть: зажмурьте глаза, заткните уши, трепещите и слушайте: слушайте со вниманіемъ, ибо это важное дѣло! — эта тайна есть знаніе того, что и какъ будетъ..... Нѣтъ, не скажу!

Я не либераль, не революціонеръ, — это всѣмъ вѣзвѣстно! — и терпѣть не могу тайныхъ Обществъ; но, признаюсь, не смотря на данную мною подписку не принадлежать ни къ какимъ непозволительнымъ союзамъ, крайне желалъ бы быть принятымъ въ члены этой третьей степени. Сколько узналъ бы

я тамъ любопытныхъ вещей, опасныхъ для спокойствія всякаго благонамѣреннаго человѣка, которыхъ ни Майнцская, ни Франкфуртская Слѣдственныя Комиссіи не привели въ ясность и не обнаружили!..... Но полно разсуждать о томъ, какъ развертываются дѣвичьи понятія въ нѣкоторыхъ дѣвичьихъ пансіонахъ. Не надо попустому страшать тѣхъ, которыхъ невѣсты еще обучаются въ нихъ нравственности и танцамъ. Увы! — почему знать? — можетъ-статься, въ эту минуту и моя суженая гдѣ нибудь поступаетъ въ члены третьей степени!.....

Оленька Р*** воспитывалась также въ многочисленномъ кругу своихъ сверстницъ, только не въ пансіонѣ. Она имѣла счастье быть отданною родителями въ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ Институтовъ, гдѣ нравственность, невинность и добродѣтель господствуютъ не только во всѣхъ уголкахъ сердца и воображенія дѣвушекъ, но и по всѣмъ угламъ дома; гдѣ частныя уваженія не руководствуютъ мѣрою общаго присмотра; гдѣ воспитанницы не повѣляютъ своими начальницами. Я, будучи дѣвучкою, ни за какое благо не согласился бы образоваться въ такомъ заведеніи; но если бъ у меня была дочь, немедленно отдалъ бы ее туда, — и отдалъ бы только туда. Я человѣкъ со странными понятіями: хочу, чтобъ дѣвучка до шестнадцатилѣтняго возраста была безъ мысли и безъ чувства, какъ Всеобщая Географія; чтобъ ея сердце говорило отнюдь не внятнѣе и не умнѣе фортепіана; чтобъ она не жила, но только существовала, подобно златницѣ, заключенной въ своей плевѣ; чтобъ она была настоящею монастыркою, и, особенно, чтобъ не принадлежала ни къ какому въ свѣтѣ тайному Обществу. Я аристократъ спальни, и боюсь вліянія тайныхъ Обществъ на безопасность завоеванныхъ моимъ поломъ правъ

и преимуществъ мужчины. Словомъ, я требую, чтобъ дѣвушка была мертвою, холодною статуею до тѣхъ поръ, пока не прійдетъ ей время выйти замужъ, и чтобъ она одушевилась, когда начну я на ней свататься.

Олинъка Р*** совершенно соответствовала моимъ понятіямъ о воспитаніи женщинъ и о лицахъ, долженствующихъ входить въ составъ женскаго пола. Ея сердце спало шестнадцать лѣтъ сряду; душа ея, чистая, свѣтлая какъ зеркало, никогда не отражала другихъ предметовъ, кромѣ учебныхъ. Она не знала, ни для чего она создана, ни что будетъ дѣлать на свѣтѣ; она не имѣла ни какого понятія о счастіи, никогда не думала о любви; полагала, что свѣтъ и существованіе оканчиваются за стѣною институтскаго сада, и мужчинъ считала людьми другой націи, иностранцами на землѣ, Нѣмцами царства Природы, существами гораздо ниже, грубѣе женщинъ, выдуманнѣи единственно для того, чтобъ быть учителями, дѣячками и инвалидами. Если бъ ей не сказали, что послѣ экзамена надо покинуть Институтъ, она безъ сожалѣнія согласилась бы остаться въ немъ навѣки, и даже часто размышляла о томъ, какъ скучно ей будетъ жить въ городѣ безъ классныхъ дамъ, и сидѣть въ креслахъ въ гостиной между незнакомыми лицами, а не на скамейкѣ, со школьницами подругами. Безъ ощущеній, безъ удовольствій, безъ непріятности, она такъ же безчувственно дождалась роковаго дня выпуска воспитанницъ, какъ за шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ минуты перваго пришествія своего на свѣтъ послѣ девятимѣсячнаго заключенія въ чревъ своей матери. И сказать по справедливости, она родилась только въ день своего выпуска изъ Института: все предшествовавшее время была она улиткою, — но улиткою Чермнаго

Моря, красивою, блистательною, прелестною улиткою, устроенною такъ правильно, такъ ровно, легко, искусно, чудесно, что почти нельзя вѣрить, чтобъ это было добровольное и случайное произведеніе животнаго организма, а не игрушка, нарочно сдѣланная для обвороженія глазъ и потѣхи человѣка; написанною такими нѣжными, роскошными цвѣтами, что чуть-чуть не согрѣшишь, сказавъ въ восторгъ: ей ей это обманъ! тутъ непременно рука художника пособила Природѣ!..... Словомъ, Оленька была нова душою, какъ дитя, и полная, взрослая красавица тѣломъ, — ибо въ число моихъ понятій о воспитаніи женскаго пола входитъ и то, что дѣвушка должна выпускаться изъ учебнаго заведенія, между прочимъ, совершенною красавицею. По моей системѣ, это условіе *sine qua non* хорошаго женскаго образованія. Я уже сказалъ вамъ, что я странный человѣкъ!

Простясь самымъ трогательнымъ образомъ съ своими пріятельницами, вся въ слезахъ, исполненная глубокой печали, грусти, даже отчаянія, Оленька Р*** съла съ маменькою въ карету, и уехала изъ Института. Первый разъ въ жизни ощутила она въ сердцѣ горечь, — и въ ту минуту дѣйствительно, безвозвратно родилась на свѣтъ, — на свѣтъ человѣческой. И при этомъ рожденіи испытала она надъ собою всѣ ощущенія младенца, впервые появляющагося въ ликъ живущихъ созданій: блескъ этого великаго, вызолоченнаго, отполированнаго, движущагося, суетящагося свѣта ослѣпилъ ея зрѣніе. Воздухъ, потрясаемый безчисленными страстями, безчисленными сплетнями, раздорами, тщеславіемъ, гордостью и жадностью огромнаго сборища людей, мутный отъ происковъ, сырой отъ глупости, больно раздиралъ нѣжный тимпанъ ея уха, угне-

талъ ея безмятежную грудь, душилъ ея, производилъ круженіе въ головѣ. Она опять стала плакать, сожалѣя о тишинѣ своего Института; маменька тщетно ея утѣшала; она все плакала, — плакала горько, сама не зная о чемъ, — какъ вдругъ карета повернула на Невскій Проспектъ, и длинный рядъ искусно развѣшенныхъ за стекломъ газовыхъ эшарповъ, шелковыхъ тканей, пышныхъ лентъ, вуалей, шляпокъ и блестящихъ игрушекъ бросился ей въ глаза и отразился огненнымъ пучкомъ розовыхъ, голубыхъ и желтыхъ лучей въ крупной, алмазной слезѣ, висѣвшей на ея рѣсницахъ; и сіяющая ими слеза упала на ея ланиты, и распырилась въ яркія, радужныя искры улыбки, озарившія своимъ свѣтомъ все ея лице и душу. Олинька вскрикнула: — Ахъ, маменька! какъ это мило!..... — и съ того времени начала жить полною жизнію женщины. Она почувствовала въ себѣ желаніе нравиться, прельщать, казаться краше самой себя. — Маменька, какія неподобныя вещи! — Она хотѣла бы тотчасъ нарядиться во все, что только видѣла, чтобъ быть красивою и счастливою. — Маменька, ты купишь мнѣ эти наряды?..... Не правда ли? — Она съ жадностью ловила взоромъ быстро мелькающія украшенія, не слушая отвѣта маменьки, и восхищалась ихъ видомъ. Олинька Р*** была уже счастлива. Несчастлива Олинька!.....

=

У Олиньки Р*** были отецъ и мать: отецъ, — какъ обыкновенно водится, — Иванъ Ивановичъ; мать, Анна Петровна.

У отца были двѣ тысячи душъ крестьянъ, прекрасный домъ съ колоннами на Фонтанкѣ, и сто пятьдесятъ тысячъ дохода, безъ долговъ. Въ молодости, онъ служилъ по разнымъ департаментамъ: онъ и теперь вѣроятно числится гдѣ нибудь на службѣ, хотя о томъ не говоритъ ни слова. Но повсюду испытывалъ онъ «неудачи»: по его словамъ, испытывалъ ихъ потому, что не умѣлъ кланяться; по словамъ его пріятелей, потому, что не умѣлъ ничего дѣлать. Онъ нѣкогда былъ высококомѣренъ, хотѣлъ непременно вскарабкаться на высокое, очень высокое званіе, дослужиться чиновъ, лентъ, почестей, — и всѣми мѣрами, всѣми средствами, дослужился только 6-го класса. Онъ нѣкогда дышалъ честолюбіемъ, потѣлъ честолюбіемъ, былъ весь покрытъ прыщами честолюбія; но на длинномъ пути къ 6-му классу простудился, и честолюбіе вошло у него въ тѣло, по которому разлилось подобно подагрѣ. Теперь, вогнанное въ кровь чиновное начало производитъ въ немъ ломоту въ костяхъ, боль въ спинѣ, колотье въ боку. Духъ его окисъ. Онъ страдаетъ скрытымъ Превосходительствомъ. Онъ недоволенъ всѣмъ, и особенно возстаетъ противъ чиновъ, противъ страсти служить и дослуживаться. Однако жъ, я знаю, что онъ и теперь гдѣ-то служить, исподтишка. Жена всякое утро говоритъ ему, что онъ дуракъ, ни къ чему не способенъ. Годовой докторъ всякое утро прописываетъ ему лекарство отъ спазмовъ. Но, послѣ каждаго повышенія чинами его пріятелей и знакомцевъ, онъ долженъ, для здоровья, принять слабительное, и держать весь день ноги на кувшинѣ съ кипяткомъ.

Въ вистъ играетъ онъ по маленькой; чорта страхъ боится, а ходитъ всегда съ послѣдней въ масти.

Однажды, рѣшился онъ быть дѣятельнымъ и у-

серднымъ, и передъ Новымъ годомъ, когда заготовлялись представленія къ чинамъ и знакамъ отличія, побхалъ къ своему начальнику играть въ вистъ по пяти сотъ рублей. Онъ проигралъ двѣ тысячи. Воротившись домой, онъ выбранилъ жену за напрасную трату денегъ на наряды, и приколотилъ всѣхъ лакеевъ за нерадѣніе объ его пользахъ.

Вотъ Иванъ Ивановичъ !

А что касается до Анны Петровны, то она румянилась, наряжалась, тѣдила съ визитами, днемъ развозила сплетни, ввечеру разливала чай. Объ ней сказать нечего : она была настоящей женскій — 0, нуль.

Развѣ то, что нѣкогда была она красавица, и имѣла многихъ обожателей?..... что, пока мужъ коптѣлъ въ одномъ и томъ же классѣ, она нерѣдко успѣвала перемѣнить десятерыхъ домашнихъ друзей?..... что она не обращала ни какого вниманія на мужа, ни на его скупость, и дѣлала все, что хотѣла?..... Въ самомъ дѣлѣ, было время, когда Иванъ Ивановичъ не смѣлъ и пикнуть передъ своею женою. И тогда ея знакомки въ цѣломъ Петербургѣ, всякое божіе утро браня своихъ супруговъ, говорили имъ : — Анна Петровна, вотъ умная женщина!

Или то, что нѣкогда у нея была дочь, которая росла, росла, росла, и выросла до десяти лѣтъ, а Анна Петровна ничего объ этомъ не знала?.... Но, однажды, она какъ-то примѣтила это по короткости ея юбки, и стала серіозно думать о дочери. Въ этомъ возрастѣ дочери обыкновенно начинаютъ быть помѣхою для матерей — красавицъ, желающихъ еще утѣшать людей своей чувствительностью. Люди постигли эту истину, и, для облегченія матерей,

мигомъ выдумали дѣвичьи пансіоны: таково было начало женскихъ учебныхъ заведеній. Анна Петровна оцѣнила всю пользу этой въжливой выдумки, и рѣшилась отдать дочь въ какой нибудь пансіонъ. Посчастію, она случайно отдала ее въ одинъ Институтъ, и Олинъка была спасена случайно.

Анна Петровна говаривала своему мужу: — Чтожь?... ты служишь, служишь, и ничего не видно: я все Высокоблагородная!..... Надобно давать балы.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ ей: — Ну вотъ!..... вздумала!.....

Иванъ Ивановичъ говаривалъ въ свою очередь:

— Когда жъ увидимъ мы Олинъку? Я люблю ее; она похожа на меня, какъ двѣ капли воды; она моя дочь.

И Анна Петровна отвѣчала: — Ну, вотъ!..... вздумалъ!.....

Вотъ Анна Петровна!

Наконецъ Анна Петровна состарѣлась, Иванъ Ивановичъ ничего не дослужился, Олинъка окончила свое воспитаніе. Они взяли ее къ себѣ, привезли домой, и расцѣловали. Бѣдная Олинъка!.....

Теорія супружеской жизни основана вся на противоположностяхъ: когда мужъ вспыльчивъ, жена должна быть кротка, и обратно когда мужъ мотъ, жена должна быть скупа, и обратно; когда мужъ проигрываетъ въ карты, жена должна выигрывать, причемъ позволяется ей даже немножко плутовать, и такъ далѣе. Въ этомъ состоитъ домашнее счастье. И такъ, когда простуженное честолюбіе пошло у Ивана Ивановича въ кости, у Анны Петровны оно высъшало пятнами по всей кожѣ. Оставленная красотою и ея любителями, она непременно пожелала

ть Превосходительною. Но на мужа нечего уже было надѣяться: онъ повсюду встрѣчалъ «неудачи». Анна Петровна задумала дѣйствовать сама, и добратъся до 4-го класса посредствомъ своей дочери. Иванъ Ивановичъ согласился съ нею, что это тоже очень хорошее средство.

— Твой начальникъ, я слышала, ищетъ богатой невѣсты? сказала она.

— Да! ищетъ; онъ теперь въ большой силѣ, сказалъ онъ.

— Наша Олинъка была бы ему какъ разъ въ пору, сказала она.

— Да! мы могли бѣ, покаместъ, дать за нею пятьдесятъ тысячъ дохода, сказалъ онъ.

— Но дочь была бы Превосходительная, а мать нѣтъ: это нейдетъ!..... сказала она.

— Да! это нейдетъ!..... сказалъ онъ.

— Но, ежели онъ въ большой силѣ, то ему не многого стоило бѣ вывести насъ тоже въ Превосходительные?..... сказала она.

— Да! конечно; на то есть разные законныя средства, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ же ты по сю пору не употребилъ ихъ? сказала она.

— Были, душенька, законныя препятствія къ моимъ успѣхамъ по службѣ, именно, «неудачи», сказалъ онъ.

— Предоставъ же это мнѣ! воскликнула Анна Петровна съ жаромъ. Ты ни къ чему неспособенъ. Я покажу тебѣ, какъ надо служить. Я слажу это дѣло.

И она сладила. При пособіи двухъ тетушекъ, четырехъ своячениць, трехъ двоюродныхъ сестеръ и одной кумы, заключенъ былъ съ начальникомъ Ивана Ивановича формальный трактатъ на слѣдующихъ условіяхъ, изображенныхъ яснымъ, прочнымъ, чистымъ канцелярскимъ слогомъ, ибо Его Превосходительство не вѣрить ни какому другому слогу, «нынѣ учеными употребляемому».

Т Р А К Т А Т Ъ.

I.

«Начальникъ его, Ивана Иваповича, сочетается бракомъ съ дочерью ея, Анны Петровны, по имени Олиньюкою, немедленно послѣ выпуска оной изъ «Института, и получить отъ родителей ея, Олиньюки, въ счетъ приданого, шестьдесятъ тысячъ рублей годоваго дохода тотчасъ, остальную же часть онаго — дать Богъ! — по кончинѣ реченныхъ родителей оной Олиньюки.»

II.

«Оная Анна Петровна обязуется заставить ее, Олиньюку, любить онаго Начальника его, Ивана Ивановича, какъ своего собственнаго.»

III.

«До благополучнаго совершенія на сихъ и оныхъ вышеупомянутыхъ условіяхъ брачнаго обряда, оный Начальникъ имѣеть представить его, Ивана Ивановича, къ чину Статскаго Совѣтника, и чрезъ два года пріискать законныя причины къ произведенію его же въ Превосходительные.»

IV.

«Отвѣтственность за всѣ могущія случиться неуда-
«чи — отъ чего Боже сохрани! — лежитъ исключительно
«но на ономъ Начальникѣ, яко человекѣ въ боль-
«шой силѣ, ищущемъ невѣсты, супружескаго сча-
«стія и онаго приданаго.»

Иванъ Ивановичъ утвердилъ этотъ трактатъ своею
верховною мужниною властью, и размѣнъ ратифи-
каціей совершился торжественнымъ образомъ въ сере-
динѣ гостиной: подчиненный предложилъ зятю-
начальнику понюхать его табаку, и взаимно началь-
никъ поподчивалъ подчиненнаго тестя щепоткою изъ
своей табакерки; оба они въ одно время важно втя-
нули въ себя носами отраднѣй, душистый порошокъ,
съ длиннымъ, длиннымъ наслажденіемъ; оба вмѣ-
стѣ нѣжно посмотрѣли другъ на друга подернутыми
слезною влагою, сверкающими глазами, и оба вмѣ-
стѣ воскликнули съ удивленіемъ: — А!!! славный
вашъ табакъ!.....

И судьба Олинки рѣшилась!

При всякомъ трактатѣ бываютъ секретныя
статьи: онѣ находились и въ договорѣ, заключен-
номъ уполномоченными тетушками, свояченицами и
кузинами между начальникомъ и его подчиненнымъ,
но были условлены прямо отъ имени Анны Пет-
ровны и утверждены ею, безо всякаго участія и въ-
дома Ивана Ивановича: потому — то онѣ и называ-
лись секретными.

СЕКРЕТНЫЯ СТАТЬИ.

I.

«Анна Петровна обязуется одержать верхъ надъ
«скупостью мужа своего, Ивана Ивановича, путемъ

«убѣжденія, а въ потребномъ случаѣ и дѣйствитель-
«нѣйшими средствами, и довести его до того, дабы
«реченный мужъ, Иванъ Ивановичъ, далъ велико-
«лѣпный балъ вскорѣ послѣ выпуска Олинки изъ
«Института.»

II.

«Въ началѣ означеннаго бала Олинка имѣеть
«равнодушно танцовать съ молодыми людьми въ за-
«мѣ, а договаривающійся начальникъ его, Ивана
«Ивановича, будетъ, по положенію, играть въ вистъ
«въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ. Она Анна
«Петровна не упустишь сдѣлать оному мужу своему
«надлежащее предложеніе о составленіи приличной
«партіи для него, начальника и будущаго зятя.»

III.

«Въ промежуткахъ между робберами, оный началь-
«никъ его, Ивана Ивановича, будетъ любезничать
«съ Олинкою.»

IV.

«Анна Петровна отвѣчаетъ за благопріятное дѣй-
«ствіе начальническихъ его впечатлѣній надъ не-
«виннымъ сердцемъ ея дочери.»

Начальникъ исполнилъ безъ отлагательства III-й пунктъ трактата, — зря выше — но приведеніе въ дѣйствіе I-й секретной статьи со стороны Анны Петровны не обошлось безъ крика, слезъ и бури. Она принуждена была прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ: топнуть ногою и закричать: — Я такъ хочу!...

Иванъ Ивановичъ долженъ былъ заткнуть уши и сказать:

— Согласенъ, согласенъ, душенька!..... Пусть будетъ по твоему: только я боюсь «неудачи».....

=

Ахъ, если бѣ вы знали Олиньку! Если бѣ видѣли ея плѣнительное, овальное лице, чистое, гладкое, нѣжное, свѣтлое, какъ снѣгъ, и розовое, какъ заря, исполненное жизни и стыда, покоя и темнаго предчувствія бурныхъ движеній страсти; ея большіе голубые глаза, въ которые беззаботно смотрѣла душа ея на свѣтъ, какъ на цвѣтникъ институтскаго сада; по которымъ роскошно плавали два бѣлья, свѣжія, атласныя вѣка съ длинными, черными рѣсницами; ея багряныя, пурпуровыя, маленькія уста, созданныя только для улыбки, поцѣлуя, пламенныхъ клятвъ и выраженія сердечнаго счастья; ея зубки, ея волосы, ея ручку, ея ножку, тонкую, мелкую, застычивую ножку!..... Если бѣ еще взглянули вы украдкою на полное, круглое, сахарное, на бѣлое и прозрачное какъ слоновая кость, плечо ея, когда наколдованная сладострастіемъ коварной модистки эполетка газоваго платья тихонько обнаруживала его, скользя таинственно по зеркальной кожѣ, и, зажегши кровь зрителя, опять быстро взбѣгала на гладкое возвышеніе и закрывала его легкою, стыдливою тканью: вы навѣрное сошли бѣ съ ума, или заплакали объ Олинькѣ!.....

Я зналъ ее, то есть, зналъ такъ, какъ можно знать молнію, которая гаснетъ въ минуту своего рожденія, ослѣпивъ глаза любопытнаго. Олинька промелькнула въ туманной атмосферѣ земной жиз-

ни, подобно громовой искрѣ, которая съ быстротою мысли выливается изъ яркаго сѣрнаго огня длинную, зубчатую, пзломанную линію, и величественно нарисовавшись на черномъ грунтѣ тучи, исчезаетъ навсегда съ быстротою обманутой надежды. Надобно было завидѣть ее въ это мгновеніе ока: теперь уже никто изъ насъ ее не увидитъ!.....

Привезенная домой маменькою послѣ обѣда, она провела остатокъ перваго дня въ сладостномъ смятеніи незнакомой свободы и давно забытыхъ ласкъ родителей, которые чрезвычайно разнѣжились съ нею, и, наигравшись съ своимъ образомъ, отраженнымъ въ дочери и долженствовавшимъ продолжать ихъ жизнь послѣ кончины, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ цѣловали въ ней, нюхали, прижимали къ сердцу Превосходительство. Измученная ихъ любовью, Олинька легла спать рано, и спала, спокойно какъ ангелъ, до девяти часовъ утра. Мухи разбудили ее. Она раскрыла глаза, сама не помня, гдѣ находится, и была пріятно изумлена неожиданнымъ видомъ двухъ бальныхъ платьевъ, висящихъ передъ кроватью, и множества пышныхъ матерій, блондъ, лентъ, платковъ, платочковъ, золотыхъ украшеній и миленькихъ игрушекъ, разложенныхъ со вкусомъ и кокетствомъ на двухъ столикахъ. Всѣ чувства занграли въ Олинькѣ. Олинька соскочила съ постели, какъ-бы вытолкнутая пружиною, и босая, полунагая, поддерживая рукою валящуюся съ плечь рубашку, побѣжала къ розовому платью; потомъ побѣжала къ бѣлому; потомъ опять къ розовому; потомъ къ столикамъ; потомъ снова къ платьямъ. — Ахъ, какія они милыя!..... Прелесть!..... Чудо!..... Маменька!..... гдѣ ты?..... Какія вещи!..... Какъ здѣсь весело!.... Сегодня мое рожденіе: это все подарки маменьки!.... Ка-

кая она добрая!..... Какая она добрая!..... Какое чудесное платье!..... — Олинька подходила ко всякой вещи, и разсматривала ее съ восхищеніемъ; отступала нѣсколько шаговъ, и смотрѣла на нее издали съ новымъ восхищеніемъ; садилась на постели, и съ восхищеніемъ развертывала на колынахъ куски изящныхъ разноцвѣтныхъ тканей; и опять вставала, и опять смотрѣла, и опять садилась, и при всякомъ новомъ положеніи тѣла испытывала новое ощущеніе счастья.

Дверь отворилась, и маменька важно вошла въ ея спальню. Она опять прыгнула съ мѣста, какъ стрѣла, нечаянно тронутая тетивою, и бросилась къ маменькѣ на шею. — Маменька!..... какая ты добрая!..... какія платья!..... какія ленты!..... Это все для меня, маменька?..... — Она цѣловала маменьку, жала ея шею своими полными, алебастровыми руками, душила ее отъ всего сердца и не допускала отвѣчать.

— Для тебя, другъ мой!..... для тебя!..... говорила Анна Петровна, цѣлуя дочь и задыхаясь въ ея объятіяхъ. Для тебя, мой ангелъ!..... Сегодня твое рожденіе, и у насъ будетъ балъ.

— Балъ!!..... вскричала Олинька, отскочивъ назадъ. Сегодня у насъ балъ?..... Ахъ, маменька!..... ахъ!..... у меня голова кружится..... Сегодня балъ!

— Душенька, ты танцуешь въ одной рубашкѣ....

— Маменька, — балъ!..... Я не знаю, что со мною дѣлается!.....

— Ты простудишься, мой другъ!..... Лягъ въ постель, или приодѣнься немножко.

Олинька поспѣшно надѣла зеленія шитыя золотомъ туфли на бѣлую босую ножку, накинула на себя чернѣйшій платокъ, собрала свои волосы, свернула ихъ и утвердила гребнемъ на головѣ; и въ этомъ простомъ, фантастическомъ нарядѣ она могла поспорить о красотѣ и изящности съ самою блистательною мечтою сладострастной Греческой Мифологій. Мелькомъ заглянувъ въ зеркало, она увидѣла въ немъ себя, и улыбнулась отъ удовольствія. Мать поцѣловала ее съ умиленіемъ, и подумала: — Она такъ же хороша, какъ была я, двадцать лѣтъ тому назадъ.

Въ эту минуту, горничная вошла въ комнату, съ горшкомъ розъ на рукахъ, говоря, что Праксковья Петровна прислала поздравить Олиньку этимъ подаркомъ.

— Вели благодарить тетюшку! разсѣянно отвѣчала Олинька, не смотря на розы, и съ жадною радостью перебирая ленты и матеріи, разложенныя на столикахъ, которыя десять разъ брала она въ руки, и десять разъ бросала, бѣгая съ ними къ зеркалу, прижимая къ лицу, и повторяя: — Очень мило!..... Очень мило!.....

Мать таинственно взяла ее за руку, и повела къ великолѣпному новому шкафу, который, въ одинъ поворотъ ключика, отворился настежь, обнаруживъ рядъ прекрасныхъ капотовъ и платьевъ. Олинька вскричала: — И это тоже для меня?..... Ахъ, маменька, этого ужъ слишкомъ много!..... Бѣлое платье!..... Какое оно нарядное!!.....

Тогда, какъ Олинька, взявшись пальчиками за край платья, раскинула его и разсматривала съ восхищеніемъ, Анна Петровна, у которой сердце сильно

билось въ ту минуту, обняла ее дрожащими руками, приклонила къ себѣ, и поцѣловала въ лобъ.

— Знаешь ли, Оленька, что это за платье?

Оленька посмотрѣла ей въ глаза съ недоумѣніемъ.

— Это, маменька, кажется?..... Это не бальное платье.....

— Это твое подвѣчное платье.

Оленька покраснѣла.

— Мы уже приискали для тебя жениха, прекраснаго, степеннаго человека..... въ генеральскомъ чинѣ!..... со звездою!.....

Оленька, чтобъ скрыть свое смущеніе, забила голову въ шкафъ, и съ притворнымъ вниманіемъ разглядывала поочередно платья и капоты, трепеща со страху.

— Ты, мой другъ, сегодня познакомишься съ нимъ на балѣ. Онъ тебѣ непременно понравится.....

Оленька хотѣла сказать: — маменька!..... вѣдь онъ мужчина!..... Я мужчинъ боюсь! — и, покраснѣвъ ужасно при одной мысли о мужчинѣ, она придвинула глаза къ гроденаплевому капоту, который непрерывно ворочала передъ свѣтомъ, повторяя: — Не правда ли, маменька, что это очень милый цвѣтъ?.....

— Если ты меня любишь, то будешь съ нимъ сегодня въжлива и любезна.....

Оленька побежала отъ шкафа къ столику, и отъвѣчала ей: — Какой прелестный фермуаръ!..... Это все брилліанты, маменька?

Измученная равнодушіемъ дочери къ подобному извѣстію, Анна Петровна пошла за нею къ столику

съ недовольнымъ лицомъ, продолжая свое увѣщаніе.

— Олинъка!..... ты дурачишься!..... Оставь, прошу, свою институтскую скромность.... Я говорю съ тобой серьезно. Ты уже въ свѣтъ, и мы заботимся о твоёмъ счастіи. Другъ мой!..... когда представляется хорошая партія, никогда не надо пропускать случая..... Иная, потому, что искала мужа по своему вкусу, навѣкъ осталась въ дѣвкахъ..... На что долго выбирать жениха?..... Ахъ, душенька!..... мужчины всѣ одинаковы!!.....

Олинъка, во время этой поучительной бесѣды, разсыянно копалась въ тканяхъ, примѣрляла браселетки, мѣла ленты, шпталась складывать ихъ въ причудливые банты, и слушала наставленіе нѣжной родительницы; но ея руки и ноги были холодны, какъ ледъ, ея розовые ногти обилвались синимъ, гробовымъ цвѣтомъ; она дрожала и часто отворачивала голову, чтобъ перевести духъ. Что жъ ей такъ не понравилось въ этомъ предложеніи?..... Многое: Во-первыхъ, звѣзда; во-вторыхъ тонъ разсужденія маменьки. Сверхъ того, Олинъка никогда въ жизни не думала о мужѣ, ни о замужествѣ, и испугалась, какъ громоваго удара, внезапнаго объявленія о скорой свадьбѣ и о сдѣланномъ уже выборѣ друга. Она отнюдь не знала, какимъ порядкомъ должно это происходить въ Природѣ; но ея сердце чувствовалю, независимо отъ нея самой, что его лишаютъ врожденныхъ правъ, что у него отнимаютъ свободу, единственную свободу, предоставленную женщинѣ чловѣкомъ. О! въ этомъ отношеніи сердца дѣвушекъ удивительно какъ проницательны: они не требуютъ предварительныхъ наставленій, чтобъ постигнуть всю важность наносимой имъ чужею волею

обида. Анна Петровна сѣла въ кресла, и продолжала свои жестокия разсужденія. Она доказывала Олинкѣ, что всѣ мужчины дураки, тираны и изменники; что они не заслуживаютъ того, чтобъ женщины ихъ любили; что женщины, выходя замужъ, должны думать только о своихъ выгодахъ, и не жертвовать собою для любви, и прочая, и прочая.

Это — знаете! — философія опытныхъ женщинъ.

Анна Петровна доказывала еще много другихъ вещей, но Олинка уже ихъ не слышала. Олинка стояла передъ нею, какъ оклеветанная невинность передъ судомъ нечестивыхъ, и, ворочая въ пальцахъ машинально взятую со столика готическую пряжку, безчувственными глазами смотрѣла на розу, присланную ей отъ тетушки. Лучи солнца падали на растеніе, и согрѣтая ими почка начинала раскрываться, образуя первые очерки юнаго цвѣтка. Взоръ Олинки невольно слѣдовалъ за тихими движеніями красивой жизни нѣжнаго растительнаго младенца, и взволнованная душа дѣвушки пріятно опочила на мягкихъ розовыхъ членахъ раждающагося цвѣта. Какое-то магнитное сочувствіе связывало этого новаго пришельца на свѣтъ съ ея опечаленнымъ сердцемъ, и последнее какъ-будто постигало все существующее между ними сходство, какъ-будто знало по опыту, что въ этой комнатѣ, въ этомъ домѣ, въ этомъ развращенномъ мірѣ, нѣтъ ему другаго безкорыстнаго друга, кромѣ этого добраго, веселаго, беззащитнаго цвѣточка.

Анна Петровна слегка описывала лице и широкою кистью чертила великольпную картину чина и звѣзды припасеннаго ею жениха, но ея слова отражались отъ омертвѣлой дочери, какъ отъ мрамор-

ра. Олинька, болѣе всего ужасавшаяся этой звѣзды, упорно молчала и не сводила неподвижныхъ глазъ съ цвѣтка, который, сквозь выющуюся по нимъ слезу, измѣнялся въ ея взорахъ въ разные фантастическіе виды, и, наконецъ, вдругъ какъ-то представился ей огромною, страшною серебряною звѣздою. Она затрепетала. Во время молебствій и испытаній въ Институтѣ, видѣла она многихъ важныхъ, почтенныхъ особъ со звѣздами, которыхъ называютъ тамъ родителями и начальниками, и въ ея понятіи звѣзда, пльшина и сѣдые волосы такъ странно были перемѣшаны, такъ тѣсно соединялись между собою, что она почти не различала ихъ мыслію, почти не помнила, гдѣ которая изъ нихъ носится по настоящему: пльшина ли на груди, а звѣзда на маковкѣ, или обратно?..... Мать спросила съ безпокойствомъ, что съ нею, зачѣмъ она молчитъ, зачѣмъ не говоритъ того, что думаетъ. Она хотѣла что-то сказать,.... стряхнула слезу съ рѣсницъ, и.... увидѣвъ опять на кустѣ цвѣтокъ, а не звѣзду, опроретью бросилась къ нему, начала около него прыгать, начала осматривать его со всѣхъ сторонъ, восхищаться его красотою, дотрогиваться до него пальцемъ, нюхать его, ласкать, и кричать: — Посмотри, маменька!..... посмотри!..... какой онъ миленькой!..... Ты не знаешь? — я все время смотрѣла на него!.... хотѣла видѣть, какъ онъ раскрывается. Какой чудесный запахъ!..... Понюхай, маменька!..... Ты ничего въ свѣтъ не видала занимательнѣе этого цвѣточка!..... Что, развѣ ты не любишь молодыхъ розъ?..... Я страхъ люблю ихъ! Ахъ, какая прелесть!.....

Анна Петровна надулась и, съ досады, сказала ей, что она глупа, какъ институтка.

Олннька отвѣчала ей, что поцѣлуешь у тетушки ручку за этотъ безподобный подарокъ.

Анна Петровна разсердилась, и пошла. Куда же она пошла?..... Вотъ, теперь не помню! Мнѣ однако жъ сказывали..... Да! точно! пошла бранить мужа.

Олннька уже не смотрѣла ни на матеріи, ни на ленты, ни на платья; они ей опротивѣли, казались звездообразными, холодными, какъ присутствіе старика, гадкими какъ морщины. Взоръ ея невольно избѣгалъ встрѣчи со шкафомъ, въ которомъ висѣло бѣлое атласное платье съ букетомъ и широкою блондою. Если бъ это было ночью, она была бы въ состояніи вообразить себѣ, что тамъ сидитъ мертвецъ, домовой, лѣшій, и съ крикомъ ушла бъ изъ комнаты. Чтобъ не думать о предложеніи матери, она все свое вниманіе, всѣ чувства, всю душу излила на образующійся при ея глазахъ розанъ. Она не могла разстаться съ нимъ ни на минуту; любила его, какъ брата, забавлялась съ нимъ, какъ съ куклою, и радовалась его успѣхамъ въ жизни, красотѣ и силѣ. Онъ весь день былъ единственнымъ ея пріятелемъ: если бъ маменька опять заговорила съ нею о звѣздѣ, она неминуемо влюбилась бы въ него, какъ въ любовника. Дѣлушекъ дразнить не надобно.

==

Когда родился я на свѣтъ, пытки уже были уничтожены во всѣхъ Европейскихъ государствахъ,

исключая Турцію и Римъ. Я получилъ первое объ нихъ понятіе изъ выносокъ разныхъ историческихъ сочиненій; но выноски, какъ бы часто ни были пабиты острыми учеными гвоздями, не могутъ еще изобразить въ точности всѣхъ ужасовъ пытанія. Я съѣздилъ нарочно въ Константинополь и въ Римъ, чтобъ увидѣть, какъ терзаютъ человѣческое тѣло, какъ растягиваютъ члены, вывертываютъ суставы, загоняютъ тросточки подъ ногти, сжимаютъ ноги въ желѣзной обуви, гладятъ кожу раскаленными утюгами и сдираютъ ее тонкими полосами; чтобъ быть свидѣтелемъ, какъ твердыя души, великія, непоколебимыя въ добродѣтели, неустрашимо переносятъ всѣ подобныя мученія и еще находятъ въ нихъ сладость, — сладость въ иготи столченной пединности. По несчастью, — ужъ подлинно я долженъ быть несчастливъ! — я не успѣлъ обратитъ на себя вниманія ни Бостанджи-баши, ни Предсѣдателя Св. Инквизиціи, и ничего не видалъ ни въ Царьградѣ, ни въ Римѣ. Пришлось читать неистовыя Романы, творенія, предназначенныя для легкаго и пріятнаго чтенія, котораго впрочемъ не могу терпѣть, чтобъ составить себѣ ясное понятіе объ этихъ предметахъ. Я долго составлялъ его, составлялъ на разные манеры, и никакъ не составилъ. Я уже завидовалъ рѣдкой проницательности одного великаго писателя, который, Богъ — вѣсть какъ, мигомъ однако жъ постигъ возможность быть безвинно посаженнымъ на колъ, и душевно радоваться этому случаю, сидя очень неудобно на колѣ, ловко совершать для Исторіи великіе подвиги, достойные удивленія потомства. Мнѣ казалось, что я никогда этого не постигну. Но однажды, случайно, невзначай, я подстерегъ, какъ одѣваютъ дѣвицъ на балъ, и тутъ постигъ всѣ тайны пытки. Точно! можно быть терзаемымъ, мучимымъ жестоко, ужасно, без-

человѣчно, и находить удовольствіе въ терзаніяхъ, и благословлять терзающую васъ руку, и не проболтаться ни однимъ лишнимъ словечкомъ, — лишь бы напередъ вы знали, что послѣ всѣхъ этихъ страданій будетъ балъ.

Теперь я понимаю все дѣло. Удостоверьте меня, что люди будутъ мнѣ удивляться, я сейчасъ позволю вамъ посадить меня на колъ, и съ кола буду писать мои повѣсти; но вы должны находить ихъ несравненными, и прискаты для меня Исторіографа, который провозгласилъ бы меня первымъ писателемъ въ мірѣ. Даромъ не стану я дѣлать великихъ подвиговъ: никто не дѣлаетъ ихъ даромъ.

Однако жъ, когда бы даже вы мнѣ сказали, что я буду первою красавицею на вашемъ балѣ, я, право, не выдержалъ бы той пытки, какой, съ двухъ часовъ по-полудни до десяти часовъ вечера, была подвержена невинная Олинъка: я бы завизжалъ, какъ поросенокъ, искусалъ бы всѣхъ служаюнокъ и парикмахеровъ, высказалъ бы всю свою подноготную, — и кого люблю, — и кому хочу вскружить голову моимъ кокетствомъ, — и въ комъ желаю произвести впечатлѣніе, — и которую изъ моихъ пріятельницъ имѣю въ виду взбѣсить изящностью моего наряда, — и за кого надѣюсь выйти замужъ: я даже признался бы и въ томъ, что всякій вечеръ, ложась спать, мечтаю о нѣкоемъ Принцѣ, прекрасномъ какъ Бельведерскій Аполлонъ, храбромъ, любезномъ и щедромъ, который пріѣдетъ, увидитъ меня въ театрѣ, влюбится въ меня безъ памяти, женится на мнѣ, и я буду владѣтельною Герцогинею, и буду имѣть своихъ Статсъ-дамъ, и свою гвардію, и своихъ пажей. Словомъ, я пересказалъ бы всѣ тайны, всѣ затѣи и мысли

барышень, если бь мнѣ стали такъ драть волосы, напрягать ихъ вмѣстѣ съ кожей, накрѣпко затягивать снурочками, какъ Олинкѣ; если бь такъ начали увертываться около меня съ раскаленными цыркулями, приклеивать мнѣ къ лицу согнутые кольцемъ ключки волосъ, шпиговать голову черными шпильками, колоть меня повсюду булавками, заpirать въ тѣсный желѣзный корсетъ, и вбивать мои ножки въ узкіе и короткіе башмачки!.....

Олинкѣ, по видимому, была гораздо храбрѣе меня. Она вынесла эту пытку съ удивительнымъ мужествомъ: ее скребли, жгли, кололи, напрягали, брали въ тиски, терзали и мучили восемь часовъ сряду, — и не исторгли у нея ни одного стона. Она безчувственно позволяла дѣлать съ собою все, что пи вздумали ея мучители, и объ одномъ лишь молила Бога, — чтобъ выйти изъ рукъ ихъ такою гадкою, — но такою гадкою, чтобъ господинъ со звѣздой испугался ея, какъ самого чорта!.....

Но, какъ-будто въ досаду, когда кончились терзанія, всѣ горничныя воскликнули въ одно слово: Ахъ, какъ чудесно наша барышня одѣта!!

И когда кончились восклицанія, маменька шепнула ей на ухо: — Смотри же, Олинкѣ, старайся понравиться этому господину!

Она отворотилась, — и заплакала!

=

Чай, мороженый пуншъ, оржать, лимонадъ, конфеты, бисквиты, варенья, фрукты, уже во второй

разъ совершаютъ на великолѣпныхъ подносахъ вкусное и благовонное путешествіе свое по заламъ. Волны золотаго свѣта быстро несутся по комнатамъ, по движенію безчисленныхъ толпъ гостей. Радужные лучи плавающихъ въ пахучемъ воздухѣ огней играютъ въ пышныхъ люстрахъ, въ огромныхъ зеркалахъ, въ позолотѣ, серебрѣ, шелку, хрусталь и алебастръ; играютъ въ брилліантахъ, изумрудахъ и яхонтахъ; играютъ въ свѣтлой, похотливой кожѣ преданныхъ на жертву жаднымъ взорамъ пухленькихъ, роскошныхъ грудей и плечъ; и, ярче нежели въ зеркалахъ, играютъ въ гладкихъ челахъ и ланитахъ женщинъ и, волшебнѣе, чѣмъ въ брилліантахъ, играютъ въ ихъ глазахъ. Воздухъ кипитъ блескомъ, удовольствіемъ и веселыми звуками музыки. Стѣны потрясаются гуломъ радости. Домъ пылаетъ пожаромъ потѣхи. Всѣ уста волнуются улыбками, всѣ сердца бьются забавою, всѣ самолюбія заведены тугими пружинами. Балъ пошелъ горой.

Молодежь танцуетъ, маменьки сидятъ и восхищаются, старыя барышни вздыхаютъ и злословятъ, франты вертятся, пролазы кланяются въ зачетъ завтрашнихъ подлостей, старики разсуждаютъ о временахъ Великой Екатерины, помѣщики жалуются на дурное лѣто; дѣловые, за недостаткомъ бумагъ, по навыку къ очисткѣ, тихомолкомъ очищаютъ стаканы; важные люди думаютъ и играютъ въ вистъ; причисленные къ Герольдіи порицаютъ нынѣшній ходъ дѣлъ и вистъ, и играютъ въ бостонъ. По всѣ спрашиваютъ съ любопытствомъ: — Кто это?..... Кто это?..... — Это дочь хозяина, Ольга Ивановна. — Ахъ, какая красавица!

Отдыхая послѣ первыхъ кадрили, Олинъка расхаживаетъ по покоямъ съ тремя или четырьмя но-

выми своими пріятельницами, сплетенными съ нею подъ руки. Онѣ, подобно легкимъ и пугливымъ сернамъ, ловко минуютъ безчисленныя группы гостей, удивляющихся вкусу и роскоши, съ какими Анна Петровна убрала свой домъ для ихъ пріема; шепчуть, улыбаются, стрѣляютъ взорами по моднымъ фракамъ, и опять шепчуть, и опять улыбаются, и несутся далѣе. Вы теперь не узнали бѣ Олиньки: она уже не то, что была поутру. Въ одинъ часъ времени она подвинулась на пути жизни цѣлымъ високоснымъ годомъ. Гуляющія съ нею кадрилиныя пріятельницы, всѣ старѣе ея нѣсколькими годами, всѣ удивительно опытныя въ бальныхъ эволюціяхъ, дали ей примѣтить множество прекрасныхъ усиковъ, чудесныхъ глазъ, ловкихъ мужскихъ талій; онѣ рассказали ей, кто въ кого влюбленъ, кто на комъ сватается, которая изъ ихъ знакомокъ крѣпко любезничаетъ съ которымъ, кто изъ мужчинъ хорошъ собою, но несносенъ, и кто изъ нихъ по справедливости можетъ нравиться всякой. Свѣтскія барышни любятъ учить институтокъ и монастырокъ: это ихъ страсть! Олинька, слушая ихъ разсужденія, сперва краснѣетъ и потупляетъ взоры; потомъ ощущаетъ въ сердцѣ пріятное смятеніе, потомъ любопытство, потомъ досаду на свое невѣжество, потомъ желаніе быть столь же умною, какъ и ея наставницы. Она тоже начинаетъ потихоньку дѣлать свои замѣчанія, хотя еще не имѣетъ довольно смѣлости, чтобъ сообщить ихъ другимъ. Уже одни глаза показались ей прекрасными, двѣ пары устъ пріятными, три носа довольно правильными: только она еще не можетъ составить изъ нихъ ничего цѣлаго, ничего полного, хорошаго во всѣхъ частяхъ и непоражающаго ни какими недостатками, потому, что усы и бакенбарды мѣшаютъ ей въ ея соображеніяхъ. Она еще

не понимала пользы и поэзіи бѣлыхъ усовъ и страшныхъ романтическихъ бакенбардовъ; усиливалась открывать въ нихъ красоту, и открывала только образъ щетокъ. Олинька, Олинька!..... Искра порчи уже заброшена въ твою душу неосторожными пріятельницами: ты сама о томъ не знаешь!.....

Шепча, смѣясь, разсуждая съ ними, она украдкою, бѣгло, равнодушно, единственно изъ любопытства, искала взоромъ въ толпѣ гостей миловиднаго лица безъ усовъ и бакенбардовъ, когда какой-то молодой мужчина, статный, ловкій, одѣтый по послѣдней модѣ, неожиданно попался имъ на встрѣчу. Онъ приветствовалъ вѣжливымъ поклономъ одну изъ ея подругъ, спросилъ о здоровьи ея маменьки, сказалъ нѣсколько словъ о великолѣпнн бала Анны Петровны, окинулъ Олиньку пылкимъ взглядомъ, отъ котораго она затрепетала, уронилъ нѣсколько остроумныхъ и скромныхъ комплиментовъ въ честь цѣлому гуляющему кругу Грацій, и пошелъ далѣе. Олинька хотѣла спросить: — Кто это? — но уста ея были спаяны стыдомъ, пламенѣвшимъ въ цѣломъ ея лицѣ во время и послѣ этой встрѣчи: она никогда еще не была такъ близко къ мужчине, и вся дрожала со страху, вся горѣла огнемъ непонятнаго, но не совсѣмъ противнаго ей смятенія. Одна изъ пріятельницъ пособила скрытному ея любопытству произнесеніемъ того же вопроса, который испарился на устахъ институтки, и знакомка разставшагося съ ними господинна тотчасъ воскликнула вполголоса: — Какъ?..... вы его не знаете? Да это онъ!..... Знаете ли, Олинька, кто это?..... Графъ Александръ П***!..... Идолъ всего высшаго общества! Онъ въ большой модѣ; въ него всѣ влюблены, всѣ!..... Какой онъ богатый! какой умный! да какъ онъ танцуетъ!..... Чудо! Не правда ли,

Олинъка, что онъ удивительный красавецъ!..... Если бь онъ не былъ такой вѣтреникъ, въ него можно было бы.... Какъ онъ тебѣ кажется?

Олинъка ничего, то есть, почти ничего не отвѣчала; но ея сердце, усиленнымъ біеніемъ, утверждало всѣ похвалы, воздаваемыя ему легкомысленною подругою. И, какъ — будто озаренная внезапнымъ свѣтомъ, душа ея однимъ разомъ постигла красоту мужескаго лица: всѣ ея понятія мгновенно слились въ одну, плотную, вѣчную, гранитную, неразрушимую мысль, — что лице мужчины, чтобъ быть прекраснымъ, должно быть точно такимъ, какъ у него. Съ тѣхъ поръ, сама того не чувствуя, она уже носила въ себѣ образъ его, облеченный въ понятіе прекраснаго, печально въ ней создавшаяся. Такъ всегда рождается первая любовь; и потому она очаровательна, и потому остается въ душѣ на всю жизнь, что предметъ ея и первое понятіе о прекрасномъ нераздѣльны, и вмѣстѣ дѣйствуютъ на чувства и на воображеніе. Брось это понятіе въ новую, чистую душу, въ какомъ бы то ни было видѣ, оно тотчасъ жадно соединится съ нею, какъ щелочь съ кислотою; оно приведетъ ее въ броженіе; оно проникнетъ въ сердце, разоидетъ съ кровію, пережжетъ кровь, чувства и воображеніе, исзернуется въ твердый кристалль, свѣтлый, алмазный, мерцающій волшебными огнями вождельнїа, надежды и счастїа. Теперь понимаете ли теорїю происхожденїа первой любви?..... Она довольно проста и ясна. Вторая любовь есть только подражаніе первой. Потомъ сердце привыкаетъ къ любви, какъ носъ къ табаку, и она обращается въ привычку.

Его уже не было передъ нею, а она все-еще видѣла его пылкіе глаза, его сильныя, смѣлыя,

красивыя черты, его высокое и гордое чело, его пурпуровыя, исполненныя огня и нѣги, уста, — думала она: — Онъ долженъ быть одинъ такой прекрасный на свѣтъ!..... — и, нища средства, какъ бы представить его себѣ существомъ выше и совершеннѣе прочихъ, въ своемъ любезномъ невѣжествѣ она еще говорила съ самой собою: «Какой онъ счастливецъ, что у него нѣтъ усовъ!..... Онъ носить бакенбарды,..... но они отъменно идутъ ему къ лицу. Не то, что этимъ господамъ!.....»

Онъ повертели назадъ, и очутились передъ какимъ-то пожилымъ господиномъ въ парикъ и со звѣздою, который важно нюхалъ табакъ. Оминька поблѣднѣла: ей вообразилось, что это женихъ, о которомъ маменька поутру ей говорила, и, на зло пожилому господину въ парикъ и со звѣздою, погналась мыслию за Графомъ П***.

— Ахъ, если бъ мой женихъ былъ такой, какъ онъ!..... подумала она, вздыхая.

Есть на свѣтъ люди, которые не вѣруютъ въ внезапную любовь, въ любовь съ перваго взгляда, въ сильныя, высокія и великія страсти. Но чувствительныя сердца, которыя читаютъ повѣсти или мечтаютъ о счастіи, не должны обращать на нихъ вниманія. Недовѣрчивость этихъ господъ ни сколько не измѣняетъ существа дѣла. Вѣдь есть люди, которые не вѣрятъ и въ чорта?.....

=

— Домъ прелестный!..... Все въ порядкѣ!.....
Надо отдать справедливость хозяину, что онъ че-

ловѣкъ со вкусомъ. И картины не дурны!.... Эта готическая комната нравится мнѣ чрезвычайно: только слѣдовало бы въ ней быть поменьше бронзы... Эти господа утвриваютъ все, даже самую роскошь, и дѣлаютъ изъ своихъ покоевъ настоящіе магазины. Надо, однако жъ, сказать хозяйкѣ нѣсколько словъ на счетъ ея кабинета: голубой атласъ съ серебромъ, и болѣе ничего..... Просто и очень мило!.... Какая великолѣпная камелія!.... А!!..... вотъ хо-рошенькое личико!..... Но оно все-таки не стоитъ того, которое встрѣтилъ я въ той комнатѣ, въ числѣ тѣхъ четырехъ дѣвицъ.....

Такъ разсуждалъ про себя Графъ Александръ П***, расхаживая по комнатамъ отдѣльно отъ прочихъ гостей, и равнодушно направляя свое стекло на разные предметы, на стѣны, на мебель и на лица. Осмотрѣвъ все и всѣхъ, онъ опять сталъ думать.

— Да!..... богато и прекрасно!..... Только самый балъ не слишкомъ мнѣ нравится. Здѣсь скучно! Почти не увидишь знакомаго лица. Но сколько звѣздъ!..... какъ на небѣ. Гдѣ мой пріятель, Иванъ Ивановичъ, открылъ такой богатый рудникъ Превосходительства, что назвалъ къ себѣ столько кавалеровъ первой и второй степени?..... Я никогда не думалъ, чтобы за предѣлами большаго свѣта водилось такое множество звѣздъ. Все новыя лица, которыхъ не видалъ я ни на одномъ известномъ балу въ столицѣ. Это ни-какъ древніе и новѣйшіе начальники разныхъ канцелярій, народъ дѣловой, который я почитаю, но съ которымъ пріятнѣе встрѣтяться въ департаментѣ, чѣмъ на балѣ. Они что-то слишкомъ молчаливы, слишкомъ высокостепенны, и принесли сюда съ собою въ карманъ всю

свою официальную важность. Лица холодны и безъ улыбки, какъ докладъ. Я готовъ держать пари, что они обдумываютъ бумаги, глядя, какъ дочери ихъ танцуютъ! Нельзя мнѣ было не сдѣлать удовольствія хозяевамъ и не явиться къ нимъ на балъ, но!.... но здѣсь я буду скучать всю ночь. Я далъ слово быть сегодня у Княгини Надежды Ивановны..... Ахъ, право, эта женщина мучитъ меня несноснымъ образомъ!.... самъ не знаю, какъ бы разойтись съ нею безъ шума. Если бъ она не была мнѣ такъ необходима..... Завтра будетъ она пересмѣивать меня со всею своею ѣдкостью, когда узнаетъ, что я не былъ у ней потому, что былъ на балъ у человека, котораго и фамилія ей неизвѣстна, о долгахъ котораго никогда не было рѣчи въ ея гостиной, даже супруги котораго ни однажды не злословила она съ своими пріятельницами..... Я долженъ буду вынести ужасную грозу. Между-тѣмъ моя Машинька и мамзель Алинъ безъ-сомнѣнія ожидаютъ меня теперь съ теплымъ сердцемъ и простылымъ чаемъ: я общался той и другой навѣстить ихъ сегодня послѣ театра, и забылъ совершенно.... Машинька; однако жъ, миленькая дѣвушка!....: я куплю ей завтра за то хорошій платокъ, хотя теперь у меня нѣтъ денегъ..... Ничего!..... деньги найдутся..... За всѣмъ тѣмъ, не худо было бы нѣсколько привести дѣла мои въ порядокъ: я запутался въ многосложныя предпріятія, и у меня уже не достаетъ ни времени, чтобъ помнить обо всѣхъ ихъ, ни средствъ, чтобъ вести ихъ успѣшно. Теперь именно время великихъ преобразованій: я подамъ примѣръ собою..... Во-первыхъ, мамзель Алинъ оставлю я за штатомъ: я уступлю ее Князь-Ивану. Во-вторыхъ.....

Но зачѣмъ прописывать все то, что думалъ про

себя праздный молодой повеса, не зная, что съ собою дѣлать въ шумной толпѣ незнакомыхъ лицъ, въ кругу людей, гдѣ чувствовалъ себя какъ бы не на своемъ мѣстѣ! — Можетъ быть, онъ этого и не думалъ; быть можетъ, я все это выдумалъ: въ такомъ случаѣ, извините, простите, пощадите меня великодушно! Я виноватъ, я пустой чловѣкъ, я грѣшнъ!..... Да и вы тоже! — не правда ли?..... Однако жъ, согласитесь, что сколько одинъ счастливый, любезный, испорченный благо-склонностью женщины и судьбы, вертопрахъ передумаетъ, пересмѣетъ, перецыганитъ мысленно въ полчаса времени, того не написать и на бычачей шкурѣ!..... Но вы изволите говорить, что подобныхъ вещей и повторять не стоитъ, даже изъ уваженія къ предметамъ, которые переходятъ сквозь пустую его голову. И то правда!.... И такъ, я отказываюсь отъ всего, что написалъ на счетъ почтенныхъ дѣловыхъ людей, Княгини Надежды Ивановны и мамзель Алинъ; перемарываю все это большимъ ценсорскимъ крестомъ, оставляю вамъ бѣлую страницу: предпологайте себѣ касательно думъ моего героя, что вамъ угодно; пишите на ней, что угодно: я на все согласенъ, я ничего не знаю, какъ о комъ думалъ тогда Графъ Александръ П***, прекраснѣйшій любезнѣйшій, обворожительнѣйшій, предприимчивѣйшій, вѣжливѣйшій и наглѣйшій изъ волокитъ столицы. Но, если оставлю вамъ большой пробѣлъ въ моемъ сочиненіи, вы еще захотите имъ воспользоваться; вы тотчасъ упишете въ немъ отъ моего имени все, что знаете дурнаго, смѣшнаго, мерзкаго о вашихъ друзьяхъ и сосѣдяхъ. Еще выйдутъ личности: я этого не хочу!..... Лучше оставить, какъ оно есть, и объявить вамъ, что все вздоръ, неправда; что ничего этого не бывало, и быть не можетъ; что Графъ П***, какъ самъ онъ признался передо мною, зѣвая

въ уголь, сказалъ про себя только нижеслѣдующія слова на Французскомъ діалектѣ :

— Ахъ, какъ они скучны, эти господа втораго яруса, когда вздумаютъ корчить знатныхъ баръ!....

А хозяйка подошла къ нему, и сказала :

— Ахъ, Графъ Александръ Сергѣевичъ?.... Вы у насъ скучаете! Вы не танцуете?.....

И онъ вдругъ отвѣчалъ ей :

— Напротивъ, сударыня : я никогда въ жизни не проводилъ вечера веселѣе и пріятнѣе. Вашъ балъ очарователенъ. Я съ восхищеніемъ удивляюсь вкусу, съ какимъ убранъ вашъ прекрасный домъ. Въ особенности плѣнилъ меня вашъ кабинетъ, сударыня : я желалъ бы быть заколдованнымъ, и остаться въ немъ навѣки.

— Вы слишкомъ добры, Графъ!

— Если вы понимаете это слово въ смыслѣ «чистосердечный», то я принимаю отъ васъ наименованіе.

— Вы не хотите сдѣлать намъ удовольствія потанцовать у насъ? Вы танцуете такъ прелестно!....

— Сударыня! я только ожидалъ вашего приказанія.

— Такъ не угодно ли съ моею дочерью?....

— Какъ, не угодно ли!..... Напротивъ, я долженъ просить васъ на колѣняхъ позволить мнѣ имѣть эту честь.....

Анна Петровна вѣжливо улыбнулась; Графъ П*** вѣжливо поклонился, и они пошли въ залу. Она привела его къ Олинкѣ, которая робко, со стыдомъ, подала ему кончики своихъ пальцевъ.

Первое прикосновеніе! Священная, великая тайна Природы! Кто дерзнетъ изобразить на грязномъ лоскуткѣ онучи, превращенномъ въ писчую бумагу, твои неземныя электрическія свойства?..... Олинька содрогнулась отъ этого прикосновенія, и дрожала всѣмъ тѣломъ, но отнюдь не со страху, — дрожала нѣжно, таинственно, сладостно, какъ дрожитъ струна подъ смычкомъ артиста, исполненная небесной гармоніи, испаряющейся изъ нея звонкимъ, незримымъ туманомъ. Она смотрѣла въ землю; онъ смотрѣлъ на нее, и говорилъ про себя: — Такъ это дочь Аины Петровны!..... Это другое дѣло! Съ ней готовъ я танцевать цѣлый годъ, ежели не влюблюсь въ нее при первой кадрили. Вѣдь я теперь не занятъ!.....

А знаете ли, какъ это случилось, что Анна Петровна, весь вечеръ соображая средства, какъ бы скорѣе промѣнять дочь на чинъ, сама предала ее въ руки врагу своихъ соображеній?..... Вы никогда не угадаете этого сами собою: лучше спросите у вашихъ супруговъ. — Вѣрно Олинька, скажутъ онѣ вамъ, сама пришла предостеречь маменьку, что Графъ П*** уединенно расхаживаетъ по комнатамъ; что онъ, видно, скучаетъ; что надобно заставить его танцевать?..... — Точно такъ. Олинька съ удивительнымъ искусствомъ употребила саму же мать въ этомъ дѣлѣ. Простодушная, невинная Олинька уже сдѣлалась хитрою. Кто же выучилъ ее хитростямъ?..... Право, учить имъ не нужно! Онѣ дѣлаются сами собою, какъ скоро власть угрожаетъ сердцу насиліемъ.

Что говорилъ милый, ловкій и блистательный повѣса съ Олинькою во время кадрили, что отвѣчала Олинька милому повѣсѣ, о чемъ они смѣялись,

почему краснѣли, сколько маловажныхъ вещей пересказывается въ такихъ случаяхъ на словахъ, сколько важныхъ обстоятельствъ приводится въ ясность безъ словъ, того въ Журналахъ повторять не слѣдуетъ. Это секретъ кадрилией, и онъ не долженъ выходить за предѣлы послѣдней ноты танца. Я только видѣлъ, что лице Олинки, при всякой фигурѣ, одушевлялось новою жизнію; что ея красота постепенно усиливалась всѣми прелестями удовольствія; что всѣ, разсыянные по залѣ, взоры слетались къ ней стаями, всѣ глаза вдругъ засверкали, всѣ мужскія сердца забились, всѣ женскія самолюбія принуждены были поневолѣ признать ее царицею своего пола. И когда кадрилъ кончилась, когда всякій изъ насъ ласкалъ себя, что теперь съ Олинкою будетъ танцовать онъ, раздались веселые звуки вальса, институтка и повѣса въ одно слово вскочили со стульевъ, и пустились вальсировать, попирая, ломая, дребезжа ногами всѣ наши надежды.

Если бъ я былъ Магометъ, я написалъ бы въ моемъ Алкоранѣ, что мои блаженные, въ награду за ихъ добродѣтели, будутъ вѣчно вальсировать въ раю съ Хуріями, одѣтыми въ бальное вырѣзное платье. Если бъ я былъ законодатель ума человѣческаго, я отмѣнилъ бы всѣ неблагодарныя мечтанія о земномъ счастьи, и оставилъ бы на свѣтъ одно только понятіе о вальсѣ: его, я увѣренъ, было бы достаточно для услажденія всего нашего горя. Когда два налитыя теплою кровію тѣла сблизятся на такое дружеское разстояніе; когда свяжутся они однимъ и тѣмъ же объятіемъ; когда руки ихъ сплетутся, ноги перемѣшаютъ свои движенія, сердца запрыгаютъ подъ ладонями, головы встрѣтятся на рубежѣ заколдованной области поцѣлуя, и умы подернутся

мглою затмѣнія, кружась вмѣстѣ съ тѣломъ, кружась вмѣстѣ съ предметами и цѣлымъ свѣтомъ, качаясь на длинной зыби потѣхи, бренча звуками музыка, наполняясь видомъ горящихъ ланитъ и устъ, и снѣговыхъ волнъ обуреваемой роскошью груди и блага плеча, сладострастно вырывающагося къ вашимъ взорамъ изъ тайниковъ рукава, — въ этомъ сліянніи всѣхъ началъ чувства, въ этомъ сцѣпленіи двухъ существованій, гдѣ мысли и страсти огненными искрами быстро перелетаютъ изъ однихъ глазъ въ другіе, — въ этомъ раскаленномъ сложнымъ дыханіемъ воздухъ, должны непремѣнно жить любовью, упоеніе и счастье. И кто, вальсируя съ прелестною женщиною, въ нее не влюбился, и которая изъ дѣвицъ, несясь вихремъ въ объятіяхъ миловиднаго юноши, ничего къ нему не почувствовала, тѣ, послѣ бала, смѣло могутъ записаться въ холодный Чухонскій приходъ. Наши танцоры не принадлежали къ этому десятку. Графъ П*** уже обожалъ Олинку: у него знакомство съ хорошенькимъ личикомъ начиналось прямо обожаніемъ. Олинка уже потеряла умъ и сердце. Онъ казался ей краше, свѣтлѣе, торжественнѣе ангела, появляющагося на небѣ въ вѣнцѣ безсмертныхъ лучей. Пламя быстро распростиралось по всѣмъ ея чувствамъ. Она горѣла, она любила, — любила сильно, страстно, безпредѣльно, всѣмъ неизмѣримымъ объемомъ души юной своей.

Говорятъ, что этотъ повѣса даже пожалъ ей руку во время вальса: я этого не знаю! — что онъ ясно прочиталъ въ ея глазахъ счастливую свою участь: о, — въ этомъ я увѣренъ! Олинка еще не умѣла скрывать своихъ ощущеній.

И когда, послѣ долгаго, долгаго круженія, онъ внезапно посадилъ ее на диванъ, она со вздохомъ

разсталась съ рукою, такъ пріятно оплетавшею ея талию: она желала опять быть обвита ею.

=

— Олинъка, Олинъка! поди за мною.

— Маменька, я ангажирована.

— Успѣешь еще натанцоваться.

— Маменька, я боюсь пропустить котильонъ.

— Я отпущу тебя сейчасъ.

— Такъ я сейчасъ прійду къ тебѣ, маменька. Только скажу Графу П***, что ты меня зовешь, и что я скоро буду назадъ.

Анна Петровна ушла. Олинъка весело побѣжала извиниться передъ своимъ партнеромъ, и была въ восхищеніи отъ его отчаянія. Добрая Олинъка не знала, что, послѣ теплаго оржата, отчаяніе есть самое слабое изъ бальныхъ чувствованій!.....

Она нашла маменьку въ зеленой комнатѣ, сидящею на диванѣ рядомъ съ какимъ-то господиномъ, возлѣ котораго съ другой стороны занималъ мѣсто Иванъ Ивановичъ, подчивавшій его табакомъ изъ своей табакерки. Анна Петровна подала ей знакъ, чтобъ она съѣла подлѣ нея. Она повиновалась.

— Маменька, ты хотѣла сказать мнѣ что-то такое?

— Посиди, душенька, минутку съ нами.

Безпокойство овладѣло Олиньюкою: она окинула взглядомъ незнакомаго господина, и увидѣла на немъ страшную, уродливую, огромную, какъ луна, какъ серебряная тарелка, какъ мертвая голова..... звезду, которая привела ее въ трепеть, поразила ужасомъ. Вотъ, какъ дѣвушки судятъ о вещахъ!..... А эта звезда нарочно была отыскана въ цѣломъ городѣ, быть-можетъ нарочно сдѣлана на заказъ въ такомъ величественномъ размѣрѣ, чтобъ ослѣпить, изумить, тронуть, воспламенить Олиньюку. Она не обратила «должнаго вниманія» ни на бѣлый галстухъ, завязанный «на законномъ основаніи» правильнымъ, гладкимъ, степеннымъ бантомъ, ни на новый жилетъ изъ пестраго шали, ни на манишку съ черными чугуными мухами, ни даже на великолѣпный кабинетскій перстень, сіявшій на пальцѣ, служащемъ по особымъ порученіямъ при казенномъ носѣ Его Превосходительства по части снабженія его нюхательнымъ провѣантомъ; она чуть не закричала:

— Боже мой! это онъ!..... Это тотъ самый, о которомъ говорила маменька!..... Фи, какой онъ гадкій!..... Фи, какой онъ старый!..... Фи, фи!.....—

Какое ребячество! Отъ чего жъ и старый? Человѣкъ лѣтъ сорока!..... Всѣ люди этихъ лѣтъ. Правда, онъ не слишкомъ ловокъ, и не годится въ вальсъ, и не говоритъ по-Французски, а только «понимаетъ», и больно спѣсивъ, и даже воспитаніе его можетъ показаться сомнительнымъ; но онъ имѣетъ всѣ качества хорошаго чиновника и мужа. Онъ человѣкъ честный, основательный, рабочій, исправный, молчаливый, знающій дѣла и обязанности службы; онъ даже слыветъ умнымъ; его бумаги читаютъ съ восхищеніемъ по всѣмъ канцеляріямъ; главный его начальникъ называетъ

его своей правою рукою: онъ пойдетъ далеко. Уже получилъ онъ аренду, уже получилъ ленту, — еще надѣется получить что-то особенное. Хотя все это качества, относительныя къ службѣ государственной, но они имѣютъ свою пользу и въ супружеской: нѣтъ сомнѣнй, что когда только захочетъ онъ управлять женою такъ, какъ управляетъ канцелярією, онъ приведетъ ее, если не въ отличное счастье, то, по крайней мѣрѣ, въ отличный порядокъ: Сверхъ того, онъ уступчивъ: это годится и въ супружествѣ; онъ не скупъ на награжденія и подарки: это годится въ супружествѣ; онъ имѣетъ правиломъ, пользоваться самому и не мѣшать другимъ; это годится и въ суй..... Ахъ, какъ жалко, что я не красавица! Я бы сейчасъ вышла за него замужъ.

А Олинька, ничего этого не понимая, не зная ни казенной, ни супружеской службы, упорно отвергала такого мужа!..... Охъ, этихъ сентиментальныхъ дѣвущекъ, право, не худо было бы ноучить немножко, вмѣсто кадрили, канцелярскому порядку! Я увѣренъ, что это было бы вѣрнѣйшее средство сдѣлать ихъ основательными. Можетъ — статья, боитесь вы, что тогда перестали бы онъ быть нѣжными перестали бы быть женщинами?..... Нужды нѣтъ! Къ чему намъ женщины? Вѣдь всѣ мы чиновники!..... Намъ нужны чиновницы.

Какъ скоро Олинька усмалась подлѣ маменьки, незнакомый звѣздоносецъ важно привсталъ съ дивана, и поклонился ей подлѣ тѣмъ же — замѣтьте хорошенько! — подлѣ тѣмъ же угломъ наклоненія, подлѣ которымъ, кланяется онъ только своему начальнику или очень нужному чловѣку. Олинька и этого не поняла!..... Все — незнаніе канцелярскаго порядка! Но Ан-

на Петровна своею любезностію ловко заштукатурила непростительную недогадливость дочери.

— Тимофеей Антоновичъ, имѣю честь представить вамъ мою дочь. Олинька, — (держись прямо!) — это нашъ другъ, котораго любимъ мы какъ брата, какъ сына, и котораго ты должна любить вмѣстѣ съ нами.

Олинька сдѣлала холодный книксенъ. Мать быстро присовокупила, поправляя фермуаръ на ея шеѣ:

— Я увѣрена, что ты будешь любить Тимофея Антоновича еще лучше нашего, когда узнаешь его короче.

Она покраснѣла. Иванъ Ивановичъ примолвилъ:

— Да! Мы очень счастливы, имѣя такого друга, какъ Тимофеей Антоновичъ. Ты должна тоже стараться заслужить его дружбу, Олинька..... Позвольте же мнѣ теперь вашего табачку!

Она опустила взоры.

Во время этихъ привѣтствій и похвалъ, господинъ со звѣздою, стоя передъ диваномъ, важно кланялся, какъ маятникъ, въ ту и въ другую сторону, и съ любопытствомъ поглядывалъ на Олиньку. Она ему очень, очень понравилась, и онъ, вынимая табакерку изъ кармана, чувствительно пожалъ за нее папенькѣ руку, — пожалъ такъ сильно, что у Ивана Ивановича искры прыснули изъ зрачковъ, и въ глазахъ засіяло Превосходительствомъ.

Уже всѣ они опять сѣли на диванъ, какъ вдругъ Тимофеей Антоновичъ вспомнилъ, что, въ замѣшательствѣ первыя впечатлѣній, не соблюлъ

онъ «надлежащей формы» отрекомендованія себя Олинкѣ. Онъ слишкомъ любилъ «законный порядокъ», а потому «и не упустилъ исправить безъ отлагательства послѣдовавшее по оному дѣлу упущеніе:» онъ приподнялся, и, «потомулику, поколику согласно было сіе съ обстоятельствами», съ полнымъ церемоніаломъ подошелъ къ ручкѣ Олинки. Будучи принуждена снять для него перчатку, она тащила ее съ гнѣвомъ, тряслась, какъ листъ осины; охотно бы даже согласилась, чтобъ рука ея отпала вмѣстѣ съ перчаткою. По ея тѣлу, по нѣжной ея кожѣ, судорожная дрожь пробѣгала холодною, змѣиною чертою; и, когда ручка ея освободилась изъ длиннаго, благо бальнаго чахла, когда онъ дотронулся ея мѣдными своими пальцами, когда приложилъ къ ея пальчику свои сухія, шероховатыя уста, Олинка едва не закричала, не отскочила назадъ, какъ-будто укушенная страшнымъ, косматымъ, ядовитымъ паукомъ!.... Она ощутила въ себѣ въ одно и то же время и плаващій жаръ испуга и тошноту отвращенія, — тошноту мучительную, убійственную, гробовую, которой не понимаютъ ни сочинители, ни подписчики, — которую чувствуютъ только женщины въ минуту прикосновенія къ нимъ противнаго имъ мужчины.

Совершивъ эту важную церемонію, Тимофѣй Антоновичъ поправилъ свой пестрый жилетъ, потянулъ воротникъ, сдулъ платкомъ табакъ съ носа и торжественно усѣлся на диванъ между хозяиномъ и хозяйкою. «По силѣ положенія» о женихахъ, теперь слѣдовало ему сказать что нибудь ловкое, любезное, занимательное. Онъ началъ:

— Ахъ, какъ я сегодня смѣялся!.... Представьте себѣ, у меня по департаменту случилось куріозное дѣло.....

Олинька не могла выдержать долбе: она сидѣла какъ на иголкахъ, вертѣлась, хотѣла уйти.....

— (Останься, другъ мой, съ нами.)

— Изъ Вологодской губерніи поступило къ намъ представленіе.....

— (Маменька, начинаютъ котильонъ!)

— Кажется, отъ 25-го минувшаго мѣсяца.....

— (Успѣешь, душенька. Держись прямо!.....)

— Въ которомъ значится, что въ слѣдствіе предписанія мѣстнаго начальства.....

— (Сиди, другъ мой, какъ слѣдуетъ; не отвращайся!.....)

— О принятіи законныхъ мѣръ по воспослѣдовавшему тамъ экстренному случаю.....

Олинька уже ничего не слышала. Ея суженый, чтобъ сдѣлать свое повѣствованіе понятнымъ для институтки, значительно отступалъ отъ канцелярскаго слога, пропускалъ числа, не подводилъ всѣхъ справокъ, былъ до крайности любезенъ; но ничто не могло подѣйствовать на ея упрямство. Она дрожала, блѣднѣла, съ трудомъ переводила духъ. Она обливалась холоднымъ потомъ. Руки ея и ноги были какъ ледъ. На ея посинѣвшихъ устахъ, въ пальцахъ, лишенныхъ розовой ихъ жизни, въ потопленномъ сбѣжавшеюся кровію сердцѣ, жилы сводились съ пронзительною болію; послѣ столь недавней отрады, она должна была внезапно вынести всѣ терзанія ужаснѣйшей изъ пытокъ, — любовнаго отвращенія! Она страдала жестоко, и еще принуждена была подавлять въ себѣ жестокія свои страданія!.....

Господинъ со звѣздою продолжалъ свой разговоръ. Папенька и маменька слушали его со вниманіемъ.

Она..... еще одну минуту, она упала бѣ въ обморокъ!

Но Графъ П*** нечаянно вбѣжалъ въ комнату, и она сильно издохнула изъ угнетенной груди значительное количество горькаго, палящаго воздуха скорби. Ей стало легче. Онъ повсюду искалъ ея глазами, и, увидѣвъ сидящую на диванѣ, блѣдную, разстроенную, неподвижную, съ замѣтнымъ смущеніемъ, протянулъ къ ней руку, чтобъ проводить ее въ залу, гдѣ уже начинался котильонъ. Она ушла отъ маменьки, благодаря его въ душѣ за свое спасеніе.

— Ольга Ивановна!..... вы страждете?

— Нѣтъ!..... ничего!..... такъ!.....

— Ваши руки холодны?.....

— Ахъ, не говорите мнѣ объ этомъ!..... Охъ!.....

Ахъ!.....

— Боже мой!..... что съ вами?.....

— Я несчастна!.....

— Вы несчастны !!?.....

И, съ этими несчастными словами, они пустились отчаянно танцовать по всей залѣ. Такъ люди забавляются! Такъ всѣ мы живемъ на свѣтъ!.....

=

Пляшутъ, пляшутъ: конца нѣтъ!..... Когда же будетъ шабашъ этому проклятому котильону? На-

чальникъ Ивана Ивановича, согласно заключенному съ Анною Петровною договору, регулярно является въ залу послѣ всякаго роббера, чтобъ любезничать съ оною Олинкою: онъ хочетъ дѣйствовать по трактату. Нельзя же лишать его правъ и преимуществъ избраннаго предписаннымъ порядкомъ жениха, безъ всякаго законнаго основанія!..... Онъ уже догадывается, что по сему обстоятельству должны происходить какія-то злоупотребленія, противозаконныя дѣйствія, непозволительныя поступки, ни съ чѣмъ несообразныя мѣры; но никакъ не можетъ подвести точныхъ справокъ, не зная котильоннаго регламента. Если бъ онъ спросилъ у меня, я сказалъ бы ему напрямикъ, что молодые шалуны загнули ему крючекъ, но крючекъ весьма законный, неподлежащій суду, ни штрафу: попросту, «дѣло сіе взято на проволочку!.....» Его соперникъ, сдѣлавшійся предводителемъ котильона, чтобъ долѣе обладать его Олинкою, и вѣроятно по согласію съ нею, непрерывно выдумываетъ новыя фигуры, разнообразить удовольствіе, представляетъ роскошь всякій разъ въ другомъ видѣ, и пылая, беззаботная молодежь съ жадностью бросается на счастливыя его изобрѣтенія; грабятъ ихъ, тѣшится ими, рѣзвится, хохочетъ; выжимаетъ сладость изъ забавы до послѣдней капли, и пляшетъ, пляшетъ, пляшетъ, — а господинъ съ огромною звездою нюхаетъ табакъ и скучаетъ. Это ужасно! такъ поддѣть стараго доку!.....

Олинка опять розовая, опять бѣлая, счастливая; опять затмѣваетъ все въ залѣ своею красотою. Глаза ея горятъ, сердце горитъ, душа горитъ тоже. Надо быть женщиною, чтобы такъ быстро переходить отъ одного состоянія къ другому. Олинка была женщина. Недавно она считала себя не-

счастнѣйшею въ мірѣ; теперь считаетъ себя его обладательницею. Она уже не страдаетъ отвращеніемъ; небесная радость разлита по всему ея тѣлу. Она видитъ любовь въ глазахъ своего кавалера, чувствуетъ ее въ его прикосновеніи, и почти уже не скрывается, что его любитъ, что любить его вдвойнѣ, втройнѣ, — и на свой счетъ, и на зло этому господину, и на перекоръ маменькѣ. Страсть вспыхнула въ ней со всею силою черезмѣрно раскаленного пара, который опрокинулъ и поднялъ на воздухъ придавлявшую его тяжесть.

Въ промежуткахъ танца, она много наслышалась тонкихъ намѣковъ, остроумныхъ похвалъ, сыченыхъ легкою нѣжностью привѣтствій; много на-краснѣлась, много насаказала отвѣтовъ, еще болѣе дозволила догадаться. И, — кто бы подумалъ! — она даже призналась, что, вонъ тамъ, этотъ господинъ со звѣздою, смуглый, высокій, гадкій, — который нюхаетъ табакъ, — который на нее смотритъ, который, слава Богу, вотъ теперь ушелъ изъ залы, что онъ ея смерть, что она терпѣть его не можетъ, что она, если станутъ ее такъ преслѣдовать,.....

Опять новая фигура!..... Они, видно, не намѣрены сегодня кончить этотъ безбожный танецъ! Какъ тутъ быть?..... Тимошей Антоновичъ пошелъ сыграть еще два роббера въ вистъ. Между тѣмъ здѣсь пляшутъ, между тѣмъ смѣются, шутятъ, зло-словятъ, вздыхаютъ, сплетничаютъ, пересмѣиваютъ, лопаютъ съ зависти и утопаютъ въ блаженствѣ.

Извольте! вотъ конецъ котильону. Теперь можете дѣлать, что угодно.

Олинька, вся въ огняхъ, пошла гулять по по-
Т. I.

коякъ, освѣжая себя легкимъ, прозрачнымъ какъ самый вѣтеръ, опохаломъ. Графъ П*** разговаривалъ въ залѣ съ нѣкоторыми своими знакомцами, и слѣдовалъ за нею взоромъ въ длинной перспективѣ комнатъ. Пять или шесть минутъ времени прошло въ этомъ положеніи, какъ вдругъ онъ примѣтилъ.....?

— Баронъ!..... сдѣлай мнѣ дружеское одолженіе...

— Что прикажете, любезный Графъ?

— Попроси хозяйку на кадрили.

— Она не танцуетъ.

— Танцуетъ!..... Увѣрю тебя, что она танцуетъ. Она ужасно любитъ танцовать. Ты обяжешь меня чувствительно..... Она даже прекрасно танцуетъ..... Увидишь!..... Поди только, возьми ее.....

— Но я боюсь, что она мнѣ откажетъ.

— Не откажетъ! я отвѣчаю. Иди же скорѣе!..... Я тебѣ отслужу: въ другомъ мѣстѣ, когда ты прикажешь, на твой счетъ буду всю ночь танцовать съ хозяйкою, хотя бѣ ей было отъ роду лѣтъ за триста.....

— Ежели въ томъ дѣло, я исполню твое желаніе.

— Только танцуй же съ нею долго!..... какъ можешь долѣе!.....

— Хорошо! отвѣчалъ я ему, и пошелъ ангажировать Анну Петровну, которая, какъ предугадалъ волокита, съ радостью приняла мое предложеніе, и не думала отказывать. Графъ П*** непримѣтно ускользнулъ изъ залы, какъ скоро начались кадрили.

ли. Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ, въ которыхъ уединенно сидѣли по угламъ старики и дѣловые люди, съ рюмками мороженого пуншу въ рукахъ, разсуждая о старыхъ временахъ и новыхъ штатахъ; проникнулъ еще далѣе, и нашелъ только какихъ-то супруговъ, поселившихся на диванъ и занятыхъ приведеніемъ въ ясность счета своему поведенію съ самаго начала бала; перешелъ въ слѣдующую комнату, и уже не засталъ въ ней никого. Безпокойство имъ овладѣло: онъ не зналъ, что дѣлать.....

Чего же онъ искалъ? что такое примѣтилъ? зачѣмъ такъ убѣдительно просилъ меня танцовать съ Анною Петровною, и еще танцовать какъ можно долѣе?..... Что значило это безпокойство?..... Все это объясню я вамъ немедленно. Онъ примѣтилъ, что, когда Олинъка возвращалась въ залу, вѣроятно съ тѣмъ, чтобъ опять танцовать съ нимъ кадрили, извѣстный господинъ со звѣздой, дѣйствуя по трактату, перебилъ ей дорогу, вступилъ съ нею въ «разбирательство» какого-то дѣла, невзначай «представилъ ей одинъ экстренный случай на снисходительное ея благоусмотрѣніе». О чемъ онъ ей «докладывалъ», о чемъ хлопоталъ, на что «ходатайствовалъ разрѣшенія», по какому именно предмету «входилъ въ таковыя личныя съ оною Ольгою Ивановною сношенія», о томъ на первый случай «почтеннѣйше не могу вамъ донести»: это покаместъ канцелярская тайна. Только Олинъка испугалась, поблѣднѣла, закрыла глаза платкомъ, и въ половинѣ доклада ушла отъ него, быстро удаляясь по направленію комнатъ, гдѣ уже Графъ П*** потерялъ ее изъ виду между мелькающими въ отдаленныхъ атмосферахъ фигурами. Мой пріятель хотѣлъ бѣжать за ней, чтобъ утѣшить несчастную, и, боясь помѣхи со стороны ма-

меньки, придумалъ, злодѣй, безчеловѣчное, кровавое средство, — заставить меня прыгать со старухой почти цѣлый часъ!..... Я никогда не прощу ему этой шутки, гдѣ попросту сдѣлалъ онъ изъ меня ширмы для прикрытія своихъ проказъ.

Онъ блуждалъ по комнатамъ, и нигдѣ не находилъ ея. Наконецъ пришло ему въ голову заглянуть въ кабинетъ хозяйки, дверь котораго слегка была притворена. Онъ вошелъ. Олинька была тамъ. Она сидѣла одна на софѣ, и плакала, — плакала горько! Не зная свѣтскихъ приличій, она даже его не испугалась. А по правиламъ, ей непременно слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ужасно испугаться!.....

Графъ П*** упалъ на колѣни, схватилъ ея руку, и началъ осыпая ея страстными поцѣлуями. Олинька слабо защищала ее, прося его удалиться, потому, что она хочетъ умереть. Прекрасная причина къ удаленію молодого и опытнаго въ сердечныхъ дѣлахъ повѣсы изъ полузатвореннаго кабинета, отъ волшебнаго свѣта алебастровой лампы, отъ голубой софы, отъ бѣлой атласной ручки, отъ несчастной дочери, мать которой танцуетъ теперь кадрили за полверсты отсюда! Именно по этому онъ долженъ былъ остаться, — и остался. Онъ заклиналъ ее не плакать, не умирать, жить для счастья, для любви, для него; онъ клялся ей, что будетъ любить ее всю жизнь, но смерть, и даже послѣ смерти; узналъ, что она огорчена офиціальнымъ «предложеніемъ» господина со звездою «о немедленномъ пріятіи его сердца въ ея вѣдомство и распоряженіе», съ присовокупленіемъ надлежащей справки о супружествѣ, и далъ ей торжественный обѣтъ «уронить» *sic* бѣдовое дѣло, «исходатайствовавъ» дражайшую ея ручку

для самого себя; исторгъ у нея признаніе, что она тоже его любитъ, и присягнувъ ей огненными словами, что онъ ее обожаетъ. Она была тронута, утѣшена, и опять счастлива; онъ всякую минуту становился предприимчивѣе. Его клятвы, его страстное краснорѣчіе, разстраивали ея понятія, приводили сердце ея въ сладостное раздраженіе. Она чувствовала себя освѣщенной лучемъ небеснаго блаженства. Пламя пожирало ея чувства, и, въ этомъ разстройствѣ, въ этомъ пожарѣ души и тѣла, въ этой суматохѣ спасающихся понятій невинности, добродѣтели и стыда, онъ похитилъ, утащилъ съ ея устъ, горящій, полусожженный поцѣлуй. За нимъ похитилъ онъ и второй, и третій, и четвертый, и пятый..... Седьмой она ему дала, и чуть-чуть не сгорѣла сама съ этимъ поцѣлуемъ, первымъ созданнымъ въ ея душѣ и, въ то же мгновеніе, вспыхнувшимъ на ея устахъ въ видѣ яркой молніи роскоши.....

Боже мой!... кажется?..... Или это такъ имъ привидѣлось?..... Кажется, какъ будто.....? какъ будто дверь зашевелилась; какъ будто что-то бѣлое промелькнуло въ дверяхъ..... Нѣтъ, быть не можетъ!..... А если кто-нибудь ихъ видѣлъ?..... Ахъ, Боже мой, тогда они пропали!.... Нѣтъ, нѣтъ!..... Здѣсь никого не видно!..... Однако же дверь растворена шире, нежели какъ была прежде.....?

— Александръ!..... Другъ мой!..... Заклинаю!.... удались!..... Я трепещу!.....

— Олинька!..... Ангелъ мой!..... мое счастье!....

— Уйди!..... Сойдемся въ залъ!..... Я обойду

через спальню маменьки и через буфетъ..... Любишь ли меня?.....

— Выше всего въ міръ!.....

=

Гдѣ же онъ?... .. Его нѣтъ въ залѣ! Маменька еще танцуетъ: добрая маменька!..... Олинька въ безпокойствѣ. Она садится; она встаетъ, и опять садится; уходитъ изъ залы, и опять возвращается. Вотъ кончились кадрили. Вотъ составляются новыя. Гдѣ же онъ?..... не ушелъ ли?..... Нѣтъ, онъ придетъ!..... Онъ придетъ непременно!..... Между тѣмъ какой-то франтъ съ широко раскинутыми бортами, съ золотымъ жилетомъ, съ пышнымъ галстукомъ, съ окладистыми бакенбардами, привѣтливо проситъ Олиньку на кадрили. Отказать ему не ловко, танцовать съ нимъ очень скучно; но и остаться праздною опасно. Неравно маменька.....? Неравно ужасный господинъ съ большою звездою.....? Лучше танцовать! Она стала съ нимъ къ кадрили.

Пусть же Олинька танцуетъ; пусть маменька отдыхаетъ послѣ танца: я между тѣмъ прочитаю вамъ два любопытныя Явленія изъ старой Комедіи, которую играютъ всюду, съ небольшими перемѣнами.

Я В Л Е Н І Е I.

Дѣйствіе происходитъ въ той же залѣ. Въ серединѣ ея танцуютъ. Вокругъ стѣнъ сидятъ старыя и молодыя дамы въ береткахъ, чепчикахъ и турбанахъ; старыя и молодыя дѣвицы съ го-

тически на головѣ башинки изъ чужихъ волосъ, съ локонами изъ чужихъ волосъ, съ таліями на ватѣ и бушажными цвѣтами. Все оны перешептываются между собою, пожимаютъ плечами и киваютъ головою.

— Ты видѣла сама?.....

— Нѣтъ, маменька; я не видала, но мнѣ сказывала Катинька Б***, которой сообщила это за тайну Лиза Ф***, которая знаетъ о томъ отъ Каролины Карловны, которая, говорятъ, видѣла собственными глазами, случайно заглянувъ въ кабинетъ Анны Петровны.

— Боже мой!..... Какой теперь свѣтъ!..... Не бери, душенька, съ нея примѣра.

— О, нѣтъ, маменька!..... не бойся!

— Прасковья Егоровна! слышали ли вы новость?

— Не на счетъ ли кабинета, Марья Богдановна?.... Да! слышала!..... Скажите, пожалуйста!..... Кто бы это подумалъ!.....

— Ахъ, батюшки!..... Чего добраго ожидать отъ нынѣшней молодежи!

— Впрочемъ, и мать не лучше ея была въ свое время.....

— Маменька танцуетъ въ сорокъ лѣтъ, а дочь въ шестнадцать лѣтъ цѣлуется съ молокососами!.....

— Да тѣмъ ли только кончилось, Дарья Васильевна?.....

— Какой соблазнъ!..... Во время бала!.....

— Ахъ, Софья Николаевна!..... эти воспитанницы Институтовъ, право, все таковы: ихъ содержать въ строгости, а какъ выпустятъ, такъ словно порохъ: такъ и загорается отъ первой искры; а тамъ ужъ и не удержишь.....

— Вы ошибаетесь, Елисавета Кондратьевна! Ведь и моя Сашинька воспитана въ Институтъ: однако жъ она не похожа на эту.

— Извините, я не знала. Конечно, много зависть и отъ домашнихъ примѣровъ..... Но, посмотрите, какъ весело она танцуетъ послѣ всего этого!..... Какъ-будто ничего не бывало! Пойдите, пойду поздравить Анну Петровну съ отличнымъ воспитаніемъ ея дочери.....

— Катерина Алексѣвна!..... слышала ли ты, какую глупость сказала мнѣ моя сосѣдка?

— Кто?..... Софья Николаевна?..... Да!!..... Чего же ты отъ нея ъжидала? Она и зла, и безтолкова.

— Сказать между нами, хороша и ея Сашинька!.....

— Ну, объ этой и говорить нечего! Будетъ хуже матери.....

И проч., и проч., и проч.

ЯВЛЕНІЕ П.

Бѣлая иранорная комната, отдѣленная отъ танцевальной залы тремя или четырьмя комнатами. Дама лѣтъ тридцати-пяти, еще довольно свѣжая, въ богатомъ беретѣ съ райскою птицею, сидитъ въ углу софы. Возлѣ нея, на табуретѣ, сидитъ молодой человекъ съ разстроеннымъ лицомъ: кажется, это Графъ П***.....? Нѣсколько мужчинъ и дамъ, утопленныхъ баломъ, прохаживаются по комнатамъ въ ожиданіи ужина, не заботясь ни о дамѣ, ни объ ея сосѣдѣ, которые разговариваютъ между собою.

— Хорошо, Графъ!..... Прекрасно!..... прекрасно!..... Да! разумѣется, что вы не ожидали повстрѣчаться здѣсь со мною! Вамъ и въ голову не приходило, чтобъ я съ давняго времени была знакома съ хозяевами этого дома! Вы полагали, что можете

проказничать здѣсь свободно, а завтра обманете меня какую-нибудь пустою отговоркою. Я же вамъ объявляю, что я давно знала о томъ, что вы собираетесь на этотъ балъ; что съ умысломъ не упоминала передъ вами ни слова, о томъ что и я тоже приглашена сюда; что нарочно просила васъ провести этотъ вечеръ со мною, чтобъ видѣть, какъ будете вы отвѣчать мнѣ. Я только удивлялась, съ какою безстыдною увѣренностью тотчасъ обѣщали вы быть у меня, тогда, какъ мнѣ было извѣстно, что вы непременно будете здѣсь.....

— Княгиня, ради Бога!... оставимъ это!..... Что жъ я дурнаго сдѣлала?..... Ежели вы называете это преступленіемъ, то я могу утѣшаться мыслию, что оно совершенно равно вашему: вы тоже здѣсь!

— Прошу повѣрить, что я бы никогда сюда не пріѣхала, если бъ вы пожаловали ко мнѣ, по вашему обѣщанію! Я съ тѣмъ и прибыла очень поздно, чтобъ предоставить вамъ время для раскрытія здѣсь прекраснаго вашего характера; чтобъ поймать васъ, чтобъ уличить въ измѣнѣ. Стыдно, стыдно, Александръ Сергѣевичъ!.....

— Помилуйте, Княгиня!..... О какой измѣнѣ вы мнѣ говорите? Вы только ищете предлога къ ссорѣ! Ни въ какомъ уголовномъ, уложеніи танцовать съ дамами въ порядочномъ домѣ, не называется измѣною.

— И вы еще смѣете отвѣчать мнѣ подобнымъ образомъ?..... А происшествіе въ кабинетъ?.....

— Какое?

— Вы не знаете, какое?..... Вы чудовище! вы человѣкъ безъ совѣсти и безъ сердца!..... Онъ еще

спрашиваетъ, какое происшествіе!..... Извольте, сударь, спросить у этихъ дамъ, въ залъ: васъ видѣли въ кабинетъ съ прекрасною Ольгою; видѣли на колыняхъ передъ нею; видѣли, какъ вы ее цѣловали.....

— Княгиня!..... Сдѣайте милость!..... Что вы говорите!.....

— Я говорю то, что знаю; что всѣ здѣсь знаютъ, кромѣ несчастныхъ родителей, которые не догадываются, что вы заплатили себѣ ихъ честью и честью ихъ дочери за то, что удостоили ихъ балъ вашего присутствія. Вы играете здѣсь, какъ и вездѣ, роль мерзкаго оболъстителя. Какъ вамъ не совѣстно, жертвовать мгновенному удовольствію, тщеславію, шалости, славою, покоемъ, счастьемъ всей жизни невинной, неопытной дѣвушки, дочери честнаго и благороднаго человѣка, котораго называете вы вашимъ пріятелемъ?..... Вы погубили беззащитную. Чѣмъ исправите вы сдѣланную ей обиду?..... Хотите ли на ней жениться?..... Отвѣчайте!

—

— Вы молчите?..... И такъ, Графъ, вы въ состояніи, для вашей забавы, играть судьбою этой бѣдной Ольги?..... Нѣтъ, сударь; послѣ этого, я не хочу и знать васъ!

— Но вы говорите съ такимъ жаромъ, что всѣ васъ услышатъ. Я объясню вамъ завтра все, какъ что было, и вы.....

— Теперь здѣсь никого нѣтъ, и я могу говорить смѣло, тѣмъ болѣе, что говорю съ вами въ послѣдній разъ. Впрочемъ, пусть слышатъ! Я готова сама разсказать всѣмъ вашъ поступокъ: я непременно

расскажу объ немъ матери, и предостерегу ее на вашъ счетъ.....

— Помилуйте, Княгиня, вы забываетесь!..... Хотите ли вы повергнуть меня въ отчаяніе, скомпрометровать себя?.....

— Благодаря вамъ, сударь, я уже довольно скомпрометирована: вы не дѣлаете ни какой тайны изъ моея къ вамъ безразсудной «дружбы». Думаете ли вы, что я не понимаю, почему приглашена я сюда?..... Эти господа хотѣли видѣть васъ у себя на балѣ, и, зовя васъ, полагали необходимымъ позвать и меня: до такой степени они считаютъ меня нераздѣльною съ вами!..... Это приглашеніе поразило меня кинжаломъ въ сердце: я видѣла въ немъ доказательство того, что я обезславлена въ общемъ мнѣніи. Я плакала всю ночь изъ-за уваженія, которое они мнѣ оказываютъ, не забывая обо мнѣ.....

— Да вы и теперь плачете!..... Княгиня!..... ради всего священнаго вамъ въ мірѣ!.....

— Я должна плакать, плакать всю жизнь, о своей глупости..... Вотъ, какую признательность заслужила я отъ васъ за всѣ мои пожертвованія!..... Мнѣ стыдно признаться передъ собою, что я нарушаю священнѣйшій долгъ матери, краду достояніе моея дочери, чтобъ купить себѣ свой срамъ и вашу неблагодарность; чтобъ удовлетворить вашу ненасытную страсть къ мотовству, къ фанфаронству. По моея милости, васъ считаютъ богатымъ человѣкомъ: вы лучше меня знаете свои доходы!.....

— Я вамъ обязанъ всѣмъ; я питаю нѣжнѣйшую къ вамъ признательность, дружбу..... Княгиня!..... Я чувствую всю низость моего поступка, и опять заслужу ваше уваженіе. Простите мгновенное заблужденіе! Я гнушаюсь самимъ собою, и сдѣлаю все,

чтобъ загладить свою вину. Вы увидите! Даю вамъ честное слово!.....

— Вы уже столько разъ мнѣ его давали!.....

— Но никогда съ такимъ раскаяніемъ, такъ искренно, какъ теперъ!.....

— Вы меня обманываете?.....

— Пусть умру на-мѣсть, если не говорю этого отъ чистаго сердца!

— Какое поручительство представите вы мнѣ въ вашемъ чистосердечіи?

— Какое вамъ угодно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, чего бы я для васъ не сдѣлалъ.

— Дайте мнѣ клятву, что съ этой же минуты вы забудете объ этой дѣвушкѣ.....

— Клянусь вамъ честію!

— Что вы не будете ни говорить, ни танцовать съ нею.....

— Не буду!

— Что вы откажетесь отъ нея навсегда.....

— Навсегда!

— Что, покуда я здѣсь, вы будете находиться подлѣ меня, и уйдете прежде меня отсюда.

— Согласенъ!

— Такъ пойдемъ въ залу.

=

Такъ и мы возвратимся къ Олимпкѣ! Уже кад-
риль кончилась; многочисленныя группы измучен-

ныхъ удовольствіемъ и веселостью барышень блуждаютъ по залѣ и по смежнымъ комнатамъ; Олинька блуждаетъ также, безъ цѣли и безъ радости, съ одною своею подругою, которая накрѣпко заплела свою руку съ ея рукою. Кто же эта подруга?.....

Это змѣя!

Это зависть, это злоба, блещущая розово-золотистою чешуею, длинная, гибкая и сильная, какъ пресмыкающійся царь береговъ Ла-Платты. Она обвилась вокругъ бѣдной дѣвушки, жметъ ее и ломаетъ; впицась въ ея грудь, и, сквозь тонкое жало, медленно впускаетъ ядъ въ сердце; она уже грызетъ ея внутренность; скоро убьетъ ее, — и броситъ!.....

Это та же самая пріятельница, которая ходила съ нею подъ руку, когда въ первый разъ Олинька увидѣла Графа П***; та, съ которою онъ разговаривалъ, когда произвелъ на нее первое впечатлѣніе; которая воспламенила ея воображеніе придаваемыми ему похвалами,

Теперь она искусно чернить его передъ нею. Подъ предлогомъ негодованія на коварство мужчинъ, она уже сказала Олинькѣ, что онъ человѣкъ безъ всякихъ правилъ; что онъ считаетъ бездѣлицею обмануть женщину и погубить ее въ общемъ мнѣніи; что онъ даже тѣмъ хвастаетъ. Подъ видомъ сердечнаго измѣненія, она сообщила ей длинную исторію о связи его съ Княгинею Надеждою Ивановною, которая незадолго передъ тѣмъ пріѣхала на балъ, вѣроятно, единственно для него; въ которую онъ давно влюбленъ, и на которой, говорятъ, скоро женится. Потомъ, исполняя адской преданности, она совѣтовала убѣгать его, ибо одно знакомство съ такимъ человѣкомъ уже опасно для славы молодой дѣвицы. Потомъ, принимая живѣйшее уча-

стие въ ея чувствованіяхъ, она намѣкнула ей, съ одобрительною улыбкою услужливой сообщницы, что видѣла его у ногъ Олинъки, въ кабинетъ, о чемъ однако жъ она, — сохрани Господи!... честное слово! — никогда никому не скажетъ ни слова. Наконецъ, разными тонкими оборотами, приправленными состраданіемъ и дружбою, то вооружаясь противъ клеветы, то пеняя на злословіе, зависть и сплетни, нѣжная пріятельница ясно дала ей уразумѣть, что она уже обезславлена, и, вдругъ, покинула ее, — полумертвою, окаменѣлою, разраженною!... покинула, и убѣжала съ радостью скорпіона, ужалившаго неосторожную ногу, которая угрожала его раздавить.

Можете ли вы дать себѣ отчетъ въ состояніи сердца невинной дѣвушки, которая едва вкусила первую, самую первую сладость любви, и, въ то же время, узнаетъ, что она уже сдѣлалась безчестною?... Нѣтъ! вы никогда его не поймете, ибо она во сто разъ ужаснѣе, нежели какъ быть нечаянно удаленнымъ отъ выгоднаго мѣста, отданнымъ подъ судъ, осужденнымъ и отъявленнымъ во всей Имперіи, съ воспрещеніемъ вступать въ службу. Колѣни дрожали подъ бѣдною Олинъкою; нѣжные ея члены поражены были разслабленіемъ, какъ-будто отъ подувшаго на нее порыва симума; ознобъ и жаръ попеременно леденили ея кровь и приводили въ бурное кипѣніе; глаза ея вдругъ наполнились слезами и мракомъ, и, когда слезы канули на паркетъ, въ тѣхъ же людяхъ, которые, за минуту, всѣ казались ей кроткими, забавными, безвредными, она увидѣла стаю свирѣпыхъ драконовъ, грозно развѣрающихъ пасти, чтобъ пожрать ее. Однимъ-разомъ постигла она значеніе всѣхъ взглядовъ, всѣхъ улыбокъ, всѣхъ ужимокъ, и повсюду прочитала свое

безчестіе. Она хотѣла уйти; уже уходила, — какъ маменька попалась ей на встрѣчу, и, взявъ ее за руку, представила Княгиню Надежду Ивановну, сидѣвшей въ креслахъ у дверей залы, рядомъ съ Графомъ П***.

— Княгиня!.... это моя дочь!

— А!!.... это ваша дочь!.....

Олинька содрогнулась. Она ощутила на душѣ всю ѣдкость яда, приснувшего изъ устъ Княгини съ этими словами, которыя были произнесены особеннымъ, весьма примѣчательнымъ тономъ. Маменька велѣла ей сѣсть подлѣ ужасной соперницы, и сама усѣлась подлѣ Олиньки.

Княгиня нарочно старалась быть любезною и обласкать Олиньку, спрашивая ее о разныхъ мелкихъ обстоятельствахъ, и относясь къ маменькѣ съ похвалами, которыя желала воздать дочери. Но всякая изъ этихъ похвалъ заключала въ себѣ кровавый упрекъ или язвительную насмѣшку, горечь которыхъ постигала одна только Олинька. Произаемая потаенными ножами, преданная въ руки искуснаго въ терзаніяхъ и неумолимаго палача въ грозномъ бархатномъ беретѣ съ райскою птицею, угнетенная высокоуміемъ могущественной соперницы, чувствомъ обиды и вины, стыдомъ, безславіемъ и угрызеніями совѣсти, беззащитная дѣвушка облекалась на лицѣ и на рукахъ гробовою блѣдностью, мертвѣла, превращалась въ безчувственный камень. Синія и зеленыя пятна выступали на ея щекахъ, и были вдругъ пожираемы краснотою, порождаемою негодованіемъ, которую немедленно смѣтало съ нихъ холодное дуновеніе страха, опасеніе услышать что — ни-

будь еще ужаснѣе, — громкое и безпритворное объявленіе ея проступка! Маменька говорила:

— Она очень застычива.

Княгиня говорила:

— Дамъ нечего бояться: лучше бояться мужчинъ. Съ ними-то надо быть скромною и осторожною, ежели хочешь сохранить свою репутацію.

Олинька трепетала.

Бѣдная Олинька должна была выдержать битую четверть часа этого безчеловѣчнаго, истинно женскаго, мученія. Она была уничтожена, и призывала на помощь послѣднія свои силы, чтобъ скрыть свои страданія; чтобъ, по крайней мѣрѣ, лишить гонительницу возможности наслаждаться ихъ зрѣлищемъ. Сколько перенесла она въ это короткое время!..... Ахъ, клянусь, ежели когда-либо оборочусь я красавицею, ни за какое благо, — хотъ бы меня повѣсили на самой высокой мужской шеѣ! — не стану цѣловаться съ мужчинами, чтобъ только не подвергнуться преслѣдованію со стороны другихъ любительницъ поцѣлуевъ! Онъ знаютъ искусство высасывать чужіе поцѣлуи изъ-подъ кожи своихъ соперницъ, и, ежели соперницы слабѣе и моложе ихъ, употребляютъ его съ жестокосердіемъ, съ неистовствомъ, превосходящимъ всякое воображеніе.

По-временамъ, Олинька пыталась, украдкою, поймать взглядъ Графа П***, чтобъ перелить въ него свои чувствованія; но онъ не смотрѣлъ на Олиньку. Онъ спокойно сидѣлъ подлѣ Княгини, ворочалъ шляпу, всматривался съ любопытствомъ въ кожу своихъ перчатокъ, и казался очень разсѣяннымъ.

Но если бь какъ-нибудь могли вы залѣзть тогда въ его голову и порыться въ мозгу, вы бы нашли въ немъ престранныя думы. Впрочемъ, начто лазить въ голову? — онъ на другой день самъ пересказалъ своимъ пріятелямъ все, что думалъ, вертя шляпою и разсматривая швы на перчаткахъ.

Онъ думалъ такъ:

— Чортъ принесть сюда эту бабу! Если бь я зналъ, что она будетъ здѣсь, я бы скорѣе поѣхалъ на балъ къ Алеутамъ, въ Камчатку. И не знаешь, какъ съ ней развязаться!..... Она взяла такую власть надо мною, что я передъ ней сижу какъ дуракъ, и не смѣю сказать слова, когда она бранить меня словно своего крѣпостнаго лакея. Но я философъ на эти вещи: пусть бранить!..... Она немощко жестко управляетъ мною, это правда; но я буду повиноваться только до тѣхъ поръ, пока она пребудетъ вѣрною хорошимъ правиламъ, пока не перейдетъ на сторону послѣдователей дешеваго правительства. О, тогда, изъ моего ума, сердца и повиновенія, я составлю такую бурную оппозицію, что она увидитъ!..... По несчастію, я слишкомъ запутался съ этою женщиною, и теперь нуженъ мечъ Александровъ, чтобъ разсѣчь этотъ узелъ. Поссорившись съ нею, я долженъ былъ бы отказаться отъ Машиньки и отъ моей мамзель Алинъ: на это я не соглашусь! Надо имѣть нѣсколько философій: я считаю эту бабу своею деревнею, которая приносить мнѣ сто пятьдесятъ тысячъ чистаго дохода. Кто пользуется доходомъ съ деревни, тотъ долженъ подвергнуться заботамъ управленія ею. Назовемъ непріятности, которыя принужденъ я иногда переносить отъ нея, заботамъ управленія имѣніемъ, и все будетъ въ порядкѣ вещей. Но что, если бь я простеръ философію свою до такой степени, чтобъ затмилъ славу семи Грече-

скихъ мудрецовъ?..... если бѣ, напримѣръ, вдругъ рѣшился я ограничить свои расходы?..... Оно трудновато, но возможно. Олинька также не дурная партія. Она мнѣ нравится; я люблю ее..... Я готовъ жениться на ней на зло моей деревнѣ, Княгинѣ. Я подумаю о томъ у себя дома!..... Завтра приду сюда сказать хозяйкѣ пару комплиментовъ на счетъ ея бала, и вѣроятно увижусь съ Олинькою. Сегодня, — увя! — надо отъ ней отказаться, для спокойствія и чести самой ея. Эта баба, взбѣсившись, въ состояніи огорчить ее, огорчить мать, пересказать все родителямъ, и взбунтовать ихъ противъ меня..... Такъ и быть! — сегодня я подчинюсь необходимости, но завтра мы посчитаемся съ Княгиней. Эта шутка будетъ ей стоить пятидесяти тысячъ рублей: цѣна весьма умеренная за то, что она насказала мнѣ сегодня. Мнѣ именно нужны теперь пятьдесятъ тысячъ: не уступлю ни копейки.....

И между-тѣмъ, какъ онъ такъ думалъ, его деревня въ бархатномъ беретѣ все терзала злополучную его Олиньку клещами самой утонченной злобы: скрытно, искусно, мѣтко поражала ее издали острою мести, и, задѣвъ смертоносною зазубриною за нанесенную рану, свирѣпо тащила трепещущую жертву за свою гордость; попирала ее своимъ превосходствомъ, и, прижавъ ее къ землѣ, затоптавъ въ униженіе, издѣвалась надъ нею добродушными совѣтами и нѣжными заботами объ ея счастіи. А Анна Петровна все была въ восхищеніи, и говорила въ душѣ: — Какая добрая Княгиня!..... Какъ она полюбила мою Олиньку!..... Она даетъ ей такія наставленія, какъ родной своей дочери!

И, измучивъ слабое, прелестное существо, изранивъ его, измаявъ, вытиснувъ на немъ все свое

ожесточеніе и противъ дочери, за посяганіе на ея собственность, и противъ матери, оскорбившей ея самолюбіе неужьстнымъ приглашеніемъ ея къ себѣ на балъ, — но все это сладко, все это любезно, тонко, умно, непримѣтно, — чтобъ довершить ударъ, чтобъ показать Олинкѣ свое владычество надъ ея любовникомъ, и больно выдернуть изъ ея сердца послѣдній лучъ надежды, она вдругъ оборотилась къ Графу П***, и засвѣтила ему въ глаза огненнымъ своимъ взглядомъ, въ то именно время, когда онъ думалъ: «Пятьдесятъ тысячъ!..... ни одной копѣйки менѣе!.....»

Пробужденный изъ такихъ глубокихъ думъ, повѣса долженъ былъ торопливо собраться съ своею запасною любезностію и карманными улыбками, чтобъ вѣжливо встрѣтить нѣжнаго посланца сердца, съ которымъ завтра предстояли ему важныя денежныя сдѣлки. Княгиня пустилась шутить съ нимъ, смѣяться, рассуждать о лицахъ, имъ только извѣстныхъ, о забавахъ и удовольствіяхъ, непреступныхъ для общества, собравшагося въ этомъ домѣ. Вѣтренный волокита, забывъ о близости Олинки, всею своею веселостію, всѣмъ своимъ блистательнымъ злословіемъ поспѣшилъ поддержать этотъ неожиданный взрывъ юмористики своей сосѣдки. Полу-слова, полу-вопросы, полу-отвѣты, перемѣшанные съ таинственнымъ смѣхомъ, съ загадочными взглядами, съ признаками обоюднаго удовольствія, сообщили этому разговору видъ совершеннаго согласія, тѣсной дружбы, почти условленнаго общенчества между двумя участвующими въ немъ собесѣдниками, — по крайней мѣрѣ, вполне произвели надъ неопытною дѣвushкою то дѣйствіе, котораго ожидала отъ нихъ бойкая ея соперница. Олинка почти не довѣрала своимъ глазамъ.

Какъ! въ двухъ шагахъ отъ нея, полчаса послѣ клятвъ, онъ даже на нее не смотритъ?..... Онъ очевидно ее презираетъ!..... Теперь она убѣдилась въ его коварствѣ. Правда!..... онъ влюбленъ въ нее!..... эта женщина совершенно господствуетъ надъ его умомъ! Теперь Оленька увѣрилась въ его измѣнѣ, въ своемъ посрамленіи, въ своемъ несчастіи. Грудь ея вздымалась, понятія помрачались: она упала бы въ обморокъ, если бъ новое, невѣдомое ей чувство, — чувство палющее, раздражительное, безпокойное, ужасное, — вдругъ не исполнило ея какой-то злобной жизни, не возбудило въ ней бѣшенства.

Что жъ это было такое?..... Что такое! — ревность.

Боль души написана была на ея лицѣ, взрыгомъ судорожною игрою жилъ. Челюсти ея сощемились. Корчь крючила ея пальцы. Она страдала такъ жестоко, такъ была разъярена страданіемъ, что, если бы робость не отняла у нея движеній тѣла, она ущипнула бъ Княгиню, — не то ущипнула бъ маменьку. Ксчастію, она никого не ущипнула, и рѣшилась удалиться, чтобъ облегчить сердце слезами. Маменька велѣла ей остаться. Ксчастію, тотъ самый длинный франтъ въ золотомъ жилетѣ, съ которымъ танцевала она прежде, предсталъ передъ нее, и ангажировалъ ее на мазурку. Она освободилась.

Но, понесчастію, проходя мимо Княгини, она услышала слова:

— Графъ!..... а вы не будете танцевать мазурки?

— Ежели съ вами, Княгиня, — непременно!

Олинька посмотрѣла на него съ гнѣвомъ. Онъ даже не привѣтилъ ея взгляда. Опять танцуютъ. Всѣ веселятся, всѣ дышатъ утѣхою, разговариваютъ вполголоса, обвиняются руками, обвиняются улыбками, кружатся въ отрадѣ, въ счастіи, въ упоеніи, въ жарѣ, — въ воздухѣ сгущенномъ усиленными дыханіями, — во мглѣ, испускаемой рядами догорающихъ свѣчей, — въ чадномъ газѣ, испаряющемся изъ множества раскаленныхъ, красныхъ и вспотѣвшихъ самолюбій. Одна Олинька не знаетъ удовольствія въ этомъ шумномъ, рѣзвомъ, быстро движущемся кругу. Она тяжело вздыхаетъ, глотаетъ пыль и горечь, слышитъ, какъ внутренность ея раздирается. Ея сердце трескается отъ боли; голова ея горитъ лихорадочнымъ огнемъ. Она старается встрѣтить взоръ ввроломнаго, и встрѣчаетъ только его равнодушіе и торжество гордаго берета. Она бѣсится, и пляшетъ; приходитъ въ изступленіе, и пляшетъ прелестно. Постой же, измѣнникъ! чудовище! извергъ!..... Ты на нее не смотришь? Она тебя накажетъ. Въ душѣ Олиньки уже вспыхнуло волшебное пламя мщенія. Она чувствуетъ себя легче, уже одушевляется новыми силами, и, съ злобнымъ восторгомъ, предается влеченію небеснаго, обворожительнаго чувства, которое теперь въ первый разъ посылало ея сердце. Она отмститъ тебѣ жестоко, немилосердо, ужасно! — какъ мстятъ всѣ женщины за подобное предательство: она будетъ кокеткою!... Не полагайся на ея неопытность: женскій инстинктъ выучитъ ее всему, что нужно; я знавалъ женщинъ, которыя уже были искусными кокетками въ седьмой день послѣ своего рожденія.

Олинька не смотритъ на коварнаго, не ищетъ, не ловитъ его взоровъ. Она прежде не говорила ни слова съ длиннымъ своимъ танцоромъ въ золотомъ

жилеть, не отвѣчала даже на его привѣтствія; теперь вдругъ стала любезна съ нимъ и весела. Она смѣло пускается съ нимъ въ разсужденія, смѣется, шутить, и чаруетъ его глазами. Она занята имъ исключительно, старается найти его пріятнымъ, и обнаруживаетъ видъ совершеннаго счастья въ его обществѣ. Украдкою, она развѣдываетъ взоромъ — видитъ ли это неблагодарный? — видитъ ли онъ, что она объ немъ не заботится, что она счастлива съ другимъ? Онъ видитъ!..... тѣмъ лучше. Пусть же его видитъ; пусть видитъ еще яснѣе; пусть сожалѣетъ и бѣсится. Когда взбѣсится порядкомъ, онъ будетъ безъ памяти отъ Олиньки. Любовь возвращается вмѣстѣ со злостью.

Но онъ видитъ, и показываетъ, какъ-будто это до него не касается. Онъ очень хорошо понялъ, что такое она дѣлаетъ, и съ какимъ намѣреніемъ; но его самолюбіе было огорчено по другому поводу. Княгиня дала ему примѣтить, что Олинька вѣтрена дѣвушка, что она кокетка, и начала-было жестоко пересмѣивать его на счетъ прекрасной его побѣды, которая сама лѣзетъ въ руки. Онъ не выдержалъ насмѣшекъ, и разсердился вмѣстѣ и на Княгиню и на Олиньку.

=

И мазурка кончилась, какъ все кончается на свѣтъ. Съ мазуркою прекратилась и тягостная роль Олиньки въ отношеніи къ длинному франту. Она

была не въ силахъ выдержать ее долге. Ея кокетство, по-видимому, не произвело ни какого дѣйствія надъ коварнымъ. Последнее средство, которое употребила она противъ его жестокости, на которое рѣшилась вопреки голосу своего сердца, — и это последнее средство осталось безуспѣшнымъ!..... Она опять печальна, опять терзается ревностью, гнѣвомъ, любовью, и почти приходитъ въ отчаяніе.

Но еще одна искра надежды рдѣетъ въ ея душѣ. Эта ужасная женщина, вотъ, она ушла съ маменькою прогуляться по покоямъ. Вотъ, наступаетъ вальсъ. Вотъ, онъ разсыянно блуждаетъ между гостями въ другомъ концѣ залы. Онъ, можетъ-быть, подойдетъ къ ней. Ахъ, если бъ взялъ онъ ее вальсировать!..... Она сама непримѣтно передвинулась въ другой конецъ залы, и съла близости его. Сердце ея трепещетъ..... Онъ не удостоиваетъ ея своего взгляда, за который она теперь отдала бъ всю свою жизнь, весь міръ, и самое небо!..... Онъ стоитъ недалеко отъ нея, и разговариваетъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Жестокій! онъ хочетъ убить Олинку!..... Но, вдругъ, молодой человѣкъ его покидаетъ, беретъ первую попавшуюся дѣвицу, и пускается вальсировать съ нею. Графъ П*** остается одинъ, оглядывается кругомъ себя, ища какой-нибудь дамы, чтобъ повертѣть ею нѣсколько разъ по залѣ, и видитъ Олинку. Онъ подходитъ къ ней очень ловко, кланяется ей очень вѣжливо, и поднимаетъ ее съ кресель безмолвно. Наступила роковая минута. Она опять въ его объятіяхъ!.....

Олинка кружится съ нимъ по залѣ: она горитъ и трепещетъ еще сильнѣе прежняго..... Она хотѣла бы объясниться съ нимъ на счетъ его поведенія съ нею, и не смѣетъ раскрыть устъ Она ожидаетъ, по-

ка онъ скажетъ ей слово; но онъ молчитъ, и вальсируетъ съ нею такъ хладнокровно, какъ величайшій Германскій Философъ съ первою Австрійскою Философкою. Она устремляетъ въ его лице свои неподобные, наполненные прѣкрасною слезою глаза, ищетъ проникнуть взоромъ въ его душу; но его лице мертво, холодно, душа его какъ бы нарочно закрыта черною завѣсою равнодушія, — и уста его нѣмы, и рука его нѣма, и глаза еще нѣмѣ устъ и руки. Олинька въ отчаяніи: она почти мерзнетъ въ его объятіяхъ, хотя страшный жаръ бьетъ ей въ голову; она издышала всю надежду, и уже дышитъ душою, остаткомъ своего существа. Она изнемогаетъ подъ тяжестью обиды и несчастія, и едва-едва имѣетъ силу сказать ему:

— Довольно!.... Мнѣ очень жарко!...

Онъ учтиво посадилъ ее въ кресла, еще учтивѣе поклонился, и ушелъ, думая про себя: — Я на нее сердить!.... Завтра мы объяснимся съ нею, и помиримся.

Завтра!

Въ то же самое время, Княгиня, маменька и господинъ съ большою звѣздою, вошли въ залу. Ихъ-то присутствія только и доставало, чтобъ довершить убійство несчастной дѣвушки!....

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и убѣжала изъ залы.

Одаренная пылкою и чувствительною душою, Олинька могла еще вынести мученія страсти, клевету, измѣну, неблагодарность; но она не была въ состояніи стерпѣть презрѣніе отъ того, кому пожертвовала своимъ спокойствіемъ, своею честію. Она была въ изступленіи. Люди! что вы сдѣлали съ кроткою, невинною, милою Олинькою!..... Вы привели

ее на край пропасти, и оставили! Вы изуродовали ея ангельскую душу! Она теперь рвѣшится на все.....

Она быстро бѣжала въ спальню, усталая и распаленная танцами, облитая холоднымъ потомъ по всему тѣлу, взволнованная, блѣдная, съ неподвижными глазами послѣдней степени отчаянiя; мчалась черезъ столовую, пыша, негодуя, клянясь отмстить ему, отмстить себѣ, Княгинѣ, маменькѣ, господину со звѣздою и цѣлому свѣту; вбѣжала въ буфетъ съ клятвою на устахъ наказать вѣроломнаго; увидѣла графинѣ съ водою, и, въ наказанiе ему, выпила два стакана холодной воды; увидѣла еще мороженое, и бросилась на него съ жадностию, стала хватать его руками, набивать въ свой узкiй, красивый ротикъ, глотать цѣлыми кусками, и не прежде оставила, какъ одна изъ служанокъ вырвала у ней изъ рукъ тарелку, закричавъ въ испугъ: — Ольга Ивановна!!... что вы дѣлаете?.....

Тогда спокойно ушла она въ свою спальню, зовя за собою горничную.

— Наташа!..... раздѣвай меня скорѣе. Скорѣе! скорѣе!!.....

— Ольга Ивановна, вѣдь балъ еще не кончился!....

— Все равно! Разстегивай корсетъ.... Проворнѣе!.... Охъ!!!....

— Вы ужинать не будете?....

— Не буду!.... Скорѣе!.... Ой, мнѣ дурно!.... Я лягу. Уходя, уברי свѣчу. Тащи чулки скорѣе..... Когда маменька спросить, скажи, что я уже уснула. На, вынь еще серьги изъ ушей!.... Оставь, не складывай ничего!.... Брось все на землю!.... Ахъ!....

Олинька долго рыдала впотьмахъ, и глухой гулъ отдаленнаго бала долго еще смущалъ слухъ несчастной. Она была холодна, какъ глыба льду.

Потомъ, перестала она рыдать, вздохнула, и сказала: — Теперь все кончилось!....

Потомъ Анна Петровна вбѣжала еще въ ся комнату. Олинька закутала голову въ одѣяло, и притворилась спящею.

— Олинька, ты спишь!

Она не отвѣчала.

— Олинька!..... Олинька!.....

Мать начала будить ее рукою.

— А?..... что?..... Это ты, маменька?.....

— Ты спишь, Олинька?

— Да, маменька! сплю.

— Что это значить?..... Зачѣмъ ушла ты такъ скоро?

— У меня голова страхъ разболѣлась.

— Надо было, по крайней мѣрѣ, сказатья мнѣ; а то я не знала, что съ тобой стало. Княгиня и Тимоѣей Антонович спрашивали объ тебѣ по нѣскольку разъ. Ты очень ему понравилась....

— Маменька!!..... я сплю!.....

=

На другой день, около полудня, Олинька лежала въ постели, прикрытая зеленымъ одѣяломъ по шею.

Голова ея, небрежно обвязанная батистовымъ платкомъ, слегка утопала въ подушкѣ, и, по удивительной правильности чертъ лица, по его спокойствію и смертельной блѣдности, казалась головою изъ Каррарскаго мрамора, отбитою отъ статуи прекрасной Нимфы Кановы. Мать сидѣла у кровати въ креслахъ, и, держа на колѣнахъ руки, сплетенныя пальцами, печально смотрѣла на свою Олинку.

Олинка показала рукою, что желаетъ, чтобы стоящій на окнѣ горшокъ съ розою, которую подарила ей тетюшка, поставили у ея кровати. Анна Петровна сама исполнила ея желаніе, и Олинка, возвращаясь всею душою къ своему растительному, безмятежному другу, начала нѣжно ласкать рукою красивый цвѣтъ, который въ то время только-что достигъ полноты своей блистательной жизни.

Скоро рука ея упала на постель. Она вздохнула, и двѣ крупныя слезы покатались по ея щекамъ, сбѣжали со щекъ, и изсыкли въ подушкѣ.

— О чемъ ты вздохнула, мой другъ? спросила мать.

— Ничего!..... такъ!..... отвѣчала она.

— Скажи, душенька, правду, присовокупила Анна Петровна: я хочу знать. Я вижу, что ты печальна.

— О, нѣтъ, маменька! сказала она умильнымъ голосомъ. Я никогда не была такъ спокойна духомъ, какъ теперь. Мнѣ только стало немножко грустно отъ того, что я подумала.....

— Что же ты подумала?... Говори смѣло, не скрывай ничего отъ меня.

— То, что я и эта роза, — посмотри, маменька, какъ она полна, свѣжа, мила! — что я и она вчера

начали жить въ одно время: мы съ нею расцвѣли вмѣстѣ; она еще цвѣтеть, а я уже вяну!.....

И тихія слезы опять заструились изъ ея глазъ.

— Полно, Олинъка! сказала мать. Выкинь эти мысли изъ головы. Завтра ты будешь здорова.

— Нѣтъ, маменька! сказала Ольга. Я чувствую смерть въ груди. Она лежитъ тутъ, внутри, какъ большой, холодный камень. Я умру!.... Я желаю умереть.... Зачѣмъ взяла ты меня изъ Института!....

Олинъка уже была въ скоротечной чахоткѣ. Жизнь ея была кончена, и уже началась смерть. Домашній Докторъ рѣшилъ, что она страждетъ гистерическою болѣзнію.

=

Она уже не блѣдна, но желта, или, лучше сказать, зелена. Въ три дня она исхудала такъ, что узнать ея не возможно, и въ ея груди смерть хрипитъ страшнымъ голосомъ. Она не говоритъ о смерти, и даже старается удалять отъ себя всякія непріятныя мысли. Потому она и безпокойна, потому и все ей не нравится, и она ищетъ облегченія въ прихотливыхъ, перемѣнчивыхъ желаніяхъ.

— Маменька! что-то меня душить.

— Выпей, мой другъ, это.....

— Не хочу лекарства. Перенеси меня въ другую комнату. Я боюсь лежать здѣсь..... Терпѣть не могу этой комнаты.

— Куда же ты хочешь?

— Въ твой кабинетъ, маменька!

Мигомъ постлали для нее постель на софѣ, въ красивомъ кабинетѣ Анны Петровны, и перенесли ее туда на рукахъ. Нѣкоторое время она была спокойна, и даже казалась счастливою. Потомъ сказала:

— Ахъ, нѣтъ!.... И здѣсь что-то душить меня, преслѣдуетъ.....

— Что же такое не нравится тебѣ, мой ангелъ?

— Вотъ, это платье пугаетъ меня.

— Какое?... Здѣсь нѣтъ ни какого платья.

— Оно виситъ у меня передъ глазами.

— Душенька, здѣсь ни чего не виситъ.

— Такъ оно тамъ!

— Гдѣ?

— Тамъ, въ шкафу!..... бѣлое..... оно душить меня!..... съ букетомъ..... я страхъ боюсь его!..... атласное..... гадкое.....

— Что же ты прикажешь съ нимъ сдѣлать?

— Вели его сжечь, сжечь тотчасъ!.... Мнѣ будетъ легче.....

И спустя четверть часа, она еще спросила:

— Ну, что?... сожгли ли его?....

— Сожгли, дитя мое.

— Охъ!!.... Теперь я чувствую себя лучше..... Теперь ужъ не боюсь выйти въ немъ замужъ!.....

=

— Прощай, маменька!.... еще сказала она однажды слабымъ, почти невнятнымъ голосомъ, протя-

гивая къ ней желтую, изсохшую ручку изъ-подъ одѣяла и блѣдный взоръ изъ погасающихъ глазъ.

Анна Петровна заплакала.

— Прощай!.... Я скоро отойду отъ тебя, туда!....

Мать рыдала, и цѣловала ея руку, огрызенную алчною, ужасною бользнію.

— Вели принести платье, въ которомъ была я на балъ.... Не плачь, маменька!.... я счастлива.... Положите его подѣ меня.... Маменька, когда я васъ покину,.... надѣньте на меня.... это платье.... Одну только эту вещь возьму я съ собою.... изъ этого свѣта.....

=

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого злополучнаго бала, шелъ я, съ зонтикомъ въ рукѣ и въ галошахъ, по Вознесенскому Мосту. Погода была ужасная. Передъ мостомъ, почти напротивъ самой церкви, сперлось множество каретъ, слѣдующихъ по двумъ различнымъ направленіямъ. Я принужденъ былъ остановиться на мосту, покаместъ однѣ изъ нихъ очистили дорогу другимъ. Лакей, въ богатой ливреѣ съ гербами, бѣгалъ, кричалъ, приказывалъ кучерамъ поворачивать по каналу, и бранился съ Городовымъ. Я спросилъ у него, что это за суматоха.

— Въ церкви свадьба, сказалъ онъ: эти негодяи стали съ каретами такъ, что другимъ нѣтъ проѣзда.

— Развѣ похороны, братецъ? возразилъ я. Я вижу колесницу съ гробомъ.

— Это не наша, отвѣчалъ лакей равнодушно. Наши господа въ церкви; а здѣсь другіе, везутъ какого-то покойника на Смоленское.

— Не знаешь ли, кого?

— Не знаю.

— А вы чьи?..... Кто такой женится?

— Женится — то Графъ Александръ Сергѣевичъ П*** на дочери Княгини Надежды Ивановны ***.

— Какъ!..... развѣ на самой Княгинѣ?

— Нѣтъ, сударь; на ея дочери. Мы ихъ люди.

Онъ побѣжалъ кричать. Я остался на мосту, пораженный странностію случая, по которому дочь Княгини получила столь неожиданное наслѣдство. Впрочемъ, это понятно!..... Наконецъ, великолѣпная колесница съ розовымъ гробомъ, обитымъ широкими серебряными галунами, выпуталась изъ свадебныхъ каретъ, и начали появляться погребальныя факелы. Я подошелъ къ первому изъ нихъ, чтобъ распросить, кого они везутъ на кладбище.

— Ольга Ивановна Р*** приказала долго жить!..... отвѣчалъ мнѣ спокойно грязный человѣкъ въ черномъ плащѣ, съ огромною обвислою шляпою.

— Ольга Ивановна?..... Ахъ, Боже мой!!.....

Я не скорѣ на слезы, однако жъ онъ полились изъ моихъ глазъ при этомъ извѣстіи. Несчастное дитя!... Бѣдная Олинъка!..... Этотъ человѣкъ лишилъ ее всего, спокойствія, чести, счастія, жизни; она умерла съ обидою и съ его образомъ въ сердцѣ, и еще трушъ ея долженъ былъ остановиться на улицѣ, чтобъ быть свидѣтелемъ торжества его въроломства: Должно признаться, что судьба иногда жесто-

ко игратьъ тѣмъ, которые болѣе другихъ заслуживали бы ея покровительство..... Женщины, женщины, какъ вы достойны сожалѣнія! Вы созданы для нашего блаженства, а мы наше блаженство полагаемъ въ вашемъ несчастіи!..... Эта невинная дѣвушка пришла въ свѣтъ передъ балами, попалась на глаза развратному мужчине, въ теченіе одного бала испытала всѣ страсти, всю сладость и все горе, предназначенныя цѣлой жизни женщины, сдѣлалась ихъ жертвою, и исчезла съ послѣднею мазуркою того же вечера. Мы говоримъ, что жизнь женщины унобляется безконечному балу: я видѣлъ примѣры, что эта жизнь заключалась вся въ границахъ одного бала!.....

Надобно знать, что я человекъ ужасный, когда примусь философствовать. И конца не видать моимъ глубокимъ мыслямъ! Чтобы не томить васъ выпискою изъ длинныхъ правоучительныхъ разсужденій, которыя нанизалъ я на Вознесенскомъ Мосту, когда погребальное шествіе Олиньки проходило мимо меня, скажу только, что, когда оно прошло, я долго былъ въ нерѣшимости, — идти ли мнѣ въ церковь на свадьбу, или на кладбище на похороны?..... Я предпочелъ идти на кладбище: лучше смотрѣть на трауръ добродѣтели, чѣмъ на веселіе порока.

Я былъ опечаленъ, и сверхъ того досадовалъ на себя, зачѣмъ я тутъ случился, когда похороны Олиньки и свадьба ея убійцы заѣли колесами другъ объ друга. Всѣ эти господа, въ синихъ плащахъ, которые проходили тогда по Вознесенскому Мосту, какъ-разъ скажутъ, что это натянуто, какъ у Г. Бальзака, и что я натянулъ это.....? Клянусь честью, я не натягивалъ. Оно какъ-то само такъ натянулось, для большей ясности дѣла. Впрочемъ, у Вознесенскаго Моста иногда случаются почти невѣроятныя

вещи: это всѣмъ извѣстно. А что касается до Г. Бальзака, то признаюсь вамъ откровенно, господа въ синнихъ плащахъ, что у меня слишкомъ много самолюбія и самонадѣянности, чтобъ думать о подражаніи натяжкамъ Г. Бальзака съ товарищи. Когда я захочу, то самъ натяну разсказъ, такъ, что еще изумлю всѣхъ романтиковъ: вѣдь я учился Логикѣ! Но теперь не время спорить о натяжкахъ. Положимъ, что вы скажете, что этого быть не могло, что я ошибся, что мнѣ такъ показалось, что свадьба и похороны не встрѣчались другъ съ другомъ: все это ни сколько не измѣняетъ существа событія. Дѣло въ томъ, что Олинька была похоронена и Графъ П*** танцевалъ на своей свадьбѣ въ одинъ и тотъ же день, въ удостовѣреніе чего даю вамъ *сiе* мое свидѣтельство за собственноручнымъ моимъ подписаніемъ.

Мы прибыли на Смоленское. Я былъ грустенъ во все время обряда, и стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ родныхъ покойницы, сложивъ руки на груди, съ зонтикомъ подъ мышкою. Но когда начали засыпать гробъ землею, я не выдержалъ: лице мое вскипѣло слезами, я хотѣлъ закричать на все кладбище:

— Люди! что вы сдѣлали съ Олинькою!..... съ этую прелестною, веселою, чистою, свѣтлою какъ солнце и добродѣтель, Олинькою!..... Она была вручена вамъ Природою, которая гордилась произведеніемъ своимъ, чтобъ вы ее лелѣяли, ласкали, любили, чтобъ вы берегли ее, какъ красивую и хрупкую игрушку, а вы, — вы ввергли ее изъ потѣхи въ бурную и пыльную мельницу вашего свѣта, изломали, смололи ее зубчатыми колесами вашего тщеславія, корыстолюбія, вашей гордости, разврата и жестокосердія, исполнили пилами вашихъ расчетовъ, растер-

зали своими страстями, осквернили грязнымъ, язвительнымъ своимъ дыханіемъ, смяли ее, какъ лоскутокъ бумаги, на которомъ написана горькая укоризна, смяли, и — бросили въ яму!..... Теперь я понимаю сказаніе Библии объ ангелахъ, посланныхъ въ Содомъ.

Я оставилъ послѣдній кладбище, по которому гулялъ еще нѣкоторое время. Я люблю это мѣсто, и нахожу особенное удовольствіе путешествовать въ галошахъ и съ зонтикомъ по безмлтежному царству погребенныхъ страстей, по рыхлому и пыльному слою истлѣвшихъ надеждъ и расчетовъ.

Иванъ Ивановичъ и Анна Петровна ѣхали домой одни въ каретъ. Она была печальна, но не плакала; онъ нюхалъ табакъ, и его слезы капали въ табакерку.

Дорогою, Иванъ Ивановичъ съ безпокойствомъ размышлялъ о томъ, почему Тимошей Антоновичъ не пожаловалъ на погребеніе. Его Превосходительство теперь не имѣетъ ни какого повода къ продолженію своего покровительства, и, видно, послѣ смерти дочери, начинаетъ уже забывать о родителяхъ!.....

И взѣхавъ на Исакіевскій мостъ, онъ сказалъ своей супругѣ: — Мы потеряли нашу Оливку!..... Ну, что, душенька: теперь ты убѣдилась, что могутъ быть «неудачи» по службѣ?.....

БАРОНЪ БРАМВЕУСЪ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

РАЗСКАЗЪ СТАРАГО ВОИНА, ВЪ ОБЩЕСТВѢ МОЛОДЫХЪ
ЛЮДЕЙ, СТОЛИЧНЫХЪ ЖИТЕЛЕЙ.

Возьмите мечъ — я не достоинъ брани!
Сорвите лавръ съ чела — онъ спрасъно помраченъ!

Д. Давыдовъ.

Вы спрашиваете меня, былъ ли я влюбленъ когда нибудь. Что за вопросъ? Вѣдь я не пушка! Я любилъ, только не по-вашему, потому, что я созданъ изъ тѣла и крови, а вы — изъ облакъ! Хотите ли, я вамъ раскажу про мою первую любовь; но, чуръ, не перерывать и не гнѣваться!

Да! не гнѣваться; потому, что я долженъ начать разговоръ обращеніемъ къ вамъ, друзья мои. Вы почитаете насъ, стариковъ, дикарями. Мы кажемся вамъ смѣшными. А мнѣ, смотря на ваше чванство, ей, ей, не смѣшно, а жалко! Вы молоды, а что значить жизнь ваша! Холостой зарядъ, — и только! Это ли молодость?... вялая, чахлая, блѣдная, близорукая, которая питается по рецептамъ, дышитъ по барометру, рабствуетъ сѣверному вѣтру, и стремится въ храмъ славы въ галошахъ! Въ наше время, счастливыцы родились въ сорочкахъ, а вы, кажется, родились въ фланелевыхъ фуфайкахъ, и отъ того-то мы искали счастья въ полѣ, а вы находите его за печью. Глядя на васъ, мнѣ право страшно, чтобъ племя ваше, современемъ, не переродилось въ куропатокъ.

*

И вы спрашиваете меня, любилъ ли я! Ну, право, когда вы говорите о любви и славѣ, это все равно, когда курица поетъ пѣтухомъ.....

Таковы ли были мы въ ваши лѣта! Милліонъ бомбъ!!..... Изъ первой моей раны пролилось болѣе крови, нежели сколько есть ея у всѣхъ васъ вмѣстѣ, и я, на госпитальной моей кровати, былъ сильнѣе, нежели вы на паркетѣ, въ контрадансахъ. Вы живете, то есть, чувствуете и наслаждаетесь головою, а мы жили *сердцемъ*, жили жизнью полною, свѣжею, свободною; мало думали, но за то не выдумывали глупостей и нелѣпостей; болѣе шалили, но менѣе пресмыкались; чаще обманывались, но менѣе обманывали; мечтали не такъ отвлеченно, но были счастливѣе въ мечтахъ нашихъ, этихъ метеорахъ души. Вы порочны безъ страстей, а насъ только страсти увлекали въ пороки. Лѣта и разсудокъ исправляли насъ, а васъ они глубже увлекаютъ въ бездну. Чтобъ сравнить наши наслажденія съ вашими, скажу: мы рвали плоды съ дерева, а вы кушаете яблоки печеные; мы ѣли ростбифъ недожаренный, а вы пьете бульонъ.....

Но довольно и этой правды, на первый случай. Послушайте о моей любви. Она столько же походитъ на вашу любовь, какъ уланская пика на зубочистку.

Это было раннею весною, 1807 года: я былъ тогда корнетомъ въ уланскомъ полку, молодъ, здоровъ, крѣпокъ, веселъ и беззаботенъ. Мнѣ все было триньтрава. Зналъ я, что мнѣ было нужно; имѣлъ, что было надобно. Былъ сытъ и одѣтъ, имѣлъ коня, саблю, пару пистолетовъ, — и довольно! Скажу мимоходомъ, не для хвастовства, а потому, что это нужно къ дѣлу, что на конѣ сидѣлъ я, какъ гвоздь въ перекладинѣ, вертѣлъ саблей, какъ вы вертите лорис-

томъ, и на тридцати шагахъ попадалъ въ цѣль восемь разъ изъ двѣнадцати. Конную службу любилъ и зналъ хорошо, а къ пѣшей не имѣлъ охоты..... За это мнѣ доставалось порядкомъ, — и подвломъ! Нужно ли сказывать, что подраться у меня была смертная охота! Въдь это врожденное чувство нашего Славянскаго племени.

Полкъ нашъ поздно присоединился къ дѣйствующей арміи. Наполеонъ уже успѣлъ проглотить Прусское войско, и принялся было за наше; но мы показали ему слишкомъ жесткими на зубахъ: и такъ, поперхнувшись подъ Пултускомъ, и подъ Прейсишъ-Эйлау онъ бросился въ марши, въ контрамарши, чтобъ запутать насъ въ свои тенета, и, наконецъ, поподчивалъ насъ даже перемиріемъ. Между-тѣмъ главныя силы наши собирались въ окрестностяхъ Бартенштейна, и войско укрѣплялось вспомогательными отрядами, прибывавшими, одинъ за другимъ изъ Россіи. Полкъ нашъ расположился, въ началѣ Марта, на квартирахъ, для поправки лошадей, въ тылъ арміи, на правомъ флангѣ операціонной линіи.

Хотя занимаемая нами мѣста не были разорены непріателемъ, но голодные пріятели такъ обглодали ихъ, что на нашъ пай достались пустыя кладовыя, тощіе Нѣмцы и печальныя Нѣмочки, которыхъ намъ же надлежало утѣшать. Для добыванія фуража и съѣстныхъ припасовъ мы должны были высматывать фуражировъ, иногда весьма далеко, даже за черту нашихъ пикетовъ. Мы не грабили — сохрани Богъ! — нашихъ союзниковъ, а, какъ говорится, брали добровольно, и выдавали имъ квитанціи, которыя въ послѣдствіи уплачивала покойная Мемельская Ликвидационная Коммиссія, существовавшая такъ долго, что въ угодность аккуратнымъ Нѣмцамъ, вѣроятно, успѣ-

ла сосчитать все взятое нами по зернышку и по соломенкѣ. Слыхалъ я, что въ нашей арміи были такіе шалуны, которые, вмѣсто квитанцій, писали Русскія пѣсни или ассигнаціи на сто палокъ подателю. Если это правда, то вотъ вѣрно первый и послѣдній случай, въ которомъ Нѣмцы остались въ накладѣ, имѣя дѣло съ Русскими! Впрочемъ, мнѣ извѣстно, что многіе изъ насъ давали квитанціи на большее количество, нежели было взято, изъ состраданія, или ради прелестныхъ глазокъ. И такъ, изъ всего этого выходятъ *plac*, или одна за другую.

Въ нашемъ полку не было такихъ шалуновъ. Правда, мы брали все до-чиста, гдѣ находили, но за то рассчитывались на-чисто. — И то сказать, легко быть щедрымъ и справедливымъ, когда это ничего не стоитъ, кромѣ подписи своего имени..... Прямѣры передъ глазами!

Вотъ, пришла моя очередь отправляться на охоту, за фуражемъ и съ ѣстнымъ. Мнѣ дали взводъ уланъ и словесный приказъ, не возвращаться безъ продовольствія на цѣлый эскадронъ, по крайней мѣрѣ, на семеро сутокъ. Хоть не радъ, да будь готовъ. На конь! По три налѣво завъжай, — и маршь!

Бду три мили: все голодно и пусто, хоть помеломъ помети. Бду другія три мили: одно и то же. На поляхъ черно, картофель вырытъ изъ земли; въ амбарахъ, въ клетяхъ двери настежь, а жители такъ и смотрятъ не постомъ и не молитвою, а *шверитомъ*. Спрашиваю: что далѣе? Мнѣ отвѣчаютъ, что во всю длину отъ нашихъ квартиръ до самой Русской границы, все тлѣется одна нота, *lamentabile*, безъ варіацій. Что тутъ дѣлать? Впередъ не вельно ѣздить, чтобъ не наткнуться на Французовъ, ибо я

высланъ былъ не на драку, а для укрѣпленія силъ коней и всадниковъ для драки. Но мнѣ такъ наскучило таскаться по этимъ пустопорожнимъ мѣстамъ, смотреть на тощія лица и слушать жалобы Нѣмцевъ, что я, благословясь, махнулъ впередъ, въ запрещенную сторону. Проѣхавъ мили съ четыре, за черту нашихъ кантонирь-квартирь, я попалъ въ рай, въ которомъ не удалось еще побывать ни друзьямъ, ни врагамъ. Въехали въ деревню, и озарочки наши разыгрались. О, какое миловидное зрѣлище представилось нашимъ хищно-нѣжнымъ взорамъ! Пѣтухи фанфароняютъ по улицамъ, и громкимъ крикомъ напрашиваются на вертелъ. Жирные гуси и утки, какъ глупые богачи, важничаютъ въ лужѣ, не помышляя о близкомъ сосѣдствѣ кастрюли. Живые окорока хрюкаютъ подъ заборомъ, какъ недоросли въ почетныхъ собраніяхъ, а вдали, на лугу, мычатъ и блеетъ чернь, то есть, домашній скотъ. А люди?... Молодые бабенки и дѣвушки бѣгутъ въ лѣсъ, дѣти визжать, старухи охаютъ и кричатъ, а безобразныя дѣвки и мужики стоятъ на порогѣ, поджавъ руки, повѣся носъ, въ ожиданіи приказаній. Подъѣзжаю къ толстому Нѣмцу, который, будто паштетъ, начиненный сосисками, сидѣлъ неподвижно на камнѣ, и спрашиваю, чего они испугались. Тутъ я узналъ, что насъ прицѣпили за Польскихъ уланъ Наполеоновой арміи, которые, дня за два предъ тѣмъ, такъ порядочно похозяйничали въ сосѣдней деревнѣ, что послѣ нихъ мухи и тараканы, избѣгая голодной смерти, вышли добровольно изъ домовъ на подножный кормъ. Громко и протяжно сказалъ я: *Wir sind Russen!* (т. е. мы Русскіе!) Мои уланы повторили еще громче: — Руссь, Руссь! — По всей деревнѣ раздалось: — Руссенъ, Руссенъ! — и бѣжавшіе въ лѣсъ поворотили налѣво кругомъ, стоявшіе неподвижно у порога зашевелились, бабы перестали охать, а ребятишки завопили дру-

гимъ голосомъ. Толстый Нѣмецъ, къ которому я отнесся сначала, раскачался, привсталъ съ размаху, поклонился, какъ подбитая мортира, и объявилъ, торжественно, что онъ шульцъ, то есть, староста. Егo то мнѣ и надобно было.

Я сказалъ ему, что, претерпѣвая крайній недостатокъ во всемъ, мы не можемъ полагаться на добровольную продажу, и потому староста долженъ дать намъ подводы и нагрузить на нихъ, какъ возможно болѣе, фуража и съѣстнаго, взявъ у каждаго поселянна около половины его запаса. За все взятое я обѣщаль *заплатить щедро*.

При первой половинѣ моей рѣчи, лице старосты раздулось, какъ кузнечный мѣхъ, глаза выкатились и губы отвисли. Онъ бы вѣрно поблѣднѣлъ отъ ужаса, если бы въ немъ было хотя полуведромъ помѣнѣ крови. Но какъ крови его нѣкуда было отступить отъ головы, то онъ вдвое раскраснѣлся, и въ недоумѣннн не могъ промолвить ни слова. За то вторая половина моей рѣчи произвела спасительное дѣйствіе. Онъ расширилъ ротъ до ушей, и такъ сильно кивнулъ своею огромною головою, что, если бъ въ это время ко лбу его подставили сваю, онъ вѣрно вколотилъ бы ее на сажень въ землю.

Я выразумѣлъ, что староста доволенъ и согласенъ.

Вы не можете себя представить, какое магическое дѣйствіе имѣеть во всей Германіи слово bezahlen (платить) Оно, какъ гальваническое прикосновеніе потрясаетъ всѣ нервы добраго, но расчетливаго Нѣмца, приводитъ сердце его въ движеніе, какъ вода жер-

нова, и утишаетъ въ немъ всѣ страсти. Этимиъ словомъ можно бы, кажется, вызвать изъ гробовъ древнихъ сподвижниковъ Германна, побѣдителя Варруса, которые послѣ такъ усердно служили Римскимъ Императорамъ, за любезное bezahlen. И такъ, не мудрено, что полновѣсный староста двинулся съ мѣста, немедленно передалъ поселянамъ мое приказаніе, и вся деревня пришла въ движеніе. Безъ слова bezahlen, пришлось бы расшевеливать ихъ другимъ порядкомъ.

Въ концѣ липовой аллеи, въ верстѣ отъ деревни, показывались изъ за зелени бѣлыя стѣны и красныя крыщи господскаго строенія. Взявъ съ собой двухъ уланъ, я поскакалъ туда, въ надеждѣ на вкусный обѣдъ и на какой нибудь сладкій гостинецъ для моихъ товарищей, голодавшихъ, въ это время, при эскадронѣ.

Видно было, что въ господскомъ дворѣ уже знали о нашемъ появленіи, но не знали еще, что мы друзья, ибо ворота были заперты, вездѣ было глухо и пусто, на обширномъ дворѣ одна только живая душа. То былъ Прусскій инвалидъ, времянь Фридриха Великаго. Онъ стоялъ неподвижно, въ пѣсколькихъ шагахъ отъ рѣшетчатой калитки, опершись на длинную трость. На немъ была синяя изношенная куртка съ красными лацканами, лосинное исподнее платье и длинныя сапоги. Рыжая треугольная шляпа надѣта была на бекрень. Сѣдые волосы ниспадали на вискахъ до воротника, а стѣлу связаны были въ косу. Сѣдые усы, крѣпко намыленные, какъ бараньи рога торчали изъ подъ длиннаго краснаго носа. Старикъ пріосанился и громко вскрикнулъ: — Wer da? Кто идетъ?

— Друзья, Русскіе! отвѣчалъ я.

— Herein! закричалъ инвалидъ еще громче, поднялъ палку, махнулъ ею надъ своею головою, и, по этому сигналу, отворились двери въ домъ, а въ окнахъ показались чепчики. Прихрамывая, подошелъ инвалидъ къ воротамъ, отперъ ихъ настежь, вытянулся въ струнку, и снявъ шляпу, пропустилъ меня. Я поскакалъ къ крыльцу.

Въ передней встрѣтила меня почтенная дама, хозяйка, съ двумя маленькими дочерьми, прелестными, какъ херувимчики. Съ комплиментами и церемоніями она ввела меня въ залу, гдѣ уже былъ поставленъ завтракъ. Поблагодаривъ хозяйку за вниманіе, я принялся за завтракъ, пожирая часть зубами, а остальное глазами! Давнымъ давно я такъ не лакомился! Въ одно мгновеніе я забылъ всю прошлую нужду, и былъ счастливъ, какъ волкъ въ овчарнѣ.

До этого завтрака включительно, сознаюсь, я жилъ волкомъ или, лучше сказать, волченкомъ на бѣломъ свѣтѣ. Не зналъ другихъ наслажденій, кромѣ удовольствованія первыхъ потребностей жизни, и хотя заглядывалъ иногда въ книги, по тогда только, когда не имѣлъ позыва ко сну и на пищу. О нравственныхъ наслажденіяхъ я имѣлъ какое-то сбивчивое понятіе или предчувствіе, но о нравственныхъ горестяхъ не зналъ ни аза, и хохоталъ во все горло, когда меня увѣряли, что горе и печаль убійственнѣе горячки. Любилъ я всѣхъ молодыхъ и пригожихъ женщинъ безъ исключенія, и не понималъ, что такое любовная мука. О женщинъ думалъ я до тѣхъ поръ, пока былъ съ нею, и никогда не выносилъ за порогъ воспоминаній. Сила физической жизни подавляла во мнѣ всѣ отвлеченности, всѣ умственные и душевные порывы. Душѣ тѣсно было въ моемъ крикомъ тѣлѣ, и ей надлежало вспыхнуть, чтобъ разорвать оковы. Сталось!

Дверь въ боковую комнату отворилась, и въ залу вошли двѣ дѣвицы.

— Это мои старшія дочери, сказала хозяйка.

Она еще говорила что-то, но я уже не слыхалъ ея рѣчей, и ничего болѣе не видалъ, кромѣ младшей ея дочери. — Мнѣ казалось, что до сихъ поръ я вовсе не видывалъ женщинъ, а видѣлъ только ихъ изображенія, и что это первая и единственная женщина въ мірѣ, которую я теперь увидѣлъ въ натурѣ. Не столько пораженъ и удивленъ былъ, вѣроятно, прародитель нашъ, Адамъ, когда проснувшись увидѣлъ возлѣ себя Еву, образецъ женской красоты и женской слабости, какъ былъ удивленъ и пораженъ я, взглянувъ на эту прелестную дѣвицу, нѣжную, воздушную, томную.....

Она предстала предо мною какъ видѣніе, начертанное радужными красками на свѣтломъ, прелестномъ облакѣ. Мнѣ не вѣрилось, что это твореніе создано изъ персти!..... Въ головѣ у меня закружилось, взоръ покрылся флеромъ, изъ сердца пролился жаръ по всѣмъ нервамъ..... Я хотѣлъ что-то сказать, и не могъ..... Смотрѣлъ, молчалъ..... Не помню, что стало со мною!

Я забылъ поставить на столъ опорожненную рюмку, стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на красавицу, и хотя она не промолвила ни слова, мнѣ казалось, что я слышу ея голосъ, сладкозвучный, трогательный, какъ тихая, отдаленная мелодія.....

Должно быть, что я страшно смотрѣлъ на нее, какъ людоедъ на тучнаго плѣнника, потому, что она смѣшалась, покраснѣла и спряталась за сестру. Въ

эту минуту, какъ она скрылась отъ моихъ взоровъ, я пришелъ въ себя. Опамятовавшись, я замѣтилъ, что мое смущеніе не скрылось отъ вниманія хозяйки и ея дочерей..... Женщины такъ проникательны въ подобныхъ случаяхъ! Собравъ всѣ мои силы, я старался завести и поддержать разговоръ о мелочахъ, но не могъ. Мнѣ все хотѣлось смотреть на красавицу, а глядя на нее, хотѣлось молчать — и мечтать. Я чувствовалъ, что былъ неловокъ, страшенъ, но выйти изъ этого положенія было не въ моей власти.

По счастью, хозяйку позвали въ другую комнату, а ко мнѣ явился мой унтеръ-офицеръ, съ вопросомъ, не покормить ли лошадей, и не припугнуть ли Нѣмцевъ, потому, что они лѣниво нагружаютъ фуры и не даютъ всего, что намъ надобно.

Пока я отдавалъ приказанія, чтобъ поставить пикеты и выслать въ разъѣздъ нѣсколько человекъ съ ефрейторомъ, для избѣжанія нечаяннаго нападенія Французовъ, хозяйка возвратилась въ залу. На лицѣ ея начертаны были неудовольствіе и безпокойство. Уже староста домогался отъ унтеръ-офицера любезнаго *bezahlen*, и получивъ въ отвѣтъ лаконическое *шиксъ* *, пришелъ объявить хозяйкѣ, что жители деревни приведены будутъ въ разореніе, если такое огромное количество запаса взято будетъ безденежно.

— Господинъ офицеръ! сказала хозяйка: мы ради помогать Русскимъ, всѣми зависящими отъ насъ средствами; но если вы лишите насъ на весну всего нашего запаса, то бѣдные поселяне должны пойти по міру....

* Известно, что наши солдаты объясняются за границей особеннымъ жаргономъ, своего Русскаго изобрѣшенія. См.

— Я только исполнитель приказаній начальства, сударыня, и повинуюсь необходимости..... Эскадронъ нашъ въ отчаянномъ положеніи, и я долженъ доставать фуражъ и съѣстные припасы, во что бы ни стало. Правительство наше уплатитъ наши квитанціи.....

— Но здѣсь, на разстояніи двухъ миль, есть нѣсколько богатыхъ деревень, отвѣчала хозяйка, и если бѣ вы взяли со всѣхъ поровну, то получили бы болѣе и безъ обиды поселянъ.....

— Хотя время мнѣ дорого,..... но.... если этимъ могу угодить вамъ,..... я согласенъ на все, что вы прикажете. Пошлите нѣсколько человекъ своихъ людей, съ моими уланами, по окрестнымъ деревнямъ съ приказаніемъ, доставить все нужное намъ къ завтраму..... Ваши поселяне дадутъ, что мнѣ угодно, или вовсе ничего не дадутъ: мнѣ все равно, только бѣ я не возвратился въ эскадронъ съ пустыми руками.....

— Ручаюсь, что вы будете довольны! сказала хозяйка весело. Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю, примолвила она, и вышла распоряжаться. Я приказалъ унтеръ-офицеру выслать по одному улану съ каждымъ посланцемъ хозяйки, а прочимъ всѣмъ расположиться на бивакахъ, со стороны поля, возлѣ садоваго забора. Снисхожденіе мое снискало мнѣ благосклонность всѣхъ. Дѣвицы улыгнулись мнѣ, и старшая сестра вызвалась показать мнѣ садъ, сказавъ: — Вы вѣроятно пробудете съ нами до завтра?

Хозяйка снова возвратилась, и въ обращеніи со мною видно было болѣе откровенности и снисхожденія. Она предложила мнѣ квартиру въ своемъ домѣ, примолвивъ съ улыбкою, что поручить дочерямъ своимъ печься, чтобъ мнѣ было не скучно.

Я взглянулъ на младшую сестру. Она покраснѣла. Я проклиналъ свою неловкость! Прежде я былъ болтливъ, веселъ, и даже излишне смѣлъ въ дамскомъ обществѣ. Куда все это дѣвалось! Тутъ я сдѣлался робокъ, стыдливъ, и не могъ разжевать ни одного комплимента, не умѣлъ начать разговора. По счастью, старшая сестра стала распрашивать меня о Россіи, о нашемъ войскѣ, а то бѣ я принужденъ былъ бѣжать изъ комнаты. Я никакъ не могъ справиться съ собой. Мнѣ все хотѣлось смотрѣть на младшую сестру.

Если вы спросите меня, друзья мои, какова была собой эта красавица, которая однимъ взглядомъ обезоружила меня, и въ одно мгновеніе перемѣнила направление всѣхъ моихъ чувствованій, всѣхъ помысленій и ощущеній, я не буду умѣть отвѣчать вамъ. Тѣ, которые описываютъ съ подробностью своихъ любовницъ, никогда не любили. Я вамъ опишу примѣты тысячи красавицъ, съ которыми я танцевалъ и за которыми волочился; но не могу изобразить этой красавицы. Знаете ли что? Въ истинной любви, въ любви душевной, влюбленный не помнитъ отдѣльныхъ чертъ своей любовницы. Онъ любитъ ее всю, съ малѣйшими отгѣнками, незамѣтными для другихъ и неизяснимыми ни какимъ языкомъ. Отъ того-то именно, влюбленный и хочетъ смотрѣть непрерывно на свою возлюбленную, отъ того онъ желаетъ имѣть ея портретъ, что въ отсутствіи никакъ не можетъ вспомнить всѣхъ ея прелестей, всѣхъ чертъ ея лица, всей игры, всего выраженія ея физиономіи. Вы не будете имѣть ни малѣйшаго понятія объ очаровавшей меня красавицѣ, если я вамъ скажу, что у нея были темнокаштановые волосы, темно-лубые глаза, опущенные длинными рѣсницами, бѣленькіе зубки, станъ въ объемъ руки, ножка..... Ахъ,

ножка!.... Вся сила въ томъ, какъ весь эти прелести святы были вмѣстѣ, какую чудную гармонию составляли онѣ въ своемъ сочетаніи, какая игра и живость были въ ея глазахъ, когда душа проглядывала въ нихъ на земное, какой прозрачный цвѣтъ имѣло ея блѣдное лице, оживлявшееся румянцемъ тогда только, когда мысль ея пролетала сквозь сердце..... Все это невыразимо ни словомъ, ни перомъ, ни кистью, какъ теплота солнечная, какъ аромат цвѣтовъ, какъ вкусъ нѣжнаго плода, какъ все живительное и изящное въ Природѣ.

Замѣьте еще одну странность, друзья мои: я еще не видалъ при ней ни одного мужчины, еще не говорилъ съ нею, — а ужъ былъ ревнивъ! Я завидовалъ старшей сестрѣ ея, завидовалъ матери, завидовалъ малюткамъ, сестрамъ ея, завидовалъ собачкѣ, которая играла у ногъ ея.... Я бѣ хотѣлъ унести съ ней въ пустыни, на льдистыя вершины горъ, въ дикіе лѣса, чтобъ никто не видалъ ея, никто не прикасался къ ней, даже звукомъ.....

Вообразите же себѣ, что я долженъ былъ чувствовать, когда передъ самымъ обѣдомъ вошелъ въ комнату молодой человекъ, и, едва удостоивъ меня взглядомъ и легкимъ поклономъ, приблизился къ дѣвцѣ.

— Это другъ нашего дома, Кандидатъ Философіи Кенигсбергскаго Университета, товарищъ сына моего, который теперь въ арміи, сказала хозяйка, по видимому недовольная холоднымъ обращеніемъ ея гостя со мною. Я презрительно улыбнулся.

Между тѣмъ этотъ кандидатъ въ Философы вертѣлся возлѣ дѣвицы, и нашептывалъ имъ что-то, съ

видомъ фамилярности и самодовольствія, часто заглядывая въ зеркало, поправляя галстухъ, взбивая тупей и поглаживая усы, а я разсматривалъ его съ любопытствомъ, мѣрилъ глазами какъ мишень, на которой вознамѣрился попробовать моихъ пистолетовъ.

Этотъ кандидатъ былъ человекъ лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста, сухощавый, блѣдный и черно-волосый. Телячьи глаза его были на выкатъ, длинный носъ уподоблялся табачному рожку, и толстыя губы его не сходились на широкихъ зубахъ, какъ полости туго набитаго чемодана. Онъ былъ въ полувоенномъ нарядѣ, сообразно духу времени, въ свѣтлозеленомъ фракѣ мундирнаго покроя, въ рейтузахъ, при шпорахъ. Господинъ представитель школьной мудрости и свѣтскаго дурачества хотѣлъ казаться въ одно время и важнымъ и любезнымъ, то улыбался, то поглядывалъ на потолокъ съ притворною разсыянностью, то шепталъ дѣвицамъ какія-то плоскости, хоча самъ во все горло, то принимался звать, повертываясь на каблукахъ и звуча шпорами. Это былъ подлинникъ провинціального франта и университетскаго трактирнаго хвата, олицетворенная Нѣмецкая эпиграмма, которой смыслъ должно объяснять комментаріями, рыцарь Латинской кукольной комедіи!...

Доложили, что столъ накрытъ. Я подалъ руку хозяйкѣ, кандидатъ повелъ дѣвицъ, и помѣстился между ними, взглянувъ на меня торжественно и значительно. Любовь укротила мою дикую вспыльчивость. Опасаясь оскорбить дамъ, я перенесъ этотъ родъ вызова.

Въ первый разъ въ жизни будучи здоровъ тѣломъ, я не имѣлъ позыва на пищу, за хорошимъ обѣдомъ,

и былъ грустенъ, скученъ, едва отвѣчалъ хозяйкѣ, старавшейся поддержать разговоръ. Послѣ обѣда, подв предлогодъ, что должно осмотрѣть наши биваки, я тотчасъ вышелъ изъ комнаты. Мнѣ хотѣлось отыскать инвалида, и распросивъ его обо всемъ, касающемся до семейства почтенной хозяйки, сдѣлать его моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ.

Инвалида нашелъ я возлѣ нашихъ биваковъ. Онъ сидѣлъ на камнѣ, курилъ трубку и смотрѣлъ такими глазами на моихъ уланъ, какъ вы, любезные друзья, смотрите на прелестныхъ танцовщицъ въ балетъ. Истинное наслажденіе видно было въ его взорѣхъ.

Увидѣвъ меня, онъ привсталъ, положилъ трубку на камень, вытянулся въ струнку и снялъ шляпу. Я обласкалъ его и завелъ съ нимъ разговоръ.

Французъ съ перваго слова разсказалъ бы всю подноготную; но Нѣмца трудненько мнѣ было заставить удовлетворить моему любопытству, которое онъ, вѣроятно, почиталъ пустымъ и излишнимъ, и, изъ врожденнаго упрямства, мучилъ меня своимъ лаконизмомъ. Наконецъ два червонца разверзли уста его и сердце. Отъ него узналъ я, что мужъ хозяйки бѣжалъ Маіоромъ, и умеръ за два года предъ тѣмъ, оставивъ пятерыхъ дѣтей и долги за десятерыхъ. Покойникъ былъ человекъ добрый, но легковѣрный и притомъ пристрастный къ карточной игрѣ. Спекуляціи и карты разстроили дѣла его, которыя вдова надѣялась поправить хорошимъ хозяйствомъ, пока война не разрушила ея надеждъ. Старшая дочь, Албертина, была уже сговорена за Прусскаго Офицера, сослуживца ея брата, а младшая, Леопольдина, только въ послѣдній праздникъ Пасхи пріюбщиалась Св. Таннъ, то есть, по обычаю Нѣмцевъ, вышла изъ дѣтскаго

возраста, и была еще свободна. Инвалидъ, распространяясь въ похвалахъ цѣлому семейству, особенно выхваляя доброту души Леопольдины, и сказалъ:

— Нѣтъ больнаго въ деревнѣ, о которомъ бы она не пеклась, нѣтъ бѣднаго, которому бы не помогла! Это сущій ангелъ во плоти, какъ наша Королева! Вотъ уже седьмой годъ, какъ я не пью ни изъ чьихъ рукъ вина, какъ только изъ бѣленькихъ ручекъ фрейлейнъ Леопольдины.... Она милостива ко мнѣ, старику, и знаетъ, что я готовъ за нее въ огонь и въ воду. Дай Богъ дожить мнѣ до ея счастья!... Боюсь одного, чтобъ къ ней не присватался этотъ проклятый рекрутъ, котораго вы вѣрно видѣли въ домѣ. Я терпѣть его не могу!...

— И я также, отвѣчалъ я, ударивъ поплечу инвалида: а кто онъ таковъ?

— А чортъ его знаетъ! Отецъ его былъ Италіанецъ, и, какъ говорятъ, зашелъ къ намъ съ обезьянами, потомъ разбогатѣлъ контрабандою и плутнями, женился на Нѣмкѣ, дочери промотавшагося дворянина, и произвелъ на свѣтъ вотъ этого урода, который пусть и хвастливъ, какъ барабанъ, трусливъ, какъ маркитантъ, а гордъ, какъ генеральскій конь. Наша добрая барыня должна ему много денегъ, по векселямъ покойнаго Маіора, не тѣмъ будь помянуть, такъ онъ здѣсь и чванится, какъ ворона на разоренномъ орлиномъ гнѣздѣ! Слышно, будто ему очень полюбилась фрейлейнъ Леопольдина, да онъ уже вѣрно ей не понравится! Ей бы надобно мужа военнаго, молодца.....

— Послушай, старикъ! сказалъ я, всунувъ ему въ руку еще два червонца: я хоть и не такой молодецъ, какого тебѣ надобно, но военный, и полюбилъ всей душой фрейлейнъ Леопольдину. Поди и скажи ей

это!.... Узнай, согласится ли она выйти за меня замуж?...

Инвалидъ отступилъ назадъ три шага, и пристально смотрѣлъ на меня, чтобъ удостовѣриться, не шучу ли я. Но когда я повторилъ ему мою волю, въ которой убѣждали его и мои червонцы, то онъ, покачавъ головою, сказалъ:

— Неужели вы повезете барышню въ Россію?

— Разумѣется!

— Готсь - таузендъ! воскликнулъ старикъ, стукнувъ ногою: она такая нѣжненькая, что право не вытерпите вашихъ морозовъ!... Въдъ у васъ, сказываютъ, и домы ледяные.....

— Не бойся, дружище, у насъ ни одна жена не замерзла еще въ объятіяхъ молодаго мужа. А впрочемъ, если она не согласится ѣхать со мною, то я останусь здѣсь.

— Ну вотъ это другое дѣло! Но не сказать ли прежде барынь?

— Сохрани Богъ! Матери я скажу самъ. Я не смѣю только открыться Фрейлейнъ Леопольдинъ.

— Швернотъ! проворчалъ инвалидъ. Русскій уланъ боятся дѣвчонки! Да и то правда, что когда мнѣ приглянулася наша маркитантша, то я не смѣлъ открыться ей въ любви, боясь оплеухи, и поручилъ дѣло полковому коновалу! Гиммель-доннеръ-веттеръ! Никому я не признавался въ этомъ, а теперь мнѣ не стыдно, когда и Русскіе, которые никого и ничего не боятся, также несмѣлы съ бабами! Извольте, Г. Офицеръ! войду и скажу Фрейлейнъ Леопольдинъ, что вы полюбили ее, и спрошу, нравитесь ли вы ей?

— Десять червонцевъ за отвѣтъ! сказалъ я. Инва-

лидь отправился въ посольство, а я съѣлъ на лошади и поскакалъ въ чистое поле, чтобъ размыкать горе.

Я развѣзжалъ по опушкѣ лѣса, поглядывая на домъ, и не смѣлъ возвратиться. Раздумывалъ, мечталъ, мучился предчувствіями, даже проливалъ слезы, первая послѣ пролитыхъ отъ учительскихъ розогъ, не зналъ, что дѣлать съ собою, хотѣлъ бѣжать отъ этихъ волшебныхъ мѣстъ, и страшился завтрашняго дня, въ который мнѣ надлежало отправиться въ эскадронъ. Наконецъ, когда солнце стало садиться, я почувствовалъ, что долженъ возвратиться въ домъ, изъ приличій, и, въѣзжая въ аллею, встрѣтилъ все семейство, которое вышло мнѣ навстрѣчу. Кандидатъ шелъ рука съ рукой съ Леопольдиной.....

Я соскочилъ съ лошади, отдалъ ее лакею, извинился передъ хозяйкой, что долженъ былъ осмотрѣть мѣстоположеніе, чтобъ уметь распорядиться въ случаѣ нападенія Французовъ, и осмѣлился взглянуть на Леопольдину. Она потушила глаза, примѣтно смѣшалась и покраснѣла. Я догадался, что инвалидъ исполнилъ мое порученіе.

— Кажется, вы слишкомъ много прилагаете труда, чтобъ избѣгнуть встрѣчи съ Французами! сказалъ Кандидатъ Философін, обращаясь ко мнѣ съ насмѣшливою улыбкою.

— Я не люблю встрѣчаться только съ глупцами, отвѣчалъ я, притворяясь хладнокровнымъ: а Французовъ остерегаюсь не изъ робости, а потому, что мнѣ *запрещено* встрѣчаться съ ними. Притомъ же благо-разуміе велитъ ограждать себя отъ нечаяннаго нападенія. Отъ оплошности страдаетъ честь офицера. Кажется мнѣ, что шпоры и усы ваши не научили васъ военной службѣ, и я берусь дать вамъ урокъ субординаціи.....

Хозяйка испугалась словъ монахъ, и старалась замѣять эту размолвку. Но этотъ первый шагъ къ истинному моему характеру возвратилъ мнѣ мою смѣлость. Я приблизился къ Леопольдинѣ, взялъ ее за руку, и пошелъ впередъ съ двумя сестрами, посмотрѣвъ грозно на Кандидата, который долженъ былъ уступить мнѣ свою даму. Рука Леопольдины дрожала въ моей рукѣ.

Албертина замѣтила, что она лишняя, и что я держу ее подъ руку для того только, что не могу отъ нее отдѣлаться. — Господинъ Кандидатъ! сказала она шутливо, подавая ему свою руку: не угодно ли послужить опорой моей старости?—и не дождавшись отвѣта, схватила его подъ руку, и потащила на другой край аллеи. Мать шла по срединѣ съ малолѣтними дѣтьми. Я удвоилъ шаги, и очутился далеко впередъ, такъ сказать, наединѣ съ Леопольдиной.

Нѣсколько времени мы шли въ молчаніи, наконецъ я рѣшился объясниться.

— Жизнь или смерть? сказалъ я, прижимая ее руку..... Отвѣтъ вашъ рѣшить мою участь. Говорилъ ли вамъ инвалидъ?....

— Вы такъ мало знаете меня, что я право не умѣю ничего отвѣчать..... сказала Леопольдина тихимъ голосомъ, робко оглядываясь.

— Я знаю васъ довольно, чтобъ любить на всю жизнь. Душа ваша во взорахъ вашихъ, на ангельскомъ вашемъ лицѣ, и инвалидъ разсказалъ мнѣ объ васъ.....

— Мы только что увидѣли другъ друга..... Мы всеѣмъ незнакомы.... примолвила она.

— Я вамъ даю столько времени, сколько вамъ угодно, чтобъ узнать меня, возразилъ я. Начальники мои и товарищи скажутъ вамъ обо мнѣ, и я готовъ ждать

полжизни вашего согласія..... Но скажите только, могу ли я надѣяться.....

— Это зависитъ отъ маменьки.... сказала она тихо.

— Но если она предоставитъ вамъ рѣшить? Что вы скажете?.....

— Вы меня приводите въ самое затруднительное положеніе..... Я ничего не могу сказать вамъ безъ маменьки..... Я не могу располагать собою....

— Помните, что отъ одного вашего слова зависитъ жизнь моя! Если я не буду имѣть надежды снискать любовь вашу, если сердце ваше уже занято, сегодня же меня не будетъ на свѣтъ..... Пуля кончитъ все съ жизнью!

— Вы меня ужасаете!

— Хотите ли, чтобъ я жилъ?....

— Живите, ради Бога, живите, и не мучьте меня такими ужасными мыслями.....

— И такъ жизнь и надежда!

— Все зависитъ отъ маменьки.....

— А вы?.....

— Я не буду противиться ея волѣ.....

— Леопольдина! Ангелъ мой, божество, жизнь, честь! клянусь посвятить твоему счастью всѣ дни мои, всѣ мысли, всѣ чувствованія!.... — Я былъ внѣ себя.

— Тихе, ради Бога, тихе! Насъ услышать....

Излишнимъ почитаю описывать вамъ всѣ подробности нашего перваго объясненія и всей любовной моей болтовни. Довольно того, если я вамъ скажу, что прежде нежели мы дошли до дому, мы уже понимали другъ друга, и что я вступилъ на безконечный путь надежды, по которому всѣ люди, имѣющіе какія-

либо желанія, стремятся догнать призракъ, называемый счастьемъ.

Во весь вечеръ я не отходилъ отъ Леопольдины. Мы разговаривали съ нею о различныхъ предметахъ; она играла на фортепiano, пѣла. Она казалась мнѣ умнѣе Вольтера, искуснѣе всѣхъ Италіянскихъ пѣвицъ и всѣхъ въ мірѣ музыкантовъ! Я находилъ въ ней все то, чего, по моему мнѣнію, недоставало другимъ для совершенства. Была ли моя Леопольдина совершенство Природы во всѣхъ отношеніяхъ, или она только казалась мнѣ совершенствомъ, чрезъ призму моей любви, — этого я рѣшить не умѣю.

Только за ужиномъ замѣтилъ я Кандидата Философіи, который сидѣлъ надувшись, какъ мокрый пѣтухъ. Тутъ-то я вспомнилъ, что мнѣ надобно непременно выпроводить его изъ дому или спровадить съ благаго свѣта. Послѣ ужина, когда всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, я, безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ къ нему. Онъ сидѣлъ за столомъ и рассматривалъ, въ увеличительное стекло, узоры на своей пенковой трубкѣ, поглаживая ее рукавомъ. Онъ крайне изумился моему внезапному появленію. Придвинувъ стулъ, я сѣлъ возлѣ него и сказалъ:

— Вы обошлись со мною невѣжливо, и даже имѣли намѣреніе оскорбить меня, изъяснивъ сомнѣніе, при дамахъ, на счетъ моей храбрости. Я хочу доказать вамъ, что Русскій офицеръ не боится ни Французовъ, ни Нѣмцевъ, ни самаго чорта! Завтра, въ пять часовъ утра, не угодно ли со мною стрѣляться?

Лице Кандидата ужасно вытянулось. Поблѣднѣвъ онъ болѣе не могъ, но губы его тряслись и посинѣли. Онъ смотрѣлъ на меня неподвижными глазами, вертѣлся на стулѣ, и не отвѣчалъ ни слова.

— Внятно ли я объяснился? спросилъ я.

Кандидатъ Философiи все молчалъ, все вертѣлся, все морщился, какъ будто собирался съ духомъ, наконецъ сказалъ:

— Но со мной нѣтъ моихъ пистолетовъ..... Здѣсь нельзя найти секундантовъ.....

— Мы пособимъ этому, возразилъ я: свидѣтелемъ нашимъ будетъ старый инвалидъ. Онъ зарядитъ одинъ изъ моихъ пистолетовъ, прикроетъ ихъ платкомъ, и каждый изъ насъ, отвернувшись, возьметъ пистолетъ наудачу. Кому достанется заряженный, тотъ будетъ имѣть право убить своего противника, приложивъ дуло къ сердцу или ко лбу. Я впередъ извѣщаю васъ, что если заряженный пистолетъ достанется мнѣ, то не ждите отъ меня пощады. Я разможжу вамъ голову непременно. Клянусь честью!.....

— Помилуйте, за что такая ненависть? воскликнулъ Кандидатъ: что за отчаянныя средства!

— Между мною и Фрейлейнъ Леопольдиной не должно быть третьяго лица..... Поинимаете ли?

— Понимаю! сказалъ важно Кандидатъ Философiи, всталъ и отвѣсилъ мнѣ поклонъ, примолвивъ: и такъ дозавтра!

— До свиданiя!

Съ этимъ словомъ я вышелъ и, пришедъ въ мою комнату, расположился отдыхать, будучи измученъ походомъ и происшествiями того дня. На столѣ увидѣлъ я букетъ цвѣтовъ, котораго прежде не было въ моей комнатѣ. Ординарецъ мой сказалъ мнѣ, что цвѣты принесла служанка..... Могъ ли я сомнѣваться, отъ кого они!..... Я положилъ букетъ на грудь — и зашнуръ крѣпкимъ сномъ.

Что вы думаете о снахъ, друзья мои? Мнѣ кажется, что сновидѣніе есть эхо души. Какъ душа настроена, какіе звуки издаетъ она въ бодрственномъ состояніи человѣка, то же самое повторяется въ сновидѣніи, иногда глухо и невнятно, иногда сильно и выразительно, сообразно расположенію нашихъ органовъ. Точно такъ же и эхо сильнѣе раздается между скалами, нежели въ пушистыхъ лѣсахъ. Вѣрить ли снамъ? Разрѣшеніе этого вопроса сопряжено съ разрѣшеніемъ вопроса: должно ли вѣрить предчувствіямъ, ибо одно происходитъ и зависитъ отъ другаго. Скажите, что значить эта тоска, это трепетаніе сердца, эти мрачныя мысли при ожиданіи исполненія какихъ нибудь надеждъ или желаній, или въ рѣшительную минуту нашей жизни? Что значать ужасныя сновидѣнія, представляющія намъ будущее, какъ-будто въ фантазмагорической картинѣ? Тогда только мы разрѣшимъ эти вопросы, когда разгадаемъ законы той силы въ природѣ, которую мы ощущаемъ, но до сихъ поръ не постигли, и которой различныя явленія мы называемъ электричествомъ, гальванизмомъ, магнетизмомъ. При всей нашей философической гордости, мы едва узнали нѣсколько буквъ изъ той азбуки, которою написана великая книга Природы. Мы о многомъ догадываемся, но ничего не знаемъ положительно, и, въ непостижимой дерзости, беремъ судить о душѣ, не понимая до сихъ поръ законовъ пищеваренія, а между тѣмъ определяемъ пищевареніемъ дѣйствія души! Бѣдная наша мудрость!

Сновидѣніе первой ночи моей любви раздѣлялось на двѣ части. Въ первой половинѣ я былъ счастливъ, вторая половина наполнена была какими-то ужасами..... Я проснулся въ трепетъ.

Ударило ровно пять часовъ.....

Одѣвшись на-скоро, я поспѣшилъ въ комнату Кандидата Философіи: сердце мое сильно билось. Двери были растворены. Старая служанка, сметавшая пыль съ мебели, сказала мнѣ, что мой противникъ ухалъ ночью, неизвѣстно куда. Я поспѣлся надъ моимъ предчувствіемъ и надъ ужасами сновидѣнія!

Къ полудню фуражъ и съѣстные припасы собраны были изъ окрестныхъ деревень. Я отправилъ фуры въ эскадронъ, съ письмомъ къ Ротмистру, прося у него отпуска на недѣлю, и остался.

Недѣля прошла какъ мигъ. Въ это время я успѣлъ переговорить съ матерью Леопольдины. Узнавъ отъ дочери, что она расположена любить меня, мать не противилась моей любви, но объявила мнѣ рѣшительно, что не прежде согласится благословить насъ, какъ по окончаніи войны и по удостовѣреніи, что любовь моя есть не вспышка темперамента, но привязанность души, привязанность постоянная, воля твердая. Она призналась мнѣ, что не понимаетъ, какъ я могъ такъ скоро влюбиться, и рѣшиться на столь важное дѣло, какъ бракъ. Леопольдина понимала меня! Расцѣловавъ руки матери, я сказалъ весело, что мы, уланы, всѣ дѣла наши дѣлаемъ въ галопъ, и что весна въ Россіи такъ коротка, что мы привыкли срывать цвѣты при первомъ ихъ развитіи. Почтенная эта маменька только качала головою и удивлялась.

Что до меня касается, то я ни сколько не огорчился этою отсрочкою. Я былъ такъ счастливъ одною надеждою на счастье, что вовсе не помышлялъ о самомъ счастьи.

Блаженствовалъ я ровно восемь дней. На девятый день явился посланецъ отъ Ротмистра съ повелѣніемъ, вхвать немедленно въ эскадронъ, и съ извѣстіемъ, что чрезъ трое сутокъ полкъ выступаетъ въ походъ, и начинаются военныя дѣйствія.

Мы поплакали съ Леопольдиной, обмѣнялись незабудками, поклялись въ вѣчной любви и вѣрности..... поцѣловались, — и *адieu!* Вскочивъ на коня, я помчался во весь опоръ. Оглянулся одинъ только разъ. Она стояла на крыльцѣ!... Сердце мое сжалось, я стиснулъ шпорами лошадь, и вскорѣ все исчезло изъ глазъ моихъ. Посланецъ и ординарецъ мой отстали отъ меня. По прїѣздѣ въ эскадронъ, лошадь моя пала на другой день.

Товарищи удивились моей переменѣ. Ни выговоръ Ротмистра, ни шутки товарищей, ни дружеское ихъ участіе не тронули меня. Я былъ какъ камень до перваго выстрѣла. Тутъ я воскресъ душою!

О молодость, молодость! Жизнь есть тоже, что Журналь. Тутъ и Словесность, и Политика, и изящная и скучная Проза, и Технологія, и Сельское Хозяйство, и Сатира, и лесть, и Критика, и кумовство, и смѣсь, и спѣсь, и стихи безъ Поэзіи, и Поэзія въ стихахъ и въ прозѣ. Поэзія жизни — молодость! Все прочее макулатура, бумага и чернила безъ души, безъ чувства... О какъ скучна, какъ гнусна эта поздняя жизнь, исполненная расчетовъ, спекуляцій, хлопотъ, искательства! Вы, любезные друзья мои, стараясь состарѣться прежде времени, замѣняете этимъ мусоромъ перлы жизни, ея поэзію! Вы ищете мѣста для чина, чина для мѣста, ордена для денегъ, жены для связей, связей для жены, а всего вмѣстѣ для чванства, для кощунства, для ми-

шурной важности! Прахъ и тлѣніе подъ позлащенною свинцовою доской!

Я несъ на жертву юную жизнь, проливалъ пламенную кровь мою для поэзіи молодости,—для любви! Я жаждалъ горъ золота, чтобъ позолотить листки моей идилліи! Исполненный мечтами, надеждами, я устремился въ кровавыя сѣчи. Бѣдный Корнетъ, я грѣзилъ во снѣ и на яву о славѣ, о богатствѣ, о почестяхъ, желалъ ихъ для того только, чтобъ сложить все величіе мое у ногъ моей Леопольдины, и сказать ей: *я тебя достоинъ!* Я мечталъ взять въ плѣнь Наполеона, захватить его сокровища, открыть средства къ разбитію всей его арміи, и съ каждымъ днемъ ожидалъ случая къ великимъ подвигамъ, а между-тѣмъ сражался, какъ Корнетъ, передъ моимъ взводомъ, и послѣ окончанія кампаніи остался тѣмъ же Корнетомъ, не распространивъ славы моей далѣе полковаго обоза. Такъ исчезаютъ мечты, сны и самая существенность!

У насъ до сихъ поръ есть еще люди, которые почитаютъ грѣхомъ сказать, что мы претерпѣли неудачи подъ Аустерлицемъ и подъ Фридландомъ! Жалкіе патріоты, которые согрѣваются газомъ лжи! Въ свое время, можетъ-быть, нужно было умолчать о томъ, что и безъ объявленій всѣмъ было извѣстно. Все хорошо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Но теперь, по истеченіи четверти столѣтія, послѣ Бородина и Лейпцига, послѣ Москвы и Парижа, Русскій съ гордостью долженъ говорить, что мы были разбиты первымъ полководцемъ въ мѣрѣ, Наполеономъ, побѣжденнымъ въ свою очередь Русскими. Пѣтръ Великій не скрывалъ своихъ потерь и неудачъ, и даже въ рѣчи своей къ войску, передъ самой Полтавской битвой, напомнилъ Русскимъ, что они имѣютъ дѣло

съ неприятелемъ, который многократно побѣждалъ ихъ. Война есть игра въ вистъ. Какая нужда, кто сколько робберовъ выигралъ и сколько сдѣлалъ шлемовъ въ партіи? Дѣло въ расчѣтъ. Кто, вставъ изъ за стола, покажетъ выигрышъ, тому честь и слава. Не даромъ Римляне говорили: конецъ вѣнчаетъ дѣло.

И такъ подъ Фридландомъ мы не кончили еще игры съ Наполеономъ, а были только на второмъ проигранномъ робберѣ. Сказываютъ, будто намъ заглядывали въ карты, будто тасовка была не совсѣмъ чиста...., но чего я навѣрное не знаю, про то и не говорю. Какъ бы то ни было, но мы должны были ретироваться; а нѣкоторые полки не могли даже соблюсти того порядка, которому Французы удивлялись въ 1812 году. Все приходитъ постепенно. Полкъ нашъ, переправившись вплавь черезъ рѣку Алле, въ сумерки, не могъ въ ту же ночь собраться. Нѣкоторые не могли попасть на сборное мѣсто: я былъ въ томъ числѣ.

Къ рѣкѣ Алле, по ту сторону Фридланда, примыкалъ лѣсъ. Большая дорога въ Веллау zagrożена была пушками и фургонами. Я повѣхалъ по тропинкѣ, среди огней, при которыхъ грѣлись и отдыхали толны пѣшихъ и конныхъ солдатъ разныхъ полковъ. Къ полуночи я добрался до деревушки, въ которой распоряжались уже наши солдаты. Здѣсь я нашелъ нѣсколько уланъ нашего полка. Поужинавъ изъ солдатскаго котла, я легъ спать на солому, въ сараѣ, и поручилъ лошадь мою попеченію уланъ.

Со свѣтомъ, меня разбудили. Я осмотрѣлся и распросилъ поселянъ о дорогѣ въ Веллау. Отъ деревушки, лежавшей при опушкѣ лѣса, надлежало идти

подемъ нѣсколько миль. Представивъ солдатамъ опасность отъ безпорядочнаго марша, я собралъ всѣхъ ихъ въ одинъ отрядъ, построилъ въ три шеренги, и, съ моими уланами, нѣсколькими казаками и гусарами, составивъ авангардъ, двинулся впередъ.

Едва мы прошли верстъ пять, какъ увидѣли съ лѣвой стороны коляску, запряженную въ четыре лошади цугомъ, скачущую къ намъ во всю прыть, по проселочной дорогѣ. Черезъ нѣсколько минутъ показались Французскіе всадники, гнавшіеся за коляской.

— Вѣрно въ этой коляскѣ какой нибудь раненый Генераль. Братцы! сказалъ я, обращаясь къ моему авангарду: спасемъ его! — Какъ прикажете, Ваше Благородіе, ради стараться! отвѣчали мои солдаты. — Ура! впередъ! — и мы помчались по полю. Нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ раздалось возлѣ коляски, и передняя лошадь грянулась о землю. Коляска остановилась, но мы уже были тутъ. Съ крикомъ и гиканьемъ ударили на Французовъ, и они, видя мою пѣхоту въ резервѣ, поскакали назадъ. Я остановилъ мой отрядъ, и поспѣшилъ къ коляскѣ. Въ ней лежала женщина, безъ чувствъ. Взглянулъ : это Леопольдина!

Боже мой, что я ощутилъ въ эту минуту! Радость, горестъ, страхъ, надежда, чуть не разорвали на части моего сердца. Я вынесъ ее изъ коляски, разостлалъ шинель на травъ, и почерпнувъ шапкой моей воды изъ рва, сталъ приводить ее въ чувство, то прыскавая водою, то согрѣвая моими поцѣлуями. Она открыла глаза и первое слово было: — Гдѣ мужъ мой?

— Мужъ твой, Леопольдина! Ты замужемъ! воскликнулъ я, чуть переведа духъ и чувствуя смерть

въ сердцѣ. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и едва держался на ногахъ.

Узнавъ меня, она вскрикнула, и снова впала въ безпамятство.

Мнѣ самому нужна была помощь, но я забылъ о себѣ, помышляя только о спасеніи Леопольдины. На этотъ разъ стоило много труда привести ее въ чувство. Разслабленную, почти безъ дыханія, мы положили ее въ коляску. Кучеръ уже исправилъ упряжку. Я перешелъ на другую сторону коляски, чтобъ помѣститься возлѣ Леопольдины, и вижу, что возлѣ задняго колеса стоитъ неподвижно — Кандидатъ Философіи!!!....

— Ты мужъ ея? спросилъ я, устремивъ на него грозный взглядъ.

Онъ кивнулъ головою и молчалъ.

— Будь ты проклятъ! воскликнулъ я. Счастье твое, что ты такъ подлъ и гнусенъ, что недостойнъ мести моей, ни даже презрѣнья. Ты не стоишь пули! Сказавъ это, я сѣлъ въ коляску и велѣлъ кучеру погонять лошадей. Уланы поскакали за мной.

— Гдѣ мужъ мой? спросила снова Леопольдина, пришедъ въ себя.

— Здѣсь, возлѣ тебя! сказалъ я.

Она залилась слезами, взглянувъ на меня.

— Другъ мой, меня обманули! примолвила она. Мнѣ сказали, что ты убитъ. Я не могла сомнѣваться въ истинѣ, когда мнѣ возвратили кораллы, которые я

всегда носила на шеѣ, и подарилъ тебѣ на память, въ день нашей разлуки. Я была увѣрена, что ты бѣ не разстался съ ними, если бѣ былъ живъ!

Тутъ мнѣ открылась подлая измѣна, которой я ни какъ неподозрѣвалъ. Передъ Гейльсбергомъ, какой-то Нѣмецъ доставилъ мнѣ письмо отъ Леопольдины, и напросился ко мнѣ въ службу. На третій день онъ исчезъ, укравъ у меня ивкоторыя вещи, и между прочимъ кораллы Леопольдины, которые я носилъ всегда на груди, но на тотъ разъ какъ-то оставилъ на ночь на столикѣ. Я думалъ тогда, что кораллы украдены у меня просто какъ дорогая вещь, а не какъ орудіе къ разрушенію моего счастья. Я рассказалъ это Леопольдинѣ.

Она горько плакала. Я былъ въ бѣшенствѣ.

— Подлаго мужа твоего я оставилъ на дорогѣ, сказалъ я. Пропадай онъ на вѣки вѣковъ! Я увезу тебя съ собою въ Россію; ты перемѣнишь вѣру, и мы обвѣнчаемся: не правда ли, моя Леопольдина? Одинъ Богъ и одна истина! Перемѣна Вѣры не должна пугать тебя. Я готовъ въ адъ изъ любви къ тебѣ, а тебѣ предлагаю спасеніе въ нѣдрахъ нашей Церкви, и рай на землѣ въ моихъ объятіяхъ! Рѣшись!

— Милой другъ мой! сказала Леопольдина сквозь слезы. Я не могу исполнить твоего желанія и должна отказаться отъ счастья въ этой жизни. Если бѣ я даже не знала и не любила тебя, то все таки я бы никогда не согласилась быть женою того человѣка, который былъ такъ низокъ, что хотѣлъ обладать мною безъ моей любви. Но я пожертвовала собою для блага нашего семейства..... Я продала себя....., и не принадлежу болѣе себѣ. Отецъ мой долженъ былъ значительную сумму, почти равную цѣнѣ на-

шего имѣнья, отцу моего мужа. Подлецъ объявилъ матери моей, что если я соглашусь выйти за него замужъ, то онъ сочтетъ долгъ приданымъ, и изорветъ вексель. Тебя почитала я убитымъ, и согласилась! Вексель изорванъ, — я собственность гнуснаго торговца! Я бы не отдала ему одного волоса съ головы моей за золото всего свѣта, но пожертвовала собою для избавленія отъ нищеты моей матери, моихъ малолѣтныхъ сестеръ, безпріютныхъ сиротъ.... Можетъ-быть, я погрѣшила противу нѣжности и чувствъ, но не погрѣшила противу совѣсти!.....

— Леопольдина! одно прикосновеніе къ устами твоими стоитъ милліоновъ, и если этотъ злодѣй думалъ купить тебя, какъ рабу на базарѣ Востока, то онъ слишкомъ дешево заплатилъ за нѣсколько мѣсяцевъ райскаго блаженства! Союзъ вашъ прерванъ съ той минуты, какъ открылся его обманъ. Я живъ — и ты моя!

— Но если подъ сердцемъ моимъ лежитъ уже безвинная жертва его подлости и моего малодушія! возразила Леопольдина, закрывая лице руками.

— Я усыновляю кровь твою..... все твое мнѣ драгоцѣнно!

— Чувствую всю нѣжность твою, все твое великодушіе, и тѣмъ болѣе стражду, но не могу согласиться! Мой поступокъ убьетъ мать мою! Презираю подлаго обманщика, но не измѣню моему слову.... Богъ избавитъ меня отъ него..... и дастъ мнѣ.....смерть!.....

Въ это время мы выѣхали на большую дорогу. За обозами, артиллеріей и густыми толпами солдатъ не возможно было подвинуться впередъ. Я велѣлъ кучеру остановиться на площадкѣ, возлѣ пустой корчмы, передъ которою стояло уже нѣсколько экипажей.

Я не терялъ надежды уговорить Леопольдину, и хотѣлъ только выиграть время, чтобъ она свыклась съ моимъ предложеніемъ.

Когда я хотѣлъ отворить дверцы, вдругъ что-то стукнуло въ окошко, находившееся въ тыльной части-верха коляски. Мы оглянулись. Я приподнял подушку, закрывавшую окошечко, и мы увидѣли мужа Леопольдины.

Онъ сидѣлъ на запяткахъ и, приложивъ ухо къ окошечку, подслушивалъ нашъ разговоръ.

Леопольдина затрепетала всѣмъ тѣломъ, испустила тяжкій стонъ, и, ослабѣвъ, склонилась на грудь мою. Глаза ея закатились, губы посинѣли, жестокія судороги останавливали дыханіе.....

Я внесъ еѣ на рукахъ моихъ въ корчму, и, по счастью, нашелъ тамъ доктора, который перевязывалъ раненыхъ. Докторъ истощилъ всѣ средства, но не могъ прекратить судорогъ, которыя безпрестанно усиливались. Черезъ полчаса, въ моихъ объятіяхъ былъ холодный трупъ!.....

Борьба страстей, страхъ и безнадежность убили еѣ!

Я не могъ плакать, не могъ предаваться отчаянной грусти, потому, что былъ въ онѣмѣніи чувствъ. Я стоялъ надъ трупомъ неподвижно, и ничего не помнилъ, ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Мнѣ что-то грѣзилось, что-то видѣлось, какъ будто вдали, въ туманѣ. Одинъ изъ совоспитанниковъ моихъ, артиллерійскій офицеръ, зашедшій въ это время въ корчму — увидѣвъ меня въ такомъ положеніи, вывелъ изъ этого несчастнаго мѣста, посадилъ на

пушку, и увезъ съ собою, за арміей. Молча, повинувался я, какъ младенецъ.

Я уже сказалъ вамъ, друзья мои, что молодость моя была желѣзная. Запахъ пороха привелъ меня въ чувство, лучше нежели всѣ ароматическіе спирты. Конскій топотъ, звуки вониской трубы и командныя возгласы возвратили мнѣ память. Я сѣлъ на моего коня, отыскалъ полкъ, и, сосредоточивъ грусть въ сердце, явился предъ взводомъ и въ кругу товарищей, какъ мраморный гость въ Донъ-Жуанъ. Твердо рѣшился я искать смерти въ первомъ сраженіи; но Фриландское сраженіе было послѣднее въ эту войну, и мы, безъ боя, возвратились въ отечество.

Вихрь свѣтской жизни вывѣялъ грусть изъ моего сердца. Тысяча новыхъ впечатлѣній затмили въ памяти моей образъ Леопольдины. Но воспоминаніе объ ней осталось навѣки въ душѣ, какъ рубецъ послѣ исцѣленной раны, и въ ненастные дни жизни, душевная рана эта ноетъ. Когда косвенный лучъ радости скользнетъ по моему сердцу, первая любовь издаетъ какой-то невнятный звукъ, сладостный и трогательный, производящій такое впечатлѣніе, какъ голосъ родной пѣсни на чужбинѣ, въ изгнаніи изъ отечества.....

Вы смѣетесь, что я люблю усы мои! Я потому не могу рѣшиться сбрить ихъ, что они прикасались къ устамъ той, которая унесла въ могилу первую любовь мою.....

Я кончилъ мой рассказъ, друзья мои!

Надъ вѣкомъ, въ которомъ мы живемъ, носится

*

какъ надъ бездною, злобный духъ эгоизма, принимающій различные образы. Этотъ злой духъ заразилъ всѣ наши наслажденія, всѣ наши радости ядовитымъ запахомъ пользы и выгоды. — Если и вы, друзья мои, увлекаясь духомъ времени, спросите меня: какой результатъ моего разсказа, я буду отвѣчать вамъ стихами И. И. Дмитриева, котораго вы вѣрно читаете по-Русски:

Но все ли одного полезнаго искаши?
 Для Сказки и шего довольно,
 Что слушающъ ее, безъ скуки, добровольно.

Неужели я вамъ рассказывалъ сказку?

На этотъ вопросъ я вамъ дамъ положительный отвѣтъ, изъ котораго вы можете извлечь непреложное и полезное правило. И такъ знайте, что всегда, когда люди рассказываютъ про себя, выходитъ *сказка*, а когда они говорятъ про другихъ, то рождается *исторія*. Для равновѣсія, къ сказкѣ прибавляется *правда*, а къ исторіи *ложь*, и составленіе этой примеси есть привилегированная собственность силы, хитрости — и безвиннаго авторства.

Добрая ночь!

БАДДЕЙ ВУЛГАРИНЪ.

Мыза Карлова, возлѣ Дерпта
 15 Октября, 1833.

Ш Т Ы К Ъ .

=

ВОЕННЫЙ РАЗКАЗЪ.

=.

Суворовъ! Безсмертный Русскій вождь! Его имя есть волшебное слово для Русскаго солдата. Онъ, изъ вѣка въ вѣкъ, не перестанетъ согрѣвать воображеніе нашего воина, и какъ порохъ вспыхиваетъ отъ искры, такъ воспламеняется сердце и бодрится духъ солдата отъ драгоцѣннаго имени Суворова.

Поставьте роту въ строй и скажите: Суворовъ воскресъ, ребята, въ лицъ такого-то! Потомъ спѣшите, мѣрьте солдатъ, и вы найдете, что каждый изъ нихъ, противъ ранжирнаго списка, вершкомъ выше, если не болѣе.

Вотъ что значить, вѣдать характеръ своего народа, непереставшаго, слава Богу, гордиться коренными обычаями; что значить уметь пользоваться минутою! Запѣть пѣтухомъ кстати, въ часъ и въ пору, гораздо полезнѣе, нежели прочесть солдатамъ всю Естественную Исторію о птицахъ. Старый другъ мой, Кремневъ, служившій подъ лѣстнымъ начальствомъ Суворова, часто говаривалъ: — Какъ теперь гляжу на батюшку, Суворова. При всякомъ его словѣ говорить, бывало, сердце, и душа таетъ, какъ воскъ отъ лица огня.

Пуля дура, штыкъ молодець! говариваль вдохновенный, неподражаемый геній; и это выраженіе незабвеннаго и сердцу солдатскому милаго предводителя, блистательно сроднило штыкъ съ Русскимъ солдатомъ, въ рукахъ котораго дѣйствіе этого гибельнаго, смертоноснаго орудія и по сіе время еще остается неоспоримымъ. Случаи, могущіе служить доказательствомъ этому, неисчислимы: но одинъ изъ нихъ, со словъ безрукаго Свистунова (1) и другихъ очевидцевъ, перескажу я вамъ, читатели, не краснорѣчиво, но справедливо. Прошу простить: съ одного вола двухъ шкуръ не деруть.

=

«Лишь только Надѣжа-Бѣлый-Царь помирился съ Бонапартомъ въ 1807 году въ Тильзитѣ, 26-й егерскій полкъ, въ которомъ я служилъ, «говорилъ мнѣ Свистуновъ,» двинулся въ Финляндію, и въ началѣ слѣдующаго года, подъ командою славнѣйшаго Эриксона, покупалъ уже каждый шагъ земли..... кровью! Кто находился когда либо въ кампаніи противъ Шведовъ, тотъ безъ сомнѣнія убѣжденъ, что равнымъ быть можно, но храбрѣе Шведовъ, характернѣе, и даже честнѣе..... воля ваша, никакъ нельзя!

Полкъ нашъ былъ въ авангардѣ; Великолуцкій пѣхотный тянулся за нами; молодець Кульневъ

1 Лишившагося въ послѣдствіи руки въ сраженіи при Бородинѣ, и извѣстнаго читателямъ изъ книги: «Подарокъ Товарищамъ.»

обозривалъ проселочные пути; снѣга были глубокіе, дороги узкія; Тавастгусъ былъ цѣлюю Командующаго отрядомъ, и намъ надлежало на первый случай овладѣть этимъ городомъ. Оставя границы родной стороны, встрѣтили мы Шведскія войска въ числѣ двухъ гарнизонныхъ, или инвалидныхъ, ротъ, бывшихъ по границѣ на стражѣ. Онѣ соединились въ селеніи Арціо. Начальникъ, съ трубачемъ, выѣхалъ навстрѣчу, поговорилъ съ нашимъ Полковникомъ, и тотчасъ очистилъ ночлегъ, оставивъ въ добычу полный сарай салакуши, вяленаго мяса и сушеныхъ лепешекъ, которыя заготавливаются у нихъ для продовольствія нижнихъ чиновъ на двухгодовую и болѣе пропорцію. Переночевавъ спокойно въ Арціо и Аккеройсе, пріобрѣтеніе которыхъ не стоило щепоти табаку, къ вечеру третьяго дня подошли мы къ селенію Арематилло. Здѣсь Шведскій Капитанъ менѣе былъ въжливъ: онъ не разсудилъ встрѣчать насъ самъ, но, подпустивъ на дистанцію, привѣтствовалъ ядрами, послужившими манифестомъ къ войнѣ и сигналомъ къ бою, — о чемъ, по сей часъ, судили и такъ и сякъ. Мы встрепенулись, перекрестились, и три сестры: Честь, Смерть и Слава, съ той же минуты содѣлались нашими спутницами.

Полковникъ, не желая остаться въ долгу, приказалъ трубить, и Капитанъ явился; но на предложеніе очистить ночлегъ безъ драки, рѣшительно отвѣчалъ, что въ Арематилло ночуетъ онъ самъ, и даетъ честное слово не уступить его до утра.

Дѣло отважное, но вмѣстѣ странное! говорилъ Эриксонъ. Посмотримъ, какъ поддержать ваше слово двѣ пушки и двѣ дряхлыя инвалидныя роты, про-

тивъ краснорѣчія двѣнадцати орудій и трехъ тысячъ челоувѣкъ молодыхъ, рьяныхъ воиновъ.

— Посмотримъ! возвращаясь къ храброй своей дружинѣ, возразилъ маститый Капитанъ, на лицѣ котораго чистая совѣсть и святой долгъ вѣрнаго сына отечества отпечатали благовидно блестящія свои вывѣски.

— Я воевалъ уже со Шведами, и знаю ихъ коротко, сказалъ Эриксонъ. Капитанъ, по-видимому, рѣшился умереть здѣсь, и потому этотъ пунктъ будетъ намъ недешевъ. Однако жъ, съ Богомъ! Армадилло ночлеги по маршруту.

— Въмѣстѣ съ тѣмъ начались распоряженія къ атакѣ. Стрѣлки противъ глубокихъ снѣговъ вооружились лыжами, приготовленными заблаговременно, которыя впрочемъ не принесли существенной пользы. Все двинулось по мановенію воли, и черезъ нѣсколько минутъ, душа удалца, страстная къ военному грому, купалась въ кровавыхъ удовольствіяхъ, какъ въ маслѣ.

Поручикъ Гебауеръ командовалъ правымъ флангомъ стрѣлковъ. Этотъ офицеръ родился и воспитывался въ Сибири: два аршина одиннадцать вершковъ роста, соответственная ему полновѣсная тучность тѣла, угрюмый пасмурный взоръ, привычка кушать живую рыбу, и замѣченное нами въ немъ восхищеніе при видѣ, какъ хвостъ и голова ея шевелится, когда спинка несчастной уже варится въ желудкѣ, общали въ немъ ужаснаго героя. Но въ непреложную волю Провидѣнія вмѣкалось не то!

Дѣлю наше двигалось съ малымъ успѣхомъ. Шведы воспользовались всеми средствами: они завалили

бревнами входъ въ селеніе, заняли знакомыя имъ выгодныя мѣста, и перекрестными выстрѣлами, а подчасъ и полѣньями черезъ палиссады, упреждали всякое покушеніе нашихъ стрѣлковъ. Жители помогали имъ, и мгновенно погашали пожары, причиненные брандсъ-кугелями. Ночь была темная. Распоряженіе начальства не могло быть въ полной мѣрѣ къ лицу каждому, командующему частію отряда; время летѣло, и инвалиды..... торжествовали! Но молодецкій геній не дремлетъ. Мальгинъ, фланговой егеръ 1-ой роты, согласивъ восемь человекъ заливчатскихъ товарищей, въ томъ числѣ и Сви-стунова, рѣшился ползкомъ пробраться въ селеніе. Имъ надобно было спуститься по ужасному сугробу и взобраться на гору; потомъ перелѣзть черезъ заборъ въ сарай или въ какую нибудь закутку, а оттолъ уже дѣйствовать на позицію инвалидовъ. И всю эту продѣлку надлежало скрыть отъ бдящаго непріятеля: иначе гибель въ самомъ началѣ была бы неизбежна. Съ этимъ намѣреніемъ разудалье подошли къ Поручику, чтобъ испросить у него позволеніе.

— Положимъ, что вы уже въ селеніи, сказалъ Гебауеръ: а тамъ какъ?

— А тамъ, просто напросто, будемъ колоть Шведовъ, Ваше Благородіе, да и только.

— Но вы забыли, что Шведовъ въ селеніи до пяти сотъ человекъ, кромѣ жителей? — Да мы не считаемъ ихъ идемъ. Вѣдь не въ перестрѣлку съ ними вступать!..... Мы хватимъ въ штыки, — а тамъ что Богъ пошлетъ!

— Да воротиться-то, мы, можетъ быть, и не воротимся, примолвилъ Мальгинъ: но ужъ не даромъ

головы положить..... Потышнися, Ваше Благо-родіе!

Презавидная философія! — кто живет, поетъ; а умираетъ, пляшетъ. Подобный человекъ бонется только дурныхъ дѣлъ, худой по заслугамъ славы, отчета за гробомъ; прочее ему тринь-трава. Глядятъ ли на него косо, бранятъ ли его? онъ тотчасъ наводитъ справку съ совѣстью, и, находя себя чистымъ, правымъ, на зло недоброжелателямъ запѣваетъ. Ласкаютъ ли, хвалятъ ли его? — онъ благодарить, и снова запѣваетъ. Такой чудакъ, проходя путь жизни съ упованіемъ на Бога, безъ жалобы и ропота на судьбу, капризами которой располагать нельзя, безъ зависти и ненависти къ счастливымъ, служить припѣваючи, и, по моему, противъ добровольнаго страдальца живетъ вдвое.

Таковъ именно былъ и мой герой, Мальгинъ, и такимъ легко быть можно, особенно нашему брату.... солдату, непочитающему себя важнымъ звеномъ въ цѣпи мірозданія, недорожающему своимъ существованіемъ, и рѣшительно чуждому причудъ заморской извѣженности. Дастъ ему Богъ день, дастъ и пищу! — съ чѣмъ вмѣстѣ, — ура! запѣвай съ начала!

Волшебное слово «потышнися!» плѣтило бѣднягу Гебауера. Кровь его закипѣла. — Я съ вами, ребята! гаркнулъ Сибирякъ, и, схвата у раненаго егеря суму и ружье, пустился на подвигъ. Но едва успѣлъ онъ пройти двадцать сажень, какъ пуля, въ грудь на вылетъ, исключила молодца изъ военныхъ списковъ.

— Теперь, друзья, къ смертельной нашей охотѣ, сказалъ Мальгинъ, присоединился святой долгъ.....

Отмстимъ за Поручика! Безъ насъ , онъ жилъ бы еще на бѣломъ свѣтѣ.

Преодолевъ всѣ затрудненія и счастливо скрывъ движеніе , семерымъ изъ нихъ удалось перебраться черезъ заборъ; но послѣдній, долженствовавшій подсаживать другихъ, по необходимости остался въ полѣ, лишенный средствъ раздѣлять славу товарищей.

Обозрѣвая дворъ, на который швырнула ими судьба, увидѣли они, что дверь избы отворена. Въ избѣ былъ слышенъ гулъ. Тотчасъ можно было догадаться, что Шведы должны стрѣлять въ окна, выходящія на лицевую сторону дома. Такъ и было: во всѣхъ примыкающихъ къ полю строеніяхъ были прорублены отверстія; инвалиды, заслоняясь отъ пуль стѣнами, хладнокровно выжидали, и весьма удачно убивали сблизившихся на вѣрную дистанцію стрѣлковъ нашихъ. Подойдя съ осторожностью къ дверямъ, Мальгинъ насчиталъ семь окошекъ, и убѣдился, что у каждаго хлопотали по два человека. Съ радостію сообщилъ онъ своимъ товарищамъ, что вниманіе Шведовъ обращено въ поле, и что нашествіе ихъ замѣтятъ они на томъ уже свѣтѣ. Онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ. Тогда, какъ инвалиды заняты были стрѣльбою въ противную сторону, наши удалцы, подкравшись всякій къ своей жертвѣ, пронзили ихъ штыками, и прежде нежели послышался стонъ однихъ отъ полученнаго удара, жизнь другихъ погасла уже подъ смертоноснымъ орудіемъ.

Успѣхъ, увѣнчавшій столь дерзкое предпріятіе, крайне ободрилъ нашихъ героевъ. Они перешли на сосѣдній дворъ, и, на передвиженіи, закололи двухъ мужиковъ, изъ опасенія быть открытыми.

Въ другой избѣ нашли они девять человѣкъ, и истребили ихъ, но уже съ меньшимъ счастьемъ: одинъ изъ инвалидовъ успѣлъ оборотить ружье, выстрѣлилъ, и на поваль убилъ егеря Матвѣева. Мальгина не остановила смерть товарища. Быстро съ дружиной перелетѣлъ онъ въ слѣдующую избу; но она, какъ крайняя къ улицѣ и въѣзду, была занята болѣе нежели двадцатью человѣками, а у въѣзда находился самъ Капитанъ съ одною пушкою и съ нѣкоторымъ прикрытіемъ.

— Ребята! сказалъ Мальгинъ, высмотрѣвъ всѣ силы противниковъ: вѣдь черезъ заборъ назадъ лѣзть намъ не приходится. Ужъ лучше было не начинать, чѣмъ струсить и не кончить! Двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать. Разъ родились, разъ и умремъ, а проказъ надѣлаемъ. Чего жъ намъ больше? Кому на небѣ написано вѣхать на корабль за море, къ Величанамъ⁽¹⁾, тотъ и будетъ живъ!

— Идемъ! шепнули храбрецы въ слово, съ тѣмъ вмѣстѣ юркнули въ избу, и — пошла потѣха!

Русскіе въ селеніи!..... И здѣсь уже они! закричали, по своему, инвалиды черезъ окно храброму Капитану.

Старикъ, отвѣчаю, что не струсилъ; но желая сохранить честь и страшась менѣе за жизнь, чѣмъ за пушки, тотчасъ подалъ условный сигналъ. Съ помощію приготовленныхъ жителями лошадей, инвалиды въ повозкахъ дали стречка, а селеніе заняли мы..... передъ свѣтомъ!

— Скорѣе, ради Бога, скорѣе, позовите сюда Штабъ-Лекаря! кричали изъ всей мочи Маіоръ Лотухинъ и Капитанъ Пяткинъ, высунувъ головы изъ крайней избы, куда завернули они съ намѣреніемъ обозрѣть шанцы бѣжавшихъ инвалидовъ.

(1) Англичанамъ.

— Кому столь поспѣшная нужна помощь? спросилъ Полковникъ.

— Здѣсь наши ранѣные! отвѣчали они.

— Какъ это могло случиться? воскликнулъ изумленный Эриксонъ, приближаясь къ избѣ.

Дѣло было кончено прежде, нежели начальникъ нашъ узналъ, какимъ образомъ оно происходило.»

=

Справедливость этого анекдота мнѣ легко было бы доказать оригинальными актами, которые и поднесъ у меня хранятся, но тяжело начертать въ нѣсколькихъ словахъ картину, поразившую Полковника и бывшихъ съ нимъ Офицеровъ. Весь полъ роковой избы былъ потопленъ кровью; двадцать два челоуѣка непріятельскихъ и три нашихъ солдата лежали заколотыми, пятеро Шведовъ и двое Русскихъ умирали отъ тяжкихъ ранъ, а одинъ изъ послѣднихъ, обремененный девятью ранами, ослабленный теченіемъ крови, и покрытый уже блѣдною тѣнью смерти, тихо, но бодро и съ восхищеніемъ, рассказывалъ неподражаемые подвиги покойныхъ товарищей, и этотъ одинъ былъ — Мальгинъ!

Мигомъ прибывшій Штабъ-Лекарь Леттъ перевязалъ раны славнаго Мальгина. Три изъ нихъ оказались сомнительными, но ни одной смертельной. Полковникъ не прежде оставилъ удалую голову, какъ по совершеніи всѣхъ нужныхъ медицинскихъ пособій. Потомъ перенесли чероя на квартиру, и берегли молодца, какъ даръ неба. По выступленіи

нашемъ въ дальнѣйшій походъ, онъ былъ оставленъ въ учрежденномъ на этапъ госпиталѣ, гдѣ, сколько было возможно, выздоровѣлъ, и дожидаясь до отставки.

Командиръ Корпуса, Князь Багратионъ, получивъ донесеніе объ этомъ, отвѣчалъ Эриксону собственноручнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Государь Императоръ храброму вашему Мальгину Всемилостивѣйше пожаловалъ знакъ ордена Св. Георгія, и сверхъ того пятьдесятъ рублей серебромъ денегъ. Г. Главнокомандующій, желая познакомиться съ отличнымъ воиномъ, поручилъ мнѣ доставить Мальгину сто рублей ассигнаціями, причемъ и моя денежка не щербата: подружите и меня съ симъ Русскимъ Геркулесомъ, и вручите ему слѣдующіе при семъ пятьдесятъ рублей.»

Послѣ этого нельзя не согласиться со словами Кремнева: Я люблю штыкъ, и потому, что его любилъ отецъ нашъ, Суворовъ, и потому особенно, онъ хорошъ и милъ, что рывителенъ. Какъ впустишь вершковъ пять врагу въ брюхо, такъ хоть бы у него между глазъ калена стрѣла улеглась, не бось, травы топтать не станеть!

Неравно захотѣлъ бы кто спросить: А рассказчикъ Свистуновъ какъ же спасся? — Онъ тотъ самый, что за заборомъ остался.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ.

ПИСЬМО ВЪ ПАРИЖЬ,

КЪ ЯКОВУ НИКОЛАЕВИЧУ

ТОЛСТОМУ.

=

— Вы по прежнему любите отечественную Словесность; вы прилежно ею занимаетесь. Это увидѣлъ я на оберткѣ Журнала: *Europe Littéraire*: тамъ сказано, что вы взялись сообщить его Издателямъ *Обозрѣніе Русской Литературы*. Я увѣренъ, что вы исполните это намѣреніе достойнымъ сего предмета образомъ, и будете способствовать къ проясненію нынѣшнихъ Французскихъ понятій о нашемъ отечествѣ; но такъ, какъ, вѣроятно, не всѣ Русскія произведенія до васъ доходятъ, то я и полагаю, что нѣкоторыя подробности о нынѣшнемъ состояніи нашего литературнаго міра будутъ вамъ неизлишними, а можетъ быть и пріятны. Надѣюсь, что вы не оставите отплатить за это взаимностию; надѣюсь, что вы сообщите намъ извѣстія изъ того круга, въ которомъ живете нѣсколько лѣтъ. Любопытно было бы намъ узнать нѣкоторыя подробности о нынѣшнихъ герояхъ Французской Словесности: опишите намъ Ламартина, Делавиня, Гюго, Нодье, Дюмаса, Мериме, Герцогиню Абрантскую, Жанена, Балзака; снимите маску съ Библиофила Жакоба и Мишеля-Ремона. Я не могу служить вамъ такимъ

обиліемъ матеріаловъ и лицъ, но мои извѣстія, конечно, будутъ доступны вашему сердцу: я буду говорить о Россіи и о Русскихъ. Напрасно думаютъ, что любовь къ отечеству (разумѣется, въ человѣкѣ совершеннолѣтнемъ) ослабляется удаленіемъ изъ отечества. Напротивъ: предметы, отдаленные отъ насъ *пространствомъ*, дѣйствуютъ на насъ также, какъ минувшіе во *времени*: вдали исчезаютъ мелкіе ихъ недостатки; они представляются уму и воображенію нашему въ цѣломъ своемъ объемъ, въ видѣ совершенномъ; они дѣйствуютъ на душу только хорошимъ, такъ сказать, *каждыми* своими сторонами. И это благородное чувство должно заглаживать въ вашихъ глазахъ скудость моего предмета. Скажу правду: наша Литература еще не достигла той степени, на которой всякому доброму патріоту желалось бы ее видѣть. У насъ еще нѣтъ собственнаго міра литературнаго. Рѣдкіе занимаютъ у насъ Литературою исключительно, и для самой Литературы. Молодые люди, еще не разочарованные въ своихъ школьныхъ вѣрованіяхъ и мечтаніяхъ, вышедъ въ свѣтъ, испытываютъ свои силы; но, не имѣвъ на первомъ шагу блистательнаго успѣха, упадаютъ духомъ, жалуется на равнодушіе и безвкусіе читающей Русской публики, и большею частію посвящаютъ труды свои службѣ: ея награды существеннѣе и достаются скорѣе. Другіе изъ сихъ раненыхъ подвижниковъ вступаютъ въ когорту, не письменной, но словесной оппозиціи, браня все, всѣхъ и cadaго. Потребны необыкновенная твердость духа, пламенная страсть къ Словесности, безотчетная любовь къ Наукамъ и Искусствамъ, чтобъ долго, не говорю: всегда, трудиться на семъ поприщѣ, усильномъ волчцемъ и терніемъ. Потребно Поэту и Литератору сильное чувство исполненія своего долга, чтобъ насладиться наградою за свои пожертвованія

и успѣхи. Подите въ свѣтъ съ вашею душою, съ вашими твореніями — тамъ васъ не знаютъ. Вамъ скажутъ два, три привѣтствія, изъ которыхъ увидите, что полу-Русскій комплиментеръ не читалъ вашихъ твореній, и хвалитъ васъ наобумъ. Послушайте сужденій и похвалъ ступеню ниже. Васъ хвалятъ въ лице за тѣ мѣста въ сочиненіи вашемъ, которыя вы хотѣли бы навсегда уничтожить и въ книгѣ и въ памяти своей, а тѣ мысли, тѣ картины, тѣ чувства, которыя сотворены, рождены вами въ свѣтлыя минуты вдохновенія, съ которыми вы всю жизнь носились, какъ раковина съ драгоценною жемчужиною — онѣ проскользнули по гладкой поверхности лакированныхъ Китайскихъ уродцевъ! Изрѣдка, невзначай Поэты Русскіе слышатъ отголоски своихъ пѣсней; — изъ какого нибудь темнаго, отдаленнаго уголка отзовется: понимаю, чувствую! И этотъ одинокій голосъ, иногда одна мысль, что, *можетъ-быть*, такой голосъ гдѣ-то раздастся—вотъ что должно питать у насъ чувство, воображеніе и талантъ. Какъ послѣ этого не позавидовать Литераторамъ другихъ странъ, которые дѣйствуютъ во услышаніе всему отечеству своему, которымъ рукоплещутъ изъ ложъ, изъ партера и—изъ райка: ибо кто знаетъ, куда заберется истинная Критика, равно какъ и истинный талантъ! Впрочемъ, въ пользу сихъ опасныхъ совмѣстниковъ, должно сказать и то, что они покупаютъ свои успѣхи, свои лавры тяжкимъ трудомъ, долговременнымъ ученіемъ, неутомимымъ прилежаніемъ, пожертвованіемъ здоровья, иногда и самой жизни. А мы, грѣшные, трудимся, какъ тѣ изъ нашихъ фабрикантовъ, которые снабжаютъ своими легкими и ломкими произведеніями рынки Азіятскіе: сойдетъ-де и такъ съ рукъ! Мы еще не занимались Литературою порядочно, серьезно, постоянно, какъ дѣломъ важнымъ, отече-

ственнымъ. Мы играемъ въ Словесность, какъ въ кегли. Не удалось, надоѣло: пойдемъ въ Департаментъ.

Съ недавняго только времени занятія Литературою начали давать у насъ выгоды существенныя, то есть, денежныя. Еще не далеки тѣ времена, когда напечатать книгу или предпринять изданіе Журнала значило задолжать въ типографію и въ булавную лавку. Нынѣ постоянное занятіе по какой либо части Словесности и Наукъ непременно принесетъ и вѣрную прибыль. Это важно для успѣховъ Литературы. Странно, что у насъ считаютъ вещью — не то чтобъ неблагородною или непозволительною — а какъ-то неловкою, трудиться по Наукамъ или Словесности *изъ платы*. Да кто въ свѣтъ трудится безъ возмездія? И полководецъ и министръ, и прелать и банкиръ, получаютъ плату за труды свои, плату честную и благородную, если она приобрѣтена по мѣрѣ прямыхъ заслугъ! — Установленіемъ вѣрной, соразмѣрной съ трудами выгоды за постоянныя занятія Словесностію и Науками составится у насъ собственное сословіе Ученыхъ и Литераторовъ, коихъ вся жизнь будетъ посвящена обработыванію какого либо предмета, важнаго вообще для человѣчества или для отчизны въ особенности. По мѣрѣ распространенія любви къ чтенію и къ занятію Науками, родится и уваженіе къ Ученому и къ Литератору, какъ къ человѣку и гражданину; перестанутъ спрашивать: что онъ, Коллежскій или еще Надворный? или: какъ можно дать Владимірскій крестъ чиновнику 14-го класса, который побѣдилъ талантомъ Камучини и Жерара! — Правительство наше дѣлаетъ все возможное, чтобъ создать, возвысить, обезпечить истинно благородное сословіе производителей во всѣхъ родахъ. Намъ

должно понять его намѣренія, и встрѣтить ихъ исполненіемъ на половинѣ пути!

Вотъ, почтеннѣйшій Яковъ Николаевичъ, наши недостатки, наши жалобы, наши желанія и надежды. Но вы не того отъ меня ожидаете: вы хотите отчета въ новѣйшихъ Русскихъ произведеніяхъ. Извольте: напишу, что знаю и что могу. Прошу только, послѣ сказаннаго, не жаловаться на скудость матеріаловъ моего отчета, и не требовать у меня той строгости сужденій, къ которой вы привыкли въ своемъ Парижскомъ водоворотѣ. Бѣдные не смѣютъ быть слишкомъ разборчивыми. Между тѣмъ, если количествомъ нашихъ произведеній мы не можемъ установить курса Русскому уму на Европейской биржѣ, то качествомъ нѣкоторыхъ нашъ участокъ не во многомъ уступить трудамъ вашихъ Ротшильдовъ Литературы.

Первыя мѣста въ числѣ дѣйствующихъ нашихъ Поэтовъ занимаютъ Крыловъ и Пушкинъ. Жаль, что къ нимъ нельзя приложить рецепта Репетилова:

Писать, писать, писать!

Крыловъ изрѣдка выдаетъ свои новыя Басни. Пять было напечатано въ *Новосельѣ*. Надѣмся, что и Библиотека для Чтенія будетъ украшаться ими. Крыловъ, какъ человекъ умный, не довѣряетъ самъ себѣ, и на старости боится славы Архіепископа Гренадскаго. Мнѣ кажется, что это опасеніе напрасное. Не говоря о поэтическомъ талантѣ его, который ни мало не увялъ съ лѣтами, замѣтимъ, что и самый родъ его стихотвореній менѣе другихъ подверженъ вліянію лѣтъ. Воображеніе, чувство, пламя лирическое могутъ потухнуть съ лѣтами, но свѣтская

*

наблюдательность, умъ, прелесть разсказа не ветшаютъ въ человѣкѣ съ дарованіемъ.

Пушкинъ, Протей въ Словесности, своенравный, прихотливый, какъ сама Поэзія, *игралъ* въ этомъ году однѣ прелюдіи, капризы. Мы ждали увертюры, ждали чего нибудь большаго, важнѣйшаго, но не дождались, и, подобно Султану Мустафѣ, восхитавшемуся настройкою инструментовъ своей капелліи, повторяли: и это хорошо! и это мило! — Къ Пушкину, болѣе нежели къ кому нибудь другому, можно отнести сказанное нами объ участи нашихъ Поэтовъ. О немъ будутъ говорить: онъ былъ въ свѣтъ, и свѣтъ его не понялъ.

Въ нынѣшнемъ году появились двѣ оригинальныя Русскія Трагедіи: *Торквато Тассо*, сочиненіе *Нестора Васильевича Кукольника*, названная имъ *Драматическою Фантазією*, и *Россія и Баторій*, Историческая Драма *Барона Егора Федоровича Розена*. Сія два произведенія должны обратить на себя все вниманіе любителей Литературы, особенно первое. Тассъ, человѣкъ двухъ міровъ, великій, возвышенный, безсмертный въ мірѣ духовномъ, и слабый, ничтожный, сумасбродный въ глазахъ людей міра земнаго, представляетъ лице истинно поэтическое, созданное для Драмы. Нашъ юный Поэтъ удачно воспользовался характеромъ и судьбою пѣвца Иерусалима, и представилъ намъ въ своей фантазіи не именно историческаго Тасса, а вообще Поэта, чуждаго гостя въ здѣшнемъ свѣтѣ, окруживъ его тѣми лицами и обстоятельствами, которыми судьба какъ бы съ умысломъ окружила своего любимца и страдальца. Вся Трагедія сія преисполнена красотъ, но лучшія сцены въ ней суть: бесѣда Тасса съ гениемъ своимъ въ темницѣ, и кончина его въ вѣнцѣ Капитолій-

скомъ. — Трагедія сія не была представлена на Театръ, и, какъ мнѣ кажется, Авторъ ничего не потерялъ при этомъ. Идеальность, пѣстическая возвышенность предмета его Драмы, несомвѣстна съ дѣйствительностію, осязаемостью, которой требуетъ *эръмичная* публика. Я увѣренъ, что *наши* зрители, увидѣвъ, въ первой сценѣ, что Тасса въ домъ его сестры принимаютъ за безумнаго, расхохотались бы, какъ въ *Горь отъ ума*, когда прославляютъ сумасшедшимъ Чацкаго на балѣ; увѣренъ, что не поняли бы и сцены сумасшедшихъ, въ которой сокрыто высокое значеніе. — Историческая Драма Барона Розена отличается другимъ достоинствомъ: это поэтизированная картина Русскаго быта въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Онъ взялъ удивительные характеры того времени: Іоанна, Бѣльскаго, Годунова, Баторія, Замойскаго, Курбскаго; срисовалъ ихъ, по возможности, придавъ къ нимъ еще нѣсколько лицъ, счастливо придуманныхъ и созданныхъ (таковъ, на примѣръ, Царевичъ Іоаннъ, котораго мы не можемъ разгадать въ прозаической Исторіи), заставилъ ихъ дѣйствовать въ ихъ кругу, на ихъ поприщѣ. Въ сей Драмѣ достоинъ преимущественнаго вниманія *языкъ* дѣйствующихъ лицъ. Авторъ отбросилъ стѣснительные, условные законы приличія, благородства, нѣжности выраженій: онъ беретъ слова, которыя, по его мнѣнію, ближе, короче, сильнѣе выражаютъ мысль и чувство, располагаетъ ихъ по Русскому народному синтаксису, и производитъ сими эффектъ удивительный. Можно сказать, онъ *ломаетъ* языкъ (иногда и не совсѣмъ удачно), но какъ, *не поломавшись*, и освободиться отъ оковъ, наложенныхъ на прежній языкъ драматическій и правилами Буало, и примѣромъ Сумарокова, и привычкою въ Семинаріяхъ и Канцеляріяхъ! Честь и слава младому витязю! Онъ ринулся на флангу

фальшиваго классицизма, какъ Арнольдъ Винкельрихъ на мѣдную стѣну враговъ. Летите за нимъ вслѣдъ, молодые Поэты, и довершите побѣду истины и Природы надъ ложными правилами и неестественностью! Впрочемъ должно сказать, что Драма Б. Р., какъ Драма, не выдержала бы строгой Критики, если бъ въ ней не были выведены на сцену лица, важныя для насъ историческимъ своимъ значеніемъ: дѣйствіе и интересъ Драмы въ ней дѣлятся, между Москвою и Псковомъ.

Третіе поэтическое произведеніе нынѣшняго года есть умилительное завѣщаніе таланта, увядшаго на зарѣ жизни. Императорская Россійская Академія напечатала стихотворныя произведенія дѣвицы *Елисаветы Кульманъ*, скончавшейся 19 Ноября 1825 года, на осьмнадцатомъ году отъ рожденія. Жизнь и труды ея представляютъ намъ удивительную картину борьбы выпрєнныхъ душевныхъ силъ съ облекающимъ ихъ земнымъ тѣлѣмъ. Дѣвица Кульманъ основательно знала почти все новыя Европейскіе языки, Латинскій и Греческій: любимымъ ея занятіемъ были переводы древнихъ классиковъ и подражанія симъ великимъ образцамъ. *Коммивъ* жизнь свою въ томъ возрастѣ, когда другіе едва начинаютъ учиться, она показала изумленному свѣту, что могла бы сдѣлать, если бъ судьба даровала ей еще нѣсколько лѣтъ существованія на землѣ, для полногоразвитія рѣдкаго поэтическаго дарованія. Святость памяти такой души удерживаетъ перо Критика.

Въ нынѣшнемъ же году изданы стихотворенія молодаго Поэта *Язькова*, порывы пламенной души, поэтическаго созерцанія, выраженные прекраснѣйшимъ языкомъ, но, по мнѣнію моему, слишкомъ единообразныя вымысломъ. *Иванъ Ивановичъ Ко-*

слово, котораго жизнь явила намъ великій примѣръ утѣшенія, какое доставляютъ человѣку занятія Поэзією среди самыхъ тяжелыхъ лишеній и страданій, также напечаталъ особою книжкою свои мелкія стихотворенія, разбѣянные дотолъ по разнымъ Журналамъ и Альманахамъ. Звуки пѣсней сего Поэта суть не искусственныя рулады или блистательныя варіаціи виртуоза на драгоценномъ рояль: это стоны, исторгаемые изъ гармоники или Золовой арфы!

Перейдемъ къ новымъ твореніямъ въ прозѣ. Первое мѣсто въ числѣ ихъ, и по времени выхода въ нынѣшнемъ году, и по внутреннему достоинству, принадлежитъ *Русскимъ Повѣстямъ и Разсказамъ Марлинскаго*. Рѣшительно можно сказать, что сей Писатель сталъ на первой степени нашихъ Прозаиковъ. Вымысль, изложеніе, разсказъ, рѣзкія и новыя мысли, прекрасныя характеры, великолѣпныя картины Природы, трогательныя и комическія сцены общественной жизни, и свѣтскій умъ, и пламенное чувство, и острая насмѣшливость, и умилительное уныніе души—сверхъ того строжайшая отчетливость въ описаніи мѣстностей и особенностей разныхъ странъ, сословій, занятій—все это составляетъ достоинство сихъ повѣствованій. Автора упрекаютъ въ излишнемъ остроуміи, въ неестественности и принужденности нѣкоторыхъ его сравненій и описаній. Это, можетъ-быть, справедливо тамъ, гдѣ онъ описываетъ жизнь обыкновенную, свѣтскую, *гостинику*; но можно ли сдѣлать ему сей упрекъ въ *Амалатъ-бекѣ*, въ *Красномъ покрывалѣ*, въ картинахъ морской жизни и военнаго быта, въ письмѣ къ Доктору Эрману? Недавно читалъ я въ *Journal des Débats* рецензію на переводъ Русскихъ Повѣстей (*Les Conteurs Russes*), напечатанный въ Парижѣ. Нашихъ писателей упрекаютъ въ недостаткѣ оригинальности.

Но что сказали бы ваши Аристархи, если бь могли прочесть нѣкоторыя Повѣсти Марлинскаго? Впрочемъ, разумѣется, что и переводу надлежало бь быть сколько нибудь достойнымъ подлинника. Въ этихъ же *Conteurs Russes*, слова. «*Мишка! разбойникъ, подай свѣчей!*» * переведены: *Michinka, fils de chien, apporterás tu des lumières!* съ ученою выноскою, что *fils de chien*, говорится по-Русски: *soukine syne*, и съ отмѣткою: *C'est une appellation fort commune, usitée dans les rapports du maître et des domestiques en Russie.* Вотъ какъ насъ переводятъ, и по этимъ переводамъ судятъ о Русской Литературѣ, о Русскомъ умѣ!

Другой писатель, пріятнымъ образомъ изумившій въ нынѣшнемъ году Русскую читающую публику, есть *Баронъ Брамбеусъ*. Вы спрашиваете: откуда взялся этотъ Баронъ? Изъ Русской сказки о Французѣ Венеціанѣ, начинающейся слѣдующими словами: «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ Шпанскій Король, Баронъ Брамбеусъ.» Довольно ли? Первые опыты Барона Брамбеуса напечатаны были въ Новосельѣ. Недавно вышли его *Фантастическія Путешествія*, геніальное произведеніе необыкновеннаго ума и оригинальнаго воображенія. Мысли, картины, изложеніе—все въ сихъ Повѣстяхъ поражаетъ читателя новостью и необычайностію. Жаль, что мѣстами проскакиваютъ выраженія, неодобряемая нашимъ цѣломудреннымъ и чопорнымъ вкусомъ. *On est très chaste ici aux oreilles* — говаривалъ Сенъ-Моръ, когда ему толковали о неприличности чтенія нѣкоторыхъ Французскихъ стихотвореній на его вечерахъ. Что дѣлать? Выраженія, которыя во Франціи слушаетъ, не краснѣя, всякая благовоспитанная дѣвица, у насъ

* Въ статьѣ Булгарина: *Судья по выборамъ*.

привели бы въ замѣшательство и опытную повивальную бабушку.

Изъ Романовъ конченъ въ нынѣшнемъ году изданіемъ четвертаго тома (и напечатанъ вторымъ, исправленнымъ тисненіемъ) *Послѣдній Новикъ*, Г. Лажечникова, занимательный по содержанію, по дѣйствующимъ въ немъ лицамъ, но слишкомъ *подражательный* Вальтеру Скотту — во всемъ, кромѣ слога. — *Кощей Безсмертный*, Г. Вельмана, есть удачный опытъ употребленія старинныхъ Русскихъ сказокъ, преданій, повѣрій, поговорокъ и другихъ обломковъ любезной старины. Въ семъ Романѣ есть прекраснѣйшіе эпизоды, но въ цѣломъ нѣтъ ни внутренней, ни наружной связи, и герой Романа, пошлый дуракъ, не можетъ возбудить участія. — На сихъ дняхъ отпечатается Романъ *Мазепа*, соч. Ѳ. В. Булгарина, въ которомъ очень близко и живо изображенъ бытъ Малороссійскихъ удалцовъ стараго времени, и дѣла ихъ съ Ляхами и Москалями. — *Камчатка*, Романъ Г. Калашникова, достоинъ вниманія по точному изображенію обычаевъ, нравовъ и нѣкоторыхъ происшествій Камчатки. — Въ нынѣшнемъ же году перепечатанъ Романъ *Семейство Холмскихъ*. Если вы хотите узнать его содержаніе, купите, въ Парижѣ, переведенный съ Англійскаго Романъ: *Le Pour et le Contre*, прибавьте къ нему нѣсколько нашихъ національныхъ сценъ, въ которыхъ играютъ роль взятки, карты, ерофеичъ, и т. п. — и будете имѣть то, что мы читали подъ именемъ произведенія Россійскаго. Должно впрочемъ сказать, что слогъ сего подражанія легкій, чистый, пріятный, и заморскія происшествія и лица передѣланы въ немъ на Русскій ладъ очень искусно.

Изъ числа Повѣстей, выходящихъ дюжинами, дол-

жно отличить Повѣсти Казака *Луганскаго: Нападеніе въ распахъ*, и *Цыганка*. Обѣ написаны прекрасно; но послѣдняя отличается особеннымъ характеромъ мѣстности Молдаванской: *Кассандра* есть прекраснѣйшее созданіе Поэта!

Заключу обзорніе достопамятныхъ явленій нашей національной Литературы сочиненіемъ Генераль-Лейтенанта *Ивана Никитича Скобелева: Подарокъ товарищамъ, или Переписка Русскихъ солдатъ*. Вы вѣрно читали, и съ удовольствіемъ, повѣствованіе Французскаго солдата о жизни Наполеона (въ *Europe Littéraire* и въ *Médecin de Campagne*), Бальзака? У насъ есть такое же, или еще лучшее произведеніе въ семъ родѣ: это упомянутая мною Переписка. Книга сія есть не подражаніе, не *поддѣлка* подъ солдатскій слогъ—а просто истинный солдатскій разсказъ, со всѣми повѣрьями, преданіями, прибаутками и оригинальными выраженіями Русскаго воина. Сверхъ того, подъ видомъ разсказа, изложены въ этой Перепискѣ всѣ обязанности солдата, какъ челоуѣка и воина. Это, по истинѣ, первая у насъ народная книга.

По части Исторіи должно упомянуть о двухъ книгахъ: 1. *Сочиненія Князя Курбскаго*, изданныя Г. Устряловымъ, и 2. *Изслѣдованіе Уложенія Царя Алексѣя Михайловича*, Вл. М. Строева. — Г. Полевой издалъ четвертый томъ *Исторіи Русскаго Народа*. О сихъ книгахъ не довольно краткихъ замѣчаній: о нихъ должно или просто упомянуть, или распространиться на нѣсколькихъ страницахъ: избираю первое.

Должно замѣтить, что почти всѣ исчисленныя мною новыя книги (именно: кромѣ *Романовъ Поездный Новикъ*, *Кошечей* и *Семейство Холмскихъ*)

вышли въ С. Петербургъ. Это замѣчаніе касается до литературной Статистики *внѣшней*. Относительно же *внутренняго* характера нынѣшней нашей Словесности, замѣчательно бореііе, происходящее въ языкъ. Приращеніе Литературы нашей въ разныхъ родахъ, опыты нашихъ Стихотворцевъ и Прозаиковъ на путяхъ, донынѣ неизвѣданныхъ — все сіе способствуетъ къ обогащенію матеріальной и формальной части языка. Многія слова принимаютъ иное противъ прежняго значеніе, другія употребляются въ смыслѣ точнѣйшемъ или обширнѣйшемъ. Разныя новыя обороты получаютъ право гражданства; особенно, по сближеніи нашихъ писателей въ послѣднее время съ Литературою Германіи, водворились у насъ многія Нѣмецкія фразы, и къ нѣкоторымъ мы уже привыкли. Есть слова и выраженія *модныя*, безъ которыхъ нельзя показаться въ литературномъ свѣтѣ: таковы, напримѣръ, *проявленіе*, *жить жизнью*, и н. др. Очень забавенъ нашъ учено-ораторскій и дидактическій языкъ. Это какое-то натянутое, растянутое; надутое, взбитое разглагольствіе, котораго ни слушатели, ни самъ ораторъ безъ помощи лексикона и комментарий понять не могутъ. Округленные, раскрашенные періоды слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ симметрическомъ порядкѣ, какъ разноцвѣтные фонари въ балетѣ Кіа-Кингъ, съ тою разницею, что внутри балетныхъ фонарей свѣча, а въ пузырьныхъ періодахъ нѣтъ формально ничего. Я не называю никого, но совѣтую всякому вникнуть въ содержаніе нѣкоторыхъ нашихъ новомодныхъ рѣчей, произносимыхъ иногда предъ многочисленнымъ собраніемъ. А что говорить, собраніе? Прислушивается, зѣваетъ, морщится, не понимаетъ, но стыдясь въ этомъ признаться, и приписывая непостижимость сію не безтолковщинѣ оратора, а своему тувоумію — восхищается и рукоплещетъ.

Если я не ошибаюсь, нашей Словесности, нашей Поэзии и Прозы, въ непродолжительномъ времени предстоятъ перемѣны, и самыя счастливыя. Изъ среды молодыхъ питомцевъ Музъ возникнутъ самостоятельные Писатели, и вознесутъ нашу Литературу и Исторію на высшую степень. Сія мысль волновала и радовала меня, когда я, въ нынѣшнемъ году, въ Москвѣ, посѣщаль аудиторіи тамошняго Университета, видѣлъ на лекціяхъ И. И. Давыдова слишкомъ двѣсти челоѣкъ, молодыхъ, благородныхъ, благовоспитанныхъ людей, жаждущихъ просвѣщенія; видѣлъ у М. П. Погодина труды учениковъ его по историческому классу, между прочимъ переводы превосходнѣйшихъ Историковъ новаго времени. И я увѣренъ, что обогащеніе, преобразование, расширеніе азыка нашего должно произойти изъ Москвы, колыбели Русскаго просвѣщенія.

Я говорю вамъ только о собственной *Словесности* Русской. Если бъ я вздумалъ дать вамъ отчетъ въ движеніи Наукъ и просвѣщенія въ Россіи вообще, то далеко вышелъ бы за предѣлы моего письма. Эта часть идетъ у насъ быстрыми шагами: въ Кіевѣ учреждается новый Университетъ Св. Владиміра; С. Петербургскій обогащается новыми, достойными Профессорами; Главный Педагогическій Институтъ въ непродолжительномъ времени выпуститъ значительное число молодыхъ, основательно обученныхъ, отлично образованныхъ кандидатовъ, для занятія учительскихъ должностей; въ Дерптскомъ Университетѣ окончили курсъ двадцать два челоѣка воспитанниковъ такъ называемаго Профессорскаго Института, и почти всѣ они удостоены степени докторской. Нынѣ отправились они въ чужіе края, для довершенія своего ученаго образованія, и потомъ займутъ должности Профессоровъ. Въ Ми-

интересъ Просвѣщенія начинается съ Новаго года изданіе Журнала для распространенія свѣдѣній о трудахъ и успѣхахъ по сей важной отрасли Государственнаго Управленія; Ученыя Записки издаются Университетами Московскимъ и Дерптскимъ. Въ С. Петербургъ приступаютъ къ постройкѣ Обсерваторіи, которая будетъ снабжена превосходнѣйшими инструментами. — Воспитаніе юношества въ Военно-Учебныхъ заведеніяхъ также болѣе и болѣе идетъ къ совершенству. Военная Академія и офицерскіе классы Морскаго Корпуса, Инженернаго и Артиллерійскаго Училищъ и Института Корпуса Путей Сообщенія, ежегодно умножаютъ число истинно образованныхъ, ученыхъ офицеровъ. Воспитательные институты Министерства Финансовъ, общепользные Журналы, издаваемые по сему вѣдомству, равномерно споспѣшествуютъ къ распространенію познаній въ Наукахъ Математическихъ, Естественныхъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что сіи успѣхи въ познаніяхъ положительныхъ будутъ имѣть благое дѣйствіе и на Словесность, драгоцѣннѣйшее достояніе націи. Науки можно переманить, пересадить изъ странъ просвѣщенныхъ; но отечественный языкъ, Словесность, Исторія воздѣлываются только собственными руками народа, на почвѣ, усѣянной костями великихъ предковъ, орошенной кровію и слезами исчезнувшихъ поколѣній, приготовившихъ своими трудами, подвигами и страданіями нынѣшнее наше величіе, славу и благоденствіе.

Теперь сообщу вамъ нѣкоторыя извѣстія не о произведеніяхъ Словесности, а о производителяхъ: вамъ конечно любопытно будетъ знать, что у насъ готовится и на будущее время.

Несторы С. Петербургской нашей Словесности,

А. С. Шишковъ и *Графъ Д. И. Хвостовъ*, съ усердіемъ продолжаютъ прежнія, любимыя свои занятія: Александръ Семеновичъ трудится надъ изслѣдованіемъ корней Славянскихъ, а Графъ Дмитрій Ивановичъ ударяетъ въ струны своей лиры при каждомъ достопримѣчательномъ случаѣ.

Въ Москвѣ былъ я у *И. И. Дмитриева*: онъ живетъ, какъ мудрецъ, узнавшій міръ и суеты его, не въ совершенномъ уединеніи, и не въ свѣтскомъ шумѣ,—въ тихой части города, въ прекрасномъ домѣ, окруженномъ густымъ садомъ; стѣны его комнаты украшены изящѣйшими гравюрами, напоминающими или великихъ людей, или важныя происшествія Исторіи, или же представляющими образцовыя произведенія Искусства. За столомъ его провелъ я нѣсколько пріятнѣйшихъ *Афинскихъ* часовъ въ обществѣ Литераторовъ, которыми онъ окружаетъ себя, питая донынѣ страстную любовь къ Литературѣ, занимаясь всѣми ея произведеніями, принимая къ сердцу всѣ ея событія и явленія.

И. А. Крыловъ, по прежнему, проводитъ утро, занимаясь своею должностію Главнаго Библіотекаря Русскаго Отдѣленія Императорской Публичной Библіотеки, обѣдаетъ въ Англійскомъ клубѣ, и тамъ просиживаетъ вечеръ, невольно собирая вокругъ себя кружокъ всего, что есть умнаго, грамотнаго и толковаго въ семъ разнообразномъ обществѣ.

В. А. Жуковский, изнуренный непрерывными трудами по своей должности, былъ очень нездоровъ въ прошедшемъ году: по совѣту Врачей, отправился онъ на Югъ; провелъ зиму въ полуденной Швейцаріи, въ мѣстѣ, закрытомъ отъ жестокаго дыханія Сѣвера, и нынѣ воротился, совершенно оправившись и со-

бравшись съ новыми силами. Я душевно обрадовался, увидѣвъ его недавно въ Театръ: онъ помолодѣлъ нѣсколькими годами. Отдыхая, за границею, занимался онъ Поэзіею: произведенія его досуга будутъ печататься въ Библиотекѣ для Чтенія. Здѣсь онъ не имѣетъ времени дѣятельно заниматься Литературою: чувствуя всю важность, всю святость своей должности, онъ жертвуетъ ей всѣмъ своимъ временемъ. Такъ и должно.

А. С. Пушкинъ, во второй половинѣ сего, года ѣздилъ въ Оренбургъ, для собранія на мѣстѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, нужныхъ для его историческаго труда. Между тѣмъ написалъ онъ, какъ я слышалъ, три новыя Поэмы и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Кн. П. А. Вяземскій, неусыпно занимаясь службою (онъ служитъ Вице-Директоромъ Департамента Внѣшней Торговли), не оставляетъ и Литературы. Нынѣ, слышалъ я, кончилъ онъ подробную Біографію фонъ-Визина. Въ альманахахъ встрѣчаются его мелкія стихотворенія.

Князь А. А. Шаховской, по прежнему, усердно и пламенно трудится для Русскаго Театра; но нынѣшнія его произведенія не могутъ сравниться съ прежними. Если вы хотите, въ нихъ болѣе основанія историческаго и философическаго, но не этого требуется въ Драмѣ. Занимательность сюжета, отчетливость въ изображеніи характеровъ, быстрота дѣйствій — ничѣмъ замѣнены быть не могутъ. Онъ написалъ нѣсколько Повѣстей, заимствованныхъ изъ Русскаго быта въ началѣ и въ срединѣ XVIII-го вѣка, и намѣренъ издать ихъ подъ названіемъ Русскаго Декамерона. Предпріятіе, которому мы желаемъ скорого исполненія! Наша старина исчезаетъ

по мѣрѣ удаленія ея дѣйствователей со сцены, и у внучатъ остаются одни темныя преданія, искаженныя перескащиками. Если бѣ у насъ были Записки времени Анны Іоанновны и Елисаветъ Петровны! Мы припоминаемъ себѣ рассказы стариковъ, какъ сонъ, развѣянный утреннею зарею. О временахъ Екатерины II-й многое помнитъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, и рассказываетъ съ восхитительною истиною и простотою. Кто не пожелаетъ, чтобъ онъ сохранилъ свои воспоминанія на бумагѣ! Записки его времени были бы драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для Исторіи!

М. Н. Загоскинъ, управляющій нынѣ Московскимъ Театромъ, продолжаетъ заниматься сочиненіемъ Русскихъ своихъ Романовъ. На сихъ дняхъ выйдетъ новое его произведеніе: *Аскольдова могила*. По моему мнѣнію, въ его Романахъ первенствуетъ интересъ драматическій. Что можетъ сравниться свѣжестью, замысловатостью, естественностію, съ его описаніемъ перехода чрезъ Волгу, покрытую льдомъ (въ Юріи Милославскомъ), и съ бесѣдою ямщиковъ Завидовскихъ (въ Рославлевѣ)!

Ө. В. Булгаринъ, живущій почти весь годъ въ прекрасномъ своемъ помѣстьѣ, Карловѣ, подлѣ самага Дерпта, написалъ два новые Романа: *Мазепа* и *Чухинъ*. О первомъ я говорилъ выше; послѣдняго я еще не читалъ.

— Поговариваютъ еще о другихъ новыхъ Романахъ И. И. Лажечникова, Вл. И. Панаева и др. Въ Сынѣ Отечества 1832 года напечатаны были два отрывка изъ одного новаго Романа, сочиненнаго дамою: они обратили на себя общее вниманіе близостью къ Природѣ, прелестью слога. Ждали продолженія,

но его не было. Говорятъ, что сочинительница при-
нуждена была болѣзнію отказаться отъ довершенія
своего труда. Крайне жаль!

Вы, можетъ-быть, наконецъ спросите, чѣмъ за-
нимаюсь я самъ. Точно сказать, а нельзя умолчать!
Жизнь редактора ежедневной газеты тонетъ въ еже-
дневности. У меня, какъ говоритъ Кутейкинъ, вслѣ-
кое утро разцвѣтеть, и погибнетъ. Думаю: вотъ
завтра поутру я напишу то и то; постараюсь кон-
чить это. Завтра наступаетъ. Но пришла почта: раз-
бирай Дона Педра и Дона Мигеля, скучай надъ
длинными колоннами безтолковыхъ толковъ; повто-
рай, въ простотѣ сердечной, выдумки и лжи. Кон-
чилъ! Дай займусь дѣломъ. Шастъ факторъ: «*Ориги-
налу* не хватило: пожалуйста вершка на полтора.»
— Вотъ тебѣ предлинная статья о просвѣщеніи Тур-
цин. — «Мѣста не будетъ, Н. И.! Не прикажете ли
ночьснить Францію!» — Изволь, только оставь меня
въ покоѣ.» — Я опять за перо: *Глава шестая*..... не-
сутъ корректуру Пчелы: все брось, и въ продолже-
ніе двухъ часовъ выправляй грѣхи полутрезвыхъ
шаборщикова! Это не выдумка: такъ бываетъ еже-
дневно, съ небольшими варіаціями. Въ мгновенные
антракты моей журнальной траги-комедіи, дописы-
ваю Романъ, начатый за три года предъ симъ, и
занимаюсь исправленіемъ моей Грамматикки для но-
ваго ея изданія.

Говоря о томъ, что *есть*, что *будетъ*, чего надѣем-
ся и чего ожидаемъ, долженъ я упомянуть и о томъ,
что *было* и *прошло*, оставивъ по себѣ добрую па-
мять; долженъ упомянуть о Литераторахъ Русскихъ,
окончившихъ въ прошломъ году земное поприще.

Въ истекшемъ году скончались Члены Россійской
Академіи Николай Ивановичъ Гильдичъ (5-го Февра-
ля) и Ивашъ Ивановичъ Мартыновъ (20-го Октября), и
Литераторъ Орестъ Михайловичъ Сомовъ (27-го Мая).

Не знаю, были ли вы знакомы съ Гндичемъ; но если знали его хоть сколько нибудь, то оцените всю важность нашей потери. Сей мужъ правды и добра, основательно ученый, исполненный поэтического таланта, трудолюбивый писатель, усердный сынъ отечества, оставилъ въ сердцахъ нашихъ неизгладимую временемъ память. Одаренный отъ Природы пламенною душою и пылкимъ воображеніемъ, онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ началъ испытывать свои силы и способности въ занятіяхъ Словесностію, и плѣняясь безсмертными красотами Гомера, посвятилъ всю свою жизнь предложенію этого отца Греческой Поэзіи на Русскій языкъ достойнымъ его образомъ. Онъ воскресилъ и усыновилъ въ Русскомъ стихосложеніи величественный экзаметръ, обезславленный бездарнымъ Тредьяковскимъ. Кончивъ сей великій трудъ при рукоплесканіяхъ соотечественниковъ, онъ собралъ и издалъ отдѣльныя стихотворенія, написанныя имъ въ промежуткахъ важнаго своего подвига, и отдавъ такимъ образомъ отчетъ своему отечеству въ жизни и дѣлахъ своихъ, сошелъ во мракъ могилы съ твердостью мудреца и вѣрою Христіанина. Не могу вамъ выразить горести нашей при потерѣ сего необыкновеннаго чловѣка. Онъ имѣлъ тонкій и разборчивый вкусъ, былъ нѣженъ и чувствителенъ ко всему великому и прекрасному, напѣтанъ чтеніемъ и изученіемъ великихъ образцовъ Древности, былъ не только превосходнымъ писателемъ, но въ то же время и самымъ строгимъ и самымъ пріятнымъ критикомъ. Многіе наши писатели заимствовали и руководствовались его сужденіями. Домъ его былъ пріютомъ благородной и изящной простоты, тишины, кроткихъ бесѣдъ и дружескихъ изліяній. Страдавъ нѣсколько лѣтъ жестокою болѣзнію, онъ сдѣлался нетерпѣливъ, угрюмъ, причудливъ; но въ бесѣдѣ друже-

ской, въ разсужденіяхъ и толкахъ о Наукахъ, о Словесности, о друзьяхъ, мрачныя тучи исчезали на лицѣ его, взоръ прояснялся, улыбка возвращалась на уста, и прекрасная душа являлась во всей своей прелести. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ ровно за годъ предъ симъ, въ день его и моихъ именинъ. Беседа началась усерднымъ съ моей стороны поздравленіемъ и вопросомъ о его здоровьѣ. Онъ сталъ описывать мнѣ свои мученія, жаловаться на медленность, съ какою идетъ его (мнимое) выздоровленіе. Я постарался, при первой возможности, обратить разговоръ въ другую сторону: рѣчь зашла о Словесности. Мы стали толковать о новыхъ произведеніяхъ, о новыхъ ожиданіяхъ и надеждахъ. Я, по его желанію, рассказалъ ему планъ моего новаго Романа. Участіе, удовольствіе, одобреніе изобразилась на лицѣ его; забыты были и кашель, и судороги, и бессонныя ночи, и безотрадныя дни страданій. Бесѣду нашу прервалъ врачъ, лечившій его по новомодной системѣ. Я вышелъ, обѣщавъ навѣстить его какъ можно скорѣе. На другой день, узнавъ, что съ нимъ сдѣлался ужаснѣйшій припадокъ, я убѣдилъ моего врача, основывающаго методу леченія на здоровомъ смыслѣ и вѣковѣчномъ опытѣ, посмотреть несчастнаго страдальца и облегчить его мученія; но уже было поздно. Онъ угасъ чрезъ нѣсколько недель. Я едва засталъ его въ живыхъ, и только успѣлъ подписаться свидѣтелемъ подъ его духовнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ выразились все благородство, вся возвышенность его души: онъ обезпечилъ судьбу племянника, сына родной, любимой сестры; отдалъ отборную библіотеку свою въ пользу Полтавской Гимназіи, гдѣ получилъ воспитаніе, и завѣщалъ значительную сумму на исправленіе церкви, въ которой пріялъ Св. крещеніе.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ оказалъ важныя услу-

*

ги Литературъ и вообще просвѣщенію въ Россіи. Онъ былъ употребленъ Графомъ П. В. Завадовскимъ при начальномъ образованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, и принималъ самое дѣятельное участіе въ семъ важномъ подвигѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ до конца жизни онъ не преставаля заниматься Словесностію и Науками; издавалъ разные Журналы (Муза, 1796; Сѣверный Вѣстникъ, 1804 — 1806; Лицей, 1807 — 1808); перевелъ сочиненіе Лонгина и творенія многихъ Греческихъ Классиковъ, издалъ нѣсколько книгъ о Ботаникѣ, и въ послѣдніе годы своей жизни трудился надъ Грамматикою Русскою.

Ореста Михайловича Сомова вы знали. Онъ отличался, въ Словесности нашей, не блистательными творческими талантами и геніальными произведеніями, но основательными познаніями и большою дѣятельностію. Онъ былъ безспорно изъ лучшихъ переводчиковъ нашихъ (если не лучший) съ Французскаго и Италіянскаго языковъ. Сомовъ, почти одинъ изъ писателей нашихъ, былъ Литераторъ и дѣломъ, и званіемъ, что у васъ, во Франціи, называется *homme de lettres*. Онъ нигдѣ не служилъ и занимался только литературными трудами. Безпрерывныя письменныя работы, не по вкусу и не по вѣбору, а по необходимости и по требованію другихъ, отвлекли его отъ самостоятельныхъ произведеній, потемнили его воображеніе, иссушили тѣлесныя силы, разстроили здоровье, и въ цѣлѣ лѣтъ низвели въ могилу. Потеря его весьма чувствительна въ нашей Литературѣ, скудной толковыми и знающими труженниками. Качествами сердца, услужливостію, кротостію, привязанностію къ друзьямъ, Сомовъ оставилъ добрую по себѣ память.

6 Декабря 1833.

Н. ГРЕЧЬ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРСТЬ БОЖІЙ.

==

ПОВѢСТЬ МИШЕЛЬ-РЕМОНА *.

==

Пріятная теплота, таинственный, благовоанный полумракъ царствовали въ уборной, въ которой сидѣла Адриана де Версень. Одной рукой играла она

* Мишель Ремонъ, Michel Raymond, составляетъ одно изъ замѣчайшихъ литературныхъ именъ такъ называемой Юной Франціи. Названіе это вымышлено: оно замѣняетъ имена трехъ молодыхъ писателей, Брюгерь, Гозманъ и Массонъ которые сочиняютъ вмѣстѣ, и издають свои сочиненія подѣ этою фирмою. Успѣхъ Романа ихъ *Les Intimes* и Повѣстей *Les contes de l'atelier* приобрьла ей лестную извѣстность, покрайней мѣрѣ между обожателями господствующей вѣтъ во Франціи новой литературной школы, которая впрочемъ совсѣмъ не новая. Повѣсть, которую сообщаемъ здѣсь нашимъ читателямъ взята изъ послѣдняго ихъ сочиненія, вышедшаго подѣ фирмою Мишель-Ремонъ. Она по мнѣнію вашему, лучшая во всей книгѣ: прочія повѣсти или не занимательны, или слишкомъ отвратительны, что для пламенныхъ обожателей этой школы составляетъ тоже красоту. Повѣсьма уважительнымъ причинамъ мы рѣшились навсегда лишить нашихъ читателей красоту подобнаго рода, и избирать для нихъ такіа, которыя не

сь собакою, другую предоставила въ распоряженіе молодаго челоуька во Французскомъ платьѣ, сидѣвшаго подлѣ нея въ креслахъ, и между-тѣмъ, улыбаясь, чтобы показать прелестныя свои зубы, слушала рассказы Франтика аббата. Горничная убирала ей голову, вшлетая въ напудренныя волосы алмазныя и жемчужныя нитки.

— Не говорите мнѣ объ немъ, любезный д'Омбреваль, сказалъ аббатъ: Дюбуа челоуькъ неслышанный; ему такъже пристало быть Архіепископомъ, какъ вамъ или мнѣ; я, право, не знаю, крещенъ-ли онъ, и знаетъ-ли онъ хоть первую строчку Катихизиса. Онъ бы, я думаю, и не погнался за митрою, если бы не такъ трудно было достать ее; но какъ тутъ встрѣтились препятствія, то онъ ужъ, вѣрно, подведетъ золотой мостикъ подъ ноги Папы.

— Скажите, пожалуйста, аббатъ, какимъ образомъ сегодня вмѣшались въ это дѣло мое имя?

— Самымъ страннымъ образомъ. Вы знаете этого безрукаго, который всегда проситъ милостыни въ церковной оградѣ, и котораго народъ такъ уважаетъ за его вдохновенную физиономію, за его постничество и за то, что онъ говоритъ правду въ глаза всякому.

оскорбляютъ ни здраваго смысла, ни благородныхъ чувствъ. Само собою разумеется, что въ этой повѣсти также сокращено или выпущено все, что въ подлинникѣ служитъ только къ увеличенію числа страницъ, а не достоинства статьи. Это не переводъ многорѣчія Мишель Ремона, но повѣсть его по-Русски. Дѣйствіе происходитъ во время малолѣтства Лудовика XV, когда Герцогъ Орлеанскій управлялъ Королевствомъ съ титуломъ Регента, и известный Аббатъ Дюбуа, облеченный званіемъ и почти визирскою властію Перваго Министра, потрясалъ Францію и Европу для своего честолюбія. Аббатъ въ то время не былъ еще Кардиналомъ: онъ добивался только Архіепископскаго сана.

— То есть за его непостижимую наглость. Вы знаете, что я принужденъ былъ засадить его въ тюрьму. Что жъ далѣе?

— Этотъ святоша, отъ котораго всѣ торговли въ восхищеніи, и котораго одинъ Совѣтникъ въ Парламентъ.... Какъ его зовутъ, сударыня? Онъ мужъ вашей короткой пріятельницы.

— Монтинья?

— Да, да, Монтинья. Онъ всякой день посядаетъ нищаго въ тюрьмѣ. Безрукій — у него нѣтъ другаго имени, — Безрукій бросилъ палку подъ ноги Дюбуа.

— Забавный соперникъ!

— Если не соперникъ, то по крайней мѣрѣ, препятствіе. Папъ совсѣмъ не хотѣлось бы поссориться съ правою рукою Регента; но, не любя Дюбуа, онъ медлитъ, и ко всему привязывается. И по-этому онъ радъ всякой скверной исторіи. Развѣ д'Омбреваль не рассказывалъ вамъ, съ чего началось это дѣло? Безрукій, по нѣжному состраданію къ мошенникамъ, вздумалъ выпросить прощеніе какимъ-то разбойникомъ, которыхъ вѣрно было колесовать. Онъ не разъ приставалъ и къ Г-жѣ Параберъ, и къ самому Герцогу Орлеанскому, но напрасно. Въ день казни онъ возмутилъ всѣхъ своихъ приверженцевъ; они остановили карету Дюбуа, и начали его упрашивать. Дюбуа отказалъ, и они насажали ему жестокихъ истинъ. Сцена была ужасная! Въ себя отъ бѣшенства, разруганный въ пухъ, закиданный грязью, Дюбуа похожъ былъ на чорта, а не на аббата, когда возвратился домой, полуоглушенный воплями народа. Онъ бранился, ругался за цѣлый рынокъ, и рѣшился поставить на своемъ. Д'Омбреваль, по своей обязанности, засадилъ Безрукаго въ тюрьму, разогнавъ цѣлый эскадронъ богомолковъ, которыя соста-

вляють почетную стражу этого нищаго. Вы можете вообразить, что онъ употребляютъ всевозможныя средства для его освобожденія.

— И Святой Отець, Папа, ходатайствуетъ за этого чловѣка?

— Да, для того, чтобы сдѣлать непріятность Дюбуа. Онъ писалъ къ нему, что чловѣкъ, который скоро будетъ Архіепископомъ, долженъ подавать примѣръ Христіанскаго смиренія, и совѣтуетъ ему не забывать, что прощеніе обидъ есть первая Христіанская добродѣтель. Дюбуа не хочетъ оставить Папѣ ни малѣйшаго предлога. Чтобы какъ нибудь извиниться, онъ вздумалъ свалить всю вину на васъ, д'Омбреваль. Хитрецъ предался при посланномъ отъ Папы порыву бѣшенства, которымъ онъ забавляетъ насъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ день. Съ пѣною у рта, призывалъ онъ меня въ свидѣтели своей кротости, царапалъ стѣны, бросалъ на полъ стулья, ломалъ себѣ руки и колотилъ людей. Я отрышу д'Омбреваля отъ должности! кричалъ онъ.

— Пустяки, аббатъ! Повѣрьте мнѣ, что я справлюсь съ этимъ арлекиномъ. Если онъ хочетъ разстроить Полицію для того, чтобы получить митру, то для кардинальской шапки готовъ будетъ разорить нѣсколько провинцій. Этого я не потерплю. Я не позволю ему дѣлать Папѣ такихъ важныхъ уступокъ.

— Я почелъ нужнымъ предупредить васъ, д'Омбреваль, а тамъ какъ хотите; это ваше дѣло.

— Я уже это обдѣлаю; но теперь поговоримъ о дѣлахъ Адрианы, и, ради Бога, ни слова болѣе ни о нищемъ, ни объ Архіепископѣ: они оба мнѣ жестоко надоѣли.

— Что дѣлать! они вездѣ мѣшаются, даже и въ процессъ Г-жи де Версень. Совѣтникъ Монтинья покоро-

вительствуетъ не только нищему, но и вашему дядюшкѣ, сударыня. Онъ непрерывно ходитъ, то въ Шатле къ нищему, то въ Бастилію къ Г. де Версеню. Монтины выдаетъ себя за защитника всѣхъ угнетенныхъ. Вашъ дражайшій дядюшка и онекунъ послалъ за нимъ, и двери Бастиліи отворились. Я боюсь, чтобы онъ посредствомъ Монтины не разшевелилъ всѣхъ тяжелыхъ парламентскихъ головъ. Право, любезный д'Омбреваль, я не постигаю, можно какъ пускать въ государственную тюрьму людей, каковъ Монтины.

— А законы, любезный аббать?

— Законы, д'Омбреваль! Я говорю дѣло, а вы шутите! Развѣ вы хотите дать Г. де Версеню возможность еще угнетать свою питомицу? Законы! Вы говорите, какъ мятежнихъ!

— Не забудьте, любезный другъ, что этотъ гонитель подъ замкомъ.

— Оно очень хорошо; и я бы это давно сдѣлалъ. Вы знаете мои совѣты и мои усилія у Регента; но вы отвергали мои совѣты, а Регентъ всего боится. Кто жъ знаетъ! — можетъ быть, теперь уже извѣстно убѣжище нашей милой Адрианы. Право, сударыня, такъ какъ вы нѣкогда были знакомы съ женою этого Монтины, то вамъ не худо бы возобновить это знакомство и подружиться съ самимъ Совѣтникомъ: вѣдь онъ будетъ вашимъ судьбою. Жена расположить въ вашу пользу мужа, а мужъ своихъ товарищей. Если одинъ только Г. де Версенъ будетъ жаловаться, не мудрено, что его почтутъ правымъ. Пусть онъ будетъ Протестантомъ, если ужъ это позволяется, но чтобы онъ не смѣлъ говорить противъ васъ. Кстати, сегодня вечеромъ вы получите позволеніе дебютировать на Оперномъ театрѣ; это прекрасное убѣжище, въ которомъ можно смѣяться надъ всѣмъ.

— Согласенъ-ли ты на это, д'Омбреваль? спросила Адриана.

Маркизь поцѣловаль хорошенькую ручку, которую ему протянули.

— Позволеніе дебютировать на театрѣ избавить васъ отъ необходимости итти въ монастырь. По данной театру привилегіи, вы тогда совершенно свободны. Я не законникъ, да это и не мое дѣло: я человекъ государственный; но мнѣ кажется, что процессъ вашъ такимъ образомъ самъ собою оканчивается. Опекунъ не имѣеть уже надъ вами ни какой власти, потому, что вы принадлежите тогда Королю, и находитесь подъ его покровительствомъ. Г. де Версень можетъ только оттягать ваше имѣніе посредствомъ Парламента, такъ вамъ надобно подружиться съ Парламентомъ.

— Вы, аббатъ, поѣдете со мною къ Монтиньи.

— Очень радъ.

— Я ужъ, конечно, не поѣду съ тобою! сказалъ д'Омбреваль. Ты знаешь, что я съ Монтиньи не большой пріятель.

Маленькій негръ явился въ дверяхъ уборной, и сдѣлалъ знакъ. Д'Омбреваль поправилъ шпагу, поклонился и съ досадою вышелъ.

==

Человекъ въ простомъ фракѣ, безъ пудры и безъ шпаги, стоялъ у входа въ садъ. Когда Маркизь показался на лѣстницѣ, этотъ человекъ принялъ видъ провинившагося подчиненнаго; но въ его кроткомъ взглядѣ, въ его покорномъ положеніи, проглядывала

хитрость. Д'Омбреваль, молча, указаль ему на открытую аллею, и войдя туда, сказалъ:

— Какъ ты смѣешь, Кретьень, отыскивать меня здѣсь? Развѣ ты уже и за мной присматриваешь?

— Виновать: я хотѣлъ сообщить вамъ втайнѣ вашъ же секретъ.

— Очень пріятно видѣть, что ты знаешь мои секреты.

— Я по должности знаю многое, между прочимъ и то, что написано въ этомъ письмѣ, которое велѣлъ мнѣ отдать вамъ секретарь аббата Дюбуа; онъ проситъ васъ приказать мнѣ выбросить изъ тюрьмы одного нищаго, котораго я засадилъ туда, недѣль съ семь назадъ.

— Только? спросилъ д'Омбреваль, смотря въ письмо.

— Нѣтъ; будущій Архіепископъ свалилъ всю вину на васъ, и извиняется въ этой лжи, необходимой по видамъ его политики. Такъ, кажется?

— Да.

— Наконецъ, онъ дружески совѣтуетъ вамъ поручить какому нибудь смышленому человѣку поразвѣдать о прежней жизни Безрукаго. Я человѣкъ смышленный: позвольте мнѣ взяться за это дѣло.

— Ты очень скромнень.

— Я лучше другаго могу разгадать эту загадку. Я уже знаю кое что объ немъ.

— Что жъ ты знаешь?

— Ничего, впрочемъ, чрезвычайнаго. Безрукій не заслуживаетъ ни благословеній, ни проклятій, и мнѣ кажется, что онъ въ рукахъ толпы только музыкальный инструментъ, изъ котораго она извлекаетъ звуки, какіе умѣетъ.

— Сдѣлай милость, не распространяйся.

— Его блѣдное лице, его изнуренное тѣло, его нечесаная борода, доказываютъ, что онъ хочетъ выдать себя за преступника, котораго совѣсть собирается родить раскаяніе. Сверхъ того, онъ наказываетъ себя разными добрыми дѣлами. Никто не думаетъ, чтобы онъ собиралъ милостыню для самого себя, и эта странность возбуждаетъ общественную щедрость. Онъ не дуракъ: онъ часто подаетъ добрые совѣты, и этого уже довольно, чтобы окружить его шумнымъ свѣтѣмъ. Вы знаете, что онъ всегда проситъ прощенія приговореннымъ къ смерти, полагая, что у людей всего легче выпросить человѣческую голову; но ему часто не удается. Тогда онъ идетъ съ преступникомъ до самой висѣлицы, увѣщаетъ его, утѣшаетъ, и даже помощниковъ палача растрогиваетъ до слезъ. Не мудрено, что послѣ этого ему уступаютъ въ церковныхъ хорахъ первое мѣсто, тотчасъ за духовенствомъ. Это порождаетъ безчисленныя сказки. У него есть свои почитатели и враги. Последніе клянутся, что дьяволъ приноситъ ему проклятыя сокровища: они сами видѣли этого дьявола. Первые утверждаютъ, что ангелъ выгаскиваетъ для него изъ моря богатства претерпѣвшихъ кораблекрушеніе: они сами видѣли этого ангела. Я, грѣшный человѣкъ, не видалъ ни того, ни другаго. Я думаю, что онъ только отдаетъ бѣднымъ то, что ему подають: хорошее средство получить болѣе. Во время пожаровъ въ окрестностяхъ, города одни обвиняли его въ поджогахъ; другіе говорили, что онъ, подвергая жизнь свою опасности, спасъ многихъ несчастныхъ. Дѣло въ томъ, что онъ всю ночь бродитъ по улицамъ; онъ не спитъ и двухъ часовъ въ сутки, и часто, замѣтивъ пожаръ, первый производитъ тревогу. Въ одномъ мѣстѣ говорятъ, что онъ крадетъ дѣтей, въ другомъ, что онъ призираетъ ихъ, какъ Винцентъ де Поль. Онъ дѣйствительно снесъ въ богадельню

многихъ дѣтей, оставленныхъ на улицѣ: это и со мной случилось, но меня никто не прославлялъ. Его называютъ и мошенникомъ, и человѣкомъ чистѣйшихъ правилъ, потому, что онъ продаетъ четки, и съ разрѣшенія Святаго Отца, Папы, благословляетъ разныя бездѣлки. Я знаю только то, что Г. де Ноаль былъ весьма доволенъ лоскуткомъ пергамена, который онъ принесъ ему, и на которомъ я, черезъ плечо его, увидалъ печать Римской канцеляріи. Наконецъ одни говорятъ, что онъ атаманъ разбойниковъ, другіе считаютъ его талисманомъ города Парижа. Правда, что разные кающіеся лакеи возвращали черезъ него украденныя вещи. Съ мелкими людьми это случается. Онъ совѣтовалъ разнымъ чудакамъ, выходя изъ дому взять можетъ быть, съ собою оружіе, чтобы избавиться отъ опасности, вымышленной. Пользоваться благодарностію трусовъ, дѣло не преступное. Его имя, его происхожденіе, его лѣта подають поводъ ко множеству нелѣпыхъ предположеній: онъ Хамъ, онъ Странствующій Жидъ. Онъ знаетъ всѣ языки, но я ихъ не знаю, и потому не присягну въ справедливости этого показанія. По нѣкоторымъ его привычкамъ догадываются, что онъ воспитывался въ Италіи. Онъ читаетъ будущее въ стаканъ мутной воды: секретъ прекрасный. Онъ далъ пѣсколькимъ служанкамъ, умершимъ въ госпиталѣ, вѣрные билеты на тайныя лотереи Нѣмецкихъ жидовъ: не худо бы добыть ихъ побольше, чтобы подорвать эти лотереи. Онъ еще составляетъ какое-то питье, для стариковъ, чтобы женщины въ нихъ влюблялись: онъ бы сдѣлался милліонщикомъ, если бы завелъ порядочную лабораторію для приготовленія этого питья. Вы можете вообразить, что я ничему этому не вѣрю. Но вотъ чудо, за которое я ручаюсь, и котораго понять никакъ не могу: онъ одержалъ побѣду надъ скупостію величайшаго скряги, самаго сухаго,

самаго бездушнаго чловѣка въ мѣрѣ. Когда Безрукій сидѣлъ еще въ оградѣ, а не въ тюрьмѣ, Совѣтникъ Монтиньи всякой день проходилъ мимо его, и, не останавливаясь, не подымая головы, бросалъ ему въ шляпу лундоръ. Меня удивляетъ не лундоръ, хотя Совѣтникъ выдаетъ себя за бѣдвѣйшаго Члена Парламента, но подаваніе. Г. де Монтиньи, уличенный въ чловѣколюбіи!..... не разъ, а всякой день!..... Всѣ нищѣ разинули бы ротъ отъ удивленія, услышавъ, что этотъ чловѣкъ оказался виновнымъ въ щедрости, да еще въ какой щедрости! О, я разгадаю эту загадку, хоть бы для этого надобно было отнять у Безрукаго писанную исповѣдь, которую онъ всегда носитъ на груди, и это, право, стоитъ, чтобы я сей часъ же принялся за дѣло.

— Все это въ самомъ дѣлѣ довольно странно, Кретъень, и я очень радъ, что узналъ всѣ эти подробности.

— Поговоривъ наединѣ со шпиономъ, отвѣчалъ Кретъень, вынимая изъ кармана бумагу, перо и чернилицу, всегда чему нибудь научишься.

Д'Омбрваль улыбнулся, и подписалъ приказъ объ освобожденіи Безрукаго.

Полицейскій агентъ поклонился чуть не до земли, и когда начальникъ его взошелъ на лѣстницу, они сдѣлали другъ другу таинственный знакъ, и шпионъ Кретъень, и Полицеймейстеръ д'Омбрваль исчезли.

==

Въ это время въ окрестностяхъ Собора были узкія, кривыя улицы, пресѣкаемыя по мѣстамъ садами,

извѣстными хозяевамъ дома, да птицамъ небеснымъ. Въ одномъ изъ этихъ садовъ сидѣла женщина лѣтъ двадцати пяти, хорошенькая, но съ блѣднымъ и задумчивымъ лицомъ; двое дѣтей близнецовъ, мальчикъ и дѣвочка, стояли, облокотившись на ея колѣни, и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали Робинсона Крузе, котораго читала имъ мать; забытыя игрушки лежали на полу.

Вдругъ входитъ старая служанка, ведя молодую прелестную даму, которая шла подъ руку съ аббатомъ. Хозяйка встала, и, какъ бы вспоминая что-то, оставалась въ недоумѣніи. — Адриана! Онорина! — вскричали онѣ объ вмѣств. Онѣ долго, рыдая, обнимались. Аббать, приличнымъ образомъ растроганный этою сценою, подчивалъ дѣтей конфектами.

Аббать, чувствуя, что онѣ лишніи между двумя искренними пріятельницами, которыя давно не видались, сказалъ, что онѣ совсѣмъ забылъ было съѣздить къ Первому Министру, который его ожидаетъ, и, заплативъ дань приторныхъ учтивостей, отправился на гулянье.

— Какъ ты выросла, какъ ты похорошѣла, милая Адриана; и сколько происшествій съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались!

— Этому уже шесть лѣтъ, Онорина. Вотъ ты уже за мужемъ, и у тебя два ангельчика; а я побилась бы объ закладъ, что выйду прежде тебя: ты, вѣдь, всегда хотѣла итти въ монастырь. Но скажи, ради Бога, куда вы это забились! можно ли жить въ этой глуши?

— Мой мужъ такъ занятъ!..... Притомъ же мы не богаты.....

— О, мы его передѣлаемъ, и заставимъ жить съ людьми. Какъ можно заживо похоронить себя? Но расскажи же мнѣ, какъ это ты рѣшилась выйти замужъ?

— Ты помнишь, что, разставшись съ тобою въ Эврѣ, я побѣжала жить къ старой моей тетушкѣ, въ замокъ Кералланъ, въ Бретаніи, на мысъ, далеко вдающемся въ море. Это было настоящее орлиное гнѣздо на вершинѣ скалы. Въ бурю волны, казалось, хотѣли сорвать его, чтобы похоронить въ морѣ. Густой лѣсъ каштановъ совершенно отдѣлялъ нашъ мысъ отъ твердой земли. Я скоро привыкла къ этому дикому жилищу, и даже поздоровѣла тамъ, потому, что морской воздухъ приносилъ мнѣ пользу. Впрочемъ Кералланъ не всегда былъ такъ уединенъ: нѣкогда рыбаки жили цѣлымъ селеніемъ у подошвы скалы, на которой стоитъ замокъ. Но мало по малу селеніе опустѣло: жителей разогнало, какъ мнѣ говорили, суевѣріе. По ночамъ имъ видѣлись на рифѣ блуждающіе огни, на которые какъ бы отвѣчали другіе огоньки, зажженные по островамъ, разсѣяннымъ близъ берега; имъ слышались выстрѣлы; они находили иногда поруганные кресты, или тѣла людей, неизвѣстно кѣмъ и какъ убитыхъ. Тетушка смѣялась надъ этими разсказами; но какъ бы то ни было, а селеніе опустѣло, и на берегу остался жить одинъ только священникъ, который надѣялся ободрить другихъ своимъ примѣромъ. Я ничего не боялась, но спокойствіе мое скоро было разрушено. Однажды, въ темную осеннюю ночь, тетушка сдѣлалась опасно больна и потребовала своего духовника. Привыкнувъ гулять по берегу во всякое время, я оставила съ нею служанку ея, Терезу, которую она любила какъ дочь, а сама побѣжала за священникомъ. Возвращаться надобно было черезъ ровъ,

и потомъ по лѣстницѣ футовъ въ шестьдесятъ, продоланной въ скалы Природою, и усовершенной рукою человека. Мы съ священникомъ бѣжали, потому, что облака совсѣмъ легли на море, вѣтеръ вырывался изъ подъ нихъ съ ужаснымъ свистомъ, и волны насъ догоняли. Вдругъ раздался выстрѣлъ; при блескѣ молніи явился въ двадцати шагахъ отъ насъ человекъ страшнаго вида; онъ бросился къ намъ, повергъ насъ на землю, и махалъ надъ нашими головами прикладомъ. Я закричала, и женскій мой голосъ остановилъ его; онъ взялъ фонарь свой, стоявшій на пескѣ, и посмотрѣлъ на насъ. Тутъ я увидѣла лице его, но оно было намазано порохомъ. Между тѣмъ, вдали, раздавались удары, не похожіе на громовые, и крики, не имѣющіе ничего общаго съ крикомъ морскихъ птицъ. Я догадалась, что мы въ рукахъ разбойниковъ, и уже считала себя погибшею. Но злодѣй увидѣвъ на шеѣ священника серебряный крестъ, и набожность, удивительная въ такомъ человекѣ, удержала его отъ новаго преступленія. Онъ заставилъ насъ поклониться на этомъ крестѣ не сказывать никому о нашей встрѣчѣ, и взялъ его себѣ. Потомъ онъ позволилъ намъ идти, и скрылся въ темнотѣ. Я бы не рассказала тебѣ этого, если бы обстоятельства не разрѣшили меня отъ клятвы. Не знаю, говорилъ ли кому священникъ объ этомъ происшествіи, или по другимъ какимъ либо причинамъ, но онъ уже съ тѣхъ поръ не возвращался въ свой домъ, а по берегу, особенно въ бурное время, стали ходить сильныя отряды войска. Тутъ я узнала объ одномъ преступленіи, которому прежде не хотѣла бы вѣрить. Мнѣ сказывали, что на берегу и по ближайшимъ островамъ жили люди, которые, пользуясь бурею, обманывали пловцовъ ложными сигналами, наводили ихъ на скалы и грабили претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Съ тѣхъ поръ прошло съ

полгода. Въ Кералланъ все было спокойно. Губернаторъ нашей провинціи объяснилъ тетушкѣ, отъ чего опустѣло селеніе, стоявшее на берегу: но чего было искать разбойникамъ въ нашемъ орлиномъ гнѣздѣ! Мы ничего не боялись, и вели прежнюю, тихую, однообразную жизнь. Однажды, Тереза прибѣжала сказать мнѣ, что какой-то незнакомецъ пріѣхалъ верхомъ на эспланаду замка, по тропинкѣ, ведущей къ Брестской дорогѣ, и что онъ хочетъ говорить съ хозяйкою. Я вышла къ нему, и ввела его къ тетушкѣ, которая лежала въ постель. Не распространяясь въ учтивостяхъ, онъ сказалъ: — Сударыня! я Монтины; вы, можетъ быть, слышали это имя. Я жилъ съ батюшкою въ Америкѣ, и возвратился во Францію, чтобы собрать наслѣдство нашей фамиліи, изъ которой остался въ живыхъ одинъ я. Бура выбросила меня на этотъ берегъ, и я бы безъ сомнѣнія погибъ, если бъ одинъ разбойникъ не сжалился надо мною. Тоѣарищи его перерезали всѣхъ пассажировъ нашего корабля, но мнѣ помогъ онъ убѣжать. Благодарность моя, золото и оѣращеніе къ гнусному своему ремеслу, привязали ко мнѣ этого челоувѣка. Я живу въ Брестѣ; на дняхъ онъ разсказалъ мнѣ, что вамъ угрожаетъ опасность. Не пугайтесь: я пріѣхалъ раздѣлить ее съ вами. Двое солдатъ прійдутъ сюда въ рыбацкомъ платьѣ. Больше нельзя провести, чтобы разбойники не догадались о нашемъ намѣреніи, да и не нужно: я знаю и число разбойниковъ, и планъ ихъ атаки, и за все отвѣчаю. Мы трое истребимъ ихъ всѣхъ до одного. Они хотятъ разорить замокъ, и перебить всѣхъ жителей за то, что племянница ваца не сдержала данной имъ клятвы, и сдѣлала ремесло ихъ чрезвычайно опаснымъ, потому, что теперъ Губернаторъ за ними присматриваетъ. Они намѣреваются увѣнчать свои подвиги разрушеніемъ вашего замка, и потомъ на-

всегда отсюда удалиться. Я говорю вамъ правду, сударыня, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія; но вы меня не знаете, и не обязаны мнѣ вѣрить. Вотъ бумаги, въ которыхъ вы найдете всѣ нужныя свѣдѣнія обо мнѣ и моей фамиліи. Прошу васъ покорнѣйше просмотрѣть ихъ. — Г. де Монтиньи вышелъ въ другую комнату, чтобы дать намъ время прочесть его бумаги. Онъ были совершенно удовлетворительны. Я рассказала тетущкѣ происшествіе, случившееся со мною, и это заставило ее вѣрить словамъ Г. де Монтиньи. Она съ благодарностію приняла его предложеніе. Этотъ день былъ ужасенъ: мы находились на краю пропасти. Вечеромъ пришли оба рыбака: они приготовили ружья, раздѣлили между собою порохъ, завалили всѣ двери, сдѣлали даже родъ мины, чтобы поджечь ее въ случаѣ крайности; однимъ словомъ, приняли всѣ мѣры обороны. Эти приготовленія пугали тетущку. Она велѣла мнѣ и Терезѣ остаться съ нею въ верхней комнаткѣ, въ которую Монтиньи отнесъ ее. Чѣмъ болѣе приближалась ночь, тѣмъ усерднѣе мы молились; но по временамъ я уступала любопытству, которое меня мучило, взлѣзала къ высокому окну, и глядѣла на море. Однажды, я замѣтила, что отъ острова Бинниге отдѣлилась черная точка; она быстро приближалась къ берегу, и я увидѣла, что это большая лодка съ нѣсколькими гребцами. Они причалили и выскочили одинъ за другимъ на берегъ. Я болѣе ничего не видала. Ты можешь вообразить, что мы были ни живы, ни мертвы. Вдругъ раздались три выстрѣла, потомъ еще три, и наконецъ залпъ, который загрохоталъ въ ущельяхъ и пещерахъ, какъ будто старый Кералланъ повалился въ долину съ толстыми своими стѣнами и высокими башнями. Ноги подо мной подогнулись, и я едва слышала, какъ Монтиньи закричалъ: победа! Восемь окровавленныхъ

труповъ подняты были на узкой лѣстницѣ, продланной въ скалы. Ихъ побросали въ лодку, и пустили въ море. На другой день не оставалось ни какихъ слѣдовъ ночнаго кровопролитія, кромѣ гранита, изчерченнаго пулями. Между тѣмъ двое разбойниковъ спаслись; но одинъ изъ нихъ осмѣлился пристать въ ту же ночь къ острову Бинниге, и былъ застрѣленъ поставленною тамъ стражею. Другой, тотъ самый, который уведомилъ Монтиньи объ угрожавшей намъ опасности, пропалъ безъ вѣсти, и Монтиньи никогда не хотѣлъ сказать его имени. Ты можешь вообразить, съ какимъ чувствомъ мы принимали нашего избавителя. Черезъ нѣсколько времени онъ предложилъ мнѣ свою руку, и мы были обвѣнчаны. Когда это происшествіе сдѣлалось гласнымъ, Министры покойнаго Короля осыпали моего мужа почестями. Богъ далъ намъ этихъ близнецовъ, и мужъ мой, заботясь объ ихъ будущности и скучая бездѣйствіемъ, рѣшился переселиться въ столицу. Теперь мы живемъ здѣсь тихо и спокойно. Мы не богаты, но мы оба любимъ уединеніе. Званіе Совѣтника удовлетворяетъ честолюбію моего мужа. Лишь бы Монтиньи и мои ангельчики, Станиславъ и Габріель, были здоровы, и ты, милая Адриана, по временамъ меня посѣщала, счастье мое продлится до конца жизни; но я боюсь, чтобы оно не укоротило ея.

— Не думай этого, моя милая! отвѣчала Адриана съ выраженіемъ дружества. Эти мрачныя мысли мучать тебя отъ того, что ты живешь въ такомъ уединеніи. Тебѣ надобно познакомиться со свѣтомъ.

— Я, было, и хотѣла, но это не возможно. Я скажу тебѣ правду: мы очень небогаты; система Лава нась разорила. Притомъ же Монтиньи человекъ характера нѣсколько угрюмаго, заботливаго и, кажется, ревнивъ.

Въ эту минуту въ дверяхъ комнаты явились два человека; одинъ изъ нихъ, небольшого роста, сухощавый съ живыми и безпокойными глазами, съ блѣдно-желтымъ лицомъ и злобною улыбкою, въ шляпѣ и плащѣ, шелъ впереди знакомаго намъ аббата, который сердился на его неучтивость и смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ.

— Давно ли ты знакома съ этимъ человекомъ, Онорина? сказалъ незнакомецъ, указывая на аббата. Онъ непременно хотѣлъ видѣть Г-жу де Монтиньи.

Аббатъ смутился и хотѣлъ поправить свою ошибку.

— Ахъ!..... вы Г. де Монтиньи! очень радъ, что имѣю удовольствіе съ вами познакомиться. Прошу располагать мною. Я всегда уважалъ васъ. Извините, мнѣ не возможно было угадать, что это вы.

— Извиненія не нужны, сударь, отвѣчалъ Совѣтникъ, отступая, чтобы не пожать руки, которую аббатъ ему протягивалъ. Вы меня не знали, говорите вы, тѣмъ лучше: ничто такъ не безчеститъ человека, какъ знакомство съ нѣкотораго рода людьми. У насъ, провинціальныхъ дворянъ, прежде знакомятся, сударь, съ мужемъ, а потомъ, съ женою, и не предлагаютъ своей дружбы незнакомымъ.

Монтиньи снялъ плащъ, который служанка поспѣшила принять; потомъ нагнулся къ дѣтямъ, и началъ ласкать ихъ.

Онорина подошла къ нему съ трепетомъ, и указала на свою пріятельницу. Монтиньи приподнялся.

— Монтиньи, сказала она, господинъ аббатъ пріѣхалъ за своею пріятельницею, дѣвицею Адрианною де Версень.

Насмѣшливая улыбка появилась на устахъ Совѣтника; онъ поклонился весьма небрежно, и сказалъ:

— Г-жа де Версень!..... Я этого и ждалъ. Вы, вѣрно, пріѣхали хлопотать по вашему дѣлу. Это такъ водится. Правое дѣло не можетъ обойтись безъ искательствъ. Если какъ нибудь случится, что судья чело­вѣкъ честный, его стараются умиловить посредствомъ жены; если нѣтъ, то съ нимъ сдѣлаться не мудрено. Но я слышала, сударыня, что есть судьи, которые подобныя просьбы считаютъ обидами, особенно со стороны людей, которыхъ процессъ необходимо долженъ быть проигранъ, если только въ свѣтъ есть нравственность. Ежели я, по несчастію, изъ числа этихъ людей?.... что вы объ этомъ думаете?.... Ты, вѣрно, уже знаешь, Онорина, почему твоя прелестная пріятельница вздумала почтить насъ своимъ присутвіемъ: она, вѣрно, уже рассказала тебѣ о посещеніяхъ, случившихся въ Эврѣ, и о своихъ покровителяхъ въ Парижѣ, но конечно нѣсколько прикрыла нѣкоторыя подробности, не совсѣмъ ловкія, когда женщина, какова Г-жа де Версень, въ­р­я­ет­ся доброй своей славѣ.

Во время этой жестокой выходки, холодный потъ выступилъ на чель, на щекахъ, на шеѣ Адрианы: она задыхалась. Наконецъ, собравшись съ силами, она отвѣчала дрожащимъ голосомъ:

— Я не понимаю, что вы хотите сказать, и ваши предположенія такъ неучтивы, что я не могу отвѣчать на нихъ; я пріѣхала не съ тѣмъ, чтобы просить васъ о моемъ дѣлѣ, или чтобы терпѣть отъ васъ оскорбленія. Жена ваша подала мнѣ о васъ совсѣмъ другое мнѣніе.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, выводя васъ изъ заблужденія, я дѣлаю вамъ одолженіе. Кстати, аббать, вы такъ великодушно предлагали мнѣ свои услуги..... Сдѣайте мнѣ одолженіе, одно, которое я могу принять отъ друга аббата Дюбуа. Отвезите Г-жу де Версень къ ея покровителю, Полицеймейстеру д'Омбревалю.

Этими словами кончилась сцена, непостижимая для Онорины. Монтиньи повернулся, и пошелъ съ дѣтьми въ садъ. Адриана пожала плечами; аббать, презрительно улыбнулся, и оба вышли въ величайшемъ смущеніи.

Монтиньи возвратился, и подошелъ къ женѣ, которая сидѣла въ креслахъ, безмолвная отъ изумленія.

— Эта сцена тебя удивляетъ? сказалъ онъ.

— Признаюсь! Ты не приучилъ меня къ подобнымъ поступкамъ, и я не постигаю, чѣмъ заслужила моя пріятельница.....

— Стыдись называть ее своею пріятельницею! Ты ее не знаешь.....

Онъ вывелъ дѣтей въ другую комнату, и сѣлъ подле жены.

— Ты знала Г-на де Версень; ты сама мнѣ говорила о благородствѣ его характера, объ отеческой его нѣжности къ племянницѣ. Но ты не знаешь, что эта женщина своимъ поведеніемъ сдѣлала его несчастнымъ, обезчестила его; ты не знаешь, что его наконецъ стали почитать сообщникомъ этой развратной твари..... Да, сообщникомъ: она сама, убѣгая изъ дома Г. де Версень, призналась, что она порочна, но утверждала, что развратилъ ее онъ. Для старика нѣтъ другаго средства защитить честь свою,

*

какъ обратиться къ суду. Онъ прибѣгнулъ къ этому оружію; но онъ погибнетъ: надъ нимъ станутъ смѣяться; у него много непріятелей, а она, молодая и хорошенъкая женщина, она найдетъ тысячу покровителей. Я имѣю доказательства, что Регента уже не разъ просили заключить бѣднаго старика въ Бастилію. Для этого надобенъ былъ предлогъ: его выдали за проповѣдника Протестантской религіи, и подкупили свидѣтелей; но этотъ предлогъ показался Регенту недостаточнымъ. За то бѣднаго Версена преслѣдуютъ, мучать, терзаютъ: его наконецъ сведутъ съ ума. А она!.... Гдѣ, ты думаешь, она? Въ монастырь?.... Нѣтъ, она развѣзжаетъ въ каретѣ, въ брилліантахъ на головѣ, съ покровителемъ и аббатомъ по бокамъ: сдѣлавшись распутною, она перемѣнила религію. А знаешь ли ты, кто этотъ покровитель?.... Полицеймейстеръ д'Омбреваль. И онъ не любитъ ея, потому, что онъ ей платитъ. Но этого всего еще мало: я расскажу тебѣ поступокъ твоей пріятельницы, о которомъ предоставляю судить твоему материнскому сердцу. Въ Парижѣ есть заведенія, въ которыхъ содержатъ дѣтей, покинутыхъ своими родителями. У дѣвицы де Версенъ были дѣти, и — они въ этомъ домѣ.

=

Мѣсяца черезъ два послѣ того, Онорина сидѣла у окна и вышивала; Монтинь читалъ записку по какому-то процессу, и дѣлалъ въ ней отмѣтки карандашемъ. Подлѣ него лежали бумаги и пара пистолетовъ. Служанка пришла сказать, что пріѣхалъ

д'Омбреваль. Маркизь вошелъ, учтиво извиняясь, что обезпокоилъ Монтинья.

— Прежде всего я долженъ просить васъ, чтобы вы не почитали меня врагомъ своимъ. Я противъ васъ ничего не имѣю, и пріѣхалъ просить васъ объ одномъ дѣлѣ. Я знаю, что вы назначены докладчикомъ пустаго процесса, въ которомъ впрочемъ я не принимаю ни какого участія; но я слышалъ, что вы хотите замѣшать меня въ это дѣло, а это для меня весьма непріятно.

— Понимаю; вы говорите о Г. Версенъ, котораго два раза бросали въ Бастилію.

— Его сажали туда не даромъ: вы знаете, что онъ два раза покушался на жизнь своей племянницы. Въ Римъ и въ Спартѣ отцы имѣли право убивать дѣтей своихъ; но это право никогда не распространялось на опекуновъ, которые должны отдавать отчетъ въ управленіи имѣніемъ своихъ питомцевъ. Впрочемъ, повторяю, что это дѣло ни сколько меня не интересуеть, и я слишкомъ уважаю вашу супругу, чтобы оправдывать дѣвицу де Версенъ.

— Но за кого же хотѣли вы просить меня?

— Вы удивитесь. За одного бѣдняка, котораго вы знаете лучше, чѣмъ я, за Безрукаго.

Монтинья быстро всталъ съ своего мѣста, отворилъ окно, и потомъ сѣлъ снова.

— Развѣ этотъ человекъ онять въ тюрьмѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; но его хотятъ взять подъ стражу, и это теперь несравненно важнѣе, чѣмъ прежде, потому, что я знаю, кто онъ, и знаю причину вашего расположенія къ нему.

Совѣтникъ машинально протянулъ руку къ своимъ пистолетамъ, и смотрѣлъ прямо въ лице д'Омбревалою.

— По выговору этого бродяги мы догадались, что онъ долженъ быть Италіянецъ. Мы узнали, что въ Римѣ его почитали Венеціанцемъ, а въ Венеціи звали Маркомъ. Не такъ ли?

Совѣтникъ кивнулъ головою.

— Если бы я могъ вообразить себѣ, что эти подробности вамъ извѣстны, я бы къ вамъ пришелъ за справками.

Совѣтникъ спокойно растянулся въ своихъ креслахъ.

— Я узналъ, что онъ лѣтъ за восемь предъ симъ убѣжалъ изъ Венеціанской тюрьмы съ однимъ Жидомъ, который дѣлалъ фальшивую монету; что они оба поселились въ Бретаньи, что Маркъ набралъ тамъ шайку и производилъ грабежъ, а Жидъ, человекъ не храбрый, былъ укрывателемъ ихъ сокровищъ. Эту-то шайку вы съ такимъ мужествомъ истребили, и теперь принимаете участіе въ Безрукомъ, подаете ему милостыню и посѣщали его въ тюрьмѣ, изъ благодарности за то, что онъ спасъ вамъ жизнь.

Онорина вскричала: — Какъ, Монтинья? Это тотъ самый нищій, который сидитъ въ оградѣ Соборной Церкви, и котораго дѣти наши такъ боятся!

На лицѣ Совѣтника изобразилось нетерпѣніе. Онорина замолчала. Д'Омбревалъ продолжалъ:

— Вы можете сдѣлать Марку большое благодареніе. Кромѣ васъ и этого Жида, который еще живъ, никто не можетъ уличить его, потому, что шайка его

убивала всѣхъ ограбленныхъ, а вы истребили остальныхъ разбойниковъ. Жидъ у насъ въ рукахъ: очная ставка между ними могла бы открыть все дѣло, но, къ несчастію, онъ въ тюрьмѣ сошелъ съ ума. Между тѣмъ у нихъ должны быть брилліантовыя вещи, заказанныя Австрійскимъ Дворомъ Компаніи Амстердамскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ для Англійскаго Короля, Георгія I. Продать ихъ они не могли, потому, что эти камни слишкомъ извѣстны. Убѣдите Марка сказать, гдѣ они, и тогда, даю вамъ слово затушить все дѣло: за такое важное открытіе его можно будетъ простить. Одни вы можете убѣдить Марка объяснить это дѣло. Примите это на себя.

— А если Маркъ не знаетъ, гдѣ они?

— Быть можетъ; но ежели знаетъ, то вы легко можете убѣдить его объяснить все это, особенно намѣкнувъ на писаную исповѣдь, которую онъ всегда носитъ на груди. Онъ не разъ изъявлялъ желаніе, чтобы послѣ его смерти эта бумага отдана была нашему Архіепископу. Вы можете вообразить, что намъ не мудрено было бы заставить его прочесть ее въ судъ; но мнѣ не хотѣлось бы прибѣгать къ этой крайности.

— Правда! сказалъ Монтињи, съ безпокойствомъ прохаживаясь по комнатѣ. Я согласенъ!

— Когда же вы начнете?

— Завтра же. Дайте мнѣ только нужныя къ тому средства.

— Я самъ буду дѣлать, что вы прикажете. Но теперь, за мое снисхожденіе къ Марку, позвольте попросить вашего снисхожденія къ другой особѣ, не столь виновной. Дурное поведеніе молодой женщины имѣетъ свою хорошую сторону для многихъ; а вы согласитесь, что этого нельзя сказать о жизни

разбойника. Вы, я надѣюсь, не думаете, чтобы преступленіе было лучше порока.

Монтиньи нахмурилъ брови.

— О, я знаю, что нѣкоторыя души способнѣе къ пороку, чѣмъ къ преступленію!

— Я надѣюсь, что мнѣ придется сравнивать только вашу снисходительность съ моею.

Маркизь возвратился къ Адрианѣ съ такимъ довольнымъ лицомъ, что при видѣ его, она вскричала:—О, я выиграла процессъ мой!

Вечеромъ этого дня, народъ выходилъ толпами изъ соборной церкви; Безрукій сидѣлъ на паперти, и собиралъ обильное подаяніе. Когда площадь опустѣла, къ нему подошла молодая женщина съ двумя дѣтьми, и всѣ трое бросились на колѣна.

— Благослови дѣтей моихъ, Маркъ! сказала молодая женщина.

— Какъ! вы знаете мое имя! прошепталъ нищій, тренеца отъ страха.

— О, это имя для меня священо! Ты спасъ жизнь ихъ отца и матери, отвѣчала Онорина, бросивъ къ небу взглядъ, исполненный благодарности.

— Ихъ отца!.... А, теперь я понимаю; но, ради Бога, не повторяйте этого.

Маркъ протянулъ изсохшую свою руку, чтобы погладить мильхъ малютокъ; но въ эту минуту взбѣжалъ на паперть Монтиньи; онъ бросилъ горсть монеты къ ногамъ Марка, схватилъ дѣтей за руки, и, не говоря ни слова, потащилъ ихъ домой.

— Советникъ! закричалъ ему вслѣдъ нищій: Безрукій благословяетъ дѣтей твоихъ.

Возвратясь домой, Монтинья долго ходилъ по комнатѣ, не говоря ни слова. Онорина плакала.

— Что ты сдѣлала, Онорина! сказалъ онъ наконецъ. Теперь Маркъ знаетъ, что имя его извѣстно не одному мнѣ, и онъ убѣжитъ. Завтра его уже здѣсь не увидать. Впрочемъ, прибавилъ онъ чрезъ нѣсколько времени, какая намъ до этого надобность! Будь спокойна, моя милая, и не сердись на меня.

Монтинья ушелъ въ свою комнату, и, по своему обыкновенію, заперся на всю ночь, чтобы заниматься дѣлами.

=

Безрукій дѣйствительно уже не являлся болѣе на паперти соборной церкви. Въ народѣ шли толки: одни увѣряли, что святаго мужа извели его завистники, другіе, что онъ совершилъ какое нибудь преступленіе и взятъ Полиціею. По приказанію д'Омбревала, въ квартирѣ Безрукаго сдѣланы были тщательныя разысканія, но тамъ не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ духовныхъ книгъ, свинцовыхъ ме-

далее и креста. Наконецъ, тѣло Марка Венеціанина нашли на берегу Сены, близъ Аржантеля.

=

Д'Омбреваль воображалъ себя, что предложеніе его расположило Монтины въ пользу Адріаны, но онъ ошибся. Совѣтникъ, докладывая по ея дѣлу, безпощадно выставилъ на позорище поведеніе этой женщины и ея покровителей, и Парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу Г. Версена, ея дяди.

=

9 Іюня 1620 года, въ Королевскомъ Валь-де-Грасскомъ Аббатствѣ происходило посвященіе Аббата Дюбуа въ Архіепископы. Церемонія кончилась; народъ разошелся, и въ церкви осталась одна только женщина, стоявшая на колыняхъ. То была Онорина де Монтины. Она услышала шумъ и обернулась. Адріана де Версенъ поспѣшно шла къ ней на встрѣчу. Объ покраснѣли.

— Твоя записка меня испугала, Адріана.

— Мнѣ надобно было заставить тебя бояться за меня; иначе ты не согласилась бы видѣться со мною, слѣпо повинуясь запрещенію твоего мужа. Онъ жестоко оскорбилъ меня, но я люблю тебя, и пришла увѣдомить, что ему угрожаетъ опасность. Вечеромъ, когда онъ пойдетъ къ Г. Версену, его возьмутъ подъ стражу....

— Подъ стражу!.... Но за что же!....

— Не знаю; знаю только то, что это было приказано; но, жалѣя о тебѣ, я упросила д'Омбреваля отложить это на сутки, чтобы мужъ твой успѣлъ уѣхать за границу. Я слышала, что ему угрожаетъ безчестіе, позорная смерть.... Предупреди его; онъ долженъ знать, подвергается ли онъ этому. Пусть онъ уѣдетъ; между тѣмъ все это объяснится. Я имѣю причину ненавидѣть твоего мужа, Онорина; но твоя судьба, судьба дѣтей твоихъ отъ него зависитъ.....

Онъ обнялись, молча, и разстались.

=

Монтинья не было дома, когда Онорина возвратилась, и она не рѣшалась, что ей дѣлать. Когда первое волненіе, произведенное въ ней словами Адрианы, нѣсколько утихло, она начала сомнѣваться въ сообщенномъ ей извѣстїи, не постигая, какимъ образомъ позорная казнь можетъ угрожать человѣку, каковъ мужъ ея. Наконецъ Монтинья возвратился. Онъ былъ чрезвычайно мраченъ и задумчивъ, даже и за столомъ, когда дѣти осыпали его невинными своими ласками; онъ не понималъ, что слышитъ, отвѣчалъ, не зная самъ, что говорить.

Послѣ обѣда, онъ хотѣлъ итти; Онорина бросилась, чтобы удержать его, не зная впрочемъ, что сказать ему.

— Ты идешь къ Г. Версену?

— Къ Г. Версену! повторилъ Монтиньи, вздрогнувъ. Нѣтъ: онъ умеръ!..

Онорина вскрикнула...

— Да, онъ умеръ; но не бойся, онъ умеръ своею смертію; палачъ въ это дѣло не мѣшался, прибавилъ онъ съ горькою улыбкою: онъ умеръ, истощенный своимъ торжествомъ. Быть можетъ, впрочемъ, что ему помогли умереть сырость и душный воздухъ Бастиліи. Онъ просидѣлъ тамъ полгода: для семидесятилѣтняго старика это все равно, что для меня тридцать лѣтъ. Кто жъ можетъ обвинять въ этомъ его гонителей? Они сдѣлали все, что могли; они даже заботились о душѣ его: хотѣли обратить его въ Католическую религію; но упрямый старикъ умеръ Протестантомъ. За то теперь его нельзя похоронить: тѣло его будетъ выброшено на сѣденье птицамъ и собакамъ. Кто виноватъ! Зачѣмъ онъ не принялъ вѣронсповѣданія милой своей племянницы и любезныхъ ея покровителей! Выпросить позволеніе похоронить его невозможно; но остается еще одно средство, и я употребляю на это всю нынѣшнюю ночь....

Онъ нагнулся къ уху Онорины и сказалъ вполголоса:

— Я выломаю дверь кладбища, и похороню его!

Онъ ушелъ.

Тысячи мрачныхъ мыслей мучили бѣдную Онорину. Наконецъ она вообразила, что смерть угрожаетъ Монтиньи за то, что онъ нарушаетъ запрещеніе хоронить Г. Версена. Чтобы отклонить отъ него

опасность, она рѣшилась идти просить Адриана, и воспользоваться вліяніемъ ея на д'Омбревала. Въ полночь, обнявъ дѣтей своихъ, она вышла. Не зная хорошо дороги, она долго блуждала по мрачнымъ, грязнымъ улицамъ, избѣгая встрѣчи патрулей и пьяныхъ молодыхъ людей, которые за ними гонялись. Наконецъ увидѣла она монастырь Минимовъ. Д'Омбреваль при ней говорилъ, что Адриана живетъ гдѣ-то въ этомъ мѣстѣ. Подлѣ монастыря прелестный лѣтній домикъ въ саду: должно быть тутъ. Она схватилась за ручку колокольчика; но тотчасъ остановилась: въ саду ходилъ взадъ и впередъ д'Омбреваль съ какимъ-то другимъ человѣкомъ.

— Странно, сказалъ Маркизь.

— Конечно, странно; но я самъ его видѣлъ: онъ записался въ могильщики, и хоронитъ стараго Версена; съ нимъ множество Протестантовъ. Если онъ вздумаетъ выѣхать изъ Франціи, я уже велѣлъ слѣдовать за нимъ по пятамъ, хотя бы до Китая; но что же мнѣ теперь съ нимъ дѣлать?

— Теперь оставь его въ покоѣ; но если завтра, въ девять часовъ утра, онъ будетъ еще дома.... возьми его.

Они вышли изъ сада, оставивъ дверь отворенною: Онорина проскользнула туда, и, спрятавшись за деревомъ, остановилась въ недоумѣніи. Вдругъ раздался конскій топотъ: Адриана пріѣхала верхомъ, соскочила съ лошади, и вошла въ садъ вмѣстѣ съ д'Омбравалемъ, который заперъ за собою рѣшетку. Онорина, слыша, что они къ ней приближаются, пустилась бѣжать вдоль густыхъ шпалеръ, расположенныхъ зигзагами. Не зная, куда дѣваться, она бросилась въ освѣщенную залу, которой дверь была отворена, потомъ въ ближнюю комнату, въ которую

едва проникалъ свѣтъ изъ первой. Она остановилась, трепеща какъ преступница, и потомъ спряталась за тяжелыя шелковыя гардины, закрывавшія окна.

Въ залѣ начался разговоръ.

— Ты сдержалъ свое слово, д'Омбреваль?

— Да; я самъ прочту тебѣ эту драгоценную бумагу, и потомъ останусь у тебя, чтобы ты ночью не пугалась. Признаюсь тебѣ откровенно, мнѣ не хотѣлось выпустить изъ рукъ этой исповѣди: въ ней заключается честь, жизнь, все существованіе его.

— Ахъ, д'Омбреваль, не ужели же ты хочешь измѣнить своему обещанію?

— О, нѣтъ! Я только не отдамъ тебѣ этой бумаги, чтобы ты не изорвала ея. Но я бы хотѣлъ, чтобы онъ убѣжалъ. Если онъ останется, тогда палачъ кончить дѣло въ минуту; но если онъ уѣдетъ, тогда безчестіе будетъ слѣдовать за нимъ на край свѣта, тогда вся жизнь его будетъ непрерывнымъ мученіемъ, и мщеніе мое продолжится до тѣхъ поръ, пока онъ не падетъ подъ моими ударами.

— Какъ ты золь! сказала Адріана, раздѣваясь передъ зеркаломъ.

Д'Омбреваль вошелъ со свѣчей въ ту комнату, въ которой стояла за гардинами Онорина. Онъ взялъ на столъ бумаги, и ушелъ съ ними въ залу. Онорина за минуту предъ тѣмъ опиралась на этотъ столъ и касалась до бумагъ, отъ которыхъ зависить жизнь ея мужа.

— Какъ же попала къ тебѣ эта бумага?

— Безрукій отдалъ ее Нотариусу съ тѣмъ, чтобы передать Парижскому Архіепископу, если онъ уиретъ

спокойно, или мнѣ, ежели онъ будетъ убитъ. А ты знаешь, что тѣло его нашли на берегу Сены.

Онорина подкралась къ двери; Адриана, въ прелестномъ спальномъ платьѣ, сидѣла подлѣ д'Омбревалы на софѣ, обвиняя шею его своими руками, закованными въ брилліанты. Онъ складывалъ листы исповѣди Марка.

Д'Омбревалъ придвинулъ къ себѣ свѣчи и началъ читать.

«Да благословенна будетъ Пресвятая Богородица, которая возвела меня изъ бездны грѣховной къ покаянію.

«Намѣстникъ Божій приказалъ мнѣ описать жизнь мою и жить тамъ, гдѣ жизнь моя въ непрерывной опасности. Я подъ ножомъ сообщника, и горе ему, если онъ подниметъ на меня руку: удары его обратятся на его голову. Мнѣ не позволено предупредить его: да будетъ воля Божія!

«Мнѣ бы надобно было умереть въ Венеціанской тюрьмѣ: тогда еще совѣсть моя не была запятнана кровью; но когда я убѣжалъ оттуда, меня стала мучить жажда мщенія. Во Флоренціи я утопилъ въ Арно несчастнаго, который донесъ на меня; въ Генуѣ я бросилъ въ огонь одного изъ судей моихъ, во время пожара въ предмѣстіи С. Петра Аренскаго; въ Барселонѣ я убилъ трехъ полицейскихъ чиновниковъ, хотѣвшихъ взять меня подъ стражу. Корабль, на которомъ плылъ я оттуда, разбился у рифа Сенъ-Польскаго; я былъ выброшенъ на берегъ и жители меня обобрали. Это послужило мнѣ урокомъ: я набралъ изъ контрабандистовъ шайку разбойниковъ, и они, уважая мою храбрость и хладно-

кровіе, сдѣлали меня атаманомъ. Я жилъ на островѣ Бинниге, товарищи мои на разныхъ другихъ островахъ. Нелъпыя слухи, нами распущенные, разогнали суевѣрныхъ жителей прибрежнаго селенія. Въ бурныя ночи мы зажигали на берегу огни; гонимыя ввтромъ суда, надѣясь найти тутъ пристанище, спѣшили къ берегу и разбивались о скалы. По условленному знаку, мы собирались со всѣхъ сторонъ, овладѣвали кораблемъ, грабили его, и умерщвляли всѣхъ пассажировъ.

«Эти экспедиціи совершались обыкновенно подъ начальствомъ моего помощника Жана Каванеля. Я изобрѣталъ, онъ исполнялъ. Каванель былъ на это человекъ безцѣнный: жестокій, жадный и безбожный. Онъ былъ трусъ, но умѣлъ прикрывать свою слабость фанфаронствомъ. Отвращеніе къ этому человеку заставило меня сдѣлать первое доброе дѣло, обратившее на меня милосердіе Пресвятой Богородицы. Однажды, когда я ждалъ на берегу приближенія судна, мнѣ попались два человека, которыхъ бы я долженъ былъ убить; Каванель былъ близко, и я отпустилъ ихъ, чтобы не доставить ему удовольствія зарѣзать попа и женщину. Каванель предсказалъ мнѣ, что этотъ неосторожный поступокъ послужитъ къ нашему несчастію, и насъ съ трудомъ помирили.

«Въ это время шайка наша была богата. Сокровища наши хранились въ пещерахъ на островѣ Бинниге. Мы условились, собравъ известную сумму, раздѣлить ее и развѣхаться въ разные земли.

«Грабя пассажировъ, мы обыкновенно забирали и ихъ бумаги. Однажды убилъ я одного молодого дворянина, и разсмотрѣвъ его бумаги, мы, съ Каване-

лемъ, рѣшились сохранить ихъ; этотъ человекъ всю жизнь провелъ въ Америкѣ, во Франціи его никто не зналъ, родственниковъ у него не было. Онъ возвращался въ отечество, чтобы собрать небольшое доставшееся ему наследство. Я рѣшился этимъ воспользоваться и выдать себя за него. Стоило только предоставить какому нибудь богоугодному заведенію все его имѣніе, и тогда я могъ бы жить спокойно. Притомъ кто бы узналъ рыбака Марка въ дворянинъ Монтиньн!

Двойной, слитный крикъ Адрианы и Онорины прервалъ чтеніе.

— Теперь ты понимаешь, какую связь имѣетъ эта исповѣдь съ судьбою Советника? сказалъ д'Омбреваль.

— Читай! отвѣчала Адриана.

Онорина закусила платкомъ, чтобы не закричать въ другой разъ. Колѣна ея подгибались; она прислонилась къ двери. Д'Омбреваль продолжалъ читать.

— Эта мысль не оставляла меня ни на минуту, и мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе распустить свою шайку. Между тѣмъ отправление нашего ремесла сдѣлалось почти невозможнымъ: съ тѣхъ поръ, какъ я отпустилъ священника и женщину, о которыхъ говорилъ выше, всякая бурная ночь приводила на берегъ войска и по всемъ островамъ дѣланы были обыски. Люди мои роптали, и дисциплина моей шайки ослабѣла: мы рѣшились разойтись и назначили уже для этого день.

Жанъ Каванель сказалъ мнѣ, что вся шайка на меня сердится, и что если я хочу со временемъ жить спокойно, то долженъ наградить ихъ, доставивъ имъ

удовольствіе мщенія. Онъ предложилъ мнѣ разорить Кералланскій замокъ, и перерѣзать всѣхъ жителей, въ томъ числѣ священника и женщину, которыхъ я отпустилъ, и которые, по всей вѣроятности, донесли на насъ. Я согласился. Экспедиція назначена была на третью ночь.

Послѣ совѣщанія объ этомъ съ разбойниками, мы съ Каванелемъ плыли съ острова Бинниге на берегъ. Посреди пути, я пересталъ грести, чтобы объяснить Каванелю нѣкоторыя сомнѣнія, родившіяся въ головѣ моей. Когда мы разоидемя, сказалъ я, люди наши, не умѣя управлять собою, одинъ за другимъ попадутъ въ руки полиціи, и который нибудь изъ нихъ, вѣрно, донесетъ на насъ. Каванель думалъ то же. Потомъ я признался ему, что хочу присвоить себѣ званіе убитаго мною дворянина и явиться въ обществѣ подъ именемъ Монтиньи. Каванель одобрилъ мое намѣреніе. Наконецъ, прибравъ къ рукамъ весло, чтобы въ случаѣ сопротивленія раздробить ему голову, я предложилъ ему забратися въ Кералланъ подъ видомъ покровителей, увѣривъ нашихъ товарищей, что хотимъ отворить имъ ворота, а между тѣмъ уничтожить всѣхъ этихъ разбойниковъ во время нападенія ихъ на замокъ. Въ пылу мечтаній моихъ объ этомъ предпріятіи, у меня вырвались нѣкоторыя романическія предположенія. Имя Монтиньи соединялось въ моемъ воображеніи съ именемъ Кералланъ. Каванель улыбнулся и одобрилъ мое намѣреніе. Мы причалили, отправились въ Брестъ, обстригли волосы, обрили бороды, напудрились, и рыбаковъ невозможно было узнать въ дворянскомъ платьѣ. Въ день, назначенный для этой экспедиціи, Каванель явился ко мнѣ съ лицомъ совершенно разстроеннымъ; онъ сказалъ мнѣ, что нападеніе на замокъ отложено, потому, что разбойни-

ки не могут согласиться между собою, кому вести ихъ на приступъ, и не хотятъ повиноваться ни кому, кромѣ меня. Я по неволѣ долженъ былъ согласиться принять надъ ними начальство. Мы уговорились, чтобы Каванель роздалъ разбойникамъ дурной порохъ и негодныя пули, потомъ поѣхалъ въ замокъ съ письмомъ отъ меня и со всеми моими бумагами, и сказалъ бы, что я остался для того, чтобы при нападеніи поставить разбойниковъ между двухъ огней. Я долженъ былъ пустить ихъ впередъ до эспланады замка, остаться на лѣстницѣ внѣ выстрѣловъ, и преградить имъ отступленіе пистолетами и моимъ Миланскимъ кинжаломъ; а между тѣмъ Каванель перестрѣлялъ бы ихъ изъ амбразуръ замка

Каванель обманулъ меня: Небо опредѣлило ему быть орудіемъ моей гибели. Люди наши и не думали требовать, чтобы я велъ ихъ. Въ назначенную ночь я плылъ въ лодкѣ къ острову Бинниге. Меня окликнули; я всталъ въ лодкѣ и спросилъ: «Развѣ ты не готовъ, Каванель?» — «Готовъ», отвѣчалъ онъ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался выстрѣлъ, и я упалъ въ море. Каванель сдѣлался Господиномъ де Монтиньи.

Не знаю, какимъ образомъ я избавился отъ смерти: это было чудо, совершенное Пресвятою Богородицею, которая явилась мнѣ въ свѣтломъ видѣніи»....

— Остальное читать тебѣ не нужно, сказалъ д'Омбреваль. Теперь ты понимаешь, какое употребленіе я могу сдѣлать изъ этой бумаги?.....

— Д'Омбреваль! отдай мнѣ ее. Не для него, для Онорины и дѣтей ея, прошу тебя, отдай мнѣ ее!

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ слишкомъ долго укрывался въ платьѣ Совѣтника; пора ему поплатиться. Каванель не уйдетъ отъ меня. Но полно объ немъ! Ты не

можешь вообразить, Адріана, какъ ты хороша, когда ты растрогана, вскричалъ онъ, обнимая ее.

Онорина перестала слушать. Послѣ того, что она узнала, она умерла бы на мѣстѣ, если бъ не поддерживало ее мужество матери. Д'Омбреваль и Адріана ушли въ другую комнату. Она перекрестилась прокралася въ залу, взяла бумаги, оставшіяся на столѣ, и ушла, взявъ съ собою ключъ отъ рѣшетки.

Д'Омбреваль и Адріана ничего не видали, ничего не слышали.

=

Тогда Онорина, трепеща отъ страха, въ радости и въ отчаяніи, побѣжала домой, какъ безумная. Она остановилась уже у колыбели своихъ малютокъ. Взглядъ на нихъ придалъ ей новыя силы. Она съела, вынула рукопись изъ за пазухи, начала рвать и жечь ее. Она уже хотѣла бросить въ огонь послѣдній листокъ, какъ вдругъ, при свѣтѣ горящей бумаги, увидѣла предъ собою мужа. Она испустила крикъ отчаянія: дѣти пробудились.

Монтиньи былъ, по видимому, спокоенъ. Онъ стоялъ, сложивъ руки на груди; но глаза его сверкали.

— Вы испугались меня, сударыня! Отъ чего же это? Вы такъ безстрашны, когда надобно идти ночью на свиданіе и оставить дѣтей на произволъ

судьбы. Я, конечно, напрасно стерегъ васъ здѣсь. Я бы долженъ былъ понять, что вы всякую ночь пользуетесь такимъ образомъ моею довѣренностію. Но теперь вы видите, что я все знаю: отдайте же мнѣ эту бумагу.

Онорина спрятала ее за себя. Онъ протянулъ къ ней руку; дѣти, выскочивъ изъ кроватокъ, бросились къ матери.

— Именемъ дѣтсй нашихъ заклинаю тебя: оставь мнѣ эту бумагу! вскричала Онорина. О, если бь ты зналъ, что въ ней!

— Да! дѣти тутъ очень кстати! Мнѣ узнавать уже нечего; теперь, кажется, уже все ясно. Но я непременно хочу видѣть эту бумагу. Онъ подошелъ къ ней поближе.

— Ради Бога, вскричала она, трепеща всѣмъ тѣломъ, оставьте мнѣ ее..... и съ мужествомъ отчаянія схватила его за руки. Богъ свидѣтель!.....

Монтиньи захохоталъ. Онъ толкнулъ ее; несчастная упала; дѣти со слезами къ ней бросились. Монтиньи съ бѣшенствомъ вырвалъ у нея бумагу.

Онъ нагнулся къ лампѣ, расправилъ измятый листокъ, взглянулъ на него..... Онъ вскрикнулъ, закрылъ глаза рукою и приподнялся..... Но то былъ уже совсѣмъ другой человекъ: онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, лице его судорожно подергивалось, и онъ упалъ бы на полъ, если бь Онорина не успѣла удержать его.

— Неужели былъ второй списокъ этой бумаги! сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— А какъ же ты истребилъ первый списокъ, который былъ на груди Безрукаго! сказала Онорина.

— Я погибъ! вскричалъ онъ, устремясь къ двери.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты останешься здѣсь! сказала Онорина, схвативъ его за руку. У тебя есть дѣти: надобно спасти честь ихъ!

Монтинья остановился: онъ былъ уже обезоруженъ. Онорина вывела его въ другую комнату, и рассказала ему, какимъ образомъ досталась ей эта рукопись. Онъ сохранялъ смущенную покорность преступника; но въ стыдъ его уже не было страха.

— Ты понимаешь теперь, почему я не хотѣла отдать тебѣ этой бумаги, сказала она. Я хотѣла, чтобы ты не долженъ былъ краснѣть передо мною; но твое бѣшенство разрушило и эту надежду. Теперь намъ остается только искать средствъ скрыть это отъ другихъ. Доказательствъ нѣтъ: ты убилъ Марка..... Да, да, не отговаривайся; ты убилъ его, и истребилъ первый списокъ его исповѣди; второй уничтожила я. Но если ты убѣжишь, тогда кто не повѣритъ словамъ д'Омбреваля! Ты долженъ остаться здѣсь, ты долженъ жить въ свѣтѣ, чтобы своимъ присутствіемъ заставить его молчать. Мы должны оградить себя безстыдствомъ. Жизнь наша будетъ цѣлью безпрерывныхъ мученій; но кто жъ виноватъ въ этомъ? Ты!.....

=

Съ тѣхъ поръ Монтинья и жена его сдѣлались свѣтскими людьми, и ихъ вездѣ принимали съ уваженіемъ. Д'Омбреваль, обманутый въ надеждѣ мести, подозрѣвалъ Адриану въ покражѣ рукописи Безрукаго, совѣтовался съ Кретьенемъ, и терялся

въ догадкахъ. Между нимъ и Монтиньи происходила скрытная борьба; появлялись пасквили, въ которыхъ описана была вся исторія Каванеля; въ домѣ Совѣтника пронзвели, подъ пустымъ предлогомъ, обыскъ, и въ публикѣ узнали, что у Монтиньи, который выдаетъ себя за бѣдняка, зарыты въ погребѣ кучи золота. Между тѣмъ борьба его съ д'Омбревалемъ сдѣлалась для всѣхъ замѣтною, и всякой видѣлъ, что Совѣтникъ только защищается. Въ обществѣ распространились подозрѣнія, искусно распространенныя, и порядочные люди начали убѣгать его. Онъ непрерывно получалъ жестокия оскорбленія, за которыя невозможно было требовать удовлетворенія, потому, что они были прикрыты личиною свѣтской учтивости. Наконецъ, онъ не могъ уже явиться и въ Парламентъ. Президентъ не разъ давалъ ему чувствовать, что онъ лишній. Однажды онъ сказалъ: — Я слышалъ, что вы больны, Г. де Монтиньи! — Въ другой разъ: — Мнѣ сказали, что вы въ деревнѣ! И оба раза онъ отложилъ засѣданіе до другаго дня. Въ третій разъ, онъ даже, не сказавъ ни слова, закрылъ присутствіе, какъ скоро Монтиньи сѣлъ на свое мѣсто. Онъ возвратился домой почти въ безумствѣ.

— Вотъ, что остается мнѣ теперь, сказалъ онъ Оноринъ, указывая на пистолеты. Поѣдемъ сегодня со мною. Безъ тебя, у меня не достанетъ духу при всѣхъ вызвать д'Омбревалю на дуэль.

Опорина не отвѣчала ни слова.

Вечеромъ, они были въ блестящемъ собраніи лучшаго общества. Лице Онорины покрылось смертною блѣдностію, когда Монтиньи подошелъ къ д'Омбревалю.

— Мнѣ надобно посовѣтоваться съ вами, Г. д'Омбреваль.

— Со мною, Г. де Монтиньм?

— Да, съ вами и при всѣхъ: это не секретъ.

Всѣ замолчали: всякой понялъ, что между этими двумя людьми дѣло идетъ о жизни и смерти.

— Я знаю одного человѣка, — я не скажу вамъ его имени, — который досель, изъ уваженія къ самому себѣ, не обращалъ вниманія на темные слухи, разсѣваемые на его счетъ презрѣнными людьми; но ему наскучило носить на себѣ пятно клеветы, и онъ спрашивалъ меня, что ему дѣлать. Я совѣтовалъ ему сорвать это пятно шпагою. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Я бы не ожидалъ подобнаго совѣта отъ судьи, Г. де Монтиньи. Одна дуэль не защититъ чести вашего знакомца: онъ долженъ сначала уличить клеветника своего, и потомъ уже убить его. Притомъ, надобно знать, кто соперникъ вашего знакомца, то есть, въ какомъ онъ положеніи въ свѣтъ. Можетъ быть, что одинъ изъ нихъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ, другому терять уже нечего; за что же порядочный человѣкъ будетъ съ нимъ драться? Положимъ, напримѣръ, что я бы убѣжденъ былъ неопровержимыми доказательствами въ безнравственности вашего знакомца, что эти доказательства были бы у меня украдены; положимъ, что я бы не разъ намѣкалъ при всѣхъ на извѣстныя намъ обоимъ дѣла, и что ему отвѣчать было бы нечего.... Всѣ знаютъ, что я не трусь; но я не унижился бы до поединка съ нимъ, и предоставилъ бы ему вѣдаться со мною, если угодно, судомъ. А подобный отказъ, милостивый государь, величайшее оскорбленіе, какое только можно панести человѣку, въ которомъ есть хоть капля чувства. За то, послѣ этого, я бы всегда носилъ съ собою оружіе, чтобы

не доставить ему удовольствія убить меня изъ за угла.

Монтиньи отвѣчалъ только невнятнымъ звукомъ, вырвавшимся изъ груди его. Д'Омбреваль учтиво поклонился, и отошелъ въ сторону. Разговоръ сдѣлался общимъ.

=

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Монтиньи сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, обдумывая разные планы мщенія. Нянька дѣтей его, съ испуганнымъ лицомъ, пришла позвать его къ себѣ. Онорина лежала въ ужаснѣйшей оспѣ, которая въ то время похитила половину высшаго общества во Франціи.

Монтиньи понялъ, что лишаясь Онорины, онъ теряетъ всю власть свою и надъ собою и надъ обществомъ. Мы не будемъ говорить объ его горести: нѣсколько лѣтъ уже Онорина была единственнымъ божествомъ его. Адриана, не смотря на всѣ убѣжденія, не отходила отъ постели страдальцы; передъ смертію Онорины, ее надобно было увлечь силою.

На девятый день больная почувствовала необыкновенную умственную силу: это былъ послѣдній блескъ потухающей мысли. Она выслала всѣхъ изъ комнаты, и сказала мужу: — Страданія мои оканчиваются. Смерть моя облегчитъ и твое положеніе: ненависть молчитъ въ присутствіи могилы. Я требую, чтобы ты уѣхалъ съ гробомъ моимъ въ Бретанью. Тетушка будетъ матерью дѣтей моихъ, и я

стану ждаты ея въ фамильномъ нашемъ склепѣ. Воздухъ Парижскій для тебя не годится, и ты не боишься Кералланскихъ привидѣній; притомъ же, это будетъ, нѣкоторымъ образомъ, опроверженіемъ разсѣваемыхъ на счетъ твой слуховъ. Главное сдѣлано; Богъ и время довершатъ остальное.....

Въ тотъ же вечеръ священникъ читалъ въ этой комнатѣ молитвы, и десять восковыхъ свѣчей освѣщали лежащій на постель трупъ.

=

Когда Монтиньи прибылъ въ Кералланъ, тетка Онорины отъ старости впала уже въ совершенное дѣтство. Въ этомъ уединеніи, гдѣ онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ ни малѣйшаго сношенія, Станиславъ и Габріель не могли, одни, наполнить душу его; онъ мучился жаждою дѣятельности. Онъ возмущался противъ своего изгнанія и противъ свѣта; безлюдная молчаливость побережья ему досаждала; онъ трепеталъ невольно во время бурн. Этотъ шумъ пораждалъ въ душѣ его слишкомъ много воспоминаній. Притомъ, страстямъ, которыми пылалъ онъ цѣлую жизнь, нужна была пища. Человѣкъ, пораженный глубокою горестію, всегда ищетъ разсѣянія; одинъ прибѣгаетъ къ распутству, другой къ пьянству: Монтиньи нашелъ утѣшеніе въ скупости. Въ сокровищахъ своихъ онъ видѣлъ всѣ возможныя наслажденія, все земное могущество. Онъ думалъ, что дѣти его со временемъ узнаютъ, чего стоило ему пріобрѣтеніе богатства, которымъ они будутъ наслаждаться, и онъ трепеталъ, чтобы кто нибудь

не похитилъ у нихъ этихъ сокровищъ. Все казалось ему подозрительнымъ; онъ наполнилъ замокъ оружіемъ и рѣшился зарыть золото свое въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы никто не могъ отыскать его, и самъ принялся за работу. Онъ продѣлалъ потаенный ходъ изъ замка въ одну отдаленную пещеру, и загородилъ ее крѣпкою рѣшеткою.

Между тѣмъ, Станиславъ и Габріель росли почти безъ надзора. Гуляя по берегу моря, они часто переплывали въ лодкѣ на ближайшіе острова съ неустрашимостію дѣтскаго возраста, непонимающаго опасности.

Однажды, вечеромъ, Монтинья перетаскалъ все свое золото въ пещеру, о которой говорили мы выше, и началъ зарывать его. Онъ случайно взглянулъ на море. Онъ бросилъ ломъ, которымъ работалъ, прикрылъ руками глаза, чтобы защитить ихъ отъ ослѣпительныхъ лучей заходящаго солнца. Сквозь вечерній туманъ ему показалось, что одинъ изъ дѣтей его бродитъ по низменному каменистому островку, который море покрываетъ во время прилива. Онъ смотритъ..... Да, это точно Станиславъ, и съ нимъ Габріель; они беззаботно собираютъ раковины. Монтинья кричитъ имъ, но они не слышатъ. Между тѣмъ вода прибываетъ, и волны мало по малу относятъ ихъ лодку. Нечеловѣческіе вопли вырываются изъ груди несчастнаго отца. Передъ нимъ рѣшетка: вырвать ее невозможно; бѣжать кругомъ далеко..... Онъ зоветъ, кричитъ, онъ ударяетъ о гранитъ ломомъ. Ломъ переламывается; никто не отвѣчаетъ. Если бы была буря, кто нибудь бы взглянулъ на море; но — нѣтъ небо ясно, воздухъ тихъ и спокоенъ; вечеръ прекрасный. Несчастный отецъ!.. Все, что у меня есть, тому, кто спасетъ ихъ! Но

кругомъ только птицы. Не видно ни лодки, нигдѣ ни одного рыбака; въ этотъ день былъ праздникъ. Онъ бросаетъ золото горстями, пѣна бьетъ у него изъ рта, онъ рветъ на себѣ волосы, онъ ползаетъ по землѣ, онъ съ горестію грызетъ рѣшетку, которая какъ будто смѣется надъ нимъ. Море подымается все выше и выше; оно обхватываетъ уже дѣтей; они стоятъ, обнявшись, на колѣнахъ и молятся.....

Въ первый разъ слово «Богъ» вырвалось изъ устъ нечестивца.....

Богъ сжаился надъ бѣдными ангельчиками: море приняло ихъ въ свои нѣдра.

=

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, въ Парижѣ ночная стража увидѣла въ полночь какого-то несчастнаго, который прятался у дверей дома Полицеймейстера. Его взяли, и подъ платьемъ у него нашли ножъ. Въ это время д'Омбреваль возвращался съ бала; онъ велѣлъ привести къ себѣ этого чело-вѣка, чтобы допросить его.

— Я Жанъ Каванель! вскричалъ онъ въ бѣшен-ствѣ.

Его бросили въ Бастилію, и забыли объ немъ.

А. ОЧКИНЪ.

ЭГВИЛЬЕТЫ

АННЫ АВСТРІЙСКОЙ.

Въ самыхъ даже Романахъ мало находится такихъ удивительныхъ подвиговъ свѣтскаго остроумія, какъ въ блистательной жизни славнаго Англійскаго Министра Вильерса, или Герцога Букингама, бывшаго кумиромъ двухъ Монарховъ, и жертвою наперсничества.

Извѣстно, что въ кратковременное посольство свое во Франціи, Вильерсъ дерзнулъ страстно влюбиться въ Анну Австрійскую, супругу Лудовика XIII. Тайное ихъ свиданіе въ Аміенскомъ саду иносказательно описано даже въ стихахъ Вуатюра; ибо, по части любовныхъ проказъ, Поэты большіе болтуны. Королева, хотя утонченная кокетка, не могла однако жъ устоять противъ обворожительной наружности Букингама. Проникнутая до глубины души нѣжною склонностію къ несравненному Англичанину, она изъявляла ему свои чувства самымъ необыкновеннымъ образомъ. Соперникъ Букингама въ любви и въ политикѣ, коварный Ришельё, ласкалъ себя надеждою, что смѣлымъ поступкомъ успеетъ онъ представить очевидное доказательство Королевиной слабости несчастному Монарху, въ которомъ уже тлѣлся огонь ревности. Необычайная затѣя Ришельё была поводомъ къ такимъ мѣрамъ со стороны Букингама, которыя дѣлаютъ эту по-

вѣсть едва вѣроятною; но когда государственный человекъ перерождается въ романческаго любовника, и когда честь «дамы его мыслей» въ опасности, то нужно ли говорить, что въ такомъ случаѣ ничего не стоитъ привести въ движеніе всѣ пружины власти и весь правительственный механизмъ! Подробности, которыя мы намѣрены сообщать, странны; но онѣ, кажется, достовѣрны, ибо подтверждаются и записками Герцога Ла-Рошфуко.

Французскій Монархъ подарилъ свою супругу необыкновенную вещь, которая, по своей модѣ и новости въ то время, почиталась самою изящною частію женскаго убранства. Французы называли это *des ferrets d'aiguillettes*, эгвиллетами, или бриллиантовыми иглами: онѣ походили на наконечники аксельбантовъ, были осыпаны алмазами, и носились пучками на вискахъ или у волосъ.

По прибытіи Букингама, каждый день былъ ознаменованъ торжественнымъ увеселеніемъ. Ришелье далъ великолѣпный праздникъ въ садахъ Рюэльскихъ, прекраснѣйшихъ въ цѣлой Франціи; знать щеголяла ужинами, балами, концертами и маскарадами. Букингамъ танцевалъ со всею, ему только свойственною, прелестью; Королева удостоила его приглашенія на экосезъ. «И какъ въ этомъ Англійскомъ танцѣ, говоритъ Ла-Рошфуко, безпрестанно надобно сходитья, подавать руки другъ другу «прямю и накрестъ, то взгляды, тѣлодвиженія, бѣглыя улыбки и тысяча вещей, невыразимыхъ для пера, весьма вразумительно объясняютъ всѣ чувства сердца, хотя дѣйствіе происходитъ въ глухомомъ молчаніи, какимъ обыкновенно сопровождаются подобныя зрѣлища, изъ уваженія къ публикѣ». По этому описанію нынѣшніе обветшалые

экосезы, видно, нѣкогда почитались такъ же опасными какъ вальсы, при первоначальномъ ихъ появленіи.....

Ришелье ревниво подсматривалъ за всѣмъ, что происходило; Графиня Лануа сообщала ему каждое открытіе своего наблюдательнаго взора. Подъ благовиднымъ званіемъ Статсъ-Дамы, Французскіе Короли умѣли приставить всегдашній надзоръ къ своимъ половинамъ. Но какъ Главная Гофмейстерина Королевскаго Двора пользуется правомъ свободнаго входа въ кабинетъ Государыни во всякое время, а Статсъ-Дамы лишены этого преимущества, то Г-жа Шеврѣзъ проводила цѣлые часы наединѣ съ Королевою, — и Кардиналъ, получавшій вѣрныя донесенія обо всемъ прочемъ, почти ничего не зналъ, чтò происходило между Королевою и ея подругой. Французскій Министръ торопилъ Букингама кончить переговоры о замужствѣ Генріетты; но Вильерсу не хотѣлось разстаться съ Парижскимъ Дворомъ, и онъ всегда находилъ предлогъ къ отлагательству. Наконецъ обрядъ былъ совершенъ съ чрезвычайною пышностію. Во всемъ, чтò дотолъ происходило, Королева видѣла со стороны Букингама множество доказательствъ сильной, но почтительной страсти. Она, конечно, не была нечувствительна къ его любви, но если и раздѣляла зажженный въ немъ пламень, нѣтъ однако жъ сомнѣній, что добродѣтель поддержала ее въ этомъ случаѣ, и Букингамъ ухалъ изъ Парижа со всею почестью, какаю только можетъ быть оказана великимъ Дворомъ чужестранцу, но съ досадою на себя, что долженъ былъ переправиться за море, не дождавшись за любовь ничего, кромѣ благосклоннаго вниманія.

Королева забылась только въ одномъ отношеніи. Вечеромъ, наканунѣ Букингамова отъѣзда, она

тайно послала къ Герцогу съ Г-жею Шеврёзъ подарокъ державнаго супруга своего, эгвилеты, осыпанные брилліантами; и этотъ даръ, который могъ быть почтенъ знакомъ Королевиной щедрости, по обстоятельствамъ времени и лестной своей таинственности, сдѣлался доказательствомъ сердечнаго ея участія, отъ котораго Англійскій Герцогъ былъ въ восхищеніи. Онъ уххалъ счастливецемъ.

Во время обратнаго путешествія, Графиня Кларикъ, — вѣроятно Графиня Кармейль, ибо Французы обыкновенно произносятъ Англійскія имена весьма дурно, нѣсколько обиженная тѣмъ, что слышала о невѣрности своего отлетнаго поклонника, Букингама, нашла средство тайно переписываться съ Ришельё, который ничего не упускалъ съ своей стороны, чтобъ воспламенить ревностью Англійскую Графиню. Этотъ великій Министръ извѣстенъ былъ искусствомъ всячески разнообразить средства для полученія свѣдѣній отъ всѣхъ Дворовъ Европейскихъ: его изобрѣтательность никогда не дремала, и казнь не было пощады. Отъ бдительнаго взора преданной ему Статсъ-Дамы не ускользнуло, что Королева подарила Букингаму свои брилліантовые эгвилеты, и тайна дошла до Ришельё. Министръ давно выжидалъ случая унижить Королеву во мнѣніи ея супруга, надъ которымъ имѣлъ онъ полную власть, но иногда раздѣлялъ ее съ Королевою.

Ришельё тотчасъ написалъ къ Графинѣ Кларикъ. Онъ просилъ ее возобновить связь съ Букингамомъ, и, если на одномъ изъ праздниковъ, которые будутъ даны по его возвращеніи, она замѣтитъ на немъ эгвилеты, осыпанные брилліантами, то постараться отрезать два или три, и переслать къ нему. Букингамъ былъ такъ слабъ, что не устоялъ про-

тивъ искусныхъ оболщенийъ прежней своей пріятельницы, и Графиня не трудно было исполнить возложенное на нее порученіе. На балъ, въ Виндзорскомъ замкѣ, Букингамъ явился въ черномъ бархатномъ платьѣ, съ золотымъ шитьемъ; черезъ плечо былъ у него шарфъ, и на бантъ изъ голубыхъ лентъ висѣли двѣнадцать алмазныхъ эгвильетовъ, которые сверкали великолѣпнымъ огнемъ. Когда Букингамъ воротился съ бала домой, слуги его примѣтили, что двухъ эгвильетовъ не доставало. Они доложили ему о томъ, и удостовѣрили его, что эти двѣ иглы не случайно выпали, а были отрезаны съ умысломъ. Разбирая мыслію приключенія всего вечера, Герцогъ возымѣлъ подозрѣніе. Онъ почувствовалъ, что сдѣлавшій это, кто бы онъ ни былъ, вѣрно имѣлъ скрытныя побужденія. Тайная исторія подарка была извѣстна въ Англіи одному изъ владѣтелю; но ему показалось, что честь державной дарительницы могла быть сопряжена, тѣмъ или другимъ образомъ, съ исключительнымъ обладаніемъ всеми двѣнадцатью эгвильетами. Онъ рѣшился, не смотря на искусство хитраго похитителя, предупредить всякій умыселъ противъ Королевы, и если врагъ ея находился еще въ Англіи, не допустить, чтобы число эгвильетовъ осталось неполнымъ. Съ свойственною ему быстротою соображенія, Букингамъ начерталъ исполинскій планъ защиты, котораго никто, кромѣ государственнаго человѣка и самаго романическаго любовника, не могъ бы привести въ исполненіе. Рано поутру разсланы были курьеры съ повелѣніемъ запретить всѣ гавани и не выпускать во Францію ни почтового пакетбота, ни какого другаго судна. Въ это самое время Ларошельскіе Гугеноты ожидали изъ Англіи обѣщанной помощи. Оба народа поражены были общимъ страхомъ. Всѣ думали, что скоро

выйдетъ объявленіе войны. Между-тѣмъ этотъ внезапный перерывъ сообщеній воспослѣдовалъ единственно для того, чтобъ дать ювелиру одинъ день времени на поддѣлку, во что бы то ни стало, двухъ украденныхъ эгвильетовъ, съ брилліантами точно такого же размѣра и вида, какъ остальные десять. Чего не сможетъ человекъ съ такими средствами? Дѣло кончено, — и, на другой же день, водворился миръ между Англіею и Франціей. Гавани были отперты, и Букингамъ послалъ тайнаго гонца во Францію, для доставленія въ собственныя руки Г-жи Шеврѣзъ всѣхъ двѣнадцати эгвильетовъ, врученныхъ ею отъ имени Королевы. Онъ увѣдомилъ ее о томъ, что съ нимъ случилось, и о подозрѣніяхъ своихъ на счетъ Графини Кларикъ, которая часто была подлѣ него во время бала, и съ которою онъ танцевалъ. Онъ просилъ Королеву принять обратно то, что для него было драгоцѣннѣе всего въ мірѣ, послѣ ея спокойствія, которому тайныя козни угрожаютъ огорченіемъ. Предосторожность не была бесполезна, ибо Ришельё скоро получилъ два эгвильета, посланные ему Графиннею Кларикъ, и чтобъ навсегда лишить Королеву любви супруга, въ которомъ ревность раздражилась уже легкомысленнымъ обращеніемъ ея съ Букингамомъ, тотчасъ намѣкнулъ ему на то, въ чемъ полагалъ вѣрное торжество свое. Онъ настроилъ Короля просить супругу, чтобы она почаще надѣвала свои брилліантовые эгвильеты, ибо до него дошло тайное извѣстіе, будто она такъ мало дорожить его подаркомъ, что кому-то подарила ихъ или продала, и одинъ Англійскій ювелиръ предлагаетъ ему купить два изъ этихъ эгвильетовъ.

Ударъ, направленный Ришельё, на него же и обратился. Королева, ни сколько не показывая удив-

вленія, съ притворнымъ простодушіемъ, приказала тотчасъ подать шкатулку съ своими драгоценными вещами, чтобъ Король самъ отворилъ ее. Супругъ былъ въ восхищеніи, сосчитавъ всѣ свои двѣнадцать эгвиллетовъ, и, вслѣдъ за тѣмъ, увидѣвъ на Королевѣ нѣжный свой подарокъ, который придавалъ ея лицу необыкновенную прелесть. Ея Величество съ такимъ же удовольствіемъ узнала, что Король сдѣлалъ Ришельё строгій выговоръ за вѣчныя его подозрѣнія и невѣрныя извѣстія, — а Ришельё, конечно, удивилъ Графиню. Кларикъ, изъяснивъ ей, по первой почтѣ, свое негодованіе за то, что былъ такъ жестоко одураченъ.

Вотъ повѣсть, которая, — надобно признаться, — по крайней мѣрѣ столь же занимательна, какъ всѣ выдумки нашихъ современныхъ повѣствователей, хотя не имѣетъ счастья быть плодомъ ихъ воображенія.

New Monthly Magazine.

М Н Ъ Н І Е

ИЗВѢСТНАГО АНГЛІЙСКАГО ЖУРНАЛА,

Edinburgh Review,

0

НЫНѢШНЕЙ ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ *.

=

Французская Словесность трехъ послѣднихъ годовъ представляетъ взорамъ наблюдателя нѣчто, въ высшей степени странное. Всѣ отличные писатели этой націи сознаются, что хаосъ въ мысляхъ и смѣшное преувеличеніе искажаютъ большую часть ихъ новѣйшихъ произведеній. Они единогласно оуждаютъ то пустое себялюбіе, тотъ отвратительный

* Не получивъ въ свое время Edinburgh Review, мы злиствовали эту статью изъ Нѣмецкихъ Журналовъ, которые поспѣшили перевести ее и напечатать прежде другихъ Европейскихъ повременныхъ изданій. Скоро потомъ нашли мы ее переведенною на Французскій языкъ въ Revue Britannique. Читателямъ нашимъ безъ сомнѣнія будетъ любопытно знать, какъ приняты были во Франціи сужденія Англійскаго Журнала о Словесности того края: мы сообщимъ здѣсь вѣскольکو мѣстъ изъ примѣчанія, помѣщеннаго Французскими Журналистами подъ изданнымъ ими переводомъ этой статьи. Эта критика, отличающаяся высокою философіею, глубокимъ познаніемъ нравственнаго положенія Франціи, можетъ показаться «строгую некоторымъ нашимъ читателямъ; но всегда полезно знать сужденія о прославленныхъ нашихъ твореніяхъ, произосиимыя ино-странцами, ибо и самая точка воззрѣнія, на которой они поставлены, чрезвычайно благоприятствуетъ безпристрастію приговора. Мы позволили себѣ исправить некоторыя легкія погрѣшности въ «собственныхъ именахъ», но вмѣстѣ поставили долгомъ ничего не прибавлять къ сужденіямъ Шотландскаго Аристарха, и ничего не про-«лускать изъ нихъ.»

цинизмъ, которыми, къ сожалѣнію, наполнены ихъ творенія. Повсюду слышны жалобы на отсутствіе религіознаго убѣжденія, нравственности и вкуса. Народный геній гибнетъ! восклицаютъ они: нѣтъ ничего глубокаго, ничего истиннаго, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго чувства!..... Но всего страннѣе, что тѣ самые писатели, которые громче другихъ воспеваютъ эту элегію; тѣ самые, которые въ краснорѣчивѣйшихъ выраженіяхъ оплакиваютъ умственное положеніе Франціи, — они-то и роютъ ей пропасть, растрavляютъ ея раны, и посѣваютъ новыя сѣмена порчи. Романы за романами, драмы за драмами, стремятся умножить начала несогласія и запутанности мнѣній, которыя раздираютъ эту несчастную страну. Повсюду встрѣчаемъ мы сцены жестокости или безстыдства, выраженія бѣшенства или опьяненія; нѣтъ ничего утѣшительнаго, ничего такого, что бы скрѣпляло узы общественныя; ни одного истинно нравственнаго творенія, которое бы имѣло цѣлю утвердить правила Вѣры, пережившей столько земныхъ переворотовъ, и съ которою такъ тѣсно связаны и привычки, и чувства, и нравы наши.

Разсматривая новѣйшую Словесность Французовъ, невольно подумаешь, что духъ зла, смятенія и хаоса есть единственное божество, ими признаваемое, единственная Муза, которой они жертвуютъ. Это пропасть, въ глубинѣ которой тѣснятъ и сталкиваются всякаго рода нелѣпности и противорѣчія, бездонная тина, откуда, какъ изъ Дантова ада, раздаются,

*Diverse lingue, orribile favelle,
Gemiti di dolore, accenti d'ira
Voci alte e fioche, e suon di man con elle* *.

* Разногласные языки, ужасные говоры, споны боли, рѣчь гнѣва, провинительные голоса, и вопли, и хлопанье кулаковъ вмѣстѣ съ ними.

Къ счастью должно надѣяться, что это злополучное состояніе только временное. Разсматривая новѣйшую Французскую Словесность въ отношеніи къ ней самой, мы находимъ ее жалкою и ничтожною. Въ ней нѣтъ ни достоинства, величія и обаянія, свойственныхъ временамъ вѣрованія, ни даже той разрушительной силы, которая предзнаменуетъ революціи.

Словесность XVIII столѣтія имѣла одну только цѣль, — разрушеніе; но за то, по крайней мѣрѣ, какъ сильна, какъ могущественна, какъ тверда была она въ несчастномъ своемъ убѣжденіи! Она довѣряла челоуѣческой силѣ, довѣряла стремленію Природы нашей къ усовершенствованію. Изрекая проклятiе всему устарѣвшему, она полагала, что открываетъ міру путь къ спокойствію, будущность исполненную силы. Одною рукою святотатственно уничтожала она истины прошедшихъ столѣтій, другою въ гордомъ ослѣпленіи раскрывала книгу новыхъ установленій, — которые, по ея мнѣнію, должны были содѣлать людей счастливыми, законы мудрыми, народы благоденствующими. Вольтеръ, Гельвецій, Дидеротъ, знали, чего они хотѣли: они были удовольствованы, вида, какъ стѣны древняго зданія колеблются и рушатся; какъ святыня и права феодальныя, повергнутыя ими на землю, разлетаются въ дребезги подъ безбожнымъ, но могущественнымъ, ихъ молотомъ. Эти люди жили; потомство будетъ видѣть въ нихъ исполиновъ, сожалѣя объ ихъ заблужденіи. Европа трепетала при каждомъ новомъ потрясеніи, свидѣтельствовавшемъ объ ихъ могуществѣ. То были волхвы новой, задуманной ими эры, вѣрные и пламенные проповѣдники разрушенія, казавшагося имъ по ихъ ложнымъ понятіямъ необходимымъ.

Ежели сравнить съ ними нынѣшнихъ любимыхъ писателей того края, какъ малыми, какъ ничтожными они намъ покажутся! У нихъ нѣтъ ни цѣли, ни плана; они такъ же бѣдны мыслями, какъ богаты смѣшнымъ наборомъ словъ. Все происходитъ отъ того, что теперь наступило у нихъ время скуки, утомленія и отчаянія. Опытъ, ужасный учитель, потушилъ пламя энтузіазма. Чѣмъ необдуманнѣе предались они безразсуднымъ надеждамъ, тѣмъ горьче и глубже то безсиліе, которое послѣдовало за припадкомъ горячки. Теперь они во всемъ сомнѣваются. Ни одна система не имѣетъ искреннихъ послѣдователей; всѣ они видятъ, что старое зданіе рушилось, но изъ пепла его не возродилось ни какого прочнаго памятника. Теперь не вѣрятъ они болѣе ни добротѣ, ни силѣ, ни благородству рода человѣческаго. Ужасное состояніе, неспособное даже обратиться къ прежнему его вѣрованію, и породившее то жалкое ничтожество, ту Словесность безъ цѣли, безъ истины, безъ внутренней силы, которая должна бы покрыть вѣчнымъ стыдомъ произведшія ее народы, если бъ всѣ народы не были въ свою очередь вынуждены сносить подобный стыдъ, послѣ подобной нравственной болѣзни.

Разбирая однако внимательнѣе нынѣшнюю Французскую Словесность, мы, не смотря на то отчаянное положеніе, въ какомъ она представляется глазамъ нашимъ, усматриваемъ для нея лучшую будущность. Два могущественные потока борются теперь одинъ съ другимъ: матеріализмъ 1760 года и нравственный спиритуализмъ, подавленный столь долгое время, и старающійся нынѣ завоевать прежнюю власть. Впослѣдствіи, вѣроятно, волненіе стихнетъ, ручей спокойно будетъ катить струи свои, и взору откроются счастливые и плодоносные берега; но, покаместъ,

нѣтъ еще ничего твердаго, нѣтъ прочнаго русла для этого потока: мы слышимъ только шумъ битвъ и завываніе бурь:

Не думайте, чтобы то духовное направленіе, о которомъ мы упомянули, было химерою, порожденною нашимъ воображеніемъ: направленіе это проявляется повсюду. Необходимость вѣрованія выказывается даже въ тѣхъ странныхъ системахъ, которыя создало новѣйшее время. Теофилянтропы, Мистики, Тамплиеры и Сенъ-Симонисты, всѣ сознаются, что общественная безопасность не должна имѣть другаго основанія, другой опоры, кромѣ религій. Оставимъ ихъ еще нѣкоторое время переправлять Христіанское ученіе въ ихъ бурной философской лабораторіи; пусть они пускаютъ свои мыльные пузыри, которые на одно мгновеніе принимаютъ всѣ цвѣта радуги, а потомъ лопнутъ и обратятся въ ничто. Все это пройдетъ.

Писатели, которыми теперь гордится Французская Словесность, и на которыхъ съ неудовольствіемъ, если не съ улыбкою презрѣнія, будутъ смотрѣть ихъ потомки, суть таланты второстепенные. Іюльская революція дала имъ гибельное для славы ихъ направленіе. Съ этой эпохи всѣ преграды расторглись: кажется, что печать Соломонова сорвана, и дана полная свобода безнравственности и безстыдству. Не должно однако полагать, чтобы Іюльская революція была причиною этого переворота. Она только развила дурныя начала, съ давнихъ уже поръ гнѣздившіяся въ нѣдрахъ общества. И при Бурбонахъ находимъ мы тѣ же правила, или, лучше сказать, тотъ же недостатокъ въ правилахъ, тотъ же вкусъ, или, лучше сказать, то же отсутствіе вкуса. Должно признаться, что Бурбоны съ 1815 года ничего не сдѣлали для

нравственного и общественного улучшения Франціи. Въ теченіе всѣхъ шестнадцати лѣтъ ихъ владычества, они старались только утвердиться на престолѣ, и ничего болѣе. Не знаемъ, могли ли они очистить или обновить духъ народа, надъ которымъ призваны были царствовать; но то вѣрно, что торжественнымъ покровительствомъ необдуманному фанатизму, наборомъ цѣлой арміи Іезуитовъ и Капуциновъ, они не могли сообщить ни чистоты, ни правоты, ни вѣрованія, массѣ народа, пережившаго въ теченіе четверти вѣка болѣе десяти революцій. Въ царствованіе Карла X, проньрства тайнаго комитета любимцевъ искуснѣйшимъ въ ханжествѣ раздавали всѣ награды, юношество воспитывалось по смѣшнымъ и обветшалымъ правиламъ: однимъ словомъ, ни сколько не заботились о томъ важномъ соединеніи нравственности съ умственнымъ образованіемъ, безъ котораго нѣтъ народной добродѣтели. Совсѣмъ напротивъ: люди, желавшіе конечно добра, но не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о внутреннихъ пружинахъ челоуѣчества, люди, неловкіе до безконечности, вздумали ввести опять въ общество тѣ самыя злоупотребленія, тѣ самыя дурачества, противъ которыхъ такъ сильно ополчалась ложная, но грозная и опасная, Философія XVIII вѣка. Послѣдствія извѣстны!...

Словесность при Бурбонахъ имѣла въ себѣ что-то несовершенное, неопредѣленное: она какъ-бы колебалась между двумя мнѣніями. Нѣсколько замѣчательныхъ твореній этой эпохи, опыты Вите и Драмы Мериме, предзнаменовали уже совершенную перемену во вкусъ публики. Послѣ Іюльской революціи, на поприще, открытое двумя этими писателями, которые однако не дарили насъ ни ужасами, ни злодѣянiami, выступили Бальзакъ, Жюль-Жаненъ и Сю. Съ этой эпохи начинается ихъ слава. Тутъ явились въ совер-

шенной наготѣ своей всѣ тѣ литературные ужасы и дикія оргіи, которыми наполнены *Исповѣдь*, *Саламандра*, и другія подобныя творенія. Почти на каждой страницѣ встрѣчаешь въ нихъ похвалы убійству и глубочайшей безнравственности, и это, кажется, единственная философская цѣль творцевъ этихъ сочиненій. Мериме и Вите еще были удерживаемы въ границахъ здравымъ понятіемъ объ Искусствѣ, и нѣкоторымъ уваженіемъ къ нравственности; но, современъ «трехъ достославныхъ дней», возникла какая-то эфемерная Словесность, вѣрная и услужливая переписчица грязныхъ страстей черни и кратковременныхъ предразсудковъ, носящая на себѣ отпечатокъ брэнности и личныхъ выгодъ, соединенныхъ съ духомъ партіи, опрокидывающая всѣ понятія, поносящая всѣ мнѣнія, смѣшивающая всѣ роды слова, бросая краски и грязь на удачу, и заимствуя свои наряды и свои слова у всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ; сладострастная, подобно Аретину, и безчувственная, подобно Зенону; сама безстыдно провозглашающая свое ничтожество, свое сумасбродство, свое безсиліе; жалующаяся на свою порочность, не заботясь объ ея искорененіи, и тѣмъ еще увеличивающая мѣру заслуженнаго ею презрѣнія; Словесность жалкая, избравшая, кажется, себѣ лозунгомъ: ни на что не надѣяться, ничему не вѣрять, ни предъ чѣмъ не содрогаться!...

Но къ чѣму ведутъ всѣ эти лунатическіе плоды труда? Какая цѣль такъ душно употребленнаго времени? Принудить грядущее потомство, чтобъ оно съ удивленіемъ взглянуло на это совершенное разстройство общества, котораго такая Словесность представляетъ живой оттискъ. Въ подобномъ нашему вѣкѣ, она, къ несчастію, еще усиливаетъ всею заразительностью примѣра недугъ, который сама обнаружи-

ваецъ. Стоитъ посмотрѣть на эти тмы писателей, одаренныхъ именно тьми посредственными способностями, которыя удачно умѣють передразнивать истинные таланты, какъ они, пользуясь смятеніемъ умовъ, кидаются въ мутную воду, чтобъ выловить себѣ нѣскольکو славы и денегъ! Жалкіе торгоши дара слова, выступившіе впередъ цѣлыми полчищами съ той поры, какъ безнравственность расторгла всѣ преграды, а публика, слишкомъ благосклонная, стала безъ дальнѣйшаго разбора принимать все писанное и печатное! Люди ничтожные, не имѣющіе даже права похвалиться честностью, и всегда готовые плыть вмѣстѣ съ потокомъ, и раболѣпствовать, самымъ смѣшнымъ, самымъ нелѣпымъ образомъ предъ мимолетною прихотью народа! Имѣя довольно искусства и легкости, чтобъ сдѣлаться опасными, они продаютъ услуги свои любой изъ партій, раздражающихъ государство, и, кормясь такимъ гнуснымъ ремесломъ, вмѣстѣ унижаютъ отечественную Словесность. Имъ-то обязаны мы тьми мерзкими взаимными бранями газетъ, непристойными и безчеловѣчными романами, безчестящими книгопечатаніе; тьми подобострастными и подкупными критиками, которыми наполнены литературные Журналы. Въ какое другое время Г. Бальзакъ, писатель съ талантомъ и воображеніемъ, рѣшился бы бросить въ глаза публикѣ, имѣющей притязаніе на изящность и знаніе общественныхъ приличій, твореніе, написанное дремучимъ слогомъ и исполненное всякаго рода непристойностей (*Contes drôlatiques*)? Въ какое другое время человѣкъ, считающій себя первымъ изъ нынѣшнихъ драматиковъ Европы, избралъ бы предметомъ для своей драмы отвратительную Лукрецію Борджіа, пристрастившуюся материнскою или другою любовью, — авторъ не говорить, какою именно, — къ сыну, рожденному ею отъ.....?—да позволено намъ будетъ

умолчать остальное. Чтобы вполне представить себя безпорядокъ и нравственное безначаліе, владычествующіе во Французской Словесности, довольно вспомнить о самоубійствѣ тѣхъ двухъ молодыхъ писателей (Escousse и Lebras), которые вмѣстѣ лишили себя жизни угольнымъ угаромъ за то, что дурнымъ ихъ драмамъ, слишкомъ благосклонно принятымъ публикою, не расточали въ Журналахъ всѣхъ тѣхъ похвалъ, которыхъ онѣ, по мнѣнію ихъ, заслуживали.

Нынѣшняя Французская Словесность, возникшая подъ такимъ пагубнымъ вліяніемъ, дѣлится на двѣ партіи. Одна именуется себя «фантастическою»; другая завладѣла, какъ сама она выражается «дѣйствительностью». Последняя, по отвратительной нелѣпости ея выдумокъ, заслуживаетъ болѣе презрѣнія, нежели первая.

Фантастическая! Франція фантастическая! Кто бы повѣрилъ этому еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія? За всѣмъ тѣмъ, теперь, когда въ настоящемъ мало утѣшенія, и мало надежды на будущее, теперь и весьма понятно, какъ могла самая остроумная, самая веселая и насмѣшливая нація въ свѣтъ, увлечься въ міръ идеальный, свободный отъ всѣхъ оковъ земной жизни, обширный и заманчивый, какъ самая безпредѣльность. Вотъ уже скоро пять лѣтъ, какъ Французы страстно прильпились къ Нѣмецкому писателю Гофманну, и всѣми силами стараются подражать ему, или, лучше сказать, его пародировать, — ибо изъ всѣхъ писателей Гофманъ самый неподражаемый.

Онъ былъ одаренъ отъ Природы сложеніемъ нервнымъ и раздражительнымъ. Излишнее употребленіе крѣпкихъ напитковъ и хроническая болѣзнь, водившая его даже до сумасшествія, усилили въ немъ

эту раздражительность. Будучи самъ твердо убѣжденъ въ высокихъ своихъ способностяхъ, онъ унижилъ и ослабилъ ихъ распутною жизнію. Болезненное воображеніе его жило предчувствіями и понятіями безумными; въ головѣ его гнѣздились имъ самимъ созданныя привидѣнія, которыхъ онъ боялся. Вотъ основныя начала генія, безъ-сомнѣнія оригинальнаго, но подь который, по самой его оригинальности, уже нельзя поддѣлаться. Кому могъ онъ передать свое вѣрованіе въ міръ невидимый, передать тотъ страхъ, который ощущалъ при видѣ призраковъ, порожденныхъ больнымъ его мозгомъ въ табачномъ дыму кофейни? Гофманнъ былъ физическимъ и умственнымъ феноменомъ; одинъ только онъ могъ разлагать и описывать пожиравшую его горячку; одинъ онъ усматривалъ ту незамѣтную связь, которая соединяла эту огромную фантазмагорію съ предметами вѣшняго міра. Тщетно толпа Французскихъ писателей силится подражать Гофманну. Изобрѣтая разныя странныя образы и явленія, представляя чертенка, ѣдущаго верхомъ на дверной защелкѣ, или змѣй и голубокрылыхъ духовъ, прыгающихъ въ пуншевомъ парѣ, они только неудачно и напрасно перебиваютъ у Германскаго сумасброда труппу его актеровъ. Чтобъ обоготиться геніемъ, подобнымъ Гофманну, имъ слѣдовало бы то же повиснуть въ облакѣ опьянѣнія, посящемся между питейнымъ домомъ и больницею ума лишенныхъ. Мы прочитали болѣе ста Французскихъ фантастическихъ сказокъ, гдѣ столь же смѣшно; какъ рабски, поддѣланъ туманный блескъ Гофманновыхъ «Фантазій»; но настоящаго эликсира Гофманна, будь онъ эликсиръ самаго діавола *, ни кому до

* Весьма известны аптечные составы, именуемые каплями Гофманна, Гофманновымъ бальзамомъ жизни и элексиромъ Гофманна. Критикъ, намѣкая на нихъ, имѣлъ кажется въ виду повѣсти Бальзана: Elixir de longue vie и Le théâtre du Diable.

быть не удастся, и онъ останется вѣчною тайною для неискусныхъ его подражателей.

Но фантастическіе писатели по крайней мѣрѣ сознаются въ томъ, что они творятъ ложь, и творятъ ее хорошо или дурно. Они открываютъ вамъ ворота невидимаго міра. Если этотъ міръ вамъ не нравится, если ихъ волшебный жезлъ не открываетъ вамъ новыхъ сокровищъ, вы можете обвинять ихъ только въ недостаткѣ умѣнія: они, по крайней мѣрѣ, васъ не надуваютъ. Но что сказать о писателяхъ, выдающихъ себя за живописцевъ общества и дѣйствительности, въ твореніяхъ которыхъ не находите вы ничего дѣйствительнаго, ни малѣйшаго слѣда истины, ни одного даже характера, заимствованнаго въ Природѣ? Ихъ герои такъ же могли бы быть помѣщены въ неопредѣленномъ просторѣ безконечности или въ предпотопномъ мірѣ какой нибудь отдаленной планеты, какъ и у насъ, въ Китаѣ или Мономотапѣ. Представьте только себѣ лица, которыя никогда не существовали и существовать не могутъ, и которыхъ дѣйствія не согласны даже съ приписанными имъ характерами; повсюду несообразности, противурѣчія; логика вездѣ попорана. Если героиня романа кроткая и добродѣтельная, бѣлокурая и бѣлая, какъ говорятъ эти господа, вы можете быть заранѣе увѣрены, что въ концѣ первой части она непременно совершитъ какое нибудь преступленіе, вовсе несвойственное ея характеру; если герой извергъ, ему навѣрное придадутъ высокія добродѣтели. Насильственно перекидываемый изъ невѣроятнаго въ невѣроятное, изъ одной противуположности въ другую, читатель, бывъ сначала подстрекнутъ любопытствомъ, наконецъ исполняется негодованія, и когда это негодованіе еще раздражится новыми потрясеніями, оно переходитъ въ скуку, а за скукой слѣдуетъ отвращеніе. Миѣ случилось

видеть одного знаменитаго плясуна на канатъ: первый его опытъ поразилъ меня; при третьемъ прыжкѣ началъ я звать, а послѣдовавшее за нимъ сальто-мортале согнало меня со стула.

Нельзя сказать, чтобы и у этихъ писателей, какъ и у нѣкоторыхъ изъ древнихъ нашихъ авторовъ, не встрѣчались отъ времени до времени свѣтлыя мысли, блестящія выраженія и смѣлые очерки; но едва эти минутныя явленія ярко прорѣжутъ густоту тучи, какъ мигомъ они опять исчезаютъ, и вы снова окружены тѣмъ же мрачнымъ и кровавымъ туманомъ. Они думаютъ обновить Словесность и выказать плодовитость своего генія: ничто такъ ясно не доказываетъ бесплодности воображенія и нищеты средствъ, какъ необходимость прибѣгать безпрестанно къ необычайному и ужасному. Истинный талантъ умѣетъ произвести дѣйствіе и впечатлѣніе простыми и обыкновенными предметами. Изобразить характеръ совершенно человѣческой, создать цѣпь происшествій, увлекающихъ воображеніе, возбудить любопытство безъ поспранія разсудка, — вотъ въ чемъ состоитъ достоинство писателя! На это потребно столько же геніяльности, сколько размышленія и времени. Но возбуждать и поддерживать вниманіе читателя одними картинами пьянства, порока, распутства, безстыдства, прелюбодѣнія, кровосмѣшенія, смертоубійства; раскапывать отвратительныя тайны Приказа утопленниковъ, тюремъ, смирительныхъ домовъ и лобныхъ мѣстъ — это ремесло легкое и жалкое, въ которомъ не трудно отличиться всякому, кто владѣетъ перомъ, дерзкимъ и безсовѣстнымъ.

Если эти господа желаютъ корчить Вольтера, то вовсе не такъ поступалъ Вольтеръ, подъяломъ про-

званный сатанинскимъ писателемъ, и достойный служить имъ образцомъ Безнравственной Философіи. Въ его *Кандидъ* не встрѣтите вы ни одного лица, ни одного происшествія, выведеннаго безъ цѣли. При всемъ ироническомъ направленіи его ума, въ этомъ твореніи каждая бездѣлица обдуманна, каждое обстоятельство приведено для доказательства извѣстной аксіомы, для яснѣйшаго изложенія извѣстной системы. Одна основная, хотя горестная и несчастная мысль, владычествуетъ въ цѣлой повѣсти, и съ силою развита во всю длину ея, сквозь безчисленные блестящіе воображенія и сатиры. Теперь посмотрите, какъ модные Французскіе писатели излагаютъ свою теорію и доказываютъ свою систему. «Я хотѣлъ, говорить Г. Жавенъ въ предисловіи къ *Исповѣди*, «показать нѣкоторымъ образомъ нравственное затрудненіе чловѣка, чувствующаго потребность въ ровнанія, и нигдѣ не находящаго этого въ ровнанія! Поздравляемъ его съ такою благородною мыслию! Но Авторъ самъ сознается, что эта черта есть именно теперешнее нравственное состояніе Франціи; что она его поразила; что онъ хотѣлъ изобразить ее въ своемъ сочиненіи. И такъ, ему стоило только посмотреть вокругъ себя: при внимательномъ наблюденіи, онъ нашелъ бы въ каждомъ лицѣ, въ каждомъ мѣстномъ семействѣ, примѣры оплакиваемаго имъ недуга. Но нѣтъ!—онъ предпочелъ доказать свое предложеніе повѣстію несбыточною, совершенно фантастическою, разговоромъ въ родѣ Гофманновой чертовщины. Анатолій, герой Романа, гражданинъ «Юной Франціи», съ усами, съ густыми бакенбардами, безъ бѣлья, съ застегнутымъ до самаго галстуха жилетомъ, задушаетъ собственными руками жену свою въ первую ночь брака, по многимъ весьма уважительнымъ причинамъ, которыя вы увидите. Во-первыхъ, она охотница танцовать; во-вторыхъ, супругъ ея обдумалъ,

что въ старости прекрасная его невѣста будетъ такъ же дурна и морщиниста, какъ осьмидесяти-лѣтняя старуха, сопровождавшая ее въ домъ новобрачнаго; потомъ, ложась спать, она забыла его имя, и слишкомъ рано, по мнѣнію его, заснула. Всѣ эти сильныя побужденія заставляютъ нашего умнаго и свѣтскаго героя сдѣлаться убійцею молодой, невинной дѣвушки. За порывомъ бѣшенства слѣдуютъ угрызения совѣсти. Анатолій хочетъ исповѣдаться, ищетъ священника, достойнаго принять его покаяніе. Одинъ кажется ему слишкомъ толстымъ, другой чрезмерно худымъ; одинъ слишкомъ равнодушенъ къ предметамъ Вѣры, другой строгъ и можетъ-быть не согласится отпустить грѣховъ его. Онъ перебираетъ около дюжины аббатовъ, и въ числѣ ихъ застаётъ одного Испанскаго патера, бесѣдующаго наединѣ съ молодою, очень хорошенькою дѣвушкою, отнюдь не съ намѣреніемъ задушить ее. Наконецъ, послѣ долгаго, весьма долгаго исканія, открываетъ онъ истиннаго, добраго настыря, который утѣшаетъ его, разрываетъ отъ грѣховъ и отпускаетъ почти совершенно исцѣлившимся. Послѣ шестимѣсячнаго, отчаяннаго странствія, герой постригается, дѣлается самъ аббатомъ, служитъ обѣдни, и такъ расплывается отъ жира, что друзья не узнаютъ его.

Все это придумано сочинителемъ, чтобъ доказать вамъ, что во Франціи нѣтъ никакой религіи. Вотъ истиннѣ правдоподобные случаи и удивительно какъ знаменующіе описываемое общество! Преклоните колѣни передъ логикою сочинителя, который, желая показать совершенное отсутствіе утѣшительнаго вѣрованія, выводитъ при развязкѣ повѣсти челоуѣка, исполненнаго Вѣры и утѣшительныхъ правилъ. Возможно ли найти въ какой угодно Словесности что нибудь нелѣпѣе и несообразнѣе подобнаго окончанія!

Г. Жаненъ справедливо предупредомиа читателей въ своемъ предисловіи, что онъ писалъ безъ плана, наобумъ; напрасно только онъ сравниваетъ себя съ Кребильономъ младшимъ, который описывалъ въкъ самый безнравственный, но чьи портреты, хотя часто возбуждаютъ негодованіе, были однако жъ всегда сходны съ подлинниками.

Философіи, плана, цѣли, основной и ясной мысли, — вотъ чего недостаетъ у новѣйшихъ Французскихъ писателей! Искусство разсказа не можетъ закрыть унижительной нелюбви предмета, ни замѣнить того единства стремленія, той связи между понятіями, которыя они такъ нагло презираютъ. Въ Жаненѣ встрѣчаются иногда достоинства необыкновенныя: много блеска въ слогѣ, эпизоды, дышащія теплотою, какая-то насмѣшливая и вмѣстѣ ребяческая веселость, нерѣдко лучи яснаго и пронзающаго свѣта, которые хотя и не далеко озаряютъ, хотя не объемяютъ всего нынѣшняго общества, но по-временамъ глубоко проникаютъ въ его нѣдра, словно внезапные проблески разсудка въ пьяномъ состояніи, молніеобразно мелькающіе въ хаосъ и тмѣ умственныхъ органовъ. Правда, никогда не умѣетъ онъ долго пребыть благопрістойнымъ и простымъ: въ немъ сидитъ злой духъ жеманства и натяжки, гибельный для всякаго большаго творенія и составляющій странную противоположность съ главами, начертанными съ прелестною невинностью и значительною силою слога. Таково, напримѣръ, описаніе деревенскаго паромъ въ *Исповѣди*. Разсказъ о пожертвованіяхъ переводщицы, чтобъ дать сыну духовное воспитаніе, есть одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ, какихъ давно уже не писали. Не только *Исповѣдь*, но и всѣ прочія творенія Жанена показываютъ въ немъ пламенное и страстное воображеніе, поверхностный образъ сужденія,

ложный вкус и совершенную неспособность создать и выполнить что-либо целое въ большомъ видѣ. Въ особенностяхъ примѣчательны въ немъ глубокіе слѣды того самаго недостатка, противъ котораго онъ такъ сильно вооружается, то есть, недостатка правды въ отношеніи къ нравственности, Политикѣ, Религіи и Словесности. Онъ готовъ писать все обо всемъ, во всѣхъ возможныхъ Журналахъ, въ защиту и въ опроверженіе всѣхъ предложенныхъ вопросовъ, быть-можетъ не изъ видовъ корысти, но потому, что на его глаза въ свѣтъ нѣтъ ничего справедливаго и ничего ложнаго. Первое его твореніе, *Мертвый оселъ и обезглавленная женщина*, есть одно изъ тѣхъ омерзительныхъ и гадкихъ порожденій, изъ тѣхъ гнусныхъ смѣшеній крови, болѣзни и сладострастія, которыя могутъ гнѣздиться только въ головѣ безумнаго мясника, заключеннаго въ Бедлсм-свомъ домѣ сумасшедшихъ. За *Исповѣдію* послѣдовала *Барнасъ*, — разительный и смѣлый, но неокончанный и недостаточный очеркъ той эпохи, когда старая Французская Монархія разсталась съ старымъ възблуженнымъ народомъ, съ тѣмъ, чтобы никогда уже болѣе не повстрѣчаться, и, встрѣтившись, не узнать другъ друга: такъ измѣнена одна эмиграціею, а другой духомъ завоеваній! О послѣднихъ твореніяхъ Жанена, *Фантастическія Повѣсти* и *Новыя Повѣсти*, мы ничего не скажемъ. Изъ нихъ *Розетта* и *Опытъ о Кребильонѣ Младшемъ* одни только нѣсколько оправдываютъ славу автора.

Если бы мы разсматривали Французскихъ новѣйшихъ писателей со стороны относительной степени литературнаго ихъ достоинства, то конечно дали бы первое мѣсто не Жанену, но Виктору Гюгò, довольно оригинальному драматическому писателю, первоклассному лирику и хорошему романтику. Онъ

одаренъ творческимъ гениемъ; стремленіе его высоко и отчетливо; онъ ясно видитъ цель свою, твердо и смѣло усиливается къ ней добраться, зрѣло обдумываетъ предметъ, и еще въ большей степени, нежели всѣ его соперники, владѣетъ даромъ чертить сильныя картины и наводитъ ихъ блестящими красками. Къ несчастію и въ его твореніяхъ бродитъ то же самое начало порчи и безпорядка, какимъ обилуютъ произведенія другихъ современныхъ писателей, и чѣмъ далѣе подвигается онъ на поприщѣ Словесности; тѣмъ глубже укореняется въ немъ эта умственная болѣзнь. Сравните первыя его произведенія съ послѣдними. Въ *Бюгъ-Жаргаль* и *Ганъ Исландецъ*, воображеніе читателя по крайней мѣрѣ хотъ изрѣдка отдыхаетъ на предметахъ тихихъ и усадительныхъ, забывая на нѣсколько мгновеній предшествовавшіе ужасы; видно, что душа сочинителя исполнена чувства, что она можетъ возвышаться. Но что такое *Лукреція Борджіа* и *Изволятъ тѣшитъ ся!* (*Le Roi s'amuse*)? Несвязная куча убійствъ, кровосмѣшенія и разврата. Вы не встрѣтите въ нихъ ни одного благороднаго или человѣческаго порыва: кажется, будто убійственныя испаренія въка придавили и понизили барометръ его генія. Уродливое преувеличеніе всегда составляло характеристическій недостатокъ Виктора Гюгò. Лучшія его творенія искажены этимъ недостаткомъ. Подобно нашему Англійскому Метьюрину, онъ въ своемъ *Ганъ Исландецъ* истошилъ и переистошилъ всѣ ужасы Скандинавіи. Его *Бюгъ-Жаргаль*, повѣсть изъ временъ Сенъ-Домингскаго возмущенія, до крайности невѣроятна. Герой, негръ, нѣчто въ родѣ Грандисона, питаетъ платоническую любовь къ бѣлой женщинѣ, и жертвуетъ жизнію для блага возлюбленной и ея супруга. Многіе эпизоды этого Романа отличаются необыкновенною силою кисти; замѣчательнѣе всего сра-

женіе между Аверне и Обибра надъ пропастію. Эта сцена изображена съ такою живостію, что читатель, слѣдящій каждое мгновеніе сей ужасной битвы на жизнь и на смерть, едва можетъ перевести духъ до роковой развязки *.

Единственное совершенное твореніе Виктора Гюго есть безъ-сомнѣнія *Послѣдній день приговореннаго къ смерти*. Это не Романъ, а философическое разложеніе одного изъ умственныхъ состояній челоуѣка, нравственное и психологическое вскрытіе его тѣла, хроника мыслей, подробный списокъ чувствованій въ промежуткѣ, отдѣляющемъ минуту казни преступника отъ приговора. Мы очень хорошо знаемъ, что съ этого времени Викторъ Гюго вообразилъ себѣ, будто онъ начальникъ новаго ученія, клонящагося къ отмѣненію смертной казни во Франціи, къ перемѣнѣ въ законодательствѣ. Это одно изъ тысячи тѣхъ смѣшныхъ притязаній, тѣхъ дурачествъ, которыя новѣйшіе Французскіе писатели считаютъ необходимымъ брать себѣ въ девизъ. Не смѣя на то, нельзя безъ удивленія читать этой внутренней метафизической драмы, которую самъ онъ создалъ. Сердце челоуѣческое въ эту ужасную минуту описано имъ съ необыкновенною точностію и искусствомъ. Онъ развернулъ предъ глазами нашими цѣлую внутреннюю трагедію, не вводя ни какого побочнаго обстоятельства, не упоминая даже, за что герой его приговоренъ къ смерти.

Но кажется, какъ-будто какой-то внутренней неизлечимый недугъ, какое-то язвительное и смертельное пятно, должны непременно таиться во всѣхъ произведеніяхъ новѣйшей Французской Словесности,

* Въ этомъ однако жъ эпизодѣ только колоритъ принадлежитъ Виктору Гюго: предметъ заимствованъ изъ одной Скандинавской пѣсни.

подобно гнилости въ некоторыхъ древесныхъ плодахъ. Къ сожалѣнію, и эта книга, при всей силѣ дарованій сочинителя, имѣетъ одинъ важный недостатокъ: осужденный на смерть, выражающійся такъ прекрасно, съ такою глубокою философіею разлагающій самого себя, одаренный такимъ кроткимъ нравомъ, такимъ могущественнымъ умомъ, такимъ изысканнымъ и твердымъ слогомъ, совершенно выходитъ изъ ряду лицъ, свойственныхъ Уголовной Палатѣ. Видалъ ли кто-либо на скамьѣ этого судилища, среди жандармовъ и приказной челяди, человѣка, способнаго написать хоть одну статью изъ всего, положеннаго ему въ уста авторомъ, а между-тѣмъ онъ обвиненъ, уличенъ въ смертоубійствѣ, безъ всякой надежды на отмену или смягченіе приговора? Воля ваша! подобныя преступленія случаются иногда и съ людьми благородными, въ минуту сильной страсти и забвенія, но они, такъ сказать, противословесны, нелитературны, несообразны съ философическимъ размышленіемъ и спокойствіемъ духа, котораго требуютъ умственныя занятія. Какой-нибудь молодой Испанецъ рѣшится убить свою любовницу; но Руссо, и даже Лордъ Байронъ, не въ состояніи сдѣлать этого: они будутъ только шумѣть, отпускать высокопарныя фразы, и сила мысли заглушитъ въ нихъ самое намѣреніе.

Церковь Парижской Богоматери, возбуждая такое удивленіе во многихъ читателяхъ, заключаетъ въ себя черты геніальныя, прекрасный рисунокъ архитектуры среднихъ вѣковъ, и шумное стеченіе лицъ и нравовъ, принадлежащихъ, по-видимому, минувшимъ вѣкамъ, но, въ сущности, не принадлежащихъ ни какой эпохѣ. Въ этомъ Романѣ, какъ и во всѣхъ твореніяхъ Виктора Гюгò, прелесть разказа истощена на изображеніе несбыточнаго; повѣсть, по

себя довольно заманчивая, основана на нелюбной и противно-логической идее. Въ Ганъ Исландцъ мы видим чудовище, получеловѣка и полумедвѣдя, съ длинными какъ дѣпы руками, съ кабаньею пастью. Бюгъ-Жаргаль есть Африканскій Селадонъ, который сражается по-рыцарски, и приноситъ себя въ жертву чистой, идеальной любви. Въ *Церкви Парижской Богоматери* выведена Эсмемалда, героиня среднихъ вѣковъ, какой конечно не бывало въ 1400 году на площадяхъ Парижскихъ. Это, уже не первое, подражаніе Гётевой Миньонъ и Вальтеръ-Скоттовой Фенелъ, нашла многихъ обожателей: большая часть сценъ, въ конхъ появляется Эсмемалда, не чужды драматическихкихъ красотъ; со всѣмъ тѣмъ эта высокая образованность въ цыганкѣ, эта кротость и изящность нравовъ въ XIV столѣтіи, и вообще вся эта Тальони *, перенесенная во времена невѣжества, въ высшей степени невѣроятны и безсмысленны. Вѣрный и исполненный огня живописецъ страшныхъ драматическихкихъ положеній, Викторъ Гюгъ разсѣялъ въ *Церкви Парижской Богоматери* картины, истинно достойныя удивленія. Возьмите, напримѣръ, ту сцену, когда герой романа, Клодъ Фролло, съ вершины церковной башни смотритъ на казнь его несчастной жертвы, сожигаемой всенародно, и вдругъ схваченный мстительною рукою Квазимодо низвергается съ ужасной вышины въ двѣсти футовъ на землю, и разбивается о мостовую. Въ этомъ описаніи, неуступающемъ искусствомъ сраженію Абибра и Оверне, все истинно; каждое движеніе злополучнаго Клода, каждый вздохъ, вырывающійся изъ его груди, каждое судорожное движеніе его пальцевъ, списаны съ природы. Свинцовый жолобъ на нѣсколько времени

* Даша Тальони, известная танцовщица, приводящая нынѣ въ восхищеніе Парижъ и Лондонъ.

замедляетъ его паденіе: крѣпко ухватился онъ за него, но жолобъ отъ тяжести медленно наклоняется; подъ ногами несчастнаго вопіють толпы народа; надъ головою его Квазимодо горько оплакиваетъ бѣдную жертву; долго еще коварный виситъ надъ пропастію; отчаяніе заставляетъ его употребить послѣднее усиліе; онъ выпускаетъ жолобъ изъ рукъ; въ быстромъ паденіи, онъ нѣсколько разъ перекувырнулся въ воздухъ, и наконецъ расшибается о выдавшуюся кровлю, съ которой бездыханное тѣло скатывается уже тише, и дребезжится на мостовой. Въ подобныхъ описаніяхъ узнаете вы геній Виктора Гюго, но это только отрывки: въ цѣлости, произведенія его не имѣютъ той необходимой связи, того согласія частей, которыми должны отличаться образцовыя творенія.

Вообще всѣ Французскія литературныя произведенія послѣдняго времени могутъ быть названы *отрывочными*. Если сочинитель предпринимаетъ большое сочиненіе, вы заранее можете быть увѣрены, что оно будетъ шито изъ отдѣльныхъ эпизодовъ: писатель удовольствуется представленіемъ публикѣ нѣсколькихъ лоскутковъ. Иные, болѣе чистосердечные, сознаваясь въ своей неспособности выполнить что нибудь поважнѣе, что либо значительное, издають только собранія сказокъ и мелочную смѣсь; не рѣдко даже три или четыре человѣка соглашаются, и вмѣстѣ сочиняють одну книгу. Все это доказываетъ слабость и бесплодность. Только болѣе основательное ученіе и счастливая перемѣна въ общественномъ положеніи Франціи могутъ возвратитъ этой несчастной странѣ прежнюю ея умственную поверхность надъ Европою.

Прочтите Романы Евгенія Сю, имѣвшіе такой бле-

стящій успѣхъ. Онъ хочетъ быть Французскимъ Куперомъ. Изнаменитаго Американскаго писателя можно упрекнуть въ нелѣпости, холодности и мелочности. Онъ не пропуститъ ни одного листка на описываемомъ деревѣ, ни одного корабельнаго гвоздика, ни одной пуговицы въ кафтанѣ, ни одной петельки въ чулкѣ. Повѣсти его уже черезъ чуръ похожи на опись вещамъ продаваемаго съ молотка имѣнія банкрота, а людей своихъ, подобно Американскимъ озернымъ лодкамъ, дѣлаетъ онъ изъ дубоваго лѣсу, спаиваетъ желѣзомъ и обиваетъ мѣдью, забывая только снабдить ихъ въ дорогу сердцемъ, чувствами и жизнію. Но Г. Сю превзошелъ его. Если вѣрить его описаніямъ, въ цѣломъ Французскомъ флотѣ нѣтъ ни одного корабля, который бы не былъ пловучимъ чертовскимъ вертепомъ, которымъ командуешь самъ сатана, имѣя подчиненными цѣлую ватагу нечистыхъ духовъ; по его понятіямъ, жизнь на кораблѣ есть непрерывное сцѣпленіе дракъ, кровопролитія, насилія, воровства, богохульства, разбоевъ, грабежей и смертоубійства; палубы фрегатовъ всегда усыяны трупами и окружены вѣчною атмосферою дыма, смерти, вина и сѣры; подъ палубою всякой божій день пожаръ; большую часть Капитановъ вѣшаютъ на гротъ-мачтахъ, а матросы также славно ѣдятъ человѣчье мясо, какъ мы сочистый бифтекъ. Надо опять приняться намъ за старую пѣсню: все преувеличеніе, ложь, недостатокъ логики! Эти общіе и пагубные недостатки новѣйшихъ Французскихъ писателей помрачаютъ всѣ ихъ достоинства и препятствуютъ развитію большей части талантовъ.

Атаръ - Гюль, такъ называется лучшее твореніе Евгенія Сю, — есть герой новомодный, созданный на воярой героевъ Виктора Гюгò и Жанена: онъ нару-

знаетъ все условія и законы Природы для того единственно, чтобы удивить и измучить читателя. Въ этой Словосности наизнанку, въ которой неустрашимые писатели ровно ничего въ свѣтъ не боятся, кромѣ здраваго смысла и правдоподобія, въ которой стремящіеся къ совершенству умы вырвались изъ тенетъ приторнаго классицизма, чтобъ броситься головою-внизъ въ пучину логики больницы сумасшедшихъ, однажды навсегда положено правиломъ, что всякое злодѣяніе есть добродѣтель, а всякая добродѣтель злодѣяніе. На семъ законномъ основаніи, Атаръ-Гюль есть арапъ, почтенный арапъ, который шестьдесятъ лѣтъ служитъ своему господину върою и правдою, ходитъ за нимъ, жертвуетъ ему своимъ здоровьемъ. Французская Академія присудила почтенному арапу премию за добродѣтель, хотя онъ не слишкомъ ея достоинъ, какъ то изволите увидѣть сами. Атаръ-Гюль, записной лицемеръ, надылъ на себя личину преданности только для того, чтобы разорить своего господина, истребить все его семейство, погубить его самого. Онъ самъ сознается въ этомъ несчастному барину, добрейшему въ свѣтъ человеку, когда тотъ уже лежитъ на смертномъ одрѣ!

Мы могли бы еще порасказать кое-что о Г. Бальзакѣ, объ его *Повѣстяхъ философическихъ*, объ его *Повѣстяхъ дурѣческихъ* (contes drôlatiques), объ его *Ослиной кожѣ* (Peau de chagrin). Онъ человекъ съ умомъ, съ умомъ быстрымъ и плодовитымъ, владѣетъ нѣкоторымъ искусствомъ рассказывать, и повременамъ рассказываетъ хорошо. Онъ безъ логики, такъ же какъ и знаменитый Г. Жаненъ; безъ дальновидности и безъ истинной философіи, и въ добавокъ еще отличается какимъ-то утонченнымъ, натянутымъ цинизмомъ, отнюдь неизвинительнымъ

въ человѣкъ съ дарованіемъ; но онъ изобилуетъ удачными подробностями, хитро подсмотрѣнными и пріятно рассказанными. Это также талантъ недозрѣлый, въ которомъ ничто не созрѣваетъ, который никогда не размышлялъ ни о людяхъ, ни о вещахъ, и набумъ мечетъ въ прохожихъ Повѣстями, болѣе подготовленными, нежели оконченными, всегда занимательными въ началѣ, всегда подъ конецъ исполненными несообразностей, густыми, многорядными, неправдоподобными. Для Гр. Сю и Жанена, пера-вода же и для самаго Виктора Гюгò, злодѣяніе, убійство, посяганіе на женскую честь, кровосмѣшеніе, суть коренные предметы повѣствовательнаго правоученія. Г. Бальзакъ довольствуется однимъ распутствомъ. Развратъ, въ его сочиненіяхъ, выставленъ во всей наготѣ; онъ съ веселою улыбкою простираетъ неблагопрістойность до послѣдней точки дерзости. Многія мѣста его сочиненій способны привести въ краску любого драгуна, и даже изумить извозчика.

Утвердили ли всѣ эти писатели хоть одно полезное правило, дали ли хоть одинъ урокъ, утѣшили ли хоть одну страждущую душу? Нѣтъ! совсѣмъ нѣтъ! Они только бросили мысли свои на бурный вихорь себялюбія и пресыщенія, обвиняющій Французское общество, увеличили зло, растравили общественную рану. Найдете ли вы въ ихъ твореніяхъ ту прямодушную, философическую, хотя немножко беззаботную онытность, какую Монтанъ почерпнулъ въ обыкновенной человѣческой жизни? Вдохнуть ли они вамъ пламенные мысли? Могутъ ли они, подобно странцамъ неукротимаго Руссо, разшевелить сильную душу? Могутъ ли возвратить Франціи прежнее благоговѣніе передъ благородствомъ духа и самоощерженіемъ, замѣненнымъ теперь мерканшильнымъ, истин-

но омерзительнымъ корыстолюбіемъ? Найдеть ли въ нихъ будущность хоть одну честную и добродетельную мысль, хоть одинъ великодушный порывъ? Совсѣмъ нѣтъ! Даже и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя написаны въ духъ болѣе спокойномъ, съ болѣею скромностью, какъ на примѣръ въ *Индіанъ* и *Валентинъ* Жоржа Занда (правильнѣе, Г-жи Дюдеванъ), встрѣтите вы на каждой почти страницъ явный бунтъ противу человѣческихъ установленій, въ особенности противъ брака, то есть, тайный панегирикъ прелюбодѣлію. Эта писательница, болѣе всѣхъ другихъ Французскихъ повѣствователей, владеетъ искусствомъ выставлать свои дѣйствующія лица занимательными, увлекать читателя въ ихъ пользу, изображать семейный бытъ и описывать житейскую дѣйствительность. Первые страницы *Индіанъ* можно назвать произведеніемъ образцовымъ, истинно неподражаемою картиною домашней жизни. Но если вы захотите поискать въ ней нравоученія, то найдете тамъ молодую женщину, очень чувствительную, нѣжную до такой степени, что она беретъ себя троихъ любовниковъ, не считая мужа, и убѣждается по опыту, что самый безчувственный и самый тупой изъ нихъ одинъ достоинъ ея любви *.

Одинъ изъ писателей, издавшій въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ множество Романовъ, скрывается подъ вымышленнымъ названіемъ Библиофила Жакоба. У Г. Поль-Лакруа, — это настоящее имя

* Что бы сказалъ сочинитель этой статьи, если бы еще звалъ *Алію*, послѣдній романъ Г-жи Дюдеванъ, скрывающейся подъ кровавымъ именемъ Занда? Въ немъ исчезли красоты *Индіаны* и *Валентины*, и отвратительное негодованіе сочинительницы противъ того, что ограждаетъ честь и гражданскій бытъ женщины, вспыхнуло во всей своей силѣ, во всемъ безстыдствѣ. Въ этой книгѣ даже попрала религія. *Изд.*

его, — нѣтъ недостатка ни въ плодovitости, ни въ легкости слога; но главная мысль у него всегда слаба, а школьная ученость вчерашняго набора, взгроможденная безъ пужды; подавляетъ занимательность вымысла. Его *Макабрская Пляска* составлена изъ чумы, колдовства, распутства и безконечнаго кровопролитія, и начинена подробностями, заимствованными у антикваріевъ. Въ изданныхъ недавно симъ писателемъ двухъ романахъ, *Разводъ* и *Добродѣтель и Темпераментъ*, онъ оставилъ средніе вѣки, которыхъ доселѣ придерживался, и избралъ нынѣшнее общество поприщемъ для своихъ наблюденій. Мы не читали этихъ сочиненій, и не можемъ сказать, удалась ли ему новая его попытка.

Говорить ли еще о Поль-де-Кокъ, живописецъ Парижскихъ горничныхъ и ротозѣевъ, подражателъ Пигго-Лебрена, и о шайкѣ тѣхъ малонзвѣстныхъ геніевъ, которые живутъ нынѣшнимъ жалкимъ со-вращеніемъ чувствъ и мыслей во Франціи и сплачиваютъ романы свои изъ всѣхъ возможныхъ злодѣяній, подслушанныхъ ими въ уголовныхъ судахъ? Этихъ авторовъ — цѣлыя полчища! Каждый мѣсяць выходитъ въ свѣтъ до пятидесяти новыхъ Романовъ. Между ними заслуживаютъ особенное вниманіе только тѣ, которые изданы подъ именемъ Мишель-Ремона. Они писаны обществомъ молодыхъ людей съ дарованіями, но, понесчастію, и въ нихъ встрѣчаются тѣ же самые недостатки, за которые мы обдѣня-ли другихъ писателей.

Остановимся здѣсь, и попытаемся собрать мысли, представившіяся намъ при изложеніи этого разсужденія. Изуродованная преувеличеніемъ, изысканностью, ложью; ищущая блеснуть эффектомъ, во что бы то ни стало; проповѣдующая глупую и противо-

общественную мизантропію; притворяющаяся невѣрующею, сама негодуя на безвѣріе; преданная чувственнымъ наслажденіямъ, но безъ откровенности; надутая учительскимъ тономъ, но безъ логики; безбожная безъ убѣжденія; оплакивающая упадокъ въ рованія, но безъ чистосердечія въ своихъ жалобахъ; не представляющая ни какой опоры, ни какого ученія, даже въ худую сторону, ни какой цѣлости, ничего совершеннаго, оконченнаго, полнаго, — современная Французская Словесность очевидно мимолетна, и образуетъ только переходъ изъ одного состоянія искусства въ другое, новое, еще неизвѣстное. Весьма немногія имена, судорожно уцѣпившіяся за нее въ надеждѣ достигнуть безсмертія, всплывутъ наверхъ въ лучшее время послѣ этого умокрушенія. Что касается до сочиненій, о которыхъ мы говорили, то они обречены судьбою на быстрое забвеніе, которое уже ихъ поглощаетъ, и наши преемники въ жизни будутъ заглядывать въ нихъ только какъ въ памятникъ общественной болѣзни, къ сожалѣнію, слишкомъ долговременной.

Magazin für ausländische Literatur.

V. C.

Примѣчаніе. Французскій Журналь L'Europe litteraire, преданный ультра-романтической партіи, и ничтожный во всехъ отношеніяхъ, напечаталъ, въ опроверженіе этого сильнаго сужденія, статью и плоскую, и дурно написанную. Довольно сказать, что сочинитель ея есть Г. Фельндъ, тотъ самый, который превознесъ до небесъ похвалами послѣднюю драму Виктора Гюго, *Марія Тудоръ*, не нашедшую въ другихъ журналахъ ни одного панегириста.

ИСКУССТВО

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Сцена, списанная съ натуры.

=

Г. Мессень. Поручикъ Годаръ. Г. Проспектусъ.

Г. Мессень. А! это вы, любезный Г. Проспектусъ! Позвольте мнѣ познакомиться васъ съ Г. Поручикомъ Годаромъ.

Г. Проспектусъ (*клянется*). Поручикъ Годаръ! О, я давно желаю имѣть удовольствіе познакомиться съ храбрымъ Поручикомъ Годаромъ, котораго изящный вкусъ, безошибочное сужденіе, блестящее воображеніе.....

Поручикъ Годаръ. Довольно, довольно.....

Г. Мессень. Вы слишкомъ скромны, любезный Поручикъ; пріятель нашъ, Проспектусъ, говорить съ вами языкомъ своего ремесла.

Поручикъ Годаръ. Своего ремесла?

Г. Проспектусъ. Да, сударь! я не скрываю моихъ занятій; въ кругу пріятелей я говорю объ этомъ откровенно, и самъ о себѣ объявляю. Я торгую похвалами, или, яснѣе сказать, занимаюсь труднымъ ис-

кусствомъ *поддерживать* книгу, пьесу, автора.... какъ говорить, *faire mousser un succès*. Къ вашимъ услугамъ, сударь, и къ услугамъ вашихъ пріятелей.

Поручикъ Годаръ. Покорно благодарю..... Я думаю, Г. Проспектусъ, что мнѣ неразъ случилось любоваться вашими статьями въ Журналахъ.

Г. Проспектусъ. Да, сударь, могу сказать, что я не разъ писывалъ всю последнюю страницу въ *Constitutionnel*, въ *Journal des Débats*, въ *Gazette de France* и прочая, не говоря уже о многихъ статейкахъ, помещаемыхъ въ самомъ текстѣ.

Поручикъ Годаръ. А я думалъ, что авторы и книгопродавцы сами пишутъ эти объявленія и статьи.

Г. Проспектусъ. Случается; но они не мастера этого дѣла. Всѣ тѣ изъ нихъ, которые меня знаютъ, обыкновенно просятъ объ этомъ меня.

Поручикъ Годаръ. Скажите, сдѣлайте милость, Г. Проспектусъ, какъ вы вздумали заняться ремесломъ столь полезнымъ въ нашемъ вѣкѣ соперничества?

Г. Проспектусъ. Я, сударь, былъ некогда книгопродавцемъ; но, къ несчастію, разорился. Я имѣлъ глупость издать сочиненія трехъ академиковъ, — и потерялъ весь капиталъ; а потомъ четырехъ молодыхъ людей, которые сливуть украшеніемъ новой школы, — и обанкрутился. Съ тѣхъ поръ, я занялся усовершенствованіемъ объявленій о другихъ, и, безъ хвастовства могу сказать, никто прежде меня

не занимался этимъ предметомъ столь ученымъ образомъ.

Поручикъ Годаръ. Ученымъ образомъ!

Г. Проспектусъ. Да, сударь! Я усовершенствовался, подвелъ подъ строгія правила искусство писать объявленія, голосъ нынѣшней литературы. Объявленія, сударь мой, бываютъ разныхъ родовъ. Главнѣйшіе суть: объявленіе *прямое*, объявленіе *косвенное*, и объявленіе *тайное*.

Поручикъ Годаръ. Прямое объявленіе, понимаю.

Г. Проспектусъ. Оно очень просто. На примѣръ, Г. С*** издалъ Историческій Романъ. Мы тотчасъ объявляемъ во всѣхъ газетахъ, что это твореніе истиннѣе самой Исторіи, какъ Романы Вальтера Скотта; что авторъ пишетъ слогомъ столь же поэтическимъ, какъ слогъ Шатобриана; что въ его книгъ столько же страсти, какъ въ Новой Элоизѣ, и прочая, и прочая, и прочая.

Поручикъ Годаръ. Неужели же эти *прямые* объявленія имѣютъ еще какое нибудь вліяніе на публику?

Г. Проспектусъ. Нынче меньше, чѣмъ прежде; но и нынче еще весьма мало читателей, которые судятъ сами.

Поручикъ Годаръ. Что же вы называете *косвеннымъ* объявленіемъ?

Г. Проспектусъ. Косвеннымъ называется обь-

явленіе, заключающееся въ какомъ нибудь анекдотѣ, въ сравненіи, въ цитатѣ, искусно приведенной. Напримѣръ: «Въ минувшую ночь воры забрались въ «домъ Г-жи М***. Късчастію, эта дама читала въ «постели новый Романъ Г. Б***, и хотя уже было «весьма поздно но, не рѣшилась предаться сну, не окон- «чивъ этой чрезвычайно занимательной книги,» и прочая. Или: «Поэма Г. Ф*** вышла въ печати. «Извѣщая о семъ публику, мы на первый случай «не можемъ сообщить ей ни какого разбора. Необы- «кновенная важность предмета и достоинство сама- «го сочиненія требуютъ внимательныхъ и глубокихъ «соображеній....» Само собою разумѣется, что это объявленіе возбуждаетъ любопытство публики; а когда Поэма разоидется вся, Издатель газеты можетъ сказать по совѣсти, что она никуда не годится.

Поручикъ Годаръ. Въ самомъ дѣлѣ, это очень замысловато!

Г. Проспектусъ. Объявленіе тайное новье, и потому сильнѣе дѣйствуетъ. Но его употребляютъ только смѣлые книгопродавцы и предприимчивые поэты и романисты. Оно обыкновенно таится въ оужденіи или донося. Напримѣръ: какой нибудь подписчикъ пишетъ къ журналисту, упрекая его въ томъ, что онъ позволяетъ объявлять въ его газетѣ о Романѣ Г. Л***, въ которомъ нѣкоторыя главы чрезвычайно страшны, неблагопристойны. Вы понимаете, что, послѣ этого, двѣсти экземпляровъ будетъ куплено въ одинъ день. Или: Двое молодыхъ любовниковъ лишили себя жизни, прочитавъ передъ смертію стихи Г. М***. Или: Одинъ негодяй, сужденный на дняхъ въ Исправительной Полициі, признался, что любимымъ его чтеніемъ были повѣсти Г. Балъ***, и прочая, и прочая. На подобныя нападки, книгопродавецъ-издатель отвѣчаетъ обыкновен-

но простымъ объявленіемъ о второмъ изданіи книги. Вы видите, умно ли я поддерживаю Словесность!

Г. Мессень. Признайтесь, любезный Проспектусъ, что вы это составили поэтическую славу бѣдному Барону Шуфлеру. Я бьюсь объ закладъ, что всѣ статьи, въ которыхъ говорили о рѣдкихъ его дарованіяхъ, были писаны вами? Вы человекъ удивительный!

Г. Проспектусъ. Не всѣ, однако жъ многія. Баронъ Шуфлеръ обыкновенно самъ пишетъ статьи о своихъ стихахъ, и самъ себя хвалить.

Поручикъ Годаръ. А это объявленіе, въ которомъ издатели одного Журнала говорятъ, что у нихъ въ одно утро подписалось сорокъ восемь тысячъ человекъ, и что за недостаткомъ бумаги, изданіе на нѣсколько дней приостанавливается, — вѣрно ваше!

Г. Проспектусъ. Нѣтъ; но я подалъ мысль объ этомъ отважномъ шарлатанствѣ.

Поручикъ Годаръ. Правда ли, какъ сказано въ одномъ изъ этихъ объявленій, будто бы издатели одного изъ новыхъ Журналовъ платятъ за нихъ авторамъ по 500 франковъ?

Г. Проспектусъ. Да! это точно правда. Я знаю двухъ или трехъ извѣстныхъ авторовъ, которые обманулись этою расчетливою щедростію, и поддержали своимъ именемъ предпріятіе издателя; а онъ взялъ у нихъ нѣсколько строкъ съ ихъ именемъ, да потомъ уже ни разу къ нимъ и не являлся.

*

Поручикъ Годаръ. Это напоминаетъ мнѣ одного Берлинскаго трактирщика, у котораго былъ ученый попугай. «Что стоитъ этотъ попугай?» спросилъ одинъ шутникъ изъ нашего полка. — Шестисотъ франковъ, сударь. — «Хорошо, подай мнѣ его на завтракъ.» Трактирщикъ рѣшился зарѣзать бѣднаго попугая. — Какъ прикажете его приготовить, сударь? «Какъ хочешь, и подай мнѣ на два су.»

Г. Мессенъ. Я знаю этотъ анекдотъ, и сообщу его, для виньетки, издателю «Магазина Вселенной», составляемаго знаменитыми учеными и литераторами, которые остаются безыменными.

Г. Проспектусъ. Да и не безъ причины, уверяю васъ.

Г. Мессенъ. Такъ, видно, не вы писали объявленіе объ этомъ Журналь?

Г. Проспектусъ. Я; но я сердить на его издателя за то, что онъ вставилъ въ мое объявленіе гравюрку слона такую дрянную.... что съ перваго разу видно, съ какою бережливостію будетъ издаваться этотъ Журналь.

Поручикъ Годаръ. Ужъ, полно, не дѣлаете ли вы намъ тайнаго объявленія?

Г. Проспектусъ. Вы меня поймали! Я дѣйствительно обѣщалъ издателю этого Журнала, говорить объ его слонѣ такъ часто, что онъ наконецъ доставить ему семьдесятъ пять тысячъ подписчиковъ, какъ счастливому его предшественнику, издателю «Живописнаго Магазина.»

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СКАНДИНАВСКІЯ САГИ.

Нынѣ всѣ пишутъ объ Исторіи, учатся Исторіи, преподають Исторію, многіе даже ее читають; но весьма не многіе догадываются, что такое они дѣлають, когда пишутъ, изучають, преподають, и даже иногда читають Исторію.

Что собственно значить слово *исторія*? — повѣсть, сказаніе. Когда у людей существуетъ настоящая Исторія?..... Вопросъ важный, если только есть важные вопросы по части Словесности, а Исторія есть та же Словесность, — и притомъ первая Словесность всякаго народа.

Возьмемъ большое пространство земли, населенное разноплеменными массами челоѣчества, болѣе приближеннаго къ Природѣ, чѣмъ къ образованности, и еще не превратившаго пылкихъ страстей своихъ въ скрытныя и холодныя происки Политики. Эти

массы уже политическія общества, но онъ еще не политическія тѣла. Это химическій растворъ всѣхъ началъ гражданственности и народной силы, въ броженіи; растворъ, въ которомъ уже образовались многочисленныя ядра будущихъ кристалловъ; но они могутъ еще, при первомъ потрясеніи, при первомъ усиленіи теплоты массы, быть опять растворенными и слиться въ одно большое, правильное тѣло. Въ такомъ состояніи человеческихъ массъ, страсти дѣйствуютъ въ нихъ сильно, бурно, безсвязно, откровенно: всякое послѣдствіе ихъ дѣйствій или столкновенія есть «событіе», фактъ. Народное, или, лучше сказать, племенное тщеславіе, будучи одною изъ главныхъ дѣйствующихъ въ массъ страстей, естественно желаетъ сохранить, для себя и для тщеславія потомковъ, память этихъ событій, желаетъ спасти ихъ отъ забвенія и смѣшенія съ другими подобными событіями. Письмена еще не извѣстны. Умъ чловѣка, призванный въ пособіе тщеславію, является передъ лицомъ его съ однимъ только невещественнымъ орудіемъ, даромъ слова. Нужно употребить это единственное орудіе, чтобъ вспомоществовать слабой общественной памяти, — и первое къ тому средство, какое представляется уму, есть расположеніе словъ и звуковъ въ такомъ порядкѣ, чтобы память могла удобнѣе удержать ихъ, чтобы прельщенное имъ ухо, изъ жадности къ собственному своему удовольствію, всегда берегло ихъ въ одномъ и томъ же размѣщеніи и препятствовало памяти перемѣшать ихъ. Метръ, стихъ, размѣръ, гармонія и поэзія рождаются въ ту минуту, и суть простое осуществленіе этой необходимости и этого средства. И такъ, Стихоторство есть только первая грамота чловѣка, письмо, которымъ записываетъ онъ слова и мысли на своей памяти; не что иное, какъ мнемоническое ухищреніе.

Съ появленіемъ первыхъ Поэмъ, первыхъ умственныхъ книгъ, словесныхъ изображеній отдѣльныхъ событій, создается особый классъ людей, которые принимаютъ на себя выучивать ихъ наизусть и повторять передъ согражданами, и которыхъ можно называть первобытными, движущимися архивами племени, первымъ ученымъ и пишущимъ сословіемъ. Оно обыкновенно составляетъ часть сословія духовнаго, и потому описываемыя имъ въ стихахъ общественныя событія всегда бывають соединены съ событіями духовнаго міра, съ вѣрою, съ миѳологіею. Исторія уже родилась, но она еще обвита пеленами языческаго богословія. Этотъ періодъ называемъ мы баснословнымъ. Онъ приличіе могъ бы быть названъ стихотворнымъ, и намятниковъ его не слѣдовало бы отвергать легкомысленно, изъ неумѣстнаго желанія прославиться строгимъ Критикомъ, ибо они являютъ картину понятій того періода, картину тогдашняго чловѣка, безъ которой самый вѣрный списокъ политическихъ событій есть только скелетъ Исторіи. Такъ называемая историческая истина, или достовѣрность, не ведетъ насъ ровно ни къ чему: мы не будемъ ни умнѣе, ни опытнѣе, ни счастливѣе, зная однимъ древнимъ событіемъ менѣе; но презирая это событіе для того, что оно слито съ миѳами, съ баснословными обстоятельствами, мы теряемъ изъ виду и вѣкъ, въ которомъ оно почиталось общественною истиною, и чловѣка, который въ него вѣровалъ.

Скоро вкусъ къ гармоническимъ сложеніямъ словъ и звуковъ распространяется въ массахъ, слушатели становятся взыскательнѣе, поэзія требуетъ уже усилій таланта и воображенія, и тѣ, которые взялись торговать ею, Рапсоды, Друиды, Скальды, Гусляры, Баяны или Вайделоты, не будучи въ состояніи безпрерывно сочинять хорошія Поэмы, принуждены

прибѣгнуть къ прозѣ, и рассказывать событія на торжествахъ и пирахъ въ видѣ изученныхъ сказаній. Нѣкоторое искусство въ сложеніи, извѣстныхъ условныхъ формъ, отличаютъ еще эти новыя произведенія дара слова, этотъ новый родъ взоромъ неосяземаго письма, будучи необходимы какъ для обезпеченія сочинительской собственности рассказывающему классу, такъ и для удовольствія слушателей; но, вообще, легкость сочиненія быстро умножаетъ число сочинителей и раскащиковъ, исключительное право послѣднихъ на повѣствованіе переходитъ и въ другія сословія, и общественныя событія отлагаются отъ богословія. Обиліе сочиненныхъ сказаній заставляетъ раскащиковъ списывать ихъ себѣ уже посредствомъ настоящей азбучной грамоты, которая всегда является около этого періода народной образованности. Тогда общество находится въ вѣкъ сказаній, въ вѣкъ того, что Греки называли *ιστορίαι* (исторіе), Римляне *fabulae*, Скандинавы *saga*, и Словяне *повѣстьми*: всѣ эти слова буквально значатъ «сказаніе». Тогда Исторія, въ полномъ смыслѣ слова, процвѣтаетъ въ народѣ, и народъ живетъ, дышитъ ею. Она гремитъ, раздается, въ ухахъ всего поколѣнія; украшаетъ собою его торжественныя сборища, становится важною частію его забавъ, и, сливаясь со звукомъ гусли и военной трубы, проникаетъ во всѣ обстоятельства жизни, и воспламеняетъ цѣлыя массы людей къ подвигамъ, геройскимъ состязаніямъ, грабежу и славѣ. Посредствомъ сказаній, одни и тѣ же чувства, понятія и свѣдѣнія, расходятся по цѣлому участку земли, занятой племенемъ, достигаютъ до послѣднихъ предѣловъ языка его, и одинаково потрясаютъ всѣ умы и сердца. Сказанія связываютъ многочисленныя его отдѣленія въ одно цѣлое, и, поселяя въ нихъ чувство общей славы, готовятъ ихъ къ понятію общаго отечества. Сказа-

нія суть настоящія газеты того времени, которыя вполне замѣняютъ они для общества, находящагося на подобной степени образованности; и обратно, наши Газеты, Записки и Мемуары суть не что иное, какъ *istoriæ* (исторіе), *fabulae*, саги, повѣсти, нашего образа общественнаго быта. Если бъ мы имѣли въ рукахъ все старинныя Греческія или Римскія саги, мы могли бы сказать по справедливости, что обладаемъ полнымъ собраніемъ газетъ Трои, первобытной Элады и Лаціума.

Но эта жизнь, это сильное, блистательное процвѣтаніе Исторіи, и владычество ея надъ обществомъ, не продолжительны: перо и письмо, которыя нынѣ присвоиваютъ себѣ право говорить объ ней родительскимъ тономъ и учить людей точному ея содержанію, первыя ея убиваютъ. Со введеніемъ азбучной грамоты, письмо свирѣпо вторгается въ даръ слова, превращаетъ звуки въ таинственные и нѣмые знаки, и, замѣняя собою всякое другое словесное искусство, охлаждаетъ, раздраматизируетъ сказаніе. Мало-по-малу исчезаетъ и классъ разсказчиковъ, которыхъ все знаніе уже перенесено на бумагу; Исторія спитъ на страницахъ, неприступныхъ для война и для простолюдина; страницы постепенно истребляются, и она умираетъ на нѣсколькихъ, случайно уцѣлѣвшихъ, обломкахъ. Тогда отдѣльныя лица, люди безъ энтузіазма и, большею частію, безъ другихъ дарованій, кромѣ знанія грамоты и желанія писать книги по примѣру сосѣдовъ, одолжившихъ ихъ своими буквами, припомнивъ себѣ о прежнемъ существованіи Исторіи, собираются на ея похороны. Составивъ для ней надгробную надпись подъ именемъ «первой Лѣтописи», они навсегда погребаютъ ее въ тмѣ забвенія. Нельзя назвать иначе, какъ надгробною надписью Исторіи, эти тощія, сухіе и

безцвѣтныя списки событій, извлеченныхъ первыми лѣтописцами изъ уцѣлѣвшихъ сказаній; списки, въ которыхъ они обыкновенно всѣ неизвѣстные имъ промежутки времени между болѣе или менѣе достоверными фактами наполняютъ своимъ пристрастіемъ, своими предразсудками и догадками, подражаніями избранному образцу и своимъ невѣжествомъ. Наступаетъ періодъ Лѣтописей: дѣянія предковъ совершенно изглаживаются изъ памяти народа, и уже хранятся только въ книгѣ, вмѣстѣ съ ошибками, прикрасами и произвольными искаженіями лѣтописца. Благоговѣніе, которымъ всѣ грубые народы бываютъ проникнуты къ сочинителю первой на ихъ языкѣ книги, заставляетъ ихъ пренебрегать ея источниками, и послѣдніе остатки сказаній теряются безвозвратно.

Спустя нѣсколько столѣтій Лѣтописи переходятъ въ руки людей, вызывающихся снабдить своихъ современниковъ полнымъ, систематическимъ понятіемъ о томъ, что происходило съ начала существованія народа до настоящаго времени. Воспитанные въ другихъ нравахъ, увлекаемые господствующими теоріями, эти оптовые поставщики свѣдѣній о прошедшемъ, пропустивъ содержаніе старинныхъ Лѣтописей сквозь рѣшето своего образа мыслей, невольно насыщаютъ его своими понятіями: они самовластно располагаютъ чувствами и намѣреніями лѣтописныхъ героевъ, однимъ раздають свои исторіографскія милости, другихъ преслѣдуютъ по предубѣжденіямъ, въ которыхъ часто сами не могутъ отдать себѣ отчета, и, вмѣсто дѣла, сообщаютъ вамъ свое рѣшеніе подъ великолѣпнымъ названіемъ «Исторіи такого-то народа, или государства». Книга такая можетъ имѣть большія, даже безчисленныя достоинства во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, — только она не Исторія: это

трупъ Исторіи; трупъ почти истлѣвшій, вырытый ими изъ могилы, изрѣзанный тупымъ пожемъ Критики при столь же трудномъ, какъ и бесполезномъ, вскрытіи, измученный, иногда даже растерзанный ихъ страстями; а если угодно, — это диссертація объ Исторіи народа или государства, ибо подобные труды предпринимаются въ то время, когда Исторія уже перестала быть вещію, одною изъ дѣйствующихъ силъ общества, и сдѣлалась наукою. Это періодъ Науки Исторіи.

Представленная здѣсь картина судьбы столь важнаго и пріятнаго для всѣхъ насъ предмета можетъ не нравиться нѣкоторымъ страстнымъ его любителямъ, но тѣмъ не менѣе она списана съ природы: если въ ней примѣчаются недостатки, они должны быть отнесены къ слабому искусству живописца. Существо дѣла отнюдь тѣмъ не нарушается. Прошедшее столѣтіе, между многими ложными теоріями, создало также теорію Исторической Критики, которой не назовемъ мы ложною, — напротивъ, она столь же полезна, какъ и благородна, — но которую утвѣрило оно подобно прочимъ своимъ теоріямъ, и до такой степени, что сообщило ей совершенно ложное направленіе. Всѣ тогда стали доискиваться въ Исторіи истины, достовѣрности, чистоты фактовъ, не думая о томъ, что родъ человѣческой, что его польза и умственное наслажденіе, скорѣе требуютъ картины общественнаго человѣка, чѣмъ знанія года и числа какого нибудь злодѣянія, чѣмъ реестра событій въ точнымъ означеніемъ, въ графѣ, количества довѣрія, какое можетъ онъ питать къ нимъ, безъ обремененія своей совѣсти грѣхомъ легковѣрности. Настало время настоящаго гоненія на басни: всѣ, ветхія, давно внесенныя въ Исторію, событія подверглись подозрѣнію, и претерпѣли пытку, изъ-за

однѣхъ догадокъ о неопозволительномъ укрывательствѣ ими басень; многія изъ нихъ даже погибли въ терзаніяхъ, быть-можетъ, невинно. Однимъ изъ ужаснѣйшихъ мучителей благополучно состарѣвшихся по книгамъ историческихъ показаній, былъ нашъ почтенный Шлёцеръ, пугливое воображеніе котораго повсюду видѣло безобразный призракъ басни, исключая въ томъ, что онъ избралъ-было въ памятники своей славы. Мы упоминаемъ здѣсь преимущественно о Шлёцерѣ, потому, что его мнѣнія, важность его имени и грозный тонъ его учености, дали особенное направленіе первымъ историческимъ трудамъ XIX вѣка въ Россіи. Карамзинъ, не смотря на свои дарованія и рѣдкій умъ, которымъ былъ одаренъ отъ Природы, писалъ исключительно подъ вліяніемъ его понятій, вѣрилъ его вѣрою, и отвергалъ безусловно все то, что неумолимый Критикъ прошедшаго столѣтія объявилъ подозрительнымъ, какъ несогласное съ его теоріею. Послѣдній знаменитый отпрыскъ этой школы неукротимыхъ охотниковъ до чистоты фактовъ, Каллигулъ на басни, грабителей невинныхъ потѣхъ рода человѣческаго, разцвѣлъ въ лицѣ Нибура, и мы знаемъ многихъ, кому еще вскружилъ онъ голову въ наше время.

Но недовѣрчивость Нибура опоздала цѣлою четвертью столѣтія: въ наше время она уже была вопіющимъ анахронизмомъ, котораго не могли прикрыть ни великій талантъ Писателя, ни безконечная ученость Критика. Вкусъ къ чистымъ, бесспорнымъ фактамъ кончился, оставивъ послѣ себя незавидную пословицу, — *c'est bête comme un fait!* — и всѣ почувствовали желаніе увидѣть на страницахъ Исторіи вѣрныя и живописныя картины человѣка и общества, вмѣсто холоднаго скептицизма и большихъ торговъ вѣсовъ, на которыхъ читатель долженъ былъ

цѣлый день взвѣшивать съ авторомъ событія, чтобъ узнать, на фунты и золотники, сколько въ каждомъ изъ нихъ истины и басни. При этомъ переворотъ въ понятіяхъ, басня нашла свою цѣль, свое употребленіе: она плодъ, принадлежность и клеймо того чело-вѣка и общества, которые создали ее и вѣрили въ нее, какъ въ истину, и, слѣдственно, важный матеріалъ для его Исторіи.

Одинъ изъ первыхъ, Вальтеръ Скоттъ постигъ эту мысль вѣка, и старался выразить ее Романомъ. Хотя несчастные его подражатели теперь совсѣмъ уронили созданный имъ родъ изящнаго сочиненія, но основная историческая его идея развилась, укрѣпилась и живетъ въ публикѣ. Просвѣщенная Европа громко потребовала отъ Историковъ подлинной, живой, свѣжей, оригинальной Исторіи, съ первобытною и неподдѣльною ея краскою; такой, какою была она въ то время, когда еще жила между людьми и вмѣстѣ съ ними, и прежде чѣмъ сдѣлалась теоріею и наукою. Европейская историческая ученость принуждена была принять въ шумномъ руслѣ своемъ тихое, обратное теченіе, вверхъ, къ среднимъ вѣкамъ, къ забытымъ нравамъ и понятіямъ, къ старинному языку, къ Лѣтописямъ, и даже далѣе, за Лѣтописи, къ остаткамъ предлѣтописной Словесности, — сказаніямъ, повѣстямъ и поэтическимъ намятникамъ первыхъ временъ общества. За неимѣніемъ такой Исторіи, публика пожелала сама читать историческіе источники, чтобъ увидѣть въ нихъ подлиннаго тогдашняго чело-вѣка, котораго прежняя Критика выгнала изъ Исторіи или спрятала за осто-вомъ фактовъ и за своею философіею. Этому обстоятельству должно приписать и необыкновенный успѣхъ, которымъ недавно пользовались у насъ не только настоящіе, но и подложные Мемуары, Серб-

скія пѣсни, и Романы, переведенные съ Китайскаго. Обезславленные Критиками прошлаго столѣтія Скандинавскія Саги были взяты во всѣхъ почти краяхъ подъ новыи разборъ, и, будучи разсмотрѣны съ другою точки зрѣнія, открыли глазамъ нашимъ цѣлый міръ незнакомыхъ понятій, цѣлый рядъ подлинныхъ картинъ давно исчезнувшаго общественнаго быта: что важнѣе, мы увидѣли въ нихъ неоспоримую умственную связь съвернаго челоуька среднихъ вѣковъ съ челоуькомъ первоначальнаго классическаго міра. Скандинавскіе языкъ и Словесность удостоились даже чести занять мѣсто на публичной кафедрѣ въ Парижѣ, и нашъ незабвенный Карамзинъ безъ сомнѣнія первый исключилъ бы сегодня изъ своей Історіи то, что написалъ объ нихъ въ духѣ учености своего времени. Онъ не могъ и предполагать, что, назвавъ ихъ *достойными забавлять только легковѣрныхъ*, этою одною фразою ужасно скомпрометируетъ себя и свои познанія передъ первымъ поколѣніемъ потомства, которое выросло при его глазахъ, и которое самъ онъ выучилъ гражданской грамотѣ.

Но это новое направленіе историческихъ изслѣдованій довело насъ до страннаго открытія: написавъ столько полныхъ, столько всеобщихъ Історій, мы спохватились, что намъ еще не пора писать свои Історіи; мы теперь лишь увидѣли, что, въ настоящемъ положеніи Историческихъ Наукъ, жители Европы не должны и думать о полныхъ частныхъ, а тѣмъ менѣе всеобщихъ, Історіяхъ, и что напередъ надобно заняться изученіемъ и описаніемъ отдѣльныхъ эпохъ всякаго народа порознь, то есть, приступить къ сочиненію хорошихъ историческихъ монографій, изъ которыхъ потомъ составитя Історія. Отличнѣйшіе умы, занимающіе нынѣ первое мѣсто

въ области исторической учености, принялись за монографіи, или изображенія извѣстныхъ періодовъ времени съ принадлежащимъ имъ челоувкомъ, представивъ послѣдователямъ старой Критики продолжать прежнюю школу полныхъ и всеобщихъ Исторій, и забавляться доказываніемъ, были ли на свѣтъ, или нѣтъ, Ромулъ и Рурикъ. Всѣ мы сегодня знаемъ, что Ромулъ и Рурикъ, доказанные или опровергнутые самымъ лучшимъ образомъ, не дадутъ намъ еще ни какого понятія о состояніи челоувчства въ тѣ годы и въ тѣхъ странахъ, гдѣ они записаны и откуда ихъ выгоняютъ, и что въ равной степени смѣшно какъ отвергать, такъ и защищать то, чего нельзя доказать безспорно.

Но кромѣ теоретическаго понятія о свойствѣ и цѣли Исторіи, которое всегда выражается духомъ и направленіемъ Критики, въ сочиненіяхъ этого рода должно еще замѣчать систему: она относится къ изложенію, и обыкновенно принадлежитъ лично сочинителю, ежели сочинитель самъ попросту не принадлежитъ къ вѣку, въ которомъ живетъ, или къ числу подражателей. Всѣ, понынѣ извѣстные, образы изложенія Исторіи, — мы говоримъ здѣсь не о механизмѣ книги, но объ ея свойствахъ, и подѣ «образомъ изложенія» понимаемъ умственное клеймо ея, а не порядокъ расположенія фактовъ, — могутъ быть подведены подѣ три главныя системы, риторическую, философскую и прогрессивную.

Сказанія, саги, классическаго міра и его Лытописи, достались въ руки риторамъ Греціи и Рима, и мы получили отъ нихъ образцы Риторической Исторіи, въ которой общественныя событія перемѣшаны съ условными красотоми витійства; гдѣ ходъ фактовъ безпрестанно долженъ останавливаться и ожи-

дать, пока проѣдетъ Эпопея, съ своимъ блистательнымъ побѣдомъ фигуръ и сравненій, и Краснорѣчіе, со всѣмъ своимъ обозомъ восклицаній, вопрошеній и изящныхъ періодовъ. Сохранившіяся до нашихъ временъ историческія творенія Древности, за исключеніемъ Геродота и Тацита, всѣ принадлежатъ къ этой системѣ. Геродотъ еще соединяетъ въ себѣ качества лѣтописца уже съ притязаніями витіи; Тацитъ еще соединяетъ притязанія витіи уже съ гордостью нравственнаго философа. Система риторическаго образа изложенія Исторіи продолжалась до совершеннаго ея завоеванія Философіею въ XVIII вѣкѣ.

Боссюэтъ, истинный начальникъ этой второй школы, первый представилъ дѣянія челоуѣка въ видѣ отвлеченнаго понятія. У него челоуѣкъ и общество суть только орудія великаго догмата Вѣры: все клонится къ одной, заранѣе определенной цѣли; челоуѣчество есть только вещественное олицетвореніе духовныхъ идей, и Церковь пружина всѣхъ событій. Какъ ни величественна, утѣшительна, священна была мысль историка, но она причинила большой вредъ Исторіи, которая скоро сдѣлалась жертвою неистоваго противодѣйствія. Матеріализмъ употребилъ тѣ же событія орудіемъ въ ополченіи своемъ на отвлеченное понятіе, одушевлявшее перо Боссюэта. Исторія была растерзана Философіею. Общественный челоуѣкъ не занималъ ни кого; всѣ великіе писатели Исторіи, даже изъ числа самыхъ умѣренныхъ противниковъ Боссюэта или самыхъ скромныхъ проповѣдниковъ любомудрія, имѣли въ виду только нравственнаго челоуѣка, отрывали въ людской природѣ начало и поводы всѣхъ событій, и создавали историческіе характеры по правиламъ господствовавшей въ то время Психологіи и Нравственной Философіи.

Исторія челоѣчества въ рукахъ Боссюэта сдѣлалась Исторією духа; въ рукахъ его преемниковъ, Исторією сердца.

Наконецъ, появилась новая система, руководствующая теперь перомъ большей части извѣстныхъ писателей, и которую назвали мы «прогрессивною», желая избѣгнуть наименованія, даваемого ей пылкими ея приверженцами, — системы Промысла народовъ. Понесчастію, мы живемъ въ ея вѣкъ, и пока она будетъ управлять понятіями историковъ, не увидимъ настоящей Исторіи, такой, какую доселѣ представляемъ себѣ только мысленно, и какую желали бы имѣть и читать на-дѣлѣ. Главная мысль этой системы состоитъ въ томъ, впрочемъ совершенно произвольномъ предположеніи, что въ нравственномъ мірѣ существуетъ какое-то особое, политическое, такъ сказать, провидѣніе, неуклонно ведущее родъ челоѣческой къ постепенному усовершенію, и долженствующее довести его до идеальнаго совершенства. Не нужно объяснять, что такое ея послѣдователи понимаютъ подъ именемъ этого совершенства, за которымъ прячутъ они обожаемый ими образъ правленія, болѣе приличный челоѣку простому, бѣдному, выходящему изъ варварства, чѣмъ избалованному огромными умственными и вещественными богатствами и, для развлеченія себя въ скукѣ, непрерывно выдумывающему новыя страсти и причуды; но нельзя не замѣтить, что со времени вымышленія «Промысла народовъ», *Исторіи Государствъ* стали появляться рѣже, и слово *народъ* начало замѣнять названіе земли на заглавныхъ листахъ историческихъ твореній. Справедливость однако жъ требуетъ сказать, что есть и такіе писатели, которые, не понимая настоящей мысли изобрѣтателей новаго заглавія, прельстились только его

новостью, и отнюдь не имѣютъ ничего общаго съ самою системою, хотя издають свои сочиненія подъ именемъ *Исторіи народовъ*. Мы говоримъ утвердительно, что они прельстились только его новостью, ибо самое содержаніе ихъ сочиненій доказываетъ, что они не употребили бы этого заглавія, если бы заранѣе знали, чему назначено оно служить отличительною вывѣскою. Система Промысла народовъ, *systeme providentionnel*, или, какъ мы называли ее, прогрессивная, есть очевидно чистый политическій Боссюэтизмъ, и не въ состояніи вывести насъ на путь истинной Исторіи человѣчества. И такъ, станемъ ожидать чего нибудь основательнѣйшаго отъ историческихъ монографій. Онѣ должны осуществитъ порознь мысль всякой исторической эпохи, и показать намъ ея человѣка и ея общество не только въ подлинномъ, современномъ ихъ видѣ, но и въ тѣсной связи съ этою мыслию. Это средство гораздо вѣрнѣе преслѣдованія одного и того же призрака чрезъ тысячи вѣковъ и сотни разнородныхъ племенъ. Нынѣшняя теорія Критики, хотя еще не многими понимаемая, должна непременно способствовать достиженію этой цѣли: она тѣмъ именно отличается отъ прежней, что старая Критика гордо отвергала всѣ сомнительные матеріалы, тогда, какъ новая старается совѣстно воспользоваться всѣми ими, опредѣлять по достоинству и сущности приличное мѣсто и употребленіе для каждаго изъ нихъ въ особенности, и изъ всякаго памятника ума человѣческаго извлечь общественнаго человѣка и новую черту для картины общества, въ которомъ онъ дѣйствовалъ.

Предѣлы повременнаго изданія возлагаютъ на насъ обязанность ограничиться только общими соображеніями предмета, не входя въ разборъ многочислен-

ныхъ примѣровъ, которыми могли бы мы обставить разныя части нашего мнѣнія. Читатели, знакомые съ историческою Литературою, легко сами найдутъ въ ней нужныя примѣненія. Напомнимъ только, что не всѣ извѣстнѣйшіе писатели придерживаются исключительно одной системы, что многіе обыкновенно предпочитаютъ смѣсь изъ двухъ и даже трехъ образовъ изложенія, и обратимся къ предмету, ближе до насъ касающемуся, — къ отечественной Исторіи.

Говоря объ ней, нельзя не говорить о незабвенномъ Карамзинѣ, тѣмъ болѣе, что, по-видимому, съ него надобно начать и имъ окончить рѣчь о Русской Исторіи: приличіе не позволитъ объявлять рѣшительное мнѣніе о сочиненіяхъ, которыя болѣе принадлежать еще автору, чѣмъ публикѣ, и могутъ со временемъ быть значительно усовершенствованы. Будемъ говорить только о прошедшемъ, совершенномъ. Къ какой системѣ должно отнести «Исторію Россійскаго Государства»? Нѣтъ сомнѣнія, что Карамзинъ не былъ поклонникомъ Промысла народовъ. И такъ, бессмертное его твореніе можетъ принадлежать только одной изъ двухъ историческихъ школъ, риторической или философской. Оно принадлежитъ обѣимъ, но гораздо болѣе первой. Философская его часть ограничивается благоразумнымъ избѣжаніемъ необузданныхъ порывовъ витійства и какою-то неподражаемою чувствительностью, добротою сердца, неподдѣльною любовію къ добродѣтели и сильнымъ отвращеніемъ къ злодѣянію, пролитыми въ цѣломъ сочиненіи, и происходящими прямо изъ прекрасной души сочинителя; въ прочемъ Карамзинъ былъ риторъ. Намъ кажется, что, покаместъ, это самое приличное и безпристрастное мнѣніе, какое можемъ мы теперь произнести объ *Исторіи Россійскаго Государства*. Изъ этого еще не слѣдуетъ заключать

ничего невыгоднаго для самаго сочиненія. Оно въ существѣ своемъ такъ хорошо, какъ только можетъ быть, по роду своей школы и по тогдашнему состоянію Исторической Критики. Ежели вся Европа теперь сознается, что при нынѣшнемъ состояніи историческихъ изслѣдованій еще нельзя писать настоящую Исторію, тѣмъ болѣе, даже тѣмъ лестнѣе, можно сказать о Карамзинѣ, что онъ слишкомъ рано приступилъ къ сочиненію Исторіи Россійскаго Государства. Но онъ приступилъ, и никто не имѣеть права упрекать автора въ свободномъ употребленіи его воли; приступивъ, онъ сдѣлалъ все, что только возможно было сдѣлать въ его время, и даже болѣе, — сдѣлалъ истинный патріотическій подвигъ! Передъ этимъ событіемъ всякая възыскательность должна положить оружіе. Но твореніе Карамзина въ состояніи даже выдержать натискъ ея со славою во многихъ своихъ частяхъ. Если оно представляетъ нѣкоторыя слабыя стороны, — безъ нихъ нѣтъ ни одного произведенія человѣческихъ рукъ! — то развѣ эпоха Варяговъ и періодъ Монгольскаго владычества могутъ заслужить подобный упрекъ. Карамзинъ ни сколько не виноватъ въ слабости той и другаго. Для Монгольскаго періода надобно быть ориенталистомъ, и притомъ родиться въ будущемъ столѣтіи: тогда только историческія изслѣдованія по этой части обѣщаютъ представить что нибудь удовлетворительное. Что касается до Варяжской эпохи, или, правильнѣе сказать, до времени, объятаго Несторовою Лѣтописью, то Карамзинъ нашелъ на пути своемъ одного только Шлёцера, и въ свое сочиненіе перенесъ его Критику со всѣми ея недостатками, которые мы теперь чувствуемъ, но которыхъ онъ не могъ знать, ибо она была совершенно въ духъ тогдашней теоріи Критики. Ставить это въ преступленіе Карамзину значило бы то же, что

упрекать Христофора Колумба, зачѣмъ не отправился онъ въ Америку на пароходъ. Дѣятельность человѣческая еще не доходила во время послѣдняго до пароходовъ, а во время нашего Исторіографа до лучшей критической теоріи.

Слѣдуя понятіямъ современной Критики, Карамзинъ назвался громкимъ, блистательнымъ, романтическимъ именемъ Русса, и смиренно объявилъ себя Славяниномъ. Историкъ, находящійся на высотѣ настоящихъ критическихъ понятій, бытъ-можетъ скорѣе сказался бы Руссомъ, женившимся на Славянкѣ. Но Карамзинъ хотѣлъ быть Славяниномъ безъ всякой примѣси, и, подобно Шлецеру, болѣе заботился о чистомъ, простомъ фактѣ, кто таковы были Руссы, нежели объ отношеніи этого факта къ общественному человѣку того времени, и о вопросѣ, что такое они были. Критикъ Несторовой Лѣтописи и авторъ Исторіи Сѣвера боялся пуще смерти заразиться баснословіемъ отъ Скандинавскихъ Сагъ, и предостерегалъ всякаго не ходить къ нимъ близко. Карамзинъ послушался его совѣта. За то мы получили чистый, ясный фактъ, что Руссы были Скандинавы, но при фактѣ не нашли ни живой души. Человѣкъ весь остался въ Скандинавіи и ея сказаніяхъ.

Отвергая всѣ Скандинавскія Саги, какъ подозрительныя, и принимая за достовѣрную одну только домашнюю Несторову Сагу, — мы увидимъ ниже сродство этой Лѣтописи съ Сагами, — Карамзинъ представилъ себѣ, что Руссы начали существовать въ свѣтѣ со времени прибытія ихъ въ нынѣшнюю Россію, и что все проведенное ими за границую время не принадлежитъ къ ихъ Исторіи. Мы видимъ однако жъ изъ Нестора, видимъ также изъ Араб-

скихъ писателей, что Руссы привезли съ собою все свои нравы, обычаи, понятія, правленіе, Вѣру, и даже полный причетъ своихъ священнослужителей. Извѣстно, какую роль играли здѣсь Волхвы¹: самое слово *волхвъ*, *волфвъ* или *олфвъ*, показываетъ, что вмѣстѣ съ Скандинавами воинами переселилась къ намъ изъ Норвегій часть священной, производившей родъ свой отъ боговъ, касты ел, *Алфвоъ*, или *Олфвоъ*, *Alfve*, съ ихъ Сѣвѣрною Илиадою и Норманскимъ, такъ сказать, Апокалипсисомъ, обломки которыхъ знаемъ мы подъ именемъ Старой Эдды; съ ихъ романтическимъ небомъ, населеннымъ высокими, мрачными, ужасными видѣніями; съ ихъ *Valhalla*, или раемъ, созданнымъ только для храбрыхъ, гдѣ счастливые избранные будутъ вѣчно сражаться другъ съ другомъ, и у воротъ котораго стоитъ небесный волкъ, питающійся жизнями трусовъ. Не трудно видѣть, что не горстка солдатъ вторглась въ политическій бытъ и нравы Человѣковъ, или такъ называемыхъ Славянъ, но что вся нравственная, политическая и гражданская Скандинавія, со всеми своими учрежденіями, правами и преданіями, поселилась на нашей землѣ; что эпоха Варяговъ есть настоящій періодъ Славянской Скандинавіи; ибо хотя они скоро забыли свой языкъ, подобно Манѣжурамъ, завоевавшимъ Китай, но очевидно оставались Норманнами почти до времени Монгольскихъ². Не должно смѣшивать по-

¹Карамзинъ полагалъ, что *Волхвы* были родъ Словянскихъ Шамановъ: онъ не зналъ, что они составляли особенное, весьма уважаемое поколѣніе въ Скандинавіи, и что даже названіе ихъ принесено отсюда.

²Мы должны объяснить, почему сказали, «Человѣковъ, или такъ называемыхъ Славянъ». Имена *Славянинъ* и *Славяне* (Словяне) пришли къ намъ ученымъ путемъ, который не всегда значитъ то же, что хорошій путь. Понятіе о томъ, что мы Славяне, и что на языкъ есть Славянскій языкъ, поселено въ насъ Греками. Византіицы, въ своей риторической надменности, не различали «варварскихъ» поколѣ-

ложенія Варяговъ, или Руссовъ, въ Новѣгородѣ, съ отношеніями ихъ къ Русскимъ Человѣкамъ, настоящимъ ихъ подданнымъ, въ другихъ частяхъ нынѣшней, и стараясь всегда соединять ихъ подъ общими собирательными именами племенъ, называли однимъ словомъ, — Германцами, Кельтами, Сквоами, Славянами, Турками, и т. д. Сами они понятіе объ имени Славянъ заимствовали отъ Германскихъ народовъ. Когда Моравцы приняли Христіанскую Вѣру, и Священное Писаніе было переведено съ Греческаго языка на ихъ нарѣчіе, Греки, называвшіе ихъ не по имени народа, но общимъ племеннымъ именемъ, «Славянами», назвали нарѣчіе ихъ «Славянскимъ языкомъ». Въ послѣдствіи это имя «Славянскаго языка» перешло къ намъ вмѣстѣ съ переводомъ Книгъ Св. Писанія. Такъ точно Венгерцевъ именовали они «Турками», и ихъ языкъ «Турецкимъ языкомъ». Но, не смотря на всѣ усилія Славомановъ, еще не доказано, существовалъ ли когда-нибудь народъ, называвшійся Славянами. То вѣрно, что Германскіе народы, а за ними Греки, Италіявцы и Аравитяне, по разнымъ діалектнымъ выговорамъ, называли наше племя *Славъ*, *Славъ*, *Шлавъ*, *Шклавъ*, *Склавъ*, *Солавъ*, *Склавъ*, *Склавъ* и *Сахлавъ*. Знало ли само оно которое-либо изъ этихъ названій? — это подлежитъ величайшему сомнѣнію! Даже можно сказать утвердительно, что имя «Славяне» сдѣлано весьма поздно, изъ Германской и Греческой формы *Славъ*, по точному образцу имени *Египтяне*, *Коринціане*, *Авиняне*, и проч., и вмѣстѣ съ ними сдѣлалось известнымъ племени; а что касается до «Славянскаго языка», то онъ существовалъ только въ воображеніи Византійцевъ. Племя столь же мало вѣдало о томъ, что оно называется «Славянскимъ», какъ мало Германскій родъ зналъ и знаетъ, что кто-то на свѣтъ величаетъ его «Нѣмцами». *Славъ* и *Нѣмецъ* суть два условныя названія, которыми ни какой изъ двухъ народовъ самъ не именовался, но которыми они взаимно давали другъ другу. Какъ же собственно назывались у себя люди племени, именуемаго Германцами *Славъ* или *Шлавъ*? Они назывались «Человѣками». Слово *человѣкъ*, означающее нынѣ то же, что homo, Громме, есть коренное народное имя всякаго такъ называемаго Славянина. Въ восточныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ (нарѣчія всегда образуются отъ смѣшенія расъ и разноплеменныхъ выговоровъ), оно слѣпкомъ удалилось отъ первоначальной своей формы; въ западныхъ, осталась нѣсколько къ ней ближе; въ среднихъ, сохранило ее почти въ цѣлости. То же слово *человѣкъ* въ другихъ діалектахъ произносится *чловѣкъ*, *цловѣкъ*, *жловѣкъ*, *шловѣкъ*, *словѣкъ*, *слодекъ*, *човикъ*, *човакъ*, и проч. Оно очевидно есть не, что иное, какъ «Словакъ», или «Шловакъ»; очевидно происходитъ отъ корня *слово*, и значить «лице говорящее *словомъ*, знающее *слово*»

нѣшней Россіи. Въ Новгородѣ они были только Варяги, Vængar, или Защитники, тогда, какъ въ Кіевѣ были они Руссы, настоящіе побѣдители и

говоръ, разговоръ, народный языкъ племени», соответствуя Латинскому *conlinguinaris, consegmentalis*, «одноязычный», составляя противоположность съ рвченіемъ *Нѣмецъ*, то есть, лицомъ незнающимъ слова, неумѣющимъ объясняться внятно, нѣмымъ. Множество историческихъ доказательствъ можно привести въ поддержаніе этого, впрочемъ очень яснаго и естественнаго, производства. Мы обратимъ вниманіе читателей только на слѣдующія обстоятельства. Народъ, который до сихъ поръ сохранилъ это племенное названіе въ видѣ народнаго своего имени, то есть, Словаки или Шловаки, для выраженія общаго понятія homo, человекъ, не употребляютъ рвченія «человекъ» или «словокъ», но вовсе другія слова: *люда, мужъ, багелъ, живѣ*. Тайное преданіе о томъ, что слово *человекъ* означаетъ только недавнее Славянскаго происхожденія, сохранилось во многихъ мѣстахъ, гдѣ господствуютъ языки Славянскаго корня. Известно, что во многихъ Славянскихъ областяхъ простой народъ говоритъ: *Я человекъ, не Нѣмецъ! — Онъ Нѣмецъ, а не человекъ!* Мы улыбаемся его простотѣ, тогда, какъ онъ совершенно правъ: не будучи совращенъ ложною ученостью, онъ, по старинному навыку, въ этомъ выраженіи ставитъ только въ противоположности два народныя названія, *Человекъ* и *Нѣмецъ*, и изъясняется настоящимъ историческимъ языкомъ племени. И обратно: въ областяхъ, населенныхъ народомъ не-Славянскаго происхожденія, хотя нѣмъ говорящимъ Славянскими нарвчіями, простолюдины, сохраняя чувство древняго своего корня, сами добровольно отвергаютъ имя «человѣка». У насъ, въ Россіи, жители Пинскихъ болотъ, потомокъ храбрыхъ Ятвяговъ, настоящій Угрь по лицу и сложенію тѣла, когда назовете его человекомъ, гордо отвѣчаетъ вамъ: *Я Пинчукъ, не человекъ!* — и окрестные жители говорятъ объ немъ тоже, что онъ «не человекъ, но Пинчукъ». Такимъ точно образомъ простолюдины отказываютъ въ названіи «человѣка» Мазурамъ и Жмудинамъ: послѣдніе по сю пору сохранили свой языкъ; на первыхъ довольно взглянуть, чтобъ увидѣть, что они не Славянской крови, а ихъ нарвчіе удостовѣряетъ въ томъ еще болѣе. Такъ, зная подлинное значеніе слова *человекъ*, мы легко поймемъ смыслъ древнихъ нашихъ выраженій *Русскій мужъ* и *Русскій человекъ*: послѣднее значитъ попросту «Русскій, Руссамъ, принадлежащій Славянинъ». Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что на свѣтъ никогда не было ни народа «Славянъ», ни языка «Славянскаго»: были только «Человѣки», которые, прованося это слово различными образами, составляли разные народы, называвшіеся или по мѣстамъ, въ кото-

хозяева въ своемъ домѣ. Въ вольномъ городѣ, — такъ назовемъ мы Новгородъ, ибо Республикою никакъ называть его невозможно, — власть гражданская и военная были раздѣлены: первая пребывала въ Посадникъ и Вѣчахъ; вторая, въ лицѣ Князя, который съ своею дружиною исправлялъ родъ протектората въ отношеніи къ городу и области, пользовавшимся своими муниципальными правами. Данцигъ находился въ такомъ же отношеніи къ Польшѣ. Политическое постановленіе Новгорода уподоблялось въ нѣкоторой степени нынѣшнему состоянію Ионическихъ острововъ, гдѣ Лордъ-Коммисарь, съ нѣсколькими Англійскими полками и эскадрою, представляетъ лице Новгородскаго Варяжскаго Князя. Канада управляется почти такимъ же образомъ. Александръ Невскій еще былъ къ Новгороду въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и Ярославъ, и вѣро-

рыхъ обитали, или по имени своихъ завоевателей. Несторъ однако жъ упоминаетъ о народѣ, или поколѣніи, которое, по его словзвмъ, называлось «Словене», то есть, *Славяне*, ибо Несторъ, по вліянію Польскаго выговора, обыкновенно превращалъ *a* въ *o*, и *я* въ *e*. Его показаніе отнюдь не измѣняетъ существа дѣла. Самъ собою, онъ не зналъ ничего новаго о Славянахъ: все, что онъ повѣствуетъ о раздѣленіи племени и передвиженіяхъ Славянскихъ массъ, выписано имъ изъ сочиненій Византійцевъ. Онъ говоритъ, что «Словенскія» поколѣнія получили свои названія отъ областей и рѣкъ, и что одни лишь Новгородцы назвались своимъ именемъ, «Словене». Это только доказываетъ, что древніе Новгородцы не знали ни какого другаго народнаго титула, кроме имени «Новгородцевъ», и что, по введеніи Христіанской Вѣры спохватясь, что они тоже принадлежать къ Славянскому племени, присвоили себѣ новое имя, и во времена Нестора уже ученымъ образомъ именовались *per excellentiam* Словенами, то есть, Славянами, чтобъ отличатся отъ Руси и отъ Русскихъ Человѣковъ. Пеланты того вѣка вздумали даже Новгородъ называть «Словенскомъ», но это имя не нашло охотниковъ для себя въ народѣ, и сохранилось въ одной или двухъ книгахъ, оставаясь совершенно неизвѣстнымъ Руси, подобно тому, какъ въ наше время имя *Петроградъ* вмѣсто *Петербурга*.

ятно какъ самъ Рёрикъ, Рюрикъ или Рурикъ³. Слѣдственно, по этому городу, который всегда сохранилъ нѣкоторую часть своей народности и свои гражданскія учрежденія, нельзя судить объ остальной части Имперіи Руссовъ, о собственныхъ ихъ владѣніяхъ. Послѣднія неминуемо должны были утратить свою народность, и, вмѣстѣ съ пріятіемъ имени Руссовъ, сдѣлались Руссами, Скандинавами въ образъ мыслей, нравахъ и даже занятіяхъ. Татары гораздо менѣе были сближены съ нами; точки прикосновенія двухъ народовъ, побѣдоноснаго и побѣжденнаго, встрѣчали важную преграду въ мѣстныхъ правительственныхъ формахъ, — однако жъ вліяніе господствующаго племени совершенно преобразовало наши нравы, обычаи и понятія, и слѣды Монголизма еще весьма недавно съ трудомъ могли быть закрыты даже Французскимъ фракомъ. Но примѣръ класса, пользующагося знатностью, ува-

³Сравненіе Новгородскаго образа правленія съ нынѣшнимъ Ионическимъ не должно еще вести къ тому, чтобы Новгородъ былъ Республикою, потому, что Ионическіе Острова носятъ это названіе. Политическое постановленіе послѣднихъ столько же походитъ на Республику, какъ Китайскій Богдоханъ на свой офиціальнѣйшій титулъ «Сынъ Неба». Мы даже не помнимъ, на чемъ основывается понятіе о Новгородской Республикѣ, которая, сколько мы знаемъ, пользовалась только простою муниципальною свободою торговаго города, имѣя своего Бургомейстера, или Посадника, и свой Городской Совѣтъ, или Вѣче, и сама никогда не о томъ не подумала, чтобы она была Республикою. Пора бы наконецъ сдѣлать точное различіе между муниципальнымъ управленіемъ и политическимъ образованіемъ Республики. Если значеніе Славянскихъ словъ можетъ подлежать толкованію по своей неопредѣлительности, то по крайнѣй мѣрѣ Латинскія названія, употребительныя въ дипломатіи тѣхъ временъ, остаются въ всякаго спора. Въ трактатахъ со Швеціею офиціальныя титулы Новгорода ясно показываютъ родъ политическаго его постановленія: «Мы Князь N., «Посадникъ N., Тысячникъ N., et tota civitas Novogorodensis, и весь «городъ Новгородскій.....» Слѣдственно это Муниципалитетъ, а не Республика.

женіемъ и властію, всегда рѣшителенъ для старинныхъ обычаевъ: никогда побѣжденные не могутъ устоять противъ него. Достоинно примѣчанія, что немедленно по завоеваніи Кіева, Диръ и Аскольдъ предприняли на лодкахъ набѣгъ на Константинополь, по незнакомому имъ морю. Слѣдственно Скандинавы, пришедшіе съ Рурикомъ, были по ремеслу своему мореходцы? Слѣдственно начальники ихъ принадлежали къ сословію *Sæ-konungar*, или Морскихъ Князей? Романическіе, истинно живописные нравы этого грознаго сословія, цѣлою массою съ водъ Балтійскаго моря переброшенные во внутренность земель и земледѣльческихъ племенъ, внезапнымъ своимъ посреди ихъ наденіемъ неперемѣнно потрясли въ ихъ навыки. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что, спустя нѣкоторое время, тихіе, смиренные, угнетенные Человѣки, которыхъ Хазары запрягали въ свои кибитки, уже смѣло стали раздѣлять съ Руссами опасности моря и пускаться вмѣстѣ съ ними почти на баснословные подвиги. Скоро все народонаселеніе сдѣлалось воинственнымъ и оживилось героическимъ духомъ Скандинавіи. Такая перемѣна въ характеръ заставляетъ предполагать общее преобразование духа, понятій, вооруженія, одежды и обычаевъ страны; и можно по-справедливости удивляться, какимъ непостижимымъ случаемъ Карамзинъ, который во многихъ отношеніяхъ оказалъ удивительную проницательность ума, не примѣтилъ такого разительнаго переворота въ нравѣ туземцевъ. Онъ долженъ былъ поискать причинъ его въ самомъ источникѣ событія, въ Руссахъ, Скандинавахъ, ихъ образѣ жизни, ихъ геройскомъ воспитаніи, Вѣрѣ, учрежденіяхъ, преданіяхъ, и прочихъ обстоятельствахъ гражданскаго и политическаго ихъ быта. Онъ нашелъ бы вѣрную и прекрасную картину этого быта

въ Сагахъ, на счетъ исторической пользы которыхъ онъ также былъ введенъ въ заблужденіе, какъ и касательно времени ихъ сочиненія⁴. Онъ, напротивъ, удовольствовался бѣглымъ замѣчаніемъ, что Руссы долженствовали быть «образованнѣе Славянъ и Финновъ, заключенныхъ въ *дикихъ* предѣлахъ Сѣвера, и могли сообщить имъ нѣкоторыя выгоды новой промышленности и торговли, благодѣтельные для народа.» Да позволено намъ будетъ различествовать въ этомъ случаѣ съ великимъ Исторіографомъ цѣлымъ поперечникомъ нашихъ противоположныхъ мнѣній. Не Славяне и Финны, но Руссы, и всѣ вообще Норманны, были заключены въ *дикихъ*, гористыхъ, бесплодныхъ предѣлахъ Сѣвера. Славяне, имѣвшіе два великіе торговые города, Новгородъ и Кіевъ, извѣстные уже въ Азіи своимъ богатствомъ, находились безъ-сомнѣнія на гораздо высшей степени гражданской образованности, чѣмъ хищные воины Скандинавіи, которые не знали другой торговли, кромѣ продажи заграбленной добычи, ни другой промышленности, кромѣ непрерывной войны, въ сей жизни и въ будущей. Скандинавскія сказанія наполнены съ VIII столѣтія извѣстіями о набѣгахъ ихъ на Austurveg и на Бярмію, то есть, на нынѣшнюю Россію. Зная этотъ фактъ, можно было, даже безъ дальнихъ письменныхъ доказательствъ, увѣриться въ той непоколебимой истинѣ, что хищники не ходятъ туда, гдѣ взять нечего⁵. Но и письменныя доказа-

⁴ Страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, Карамзинъ, который такъ резко отвергалъ Саги, ввѣрилъ руническимъ надписямъ. Нынѣ извѣстно, что руны суть родъ кабалистическихъ письменъ, и ничего не доказываютъ по части Исторіи, тѣмъ болѣе, что перевѣдо и чтеніе ихъ бываетъ произвольное. Какъ часто, гоняясь за истиною, можно множить ее!

⁵ Безпрестанно открываютъ въ окрестностяхъ Новгорода цѣлыя соуды монетъ Арабскихъ Халифовъ и Бухарскихъ Саманидовъ, то есть,

тельства все вообще служить въ пользу Славянъ: у нихъ гражданственности было несравненно болѣе, чѣмъ у Норманновъ. Ихъ смиренное повиновеніе на югъ слабымъ тогда Хазарамъ⁶, ихъ склонность на сѣверъ поручать защиту своего города и отечества иностранной дружинѣ, ясно показываютъ въ нихъ народъ, уже обладающій значительною собственностью, уже въ извѣстной степени развращенный торговыми нравами. То же самое явленіе повторилось скоро потомъ въ торговой Италіи. Люди, которымъ нечего потерять, всегда дерутся сами, на свой собственный счетъ, ибо въ войнѣ находятъ они средство къ грабительству и обогащенію.

Принужденные заключиться въ предѣлахъ журнальной статьи, мы находимся въ невозможности

цѣлые капиталы древнѣхъ Новгородцевъ. Многія изъ этихъ монетъ принадлежатъ VII и VIII столѣтіямъ, и самое ихъ обиліе доказываетъ, что онѣ принесены туда въ теченіе тѣхъ же столѣтій. Извѣстно впрочемъ, что Мусульманское Законодательство полагаетъ монетный чеканъ первымъ признакомъ верховной власти: потому Азіятскіе Государя всегда старались уничтожать монеты своихъ предшественниковъ, которыя переливали они въ новыя, съ собственнымъ ихъ именемъ, весьма часто измѣняя внутреннее ихъ достоинство. И такъ, чтобъ извѣстное количество мусульманскихъ денегъ одного и того же чекана могло очутиться въ какомъ-нибудь мѣствѣ черезъ тысячу лѣтъ, надобно, чтобы оно принесено было туда во время полнаго ихъ обращенія въ Азію. Еще въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ найдено въ Новгородской губерніи нѣсколько Арабскихъ монетъ 711 года, и гораздо значительнѣе число ихъ 790 и 792 годовъ. Слѣдственно въ Новгородѣ уже въ VIII вѣкѣ были хорошія деньги, были богатства и торговля, и Норманнамъ тогда уже было, что грабить. Гдѣ капиталы, тамъ и образованность: дикари всегда бѣдны.

⁶ Одинъ Арабскій писатель, говоря о южныхъ Славянахъ, изъясняетъ, что они находились подъ властію Хазаръ, *фи гаетъ эль убу-біетъ эль куллие*, «въ крайнемъ, совершенномъ рабствѣ», и тотъ же самый писатель уже упоминаетъ о цвѣтущей торговлѣ Кіева. Диръ и Аскольдъ, отправившіеся для завоеванія Кіева, знали, зачѣмъ туда пошли: они искали тамъ втораго Новгорода.

исчерпать весь предметъ, котораго обширность и разнообразность непрерывно являютъ новые виды и еще неизвѣданныя стороны. Приведемъ всѣ набросанныя нами здѣсь соображенія къ одной точкѣ, съ которой откроется намъ общій взглядъ на характеръ всей эпохи.

Покоренные Руссами Славяне и Финны, тогда уже перемѣшанные между собою, а впоследствии перемѣшавшіеся еще болѣе, *обрусьли* прежде, чѣмъ Руссы, забывъ свое нарѣчіе, сдѣлались Человѣками, Словянами, по языку, но не по нравамъ; прежде, нежели эти три племени слились въ одну массу и одинъ языкъ, и составили народъ, который общимъ именемъ, заимствованнымъ отъ Греческой формы слова, «Русь», называется теперь Россіянами, и языкъ, который теперь именуемъ мы Русскимъ, или Россійскимъ'. И такъ, настоящій характеръ

Теорія образованія языковъ и нарѣчій еще такъ мало известна, что мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь главныя ея начала, выведенныя изъ наблюденія достоверныхъ филологическихъ фактовъ. Въ нашемъ Старомъ Свѣтѣ нѣтъ ни одного языка кореннаго и чистаго: всѣ они возникли изъ смѣси множества частію уже потерянныхъ, частію еще существующихъ въ смѣшеніи съ другими, языковъ. Процессъ ихъ образованія основывается на точныхъ, постоянныхъ правилахъ, подобно образованію химическихъ тѣлъ: это, такъ сказать, Химія звука. Чистые языки могли существовать только въ то время, когда люди жили еще въ лѣсахъ, и когда первобытныя племена были раздѣлены пустынями, прерывающими взаимныя сообщенія между ними. Такое состояніе чловѣка и языковъ примѣчается еще въ нѣкоторыхъ частяхъ Северной Америки: тамъ только находятся чистые языки, и они отличаются необыкновенною своею правильностью, безъ всякихъ грамматическихъ извѣтій. Но когда людность племенъ, на нашемъ полушаріи, усилилась до того, что они начали примыкать другъ къ другу, кочевое и подвижное состояніе ихъ пологивъ было поводомъ, что они стали переходить изъ одного племени въ другое и смѣшиваться съ инородными массами, въ слѣдствіе войнъ, побѣдъ, порабощеній, побѣговъ и разныхъ политическихъ буръ, непрерывно

эпохи былъ Русскій, или Скандинавскій, а не Славянскій. Съ водворенія Христіанства начинаютъ господствовать Византійскія моды, но все-еще не

волнующихъ полудикими народами. Исторія кочевыхъ Государствъ бросаетъ яркій свѣтъ на порядокъ и существо подобныхъ событій, и въ этомъ отношеніи она весьма достойна изученія со стороны Филолога. Коль скоро извѣстная часть одного племени, которое для ясности назовемъ мы буквою А, соединится съ частию другаго племени, на примѣръ В, черезъ нѣсколько времени рождается въ этой сложной массѣ новый языкъ, составленный изъ смѣшанныхъ началъ языковъ А и В, и съ установленіемъ языка утверждается нравственный бытъ народа, — его народность. Матеріальная часть этого новаго языка состоитъ обыкновенно въ простомъ перемѣшаніи словъ языковъ А и В. Часто даже предметъ удерживаетъ оба названія, и то, которое имѣлъ въ языкѣ А, и то, которое нашель онъ въ языкѣ В: вопль явчало синонимовъ. Но грамматическая и словесная его часть, то есть, формы и произношеніе, подлежатъ дѣйствию особыхъ правилъ. Если племя А было во время своего соединенія многочисленнѣе или важнѣе племени В, то въ новомъ языкѣ неизменно останутся формы и произношеніе языка А, и всѣ заимствованныя изъ языка В слова будутъ переповерканы на лѣдъ сильнѣйшаго языка. Но если племена состоятъ въ равныхъ почти отношеніяхъ другъ къ другу, тогда не только слова ихъ языковъ, но и формы, и образъ произношенія, сольются вмѣстѣ, перепутаются, проникнуть другъ друга. Отъ этого, неправильности и грамматическія извѣтія. Такимъ образомъ, отъ соединенія иноплеменныхъ массъ съ древнимъ туземнымъ племенемъ Европы устроились четыре главные Европейскіе языка: Эллинскій, Латинскій, Германскій и Славянскій. Вся они состоятъ изъ смѣси разноплеменныхъ словъ, но удержали большую часть формъ стараго Европейскаго языка съ нѣкоторою только примѣсью постороннихъ, вѣролтно Старо-Азіатскихъ, ибо изъ Азіи безпрестанно приливались новыя поколѣтія къ первобытному народонаселенію нашей части свѣта: о произношенія ихъ судить мы не можемъ, ибо не знаемъ, какіе именно языки были принесены къ намъ съ Востока. Но возвратимся къ народу и языку, родившемуся отъ соединенія двухъ частей различныхъ племенъ А и В, и означимъ, какъ тотъ, такъ и другой, сложными буквами АВ. Въ обычномъ броженіи хищныхъ и подвижныхъ массъ, вслѣдствіе какого-нибудь переворота, народъ АВ раздѣляется на двѣ части, АЬ и АЬ. Одна изъ нихъ поглощаетъ въ себя извѣстную часть сосѣдняго, также сложнаго народа, на примѣръ Ху, другая входитъ въ политическій составъ съ другимъ сложнымъ народомъ Уз. Вы увидите тогда два новые народа, АЬху и АЬуз, въ которыхъ языкъ АЬ непремѣнно измѣнится двумя

измѣняютъ характера эпохи. Скандинавскія Саги и преданія переходятъ вмѣстѣ съ Одиноюю Вѣрою и духомъ побѣдителей на новую Русскую землю; ту-

различными образами, слова его переижаются съ словами языковъ ху и уз, произношеніе въ каждомъ изъ двухъ народовъ получить особый тонъ и напѣвъ, особую мягкость или жесткость, формы переломаются еще болѣе, число синонимовъ, отглагольных значеній и грамматическихъ извѣтій, умножится. Если въ мѣстѣ этого перелома языкъ аб удержитъ формы за собою, а языкъ ху, по своей негибкости, не откажется отъ своего образа произношенія, то въ языкъ абху, не смотря на сохраненіе грамматическихъ окончаній, большая часть словъ языка аб растворится и вытиснется въ устахъ новыхъ его произносителей (если въ языкъ ху господствовалъ вокализмъ), и слогъ, напримеръ, *кареъ* превратится въ *корова*; и обратно, если въ языкъ уз ковантантвзмъ былъ главнымъ признакомъ, то слова языка аб сожмется и скоробятся, и тотъ же самый слогъ *кареъ* перейдетъ въ *кравъ*, *кравъ*, *крава* или *крова*. При этомъ, второмъ филогическомъ переворотѣ языкъ аб уже совершенно исчезнетъ, и, вмѣсто его, составятся два главныхъ его нарѣчія абху и абуз. Народъ Абху, состоя изъ двухъ или трехъ поколѣній, при первой политической суматохѣ, можетъ опять раздѣлиться: одно его поколѣніе притянетъ къ себѣ часть какаго нибудь инороднаго племени Cd, другое часть народа Ef, третье будетъ поглощено поколѣніемъ Gh, и вы получите, вмѣсто одного народа Abuz, три новыхъ его подраздѣленія и три второстепенныхъ нарѣчія abuzcd, abuzef, abuzgh, составленные уже изъ пяти, шести и болѣе лингвическихъ началъ. Народъ Abuzcd можетъ еще соединиться съ остатками другихъ поколѣній, и нарѣчіе опять измѣнится примѣсмью постороннихъ началъ. Нельзя даже опредѣлить числа этого рода переворотовъ, чрезъ которые прошли всѣ нынѣшніе Европейскіе языки и нарѣчія, пока образованность утвердила народы на постоянныхъ жилищахъ, и положила конецъ ихъ приливамъ и отливамъ, какіе и до сихъ поръ примѣчаются въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Но то несомнѣнно, что чѣмъ болѣе языкъ имѣетъ нарѣчій, тѣмъ болѣе племя перемѣшано съ посторонними поколѣніями. Нынѣшніе наши языки могутъ быть названы настоящими химическими составами звука, перешедшими чрезъ многочисленныя броженія и кристаллизаци, и разсужденія о первобытныхъ языкахъ, Славянскомъ, Германскомъ и другихъ, и объ ихъ чистотѣ, суть несбыточные мечты людей, неспособныхъ теоріи образованія языковъ, и никогда ненаблюдѣвшихъ образа дѣйствія подвижныхъ массъ рода человеческого. Производство Германцевъ или Славянъ изъ Индіи, и ихъ языка отъ Санскритскаго, не можетъ выдержать простаго логическаго разбора. Если бъ Герман-

земныя преданія уступаютъ имъ мѣсто и приходятъ въ забвеніе, или смѣшиваются съ ними. Спусти два столѣтія, летописецъ уже ничего не знаетъ о прежнихъ Князьяхъ Человѣковъ, или ихъ *Владав-*

цы пришли изъ Индіи, они говорили бы теперь нарѣчіями Санскритскаго языка, а не совсѣмъ особымъ языкомъ, имѣющимъ общее грамматическое и лексикографическое начало съ языками Греческимъ, Латинскимъ и «Человѣковъ», или Славовъ. Слѣдственно зародыши какъ Германскаго, такъ и трехъ послѣднихъ сродныхъ съ нимъ языковъ, образовались здѣсь въ Европѣ, въ массѣ туземнаго западнаго языка, единственно отъ прилива къ ней разныхъ Азіатскихъ нарѣчій, между которыми безъ сомнѣнія были нарѣчія Персидскаго корня, къ коимъ принадлежитъ и самый Санскритскій языкъ. Не трудно доказать, что въ древности эти нарѣчія простирались до самой Европы, по сю сторону Чернаго Моря и Элесьонта. Знаменитая Держава Черноморскихъ Скивовъ, о которой Юстинъ говоритъ, *pop minus graecis a initia, quam imperium habuit*, очевидно заключала въ себя многія Персидскія, или Пелгаійскія, или Санскритскія, поколѣнія, ибо имена ея Государей большею частію суть чистыя Персидскія. Поколѣнія эти, сливаясь съ Европейскими, могли сообщить всѣмъ здѣшнимъ языкамъ довольно персвама или санскритизма, такъ, что за нимъ не было ни какой надобности ходить намъ въ Индію. Однимъ словомъ, если Германцы или Славя пожелали къ намъ изъ Азіи, то они пришли въ Европу еще въ то время, когда не были ни Германцами, ни Славянами, когда принадлежали еще вовсе другимъ племенамъ. Прямѣею изложенію здѣсь теорію къ образованію Русскаго языка. Народъ нашъ составилъ первоначально около X вѣка изъ обломковъ трехъ племенъ, Норманновъ, или Руссовъ, Человѣковъ и Финновъ, и языкъ его сохранилъ въ себѣ три разнородныя начала: онъ удержалъ известное количество словъ Скандинавскихъ и Финскихъ, но формы остались изъ языка Человѣковъ. На произношеніе словъ Финскій вокализмъ имѣлъ большое вліяніе: наши коренныя слова кажутся растворенными и растянутыми въ устахъ Мерянъ, Суздальцевъ, Свѣрьянъ (которые прежде обитали при Уралѣ) и Бирмійцевъ, или Пермьяковъ. Впослѣдствіи Татарскій языкъ еще принесъ къ нему нѣсколько сотенъ словъ и оборотовъ. Наконецъ, искусственная примесь нѣкоторыхъ ученыхъ формъ Славяно церковнаго нарѣчія, присвоеніе большей половины его словъ съ сохраненіемъ подлиннаго ихъ консонатизма, и заемъ изъ Польскаго нарѣчія множества оборотовъ и словъ, но съ передѣлкою послѣднихъ на мѣстный образъ произношенія, довели Русскій языкъ до нынѣшняго его вида, пріятности, разнообразности и богатства.

цать, и начинаеть Исторію страны съ повои нравственной и политической эпохи, съ прибытія и поселенія Руссовъ, которые пришли не продолжать прежній образъ быта ея, но переделать ее на свой ладъ. Скандинавія считается общимъ отечествомъ. Князья получаютъ оттуда своихъ женъ, ищутъ тамъ союзниковъ и воиновъ, и въ затруднительныхъ случаяхъ туда же уходятъ или хотять уходить. Они долго еще сохраняютъ въ своихъ семействахъ Скандинавскій языкъ, и нѣкоторые изъ нихъ, до самыхъ Татарскихъ временъ, носятъ имена Норвежскихъ героев. Скандинавы, съ своей стороны, смотрять на Россію какъ на продолженіе Скандинавіи, какъ на часть ихъ отечества; уходятъ въ нее, бывъ изгнаны изъ своихъ владѣній; пріѣзжаютъ въ гости къ Русскимъ Князьямъ, какъ своимъ соплеменникамъ; спѣшатъ вооруженными толпами искать здѣсь такихъ же приключеній, или, слѣдуя выраженію Сагъ, *искать чести и богатства*, какъ на своей родинѣ. Скоро событія и преданія двухъ странъ такъ перемѣшиваются въ памяти обоихъ народовъ, Человѣковъ и поселившихся между ними Норманновъ, что уже почти нельзя различить, которыя изъ нихъ принадлежать собственно Россіи, новой Скандинавіи, а которыя старой, и Песторъ, повѣствуя о сожженіи въ банѣ Древлянскихъ Писловъ и другихъ «хитростяхъ» Ольги, добродушно присвоиваетъ этой Княгинѣ дѣйствія, приписываемые Исландскими Сагами одной древней Норвежской Королеви. Если бъ мы могли знать всѣ Скаандинавскія Саги того времени, или, по крайней мѣрѣ, всѣ уцѣлѣвшія, но доселѣ неизданныя, вѣрно нашли бы въ нихъ источникъ и многихъ другихъ событій, приводимыхъ нашимъ лѣтописцемъ, который, какъ изъ всего видно, составилъ значительную часть своей книги изъ здѣшнихъ Варяжскихъ Сагъ, при-

способивъ ихъ болѣе или менѣе къ хронологіи Византійскихъ писателей, упоминавшихъ о Русскихъ дѣлахъ⁹. Присовокупимъ еще ко всемъ этимъ обстоятельствамъ образъ правленія и правительственныя обычаи, совершенно Норвежскіе; дѣлительное участіе въ общественныхъ и частныхъ происшествіяхъ Одиновой Вѣры, исповѣдуемой побѣдителями и вѣроятно въ значительной части также ихъ языческими льстецами изъ Славянъ и Финновъ; присутствіе и вліяніе священной касты Алфовъ, или Волхвовъ; впечатлѣнія мрачныхъ, фантастическихъ, отчаянныхъ прорицаній Волупы и другихъ духовныхъ поэмъ Старой Эдды на воображеніе бурнаго, свирѣпаго и жаждущаго славы народа, — и мы легко согласимся, что если правственное и политическое состояніе Россіи въ первой эпохѣ ея Исторіи не было вѣрнымъ оттискомъ Скандинавіи, то безъ всякаго сомнѣнія было оно полнымъ и яркимъ ея отраженіемъ.

Съ этой точки разсудительный историкъ общественнаго человѣка долженъ, по нашему мнѣнію, взирать на эпоху, въ которой «Скандинавія» была у насъ господствующимъ понятіемъ, и господствующимъ гораздо сильнѣе, нежели понятіе «Голландія», въ началѣ минувшаго вѣка. По прошествіи цѣлаго столѣтія отъ Рурика, Норманскія воспоминанія и пристрастіе Руссовъ къ законамъ романтической ихъ родины одерживали еще верхъ надъ истинными потребностями Государства и совѣтомъ личнаго са-

⁹Кромѣ «Повѣсти о хитростяхъ Ольги», въ Песторѣ находятся и другіе автхронимы этого рода. Карамзинъ однажды приводитъ Буксдорфовъ Сеферъ-Хозри, но мы думаемъ, что онъ не читалъ его: въ противномъ случаѣ, онъ не могъ бы не примѣтить разительнаго сходства этой Еврейской легенды съ происшествіемъ, относимымъ Летописью къ Владиміру Великому.

моллюбія повелителей, и единодержавіе, приобрѣтенное съ такимъ трудомъ, добровольно было разбиваемо на части, чтобъ слѣдовать Забалтійскимъ обыкновеніямъ. Раздѣлъ Государства Владиміромъ между сыновьями совершился въ настоящемъ духѣ Скандинавскаго правительственнаго образа мыслей, и Карамзинъ ошибся, усматривая въ немъ феодальную систему, которой никогда не было въ Россіи ни малѣйшаго слѣда. Отрицаая столь положительно мнѣніе высоко почитаемаго нами писателя, мы обязаны объяснить наше по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ словахъ: мы сейчасъ исполнимъ этотъ долгъ уваженія, не смотря на множество предстоящихъ еще предметовъ, которыхъ желали бы еще коснуться. Но говоря о Скандинавскихъ чертахъ первой эпохи бытописанія нашего, мы не можемъ оставить этого вопроса, не сказавъ, что и Княжескіе Съезды и Совѣты были тоже Норманское обыкновение.

Феодальной системы не было въ Россіи: даже это понятіе никогда не проникло до нашего стараго Съвера; и если Карамзинъ относить къ ней Удѣлы, это должно быть приписано не его невѣднію, но ложному ученію вѣка, въ которомъ получилъ онъ свое воспитаніе. Прежняя Историческая Критика обитала въ замороженномъ кругу многихъ оптическихъ обмановъ, и однимъ изъ нихъ была феодальность. Писатели и Критики времени, предшествовавшаго Французской Революціи, видѣли призракъ ея во всемъ старинномъ, и что только имѣло видъ немножко кривой, изломанный, готическій, провозглашалось феодальнымъ, варварскимъ, пагубнымъ для образованности, которое слѣдовало гнать, истреблять, изглаживать съ лица новѣйшихъ обществъ. Европа бредила феодальною системою, и ужасалась ея тѣ-

ни. Даже умный Иосифъ II былъ увлеченъ крикомъ вѣка, и объявилъ себя исполнителемъ приговоровъ тогдашней Критики: извѣстно, что онъ принялся—было безпощадно искоренять въ своихъ владѣнiяхъ все, такъ называемое, феодальное, и съ такимъ усердiемъ, съ какимъ едва ли самые пламенные приверженцы Далай-Ламской Вѣры заботятся объ искорененiи грѣха. И такъ, весьма простиительно было Карамзину открыть феодалность и въ нашей Исторiи, ужаснуться ея по примѣру всей Европы, и вздохнуть при мысли, какъ много несчастные Россiяне среднихъ вѣковъ должныствовали претерпѣть отъ своихъ Герцоговъ, Графовъ, Маркизовъ, Вице-Графовъ, вольныхъ Бароновъ и ленныхъ владѣльцевъ. Не многіе дѣлали тогда различіе между системами феодальною и аллодіальною, — и не удивительно: и теперь еще не многіе принимаютъ трудъ различать ихъ между собою. Въ Россiи, какъ и въ Скандинавіи, исключительно господствовала чистая аллодіальная система, и Удѣлы принадлежатъ ей собственностью, на которую феодальная система не имѣетъ ни какого права. Эти двѣ системы различествуютъ между собою не только своею цѣлю, но даже своимъ происхожденiемъ: первая, аллодіальная, или Удѣльная, имѣетъ свое начало въ родительской власти Государя или семейныхъ соображенiяхъ его потомства; вторая есть послѣдствіе писменнаго закона, и можетъ быть совершенно чуждою узамъ крови. Феодальная система является въ видѣ огромныхъ и многосложныхъ лѣсовъ политической изысканности, устроенныхъ съ непостижимымъ искусствомъ, гдѣ первое мѣсто занимаетъ длинный рядъ постепенныхъ титуловъ, съ особенною правительственною властью, присвоенною каждому титулу, и съ точнымъ опредѣленiемъ его обязанностей; гдѣ означены родъ и образъ взаимныхъ отно-

шеній этого замысловатаго и любопытнаго сцѣпленія властей, зависимостей, преимуществъ и титуловъ, между собою и къ верховному Государю; гдѣ известные церемоніалы суть выраженіе степени владычества и подчиненности всякаго; гдѣ никто не смѣетъ выступить за предѣлы предписаннаго ему круга, не подвергшись за то суду другихъ феодальныхъ начальствъ и опасенію кары за бунтъ и фелонию, или нарушеніе вѣрности; гдѣ наконецъ всѣ званія, отъ верховнаго Государя, нисходя по безчисленнымъ ступенямъ правъ и преимуществъ, до послѣдняго виллана и мужика крѣпкаго земля, окунуты и связаны одною цѣпію многообразныхъ политическихъ обязанностей. Ничего подобнаго нѣтъ въ аллодіальной системѣ, если только системою можно назвать произвольную раздачу областей членамъ своего семейства, которые пользуются всѣ одинаковою властію въ своихъ Удѣлахъ, и управляютъ ими самодержавно, соединяясь съ начальникомъ своего рода только нравственными узами сыновней или братней любви и частными уваженіями, и почитаясь его союзниками, а не подданными. Чистая феодальная система существовала только во Франціи, гдѣ она родилась, въ Неаполѣ, и въ нѣкоторой части Великобританіи. Она перешла въ Германію, но уже значительно измѣненною въ своемъ существѣ и видѣ. На Сѣверѣ, Витовтъ, или Витолдъ, затѣялъ — было нѣчто подобное, и оно рушилось вмѣстѣ съ Литовскимъ его Королевствомъ. Феодальной системы нигдѣ болѣе не видимъ мы въ Исторіи обществъ. Раздача волостей есть право покоренія, существовавшее у Норманновъ и другихъ народовъ Германскаго происхожденія, но отнюдь не феодальность и не система.

Возвратимся къ Варяжской эпохѣ.

Мы старались показать, что характеръ ея былъ Скандинавскій, а не Славянскій, какъ то воображалъ себѣ нашъ знаменитый Историкъ. Но, еще до прибытія Руссовъ, Норманнскіе нравы уже не были новостью къ востоку отъ Балтійскаго Моря. Довольно вспомнить, что Скандинавы считали законодателя своего богослуженія родившимся на берегахъ Чернаго Моря, и безпрестанно отправлялись въ Асгардъ, для поклоненія колыбели своей Вьры⁹. Уже въ VI и VII вѣкахъ вооруженныя толпы ихъ путешествовали въ эту Норманнскую Мекку, пробираясь чрезъ нынѣшнюю Россію, въ которой по-временамъ основывали они свои поселенія и покоряли области. Саги заключаютъ въ себѣ громкое сказаніе о славной и могущественной Державѣ, основанной, гораздо прежде Рурика, въ нынѣшней Россіи однимъ Скандинавскимъ Конунгомъ, или Княземъ, по имени Эймундомъ (Древнимъ), котораго называютъ они Царемъ Гольмгарда и Гардарика, то есть, Новгорода и всѣхъ западныхъ странъ. Онъ покорилъ своей власти Ливонію, Эстляндію, Ингрію, Новгородъ и другія западныя области, и сдѣлался родоначальникомъ многихъ знаменитыхъ династій Скандинавіи. Датское Королевское Общество Съверныхъ Антикваріевъ, въ предисловіи къ одной изданной имъ Сагѣ, о которой скажемъ мы ниже, изъясняетъ, что, при пособіи Сагъ, можно съ точностью вывести родословную Русскихъ Князей (Рурика съ товарищи) отъ племени этого завоевателя, отъ котораго происходитъ также поколѣніе Датскихъ Королей. Въ такомъ случаѣ призваніе Рурика объяснялось бы простымъ закономъ наслѣдства, и Исторія Россіи

⁹ *Асгардъ*, то-есть, *Ас-городъ*, или городъ *Асовъ*, боговъ, могучихъ, по мнѣнію многихъ Критиковъ, лежалъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ *Азовъ*, или по близости его.

начиналась бы съ VII вѣка¹⁰. Притомъ, Россія съ весьма давняго времени была цѣлюю Норманнскихъ набѣговъ. Норвежскій Конунгъ, Гаддингъ, проникъ Двиною до Полоцка еще до прибытія Руссовъ. Финны и Славяне здѣшнихъ странъ сами даже подражали ремеслу Скандинавовъ, пускаясь на военныя предпріятія по Балтійскому Морю. Западныя его берега были покрыты ихъ лодками, и въ знаменитомъ морскомъ сраженіи при Бравалль, на берегахъ Сканин, многіе Финнскіе и Славянскіе Князья искали славы наравнѣ съ Скандинавскими морскими предводителями. Сраженіе это происходило въ 735 году, по случаю вызова между двумя Норманнскими Конунгами, Гаральдомъ и Сигурдъ-Рингомъ; день и мѣсто битвы благовременно были условлены. Какъ

¹⁰ Даже наши старинныя преданія сохранили память объ этомъ Эймундѣ, который въ невѣжественномъ тщеславіи древнихъ Новгородцевъ превратился въ женщину, дочь Норманнскаго Царя и жезу баснословнаго Владиміра, сына Вандалова. Отрывокъ Якимовой Лѣтописи, сохраненный Татищевымъ, называетъ ее Адвиндою, «вельми прекрасною и мудрою: о ней же многое отъ старыхъ повѣствуется; и въ пѣсняхъ восклищаютъ». Татищевъ весьма справедливо замѣтилъ, по Страленбергу, что въ этомъ преданіи перемѣшаны лица, и что не Владиміръ жезать былъ на Адвиндѣ, дочери Скандинавскаго Короля, на Скандинавскій Король Гальданъ на дочери Енвинда, Король Гардарикъ, или Новгорода. Этотъ Енвиндъ или Адвиндъ есть очевидно знаменитый Эймундъ-Древній. Скажемъ здѣсь мимоходомъ, что последователи замечливой Шлецеровой Критики весьма несправедливо презируютъ драгоценный обломокъ Якимовой Лѣтописи: онъ заключаетъ въ себя всѣ условія и признаки подлинности и глубокой древности. Многія его показанія теперь подтверждаются старинными Шведскими грамматиками, какъ напримѣръ, граница Русскихъ владѣній на рѣкѣ Кумени и древнее существованіе Выборга. Татищевъ не могъ выдумать этого, ибо онъ даже не зналъ, гдѣ находится рѣка Кумень. Названія Гардорикъ, Гунигаръ, Холмогоръ, Баринъ, и проч., встрѣчающіяся въ этомъ обломкѣ, также были ему неизвѣстны, и онъ не догадывался даже, что собственно они значатъ. Но Критика прошлаго вѣка вдругъ объявила подложнымъ все, что не оогласовалось съ любимую ея системою, и никогда Исторія не оклеветана столько людей, какъ доискиваясь исторической истины.

скоро извѣстіе о томъ разнеслось на Сѣверь, всѣ почти Конунги и Князья, безъ вражды, безъ надежды на добычу, единственно изъ романическаго желанія отличиться храбростью, слетѣлись съ своими лодками и воетелями, кемле, съ обѣихъ береговъ Балтійскаго моря, и построились на сторонѣ того или другаго изъ вызовщиковъ. Такимъ образомъ флотъ каждаго изъ нихъ увеличился до нѣсколькихъ сотъ судовъ, и враждующіе поохотъ богатыри, послѣ долгой борьбы на водѣ, еще вышли на берегъ, чтобъ драться по-одиначкѣ на сушѣ, и истреблять другъ друга «для чести и славы».

Однимъ словомъ, Россія Варяжскихъ временъ была, съ нѣкоторыми отгѣнками, Финно-Славянская Скандинавія. Безпристрастный Историкъ Россіи не долженъ исключительно объявлять себя Славяниномъ, ибо тогдашнее ея народонаселеніе состояло въ равномъ почти количествѣ изъ Славянъ и Финновъ, подъ управленіемъ третьяго, Германскаго, поколѣнія. Изъ сліянія этихъ трехъ племенъ возсталъ Россійскій народъ, и ежели Россійскимъ языкомъ сдѣлалось вновь образовавшееся Славянское нарѣчіе, это весьма пріятное для насъ событіе, быть-можетъ, должны мы приписать случаю: если бы Русскіе Князья избрали себѣ столицу въ Финскомъ городѣ, среди Финскаго племени, Русскимъ языкомъ вѣроятно назывался бы теперь какой нибудь Чухонскій діалектъ, который также, на большемъ пространствѣ земель, поглотилъ бы языкъ Славянскаго корня, какъ послѣдній языкъ поглотилъ многія Финскія нарѣчія, даже въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ Москва и Владимір¹¹. И такъ, сочинителю Россійской Исторіи слѣ-

¹¹ Древняя Венгерская Лѣтопись, Chronicon Anonymi, говоритъ положительно, что одною изъ двухъ столицъ Венгровъ, или Маджаровъ,

дуетъ оставить корнесловный патріотизмъ, и быть прямымъ Руссомъ, изъясняющимся только, и то по собственной своей воль, на Славянскомъ нарѣчїи, которое самъ онъ для себя создалъ и усовершилъ; изобрѣтеніемъ котораго можетъ онъ посправедливости гордиться; которое, наконецъ, есть его собственность, а не онъ собственность Славянскаго «слова» и племени. Исторія Россіи начинается въ Скандинавіи и на водахъ Балтійскаго Моря. Нравственный и политическій бытъ Норманнскаго Сѣвера есть первая картина, первая страница нашего бытописанія. Саги столько же принадлежатъ намъ, какъ и прочимъ народамъ, происшедшимъ отъ Скандинавовъ, или ими созданнымъ.

Гдѣ же видимъ мы это въ нашихъ Исторіяхъ?... Сѣверъ среднихъ вѣковъ, донинѣ живущій въ собственныхъ его сказаніяхъ всею силою своей героической и романтической Природы; этотъ прекрасный, живописный, величественный Сѣверъ, совершенно исчезъ, даже подъ искуснымъ перомъ Карамзина! Мы находимъ только холодную, снѣжную пустыню, съ рѣдкими слѣдами человѣческой стопы и большими кровавыми пятнами, которыя уже заносятся мятелию выносокъ и примѣчаній, большею частию бесполезныхъ или дующихъ ложною Критикою на понятія читателя. Но Сѣверъ!..... Сѣверъ, покрытый на сушѣ бродящими толпами богатырей, на водѣ непобѣдимыми флотами; съ его законами, писанными рукою храбрыхъ и для храбрыхъ, съ его оригинальною Вѣрою и небомъ, столь же бурнымъ,

былъ Суздаль. Здѣсь также было отечество Мери. О Финнизмѣ въ Россійскомъ языкѣ, то есть, о вліяніи духа Финскихъ языковъ на образованіе Велико-россійскаго нарѣчїа, предоставляемъ себѣ сказать нѣсколько словъ въ другомъ мѣствѣ. Этотъ предметъ требуетъ большаго развитія подробностей и приведевія примѣровъ изъ многихъ постороннихъ языковъ.

какъ и самая его земля, съ его эпическими нравами и, съ одной стороны, бѣднымъ, но мужественнымъ и сильнымъ, съ другой еще полу-дикимъ, но уже богатымъ и уже слабымъ, обществомъ; съ его воинственными «союзами», съ его изступленными Берсеркерами, сражающимися противъ утесовъ и всей Природы; съ его морскими Князьями, отказывающимися навсегда отъ теплоты огня; съ его щитоносными дѣвицами, Skjoldmoe, заставляющими своихъ любовниковъ прежде побѣдить себя оружіемъ, а потомъ уже награждающими ихъ любовію; съ этою дерзкою отвагою и исполинскими подвигами, то для полученія руки нѣжной и гордой красавицы, то для грабежа и разбоевъ, то единственно для чести и славы; съ его мрачною, высокою поэзіею и простыми, но исполненными жизни, сказаніями; съ его наконецъ награбленнымъ золотомъ и вооруженною торговлею, и со всеми его священными, политическими и гражданскими понятіями: весь этотъ чудесный Сѣверъ, и Ассы, овладѣвшіе духовнымъ скипетромъ за Балтійскимъ Моремъ, и Криве-Кривейтось, могучій Далай-Лама разноплеменныхъ поколѣній, обитавшихъ по сию сторону моря, и мусульманская Славянщина при Волгѣ, даже эти Руссы, которыхъ одно появленіе подъ стѣнами Бердаа привело въ трепеть весь Востокъ, воображавшій себя, что для побѣжденія ихъ нуженъ непременно мечъ Александра Великаго; даже эта многолюдная и волшебная Бирмія, въ которую въ одно и то же время стремились и смѣлый Норманнъ съ оружіемъ въ рукѣ чрезъ пловучія льдины, кругомъ Капъ-Норда, для добычи, и корыстолюбивый Аравитянинъ съ товарами чрезъ степи, и хищныя поколѣнія для торговли; бореніе расъ, поглощеніе ихъ однихъ другими, раціональное возстаніе новаго языка, и самый языкъ, которымъ говорили тѣ, коихъ носимъ

мы благородное и славное имя, — все это ускользнуло отъ вниманія и проницательности нашихъ Историковъ, все изсякло въ туманъ неумѣстнаго Славянизма, и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ старой Критики. Должно быть, характеръ эпохи не былъ похожъ на Славянскій, когда Аравитяне того времени называли Славянами, въ нынѣшней Россіи, однихъ Болгаръ, и Словянскимъ Царемъ одного ихъ «Владавца», всегда полагая различіе между ими и тогдашними Норманскими подданными того же племени, которыхъ они постоянно именуютъ Руссами и представляютъ народомъ дерзкимъ, кровожаднымъ и страшнымъ; когда Литовцы, пережышанные въ своей землѣ съ Славянскими массами, сосѣдей и долгое время единовѣрцевъ своихъ, подвластныхъ вотомкамъ Рурика, съ ужасомъ и проклятіями величали не иначе, какъ Готами, *Гудисъ*, и это слово нынѣ означаетъ у нихъ Русскаго; когда Венгры, Поляки и Византійцы ни сколько не заботились о здѣшнихъ Славянахъ, а только говорили о Руссахъ и Русскихъ!

И такъ, чтобъ создать настоящую Исторію того времени, надобно вновь переисследовать всѣ ея матеріалы въ духъ новѣйшей Критики, которая не боится басенъ и умѣетъ отыскивать и въ нихъ челоука и его общественное состояніе; надобно учиться языку Руссовъ и стараться изъ подлинныхъ сказаній Сѣвера узнать, что такое былъ тогдашній Сѣверъ. Мы обязаны заблужденіямъ старой Критики по крайней мѣрѣ тѣмъ, что убѣдились, что люди встарину не столько лгали и не такъ были склонны къ подлогамъ, какъ ей казалось; что они иногда только ошибались, по суевѣрію или невежеству, и то, большею частію, въ подробностяхъ: потому

именно мы теперь сдѣлались довольно равнодушными къ подробностямъ историческихъ происшествій, и ищемъ общаго духа событій¹¹. Утѣшимся пріятною надеждою, что скоро кто-нибудь изъ нашей молодой Россіи, всякой день болѣе и болѣе одушевляющейся любовью къ Наукамъ и познаніямъ, посвятитъ себя одной этой эпохѣ, и, изучивъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, сочинитъ первую ея монографію и первую Исторію. Трудъ огромный, многосложный, требующій большаго терпѣнія, постоянства и даже разнородныхъ свѣдѣній; но обещающій вознаградить неустрашимаго труженика обильною жатвою любопытныхъ фактовъ и новыхъ видовъ. Теперь еще все лежитъ передъ нами въ ночномъ мракѣ; и мы съ трудомъ лишь успѣваемъ бѣгло окинуть взоромъ старый нашъ Сѣверъ при молніиномъ свѣтѣ отдѣльныхъ, разсѣянныхъ событій, которыя блескомъ своимъ озаряютъ только извѣстный кругъ около себя, оставляя огромные промежутки въ полу-свѣтѣ или въ совершенной тмѣ. Но всѣ преграды и трудности сокрушаются передъ усиліемъ и проникательностью чловѣка. Приступая систематически къ дѣлу, необходимо начать съ языка Руссовъ и ихъ политической и религіозной Словесности, то есть, съ Сагъ и Поэмъ Эдды: онѣ должны служить основаніемъ нашимъ изслѣдованіямъ.

Языкъ Руссовъ, Норвежцевъ, и вѣроятно всѣхъ древнихъ Скандинавовъ, сохранился въ Исландіи. Скандиनावіею называются нынѣшнія Данія, Шве-

¹¹ Въ началѣ текущаго столѣтія еще почиталось хорошимъ тономъ въ порядочной Исторической Критикѣ не вѣрить въ Ксерксовъ, ни Антаксерксовъ. Скоро потомъ были прочитаны надписи гвѣздобразной грамоты, и мы, къ немалому огорченію нашей недовѣрчивости, нашли въ нихъ имена не только Ксерксовъ и Антаксерксовъ, но и самой Семирамиды, баснословность существованія которой была такъ хорошо доказана!.....

ція и Норвегія, со включеніемъ Исландіи и нѣсколькихъ другихъ острововъ. Около той эпохи, какъ у насъ появился Рурикъ съ своими Норманнами, въ Скандинавіи, раздѣленной на множество мелкихъ удѣловъ, почти въ одно и то же время образовались силою оружія три единоподержавныя Королевства, Датское, Шведское и Норвежское. Этотъ переворотъ лишилъ разныхъ Конунговъ ихъ владѣній, и произвелъ множество недовольныхъ, которые стали толпами выходить изъ отечества. Тѣ, которые болѣе другихъ были пристрастны къ древней Вѣрѣ и поэтическимъ нравамъ Скандинавовъ, удалились на островъ Исландію, и основали тамъ Республику, процвѣтавшую потомъ нѣсколько столѣтій. Такимъ образомъ спаслась старая Скандинавія, съ своимъ языкомъ, съ своими догматами и Словесностью, отъ нашествія новыхъ понятій и новаго порядка вещей, и на сѣвжномъ островѣ, у подошвы пылающаго волкана, долго еще жила для своей старины, гордясь отстаніемъ своимъ отъ общаго отечества, стремящагося чрезъ остатокъ среднихъ вѣковъ къ блистательной эпохѣ возрожденія Наукъ на Западѣ. Исландцы, однако жъ, не рѣдко оставляли свой островъ, для морскихъ набѣговъ, торговли или военной службы подъ знаменами предприимчивыхъ Конунговъ. Страсть ихъ къ поэзіи и сказаніямъ, которою и теперь они отличаются, заставляла ихъ собирать во время подобныхъ отлучекъ героическія и религіозныя Поэмы и Саги древней Скандинавіи и переносить въ Исландію. Словесность Норманновъ ожила на отдаленномъ острову, который сдѣлался ея средоточіемъ: даже ихъ языкъ достигъ тамъ нѣвѣстной степени совершенства, хотя почти не измѣнился. Потому, мы, безъ различія, называемъ его Исландскимъ и Скандинавскимъ. Саги Исландскія или Скандинавскія значать одно и то же.

Исландецъ, по имени Семундъ, собралъ въ XI вѣкѣ обломки большой эпической и духовной Поэмы Скандинавовъ, известные нынѣ подъ названіемъ Старой, или Семундовой Эдды. То былъ вѣкъ, когда Исландцы ревностно занимались древнею своею Словесностью, и еще не искажали ея примѣсью схоластической учености. Тогда начали они списывать на бумагу и свои старинныя Саги, которыя до тѣхъ поръ хранились большею частію въ памяти Скальдовъ и разскащиковъ.

Въ XIII столѣтіи, знаменитый и уже ученый Исландецъ, Снорри-Стурлесонъ, составилъ изъ разсужденій о міеологіи и просодіи Скальдовъ, вторую Эдду, которая переведена на многіе Европейскіе языки, хотя она гораздо менѣ заслуживала эту честь, нежели первая, настоящая Эдда¹³. То былъ вѣкъ учености и сокращеній. Огромныя собранія подлинныхъ языческихъ Сагъ казались уже слишкомъ утомительными для Христіанскихъ читателей, и Исландскіе полу-ученые принялись сокращать ихъ и портить. Въ этомъ видѣ XIII-ое столѣтіе передало ихъ и намъ: нашему Исторіографу показалось, что онъ тогда только были сочинены, или выдуманы, и онъ дважды повторилъ это въ своемъ сочиненіи, какъ-будто опасаясь, чтобы кто-нибудь не усомнился въ основательности его предположенія.

Первый извѣстный сокращатель Сагъ былъ Аре-Фроде, скончавшійся еще въ первой половинѣ XII столѣтія. Собранія его, большею частію неизданныя, носятъ въ ученой Европѣ имена *Islendinga-bok* и *Landnama Saga*. Онъ уже былъ историкъ, или

¹³ Эта вторая Эдда переведена и на Русскій языкъ въ 1795 году, во «Введеніи въ Датскую Исторію Г. Малета», Адъюнктомъ Федоромъ Моисенко.

лѣтописецъ, подобно Нестору, его современнику. Но Снорри-Стурлесонъ, о которомъ упомянули мы выше, болѣе всѣхъ прочихъ занимался этимъ предметомъ, и онъ-то подалъ собою примѣръ несчастной страсти, сокращать старинныя сказанія и составлять изъ нихъ родъ Исторіи, отъ чего необходимо произошло въ нихъ множество ошибокъ и запутанностей. Снорри былъ потомокъ царствениаго рода Инглинговъ, и предпринималъ путешествія въ Швецію и Норвегію, нарочно для собиранія остатковъ Скандинавской Словесности. Большое его сочиненіе, Heimskringla, почитается одними простымъ наборомъ Сагъ, только приведенныхъ въ порядокъ; нныя, и весьма справедливо, усматриваютъ въ немъ явныя слѣды руки неискуснаго сокращателя. Въ числѣ его подражателей, неизвѣстный сочинитель Исторіи Св. Олафа, или Олафа Толстаго, включилъ въ свою книгу, или приложилъ къ ней въ видѣ дополненій, нѣсколько Сагъ, также болѣе или менѣе сокращенныхъ. Объ одной изъ нихъ мы сейчасъ будемъ говорить въ подробности, ибо она непосредственно относится къ Руской Исторіи: скажемъ только нѣчто о Сагахъ вообще.

Онѣ раздѣляются на романтическія, героическія и историческія. Въ первыхъ находимъ мы смѣсъ суевѣрныхъ понятій язычества съ общественными происшествіями. Вторыя посвящены картинѣ геройскихъ подвиговъ, любовныхъ затѣй, добродѣтелей, злодѣйствъ, несчастій и судьбы извѣстныхъ Княжескихъ родовъ. Наконецъ историческія Саги или состоятъ изъ любопытныхъ біографій знаменитыхъ людей, или заключаютъ въ себѣ описаніе отдѣльныхъ событій, изображенныхъ слогомъ простымъ, яснымъ, повѣствовательнымъ, безъ всякихъ украшеній и опасныхъ для истины усилій воображенія.

Всѣ онѣ чрезвычайно важны, ибо всѣ вѣрно изобразяютъ общественнаго человѣка, нося на себѣ неподдѣльный отпечатокъ первобытной Исторіи, то есть, относительность событій къ дѣйствующимъ лицамъ, а не ко времени и совокупной судьбѣ народа. Саги описываютъ только подвиги и похождения отдѣльныхъ героевъ, не заботясь о лѣтосчисленіи, ни о томъ, что происходило въ другомъ мѣстѣ въ то же самое время. Таковы должны были быть первоначальныя сказанія всѣхъ народовъ. Илиада есть Ахиллова Сага, Одиссея Сага объ Улиссѣ; обѣ онѣ принадлежатъ къ разряду героическихъ и романтическихъ Сагъ, съ тою только разницею, что какъ та, такъ и другая, дошли до насъ въ стихахъ, когда Скандинавскія Саги этого рода почти всѣ передѣланы на прозу. Геродотъ и Титъ-Ливій ввроятно также перевели множество такихъ Сагъ на повѣствовательный слогъ Исторіи.

Кромѣ напечатанныхъ Исландскихъ Сагъ, какъ-то, *Heimskringla* и нѣкоторыхъ частей *Islendingabok* и *Landmana-Saga*, мы знаемъ еще многочисленныя извлеченія изъ другихъ подобныхъ сказаній, помѣщенные въ Датскихъ и Шведскихъ Исторіяхъ. Ученый Миллеръ, лѣтъ десять тому назадъ, издалъ въ трехъ частяхъ *Saga - Bibliothek*, «Библіотеку Сагъ», въ которой разобралъ содержаніе множества извѣстныхъ ему остатковъ Норманнской исторической Словесности. Но большая часть этихъ драгоценныхъ памятниковъ доселѣ почивала въ рукописи въ Датскихъ и Шведскихъ архивахъ и библіотекахъ, и знаменитое ученое сословіе любителей Исторіи, существующее въ Копенгагенѣ подъ именемъ «Сѣвернаго Королевскаго Общества Антикваріевъ», чувствуя всю ихъ важность, предписало трудамъ своимъ столь же благородную, какъ и по-

лезную цѣль, — постепенно предать тисненію всѣ донныя необнародованныя Скандинавскія Саги и Поэмы. Оно уже издало по семи томовъ двухъ предпринятыхъ имъ собраній этого рода: *Oldnordiske Sagaer* и *Fornmanna Sögur*; восьмой томъ послѣдняго собранія поступилъ въ печать въ прошломъ году, равно какъ четвертый, пятый, шестой и седьмой томы сочиненія *Scripta historica Islandorum*, въ которомъ содержится переводъ всѣхъ Сагъ, помѣщенныхъ въ первомъ собраніи.

Весьма естественно, что при составленіи подобныхъ собраній, требующихъ не только огромнаго труда, но и значительныхъ издержекъ, Копенгагенское Ученое Общество предпочтительно избираетъ къ печати историческіе памятники, имѣющіе прямую и непосредственную связь съ собственнымъ его отечествомъ и некогда принадлежавшею ему Норвегію. Въ огромномъ числѣ этихъ памятниковъ находятся однако жъ и такіе, которые относятся только къ Россіи: сверхъ того, множество важныхъ показаній, касающихся нашей Исторіи, кроется въ разныхъ Скандинавскихъ рукописяхъ, гдѣ они связаны съ происшествіями Даніи, Норвегіи и Швеціи. Всѣ эти матеріалы обращаютъ на себя вниманіе Общества; но, покаместъ, оно не въ состояніи употребить свои денежныя средства въ пользу памятниковъ, болѣе занимательныхъ для насъ, чѣмъ для Датскихъ читателей и подписчиковъ. Оно только изъявило мнѣніе, что весьма было бы желательно издать особое собраніе всѣхъ такихъ Сагъ и разбросанныхъ по другимъ сказаніямъ многочисленныхъ свѣдѣній о Руси и предъ-Русской эпохѣ нашихъ странъ, съ Латинскимъ переводомъ и критическими примѣчаніями; но вмѣстѣ съ тѣмъ сказало, что самая «обширность подобнаго собранія не дозволяетъ ему и ду-

«мать о томъ прежде, чѣмъ въ Россіи обнаружится «живѣйшее рвеніе къ этимъ древнимъ источникамъ «Исторіи, и необходимость ихъ слышается ощути- тельною для публики». Впрочемъ Общество полага- етъ, и мы старались доказать это выше, что вся Скандинавская Словесность стоитъ нашего вниманія, ибо «она есть общая собственность цѣлаго Сѣвера».

Мы, Русскіе, не могли бѣ, кажется, приличіе и благородіе отвѣчать просвѣщенной заботливости ученыхъ Датчанъ о пользахъ нашей Исторіи, какъ открывъ у себя народную подписку, и собравъ по- средствомъ добровольныхъ приношеній капиталъ, напимѣръ, въ тридцать пять или сорокъ тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобъ предложить Копенгаген- скому Обществу патріотическое отъ насъ пособіе на издержки изданія столь важной и пріятной для насъ книги. Тѣмъ доказали бѣ мы неоспоримо, что умѣ- емъ цѣнить какъ полезныя ихъ труды, такъ и па- мятники историческаго быта нашего. Извѣстная лю- бовь нашей публики ко всему Русскому и похваль- ному, благодѣтельное направленіе, которое мудрое Правительство сообщаетъ намъ ко всему народному, и дознанная щедрость нашихъ вельможъ, особенно въ такихъ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло о чести Россіи и умственныхъ ея успѣхахъ, не дозволяютъ намъ даже сомнѣваться, что предлагаемая нами подписка была бы въ одно мгновеніе ока покрыта множе- ствомъ знаменитыхъ именъ и великодушными, по возможности, приношеніями лицъ всякаго состоянія.

Чтобъ дать намъ понятіе о чрезвычайной важно- сти Скандинавскихъ сказаній для нашей Исторіи, Королевское Общество издало въ Сентябрь мѣсяцъ прошлаго года одну Исландскую Сагу, которая была уже извѣстна нашему Исторіографу по краткому ея

содержанію, сжатоу въ нѣсколькихъ строкахъ и напечатанному извѣстнымъ Тормодомъ Торфеемъ въ его Норвежской Исторіи, откуда оно перенесено въ томъ же видѣ въ Исторію Россійскаго Государства. Сага эта вышла въ свѣтъ подъ заглавіемъ: EYMONDAR SAGA. Eymundi et Ragnaris, Norvegiorum Principum, tandem Polteskæ, vel Polociæ (?), in Russia dynastarum, vitæ et gesta, in originali islandico, etc., edidit S. R. A. S., Hafniæ, 1833. Эймундова Сага. «Жизнь и дѣянія Эймунда и Рагнара, Норвежскихъ «Князей, потомъ Полоцкихъ (?) въ Россіи владѣльцевъ, «въ Исландскомъ подлинникѣ съ Латинскимъ переводомъ и краткимъ Введеніемъ, взданная по древнему списку Королевской Библіотеки, Королевскимъ «Обществомъ Сѣверныхъ Антикваріевъ, въ Копенгагенъ, 1833,» въ 8., стр. VIII и 60. Сочиненіе это напечатано въ числѣ только семидесяти экземпляровъ, и разослано извѣстнѣйшимъ покровителямъ Наукъ и знатокамъ Исторіи въ Россіи: по-этому оно болѣе принадлежитъ къ числу библіографическихъ рѣдкостей, чѣмъ къ обнародованнымъ для пользы публики твореніямъ. Главнѣйшія наши книгохранилища также получили по одному его экземпляру. Древнѣйшій списокъ этой Саги относится къ XIII столѣтію; новѣйшихъ списковъ найдено весьма немного.

Эймундова Сага, столь любопытная во всѣхъ своихъ частяхъ, столь новымъ и прекраснымъ свѣтомъ озаряющая нашъ XI-й вѣкъ и въ особенности княженіе Ярослава Владиміровича, понесчастію, не избѣгла общей почти участи Скандинавскихъ сказаній, постигшей ихъ въ XIII столѣтіи. Она тоже сокращена. Мы можемъ, однако жъ, поздравить себя съ тѣмъ, что сокращатель полѣнился передѣлать ее въ цѣлости на свой ладъ, и, чтобъ уменьшить ея объемъ, прибѣгнулъ къ самому легкому средству: онъ

попросту выкинулъ всю ея середину, и оставилъ только начало, нѣсколько измѣненное имъ въ первой главѣ, и конецъ, то есть, тѣ именно части, въ которыхъ описываются происхожденіе, выходъ изъ отечества и окончательная судьба его героевъ, и которыя естественно занимали его болѣе, нежели чуждыя и неинтересныя для него дѣйствія ихъ въ Россіи. Такимъ образомъ, онъ выпустилъ весь періодъ войнъ Ярослава съ Польшею, взятіе Кіева Болеславомъ Храбрымъ, и всѣ дальнѣйшія слѣдствія этого событія, до самой смерти Святополка, съ которой повѣствованіе опять возстановляется. Уцѣлѣвшая часть сказанія, по историческому ея достоинству, простотѣ и ясности слога и неподражаемому чистосердечію сочинителей, заставитъ всякаго искренне сожалѣть о потерѣ, происшедшей для Русской Исторіи отъ этого несчастнаго пропуска. Какъ бы то ни было, Королевское Общество не могло ни избрать приличнѣйшаго памятника, чтобъ неоспоримо убѣдить насъ въ пользу Скандинавской Словесности для нашего бытописанія, ни сдѣлать намъ пріятнѣйшаго подарка на первое знакомство.

Сага эта сочинена по изустному разсказу пятерыхъ Исландцевъ, которые не только были очевидцами описываемыхъ въ ней происшествій, но и сами въ нихъ участвовали, и въ рукописи составляетъ дополненіе къ Исторіи Короля Олафа, о которой имѣли мы случай упомянуть выше. Они пришли въ Россію въ концѣ 1015 года съ Эймундомъ и Рагнаромъ, и подъ ихъ знаменами служили здѣсь Ярославу, который употреблялъ ихъ во всѣхъ своихъ походахъ, пока ихъ предводители не разсорились съ нимъ по случаю убійства Святополка. Тогда они, вмѣстѣ съ Эймундомъ и Рагнаромъ, перешли къ Полоцкому Князю, Брячиславу, и, по смерти Эйму-

да, возвратились въ Исландію. Имена ихъ узнаемъ изъ ихъ же разказа: они назывались Біорнъ, Гарда-Кетильмъ, Аскельмъ, Тордъ старшій и Тордъ младшій. Какъ въ XI столѣтіи Саги уже имѣли тамъ заботливыхъ о сохраненіи ихъ переписчиковъ, то сказаніе пятерыхъ выходцевъ вѣроятно было прямо съ ихъ словъ списано на бумагу. Мы не согласны съ мнѣніемъ ученыхъ его Издателей, полагающихъ, будто оно первоначально могло быть, по обычаю того времени, положено Скальдами на стихи, отъ чего и произошли въ немъ нѣкоторыя поэтическія не вѣрности въ событіяхъ. Мы не видимъ въ немъ ни какихъ слѣдовъ поэтическаго воображенія; и если почтеннымъ Издателямъ не удалось подвести этой Саги подъ Исторію, то единственно потому, что они не примѣтили въ ней огромнаго пропуска, который намъ, болѣе знакомымъ съ отечественными Лѣтописями, вдругъ бросается въ глаза. Простое открытіе этого пропуска рѣшаетъ всѣ трудности.

Итакъ, оставивъ догадки, приводимыя Издателями въ скромномъ и ученомъ Введеніи для объясненія разныхъ мѣстъ Эймундовой Саги историческимъ образомъ, приступимъ прямо къ подробному ея разбору. Для ясности дѣла, начнемъ разсмотрѣніемъ повѣсти Нестора о времени, объятomъ этою Сагою, и представленной Карамзинымъ картины той же эпохи.

Сухость, чрезвычайная краткость, даже родъ умышленной небрежности, и отрывчивость разказа, примѣчаемыя въ Несторовомъ описаніи политическихъ происшествій въ княженіе Ярослава, въ состояніи привести въ отчаяніе всякаго обожателя перваго нашего лѣтописца, который, что бы ни говорили Шлѣцеръ и Карамзинъ, имѣетъ всѣ недостатки лѣтописцевъ своего времени, — ложную ученость, которую, по

причинъ грубой ея оболочки, многіе приняли за подлинныя народныя преданія, страсть описывать ораторски древнія сраженія и заставлятъ говорить своихъ героевъ, склонность къ чудесному и совершенное незнаніе Политики изображаемаго вѣка. Откинувъ описанія сраженій и разговоры, которые даже въ нашемъ вѣкѣ, при содѣйствіи книгопечатанія и при всей бдительности современной Исторіи, никакъ не могутъ быть переданы потомству безъ примѣси ложныхъ подробностей, то, что Лѣтописецъ намъ говорить о походахъ и политическихъ событіяхъ, случившихся при Ярославѣ съ 1016 года, ограничивается нѣсколькими тощими строками, и болѣе походить на краткое содержаніе, помѣщаемое въ книгахъ вверху главы, нежели на самый текстъ сочиненія. Мы перескажемъ все это его же словами, отбрасывая только въ нихъ окончанія ученаго иностраннаго нарѣчія, и замѣняя ихъ тѣми, которыя, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ той же Лѣтописи и другихъ источниковъ, были тогда въ употребленіи въ Русскомъ языкѣ.

«И пошедъ (пошелъ) Ярославъ на Святополка. «Слышавъ же Святополкъ идущаго Ярослава, построилъ безъ числа вой (изъ) Руси и Печенѣгъ, и изшедъ противу ему къ Любечу обь-онъ-поль Днѣпра, а Ярославъ отсюда.

«Въ лѣто 6524 (1016) пришедъ Ярославъ, и сталъ «противу, обь-а-поль Днѣпра, и не смѣяли ни тѣи «на сихъ, ни сіи на нихъ, и стояли за три мѣсяцы «противу собѣ.»

Здѣсь начинается длинное описаніе битвы, неискренность котораго увидимъ мы ниже. Лѣтописецъ приводитъ разговоры сражающихся: мы можемъ

смѣло оставить ихъ безъ вниманія. Въ этихъ разговорахъ Ярославъ названъ *хромымъ*: онъ вѣроятно тогда еще не былъ хромъ, ибо онъ раненъ въ ногу только въ слѣдующемъ сраженіи¹⁴.

«И одолѣлъ Ярославъ. Святополкъ же побѣжалъ въ Лахи, а Ярославъ сѣдлъ (сѣлъ) въ Кіевѣ.»

«Въ лѣто (1017) Ярославъ вошелъ въ Кіевъ, и погорѣлъ городъ Кіевъ.»

«Въ лѣто (1018) пошелъ Болеславъ со Святополкомъ на Ярослава съ Лахи; Ярославъ же много совокупилъ Руси, Варягъ, Словенъ, и пошелъ противъ Болеславу и Святополку, и пришелъ къ Воьлини, и сталъ объ-а-полъ рѣли Буга.»

Опять описаніе сраженія и разговоры.

«И побѣдилъ Болеславъ. Ярославу же бѣжавшу¹⁵ съ четырьмя мужи къ Новугороду, Болеславъ вошелъ въ Кіевъ.»

Разговоры, въ которыхъ обнаруживается въ полномъ свѣтѣ стремленіе къ изящности разсказа съ очевиднымъ вредомъ для исторической точности, и подражаніе слогу Библии¹⁶.

¹⁴ См. Eymundar-Saga.

¹⁵ Греческій оборотъ фразы.

¹⁶ Многие думаютъ, что слогъ первой нашей Лѣтописи чрезвычайно простъ, потому, что онъ варварскій: онъ, напротивъ, весь состоитъ изъ натянутыхъ подражаній оборотамъ Св. Писанія и риторическому безвкусию Византійцевъ. Мы обратимъ вниманіе читателей на одно только мѣсто, которое лучше всякихъ многосложныхъ цитатъ можетъ дать понятіе объ удивительной его изысканности и напыщенномъ духу разсказа. Лѣтописецъ заставляетъ толстаго Болеслава отдавать приказъ по квартирмейстерской части тѣми же словами, которыми въ Книгѣ Бытія Богъ повелѣваетъ сотвориться міру: *И рече Болеславъ: Разведи-те дружинку мою по городомъ на кормъ! — и бысть тако.* (И рече

«Ярославу же прибѣгну къ Новугороду и хотя-
«щу»¹⁷ бѣжать за море, Посадникъ Святинъ съ Нов-
«городцы разсѣкли ладьи, рѣкши.....»

Разговоры.

«И привели Варягъ, и совокупилъ Ярославъ вой
«многіе. Болеславу же, сидящу въ Кіевѣ»¹⁸, — (Разго-
«воры) — Святополкъ избилъ по городомъ Ляхи. Бо-
«леславъ же побѣжалъ изъ Кіева, взявъ имѣніе,
«бояръ (и проч). Святополкъ же началъ княжить въ
«Кіевѣ. И пошелъ Ярославъ на Святополка и бѣ-
«жалъ Святополкъ въ Печенѣги.

«Въ лѣто (1019) пришедъ Святополкъ съ Пече-
«нѣги въ силѣ тяжкой, и Ярославъ собравъ множе-
«ство вой, изшедъ противу ему на Ольто.»

Разговоры. Риторика. Описаніе сраженія.

«.....Одолѣлъ Ярославъ, и Святополкъ побѣжалъ.
«И нападъ нанъ бѣсъ.....»

Длинное описаніе того, какъ бѣсъ мучилъ «безум-
наго» Святополка, который бѣжалъ, бѣжалъ, и ушелъ
въ пустыню между Ляхи и Чехи, то есть, Богъ-вѣсть
куда, — и тамъ умеръ, то есть, не извѣстно какъ и
когда.

Богъ: Да будетъ земля посредь воды и воды! — и бысть тако.) И все
это, чтобъ сказать, что Болеславъ распредѣлил свои войска по горо-
дамъ!..... Здѣсь сочинитель, для ложно понимаемой крисоты слога, изъ
одного факта дѣлаетъ два, изъ которыхъ одинъ, то есть, рѣчь Боле-
слава, очевидно имъ самимъ выдуманъ, — а можетъ-быть и оба! Изы-
сканность и искаженіе вкуса не дожидаются даже утонченности нра-
вовъ и появленія образованности. Что бы сказали мы теперь объ исто-
риикѣ, который употребилъ бы о Наполеонѣ такое выраженіе, какое
представляетъ Лытопись о Болеславѣ?

¹⁷ Греческій обороть.

¹⁸ Греческій обороть.

«Ярославъ же съдѣ въ Кіевѣ и утерлъ пота съ дружиною своею, показавъ побѣду и трудъ великій¹⁹.»

«Въ лѣто (1021) пришедъ Брячиславъ на Новгородъ, и заялъ Новгородъ, и, поймавъ Новгородцы и имѣніе ихъ, пришедъ къ Полоцку опять. И пришедшу ему²⁰ ко Судомѣри рѣцѣ, Ярославъ въ

¹⁹ Карамзинъ, кажется, выраженію: *утерлъ пота*, приписывалъ какое-то особенное, замысловатое значеніе: оно употребительно и до сихъ поръ въ Польскомъ языкѣ, и значить только *отдохнуть*. Вообще, основательное знаніе Польскаго языка, особенно стариннаго, необходимо для надлежащаго оцнненія Несторовой Лѣтописи. Поляскія формы очевидно еще господствовали тогда въ раздѣляющемся Русскомъ языкѣ, и языкъ Лѣтописи представляетъ весьма любопытное для Филолога смѣшеніе формъ Поляскихъ или Старо-Польскихъ съ Церковно-Славянскими и уже нѣкоторыми нынѣшними Великороссійскими. Мы надѣемся представить публикѣ разборъ Несторова языка въ другомъ сочиненіи. Что касается до Великороссійскаго нарвчія, или нынѣшняго Русскаго языка, то весьма ошибаются тѣ, которые относятъ его къ восточнымъ Славянскимъ нарвчіямъ: нашъ языкъ, по кореннымъ своимъ формамъ, принадлежитъ къ западнымъ; только произношеніе его заимствовано изъ восточныхъ нарвчій, и оно еще значительно измѣнилось здѣсь на мѣстѣ, отъ вліянія Финнизма, то есть, такъ сказать, растворилось и смягчилось въ сѣверномъ вокализмѣ. Внимательное разсмотрѣніе химическихъ началъ языка обнаруживаетъ удивительное смѣшеніе ртсѣ и поколѣній въ нынѣшнемъ сѣверномъ Славянскомъ народѣ. Даже произношеніе нашего языка не все принадлежитъ такъ называемымъ восточнымъ нарвчіямъ: значительная часть его, особенно въ отношеніи къ гласнымъ, взята изъ западныхъ, что доказываетъ, что сѣверные Человѣки произошли отъ смѣси восточнаго и западнаго Славянскихъ колѣнъ. Но что называемъ мы восточнымъ или западнымъ колѣномъ? Названія эти выдуманы Учеными, незнавшими ни Славянъ, ни ихъ нарвчій, и не заключаютъ въ себѣ ни какого смысла. По этому раздѣленію, Сербскій и Старо-Моравскій языки называются восточными, а Богемскій западнымъ, тогда, какъ послѣдній только по своимъ формамъ принадлежитъ къ западнымъ, а по произношенію онъ долженъ быть причисленъ къ рзряду первыхъ, которые на востокъ перешли тоже съ запада. Классификацію Славянскихъ языковъ и нарвчій остается еще сдѣлать.

²⁰ Греческій оборотъ.

«седьмый день изъ Кіева постигль его, и побѣдилъ
«Ярославъ Брячислава, и Новгородцевъ воротилъ къ
«Новгороду, а Брячиславъ бѣжалъ къ Полоцку.

«Въ лето (1022) пошедъ Ярославъ къ Берестью.»

Зачѣмъ?..... И что онъ тамъ сдѣлалъ?.....

Здѣсь начинается описаніе Тмутараканскихъ про-
исшествій. Ярославъ исчезаетъ изъ виду. Только
въ 1024 году появляется онъ уже не въ Кіевъ, но
въ Новгородъ (*Въ лето 6538, Ярославу сущу въ
Новъгородъ, приедъ Мстиславъ, и проч.*)

Разобравъ такимъ образомъ повѣсть Лѣтописца, и
отдѣливъ все, что принадлежитъ въ ней къ неумѣст-
нымъ украшеніямъ слога, подражательству образ-
цамъ Византійскаго краснорѣчія и набожнымъ по-
нятіямъ вѣка, отъ настоящихъ историческихъ дан-
ныхъ, должны мы согласиться, что или онъ ничего
не зналъ въ подробности о княженіи Ярослава, или
не имѣлъ въ виду писать Исторію, а хотѣлъ только
написать книгу нзящнымъ Славянскимъ слогомъ.
Возможно ли короче, скуднѣе, сбивчивѣе, и съ
положительнѣйшимъ презрѣніемъ отечественныхъ
подвиговъ и бѣдствій, представить столь важный и
богатый великими событіями періодъ?..... періодъ,
въ которомъ Россія, въ первый разъ, вступила въ
кругъ политическихъ соображеній Европы? въ ко-
торомъ была она союзницею Нѣмецкаго Императора,
и дѣйствовала вмѣстѣ съ нимъ противъ общаго вра-
га? когда столица Государства находилась въ ру-
кахъ посторонняго и честолюбиваго завоевателя?
когда, наконецъ, кромѣ Святополка и Болеслава,

еще съ одной стороны Мстиславъ, съ другой Брючиславъ, оспаривали скипетръ Владиміровъ у Ярослава? Мы не видимъ здѣсь ни похода Ярослава противъ Польши въ слѣдствіе союза съ Генрихомъ II, ни повода, по которому Болеславъ помогалъ Святополку, ни даже того, что послѣдній былъ зять первому; не видимъ ни цѣли, ни конца войны Брючиславовой, — ни зачѣмъ Ярославъ оставилъ Кіевъ и жилъ въ Новѣгородѣ по 1024 годъ. Но за то находимъ небывалое въ Исторіи дѣло: Болеславъ занялъ Кіевъ, и спокойно предавался тамъ разврату, а Ярославъ, находившійся тогда въ Новѣгородѣ, въ 1200 верстахъ отъ Болеслава, что, по состоянію тогдашнихъ дорогъ, равнялось 1500 и 1800 верстамъ, такъ испугался этого, что со страху хотѣлъ уйти за море!!..... Подлинно, надо быть страстнымъ любителемъ побѣговъ, чтобъ думать объ ухищленіи за море отъ непріятеля, забавляющагося съ краснымъ личикомъ въ такой далекой странѣ, и даже нетрогающагося съ мѣста! Возможно ли предположить, чтобы Ярославъ, который храбро сражался съ братомъ, и отнюдь не имѣлъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ умѣ, пропустилъ такой удобный случай? чтобы, поддерживаемый деньгами Новгородцевъ и мужествомъ своихъ непобѣдимыхъ Норманновъ, онъ не пытался по крайней мѣрѣ тревожить безпечнаго врага, и безпечнаго до такой степени, что его воины были безъ труда перерезаны Святополкомъ по городамъ? Какое было слѣдствіе пожертвованій Новгородцевъ и «призванія» Варяговъ²¹? Лѣтописецъ не говоритъ о томъ ни слова. Изъ Польскихъ писателей видно, что Ярославъ

²¹ Варяги пришли сами, не будучи призваны Ярославомъ. См. Eymundar Saga. Мы считаемъ всякое слово Лѣтописца за фактъ, а онъ очевидно не дорожилъ словами!

трижды предпринималъ нападенія на войска Боле-слава, пребывающаго въ Кіевъ, и что даже гнался за нимъ до Бреста, когда тотъ уходилъ отъ измѣны съ богатствами Кіевлянъ и его сестрами. Оно и не могло быть иначе. Правда, походъ его къ Бресту упомянуть, но когда? — въ 1022 году! Посчитаемся съ вѣроятностями, и скажемъ, по совѣсти, что такъ писать Исторію своего отечества, значить или вовсе ея не знать, или желать заслужить похвалу за слогъ, а не довѣріе Критики. Впрочемъ, мы отнюдь не обвиняемъ Лѣтописца: въ его время никто не имѣлъ понятія объ исторической точности выраженій, никто не чувствовалъ нужды въ достовѣрности фактовъ. Исторію писали тогда почти такъ же, какъ нынѣ пишутъ историческіе Романы. Мы обвиняемъ только тѣхъ, которые добровольно не хотѣли понять Нестора, и усматривали въ его сочиненіи болѣе настоящей Исторіи, нежели какъ самъ сочинитель желалъ заключить ея въ немъ. Что касается до Исторіи того періода, то даже могъ ли знать ее лучше смиренный монахъ XI вѣка, затворенный въ своей кельѣ, спустя 70 или 80 лѣтъ послѣ событій, которыя описывалъ? Могъ ли писать ее иначе челоувѣкъ, воспитанный въ такой исторической школѣ, какова была школа Византійскихъ писателей? Чтобъ видѣть духъ Несторовой Лѣтописи, какъ въ зеркалѣ, довольно одинъ разъ въ жизни имѣть терпѣніе прочитать въ подлинникъ нѣсколько томовъ ихъ сочиненій. Вся ея повѣсть о разсматриваемомъ нами періодѣ, слѣпленная изъ намѣтковъ, отрывковъ, пропусковъ, недоказанныхъ происшествій и изысканныхъ подражаній, не представляетъ для Исторіи другой пользы, кромѣ лѣточисленія, если только оно исправно; но мы не въ силахъ повѣрить, чтобы набожный сочинитель, занятый только изящностью слога и драматическою

частью повѣствованія, совершенно чуждый политическимъ понятіямъ и такъ небрежно описывающій достопримѣчательнѣйшія событія, болѣе обращалъ вниманія на годы, чѣмъ на самыя дѣла²².

Теперь перейдемъ къ «Исторіи Россійскаго Государства». Должно, по-истинѣ, съ одной стороны сожалѣть объ Историкѣ, принужденномъ составлять картину эпохи изъ подобныхъ матеріаловъ, и съ другой удивляться таланту Карамзина, который умѣлъ извлечь изъ нихъ нѣсколько занимательныхъ страницъ для своей книги. Слѣбое довѣріе, которое, по приказанію великаго Критика, питалъ онъ къ этой Лѣтописи, препятствовало ему чистосердечно и откровенно употребить преданія иностранныхъ писателей: если что-нибудь заимствовалъ онъ изъ послѣднихъ, то вносилъ это въ свой текстъ съ недовѣрчивымъ вздохомъ, или поспѣшно пряталъ въ Примѣчанія. Затѣмъ, ему оставалось только паразитировать Нестора; прикрасить цвѣтами новаго слога начертанные краснорѣчивымъ отшелъникомъ

²² Мнѣніе наше о лѣтописи Нестора можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ только тѣмъ, которые привыкли думать объ ней чужимъ образомъ мыслей, и сами никогда не изучали ея въ пользу своего безпристрастія. Вы согласны въ томъ, что, послѣ Шлецера и Карамзина, для насъ оно слишкомъ смѣло, но оно по крайней мѣрѣ не ново на Руси, и чуть ли не такъ же старо, какъ и самая Лѣтопись. Не говоря уже о Татищевѣ, который писалъ объ ней не весьма лестное понятіе, и провинчателности котораго Шлецерысты не умѣютъ или не хотятъ отдать должной справедливости, мы напомнимъ здѣсь только то, что извѣстный отрывокъ Якимовой лѣтописи начинается тѣми словами: *О Князѣхъ Русскихъ старобытныхъ Несторъ монахъ недобръ свидомъ бѣ*, и проч. И такъ, еще до просвѣщенія у насъ уже сомнѣвались въ историческомъ достоинствѣ Несторовой книги. Надобно было, чтобъ ученая Геттингенская Критика, гордо толкуя все для мнѣнго открытія истины, пришла увѣрить насъ, что одно до стоющее нашего поклоненія есть именно то, что искони было извѣстно у насъ, какъ неосновательное!..... И мы повѣрили, не разбирая!

романтическіе виды сраженій, и замѣнить сухость остальныхъ фактовъ философскою чувствительностью. Онъ такъ и сдѣлалъ. Предположивъ, что сентиментальный Ярославъ возсталъ на брата, чтобъ наказать въ немъ изверга; что онъ занимался утѣшеніемъ жителей Кіева послѣ пожара, и потому не имѣлъ времени приготовиться къ защитѣ противъ Ляховъ; сдѣлавъ ему строгое замѣчаніе за то, что онъ не воспользовался войною Болеслава съ Генрихомъ II, для ослабленія общаго врага; изъявивъ на Ярополка благородный гнѣвъ за умерщвленіе тѣхъ, которые возвратили ему престолъ, и ловко пропустивъ все дѣло о бѣсѣ, Карамзинъ передалъ намъ слова Лѣтописи въ переводѣ на прекрасный языкъ, который самъ онъ создалъ. Къ удивленію, онъ даже серіозно повторилъ неумѣстную ея шутку объ испугѣ Ярослава и отчаянномъ его желаніи бѣжать изъ Новгорода *за море* отъ непріятеля, пирующаго *за-горами за-лѣсами*, въ 1200 верстахъ оттуда; но вмѣсто варварскаго слова *за море*, онъ выразился гораздо ученѣе, — *въ Норвегію!* Впрочемъ, не одинъ Карамзинъ серіозно повторилъ ее. Такъ на свѣтѣ иногда довольно, чтобы кто-нибудь сказалъ, не улыбаясь, вопіющую несообразность, и многіе *зѣло смысленные* мужи стануть пересказывать ее за историческую истину!..... Касательно борьбы съ Брячиславомъ, Карамзинъ самъ отмѣтилъ явный пропускъ въ Несторѣ, и вышутался изъ дѣла догадкою, что вѣроятно война эта кончилась, какъ всѣ войны, — трактатомъ.

Въ такомъ положеніи историческихъ свѣдѣній объ этомъ любопытномъ, исполненномъ движеніи, жизни и великихъ дѣлѣ, періодѣ, является Эймунова Сага. Эймундъ, сынъ одного удѣльнаго Норвежскаго

Конунга²³, во время отлучки своей на витязество, былъ лишенъ своихъ владѣній Св. Олафомъ, который сдѣлался единодержавнымъ Государемъ всей

²³ Мы принуждены удержать этотъ титулъ, по невозможности выразить его вышшими названіями. Славянское *Князь* сдѣлало въ Германскаго *konun, koning* или *koenig*: въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Германскія слова, переходя въ старинныя Славянскія нарѣчія, всегда подвергались переставленію гласной со втораго мѣста на третье. Это коренное правило стариннаго ихъ консонантизма: напримеръ, *gard*, градъ, гродъ (городъ); *melt*, млатъ, млетъ (молоть); *Karl*, краль, кроль (король); *bard*, брада, брода (борода), и проч. Такимъ образомъ и слово *konung* (конюнгъ), или *koning*, сперва превратилось въ устахъ Славянъ въ *кнюнгъ* или *кмингъ*, а потомъ, смотря по духу нарѣчій, потеряло или удержало носовой звукъ *ng*, съ обыкновенною переменною буквы *g* въ *zъ*, *z* или *жъ*, и даже *дъ*. Сотни примѣровъ подобныхъ превращеній можно отыскать въ языкѣ: *pfenning*, пенязь, *schelling*, шелязь, *Væring*, Варязь, *messing*, мосязь, *wicking*, *Бѣлорус.* вицязь, *Velikoros.* витязь, *vink*, вазь, и т. п. Такъ, слово *кнюнгъ* или *кмингъ* въ однихъ нарѣчійхъ преобразовалось, и весьма правильно, въ *кнюнзъ*, *кмиондзъ* и *кмионжъ*, отъ чего произошли Польскія *Ksiondzъ* и *Ksionжъ*; въ другихъ, въ *князь* и *кнезь*. Русская женская форма этого слова сохранила даже первобытное Германское окончаніе: *koningin, koenigin, княгиня*. Карамзинъ хотѣлъ производить *князь* отъ *коня* (*конь-азь*, я лошади): надобно полагать, что онъ хотѣлъ только пошутить надъ корне-словами. Какъ слова *konung* и *князь* были тогда однозначачія, то они теперь должны были бы быть переводимы словомъ *король*; Великій Князь Кіевскій, — значило не что иное, какъ Великій Король. Но титулъ *король* (краль) существовалъ уже въ то время, и означалъ гораздо болѣе, чѣмъ тогдашніе *князь* и *koenig*, и чѣмъ вышнее *король*. Слово *князь*, послѣ Карла Великаго, не удовлетворяло уже тщеславію некоторыхъ Славянскихъ вѣстелиновъ, и они начали употреблять имя этого героя вмѣсто титула, называаясь Карлами, *Karl, Kral, Krol, Король*, что у нихъ выражало Императоръ, Кесарь, Царь. Папы и Нѣмецкіе Императоры однако жъ оспаривали у нихъ это пышное значеніе новаго ихъ титула, и переводили его Латинскимъ словомъ *rex*, отъ чего онъ мало-по-малу сравнялся съ титуломъ *koenig*, и, возвысивъ послѣдній, тѣмъ самымъ унижилъ значеніе слова *князь*, которое уже навсегда осталось ниже званія *koening* или *konung*. Мы не находимъ другаго средства къ восстановленію прежняго порядка въ значеніяхъ этихъ словъ, разстроеннаго игрою человеческой гордости, какъ сохраняя Скандинавскимъ удѣльнымъ Княземъ подлинный ихъ титулъ «Конюнгъ». Замѣтимъ еще мимоходомъ, что и слово *книга*

Норвегіи. Возвратясь въ отечество, онъ увидѣлъ себя изгнанникомъ, и предложилъ своимъ витязямъ, кемпенамъ и воинамъ, отправиться въ Россію, гдѣ, какъ ему было извѣстно, сыновья Владиміра начинали спорить между собою о наслѣдствѣ.

Эймундъ, котораго ученые Издатели Саги считаютъ потомкомъ Эймунда-Древняго, предъ-Рурикова обладателя Россіи, съ другомъ и товарищемъ своимъ Рагнаркомъ и шестьюстами воинами, прибылъ въ Новгородъ еще до начала междоусобій Владиміровичей, и вступилъ въ службу Ярослава. Онъ скоро сдѣлался его другомъ и совѣтникомъ. По словамъ Саги, война со Святополкомъ, который въ то время назывался Буриславомъ, или по крайней мѣрѣ такъ былъ именуемъ при Ярославовомъ Дворѣ²⁴, возгорѣлась по поводу требованія имъ отъ

происходить отъ того же корня, и, подобно Латинскому register, вероятно означало въ древности царскій, княжескій (книжскій) указъ или податной списокъ.

Говоря о Норманнахъ, мы считаемъ необходимымъ употребить еще другое слово, въ первоначальномъ его значеніи, именно, *виплажество*, *vikingship*, чтобъ опредѣлить ремесло и сословіе, нынѣ вовсе неизвѣстныя. Витязь, *viking*, собственно означалъ морскаго богатыря, проводящаго жизнь въ набѣгахъ, приключеніяхъ и опасностяхъ, «для чести и богатства», и слово «виплажество» будемъ мы приводить въ смыслѣ «морскаго удалства, основаннаго на грабежѣ и славѣ».

²⁴ Извѣстно, что Варяжскіе Князья имѣли по нѣскольку именъ, въ которыхъ одними назывались они дома, другими въ народѣ, третьими въ войскахъ, и т. д., чтобъ скрыть настоящее свое имя, и тѣмъ предохранить себя отъ испорченія колдовствомъ, требующимъ всегда знанія собственнаго имени лица для своихъ заклятій. Быть-можетъ, что въ Новгородѣ это имя было даваемо Святополку въ порицаніе, ибо «Буриславъ», *Buryslaw*, значитъ то же, что «разрушитель», и составляетъ нѣкоторую противоположность съ значеніемъ слова «Святополкъ». Если супруга Святополка называлась Буриславою, *Buryslaw* (многія Польскія Княжны носили это имя), то соперникъ Ярославовъ могъ принять его въ угодность своей женѣ или своему тестю.

Ярослава уступки нѣкоторыхъ областей. Ярославъ хотѣлъ уже согласиться на домогательства брата, какъ Эймульдъ отсовѣтовалъ ему столь опасную уступчивость, и убѣдилъ искать счастья въ оружіи. Послѣдовало сраженіе при Любечѣ: подробности этого блистательнаго дѣла читатели наши найдутъ въ самой Сагѣ, которая въ слѣдующей книжкѣ «Библиотеки для чтенія» будетъ напечатана въ Русскомъ переводѣ, съ приложеніемъ Исландскаго текста, ибо мы увѣрены, что всякому будетъ пріятно увидѣть въ то же время и образецъ языка Руссовъ. Здѣсь остановимъ мы ихъ вниманіе только на обстоятельствахъ, сходствующихъ съ разсказомъ Нестора, или ему противорѣчащихъ.

Сага, подобно нашей Лѣтописи, изъясняетъ, что сраженіе происходило въ лѣсномъ мѣстѣ, на берегу большой рѣки (Днѣпра); что обѣ враждующія рати раздѣлены были ею, и что дѣло рѣшилось ночнымъ нападеніемъ на Святополка, въ тылъ его стана. Эти три главныя черты событія составляютъ все сходство двухъ описаній, и ясно удостовѣряютъ, что Исландское сказаніе не есть вымыселъ, но подлинное свидѣтельство очевидцевъ и участниковъ битвы. Прочія подробности сходны только по названіямъ вещей, но совершенно разны въ ихъ существѣ. Несторъ говоритъ, что обѣ арміи стояли одна насупротивъ другой три мѣсяца, — онъ могъ бы сказать намъ при этомъ случаѣ, чѣмъ онъ удовольствовались все это время? — не смѣя *ни тинъ на сихъ, ни сн на тинъ*. Сага утверждаетъ, что онѣ провели въ виду другъ друга только четыре дня; что Ярославъ не рѣшался на сраженіе по обыкновенной своей безпечности, но что Эймундовы Варяги стали обнаруживать нетерпѣніе, выпросили у Ярослава согласіе, переплыли рѣку ночью, и, обо-

недѣ непріятеля льсомъ, напали на него сзади. Сраженіе завязалось вдругъ съ двухъ сторонъ, и Эй-мундъ рѣшительнымъ ударомъ одержалъ побѣду для Новгородскаго Князя, послѣ ужасной свчи. Такимъ образомъ Ярославъ не переправлялся самъ ночью черезъ рѣку, и слова Лѣтописи, *исполнивъ дружину, надо понимать въ смыслѣ, отрядивъ Варяговъ.*

Уменьшеніе времени стоянія арміи отъ трехъ мѣсяцевъ до четырехъ дней разрушаетъ всю драматическую часть описанія этой битвы Несторомъ, который вывелъ на сцену Святополкова воеводу, укоряющаго Новгородцевъ медлительностью и плотничествомъ, и Ярослава хромотою. Впрочемъ, приведенное нами мѣсто о Болеславѣ неоспоримо доказываетъ, что разговоры и рѣчи героевъ Лѣтописи выдуманы самимъ лѣтописцемъ, и служатъ только выраженіемъ его притязанія на изящность слога и желанія подражать Византійскимъ риторамъ - историкамъ.

Лѣтописецъ переименовалъ дѣло о лодкахъ, а Карамзинъ изъ недоразумѣнія сдѣлалъ изъ того подвигъ. Первый сказалъ только, что дружина, переправясь ночью черезъ рѣку, оттолкнула лодки отъ берега. Исторіографъ, парафразируя лѣтописца, одушевилъ этотъ мертвый фактъ истинно Римскимъ чувствомъ: «оттолкнули лодки отъ берега, говоритъ онъ, желая побѣдить или умереть». Прекрасно! Жаль только, что лодки принадлежали Варягамъ, и были нагружены ихъ имуществомъ: смѣтливые Скандинавы, опасаясь, чтобы, въ случаѣ неудачи, онѣ не достались въ руки непріятелю, еще до сраженія *оттолкнули ихъ отъ берега*, но только для того, чтобъ оттянуть вверхъ по рѣкѣ и поставить подальше отъ стана. Такъ разочаровываются читатели краснорѣчивыхъ Исторій.

Домыселъ о тайномъ согласіи одного изъ Святополковыхъ военачальниковъ съ Ярославомъ можетъ быть пропущенъ безъ всякаго разбора. Тайныхъ вещей никогда доказать нельзя, спустя слишкомъ полвѣка.

Послѣ Любецкаго сраженія, слѣдуя Сагѣ, разнесся слухъ, будто Святополкъ погибъ. Ярославъ занялъ Кіевъ. Несторъ бѣгло упоминаетъ, что Святополкъ скрылся въ *Ляхи*. Сага указываетъ, напротивъ, со всеми подробностями, что онъ сперва ушелъ въ Бярмію, которая, какъ мы прежде сказали, была вовсе не то, что полагалъ объ ней Карамзинъ. Бярмія еще въ XI вѣкѣ считалась «многолюднымъ и сильнымъ» государствомъ, и производила значительную торговлю. Впрочемъ, какъ Святополкъ былъ разбитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, правую сторону котораго занималъ непріятель, то, по всемъ обстоятельствамъ, ему было удобнѣе кинуться отъ Любеча на сѣверо-востокъ, въ Бярмію, чѣмъ переходить рѣку и пробираться въ Польшу длиннымъ и опаснымъ путемъ. Польскія владѣнія начинались не ближе Буга. Святополкъ не могъ уйти туда иначе, какъ черезъ Кіевъ. Если бъ онъ обратился въ ту сторону, то прежде всего искалъ бы спасенія въ своей столицѣ; а однажды забравшись въ Кіевъ, онъ не отдалъ бы его даромъ, и былъ бы въ состояніи держаться еще долгое время, имѣя въ укрѣпленномъ городѣ всѣ нужныя средства къ защитѣ. Спустя два года, Кіевъ могъ сопротивляться грозному завоевателю, Болеславу: тѣмъ менѣе Святополкъ дрожалъ бы въ его стѣнахъ предъ слабыми силами Ярослава, если бъ ему удалось отступить къ югу, по дорогѣ къ Польшѣ. И такъ, простое разсмотрѣніе мѣстностей событія уже достаточно убѣждаетъ, что онъ былъ отрезанъ отъ Кіева и отъ пути на югъ, и принуж-

день броситься въ противоположную своимъ владѣніямъ сторону. Лаконизмъ летописца, — *И одолѣлъ Ярославъ, и уѣхалъ Святополкъ въ Ляхи*, — означаетъ все и ничего: это не описаніе факта, но только его границы, начало дѣла и конецъ, между которыми очевидно помѣщался извѣстный рядъ забытыхъ, или нарочно пропущенныхъ, происшествій. По свидѣтельству Саги, Святополкъ прежде бросился въ Бярмію: это слово иногда принимается въ общемъ значеніи сѣверо-восточной части нынѣшней Россіи, и мы, не признавая здѣсь ему большей опредѣлительности, понимаемъ Скандинавское выраженіе въ томъ смыслѣ, что онъ ушелъ отъ Любеча къ сѣверу, къ Финнскимъ племенамъ, обитавшимъ въ той сторонѣ частію въ земледѣльческомъ, частію еще въ кочевомъ состояніи²⁵. Ярославъ безпрепятственно занялъ его столицу. Но на слѣдующую весну Святополкъ неожиданно появился подъ стѣнами Кіева съ

²⁵ Показаніе Саги вполнѣ поддерживаеъ и Новгородскій Летописецъ. Онъ положительно говоритъ, что послѣ Любецкаго сраженія Святополкъ уѣхалъ, не въ Польшу, но къ «Печенѣгамъ», что также не болѣе опредѣляетъ народъ, у котораго искалъ онъ пристанища, какъ и слово Бярмія, ибо «Печенѣги» у насъ и «Бярміяны» у Норманновъ нерѣдко означали разныя поколѣвія, обитавшія въ восточной части Россіи, которыя теперь ученымъ образомъ называемъ мы Финскими. Вотъ, что Новгородскій Летописецъ повѣствуетъ о Любецкомъ сраженіи, которымъ началась война между двумя братьями: «И въ томъ вечерѣ перевозиси Ярославъ на другой полъ Двѣпра, и лодь «отринуша отъ берега; и бысть съчъ зль, и до свѣта побѣдиша Ярополка; и бѣжа Святополкъ въ Печенѣги, а Ярославъ иде къ Кіеву, «и сѣде на престолѣ отца своего, Володимира; и нача вое свое дѣлати», и проч. Предубѣжденіе Карамзина въ пользу Кіевскаго Летописи, насильственно внушенное ему рѣзкою Критикою Шлёцера, заставило его пренебречь такимъ яснымъ преданіемъ. Но теперь, когда, противъ одного бѣлаго указанія Несторова, имѣемъ мы два полныя свидѣтельства, отечественное и иностранное, изъ которыхъ одно принадлежитъ очевидцамъ дѣла; когда оба свидѣтельства согласно утверждаютъ, что Святополкъ сперва бросился не въ Польшу, но къ другому народу, этотъ фактъ получаетъ всю нужную историческую достовѣр-

многочисленную ратию Бярмійцевъ, то есть, Финновъ. Целья двѣ главы Саги посвящены подробно описанію, какимъ образомъ узнали въ Кіевѣ о приближеніи Ярополка со стороны сѣвера; какъ Ярославъ съ Эймундомъ наскоро укрѣпляли городъ, и какою хитростью, оставивъ двое воротъ незапертыми, и накрѣпко затворивъ прочія, возбудили въ Финнахъ желаніе, вмѣсто осады, предпринять приступъ, который искусно навели они на эти два пункта, гдѣ заранѣе сосредоточили свои силы. Одни ворота Великій Князь защищалъ самъ лично; у другихъ начальствовали Эймундъ и Рагнарь. Завязалось жаркое сраженіе. Бярмійцы вторглись въ городъ. Ярославъ былъ тяжело раненъ въ ногу. Однако жъ, осажденные, употребивъ послѣднее усиліе, выгнѣснили непріятеля, который отступилъ въ безпорядкѣ и претерпѣлъ совершенное пораженіе. Святополкъ бѣжалъ. Побѣдители гнались за Бярмійцами до самаго лѣса, и убили Святополкова хоругвеносца²⁶. Послѣ сраженія опять распространился слухъ, будто и самъ Святополкъ лишился жизни. Ярославъ считалъ себя въ безопасности.

Въ этомъ мѣстѣ находится въ Сагѣ большой пропускъ, о которомъ мы уже упомянули. Отъ Кіева Святополкъ очень удобно могъ бѣжать въ сосѣднюю Польшу, гдѣ Болеславъ, побѣдитель Нѣмецкаго Императора, готовилъ уже войну Ярославу за союзъ его съ первымъ, ожидая только заключенія трактата, чтобы всѣми силами ударить на Кіевъ. Зная честолюбивый характеръ этого завоевателя, можно полагать навѣрное, что не мщеніе за обиду зятя,

и гораздо болѣе заслуживаетъ занять мѣсто въ Исторіи, нежели извѣстіе, которое доселѣ почиталось негомѣтнымъ единственно на основаніи страннаго догмата о безошибочности перваго нашего риторъ, Нестора.

²⁶ Лѣса начинаются къ сѣверу отъ Кіева.

но страсть къ покореніямъ и известное его желаніе, сдѣлать Кіевскихъ Князей своими вассалами, руководствовались замыслами Болеслава, и Святополкъ только воспользовался готовыми обстоятельствами. Впрочемъ, онъ въ самомъ дѣлѣ принялъ было это унижительное условіе, и оно весьма естественно объясняетъ въроломный его поступокъ съ тестемъ и своимъ благодѣтелемъ: Святополкъ не видѣлъ другаго средства освободиться отъ верховной власти (*suzéraineté*) Короля²⁷.

Очень легко быть можетъ, что молчаніе Саги обо всемъ періодѣ Польской войны и о сраженіи при Альтѣ между Святополкомъ и Ярославомъ, когда первый вторично прибѣгнулъ къ пособію Печенѣговъ, или другихъ народовъ, обитавшихъ въ той сторонѣ, происходитъ отъ того, что Эймундъ съ своею дружиною не участвовалъ въ этихъ происшествіяхъ. Не смотря на дружбу его съ Ярославомъ, который, по свидѣтельству Исландцевъ, былъ отъ природы не хромъ, а чрезвычайно скупъ, храбрый Конунгъ безпрестанно осорился съ нимъ за жалованье своимъ Норманнамъ: всѣ почти главы Сказанія оканчиваются спорами за деньги. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что уже послѣ битвы при Альтѣ, когда Святополкъ не было въ Россіи, Эймундъ заключилъ новыя условія съ Великимъ Княземъ, и они опять были хорошіе пріатели. Съ этой эпохи и Сага возвращается къ описанію событій, съ прежнею отчетливостью въ подробностяхъ.

²⁷ Мы разсуждаемъ здѣсь въ смыслъ гипотезы, которою Карамзинъ старался объяснить темное, отрывистое преданіе Нестора; но, по нашему мнѣнію, самый намѣкъ, что Болеславъ взялъ съ собою «имѣніе и бодръ», ясно доказываетъ, что избіеніе Ляховъ произошло совсѣмъ не по драматическому обороту слога Лѣтописи, и что Король силою разгребилъ Кіевъ: въ томъ сознаются и Польскіе лѣтописцы, сказаніе которыхъ обо всемъ этомъ происшествіи гораздо отчетливѣе и совершенно согласно съ историческимъ правдоподобіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Несторъ изобразилъ Святополка слишкомъ мрачными красками.

Лѣтописецъ, изобразивъ весьма подробно боренія Святополка съ бѣсомъ, говоритъ, что Святополкъ убѣжалъ между Чехи и Ляхи, и тамъ положилъ жизнь. Карамзинъ, не догадываясь, что выраженіе между Чехи и Ляхи есть родъ шутовой поговорки, донинѣ известной въ Польскомъ языкѣ²⁸, принялъ ее за историческое показаніе, и сказалъ нѣсколько ученѣе, что Святополкъ погибъ въ «Богемскихъ горахъ». Однако жъ Богемскія горы находятся въ Богеміи, а не между Чехи и Ляхи?.... Но довольно было прибѣгнуть къ Географіи и нѣсколькимъ страницамъ достовѣрной Исторіи, чтобъ примѣтить, что слова Лѣтописи не имѣютъ ни какого значенія. Болеславъ не принялъ Святополка въ свои владѣнія. Между Польшею и Богеміею лежитъ Силезія и Моравія. Первая составляла тогда часть Польши; вторая также принадлежала Болеславу, по силѣ послѣдняго трактата съ Императоромъ, который достигъ мира уступкою этой провинціи. Гдѣ же погибъ Святополкъ?.... Онъ погибъ въ Россіи, измѣною. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, что объ его кончинѣ длинно повѣствуетъ Сага, чтеніе которой изумитъ всякаго отвратительнымъ чистосердечіемъ, съ какимъ виновники злодѣянія сами рассказываютъ о своемъ гнусномъ поступкѣ, хвастая имъ, какъ доказательствомъ Норманнскаго молодечества.

Не нашедъ пріюта въ Польшѣ, Святополкъ еще не разстался съ надеждою исторгнуть у брата Кіевскій престолъ. Онъ удалился къ Половцамъ, и провель зиму въ ихъ юртахъ. Только весною узнали въ Кіевѣ, что онъ опять идетъ на Ярослава съ востока «съ Турками, Бѣло-Куманами и многими дру-

²⁸ Miedzy Czechy i Lechy значить — Богъ-вѣсть, гдѣ и какъ!

гимн злыми народами²⁹». Эймундъ былъ тогда въ ссорѣ съ Ярославомъ по случаю неуплаты жалованья : опасность заставила ихъ помириться. Великій Князь сталъ поспѣшно собирать войско, но Эймундъ не совѣтовалъ довѣрять судьбы своей оружію, ибо, какъ ему извѣстно, многіе изъ Русскихъ замышляютъ отложиться и побѣжать съ поля сраженія. — «Какъ же быть?» спросилъ Ярославъ. — «Не прикажете ли убить его?» воскликнулъ Норвежскій Конунгъ, не запинаясь: «пока оба вы будете оставаться въ живыхъ, этимъ суматохамъ никогда конца не будетъ!» — Ярославъ отринулъ услужливое предложеніе витязя; но, въ слѣдъ за тѣмъ, они удалились во дворецъ, для дальнѣйшаго совѣщанія, и въ одно утро Эймундъ, собравъ достовѣрныя свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ силъ, приказалъ десятерымъ Норманнамъ, въ томъ числѣ товарищу своему, Рагнару, и сочинителямъ этого сказанія, Исландцамъ Рогивальду, Біорну и двоимъ Тордамъ, приготовиться къ тайному отъѣзду. Съ этою горсткою отчаяннаго народа, онъ отправился на встрѣчу Святополку. Они засѣли въ лѣсу, гдѣ, по ихъ расчетамъ, полчища Половцевъ должны были расположиться на ночлегъ; дождалась ихъ прибытія, и, проникнувъ ночью въ ставку Святополка, лишили его жизни. Описаніе всѣхъ подробностей этого дерзкаго, истинно *витязскаго* подвига и хитростей, употребленныхъ для предварительнаго осмотра ставки и избѣжанія бдительности стражей, любители страшныхъ происшествій, мы увѣрены, съ любопытствомъ прочитаютъ въ самой Сагѣ, въ слѣдующей книжкѣ Журнала.

Совершивъ злодѣяніе, Норманны вышли изъ не-

²⁹ Egu pat Tyrkir, ok Blökumenn, ok mörg önnur ill þjóð. *Ey-mundar-saga*.

пріятельскаго стана, не бывъ пойманы, и даже почти не примѣчены. Они принесли голову Святополка въ Кіевъ. Здѣсь личный характеръ Ярослава, благодаря дикой откровенности Скандинавскихъ повѣствователей, является въ прекрасномъ для того вѣка свѣтъ. Онъ отнюдь не похожъ на тотъ торжественно-христіанскій характеръ, какой предполагалъ въ немъ Лѣтописецъ, или, лучше сказать, Карамзинъ, расписывавшій Французскими красками ивнатныя Несторовы скицы. Изъ многихъ мѣстъ Саги видно, что Ярославъ не только не былъ одушевленъ благородною местию, не только не гнушался Святополкомъ, какъ извергомъ и братоубійцею, но еще питалъ къ нему какую-то особенную любовь, и даже почтеніе³⁰. Когда Эймундъ, являсь къ нему съ кровавымъ свидѣтельствомъ ревности своей къ его пользамъ, сказалъ ему на своемъ терпкомъ нарѣчій, въ свирѣпомъ простодушіи сѣвернаго витязя: — Lit þu а, hegga, а höfudhit, ef þér megidh kenna! «Вотъ тебѣ, Государь, голова, если можешь ее узнать!» — Великій Князь покраснѣлъ при видѣ этого ужаснаго залога своей безопасности. — «Этотъ великій подвигъ храбрости совершили мы, Норманны, Государь!» воскликнулъ гордящійся имъ Конунгъ, советуя Ярославу отыскать тѣло несчастнаго и похоронить съ приличною пышностію. — «Опрометчивое дѣло сдѣлали вы, дру-

³⁰ Предполагать въ Варяго-Русскихъ герояхъ того времени вытѣшнія чувства омерзвѣнія къ злодѣяніямъ, значить забывать народный характеръ Скандинавовъ. У нихъ то, что мы теперь называемъ злодѣяніемъ и вѣроломствомъ, считалось славными подвигами, коль скоро было совершено храбро и искусно. Одна лишь трусость называлась безчестіемъ: неустрашимый извергъ всегда снискивалъ уваженіе, и Святополкъ безъ сомнѣнія имѣлъ многихъ обожателей. По понятіямъ своего вѣка, онъ былъ герой и витязь, и почтеніе къ нему Ярославъ не заключаетъ въ себѣ ничего сверхъ-естественнаго: оно доказываетъ только, что Новгородскій Князь былъ Норманнъ душою и сердцемъ.

зья, и на мнѣ тяжело лежащее!» отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ. «Вы его убили, вы же и похороните». — Норманны тотчасъ скрытно отправились на мѣсто убійства, и нашли трупъ Святополковъ, оставленный всѣми, среди пустой поляны, ибо Половцы, какъ скоро узнали на слѣдующее утро объ его умерщвленіи, перессорились между собою и разбрелись, всякой въ свою сторону. Убійцы положили тѣло и голову въ гробъ, и, для тайнаго преданія землѣ, привезли въ Кіевъ. «И отъ этого», присовокупляютъ Исландцы, «погребеніе его мною *гимъ лицамъ* сдѣлалось извѣстнымъ. Вслѣдъ за тѣмъ, весь народъ учинилъ присягу Конунгу «Ярославу, который остался одинъ Конунгомъ обоихъ Государствъ³¹, тогда, какъ прежде они владѣли ими вдвоемъ³²».

Норманны требовали награды за злодѣяніе, безъ котораго, какъ они говорили, Ярославъ былъ бы изгнанъ изъ Кіева. Великій Князь уклонялся, утверждая, что не приказывалъ имъ убивать брата. Тѣ напоминали ему противное. Они поссорились. Тогда Норманны перешли къ Полоцкому Конунгу, Брячиславу. Оставляя Кіевъ, они чуть не похитили Ярославовой жены, Ингигерды, которую спасъ отъ ихъ буйства тотъ же Эймундъ. Разсматриваемая нами Сага сохранила, для потѣхи безпристрастнаго потомства, нѣсколько придворныхъ сплетней той глубокой древности, и мы находимъ въ ней даже соблазнительную летопись Великаго Новгорода. Господа Исландцы намѣкаютъ, что прекрасная Ингигерда, кромѣ мужа, нашла въ своей жизни еще другаго чувствительнаго друга, — Норвежскаго Ко-

³¹ Кіева и Новгорода.

³² И такъ, Святополкъ былъ тайно похороненъ въ Кіевъ. Вотъ настоящій смыслъ выраженія *между Чехи и Алги!*

роля Олафа, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ Шведскимъ Королемъ Олафомъ, ея отцемъ, и который, посѣтивъ супруга ея въ Новгородъ, приобрьлъ—было особенное ея благорасположеніе, но очень тайно и съ соблюденіемъ должныхъ приличій. Мы не советуемъ никому вносить это въ Исторію. Почему знать, какъ это было?..... Правда, что Ярославъ былъ скупъ, хромъ, нерѣшителенъ, слабъ до крайности,..... но возвратимся къ поучительнымъ летописямъ.

Мы знаемъ изъ Нестора начало войны съ Брячиславомъ. О дальнѣйшихъ ея слѣдствіяхъ Летописецъ не говоритъ ни слова. Хотя въ этомъ мѣстѣ текстъ Саги опять претерпѣлъ сокращеніе, то есть, пропускъ одной или двухъ главъ, какъ то всякой легко примѣтитъ при ея чтеніи, но мы еще находимъ въ ней множество любопытныхъ фактовъ. Несогласія Брячислава съ Великимъ Княземъ начались по тому же поводу, по какому Ярославъ взялся за оружіе противъ Святополка. Кіевскій Государь требовалъ уступки или возвращенія нѣсколькихъ городовъ съ ихъ областями. Брячиславъ ополчился. Здѣсь Исландское сказаніе вдругъ прерываетъ рѣчь о военныхъ приготовленіяхъ, и переходитъ къ обстоятельствамъ, которыя положили конецъ междуособію. Норманны узнали, что прекрасная Ингигерда, которая совершенно управляла своимъ мужемъ, должна была пріѣхать въ станъ Великаго Князя, и рѣшились показать Брячиславу образецъ Норвежскаго молодечества. Они ночью подстерегли ее на пути, и похитили такъ ловко, что сопровождавшіе ее въ лѣсу войны не знали, куда она дѣвалась. При ея посредничествѣ заключили миръ. Карамзинъ угадалъ, что война кончилась трактатомъ: мы находимъ въ Сагѣ даже условія этого договора. Ярославъ удержалъ за собою Новгородъ, а Брячиславу уступилъ Кіевъ въ

условное владѣніе, «со всѣми податями и данями». Брячиславъ, со своей стороны, поручилъ Полоцкъ въ управленіе Эймунду, и сверхъ того, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ, далъ ему небольшую область въ удѣльное владѣніе, съ тѣмъ, что, если онъ не оставитъ потомства, область эта возвратится опять къ Ярославу и Брячиславу, которые, жалуя ее храброму Норвежскому витязю, сказали: — «Не хотимъ выпускать его изъ Русской земли.» — Эймундъ обязался за то защищать съ своими Норманнами оба владѣнія, Новгородское и Кіевское, отъ всѣхъ постороннихъ враговъ, и начальствовать на войнѣ отъ имени обоихъ Князей, которые, съ своей стороны, должны были снабжать его войсками и поддерживать своею властію. По кончинѣ Брячислава положено было, Ярославу бытъ единодержавнымъ Государемъ всей Россіи.

Брячиславъ, какъ видно изъ Саги, правилъ Кіевомъ безъ званія Великаго Князя, только какъ жалованнымъ на время удѣломъ, не болѣе трехъ лѣтъ послѣ этой сдѣлки. Тогда (то есть, послѣ заключенія мира съ Мстиславомъ) Ярославъ окончательно «соединилъ оба владѣнія, и уже одинъ управлялъ ими». Эймундъ попрежнему остался Конунгомъ, или Княземъ, своей области, и посмерть носилъ званіе главнаго полководца. Пока онъ исправлялъ защиту Государства, *landvægn*, «отъ имени Ярослава, набѣговъ не было въ Россіи.»

Эймундъ умеръ «не старъ», не оставивъ наследниковъ, и завѣщалъ свое небольшое Княжество, «съ дозволенія Ярослава и Ингигерды», другу и товарищу своему Рагнару, какъ достойнѣйшему и храбрѣйшему изъ своихъ сослуживцевъ³³.

³³ Мы должны предупредить тѣхъ, которые читали Сагу въ Латинскомъ переводѣ, что въ этомъ мѣстѣ ученый ся переводчикъ по

Всѣ эти событія совершенно подходятъ подь бѣглыя, недоказанныя, большею частію весьма поверхностныя показанія Нестора. Мы уже прежде замѣтили, что, съ перваго слова о началѣ войны съ Брячиславомъ, Ярославъ исчезаетъ у него изъ виду на три или на четыре года, какъ бы нарочно, и, въ исходе того времени, появляется проживающимъ не въ Кіевѣ, но въ Новѣгородѣ. Это обстоятельство сильно подтверждаетъ достовѣрность сохраненнаго въ Сагѣ извѣстія, и весьма удобно объясняется ею. Онъ, кажется, проживалъ въ Новѣгородѣ, потому, что уступилъ-было Кіевъ Брячиславу, который, подобно Мстиславу, объявлялъ притязанія на наследство извѣстной части оставшагося послѣ Святополка удыла. Приведенныя здѣсь событія совершенно перемѣняютъ видъ и характеръ княженія Ярослава. Весь этотъ періодъ долженъ быть вновь разсмотрѣнъ и передуманъ, и, подь перомъ Критика искусство и проинципальнѣе насъ, онъ можетъ измѣниться еще болѣе, и даже принять совсѣмъ другую наружность. Во всякомъ случаѣ, Эймундова Сага есть памятникъ чрезвычайно важный для Исторіи той эпохи, и достоинъ вниманія любителей отечественной старины. Мы не побожимся, что все сказанное въ ней есть несомнѣнная истина, также какъ не ручаемся за основательность девяти-десятихъ содер-

неосторожности сившаль нѣкоторыя обстоятельства, и темъ значительно отступилъ отъ точнаго смысла Исландскаго подлинника, что было поводомъ къ большому недоразумѣнію. Мы представимъ читателямъ почти буквальный переводъ ея по-Русски, сдѣланный не съ Латвискаго перевода, но также съ Исландскаго текста, и въ приложенныхъ примѣчаніяхъ объяснимъ, въ чемъ именно состоитъ это недоразумѣніе. По нашему мнѣнію, Сага отнюдь не говоритъ того, что Эймундъ былъ сдѣланъ Молодкимъ Княземъ: ученый Латвискій переводчикъ сдѣлалъ въ одно понятіе рѣчь о двухъ отдѣльныхъ областяхъ, и отъ этого происходятъ вся та значительная разниця, которую читатели не преминутъ замѣтить между нашимъ здѣсь изложеніемъ содержанія последней главы Саги и содержаніемъ ея въ прекрасномъ его переводѣ.

жанія Несторовой Лѣтописи; но истина для древней Исторіи не нужна: для нея довольно правдоподобія, при совершенномъ отсутствіи доказательствъ противнаго. Тогда всѣ вѣрятъ правдоподобию, какъ настоящей истинѣ, и оно ровно столько же приноситъ пользы человечеству. Исторія или Историческая Критика суть, такъ сказать, умственные шахматы, искусная игра въ факты, въ которой проигрывающіе, то есть, читатели, за всякій сдѣланный имъ ловкою діалектикою шахъ и матъ, должны платить наличнымъ довѣріемъ.

Эймуцова Сага пріобрѣтаетъ еще большую для насъ важность, когда вспомнимъ, что она, послѣ исковерканнаго отрывка Якимова Хронографа, есть первый, доселѣ извѣстный, письменный памятникъ Русской Исторіи, древность котораго восходитъ, по крайней мѣрѣ, за пятьдесятъ лѣтъ до Несторовой риторической книги; называемой достовѣрнѣйшею Лѣтописью. Это для обожателей глубокой древности. Для истинныхъ знатоковъ Исторіи, ищущихъ не лѣтосчисленія событій, не мнимой ихъ несомнѣнности, которой никогда доказать невозможно, но ихъ духа, но ихъ связи съ общественнымъ человѣкомъ, и самаго человѣка во всѣхъ его современныхъ видахъ и отбѣнкахъ, она еще важнѣе: они, конечно, вмѣстѣ съ нами не усомнятся отдать внутреннему ея достоинству преимущество предъ достоинствомъ сочиненія Славянскаго вити, и признаться по совѣсти, что если бъ у насъ было двадцать такихъ Сагъ, мы имѣли бы гораздо точнѣйшее понятіе о дѣяніяхъ, духѣ и обществѣ того времени, чѣмъ обладая десятию Лѣтописями, подобными Несторовой.

Подъ 1024 годомъ, Лѣтописецъ упоминаетъ, что, во время войны съ Мстиславомъ Тмутараканскимъ, Ярославъ «послалъ за море по Варяги; и пришедъ»

«Якунь съ Варяги; былъ же Якунь слѣпъ»³⁴», и проч. Этотъ Якунь участвовалъ въ Лиственскомъ сраженіи. Разборъ Несторовой повѣсти о первыхъ годахъ Ярославова княженія обнаружилъ намъ ту неоспоримую истину, что отецъ нашей Исторіи зналъ очень мало достовѣрнаго о происшествіяхъ той эпохи; что онъ перемѣшалъ почти всѣ приводимыя имъ подробности, и всегда говорилъ о событіяхъ только общими словами, болѣе думая о составленіи громкихъ Славянскихъ фразъ, чѣмъ объ исторической точности. И такъ «посланию *за море* по Варяги» нельзя присвоивать буквального смысла. Варяги жили за моремъ: слѣдственно, когда говорится объ ихъ призваніи, слово «за море» незванное само приходитъ подъ перо ритора XI вѣка, подобно какъ у новѣйшихъ краснобаевъ всякой юноша бываетъ «прекрасный», всякая дѣва «преlestная», всякое дерево «зеленое», и всѣ враги «коварные.» Это выраженіе значитъ только, что Ярославъ «призвалъ Варяговъ», а откуда?

³⁴ «Слѣпъ» навѣрное значитъ здѣсь «одноглазый». Это слово вѣроятно принималось и принимается въ томъ же смыслѣ и въ Польскомъ языкѣ, который съ тѣхъ поръ гораздо менѣе измѣнился въ своихъ формахъ и значеніяхъ, нежели Русскій, образовавшійся позже. При помощи Польскаго языка можно объяснить много старинныхъ Русскихъ выраженій. Сверхъ того, нельзя предполагать, чтобы слѣпой человекъ ходилъ драться съ неприятелемъ. Еще одно обстоятельство: оно маловажно, но можетъ служить доказательствомъ тому, какъ произвольно иногда толковалъ Карамзинъ то, чего не понималъ въ Лѣтописцѣ. Несторъ говоритъ: «Былъ же Якунь слѣпъ, и была у него луда золотомъ исткана»: Исторіографъ, представивъ себѣ Якуна совершенно слѣпымъ, сказалъ, что «онъ носилъ на глазахъ шитую золотомъ луду, или повязку», И такъ, слѣпой Норманскій витязь сражался еще, завязавъ себѣ глаза?..... Странная времена! Съ чего Авторъ Исторіи Р. Г. взялъ, что онъ носилъ эту луду *на глазахъ*, и что луда значитъ *повязка*? Лѣтописецъ не говоритъ ни того, ни другаго; луда носилась на груди и на спинѣ, а не на глазахъ. Это родъ стариннаго Польскаго панциря, брони, кольчуги, подбитой подъ платье. *Бѣсъ во образъ Ллха въ лудѣ*, Прол. — Слов. Академіи, — и проч.

— о томъ сочинитель не вѣдаетъ. Имя *Якунъ* очевидно испорчено переписчиками, ибо такого имени нѣтъ въ Скандинавскихъ сказаніяхъ, и Баеръ напрасно потерялъ время, ища въ нихъ этого Якуна, и находя его въ Шведскомъ Королевичѣ *Яковъ*, который, по несчастію для ученаго Академика, не имѣлъ ни какой нужды быть искателемъ приключеній, и не видно, чтобъ когда-либо бывалъ въ Россіи. Сверхъ того, имя *Яковъ* было уже слишкомъ извѣстно Русскимъ Христіанамъ, чтобъ могло въ ихъ устахъ превратиться въ *Якунъ*. Позволительно думать, что въ этомъ словѣ буква *м* ошибочно превращена въ *к*, и что, вмѣсто *Якунъ*, слѣдуетъ читать *Ямунъ*, то есть, *Эймундъ*.

Эймундъ, получившій отъ Русскихъ Князей область, которая, сколько видно изъ Саги, лежала гдѣ-то въ Лифляндіи или Эстляндіи, съ условіемъ содержать *landvegn*, то есть, служить Ярославу на всѣхъ войнахъ съ своими Норманнами, необходимо долженствовалъ находиться въ Ливенскомъ сраженіи, а Несторъ, который ничего не зналъ о послѣдствіяхъ борьбы Великаго Князя съ Брячиславомъ, легко могъ себя представить, что Эймундъ тогда только прибылъ или былъ призванъ въ Россію. Но эта догадка была бы нѣкоторымъ съ нашей стороны оправданіемъ любви его къ исторической истинѣ: мы не беремъ на себя подобной обязанности, и остаемся твердо убѣжденными, что онъ, слѣдуя духу своего вѣка, добровольно измѣнялъ событія, для полноты фразъ, подражанія слогу Библии, и состязанія, на грубомъ своемъ нарѣчьи, съ Византійскими образцами излщнаго.

СЕНКОВСКІЙ.

ВЗГЛЯДЪ

НА

ИСТОРИЮ РОССИИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ЮАННА КАЛТЫ ДО КОНЧИНЫ
ЮАННА III.

(1344. — 1505 годъ.)

=

Минулъ третій періодъ жизни Русскаго народа; прошелъ вѣкъ рабства Русской земли, исчезли Монголы, съ своею дикою, ужасною властію. На восточномъ краю Европы новое, самобытное Государство Русское.

Хотите ли понять всю великость перехода, совершеннаго Русскимъ народомъ со времени кончины Юанна I до кончины Юанна III, въ теченіе ста шестидесяти четырехъ лѣтъ? Поставьте рядомъ изображенія Русской земли въ 1344 и 1505 году.

Небольшое Государство, столицею коего Москва, ничтожный городокъ, съ дѣтинцемъ, окруженнымъ деревянными стѣнами: здѣсь мѣстопробываніе Великаго Князя Московскаго. Ему повинуются, кромѣ окрестностей Москвы, области къ югу до береговъ Оки, къ западу до Можайска. Съ названіемъ *Великаго*, сей Князь обладаетъ Переяславскою и Владимірскою областями; ему покорствуютъ Князья обла-

стей Суздальскихъ, Ярославскихъ, Ростовскихъ; его слушается Новгородъ и Псковъ, боятся и уважають Князя Твери и Рязани. Но что власть его? Едва ли не мечта ничтожная! Онъ вымолилъ эту власть у гордаго своего владыки, Ордынскаго Хана, полукочеваго властителя обширнаго Приволжья и Придонскихъ и Черноморскихъ земель; онъ купилъ ее низкою крамолою, хитрымъ униженіемъ и въроломною гибелью соперниковъ; онъ поддерживаетъ бытіе своего государства притѣсненіями Новгородской вольности и самобытности другихъ Князей. И за всѣмъ тѣмъ, — какъ ненадеженъ жребій его! Явись въ Твери или въ Суздаль человекъ смѣлый, крѣпко владѣющій мечемъ, умѣющій перехитрить его, и гдѣ тогда будетъ Великое Княжество Московское? Одно ли это: малѣйшая прихоть Ордынскаго деспота двинетъ толпу хищниковъ, и на мѣсть Москвы будетъ пепелище, и Князь Московскій погибнетъ подъ ножомъ Ордынскаго убійцы. Орда щадитъ его; но онъ покупаетъ ея милость непрерывными походами въ Сарай, гдѣ платитъ дань тяжкую, отдаетъ кровь и слезы своихъ подданныхъ, бьетъ челомъ Хану, рабски привѣтствуя вельможъ и посланниковъ Орды въ Москвѣ. Орда щадитъ Москву, и другіе Русскіе Князя не смѣютъ возстать. Къ счастью Москвы, ихъ раздѣляетъ взаимная ненависть и крамола; торговый духъ Новгорода заставляетъ сей вольный городъ думать только о самосохраненіи. Но западный сосѣдь Москвы, Литва, могущественная, превышающая Великое Княжество Московское силою, образованностью! Уже рука Гедимина поставила Литву въ рядъ государствъ самобытныхъ; уже Литва обхватила все, что прежде называлось на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ Русью; она преобразовала нравы, обычаи тамошнихъ Руссовъ; она, чуждая имъ Вѣрою и политическою системою, отвсюду

стремится преобладать странами, нѣкогда составлявшими коренныя Русскія области. Полоцкъ, Вольнѣ, Галичъ, Кіевъ и Черниговъ, уже принадлежать ей... Скоро будутъ принадлежать Смоленскъ и страны по Деснѣ, Сеймѣ, Окѣ, Угрѣ. Можетъ ли уцѣлѣть отъ нея Псковъ, и самый Новгородъ! И тогда, что будетъ съ Москвою?

Трепещите за Москву: это будущая Россія. Этотъ обладатель Москвы, есть родоначальникъ будущиѣхъ властителей государства, предназначеннаго рѣшать судьбу Европы и Азіи, внести новую стихію въ человѣчество..... Онъ умираетъ. Слабыя дѣти его должны принять бразды его власти, и спорить за нихъ въ Ордѣ съ другими Русскими Князьями.....

И вотъ Русская земля послѣ кончины Іоанна I.

Прошло полтора столѣтія. Пусть событія отъ времени Калиты будутъ для насъ смутнымъ сномъ; они пролетѣли. Что было слѣдствіемъ ихъ?

Москва столица *Великаго Князя Всея Руси*, которому принадлежитъ обширное пространство земель, объемлющее Сѣверо-Востокъ Европы, отъ Уральскаго хребта до Ледовитата моря, береговъ Балтійскихъ, земель Ливоніи. Къ югу, ему подвластны обширныя земли Рязани, Чернигова, Калуги, Тулы; къ востоку и сѣверу все, что прежде составляло Княжества Суздала, Ярославля, Ростова, Мурома, Владиміра, Твери, вольный Новгородъ и Псковъ: всѣмъ этимъ обладаетъ Москва. Государь Москвы уже не рабствуетъ передъ Азійскими варварами: онъ покорилъ, уничтожилъ ихъ; онъ повелѣваетъ имъ; остатки ихъ или повинуются ему, или дорожать его союзомъ, и ищутъ въ немъ покровитель-

ства. А Литва! Она могущественна, она соединилась съ Польшею; но Москва уже не страшится ея. Еще недавно, въ продолжительной войнѣ, Москва отвяла у Литвы и утвердила за собою то, чѣмъ овладѣла Литва въ бѣдственныхъ для Русскихъ земель времена. Москва простираетъ далѣе свои замыслы: она требуетъ у Литвы и Польши Кіева и Смоленска, и, не боясь уже силы Монгольской, готова на борьбу съ Литвою и Польшею, борьбу кровавую, въковую, долженствующую рѣшиться уничтоженіемъ одного изъ двухъ непримиримыхъ соперниковъ. Они мѣшаютъ одинъ другому двинуться въ міръ Европейскій. Москва еще не вступала въ сей міръ; едва только знаетъ его; но уже знаетъ! Государь Русскій, супругъ Княжны, послѣдней отрасли Греческихъ Императоровъ, видитъ при Дворѣ своемъ посольства Италіи, Германіи, Даніи, Швеціи; онъ, укрѣпитель самобытности Русекаго государства, повелитель многочисленнаго войска и обширныхъ земель, чувствуетъ необходимость умственныхъ пособій, и требуетъ ихъ у Европы, съ изумленіемъ слышащей о новомъ царствѣ на Сѣверѣ. Еще Русь не въдаетъ того, что составляетъ душу Европейской политики, Европейскаго образованія; но Русь пережила уже третій періодъ жизни. Для нея настаетъ періодъ государственной самобытности, политическаго образованія. Для сего будутъ отнынѣ ея войны; въ этомъ заключится ея внутренняя дѣятельность. Новый періодъ уже насталъ. Долго ли онъ продлится? Два столѣтія. Но послѣ сихъ двухъ столѣтій, Русь вполне явится въ изумленный міръ Европы; мечемъ укажетъ въ ней свое мѣсто; духомъ своимъ представитъ новое явленіе въ Исторіи человечества.

И вотъ Русская земля послѣ кончины Іоанна III-го.

Сообразите Русь Калиты съ симъ изображеніемъ, и изумляйтесь!

Мы перешли постепенно въ событія Исторіи Русскаго народа отъ 1341 до 1505 года. Не будемъ спрашивать: какъ совершилось чудное преобразование Княжества Іоанна I въ Государство Іоанна III? Мы видели событія съ половины XIV до начала XVI вѣка. Разсмотримъ здѣсь сущность событій второй половины Монгольскаго владычества надъ Русью, картину, изумляющую тайными судьбами, по коимъ Провидѣніе ведетъ народы къ предназначенной имъ цѣли въ дѣлѣ человечества.

Неужели преобразование Руси совершалось усиленными дѣйствіями непрерывнаго ряда людей-геніевъ? Нѣтъ! — Неужели у соперниковъ Москвы, удѣльныхъ Русскихъ Княжествъ, Орды, Литвы, не было людей сильныхъ, которые превышали бы духомъ и умомъ своимъ властителей Москвы? Нѣтъ! — Они были.

Здѣсь подтвержденіе мысли, которую постоянно стараемся мы доказать въ Исторіи Русскаго Народа, той мысли, что только непрерывнымъ преслѣдованіемъ главной идеи въ жизни народа, Исторія его дѣлается понятна и ясна. Безъ того, Исторія будетъ безсвязнымъ лепетомъ вѣковъ, но не повѣстью о судьбахъ Провидѣнія таинственнаго.

Мы старались уже показать основную идею, какая заключается въ Монгольскомъ періодѣ Русской Исторіи, и подтвердили ее разсмотрѣніемъ первой половины сего періода¹. Посмотримъ теперь, какъ соеди-

¹ Начало I-й главы, V книги Ист. Русскаго Народа.

няется вторая половина съ тѣмъ, что началъ буйствомъ Андрей Ярославичъ, продолжилъ дерзостью Георгій Даниловичъ, укрѣпилъ хитростью Іоаннъ Калита.

Что собственно сдѣлалъ Калита? Онъ утвердилъ идею преобладанія Москвы надъ другими Русскими областями; передалъ своему роду прочное владѣніе съ титуломъ и властію Великокняжества; указалъ потомкамъ вѣрныя средства продолжать начинанія Данила, Георгія и свои собственные.

Москву окружали соперничествовавшія съ нею Великія Княжества Твери, Рязани и Суздаля, и Удѣльныя Княжества Ростова, Ярославля, Галича. Мысль, надвѣять удѣлами сыновей, разъединяла собственную силу Москвы. Наконецъ, съ Востока тяготила ее Орда Монгольская; съ Запада грозила ей Литовская сила.

Умирая, Калита оставилъ сыну своему средства занять его мѣсто, и удержать все существовавшія при немъ отношенія Москвы. Что же сдѣлалъ сынъ его, Симеонъ? Онъ продолжилъ на тринадцать лѣтъ политическую систему своего отца: рабствовалъ Монголамъ, хитрилъ съ Литвою, стѣснялъ Новгородъ и Удѣльныхъ Князей. Такимъ образомъ, послѣ сороколѣтняго времени рабства, до Андрея Александровича, и 50-ти лѣтъ гибельныхъ крамоль, до Калиты, 25 лѣтъ продолжилась постоянная система преобладанія Москвы.

Послѣ смерти Узбека, Орда была терзаема междоусобіями, при Чанибегъ, Бердибекъ, Урусъ, Хидыръ. Литвою обладалъ сильный Олгердъ; но его занимало укрѣпленіе самобытности Литовской.

Москва подвергалась страшной опасности, когда скончался Симеонъ. Слабый братъ его, Иоаннъ, и малолѣтнѣйшій племянникъ, Дмитрій, утратили было, не только преимущества Москвы, но даже и самое званіе Великихъ Князей. Но здѣсь является великій Алексій Митрополитъ. Какъ смѣло и глубоко измѣнилъ сей Святитель существенныя силы Москвы и политическія отношенія событій! Его политикою, Великое Княжество снова за Москвою. Но система Калиты и Симеона для нея уже недостаточна. Не одно униженіе, не одна крамола, но умъ, сила религій, воинская дѣятельность укрѣпляютъ, величаютъ ее. Литва и Орда опомнились. Онъ стремятся на Москву.

Характеръ Алексія высокъ; характеры Дмитрія и Владиміра прекрасны. Соединеніе ихъ трехъ непобѣдимо. Посмотрите, какъ Москва быстро, смѣло вырываетъ Великое Княжество изъ рукъ слабого Дмитрія Суздальскаго; какъ она усыпляетъ Мамай покорностью, и дерзко унижаетъ Тверь, противится Олгерду! Бытіе спасено. Настоящее ручается за побѣду въ будущемъ. Настала пора обнажить мечъ защиты противъ Ордынцевъ. Но точно ли настала она? Великъ Богъ; религія предводитъ; ратники ищутъ не побѣды, но спасенія отчизны, и — Куликовская битва отгрянула побѣдною пѣснію. Но того, кто благословилъ на борьбу, Алексія, уже нѣтъ, и побѣда Куликовская является безплодною, рановременною, ибо она не сразила Орды, показала только ей опасность успленія Москвы, — и Тохтамышъ мститъ Москвѣ, и все оставляютъ Дмитрія! Ужасы, какихъ со временъ Калиты не испытывала Русь, испытываетъ она теперь. Духъ Дмитрія упалъ; онъ унижается, рабствуетъ! Гдѣ же плоды трудовъ дѣда, дяди его, Святителя Алексія, событій, пригото-

влявшихся цѣлымъ столѣтіемъ? Чтѣ, если Тохтамышъ вполнѣ узнаетъ ослѣпленіе, губившее его предшественниковъ, и укрѣпитъ Ордынскую силу? Если и въ Литвѣ явится новый Олгердъ? Если и среди Русскихъ Князей возстанутъ противники сильные? Все это исполнилось: Тохтамышъ скрѣпилъ своею рукою распадавшуюся Орду; въ Литвѣ явился Витовтъ, Государь сильный, хитрый, завоеватель ненасытный; въ Твери княжить мужественный Михаилъ, въ Рязани предприимчивый Олегъ. Москвѣ погибнуть!

А Провидѣніе? «Провидѣніе, удивляющее насъ въ слабости человѣческой, умудряющее слѣпца, поведетъ и слабыхъ, и безсильныхъ, къ величію, чести и благу подвластныхъ имъ; предъ ними падутъ люди, далеко превьшавшіе ихъ умомъ и крѣпостію души».....

Кромѣ того, что ни какія силы человѣческія не могли уже возвратитъ Монголамъ времени прошедшаго, Тохтамышъ, въ безумномъ ослѣпленіи, вступаетъ въ борьбу съ рѣшителемъ судьбы полу-міра, Тимуромъ, и, презрѣннымъ изгнанникомъ, бѣжитъ предъ лицомъ его. Тимуръ идетъ на Волгу изъ средины Азіи, — спасти Русь. Михаилъ Тверской, врагъ Москвы непримиримый, но великодушный: онъ не зоветъ на нее поганыхъ. Олегъ Рязанскій мирится съ Москвою, и враждуетъ противъ Литвы. Дмитрій умираетъ, памятный не только первою побѣдою надъ Монголами, но и тѣмъ, что онъ первый оставилъ мелкую крамолу противъ Новгородцевъ, и смѣло показалъ этому вольному городу его безсиліе. Дмитрію, первому съ начала Руси, уступилъ пра-

• Ист. Р. Н. т. IV, стр. 44.

во старшинства брать его, великодушный Князь Владиміръ: другое важное отношеніе! Отнынѣ Великое Княжество будетъ безспорно въ одномъ родѣ. Слѣдствія сего дѣла безчисленны: отнынѣ одна политика будетъ одушевлять Князей Московскихъ; прекратятся переходы Бояръ; дружины и подвластные будутъ усердствовать повелителямъ, ибо не станутъ ожидать милости властителей изъ другаго рода.

Но въ Ордѣ является Эдигей, человекъ смѣлый и сильный. Витовтъ тѣснить Русь отсюда; уже онъ обладаетъ тѣми землями, коими никогда не обладали прежде его Литовцы. Почти со стѣнъ Московскихъ видны рубежи Литвы; Смоленскъ палъ передъ Витовтомъ, а на престолѣ Московскомъ юный Государь, не отличенный блестящими качествами Дмитрія..... Но доблестнымъ Князьямъ теперь и не время: Дмитрій развязалъ Русскую душу; ей опять надобно засыпить себя, скрыть мечъ побѣды, задушить клики воинскіе: надобенъ новый Калита, — и Василій Дмитріевичъ, Васисій Васильевичъ были истинные потомки Калиты! Надобно же было имъ обоимъ долголѣтствовать: ихъ княженіе продолжается семьдесятъ три года, не ознаменованное ни побѣдами, ни славою, смутное, тяжкое. Но послѣ нихъ Русь уже безопасна, Москва крѣпка, всѣ задачи ея государственнаго бытія приготовлены къ рѣшенію.

Чудною спибкою страстей и отношеній политическихъ, Тимуръ былъ истребителемъ Золотой Орды, и только взглянулъ на Русскую землю. Остатки Орды, соединенные съ Залицкими Ордами Эдигей, сдѣлались опять страшны; но о силу ихъ разбилось могущество Витовта, и это столкновеніе съ Литвою, въ то же время, обезсилило снова Орду. Василій

Димитріевичъ былъ необходимою для Руси въ сіи времена. Какъ хитро умѣлъ онъ ладить съ Литвою, держать подъ рукою Новгородъ и Князей, безжалостно губить ближайшую родню свою, Суздальскихъ Князей, пользоваться покорностью Орды, великодушіемъ Тверскаго Князя, бѣдствіемъ Смоленскаго, ненавистію къ Литвѣ Рязанскаго, и опутать Удѣлы неразрываемою сѣтью, утверждая Великое Княжество своему сыну! Но послѣднее усиліе Удѣловъ, этого вѣковаго обычая Русскаго, должно было быть страшно омыто кровію, означено гибелью. Василій Темный, не только потому, что былъ слѣпецъ, но и по душѣ, и по дѣламъ, своимъ Темный, началъ борьбу съ Удѣлами, борьбу послѣднюю, неслыханную. Его враги двоюродные его братья; поприще битвы самая Москва; оружіе — сила, крамола, злодѣйство. Вырѣзываютъ глаза, отравляютъ, губятъ, смѣняются, мелькаютъ на престолахъ быстро, мгновенно³.....

Тогда умеръ Эдигей; Орда распалась рѣшительно; умеръ Витовтъ; Литвою обладаютъ слабые наследники Литовскаго героя. Москва безонасна извнѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Юрій болѣе Василія имѣлъ

³ Никогда борьба Удѣльныхъ Князей съ Великимъ не являлась столь быстрою, отчаянною, свирепою, какъ съ начала княженія Темнаго до смерти Шемяки. Это была какъ-будто послѣдняя, рѣшительная, страшная минута борьбы жизни со смертію! Сколько переворотовъ и событий, самыхъ противоположныхъ! Юрій противится, мирится, идетъ на судъ въ Орду, побѣждаетъ Темнаго, и вдругъ уступаетъ ему; дѣти Юрія изгоняютъ Темнаго; Юрій умираетъ на тронѣ; Шемяка снова уступаетъ Темному Великокняжеству; Косой сражается, побѣждаетъ, ослѣпленъ; Шемяка опять враждуетъ, мирится, низвергаетъ Темнаго, ослѣпляетъ его, бѣжитъ отъ него, мирится, снова враждуетъ, и страшно погибаетъ. И все это въ теченіе 28 лѣтъ! Темный три раза властвуетъ и изгоняется; два Князя ослѣплены, одинъ отравленъ.....

правъ на Великокняжество; что Василій Косой былъ мужественнѣе его; что Шемяка превосходилъ его нравственными качествами. Но государственный умъ Темнаго неоспоримъ. Не любимъ его, какъ человѣка, и желаемъ ему успѣховъ, какъ посланнику Провидѣнія.

И вся Русь, будто нарочно, сосредоточивала свое вниманіе на сей *последней* борьбѣ Удѣльной системы съ системою единовластія. Литва, Орда, бездѣйствуютъ. Съ смертію Шемяки умерли Удѣлы; кровію родныхъ Темный смылъ слѣды ихъ съ Русской земли. Онъ единовластитель; онъ уничтожаетъ удѣлы, послѣ Шемяки, единымъ словомъ. Новгородъ предвидитъ свою участь, и трепещетъ⁴.

Но не уму Василія, утомленному жизнию и мрачному, надлежала честь начала новой жизни. Былъ необходимъ человѣкъ великій, который соединилъ бы въ себѣ качества отца и дѣда съ доблестью пра-дѣда. Явился Іоаннъ, достойный имени Великаго, хотя и отказало ему въ этомъ неблагодарное потомство, такъ же, какъ не понимали его современники.

Іоаннъ былъ геній-создатель, человѣкъ, какихъ посылаетъ Провидѣніе, когда возвеличиваетъ страну или народъ. Сороко-трехлѣтнее правленіе его изумляетъ обширностью, вѣрностью системы, и тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать Іоаннъ.

Кто вздумалъ бы, отдѣльно, во всей подробности,

⁴ Можайскъ, Боровскъ, пали отъ одного слова; Рязань уничтожилась безъ войны; Тверь трепетала; Новгородцы, въ отчаяніи, рѣшились даже убить взмѣнически Темнаго, вида неминуемую свою гибель. А что дѣлалъ потомъ Іоаннъ?

изобразить жизнь Іоанна, тотъ началъ бы временемъ Удѣловъ, кончилъ временемъ совершеннаго единовластія; началъ описаніемъ жизни *Русскаго народа*, кончилъ изложеніемъ жизни Россійскаго Государства. Для государственной самобытности, для полной жизни Русской земли, наблюдаемой отдельно отъ Европы, Іоанць сдѣлалъ все. Почій въ мирѣ, человекъ великій! Твой подвигъ конченъ! Жизни, которую далъ ты Русской землѣ, достанетъ до твоего великаго потомка, на два столѣтія необходимаго періода, какой должна еще пережить твоя Россія до періода Европейскаго. Человеку положенъ предѣлъ. Іоаннь выполнилъ все, что въ его время, въ его народѣ, могъ сдѣлать человекъ необыкновенный⁵!

Новый, опять необходимый, періодъ Исторіи Русской долженствовалъ произойти, какъ прежде, изъ самой сущности дѣль. Насталъ новый возрастъ для Русской земли: Іоаннь довершилъ періодъ самобытности Народа Русскаго, и началъ періодъ самобытности Государства Россійскаго. Въ семъ новомъ періодѣ, что же долженствуетъ совершиться извнѣ и внутри?

Для поясненія перваго, должно обозрѣть положеніе Іоаннова Государства, среди окружавшихъ его земель и народовъ. Для поясненія другаго, рассмотреть внутренній духъ и сущность его.

Геніальный умъ Іоанна умѣлъ не только уничто-

⁵ О внутреннемъ государственномъ управленіи Іоанна III будетъ у меня сказано въ IX-й книгѣ Ист. Р. Н. Собственно, вся жизнь Руси, начиная и внутренняя, отъ 1505 года до Петра Великаго, была только развитіемъ одной идеи, какую далъ Русской землѣ Іоаннь III.

жить Удѣлы, покорить Новгородъ, отнять области у Литвы, разрушить Орду, возобладать отдельно Югрією: нѣтъ! — онъ умѣлъ еще положить на всѣ пріобрѣтенія свои типъ прочности, на всѣ отношенія съ сосѣдями характеръ превъышающей силы. Средствами ко всему этому наиболее служила Іоанну его глубокая политика. Пріобрѣтая что либо, онъ лишалъ свое пріобрѣтеніе прежней его силы и самобытности. Для сего, онъ или истреблялъ главныхъ представителей, или переводилъ ихъ къ своей особѣ и умножалъ ими свою аристократію Дворскую, отдавая имъ всѣ выгоды богатства и знатности, съ условіемъ, чтобы они рѣшительно отказались отъ воли⁶. Сколько онъ побуждалъ самъ, еще болѣе побуждалъ враждою другихъ. Крышъ поставилъ онъ врагомъ Орды, Ногаевъ врагами Астрахани и Польши; дружилъ однимъ для гибели другихъ. Собственно говоря, онъ — разсматриваемъ его, какъ государственнаго челоуѣка — не зналъ ни дружбы, ни милости безъ расчета. Ненависти другихъ онъ не боялся, ибо возбуждалъ ее только въ слабыхъ; самъ ненавидѣлъ только сильныхъ или непримиримыхъ. Посему-то, за себя и противъ себя, онъ возбуждалъ ненависть народную и религіозную, и дѣйствовалъ черезъ нее вѣрно, всегда выигрывая еще болѣе, нежели черезъ дружбу и покорность.

Можно понять, что такое страшное политическое оружіе было опасно. Іоаннъ могъ и умѣлъ имъ дѣйствовать; но преемники его должны были быть подобны Іоанну, или средства его политики могли обратиться на гибель ихъ самихъ. Первое было не-

⁶ Переселеніе Іоанномъ Новгородцевъ въ Низовые города. Князья Шуйскіе изъ Новгорода и мелкіе Тверскіе Князья переведены были, напротивъ, ко Двору Іоанна. Вспомните слова Іоанна о *недобрыхъ людяхъ*, въ тѣхъ земляхъ, которыя отнялъ онъ у Литвы.

возможно: Иоанны рѣдкое явленіе въ мірѣ. И такъ, второе было необходимо.

Князья Русскіе Удѣльные, Боляре ихъ, знатные люди изъ городовъ, Князья приобретенныхъ отъ Литвы областей, составили сильную аристократію, окружившую Государя Московскаго. Она еще болѣе умножилась Греками и иноземцами, явившимися послѣ Софіи, при ознакомленіи съ Западомъ, и особенно знаменитыми бѣглецами Литовскими. Отъ сего явилось новое состояніе дѣлъ: сія, дотолѣ небывалая, аристократія покорствовалась своему Государю, но имѣла средства властвовать надъ нимъ самимъ заслугою, хитростью, крамолою. Она составила Дворскія партіи; была въ тайномъ заговорѣ, такъ сказать, и при первомъ случаѣ могла представить собою ужасное позорище необузданныхъ страстей. Будучи Государемъ, каждый Государь притомъ и челоуѣкъ, семьянинъ: Иоаннъ имѣлъ свои слабости, своихъ любимцевъ. Всемъ этимъ пользовалась аристократія его. Она создала свои ненарушимые законы, установила свои обряды, свои правила чести и почета, и ими опутала волю своего повелителя⁷.

Таковы были два неизбѣжныхъ зла, происшедшія изъ событій при Иоаннѣ. Третье слѣдовало за ними, и было такъ же неизбѣжно.

Уничтожая самобытность частей, Иоаннъ долженъ былъ лишать ихъ политической воли, и лишать совершенно и безвозвратно, даже переводя, переселяя цѣлыя тысячи семействъ изъ одного мѣста въ

⁷ Гибельное мѣстничество началось со времени Иоанна, съ разрядами. Вспомнимъ несчастную ссору Софіи и Елены. При Василіи и Иоаннѣ Грозномъ вполнѣ раскрылось то, что удерживала желѣзная воля Иоанна III.

битвы съ Литовцами; *Ушкуйничество* Новгородскихъ, Вятскихъ и Устюжскихъ на промыселъ по Волгѣ и Камѣ¹⁰. Лишенные крова и пристанища, Русскіе удалые бобыли во времена Монголовъ собирались толпами на предѣлахъ Руси, и ходили рязать, грабить поганыхъ, гнаться всюду за ихъ отрадами. Шайки сіи постепенно умножались, заводили себя притоны и жилища въ областяхъ Русскихъ, въ Муромскихъ, Мещерскихъ, Рязанскихъ дѣсахъ и по берегамъ Волги. Какая разница была въ житьѣ горожанъ Русскихъ, гнетомыхъ, униженныхъ, беззащитныхъ! *День мой, ахъ мой!* — говорили Ушкуйникъ и Казакъ, уживаясь грабленымъ медомъ и цвѣтомъ, роскошествуя на некупленномъ добрѣ, не повинуюсь никому, кромѣ меча! Привычка къ битвѣ, безстрашіе противъ смерти, приволье жизни, мало-по-малу образовали такимъ образомъ *Казачество* и *Ушкуйничество*, на предѣлахъ всѣхъ восточныхъ и южныхъ областей Русскихъ. Такова была вся Вятка до покоренія Іоанномъ¹¹. *Казакъ*

¹⁰ Такъ Русскіе Князья ходили «искати шоломомъ Донской воды»; Данилъ сражался «о Угорскаго Короля ради, ово-же славы хотѣ». Имена Анцыфора, Прокопа, славились, какъ имена героевъ, какъ славилось потомъ имя Ермака. Таковы были Миняевы, Дашковичи, Подковы, Наливайки Казацкіе!

¹¹ Кажется, нѣтъ уже сомнѣній, что имя Казаковъ есть Азіатское названіе легкаго коннаго воина. Тутъ не нужно прибѣгать къ Касогамъ и Касахін Константина Багрянороднаго, ни къ козь, ни къ козвѣ, ни къ козвѣткѣ, отъ чего выводили имя Казаковъ Гербивин, Писецкіе, Зиморовичи (см. Ист. Малороссіи, Д. Н. Бавтыша-Каменискаго, 2-е изд. М. 1830 г. т. 4, прим. 73). Въ Азіи донынѣ цѣлая Орда Турецкая называется Казаками (Киргизъ-Кайсаки). Татары и Русскіе принимали въ XV-мъ вѣкѣ имя Казака въ смыслѣ бездомоваго, странствующаго удалца-воина. Такъ разумѣлъ его Юанъ III въ отвѣтъ Зенебеку въ 1477 году. Но то, чѣмъ, поражали Казаковъ неприятели, составляло славу ихъ, и имя Казаковъ осталось именемъ собственнымъ цѣлаго народа Казацкаго, ибо они гордились имъ. Азіатскій тицъ

Рязанскіе известны еще въ 1444 году¹¹; потомъ являются *Казаки Городецкіе* на Волгѣ. Но всего удобнѣе было образоваться Казачеству на берегахъ Днѣпра и Дога. Обширныя степи давали тамъ всѣ средства Казакамъ строить повсюду свои *курени*¹², кормить коней подножнымъ кормомъ, и вольно бѣдить, куда душа захотѣла. Общества ихъ безпрерывно умножались. Принимали въ нихъ всякаго, кто приходилъ. Начальствовалъ ими тотъ, кто былъ удалѣе всѣхъ. Казаки Днѣпровскіе выбрали наконецъ себѣ постоянное мѣсто за порогами Днѣпра, на островахъ и по берегамъ сей рѣки¹³. Казаки

могъ быть приданъ Казакамъ и отъ смѣси съ ними Черныхъ Клобуковъ, Торковъ, Берендеевъ, часть коней была крещена, но сохранила свои полукочевые нравы и обычаи. Нѣкоторое число сихъ народовъ, избѣгшее отъ меча Монголовъ, и нехотѣвшее соединиться съ ними, сдѣлалось Казаками. Не опровергаю здѣсь разныхъ негнѣпыхъ мнѣній о происхожденіи Казаковъ. Объ этомъ я имѣлъ уже случай говорить подробно (Моск. Телегр. 1830 г., т. XXXV, стр. 75, и слѣд.).

¹¹ При нашествіи на Царевича Мустафу, хотѣвшаго заимовать въ Рязани.

¹² Курень, т. е. легкій, лѣтній домъ, шалашъ, гдѣ курится огонь для приготовленія пищи кочующему пастуху или сторожевому человеку. Потомъ называли куренями легкіе казацкіе дома, сдѣланные изъ плетней, обмазанныхъ глиною, съ очагомъ или черною курною печью. См. изображеніе первобытной жизни Донскихъ Казаковъ въ статьѣ, какія помѣстилъ В. И. Сухоруковъ въ Русской Старинѣ (СПб. 1825 г.). Сей почтенный литераторъ, уроженецъ береговъ Дога, занялся съ отличнымъ вниманіемъ Исторію своего роднаго края. Надѣмся, что онъ подаритъ насъ когда-нибудь полною Исторію Казаковъ, и желаемъ, чтобы это не замедлилось. Знанія и прекрасныя дарованія Г-на Сухорукаго ручаются за успѣхъ книги, которой рѣшительно вѣдоуется въ нашей Литературѣ. Г-нъ Сухоруковъ помѣстилъ уже нѣсколько превосходныхъ историческихъ отрывковъ о Казакахъ, въ разныхъ годахъ Сѣвернаго Архива. Обстоятельства препятствовали ему донынѣ приняться за работу свою вполне.

¹³ О Порогахъ, см. Ист. Р. Н. т. пр. 86. Между порогами находится острова, изъ коихъ главныя Догавскій, Таволжанскій и Хор-

Донскіе засѣли по Дону, близъ впаденія Сѣвернаго Донца, и далѣе къ югу. Здѣсь они были извѣстны подъ именемъ Азовскихъ. Никто не почиталъ ихъ своими подданными; никого не считали они своимъ Государемъ; они равно дрались съ Татарами, Русскими, Поляками; равно грабили посла Русскаго, гостя Греческаго, мурзу Татарскаго. Преслѣдовать ихъ было невозможно: могли сжечь ихъ курени, шалаши; но люди разбѣгались по степямъ, собирались вновь, строили курени снова: добыча ихъ была зарыта въ землю. Постепенно потомъ начали Казаки заводиться семьями, увозить плѣнницъ, основывать цѣлыя селенія. Такое устройство у Донскихъ Казаковъ явилось позднѣе, у Днѣпровскихъ Казаковъ гораздо ранѣе: первые были слишкомъ близки къ Татарамъ; другіе имѣли удобство опираться на Польшу, которая скоро замѣтила всю пользу Казаковъ. Въ началѣ XVI столѣтія у нихъ являлись удалые начальники, и устраивать изъ нихъ многочисленныя, сильныя ополченія. Почти нѣтъ сомнѣнія, что Богданъ Черкасскій, воевода, который сжегъ Очаковъ въ 1493 году, былъ однимъ изъ начальниковъ Казацкихъ¹⁵. Въ

таца. Верстахъ въ трехъ выше Хортицы было мѣсто удобнѣйшаго перехода Татаръ за Днѣпръ. Болявъ предполагалъ тутъ заложить крѣпость. На семь островъ два раза Запорожскіе Казаки строили свою сѣчу, или городокъ. Самый древній изъ извѣстныхъ намъ Донскихъ городковъ назывался Раздоры. Онъ находился близъ устья Сѣвернаго Донца, на острову рѣки Дона, верстахъ въ 70-ти отъ Черкасса (Св. Архивъ, статьи Г-на Сухорукаго, т. VIII, 90).

¹⁵ Казаки восточные (Донскіе) назывались Ордынскими, Азовскими; западные (Днѣпровскіе) Запорожскими, Малороссійскими, Литовскими. Отъ сего смѣшивались изслѣдователи, находили Казаковъ тамъ, гдѣ ихъ не было, и терялись въ пустыхъ догадкахъ. Днѣпровскіе Казаки назывались иногда Черкасами. Это названіе происходило, вѣроятно, отъ города Черкасы. Городъ сей находился зѣ Днѣпромъ, ниже Кл-

конць XV и началъ XVI вѣка имя Казаковъ было ужасомъ каждаго, проѣзжавшаго по южнымъ степямъ. Не довольствуясь наѣздами, Донскіе и Днѣпровскіе Казаки строили небольшія лодки, выплывали на нихъ въ Азовское и Черное море, и дѣлались приморскими ушкуйниками. Русскіе жаловались на нихъ Крымскому Хану, ибо часто Казаки соединялись съ его толпами; Ханъ жаловался Польшѣ, ибо отъ Казаковъ не было покоя въ самомъ Крыму; Польша говорила, что Казаки не ея подданные, и дѣлають, что хотятъ.

Дѣйствія аристократіи, новыя отношенія подданныхъ къ Государю, борьба Руси съ Польшею, вмешательство Крыма, противоборство Казанскихъ Татаръ, отношенія Ногаевъ и другихъ Татаръ къ Крыму, Казани и Руси, дальнѣйшее образованіе новаго

иена, ибо заселенія Казаковъ, когда Польша стала принимать и покровительствовать ихъ, были первоначально по правую сторону Днѣпра. Недалеко отъ Черкасовъ, древнѣйшаго главнаго становища Казацкаго, основанъ былъ потомъ Казаками Чигиринъ, бывшій главнымъ ихъ городомъ. Имя, Черкасы, могло произойти отъ Татарскихъ словъ: *черъ*, дорога, *кесмекъ*, отрѣзать, перерѣзать (по взятіи севію Клапрота, который говоритъ, что отъ сего произошло Татарское названіе Горскаго народа Адиге, называемаго отъ насъ и отъ Татаръ Черкесами). Но сіе названіе города Казацкаго заставило думать многихъ, будто Казаки были переселенцы съ Кавказа, и именно Черкесы Горскіе (см. Щекзтова, Геогр. Словарь, т. VII, стр. 85, Ист. Малор. Б. К., т., стр. 109). Начало Казацкаго Днѣпровскаго города Черкаска можно отнести къ послѣднимъ 20-ти годамъ XV вѣка, и Богданъ, Воевода Черкаскій, могъ быть такой же вождь Казаковъ, какимъ былъ потомъ Дашковичъ. Рассмотрите походъ его къ Очакову: это настоящій Казацкій набѣгъ, повторенный Дашковичемъ въ 1516 году. На Дону, впоследствии, также построены были выходцами съ Днѣпра, Казаками, присоединившимися къ Донскимъ, городъ Деркасъ, или Деркаской. Это имя казалося для нихъ драгоцѣнно, какъ имя Москвы Русскому, котораго называли Московитомъ и Москалемъ. Такъ называли и Казака Деркасомъ отъ имени города (см. Изслѣдованія Г. Сухорукаго, Свв. Арх. т. VIII, 95).

народа Казацкаго на степяхъ между Русью, Польшею и Крымомъ: таковы суть главные предметы, на которые должно обратиться наше вниманіе въ семь періодъ Исторіи Русскаго народа. Въ этомъ заключается сущность дѣла всего періода. Кругъ дѣйствій постепенно распростирается: онъ обхватываетъ наконецъ Турцію и Швецію, распространяетъ мѣсто дѣйствія до отдаленныхъ странъ Сибири, уничтожаетъ Казань, образуетъ политическое бытіе Казаковъ, превращаетъ вражду Польши съ Русью въ государственную борьбу, выводитъ страсти Русской аристократіи на позорище ужасающихъ событій, смѣшавъ въ нихъ борьбу бюкратіи съ аристократіею, и Западнаго образованія съ Восточнымъ. Любопытнo, поучительно наблюдать всѣ такіа измѣненія въ судьбѣ великаго народа; еще поучительнѣе, если мы сами суть слѣдствія сихъ событій и измѣненій.

Но по кончинѣ Іоанна, при неразвитыхъ еще началахъ изложеннаго нами государственнаго образованія, отъ дѣлъ его происшедшаго, государственное бытіе Руси не было ни такъ обширно, ни такъ многообъемлюще. Внутренняя аристократія не создала еще силъ своихъ; Казаки были страшною, но полу-кочевою, необразованною толпою. Внѣшнее дѣйствіе Руси не распростиралось далѣе Польши, Крыма и Казани. Правда, соперникъ прежняго Новгорода и Пскова, Ливонскій орденъ Рыцарей самобытно прилегалъ къ границамъ Русскимъ, и въ немъ могъ явиться не одинъ Плеттенбергъ; но дѣйствіе его не было важно. Швеція могла спорить о предѣлахъ Финляндіи; но она сражалась еще за собственное бытіе съ Датчанами, и политическое дѣйствіе ея на Русь было ничтожно. Турція, владѣя Крымомъ, предоставляла ему почти самобытную волю, и, обращаясь на Западъ, не становилась еще са-

ма противъ Руси и подлѣ Руси, отдѣленная отъ нея Польшею, Молдавіею и южными Казацкими степями¹⁶.

А остальная Европа? Она все-еще была чужда Руси: посылала ей художниковъ и ремесленниковъ, пословъ и грамматы, предложенія дружбы и подарки, но еще долго послѣ того знала—Русь только по Герберштейнову описанію¹⁷. И могла ли Западная Европа воображать тогда, что Московія будетъ нѣкогда однимъ изъ первыхъ дѣйствователей міра Европейскаго? Какъ Венеціане союза Персидскаго Шаха, такъ искали союза съ Русью Императоръ, Венгрія, Данія, Ганза; какъ въ отдаленный Китай посылалъ миссіонеровъ и пословъ своихъ Папа, и какъ нѣкогда въ Орду Монгольскаго Хана ѣздили художники, такъ ѣхали въ Московію Европейскіе миссіонеры, художники и ремесленники, съ надеждою чести, наживы, но и съ опасеніемъ положить голову свою въ дикой чужбинѣ, никогда не видать болѣе своей милой родины. Самый Герберштейнъ писалъ, что Русь находится подлѣ страны, гдѣ на полгода люди замерзаютъ и потомъ опять оттаиваютъ; подлѣ другой страны, гдѣ живутъ люди съ головами собачьими, и третьей, гдѣ у жителей глаза и ротъ на груди, а тѣло обросло шерстью звѣриною¹⁸. Рыцари

¹⁶ Не надобно забывать предѣловъ древней заселенности Руссовъ въ южной Россіи (см. Ист. Р. Н. Т. II, 40) и смѣшивать позднѣйшее съ древнимъ. Дмитрій, сражаясь на Непрядвѣ, говорилъ, что сражается *оу Русской земли*. По необитаемой степи между Двѣпромъ и Довомъ, гдѣ скитались буйные Татары и Казаки, странствовали въ XV вѣкѣ съ опасностію жизни, какъ въ Сирской пустынѣ между Бедунами.

¹⁷ См. Несторъ, Шлѣцера (Русскій перев. т. I. стран. рк.).

¹⁸ См. Reg. Moscovit. стр. 60. Герберштейнъ прибавляетъ, правда, «говорять», предлагая сіи странные разказы; однако жъ оны не считалъ ихъ *нелпностью совершенною*, хотя и былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени.

Ливонскіе приглашали еще въ Крестовый походъ на Руссовъ-язычников¹⁹. Что же могла думать, и чѣмъ почитала Русь Европа отдаленная и престонародная? Приставъ къ сѣвернымъ предѣламъ Руси, въ половинѣ XVI вѣка, Англичане думали, что открыли новый міръ. Въ самомъ дѣлѣ, міръ, и новый, но только заключавшій уже въ бытіи своемъ всѣ основныя стихіи, изъ коихъ произошла отдѣльная отъ Европы, до самаго XVIII вѣка, жизнь Руси, которая явилась въ историческихъ событіяхъ, слѣдующихъ послѣ Іоанна.

Н. ПОЛЕВОЙ.

¹⁹ Въ 1447 году.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АФОРИЗМЫ.

=

Я читалъ Тьерри Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. На ст. 58 встрѣчаю мѣсто: «По счастливому случаю, сильнѣйшій изъ предводителей Англо-Саксонскихъ, Этельбертъ, Царь страны Кентской, только что вступилъ въ супружество съ женщиною Франкскаго рода, католической Вѣры, предъ прибытіемъ Епископа Августина, посланнаго Папою Григоріемъ для проповѣданія Христіанской Вѣры къ Англо-Саксамъ. Вѣроятно, что супруга Христіанка Царя язычника не оставалась въ бездѣйствіи при семъ великомъ происшествіи, и что всѣ усилія семейной нѣжности были устремлены на то, чтобъ сдѣлать Этельберга благопріятнымъ миссіонерамъ.»

Далѣе на стр. 78: «Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сихъ происшествій (616 – 620) сестра Эдбалда (сына Этельбертова) но, имени Этельберга, была выдана замужъ за языческаго начальника страны на сѣверъ отъ Гумбера. Молодая супруга отправилась въ сопровожденіи священника Павлина..... по плану Папы Григорія, и въ надеждѣ, что вѣрная жена обратитъ невѣрнаго мужа..... Когда же она сдѣлалась беременною, то Павлинъ объявилъ отцу, Эдвину, что онъ умолилъ Бога даровать ей роды безъ муки, съ условіемъ, чтобъ дитя было окрещено». Черезъ нѣсколько времени, въ слѣдствіе новыхъ усилій священника и жены, язычникъ и самъ принялъ Св. крещеніе.»

На стр. 85: «Тридцать лѣтъ послѣ обращенія жителей Гумбера, одна *женщина* изъ сей страны обратила начальника Королевства Мерціи, которое простиралось отъ Гумбера до Темзы.»

Прочитавъ сіи страницы однѣ за другими, я вспомнилъ объ извѣстномъ обращеніи Кловнса Матильдою.

Объ ономъ у Тьерри же (стр. 36): «По счастливому или, можетъ-быть, подготовленному случаю, Король, котораго хотѣли обратить къ Римской Вѣрѣ, взявъ себѣ въ супружество *женщину*, которая одна въ княжескомъ роду была Христіанкою; любовь сей православной жены, какъ говорятъ лѣтописцы, смягчила мало-по-малу сердце невѣрнаго мужа». Послѣ, предъ сраженіемъ съ Германскими племенами, Клодовикъ призвалъ Бога Клотильдина, и произнесъ обѣтъ сдѣлаться Христіаниномъ, въ случаѣ побѣды. Онъ побѣдилъ, и окрестился.»

У меня мелькнулъ въ головѣ вопросъ: не вездѣ ли Христіанская Вѣра была вводима первоначально чрезъ женщинъ? Миѣ представился Константиъ и мать его *Елена*, принимавшая такое участіе въ распространеніи Христіанской Вѣры по Римской Имперіи. Потомъ нашъ Владиміръ и *Ольга* съ *Анною*, главными причинами Христіанства въ Россіи; *Гедвига*, вышедшая замужъ за Ягайлу, съ условіемъ, чтобъ онъ ввелъ Христіанскую Вѣру въ Литвѣ; *Домбровка*, дочь Болеслава, Богемскаго Князя, не хотѣла отдать руки своей Мечиславу I (Королю Польскому) иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ и народъ его приняли Христіанскую Вѣру. Мечиславъ не выполнилъ сего условія, пока ласки и угожденія его супруги не склонили его къ тому, и проч. (Бантке, I. 66).

«Король Кармъ Простой предлагаетъ тебѣ (такъ говорилъ посланный для негоціацій Архіепископъ Руанскій Роллу, Нормандскому владѣтелю) дочь свою въ супружество со всею страной между рѣкою Эптой и Бретанью, если ты сдѣлаешься Христіаниномъ и будешь жить въ мирѣ съ Королевствомъ.» (Тьері I, 179).

Нить моихъ припоминаній и выписокъ прервалъ Г. Венелинъ. — Какъ введена въ Болгаріи Христіанская вѣра? — Одну Княжну,, Владиміровну какою-то, Византійцы взяли въ плѣнъ, воспитали у себя въ Христіанскомъ законѣ, потомъ отпустили на родину, и она убѣдила брата креститься. — А въ Венгріи? — Ну, Шарольта, Христіанка, убѣдила Короля Гейзу.... А на что это? — Я рассказалъ, и онъ напомнилъ мнѣ еще о Грузинской Тамари.

И такъ начало Христіанства вездѣ чрезъ женщинъ. Но это, скажутъ, случай! Да, случай, одинакой. А одинакой случай есть законъ.

Но если бъ и были гдѣ исключенія, видоизмѣненія! — они могутъ происходить отъ другихъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ причинъ, и кажутся намъ противорѣчіями при нашей настоящей близорукости: землю называютъ круглою, и справедливо, хотя на ней есть Чимборассо и Гималая. Историческихъ происшествій нельзя подводить подъ строгія алгебраическія формулы или логическія категоріи.

Я вспомнилъ о предрѣченіяхъ Еввъ и Маріи, предрѣченіяхъ, изъ коихъ первымъ начинается древняя Исторія, а вторымъ Новая. «И вражду положу между тобою (зміемъ) и между женою, и между сѣменемъ твоимъ, и между сѣменемъ тоя: той твою блюсти (поражать, по переводу Митрополита Фила-

рета) будетъ главу, и ты блюсти (жалить) будешь его пята.» Быггя, гл. 3, 15.

«Не бойся, Маріамъ: обрѣла бо еси благодать у Бога. И се зачнеши во чревѣ, и родиши сына, и наречеши ния ему Іисусъ..... Духъ Святой найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій.» Луки гл. 1. ст. 31, 35.

А какъ началась Христіанская Вѣра въ Германіи? сталъ я продолжать свою думу о томъ же. Не зная, и не читавъ ни какихъ частныхъ, не имѣвъ ни какихъ книгъ для справокъ подъ рукою, я остановился было; но мнѣ пришли на память Саксонцы. Карлъ Великій тридцать лѣтъ воевалъ съ ними, принуждая ихъ всякими казнями принять Христіанскую Вѣру. Пораженные, въ крайности, они крестились; но, чуть оправившись, возвращались опять, не смотря ни на какія угрозы, къ своимъ идоламъ. Наконецъ уже, принявъ самыя жестокія мѣры, онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Тутъ же вспомнилъ я и объ языческихъ Пруссахъ, противъ коихъ былъ проповѣданъ Крестовый походъ, и коп наконецъ подъ мечами и въ огнѣ, разоренные и измученные, приняли крестъ отъ Рыцарей Нѣмецкаго ордена. Следовательно, здѣсь не такъ введена Христіанская Вѣра, какъ въ другихъ Европейскихъ Государствахъ, а чрезъ принужденіе. Тутъ представилась мнѣ Реформація, явленіе, въ обще-историческомъ смыслѣ, принадлежащее безспорно Германіи. Точно, въ Саксоніи родился Лютеръ, въ Саксонскомъ Университетѣ проповѣдалъ онъ свое ученіе. Фридрихъ Мудрый, Курфирсть Саксонскій, былъ первымъ покровителемъ, смѣло можно сказать сохранителемъ, его мыслей; Морицъ Саксонскій доставилъ Протестан-

тамъ Пассавскій договоръ, краеугольный камень всѣхъ ихъ послѣдующихъ отношеній. А Пруссія: секуляризація Албрехта была примѣромъ для всей Германіи и прочаго Сѣвера, главной побудительной причиной для Имперскихъ Чиновъ стать подъ знамя Виттенбергскаго Профессора. Саксонія и Пруссія колыбель Реформаціи.

. И такъ, не тамъ ли Реформація, гдѣ было прежде принужденіе? Стѣсненіе и расширеніе, action et réaction, по закону какой-то духовной упругости?

Какъ же удивительна эта сила, пролетающая чрезъ тысящелѣтія по времени, какъ электрическая чрезъ пространство! Что за процессъ здѣсь совершается? Неужели есть связь между косностию животнаго, безразличнаго Саксонца, и буйнымъ гениемъ Лютера?

И это есть взглядъ на происшествіе, на Реформацію, можетъ-быть невѣрный, и то съ одной его стороны, то есть, только на образъ его явленія, внѣшній, не на самое явленіе, не на сущность его, не на отношеніе къ предъидущимъ нравственнымъ причинамъ, слѣдствіямъ ко всему человечеству, и т. д. Здѣсь мы смотримъ, такъ сказать, на одно колесо въ огромной машинѣ, и изыскиваемъ, почему оно такъ движется, а не иначе, не заботясь ни мало о тысячахъ прочихъ колесъ и отношеніи ихъ между собою. На Реформацію можно смотрѣть со многихъ еще точекъ, и всякое ея дѣйствіе, какъ и дѣйствіе другихъ происшествій, Крестовыхъ походовъ, Александра Македонскаго, Петра Великаго, совершилось, разумѣется, по закону, и законъ этотъ одинаковый въ различныхъ формахъ, и всѣ сіи различныя формы складываются, такъ сказать, между собою во времени и пространствѣ, и въ суммахъ

ихъ, малыхъ и большихъ, частныхъ и общихъ, проявляется опять тотъ же законъ, и вездѣ порядокъ, согласіе, гармонія. И вотъ задача Исторіи: разобравъ сіи слагаемыя, найти ихъ суммы, понять ихъ соотвѣтствія, причины, дѣйствія, правила, законъ, почуютъ Бога.

=

Реформація дала бытіе Голландской Республикѣ, которая тотъ же часъ, по необходимости, сдѣлалась морскою Державою, образцовою для всей Европы, начала всемірную торговлю, и дала новое направленіе государственному хозяйству; Реформація вдохнула политическую жизнь въ Нѣмецкія Государства, подчинила окончательно Венгрію и Богемію Австріи, положила краеугольный камень бытія Пруссіи, которая сдѣлалась послѣ первостепеннымъ государствомъ, утвердила могущество Густава Вазы, и послѣ доставила Швеціи первенство на Сѣверѣ, сдѣлалась основаніемъ Англійской конституціи и условіемъ Англійской независимости, основала внутреннее могущество Лудовика XIV, разорила Ирландію, унизила Испанію, погубила отчасти Польшу, населила Америку; въ теченіе полтора ста лѣтъ была главною пружиною политики Европейской, и приводила всѣ государства въ сношенія, производила войны общія, частныя, междуособныя, со всѣми ихъ слѣдствіями; содѣйствовала къ увеличенію власти Государей, приблизила Духовенство къ народамъ, породила духъ нетерпимости, духъ противорѣчія, духъ изслѣдованія, свергла схоластическія оковы съ Философій, имѣла вліяніе на всѣ Науки, на все просвѣщеніе, какъ и на политику, вліяніе полезное и вредное. И такъ Реформація есть явленіе всемірное, необходимое!

«Ахъ!» говоритъ Лютеръ въ своихъ запискахъ: «съ какимъ трепетомъ предсталъ я предъ Кардинала Каэтана,» присланнаго изъ Рима изслѣдовать первыя его дѣйствія. «Я палъ предъ нимъ на колѣни, потомъ поклонился въ землю, и всталъ тогда только, какъ получилъ троекратное приказаніе. Если бъ Папа взялъ тогда мое дѣло къ себѣ на разсужденіе (говоря по нашему: положилъ подъ красное сукно), и заставилъ бы молчать моихъ противниковъ, я не пошелъ бы далѣе. Я самъ тогда ни объ чемъ еще не думалъ, и не видалъ ни какихъ злоупотребленій Папской власти, но у меня требовали, чтобъ я отрекся*,» и проч. Сравните же это начало съ послѣдствіями! И какъ удивителенъ ходъ Реформаціи! Надо же было, чтобъ Льву имѣлась нужда въ деньгахъ на церковь Св. Петра и приданое родственницъ; чтобъ онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на Латинскій споръ двухъ Нѣмецкихъ монаховъ въ варварской сторонѣ; чтобъ Фридрихъ Мудрый принялъ сначала Лютера подъ свое покровительство, а онъ не видалъ его, и не читалъ его сочиненій; надо было, чтобъ случилось продолжительное междуцарствіе, и чтобъ Папа имѣлъ нужду въ Курфирствѣ; чтобъ Императоръ Карлъ V сдѣлался ему одолженнымъ; надо было, чтобъ Карлу противостояли Францискъ и Солиманъ; надо было, чтобъ Эккъ раздражилъ Лютера, и прочее, и прочее. Всемирное происшествіе со всѣми своими безконечными вліяніями висѣю ежеминутно на волоскѣ! На волоскѣ держалась такая тяжесть! Что же, кто же держалъ ее!

Взглянемъ съ другой точки. Реформацію приняли только сѣверныя государства, а въ южныхъ только сѣверныя половины. Разсудокъ, говорятъ, принадлежитъ преимущественно Сѣверу, чувство Югу.

* Слова, можетъ-быть, не тѣ, но за смыслъ отвѣчаю.

Это правда, но менѣ ли удивительно приложеніе сего замѣчанія къ событію: разсудокъ, въ хорошую и дурную сторону, долженъ развиваться на Сѣверь, и вдругъ, въ исполненіе этого предопредѣленія закона являются тамъ Тецель и Лютеръ.

Взглянемъ еще съ другой точки. Реформацію приняли только Нѣмецкія племена: Германія, Англія, Голландія, Швеція, Данія, Пруссія. Однимъ словомъ, Реформація есть взглядъ Нѣмца на религію: какъ-будто ей предназначены были предѣлы въ распространеніи, за которыми она уже ничего не значила, какъ инныя болѣзни лишаются своей силы въ другихъ климатахъ!

И сколько еще точекъ, съ которыхъ можно смотрѣть на это происшествіе, какъ и на всякое другое (начало Іезуитовъ въ одно время)! Какъ переплетаются слѣдствія, отношенія и причины! Всякое происшествіе можно сравнить съ многоугольникомъ, который тысячами своихъ сторонъ прикасается къ тысячамъ другихъ многоугольниковъ.

Напрасно говорятъ: религія Лютеранская, католическая, епископальная. Гораздо правильнѣе: религія Христіанская Нѣмецкая, Италіянская, Англійская. Всякой народъ подъ своимъ угломъ зрѣнія смотритъ на вещи, и то же представляется ему не такъ, какъ другому: Греческая судьба, Мухаммеданскій фатализмъ, Христіанское Провидѣніе. Такъ мы должны предоставить Нѣмцамъ отвлеченія: они все отвлекаютъ. И вотъ религія, что касается до обрядовъ, простая алгебраическая формула. Другія

ея отличія относится также болѣе или менѣе къ народному духу.

=

Шатобрианъ говоритъ (*Etudes historiques*, СХХХ), что Реформація есть нападеніе истины философской, въ одеждѣ Христіанской, на истину религиозную: почему бы не смотреть на Лютера, какъ на преемника Аріевъ, Македоніевъ, Пелайевъ, а на сихъ, какъ на преемниковъ Греческой Философіи? Сии возрожденія, въ продолженіе вѣковъ, вѣрно составляютъ свое благоустроенное цѣлое, выражающее какую-либо сторону человѣческаго духа.

=

Крайности, къ коимъ увлеклась Реформація, относятся болѣе до религіи.

Желательно было бы, чтобъ наши ученые Духовные показали отношеніе Реформаціи къ Христіанской религіи въ первоначальномъ ея видѣ, потомъ къ католицизму, и наконецъ къ Греческому Православію.

=

Желательно было бы имѣть философское сравненіе догматовъ.

=

Всякая философская система есть только что одно-стороннее развитіе ума, и всѣ онѣ составляютъ одно цѣлое, которое постепенно развивалось. Почему не взглянуть съ этой точки и на различныя исповѣ-

данія Христіанскія? Православное исповѣданіе Гре-
чское, Римско-католическое, Лютеранское, рефор-
матское, епископальное, пресвитеріанское, квакер-
ское, герингутерское, и проч., нельзя назвать разны-
ми религіозными системами, кои составляютъ также
особое цѣлое.

=

Есть одна истина, но всякой человекъ смотритъ
на нее подъ своимъ угломъ. Одно Евангеліе дано
человѣческому роду, но всякой народъ понимаетъ
оное, прилагаетъ свои дѣйствія къ оному, посвоему
(пока всѣ люди не составили одного стада). Такъ,
всякій народъ имѣетъ свою фізіономію, филосо-
фію, нравственность, поэзію и религію, или взглядъ
на религію.

=

Всѣ сіи различія, видоизмѣненія, оттѣнки проис-
ходятъ отчасти отъ первоначальнаго различія пле-
менъ. Безъ справки въ Исторіи, можно сказать, что
Ирландцы не близкая родня Британцамъ, Бельгійцы
Голландцамъ, Аѳиняне Спартанцамъ. Сіе различіе,
различіе съмени отражается въ первыхъ движеніяхъ
полудикой орды и послѣднихъ зрѣлыхъ предпрія-
тіяхъ общества, восшедшаго на высокую степень
гражданственности, въ нестройныхъ, элементарныхъ
звукахъ языка и глубочайшихъ размышленіяхъ Фи-
лософій.

=

Къ слѣдствіямъ Реформаціи, особенно въ Герма-
ніи, причисляютъ много такого, что принадлежитъ
не ей одной, а тому народу, которымъ произве-

дена сама она. Умъ Нѣмецкій точно такъ не могъ довольствоваться долбе формами схоластики, какъ и сносить оковы Папскія, уважать какіе-либо предѣлы, извнѣ ему назначенные, какъ и не разсуждать о такихъ-то политическихъ отношеніяхъ. Слѣдовательно Нѣмецкая Реформація и Философія суть только родныя сестры, а не мать съ дочерью. То же должно сказать о многихъ другихъ, такъ называемыхъ, слѣдствіяхъ Реформаціи. Ее, по моему мнѣнію, должно почитать только старшею сестрою, которая, въ свою очередь, безспорно содѣйствовала много къ образованію младшихъ.

=

Написавъ слова «слѣдствія Реформаціи», я подумалъ: почему же нельзя назвать ихъ, чрезъ одну причину назадъ, слѣдствіемъ католицизма, породившаго Реформацію? Вѣдь говоримъ же мы: Реформація произвела Голландію, а Голландія морскую всемірную торговлю, — слѣдовательно всемірная морская торговля принадлежитъ къ слѣдствіямъ Реформаціи; вѣдь говоримъ же мы, что Наполеонъ есть сынъ революціи! Захватимъ еще причиною глубже; мы не довели сихъ слѣдствій своевременными слѣдствіями, или лучше необходимыми явленіями въ жизни Христіанской религіи, человѣческимъ, мѣстнымъ развитіемъ одной какой либо стороны ея.

Какъ же мудрено распознать, отъ чего что происходитъ, что къ чему клонится! Какъ переплетаются причины и слѣдствія! Повторю вопросъ: можно ли представить Исторію? Гдѣ форма для нея? Исторію можно только чувствовать.

ПОГОДИНЪ.

О ГРАНИЦАХЪ

и

ПЕРЕХОДАХЪ ЦАРСТВЪ ПРИРОДЫ.

Въ сочиненіи «Размышленія о Природѣ, 1833,» я изложилъ мое различіе главныхъ степеней *жизни, бытія и смерти*, главный законъ, по которому степени жизни, присоединяясь другъ къ другу, производятъ четыре царства земныхъ тѣлъ, и по которому онѣ, отымаясь отъ сихъ тѣлъ, низводятъ ихъ, по степенямъ смерти, опять къ бытію стихійному. Здѣсь разсмотримъ свойства и отличительныя примѣты самыхъ тѣлъ, — этихъ народовъ, населяющихъ собою царства земнаго міра, раздѣляющагося на міръ неорганической и органической.

Различія и примѣты ихъ должно объяснять по главнымъ отличіямъ самой жизни, производящей ихъ и въ нихъ являющейся; ибо произведенія творческой Природы должно разсматривать и изъяснять подобно изящнымъ произведеніямъ человеческого искусства, то есть, постигая мысль, въ нихъ являющуюся, — а эту творческую мысль въ Природѣ называемъ мы *жизнію*.

Въ послѣдствіи я постараюсь представить, хотя въ кражнихъ очеркахъ, и главныя *степени* особаго развитія жизни въ каждомъ царствѣ, — степени, ко-

торыя она проходитъ, принимая тѣ опредѣленные виды, въ коихъ является намъ мимералами, растеніями и животными. Эти степени частнаго развитія жизни составляютъ различные отдѣлы царствъ, въ коихъ находятъ свое собственное, родное мѣсто тѣла, разсѣянные и перемѣшанные по лицу земному. Мѣста сіи назначены тѣламъ самою производительницею, жизнию: по-этому они естественны, постоянны; по-этому мы можемъ представлять ихъ въ системѣ, отличать признаками, изъяснять ихъ.

Но я долженъ предупредить, что хотя Природа и доступна для нашихъ системъ, однако она не вполне имъ подчиняется; что всѣмъ нашимъ разграниченіямъ и опредѣленіямъ есть своя мѣра, свой предѣлъ: следовательно, должна быть мѣра и требованіямъ отъ системъ нашихъ. Мы не можемъ положить точныхъ, рѣзкихъ граней ни царствамъ Природы, ни частнымъ ихъ отдѣламъ; не можемъ преслѣдовать систематически жизнь до послѣднихъ ея подробностей: она всегда выступаетъ изъ систематическихъ оплотовъ, и потопляетъ берега, назначаемые ей нашимъ разумомъ.

Чѣмъ глубже проникаете вы въ законы Природы, тѣмъ болѣе находите въ ней единства, простоты, постоянства, тѣмъ болѣе разумъ находитъ ее логическою, и спѣшитъ изобразить ее вѣрною, строгою системою. Но чѣмъ ближе и пристальнѣе вглядываетесь въ мельчайшія подробности ея явленій, тѣмъ болѣе представляется она фантастическою, разнообразною, многосложною, измѣнчивою, и вы хотите забыть систематическія оковы, и предаться свободному созерцанію и наблюденію сей игры жизни, свободной и поэтической, какъ самая мечта.

Можно ли определить рѣзкія границы между полосами радуги, между сіяніемъ и мракомъ, теплотою и холодою, между возрастами жизни? Нѣтъ! Здѣсь вездѣ постепенности, переливы, оттѣнки: такимъ же образомъ и въ царствахъ земныхъ тѣль вездѣ переходы, вездѣ свои разсвѣты, сумерки, свѣтотѣни; повсюду Природа представляется, какъ безконечная фантазмагорія жизни!.....

Когда глядимъ на птицу, звѣря, дерево, то различіе между животными и растеніями ясно, какъ день, очевидно даже простолудину. Но перейдите къ низшимъ отдѣламъ царствъ, и вы незамѣтно очутитесь въ области такихъ существъ, гдѣ потерялся уже образъ животныхъ и растеній, прежде столь ясный; гдѣ царства сходятся между собою; гдѣ растенія получаютъ животность, животныя растительность; гдѣ часто тѣ и другія имѣютъ въ себѣ много и минеральнаго; вы очутитесь на распутіи, гдѣ зоологи и ботаники спорятъ между собою за многія изъ сихъ существъ, присвоивъ ихъ каждый своей Наукѣ, и гдѣ являлись миротворцы, какъ Добантонъ и Неккеръ, которые у тѣхъ и другихъ отымали сіи пограничныя области, и составляли изъ нихъ особое, кратковременное царство, во славу своего имени.

Много можно представить такихъ двусмысленныхъ растеній и животныхъ, изъ числа поростовъ и полиповъ. Назову болѣе другихъ извѣстную бадягу *, которою наши поселанки румянятъ свои лица.

* Бадяга, или *наддмики*, составляетъ особый родъ, называемый натуралистами *badia*, *Oken*; *spongilla*, *Lam.* Ливней относилъ ее къ роду гречкой губки, и называлъ *spongia fluvialis*. Такимъ же образомъ ацетабль, *acetabulum*, *Lam.* относится обыкновенно къ полшпамъ; но, по убвренію Швейгера и Делля, принадлежитъ къ подорослямъ, чему свидѣетъ и Рейхенбахъ.

Органическое тѣло сіе, водящееся въ нашихъ прѣсныхъ водахъ, такъ мало имѣетъ животности, что только по очевидному средству его съ грецкой губкой видно, что оно принадлежитъ къ полипамъ, и такъ много въ немъ растительныхъ примѣтъ, что нѣкоторые изъ новѣйшихъ натуралистовъ, на примѣръ Шпренгель, перемѣщали его въ царство растений, между водораслей.

Подобное сему представляетъ маяльница, *oscillatoglia*, въ царствѣ растительномъ: это водорасль, похожій на другіе наши водорасли, на тинищу, нитчатку, *zygnema*, *conferva*, и проч. Она растетъ въ видѣ тончайшихъ нитей, подъ микроскопомъ представляющихъ трубочки, обозначенныя внутри параллельными колечками или полосками, состоящими изъ зернышекъ. Но сіи нити оказываютъ колебанія и движенія, до того сходныя съ движеніями животными, что многіе натуралисты относили маяльницу къ животному царству.

Но вотъ еще бациляріи, фрустуліи, гомфонемы, схинеллы, кои, по системѣ и Агарда, и Фриса, составляютъ низшую степень водораслей. Въ ихъ студенистомъ, маленькомъ тѣлѣ представляются зернышки свободныя, либо сначала соединенныя и потомъ раздѣляющіяся. Зерна сіи, по кристаллической формѣ своей, показываютъ приближеніе къ минеральному царству. Но Эренбергъ открываетъ въ нихъ ротъ, брюшной каналъ и по нѣскольку желудочковъ; находитъ, что зерна этихъ водораслей суть мельчайшіе полипы, или наливники, *infusoria*, соединенные, въ общей оболочкѣ, и перемѣщаетъ ихъ въ животное царство!

Въ слѣдствіе такихъ сближеній царствъ своими низшими областями, ихъ населенцы были называ-

*

емы животнорастениями, камнерастениями, растенье-животными, камнеживотными (зоофитами, литофитами, фитозоями, литозоями), и другими двоясмысленными именами, которыя отъ разногласнаго употребленія, къ сожалѣнію, почти потеряли свою значительность.

Но во всѣхъ сихъ существахъ есть еще определенный видъ жизни. Определенность сію можно преслѣдовать далеко, вооружая чувства, утончая наблюденія, конми можетъ разрѣшаться сомнительность и открываться подлинное значеніе сихъ пограничныхъ, обоюдныхъ существъ. Но гдѣ мѣра и конецъ человѣческой наблюдательности? Какихъ средствъ не придумаетъ еще умъ, для узнанія своей суженой, Природы, и обладанія ею?

По-этому, если примемъ даже, — чего нельзя и не принять, — что къ системъ какого либо царства должно относить только определенные виды, то и тутъ границы царствъ все будутъ для насъ въ туманномъ отдаленіи. Линней *хаосомъ*, *volvox*, *chaos*, называлъ почти весь микроскопическій міръ низшихъ полиповъ, или наливниковъ, и почиталъ его однимъ многообразно измѣнчивымъ существомъ. Но теперь сей хаосъ устроился въ Науку, и раздѣлился на разряды, роды и множество определенныхъ видовъ; и, у Бори-де-Сенъ-Венсана, глубоко проникнушаго въ микроскопическій міръ сихъ, такъ сказать, бесконечно малыхъ явленій жизни, именемъ *хаоса*, *chaos*, *B.*, называются уже другія начальныя существа органическаго міра.

Такъ, въ бесконечно великомъ мірѣ звѣздномъ нашему взору представляется Млечный путь, какъ полоса облачная. Телескопъ Гершеля разгоняетъ сей

туманъ, разръшая его въ безчисленное множество звездъ; но за ними виднѣются новые Млечные пути, и открываются новыя туманныя пятна въ пучинѣ безпредѣльнаго неба.

Кромѣ сихъ неопредѣленныхъ наблюденіями существъ, въ Природѣ есть еще множество земныхъ тѣлъ неопредѣленнаго вида, которыхъ нельзя назвать ни растеніями, ни животными, ни минералами; которыя озадачиваютъ всѣ наши системы, и отъ коихъ онѣ должны почти отказаться.

Здѣсь, во-первыхъ, представляется намъ цѣлый міръ измѣнчивыхъ подобій растеній и животныхъ, задуманныхъ и недоконченныхъ начатковъ новой организаціи, производимыхъ жизнью повсюду въ неорганическомъ и органическомъ мірѣ. Полуорганическія существа эти составляютъ, такъ сказать, междуцарствіе Природы. Они разливаются между ея царствами, какъ волны Средиземнаго моря, и подобно имъ они зыбки, разнообразны, причудливы, неуловимы. Они заливаютъ собою твердые берега царствъ Природы. Можетъ-быть, многіе изъ нихъ перейдутъ въ ихъ владѣніе; можетъ-быть, сами отымутъ и потопятъ еще часть сихъ береговъ: все это будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ наблюденій.

Съ другой стороны представляется намъ множество тѣлъ, происходящихъ въ органическомъ мірѣ, но образованія и значенія минеральнаго: ихъ не относятъ къ царству минераловъ, между-тѣмъ какъ въ систему сего царства вошло изъ органическаго міра множество переселенцевъ и плѣнниковъ, не рѣдко сохраняющихъ доселѣ свой національный составъ и строеніе, и рѣзко ими отличающихся отъ коренныхъ племенъ минеральныхъ.

Такимъ образомъ весьма затрудняется наша Нау-

ка, наша система Природы, ибо вездѣ жизнь представляется то возникающею и возвышающеюся, то разрушающеюся и упадающею; вездѣ она то восходить, то нисходить по ступенямъ своего бытія.

Отъ того Природа, будучи цѣлою, единою и постоянною вообще, является многосложною, разнообразною и переходчивою; отъ того повсюду представляетъ она переливы и свѣтотѣни, очаровательныя, поучительныя для живаго разумѣнія, и незамѣтныя, непонятныя для холоднаго вниманія, которое смотритъ на Природу, какъ на безоттѣночную картину Китайской живописи, и видитъ ее только въ рѣзкихъ очеркахъ и главныхъ цвѣтахъ.

Природа доступна для своихъ обожателей, плѣненныхъ и занятыхъ ея видимою красотою, рѣзкими чертами, тонкими подробностями; заставляетъ ихъ строить системы, но скрываетъ отъ нихъ тайныя изгибы души своей, и не вполне имъ предается. Она, подобно Пенелопѣ, непрерывно тчетъ и выпускаетъ пеструю ткань свою, забавляя обманчивою надеждою жениховъ—между тѣмъ, какъ дышавшій одию жизнью съ ней, ея возлюбленный, борется съ волнами сомнѣній въ своемъ далекомъ странствіи, и едва завидитъ берега роднаго острова.

М. МАКСИМОВИЧЪ.

Москва.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ,

КАРТИНА КАРЛА БРЮЛЛОВА *.

=

Послѣдній день Помпей, бѣдствіе великое и горестное, избрано Русскимъ Художникомъ, Карломъ Брюлловымъ, предметомъ для картины его, вышиною въ 22 и шириною въ 29 Римскихъ палмъ ($7\frac{1}{4}$ и $10\frac{1}{4}$ арш.').

Казалось, что предметъ этотъ, плачевный и страшный, долженствовалъ побѣдить силу Искусства; Искусство одержало верхъ надъ трудностью предмета. Но какъ дать понятіе о картинѣ Брюллова тѣмъ, которые ея не видали, какъ говорить объ ней съ тѣми, которые ее знаютъ? Нѣмая поэзія далеко превосходитъ въ этомъ случаѣ всякое выраженіе дара слова.

* Описаніе это переведено съ Италіянскаго. Оно вышло, въ прошломъ году въ Римѣ, въ видѣ брошюры, и сочинено известнымъ антикваріемъ, Кавалеромъ Висконти. Вотъ его заглавіе: *L'ultimo giorno di Pompeja, quadro dipinto dal Sig. Cavaliere CARLO BRULLO P. E. per il Sig. Anatolio de' Demidoff, etc., descritto dal Cav. VISCONTI, Socio ordinario e Segretario perpetuo della Ponteficia Accademia di Archeologia, etc., etc., Roma, 1833, pp. 30.* Рисунокъ этой картины, который мы получили очень поздно (24 Декабря), будетъ приложенъ ко второй книгѣ Журнала.

' Въ этой картинѣ всего 32 фигуры, не считая малыхъ, находящихся въ глубинѣ.

Неподражаемый Художникъ почерпнулъ вдохновеніе свое въ классическомъ повѣствованіи Плинія-Младшаго². Онъ самъ видѣлъ Помпею. Мѣсто происшествія въ картинѣ его представлено вѣрно; наружный видъ предметовъ вѣренъ; даже многіе несчастные случаи, которые она изображаетъ, отличаются историческою вѣрностью³. Вы находитесь посреди ужаснаго событія. Небо пылаетъ отъ необычайнаго и продолжительнаго блеска громовыхъ молній; Везувій изрыгаетъ свое убійственное пламя; пепелъ сыплется сухимъ дождемъ; камни падаютъ, земля дрожитъ, зданія колеблются: повсюду разрушеніе, трепеть, испугъ. Еще одинъ мигъ, и эта жестокая драма совершится, и уже не станетъ ни города, ни жителей: все будетъ покрыто, поглощено общемою могилою!....

Но еще нѣкій болѣзненный отблескъ жизни одушевляетъ этихъ несчастныхъ, окруженныхъ и пре-

² Мы имѣемъ два письма Каія Плинія Цецилія, въ которыхъ говорится о гибели Помпей и восьми другихъ мѣстъ, лежавшихъ на прекрасной и плодородной покатости Везувія. Оба они писаны къ Историку Тациту. Въ первомъ повѣствуетъ онъ о смерти дяди своего, Каія Плинія-Старшаго, погибшаго изъ любви къ Наукамъ въ то время, когда хотѣлъ онъ поближе рассмотреть это необычайное явленіе; въ другомъ описываетъ положеніе свое и матери, и сообщаетъ все, даже самыя мелкія подробности объ этомъ несчастномъ случаѣ и о бѣгствѣ жителей.

³ Всѣ писатели, которые говорятъ о древностяхъ Помпей, упоминаютъ о смутныхъ остаткахъ человѣчества, отысканныхъ въ ея развалинахъ, то есть, о людскихъ скелетахъ. Эти жертвы ужаснаго бѣдствія, при открытіи ихъ, найдены или въ объятіяхъ другъ у друга, или спрятавшимися въ подземельяхъ, гдѣ погибли онъ отъ голода. Почти подлѣ каждаго скелета лежали золотыя и серебряныя монеты и разныя драгоценности. Художникъ съ большимъ искусствомъ воспользовался этими показаніями; онъ воскресилъ своею кистию давао истлѣвшія фигуры и группы, и тѣмъ сдѣлалъ картину трогательнѣе и вѣрнѣе.

сладуемых неминуемую смертью. Въ нихъ еще есть сила надежды, сила отчаянія. Безчисленную, устрешенною, трепещущею толпою выбѣгаютъ они изъ города. Вотъ уже достигли предмѣстія Augustum Felix⁴. Гробницы, возвышающіяся подлѣ дороги, служатъ какъ-бы погребальною декораціею этой роковой сценѣ. Вдругъ, посреди ихъ бѣгства, раздается надъ ними грозный, оглушительный ударъ грома!.... Они останавливаются, и, пораженные ужасомъ, смотрятъ на небо, какъ-бы страшась, чтобы оно не обрушилось на ихъ головы. Пренный ихъ страхъ подавляется новымъ, и образуетъ нѣкоторый промежутокъ въ ихъ положеніи: эту минуту избралъ Г. Брюлловъ. Молнійный свѣтъ электрическаго удара, освѣщая фигуры, позволяетъ различить плачевныя приключенія съ бѣгущими отъ ужасовъ волкана⁵, и испуганная толпа народа, ищущаго спасенія внѣ города, превращена Художникомъ въ превосходную поэму, исполненную жизни и движенія, обильную разнообразными эпизодами.

Посмотрите только на это богатое семейство! Возсѣвъ на колесницу, оно льстилось надеждою спастись отъ гибели, и быстро уходило изъ города. Увы! самая быстрота бѣгства причиною остано-

⁴ Предмѣстие Augustum Felix открыто большею частію въ 1812 и 1814 годахъ. Оно простиралось на довольно большое пространство вдоль древней Геркуланской дороги. Самое его названіе свидѣтельствуетъ, что оно заселено было колоніями, выведенными Силою и Августомъ. Вотъ, что говоритъ Бонуччи въ своемъ Описаніи Помпеи: «При въездѣ въ предмѣстіе Augustum Felix, открывается видъ на всю длину древней дороги, ведущей въ городъ и на гробницы, въ разныхъ мѣстахъ стоящія по сторонамъ ея.» Это мѣсто выбрано Г. Брюлловымъ для его картины.

⁵ Плиній (VI, 20) подробно описываетъ молніи особняго рода, прорывавшія змѣйными чертами страшныя, черныя облака, и уподобляетъ ихъ обыкновенной громовой молніи, только въ большемъ видѣ.

ни и смерти. Испуганные громомъ кони не видяють браздамъ, разрываютъ ихъ; ось рухнула, и красавица повержена съ колесницы на землю. Она занимаетъ середину картины, и представлена въ скрученномъ положеніи тѣла, чѣмъ обнаружены ея прекрасныя формы. Паденіе остановило въ ней жизнь, — быть — можетъ, погасило ее совершенно. Подлѣ нея, трогательная фигура, стоитъ малолѣтній ея сынъ, который, съ ребяческимъ усиліемъ стараясь поднять ее съ земли, расторгъ застежку, придерживавшую на плечъ платье: грудь ея обнажилась. Поблизости лежать милыя красавицы украшенія и нѣсколько драгоценныхъ вещей, скудный остатокъ покинутого въ домъ богатства, который надѣялась она спасти отъ истребленія⁶. Между тѣмъ бышныя кони увлекають супруга ея къ вѣрной гибели, и онъ тщетно силится удержаться на колесницѣ и встать, чтобъ подать помощь поверженной своей подругѣ.

Вотъ примѣръ сыновней любви. Плечистый воинъ съ помощію юнаго брата спѣшитъ спасти престарѣлаго родителя отъ угрожающаго имъ бѣдствія. Подъятый на рамена сыновнія, старецъ возноситъ взоръ къ небу, и старается рукою закрыть себя отъ сыплющагося сверху пепла. Яркій свѣтъ молніи падаетъ на лысую голову, и во многихъ мѣстахъ отражается на его дряхломъ тѣлѣ. Эта группа беззодобна, но противоположности характера лицъ, составляющихъ ее. Воинъ являетъ вполне силу душевную и тѣлесную: послѣдняя обнаруживается въ рѣзкомъ очеркѣ всей его особы,

⁶ Колесо, лежащая женщина и разныя разбросанныя украшенія, действительно найдены въ развалинахъ Помпеи.

дышащей бодростью и жизнью; первая въ самомъ его движеніи: онъ лишь одинъ не оглянулся при страшномъ и внезапномъ ударѣ грома! Наклоненная къ землѣ голова его украшена отличною экспрессіею чувства: этотъ человекъ, который самъ ничего не боится, трепещетъ за драгоценную свою ношу, смотреть, чтобъ не оступиться, и, кажется, весь погруженъ въ этой умильной мысли. Юный братъ его, менѣе твердый, оглядывается страдальческимъ взоромъ: онъ уже утомленъ бременемъ, побѣжденъ страхомъ; испугавшись грома и молніи, онъ невольно остановился въ ту минуту. Въ отцѣ, удрученномъ лѣтами, всѣ члены опустились. Это старецъ, лишенный бодрости, трепещущій, бездушный.

Взгляните на эту благородную фигуру, которая съ такимъ чувствомъ говоритъ что-то старушкѣ, сидящей на ступени зданія, подлѣ дороги! Это нѣжныя черты сына. Онъ умоляетъ мать свою встать, собраться съ силами, продолжать путь; она, утомленная, обезсилѣвшая, унылая, проситъ его заботиться только о своемъ спасеніи и оставить ее на произволъ судьбы. Кажется, Художникъ думалъ здѣсь о Плиніи-Младшемъ, и желалъ, чтобы зритель думалъ то же⁷.

Примѣры чувствъ этого рода не исключаютъ и сильнѣйшихъ впечатлѣній. Двѣ самыя обворожительныя для человѣческаго сердца прелести, юность и красота, украшаютъ эту злополучную дѣву, которую общественное бѣдствіе застигло въ блажен-

⁷ Плиній именно описываетъ эту борьбу любви сыновней съ любовью материнскою. Мать Плинія просила его уходить и не думать объ ея спасеніи. Онъ принужденъ былъ схватить ее за руку и насильно утащить съ собою.

нѣйшія минуты ея жизни. Она въ то самое время готовилась вкусить сладость гименея. Еще на чудесной ея головѣ видны свадебное украшеніе и вѣнокъ изъ розъ; еще дѣвическое покрывало, послѣдняя завѣса стыдливости, раскинуто по ея плечамъ. И она безъ чувствъ, на рукахъ супруга, который не такъ собирався принять ее въ свои объятія!... Нельзя пересказать, какъ горестенъ видъ этого молодого человѣка: скорбь, его удручающая,

Tanto è amara, che poco più è morte!

«пакъ горька, что самая смерть не многимъ ее превосходить.» (Dante, Inferno I, 7.)

Въ противоположность роковому спокойствію этой группы, которою оканчивается картина, съ правой стороны, позади ея виденъ всадникъ, опасно борющийся съ своимъ конемъ. Онъ силится удержаться на спинѣ его; конь пышитъ и храпитъ отъ ярости, брыкается, мечется, стараясь сбросить всадника. Эта борьба увеличиваетъ еще опасность окружающихъ: они могутъ быть поражены конскими копытами. Между-тѣмъ несчастія умножаются вокругъ нихъ. Отъ потрясенія почвы, двѣ статуи, столкнутыя съ вершины одного надгробнаго памятника, летятъ на землю, и паденіемъ своимъ угрожаютъ размозжить бѣгущихъ⁸.

Другая группа, не знаю чѣмъ крѣпче соединенная, любовію ли или страхомъ, кажется, совершенно выходитъ изъ картины, — такъ велико волшебство свѣта и красокъ! Это цѣлое семейство, ищущее спасенія. Нагота дѣтей, недостатокъ обуви и без-

⁸ Двѣ, изображенныя въ картинѣ, статуи найдены у подножія той самой гробницы, съ которой были низвержены.

порядокъ въ одеждѣ старшихъ, доказываютъ нечаянность и поспѣшность ихъ бѣгства. Мужчина поднялъ къ верху плащъ свой, въ защиту отъ падающихъ пепла и камней. Къ нему крѣпко прильнула его жена, съ нѣжностію прижимающая къ груди одного изъ маленькихъ дѣтей своихъ. Другой ребенокъ, немного постарѣе перваго, ухватился въ испугъ за одежду матери, ища въ ней прильжища. Ужасенъ взоръ мужчины!..... Онъ страшно глядитъ на грозящее небо, на увеличивающееся пламя, на исчезающую надежду. Въ этомъ движеніи, кажется, приостановилось все волненіе его души, преодоливаемой новою, гораздо мучительнѣйшею скорбію; сильный трепетъ пробѣгаетъ по его членамъ, рисуясь по нимъ судорожно и рѣзко. Положеніе супруги неизъяснимое!..... А между - тѣмъ, ребенокъ, котораго она держитъ на рукахъ, со всею невинною простотою дѣтства протягиваетъ ручки къ сидящей неподалеку на землѣ птичкѣ, которую необычайный мятежъ воздуха сдѣлалъ почти ручною.

Вблизи этой группы, мать, въ горестнѣйшемъ положеніи, преклоняетъ одно колено къ землѣ посреди двоихъ дочерей, которыя также стоятъ на коленяхъ. Онъ молятся богамъ своимъ, тогда, какъ страшный громъ и блескъ вырывающагося изъ нѣдръ тучи пожара, колебаніе почвы и ужасный видъ пламени, все окрестъ являетъ имъ божество неумолимомъ, жестокимъ. Несчастливая мать открываетъ уста для выраженія отчаянной печали, и теряетъ всю свою вѣру въ ложныхъ боговъ, которые не могутъ или не хотятъ ее спасти. Съ лицомъ негодующимъ и блѣднымъ, она вперила неподвижно - грозные глаза свои на небо, и жестокое волненіе души изсушаетъ въ ней источникъ слезъ, но не можетъ заглушить чувствъ материнскихъ: она открыла объятія свои, чтобъ сжать въ нихъ милыхъ сердцу доче-

рей. Въ одномъ этомъ движеніи сосредоточиваются, кажется, всѣ ощущенія растерзаннаго ея сердца, и она единственно за своихъ дѣтей скорбитъ такъ ужасно. Старшая дочь, подобно матери, убита горестью; младшая сложила руки для молитвы: она плачетъ, и умильно проситъ о спасеніи. Юная и невинная, она еще не совсѣмъ потеряла надежду!...

Этотъ старецъ, почтенной наружности, съ сѣдою бородою, приближающійся къ нимъ печальной группѣ, есть Христіанскій священнослужитель. Символь искупленія, святой признакъ его сана, виситъ у него на груди. Въ одной рукѣ онъ держитъ факель, чтобы осветить мракъ этой гибельной ночи; въ другой несетъ священную утварь, тщательно завернутую въ пурпуровую ткань. Въ благородномъ и простомъ лицѣ его отражается добродѣтель. Съ твердостью покоряется онъ таинственнымъ законамъ Природы, и одинъ во всей толпѣ спокойно смотритъ на это бушующее небо, ибо въ утѣшительной его религіи, тамъ, гдѣ пресѣкается надежда, начинается вѣра. Но посмотрите на этого языческаго жреца, удачно выведеннаго на сцену, чтобы показать различіе чувствовавшей въ одномъ и томъ же бѣдствіи! Какой взглядъ мечетъ онъ въ небеса, гдѣ для него уже нѣтъ божества!..... Онъ не вѣритъ, и не надѣется. Въ этихъ двухъ фигурахъ цѣлыя двѣ Исторіи.

Горсть людей толпится вокругъ *Скауровой гробницы*⁹, возвышающейся на нѣсколькихъ ступеняхъ позади описанныхъ нами фигуръ. Кажется,

⁹ Скаурова гробница есть одинъ изъ лучшихъ памятниковъ, открытыхъ по Геркуланской дорогѣ, послѣ гробницъ *Исволеи* и *Кальвенціа*. Она и теперь стоитъ на ступеняхъ, точно въ томъ видѣ, въ какомъ изобразилъ ее Брюлловъ.

будто нѣкоторые забрались внутрь ея, въ надеждѣ обрѣсть безопасный пріютъ. Но памятникъ грозитъ обрушиться.... Одна фигура выбѣгаетъ оттуда съ зажженною лампадою; другая высунулась въ двери въ необычайномъ испугѣ. Между-тѣмъ, иные, не замѣчая близкаго обрушенія памятника, взлѣзаютъ на его ступени, чтобы пріютить нѣсколько драгоценныхъ пожитковъ. Сильный юноша, съ наклоненною головою и согнутою шеей, несетъ на плечахъ богатыя Римскія кресла. Согбенное положеніе его превосходно! Напряженіе членовъ отъ тяжести ноши — совершенная природа! Другой человекъ, идущій позади, торопитъ его, и помогаетъ взлѣзть на ступени. Тутъ же скупецъ, душа котораго вѣчно ползаетъ въ грязи, не примѣчая грозящей ему гибели, наклонился, чтобы собрать съ земли нѣсколько монетъ, выпавшихъ изъ его сокровища. Въ группѣ лицъ, стоящихъ подлѣ, Художникъ вѣрно и прекрасно изобразилъ обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ разстройство присутствія духа у людей малодушныхъ, которые, выбѣгая изъ преданнаго внезапному разрушенію дома, уносятъ съ собою не драгоценныя или самыя нужныя вещи, но тѣ, которыя чаще бываютъ у нихъ въ употребленіи, или прежде другихъ попадутся подъ руку. Въ картинѣ его, одна дѣвушка держитъ потушенную лампаду, какъ-будто для того, чтобы свѣтить ею; другая молодая женщина, неся на головѣ глиняный сосудъ, стремится за тѣми, которые спѣшатъ къ памятнику; но предваренная крикомъ и знаками одной изъ сестеръ своихъ о близкомъ паденіи гробницы, она такъ испугалась, что отняла обѣ руки отъ сосуда, который частію отъ этого, частію отъ быстрого ея движенія вспять, запатался и падаетъ съ головы. Выраженіе лица, данное Художникомъ этой фигурѣ, доведено до высочайшей степе-

ни превосходства остолебтнїемъ ея взора: устранные, открытые болѣе обыкновеннаго глаза ея смотрять пристально, не устремляясь ни на какой опредѣленный предметъ. Наконецъ, вдали, видите вы живописца, сложившаго себѣ на голову всѣ принадлежности его Искусства. Это портретъ самого Брюллова. Удивляющіеся знаменитому его произведенію съ удовольствіемъ остановятъ взоръ на его лицѣ.

Картина эта, столь живая и разнообразная, столь глубоко обдуманная, столь совершенно выраженная, такъ потрясаетъ душу зрителя, что едва ли кто можетъ проникнуть исчислить всѣ соединенныя въ ней красоты, всѣ трудности, преодолѣнныя Художникомъ. Съ какимъ искусствомъ правдоподобное сочетается здѣсь съ чудеснымъ; сколько требовалось умѣнья, чтобы одно и то же чувство разнообразить въ столько различныхъ видовъ, и выразить силу и степень страданія, надежды и горя, согласно свойствамъ и характеру каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ, какая гармонія и равновѣсіе въ колоритѣ предметовъ, въ игрѣ лучей, переломанныхъ, яркихъ, отраженныхъ, какими обыкновенно озаряетъ насъ огромная, но бѣглая, масса молнійнаго блеска! У Г. Брюллова не было образцовъ для подражанія. Картина его вся создавалась въ его умѣ, и, перенося на полотно свою поэмѣ, онъ умѣлъ отыскать все въ богатомъ своемъ воображеніи. Заключимъ статью нашу похвалою, должно описанному нами произведенію: *Это картина, завиднѣйшая въ Природѣ очами души!*

В. С.

=

Кромѣ этого прекраснаго и ученаго отчета о произведеніи, которое незабвенный Вальтеръ-Скоттъ,

посылая въ Римъ мастерскую Карла Брюллова, называвъ «не картиною, но Эпопеею», получили мы изъ Италіи множество другихъ описаній «Последняго дня Помпей», стиховъ въ честь нашему художнику и печатныхъ объ немъ статей. Мы надѣемся доставить истинное удовольствіе нашимъ читателямъ, сообщая имъ нѣкоторыя извлеченія изъ сужденій иностранцевъ о талантѣ нашего соотечественника.

Въ «Отчетъ о Выставкѣ Изыщныхъ Художествъ въ Миланѣ, въ 1833 году*», Профессоръ Дель-Кьяппа, перепечатавъ отъ слова до слова описаніе картины Брюллова, изданное Висконтіемъ, присовокупляетъ:

«Уже два года имѣемъ случай говорить объ изумительныхъ твореніяхъ этого художника, приносящаго честь и Россіи, и небу Италіи, отъ котораго получаетъ онъ блистательныя свои вдохновенія.

«Картина, которую теперь выставилъ онъ во дворецъ Бреры, есть плодъ долгаго, пятилѣтняго размышленія и быстрою исполненія въ нѣсколько мѣсяцовъ. Живописецъ желалъ представить одно изъ самыхъ горестныхъ событій исчезнувшаго міра, и тщательно изучалъ средства, какъ бы поднять таинственную завѣсу; но едва приподнялъ край ея, какъ пыкая его душа вдругъ преодолѣла всѣ преграды, и ужасное явленіе, подробностей котораго доискивался онъ съ такимъ трудомъ, скоро и свободно вылилось на полотно, въ естественной величинѣ.

«Мы должны дать наше сужденіе объ его картинѣ. Оно будетъ коротко.

* LE BELLE ARTI IN MILANO nell' anno 1833, relazione del Prof. Giuseppe del Chiappa. Milano, 1833, pp. 44.

«Г. Брюлловъ желалъ показать въ ней, до какой степени сила экспрессіи можетъ соединиться съ живописью масляными красками, и показать въ вѣкъ такомъ, какъ нашъ, потрясаемомъ сильными страстями и ищущемъ самыхъ сильныхъ ощущеній. Всякое сравненіе стіля этой картины со стилемъ прежнихъ живописцевъ было бы неумѣстно. Каждый вѣкъ долженъ имѣть свой стиль, и стиль Брюллова достоинъ могучаго генія, умѣющаго чувствовать такъ, какъ только немногимъ привилегированнымъ душамъ дается это въ наше время. Тѣмъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что и другіе должны подражать его манерѣ: кто будетъ пытаться подражать ему, тотъ пропасть! Мы хотимъ только выразить, что Брюлловъ, подобно нѣсколькимъ современнымъ художникамъ, призналъ ту великую истину, что надобно непременно отложиться отъ такъ называемаго академическаго стіля, и что живописецъ долженъ изучить всѣ прекрасныя и дышащія жизни манеры великихъ художниковъ прошлаго времени, а потомъ писать такъ, какъ ему внушаютъ фантазія и сердце, когда они сильно напитаны высокимъ, производящимъ истинное потрясеніе въ душѣ.

«Главная характеристика стіля Г. Брюллова состоитъ въ глубокомъ знаніи всего того, что составляетъ подлинно живописный эффектъ. Самовластно владея свѣтомъ и тѣнію, онъ отторгаетъ отъ полотна предметы и фигуры, и выводитъ ихъ впередъ съ удивительною выпукlostью. Смѣлѣе другихъ современныхъ художниковъ, онъ самъ нарочно ищетъ непомерныхъ трудностей, чтобъ бороться съ ними и остаться побѣдителемъ. Онъ не боится оживлять свои группы самыми быстрыми и смѣлыми движеніями и сообщать фигурамъ самую

трудныя положенія тѣла. Здѣсь мечеть онъ масси свѣта; тамъ водворяетъ такой иракъ, что невольно затрепещешь. Необыкновенно искусный рисовальщикъ, онъ простираетъ ловкость свою въ этомъ отношеніи до самой той точки, о которой едва смѣешь сказать, что здѣсь еще Искусство управляетъ рукою чловѣка: одинъ шагъ далѣе, и Искусство было бы уже потеряно!

«Чтобъ заключить въ одномъ словѣ все, что думаемъ объ этой картинѣ, не видимъ другаго средства, какъ повторить извѣстное изрѣченіе объ одномъ изъ первоклассныхъ твореній Микель-Анджело: *«Это ужасъ по части живописи!»*»

Другое пространное описаніе вышло, также въ Миланѣ, подъ заглавіемъ: «Большая картина Кавалера Карла Брюллова, описанная Ф. Амброзоли*.» Восхищаясь поочередно всеми ея частями, авторъ такъ оканчиваетъ свое сочиненіе: «Передъ этимъ мастерскимъ произведеніемъ (*chef-d'oeuvre*) всегда толпится большая половина посѣтителей Выставки, и, среди единогласнаго удивленія, многіе произносятъ имена знаменитѣйшихъ нашихъ живописцевъ, ибо въ однихъ частяхъ картины видите вы величавость Микель-Анджело, въ другихъ непзъяснимую прелесть кисти Гвида Рени; въ нѣкоторыхъ даже мѣстахъ молодой художникъ какъ-будто является Рафаэлемъ или воскрешаетъ Тиціана. И всѣ эти разнородныя манеры размѣщены такъ искусно, слиты съ такимъ непостижимымъ умънемъ, переняты такъ смѣло, откровенно, безъ всякаго подражанія или рабской поддѣлки, что каж-

* GRAN QUADRO DEL CAVALIERE CARLO BRULLOFF rappresentante l'ultimo giorno di Pompeja, esposto nelle sale del palazzo di Brera e descritto da FRANCESCO AMBROSOLI. Milano, 1833, pp. 12.

дѣй принужденъ воскликнуть: Онъ весь тутъ, тотъ, которымъ художникъ хотѣлъ явиться въ этомъ мѣствѣ!

« Не наше дѣло говорить, что въ этомъ огромномъ твореніи встрѣчаются какія-либо неисправности въ рисунокъ или ошибки въ распредѣленіи свѣта и тѣни. Въ такомъ числѣ предметовъ почти свѣше человѣческихъ силъ сдѣлать все въ совершенствѣ. Однако жъ, смѣемъ утверждать, что мы слышали лучшихъ нашихъ художниковъ, до небесъ превозносящихъ похвалами высочайшую исправность и чистоту рисунка. Нѣкоторые старались сомнѣваться въ томъ, разсудительно ли, даже возможно ли, представлять дѣйствіе при мгновенномъ свѣтѣ молніи. Но развѣ живопись часто не представляетъ человѣческихъ лицъ съ отпечаткомъ на нихъ чувствованій и движеній души, гораздо мгновеннѣе молніи? Сверхъ того, молніи, непрерывно исчерчивающія тучи, легко могутъ образовать на нѣкоторое время почти непрерывное освѣщеніе. Тѣ, которые вздумали дѣлать подобный упрекъ Брюллову, должны бы помнить, что говоритъ Плиній о длинныхъ чертахъ пламени, котораго, въ ту гибельную ночь для Помпеи, прорѣзывали облака: онъ только уподоблялись молніямъ, но были огромныя молніи. Когда дѣло идетъ о явленіи, котораго никто изъ насъ не былъ очевидцемъ, непозволительно подвергать живописца взысканіямъ такого рода, и должно обо всемъ судить по эффекту, по впечатлѣнію, которое умѣлъ онъ произвести въ зритель. Ежели оно согласо съ предметомъ картины и не зависитъ отъ невозможныхъ средствъ, онъ сдѣлалъ все, чего только мы въ правѣ требовать отъ Изящнаго Искусства. »

Вотъ, какъ « Миланская Газета », съ своей стороны отзывается объ этомъ произведеніи Русскаго

художника: слова ея доказываютъ, что торжество Карла Брюллова не есть слѣдствіе снисходительнаго удивленія людей, желающихъ только поощрить юныя дарованія иностранца, но что его картина взволновала всѣ плоскія зависти и даже народныя предразсудки, гнусныя и злобныя самой зависти.

«Съ перваго взгляда, страшный и величественный предметъ, разрушеніе Помпей, долженствоваль бы казаться болѣе поэтическимъ, нежели живописнымъ, если бѣ предприимчивая кисть Брюллова не представляла явнаго доказательства, что для генія ничего нѣтъ невозможнаго, что онъ не знаетъ для себя трудностей, и даже стремясь прямо къ своей цѣли, самъ изобрѣтаетъ себѣ гораздо большія. Кто изъ зрителей, удивляясь огромной картинѣ, на которой Живописецъ изобразилъ погибель этого города, не раздирается тысячью различныхъ чувствованій; кто не принужденъ сознаться, что подобное произведеніе будетъ отнынѣ составлять эпоху въ лѣтописяхъ Искусства? Мы не станемъ доказывать, въ состояніи ли кто либо изъ современныхъ Художниковъ, или нѣтъ, возымѣть точно такое же вдохновеніе и олицетворить кистию столь же могущественный предметъ: разсужденія этого рода обыкновенно происходятъ только изъ головъ, обуреваемыхъ духомъ партіи, и ничего не доказываютъ въ чью либо пользу. Мы попросту скажемъ, что, по нашему мнѣнію, испанская картина съвернаго Художника есть произведеніе единственное въ своемъ родѣ, и что мы не знаемъ ни одной картины новѣйшихъ временъ, которая могла бы равняться съ нею, какъ въ смѣлости вымысла, такъ и въ успѣхѣ по части исполненія.

«Всякое произведеніе, подвергнутое суду публики, и которое приговоръ ея, по зрѣломъ разсмотрѣніи,

провозглашаетъ неподобнымъ, высокимъ, долженствовало бы, кажется, остаться такимъ безъ дальнейшей апелляции. Весьма немногія лица съ истинными дарованіями имѣютъ справедливую причину жаловаться на мнѣніе, произносимое публикою объ ихъ трудахъ, ибо вкусъ къ изящнымъ твореніямъ и склонность къ строгому ихъ разбору происходятъ изъ одного и того же начала, и всегда идутъ дружно.

«Это пышное созданіе волшебной кисти Брюлло-ва, хотя произведенное иностранцемъ, должно было найти въ нашей Италиі безпристрастныхъ судей, такъ, какъ оно найдетъ ихъ повсюду.

«Народъ несметною толпою тѣснится всякой день передъ этимъ могучимъ осуществленіемъ ужаса, и изъ толпы вырывается одинъ голосъ, потрясающій всѣ уста: это голосъ хвалы, изумленія!

«Глубина картины освѣщена изверженіемъ Везувія. Облака черны, насыщены электричествомъ. Отвсюду лѣтеть на землю огненное вещество, изрыгаемое вулканомъ. Пламя Везувія не такъ ярко, какъ многіе, можетъ-быть, того желали бы; но тутъ именно Живописецъ хотѣлъ явить силу своего генія. Онъ рѣшился озарить переднюю часть картины бѣлымъ, мгновеннымъ свѣтомъ громоваго удара, — намѣреніе, которое казалось бы несбыточнымъ безъ очевиднаго доказательства въ противномъ. Отвѣтственность за выборъ такого дерзкаго освѣщенія лежала вся на художникѣ: его вкусъ, его талантъ, долженствовали получить тутъ или награду, или наказаніе, — но онъ сильно схватилъ умомъ нечаянно вспыхнувшую на небѣ молнію, со всѣмъ ея ужасомъ и великолѣпіемъ, удержалъ, затвердилъ ее въ своей душѣ, и, разливъ по полотну послушною

кистью, представилъ глазамъ въ изумительнѣйшемъ видѣ. Почти всѣ главныя фигуры облиты ея ослѣпительнымъ блескомъ: цвѣтъ этого свѣта неизяснимъ. Обыкновенныя тайны Искусства едва ли могли указать Художнику, какія именно краски слѣдовало брать для этого съ палитры: Художникъ, ведомый своимъ вдохновеніемъ, самъ указалъ путь часто невѣрнымъ правиламъ художества, и создалъ новое, ему принадлежащее, правило, которое состоитъ въ примѣръ, не въ словахъ. Горе тѣмъ, которые, не будучи одушевлены такимъ же высокимъ дарованіемъ, какое столь блистательно и неоспоримо явилъ Брюлловъ, пожелади бѣ подражать этому примѣру! Нововведеніе, совершаемое мощнымъ гениемъ въ Художествахъ и въ Словесности, всегда привлекаетъ къ себѣ толпы подражателей, и наконецъ производитъ настоящія карикатуры вкуса, — манерность въ Художествахъ и неистовый родъ въ Словесности. Побуждая молодыхъ художниковъ къ удивленію картинъ Брюллова, заохочивая ихъ даже изучать ее по частямъ, мы отнюдь не советуемъ брать ее за образецъ въ цѣломъ, ибо подѣленіе такого смѣлаго гения никогда нельзя подѣлаться съ успѣхомъ, а подобный образецъ можетъ содратить съ хорошаго пути молодыхъ людей, еще нетвердыхъ въ Искусствѣ.» (Слѣдуетъ подробное описаніе, которое мы пропускаемъ). «Съ силою кисти, непостижимою въ своихъ тайнахъ, съ легкостью и свободою рисунка, которымъ Искусство не въ состояніи выучить посредственныя дарованія, съ безпредѣльною властію надъ перспективными эффектами, Брюлловъ запечатлѣлъ въ чертахъ лицъ и тѣлодвиженіяхъ своихъ фигуръ всѣ страсти и чувства, приличныя предмету, — страхъ, уныніе, ужась, отчаяніе материнской любви, — все, все у него удивительно!

«Главные части величественны; дополнения и подробности набросаны мастерскою рукою. Однимъ словомъ, картина эта верхъ художества, по общему признанію артистовъ и любителей.»

Biblioteca Italiana, лучшее изъ Италіянскихъ современныхъ изданій, также не умолчала о необыкновенныхъ достоинствахъ картины Карла Павловича Брюллова. Въ этомъ Журналь напечатано объ ней только нѣсколько строкъ, но онѣ могутъ быть названы выраженіемъ общаго восхищенія всей Итали. «Помысль былъ чрезвычайно дерзкій, исполненіе то же; но эффектъ Последняго дня Помпеи еще дерзновеннѣе и изумительнѣе. Люди, хоть нѣсколько свѣдущіе въ божественномъ Искусствѣ живописи, почти не могутъ повѣрить, чтобы сочинителю было отъ роду не болѣе тридцати лѣтъ. Все, что поэтическое воображеніе въ силахъ постигнуть прекраснаго и высокаго для трагическаго явленія; все, что могущество кисти, разнообразіе группъ, перспектива и оптической обманъ въ состояніи явить на полотнѣ, — все дружно соединилось въ душѣ молодаго Брюллова, чтобъ оживить его художническую руку и въ то же время увѣнчать его юное и благородное чело!..... Земля, потрясенная въ своихъ основаніяхъ; опрокинутые чертоги и храмы; подъ мрачнымъ небомъ, Везувій, изрыгающій множествомъ жерлъ потоки огня, каменный градъ и лаву, которые, подобно бурнымъ волнамъ, поглощаютъ все окрестъ, — и ослѣпительный отблескъ громоваго удара освѣщаетъ всю эту ужасную сцену тмы, замѣшательства и горя, эти толпы жителей, бѣгущихъ со страхомъ и съ смертельною блѣдностью въ лицѣ, этихъ несчастныхъ матерей съ малютками у груди, жестоко раздирающими вамъ сердце своими слезами и стономъ!..... Все въ этой картинѣ

истина, все сила, очарованіе; все велико, все дѣлаетъ Брюллова великимъ живописцемъ.»

Заклучимъ эти выписки нѣсколькими словами, извлеченными изъ письма одной Русской дамы (8 Сентября, 1833), бывшей свидетельницею торжества соотечественника своего въ Миланѣ. «Я внѣ себя, при видѣ необыкновенныхъ успѣховъ нашего Брюллова, провозглашеннаго Микель-Анджеломъ XIX вѣка. Описать вамъ красоту этой картины я не въ силахъ; но скажу, что фанатизмъ, произведенный ею въ любителей, въ знаменитѣйшихъ здѣшнихъ художникахъ, даже въ простомъ народѣ, превосходитъ всякое понятіе. Въ театрѣ импровизировали ему стихи; оглушенный рукоплесканіями, онъ принужденъ былъ спрятаться въ углу ложи. Народъ толпится, чтобъ только его увидѣть. Стѣны домовъ всѣ исписаны его именемъ, которое уже бессмертно.»

Изъ числа напечатанныхъ и импровизированныхъ въ честь нашему великому живописцу Италіянскихъ и Латинскихъ стиховъ, предѣлы повременнаго изданія дозволяютъ намъ удѣлить любопытству читателей только двѣ коротенькія пьесы, — Сонетъ Графа Кастельбарка и Латинскую надпись монаха Розани.

ALL' ESIMIO PITTORE C. BRULLOFF,

SULL' AMMIRABILE QUADRO, LA CADUTA DI POMPEJA.

Spirito sublime, ad inusata via
 Ergesti il volo: in te pittura estese
 L'antica possa, e fece in te palese
 Che le angustie dell'arte il genio obblia.

È veritate, è storia, è fantasia
 Quello che il tuo pennel magico rese!...
 Come il balen, come il vulcano acceso,
 A tal che d' ambo il vario lume dia?
 Tema, pietade, amor, rabbia e spavento
 Sui volti hai pinto, e tanti affetti uniti
 In me destasti a togliermi l'accento.
 Ed Italo non sei? E strani liti
 Hanno prodotto in te sì gran portento?
 È ver, ma Italia a tua maestra additi.

Cesare di Castelbarco.

«Брюлловъ выставилъ еще два портрета, написанные имъ весьма скоро, въ которыхъ рѣдкою кистию своею далеко уклонился онъ отъ рода тщательной отдылки въ живописи, и которыми однако же сообщили удивительный эффектъ, не впадая въ легкость, отызывающуюся вездѣиѣмъ. Это два мастерскія творенія (chefs-d'oeuvre), совершенно влады кисти Фанъ-Дайна (Вандина).» *Примечаніе сочинителя Сомеши.*

=

Excidii praesaga feri transcurrere coelum
 Fulmina; sub pedibus terram subitoque moveri,
 Undantem et latè Vesevum effervere in agros,
 Quassari atque ipsam, video, considerare et urbem.
 Ecce ruit praeceps, comitumque oblita suorum,
 Turba, per insolitos discurrit devia calles!
 Diffugit ecce senex, juvenis, divùmque sacerdos,
 Sponsa, maritus, equi, mixti cum milite, currus!
 Tale magisterium, tanta vis insita rebus,
 Ut quicumque oculus valet dignoscere verum,
 In tabula, Brulloffe, tua nihil amplius optet;
 Tempus et ad Mortem, quae secum immota superstat
 Pompejanae urbis tumulo, jam destruo, clamat:
 «Falce ego nequidquam, frustra tu falce trucidas!»

Joannes Baptista Rosani,
 « Scholis Pis.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1.

**ДО КАКОЙ СТЕПЕНИ ВОЗВЫСИЛИСЬ
НАШИ МАНУФАКТУРЫ?**

=

Мы были свидетелями на Выставкѣ сего года чрезвычайныхъ успѣховъ нашихъ фабрикъ во всѣхъ почти родахъ мануфактурной промышленности. Наши сукна, бумажныя и шелковыя матеріи, парчи, ленты, шали; наши стекло и хрусталь, фарфоръ и бронза, металлическія издѣлія, химическіе продукты, лакированныя вещи, люстры изъ композицій, мебель въ отличномъ вкусѣ, клеенки и прочее, обращали на себя изумленный взоръ посѣтителей, прельщали отдышкою, красивыми формами, вкусомъ и всѣми качествами, отличающими лучшія въ каждомъ родѣ произведенія. При семъ ослѣпительномъ видѣ, всякъ какъ будто недоумывалъ, чтобы все это было дѣло ума и рукъ отечественныхъ. Кто бы подумалъ, за двадцать лѣтъ передъ симъ, видѣть такіе успѣхи нашихъ мануфактуръ на новомъ поприщѣ промышленности? Давно ли еще мы не могли употреблять другой одежды, какъ изъ иностраннаго сукна и тканей? Давно ли убранства нашихъ домовъ выписывались изъ-за границы? Давно ли даже самыя простыя стальныя вещи, не говоря уже о машинахъ и математическихкихъ инструментахъ, доставлялись намъ изъ чужихъ

краевъ? Однимъ словомъ, за двадцать лѣтъ передъ сѣмь, не болѣе, Россія была Англійскою колоніею въ семь отношеніи. А нынѣ, какъ все измѣнилось! Мы уже почти не употребляемъ другихъ суконъ, кромѣ своихъ. Нашъ прекрасный полъ, при всемъ пристрастіи къ иностранному, не стыдится наряжаться въ Русскія матеріи; дома знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ особъ украшаются убранствами Русскаго художества; на столахъ ихъ бронза, стекло и фарфоръ отечественные; множество машинъ, инструментовъ, орудій и другихъ издѣлій производится въ нашихъ мастерскихъ. Многія сотни тысячъ рукъ, и, можетъ быть, милліоны, заняты полезною работою; повсюду дѣятельность, предпримчивость, развитіе ума, изобрѣтенія и усовершенствованія; въ Государствѣ остаются знатные капиталы, выходявшіе прежде за границу. Кто не порадуется, кто не подивится такому счастливому перевороту, совершившемуся въ столь короткое время!

Нѣтъ нашего намѣренія преувеличивать похвалу, ни лѣстить выше мѣры самолюбію. Успѣхи нашихъ мануфактуръ хотя и удивительны быстротою, однако еще не даютъ имъ права стать на ряду съ лучшими иностранными. Сознаемся безъ пристрастія, что мы еще далеко не достигли до той степени совершенства, на которую вознеслись образованнѣйшія націи: на лѣствицѣ мануфактурной промышленности мы не поднялись еще даже до половины; еще больше ступеней у насъ впереди, нежели сколько позади. Но можно ли, по справедливости, упрекать въ томъ нашихъ фабрикантовъ?.... Десять или двадцать лѣтъ, не болѣе; а тамъ — вѣки! Заря просвѣщенія въ Искусствахъ, въ Химіи, Механикѣ, Металлургіи, а тамъ — полный свѣтъ въ полудни! Первые опыты въ производствахъ; а тамъ — долговѣщій навыкъ! Скудость капиталовъ, а тамъ — изобиліе! Совершенное незнаніе силы и могущества сообществъ, а тамъ — чудеса сей силы! Крайнее недоувѣріе, а тамъ — полное обезпеченіе кредита!..... Сколько причинъ, дающихъ иностранцамъ преимущество предъ нами!

Но какъ суровость климата на Сѣверѣ приметно смягчилась, такъ съ теченіемъ времени измѣнятся и стихіи нашего вещественнаго благосостоянія. Время и неослабое стремленіе по предложенному пути довершать столь успешно начатое, и приближать къ желаемой цѣли. Только не ослабѣвать! Все вокругъ насъ идетъ впередъ; остановиться значитъ отступить. На дальнемъ пути первые шаги всегда быстры; чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе. Отъ того и первые успѣхи нашихъ мануфактуръ были столь быстры; далѣе путь круче, трудностейъ больше. Не великаго искусства дѣло обтесать изъ мрамора подобіе челоуѣка; но дать ему жизнь, изваять Аполлона, — можетъ только рѣзецъ Фидіаса, Кановы.

Слышны также жалобы на дороговизну нашихъ товаровъ. «Безъ высокихъ пошлинъ, говорятъ, большая часть нашихъ фабрикъ рушились бы.» Справедливо! Но не такъ же ли возвысились фабрики иностранныя? и даже, возвысясь уже, не продолжаютъ ли ограждать себя высокими пошлинами? Англія, болѣе всѣхъ проповѣдующая выгоды свободной торговли, — Франція, Австрія, Пруссія и Сѣверная Америка, оградили рынки свои тарифами. Исторія всѣхъ мануфактурныхъ Государствъ свидѣтельствуетъ, что только подъ защитою тарифовъ могли возникнуть и укрѣпиться отечественныя мануфактуры. Да и чѣмъ, какъ не благонадежною прибылью, можно возбудить трудолюбіе и предприимчивость? Выгода, вѣрная и значительная выгода, есть сильнѣйшая пружина дѣятельности челоуѣческой, а особливо въ первомъ начинаніи.

«Потребители, т. е., многочисленнѣйшій классъ народа, страдаютъ отъ дороговизны, между тѣмъ, какъ малѣйшее число фабрикантовъ и заводчиковъ въ короткое время непомѣрно обогащается.» Не мѣсто здѣсь разсматривать сіе возраженіе во всей подробности. Скажемъ только, что такое стѣсненное положеніе не можетъ быть продолжительно. Большія выгоды и скорое обогащеніе фабрикантовъ необ-

ходимо похвалить другихъ принятыя за то же; родится содѣлничество; цѣны неминуемо понизятся; выдѣлка улучшится: это послѣдствіе неизбежное. Не видимъ ли мы и нынѣ уже, какъ наши сукна и другія шерстяныя матеріи, наши бумажныя и шелковыя ткани, и вообще почти все издѣлія, чувствительно понизились въ цѣнѣ противъ того, что были за 15 лѣтъ предъ симъ? Давно ли мы покупали сахаръ, рафинадъ, по 80 рублей и дороже за пудъ? Теперь лучшій 36 рублей. Большія прибыли, полученныя первыми нашими сахарными заводчиками, побудили многихъ къ заведенію такихъ же фабрикъ; въ немногіе годы цѣны упали, а выдѣлка улучшилась до совершенства. Вотъ будущая исторія всехъ мануфактуръ!

Но надобно продолжить покровительство тарифа, не смѣю сказать навсегда, по крайней мѣрѣ надолго, — по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, какъ и другія націи. Оставимъ Правительству пещись о нашихъ общественныхъ выгодахъ: оно знаетъ, нужно ли, и когда, и въ какой мѣрѣ, уменьшать строгость тарифа.

2.

**ПОЛЬЗА КОМПАНИЙ ВЪ ОТНОШЕНІИ
КЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.**

=

Хотите ли видѣть, что могутъ произвести великаго, общепользнаго, совокупныя силы частныхъ людей, дѣйствующихъ для одной цѣли? Повзжайте въ Англію. Тамъ увидите землю, вдоль и поперегъ изрытую судоходными каналами, изъ коихъ нѣкоторые текутъ поверхъ глубокихъ овраговъ и рѣкъ по величественнымъ водопроводамъ; —

увидите рѣчки прежде мелкія, засоренныя мелями, камнями и порогами, а нынѣ вычищенныя, углубленныя, снабженныя шлюзами и запасными водоемами, и чрезъ то содѣланныя судоходными; увидите желѣзныя дороги съ пароходными экипажами, въ разныхъ направлєніяхъ пересѣкающія одиѣ другія, соединяющія между собою города мануфактурныя съ торговыми портами, или рудокопни и углекопни съ заводами и фабриками; увидите подземныя водопроводы, коими вода изъ рѣкъ, очищенная и процѣженная въ огромныхъ цѣдильняхъ, проведена по всемъ улицамъ города, въ каждый домъ, во всѣ этажи домовъ, въ кухни, конюшни, прачешныя, и всюду; увидите великолѣпныя доки, гдѣ тысячи кораблей покойно и безопасно стоятъ въ глубокихъ бассейнахъ, и гдѣ устроены длинныя ряды огромнѣйшихъ пакгаузовъ со всеми удобствами для выгрузки и погрузки товаровъ; увидите цѣлые города, освѣщенные газомъ отъ одного или нѣсколькихъ газовыхъ заведеній; увидите Англійскій Банкъ, богатѣйшій въ свѣтъ, нерѣдко помогавшій казнѣ многими сотнями милліоновъ; — увидите Остъ-Индскую Компанію, общество нѣсколькихъ купцовъ, имѣющихъ въ своемъ подданствѣ цѣлое Государство, въ пять разъ обширнѣйшее всей Великобританіи, со ста милліонами подданныхъ; увидите Страховыя Общества, принимающія на страхъ богатства цѣлаго Свѣта; множество другихъ огромнѣйшихъ, общеполезныхъ заведеній, которыя исчислять было бы слишкомъ продолжительно. Спросите: кто предпринялъ, кто совершилъ всѣ сіи работы, кто устроилъ сіи заведенія? — Частныя люди, совокупными силами дѣйствовавшіе! Кому принадлежать онѣ нынѣ? — Частнымъ Обществамъ!

Вотъ, какія чудеса могутъ произвестъ совокупныя способности нѣсколькихъ или многихъ лицъ, духъ сообщества!

Англія издавна постигла ту тайну, что только совокупными способами можно совершить великія предпріятія. Тамъ капиталисты ищутъ умовъ, умы капиталовъ; тѣ и

другіе соединяются, и дѣло дѣлается, котораго бы одинъ человекъ, одними своими способами, произвести не могъ. Аркрайтъ, бѣдный ремесленникъ, придумалъ новый способъ пряденія; онъ не имѣлъ ни какихъ средствъ произвести въ дѣйство свою счастливую выдумку; но онъ обратился къ капиталисту, открылъ ему свой проектъ, и съ помощію его капитала устроилъ машину, которая и донинѣ служитъ основаніемъ системы бумажнаго пряденія. Оба они обогатились, и Англія обязана Аркрайту источникомъ неистощимыхъ богатствъ. Но къ чему послужила бы остроумная его выдумка, безъ помощи чужихъ капиталовъ, которыхъ онъ не имѣлъ? Она умерла бы въ самомъ зародышѣ, безъ всякой пользы ему и отечеству. И думаете ли вы, что всѣ сіи великія дѣла предпріяты для общественной пользы? Ни мало! Частная тѣхъ лицъ выгода была единственною цѣлью; но въ натурѣ вещей такъ устроено, что частная польза тогда бываетъ обширна и прочна, когда она соединена съ пользою общественною.

Такъ растутъ капиталы, и съ умноженіемъ ихъ умножаются новыя предпріятія, которыя, въ свою череду, усиливаютъ капиталы, и такъ далѣе, до неограниченности. Отъ того Англія, можно сказать, покрыта огромными заведеніями, которыя годъ отъ году увеличиваютъ ея силу, богатство и благосостояніе, общественное и частное.

Отъ чего Россія такъ бѣдна искусственными и торговыми заведеніями? Одна Американская Компанія; одно Страхоевое отъ огня Общество (и то не всеобъемлющее); одно Общество дилижансовъ; одно Общество пароходовъ: вотъ почти всѣ наши совокупныя учрежденія, и тѣ, кромѣ Американской Компаніи, весьма недавнія! Все, что есть великаго, дальновиднаго, огромнаго, многостоящаго, — все произведено Казною. Но, можетъ быть, ни одно Государство не имѣетъ столько нужды въ общественныхъ заведеніяхъ, какъ Россія. Обширность Имперіи, отдаленность внутреннихъ сообщеній, многочисленность морей, къ ней прилегающихъ, разно-

родность произведений, неисощимые источники богатствъ, сокрытыхъ въ недрахъ земли, рѣкъ, озеръ и морей; безлюдность необозримыхъ степей, коихъ рука трудолюбія еще не касалась; сопредѣльность съ полуобразованными народами, нуждающимися во всемъ, что относится до удобствъ житейскихъ: — сколько предметовъ къ полезной предприимчивости! На Сѣверѣ, — сельдяные, тресковые и китоловные промыслы, звѣроловство, кораблестроеніе; на Югѣ, — винодѣліе, шелководство, разведеніе полезныхъ растений, торговля хлѣбомъ; на Востокѣ, — горы и пески, богатые дорогими металлами, обширнѣйшія полосы земли почти ненаселенной и еще неизвѣданной; во внутреннихъ Губерніяхъ, — мѣстами тѣснота и недостатокъ въ способахъ промышленности, а мѣстами безлюдность съ избыткомъ всего, потребнаго для жизни и благосостоянія; вездѣ земледѣліе, скотоводство, винодѣліе, садоводство варварскихъ вѣковъ, безъ тѣхъ улучшеній, которыя каждый клочекъ земли, каждую голову скота, каждое зерно хлѣба, каждую ягоду винограда, каждый плодъ плодовыхъ деревьевъ, каждое растеніе, каждое вскопаемое, дѣлаютъ цѣннѣе. Сколько хлѣба пропадаетъ у насъ отъ дурнаго устройства нашихъ винокурень и пивоварень, и можетъ ли что быть хуже нашего вина и пива? Сколько теряется сала отъ дурнаго салотопленія! Сколько погибаетъ скота отъ дурнаго корму и обиходу! И какой скоть! Почти всюду лошади и коровы мелкія, овцы грубошерстныя. Сколько погибаетъ рыбы, тамъ отъ недостатка рукъ, здѣсь отъ.....! При величайшемъ изобиліи сельдей въ собственныхъ нашихъ моряхъ, возможно ли, что мы продовольствуемся сельдями отъ иностранцевъ! Куда посылаемъ мы грузы трески и другихъ рыбъ, коими моря наши преизобилуютъ? Гдѣ нашъ купеческій флотъ изъ необъятнаго пространства льсовъ, гниющихъ на корнѣ? Отъ чего такая несоразмѣрность въ цѣнахъ хлѣба въ разныхъ губерніяхъ, отъ 2 и 3 рублей до 20 рублей? Прекраснѣйшая въ Сѣвѣ наша пшеница зачѣмъ идетъ за моря въ зернѣ, а не мукою? Зачѣмъ Американцы питаются Прусскимъ и Польскимъ хлѣбомъ, а не нашимъ? Зачѣмъ..... Но было бы безъ конца

исчислять всё недостатки нашего хозяйства и общественных заведений.

И долго еще ничего не будетъ, если не оживить насъ духъ сообществъ. Къ несчастію, нѣсколько Компаній, первоначально образовавшихся въ Россіи, отъ худаго ли внутренняго ихъ устройства и управленія, или отъ стеченія непредвидѣнныхъ случайностей, скоро рушились съ потерю капиталовъ, — потерю конечно маловажною для каждаго участника, ибо она раздѣлялась на многихъ по малымъ количествамъ, — однако же это было причиною, что съ тѣхъ поръ самое названіе «Компанія» сдѣлалось уже нетерпимо. Недовѣріе обуяло умы всѣхъ. Всякой предпринимаетъ про себя, какъ умѣетъ; всякой дѣйствуетъ отдѣльно, скрытно, и, какъ говорится, изъ-за угла; большая часть ничего не предпринимаетъ, по недоувѣрію ко всему.

Легкомысліе и нерасчетливая довѣрчивость есть конечно порокъ, и въ денежныхъ дѣлахъ порокъ гибельный; но и безразсудная недоувѣрчивость есть также порокъ. И та, и другая, происходятъ отъ невѣжества. Всякое коммерческое предпріятіе можно рассчитать почти безошибочно, почти также, какъ искусный Архитекторъ рассчитываетъ количество матеріала, необходимаго для строенія. Страховыя Компаніи опредѣляютъ почти съ математическою точностію число пожаровъ, число кораблекрушеній, число смертностей, и проч. Во всякомъ коммерческомъ предпріятіи неудачи должны также итти въ счетъ. Но если бы случились и такіе неудачи, которыя бы повлекли за собою разрушеніе Компаніи, то и тогда потеря не можетъ быть слишкомъ чувствительна, во-первыхъ потому, что она разлагается на многихъ, а во-вторыхъ потому, что и такіе случаи, при учрежденіи Компаніи, должны быть предусмотрѣны. Эльберфельдская заморская Компанія, потерпѣвшая убытки отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, принуждена была прекратить свои дѣйствія, и не успѣла закрыться, какъ въ то же время открылась другая подобная, но съ большими осторожностями и съ ограниченіемъ круга дѣятельности.

Здѣсь мы не ожидаемъ возраженія, будто у насъ нѣтъ капиталовъ. Они есть: безпрестанные взносы знатныхъ суммъ въ Банки и Ломбарды, ежегодныя постройки новыхъ домовъ для дохода, свидѣтельствуютъ, что капиталовъ есть достаточно для многихъ полезнѣйшихъ предпріятій. Но чего у насъ еще нѣтъ, — *довѣрія*, не слѣпago и легкомысленнаго, а разсудительнаго и расчетливаго, основаннаго на знаніи дѣла, на умѣніи выискнуть во всѣ подробности, все опредѣлить, расположить и устроить, какъ должно, со всеми возможными предосторожностями. Сказать однимъ словомъ: у насъ недостаетъ «практическаго просвѣщенія.»

3.

О БЛѢНЕНІИ ПОЛОТЕНЬ.

Волокнистый матеріалъ, ленъ, пенька, хлопчатая бумага, изъ котораго приготовляются многоразличнѣйшія ткани, употребляемая нами на платье, бѣлье, столовое и постельное, производитъ Природа въ суровомъ видѣ, сѣраго, желтоватаго и зеленоватаго грязнаго цвѣтовъ, разнаго по различнымъ краямъ земли. Выдѣлываемыя изъ такого матеріала ткани бываютъ также суровыя, непріятныя на видъ. Мытьемъ, бученіемъ въ щелокахъ, стиркою на снѣгу, на солнцѣ, на травѣ, и мочкою, ~~онѣ~~ мало по малу теряютъ свою суровость, и дѣлаются болѣе или менѣе бѣлыми, чистыми. Такое блѣненіе называется простымъ, *естественнымъ*. Не говоря уже о трудности онаго, для чего надобно выжидать весенняго солнца и ясной погоды, оно имѣетъ еще ту невыгоду, что при малѣйшей неосторожности въ

бученіи и стилкѣ, ткань теряетъ свою природную прочность.

Новѣйшіе успѣхи Химіи открыли способъ, производить бѣленіе химическими кислотами гораздо скорѣе, чище и дешевле, не вредя притомъ ни сколько прочности тканя: такое бѣленіе и называется *химическимъ*. Правда, что и тутъ потребна большая осторожность: ибо употребляемыя для сего кислоты (купоросная и соляная) чрезвычайно ѣдки, и въ рукахъ неискуснаго въ своемъ дѣлѣ мастера могутъ тотчасъ переѣсть или пережечь ткань; но, по пословицѣ, всякое дѣло мастера бонится.

Неискусство нашихъ бѣльщикова, испортившихъ много полотна и столоваго бѣлья, было причиною, что у насъ вообще не терпятъ химическаго бѣленія. Однако же Англійская бумажная пряжа и каленкоръ, Шотландскія и Ирландскія полотна, также большая часть Голландскихъ, выбѣливаются химическимъ способомъ, и отличаются пріятнѣйшею близкою, чистотою и прочностію: — доказательство, что сей способъ бѣленія, при знаніи дѣла, совершенно безвреденъ.

Знаніе дѣла! — Гдѣ оно не нужно? И что можно произвести хорошаго, отличнаго, превосходнаго, безъ знанія дѣла, безъ большаго навыка, безъ должной внимательности и осторожности?

Хорошее бѣленіе есть дѣло величайшей важности для нашего отечества. Ленъ и пенька наши домашніе продукты, и производятся въ большомъ изобиліи. Льняныхъ полотна, столоваго бѣлья, фламскаго и паруснаго полотна, выдѣлывается у насъ величайшее множество; большія количества двухъ послѣднихъ отпускаются и за границу. Многія сотни тысячъ рукъ заняты сею работою, отъ которой приобрътаютъ свое содержаніе. Всѣ сія издѣлія требуютъ хорошей бѣлки.

Бѣленіе бумажной пряжи и мыткаля не представляет большой трудности: матеріялъ сей самъ по себѣ отъ природы родится довольно бѣлымъ; но ленъ и пенька имѣютъ природную суровость, которую истребить чрезвычайно трудно.

У насъ, въ Россіи, бѣленіе пряжи и полотень производится почти вообще естественными способами: мытьемъ, бученіемъ въ щелокъ и стѣлкою на снѣгу, на травѣ и на солнцѣ. Кому случалось видать сіе производство, тотъ конечно согласится со мною, что сей способъ бѣленія есть самый многотрудный и мѣшкатный, и если бы у насъ цѣнились трудъ и время, то онъ оказался бы и самымъ дорогимъ; но какъ все дѣло производится не наемными руками, то трудъ и время не цѣнятся ни во что.

Есть и у насъ не мало бѣльщицъ, кои производятъ бѣленіе химическими способами; но сколько случалось и самому испытать, и отъ другихъ слышать, что они по большей части портятъ товаръ, то есть, отнимаютъ у него природную его крѣпость и прочность. Отъ того наши бумажные платки и ткани, наши льняныя полотна и столовое бѣлье, выбѣленные такими бѣльщиками, чрезвычайно скоро рвутся.

Не рѣдко пріѣзжали къ намъ и иностранные бѣльщики; нѣкоторые бывали даже и нарочно выписываемы. Чувствуя всю важность хорошаго бѣленія для Россіи, я тщательнo развѣдывалъ, съ какимъ успѣхомъ производили они свое дѣло, и сколько могъ узнать, бѣленіемъ ихъ вообще не были довольны. Бумажныя матеріи они еще порядочно выбѣливали, ибо это дѣло нетрудное; но льняныя и пеньковыя по большей части портили: доказательство, что и въ чужихъ краяхъ хорошіе бѣльщики рѣдки.

Журналъ Мануфактуръ и Торговли указалъ намъ Русскаго бѣльщика, Г. Кочетова, отзываясь объ немъ съ

величайшею похвалою. Я поспѣшилъ къ нему, и засталъ его за работою. Наружность ничего не обвѣщаетъ: самъ онъ человекъ простой, безъ всякаго свѣтскаго и ученаго образованія, изъясняется сбивчиво. Заведеніе бѣдное, тѣсное, неудобное, на чужомъ мѣстѣ, на взморьѣ, при малѣйшемъ возвышеніи воды подверженное наводненію; четыре маленькія комнаты, изъ коихъ въ одной производятся химическіе препараты, въ другой настоящее бѣленіе, третья сушильня, а четвертая для отдѣлки готоваго товара. Стѣны досчатыя, набитыя для тепла опилками. Нѣсколько котловъ и чановъ поставлены въ углу праздно, за неимвніемъ мѣста; однако же въ химическихъ снарядахъ, паровомъ котлѣ, въ проводныхъ трубахъ, въ регуляторахъ, большая точность. Вѣтхая хижина, гдѣ самъ онъ живетъ съ семействомъ, полуразвалившаяся, вросла въ землю до половины. Но когда онъ показалъ мнѣ готовый товаръ, тутъ же при мнѣ снятый съ сушила и выколоченный, удивленіе мое равнялось тому сильному предубѣжденію, которое внушила мнѣ наружность. Живѣйшая бѣлизна льняныхъ и бумажныхъ полотень, скатертей и салфетокъ, такая же бѣлизна пряденой бумаги и льняныхъ нитокъ, равнялась совершенно Англійской лучшей.

Оставалось испытать прочность. Я далъ ему выбѣлить половину мотка льняныхъ суровыхъ нитокъ, оставя у себя другую половину такую же, и нѣсколько аршинъ суроваго полотна, отрѣзаннаго отъ цѣлаго куска. Черезъ недѣлю онъ принесъ мнѣ все выбѣленное, какъ нельзя лучше. При сравнительномъ испытаніи крѣпости выбѣленныхъ издѣлій съ суровыми, оказалось, что первая ни сколько не утратила своей прочности.

Г. Кочетовъ бѣлеть, какъ и всѣ, хлористыми составами; но онъ дошелъ до сего собственными двадцатилѣтними изысканіями, безчисленными опытами, а не наукою; наконецъ успѣлъ до такой степени, что всякая суровость, всякая краска ему покоряется, и онъ управляетъ самыми ад-

кши по своей волѣ. Есть ли въ искусствѣ его что либо тайнаго, новаго, не знаю: мнѣ извѣстно только, что бѣленіе его предъ всѣми отлично. Самъ онъ отзывается скрытно, говоря: «Что бы ни твердили, но есть тутъ нѣчто, до чего другіе не дошли.» Особенно удивительно то, что въ его бѣлильномъ заведеніи почти не слышно хлору, между тѣмъ, какъ въ другихъ подобныхъ задыхаешься отъ удушливаго газа, и многіе заплатили жизнию за свое искусство.

Г. Кочетовъ представилъ образцы своего бѣленія на первой Выставкѣ, 1829 года, пряденую бумагу, ленъ и пеньку, и издѣлія изъ оныхъ. Они заслужили отличное одобреніе знатоковъ, и Кочетовъ удостоенъ награды малою золотою медалью. Образцы сіи я сохранилъ у себя для любопытства, и они въ продолженіе четырехъ лѣтъ не изменили ни сколько ни бѣлизны своей, ни прочности. Публика видѣла ихъ вторично на послѣдней Выставкѣ, въ 1833 году.

Г. Кочетовъ имѣетъ свидѣтельство отъ почетнѣйшихъ фабрикантовъ и купечества, удостоверяющее въ его искусствѣ, и что его бѣленіе не уступаетъ лучшему иностранному. Многія знатныя особы и купцы, торгующіе бѣлымъ товаромъ, отдавали ему отбѣливать полотна, столовое бѣлье, дорогіе вуали и прочее, и сколько мнѣ случалось слышать, оставались всегда довольными. На послѣдней выставкѣ было столовое бѣлье фабрики Матиаса въ Москвѣ, и плотно мануфактуры Гг. Яковлевыхъ въ Ярославѣ, выбѣленные превосходно Кочетовымъ. Мнѣ случалось видѣть у него товаръ, дурно выбѣленный на другихъ бѣлильныхъ заведеніяхъ, отданный ему перебѣливать. Подержанное всякое бѣлье, особенно столовое, также вуали самыя дорогіе, пожелтѣвшіе и въ пятнахъ, отбѣливаетъ Кочетовъ заново.

Но что жъ? — Кочетовъ все еще остается въ томъ же бѣдномъ пепелищѣ, полуобрушившемся, на чужой землѣ, въ тѣснотѣ, борющійся со всѣми недостатками! Близъ пяти лѣтъ, какъ нима его извѣстно, какъ искусство его дознано,

и не нашелся ни одинъ, кто бы устроилъ ему заведеніе въ полномъ видѣ, съ достаточными сараями, безъ чего онъ не можетъ распространить своего производства. Качествъ уже старъ; искусства его никто не знаетъ; послѣ него оно потеряется невозвратно.

Дѣло идетъ о важномъ для нашего отечества приобретѣніи. Желательно, чтобъ составила Компания на акціяхъ, для устройства въ надлежащемъ видѣ бѣлильнаго заведенія съ нужными сараями и удобствами. Есть всѣ вероятія, что употребленный на сіе капиталъ, впрочемъ обезпеченный тѣмъ же заведеніемъ, въ немногіе годы окупится.

4.

**НА КАКОЙ СТЕПЕНИ НАХОДИТСЯ
ЗЕМЛЕДѢЛІЕ ВЪ РОССІИ ?**

=

Не болѣе какъ за 50 лѣтъ, трехпольное земледѣліе господствовало во всей почти Европѣ. Истощенная безпрестанными посѣвами зерноваго хлѣба, земля не приносила и половины тѣхъ продуктовъ, какіе могла бы дать въ полнотѣ своей плодотворной силы. Каждый годъ $\frac{1}{3}$ часть поля лежала бесполезно подъ паромъ: это называлось *отдыхомъ*; но сіе отдохновеніе весьма мало подкрѣпляло истощенныя силы земли; на другой же годъ надлежало удобрять ее тукомъ. Не знали инаго удобрения, кромѣ помета отъ скота; но его было недостаточно при скудномъ скотоводствѣ, а недостатокъ кормовыхъ травъ не позволялъ умножить и улучшить скотоводство.

Чувствовали невыгоды такой системы земледѣлія, но не умѣли пособить. Правда, въ Англіи, Ломбардіи и Флан-

дрин, давно уже земледѣліе приняло другой, улучшенный видъ. Тамъ разложили землю химически; старались поправить недостатки ея *соотвѣтственными* удобрениями, употребляя къ тому, по мѣрѣ надобности, песокъ, глину, мергель, илъ, древесные листья и щепы, сбойну и кости; расположили посѣвы такъ, чтобы предъидущій благопріятствовалъ послѣдующему, попеременнымъ оборотомъ зерноваго хлѣба, огородныхъ овощей и кормовыхъ травъ; раздѣляли нахотное поле на шесть, на восемь и болѣе полей, или участковъ, собирал продукты отъ каждаго, и тѣмъ совершенно уничтожили праздня, паровыя поля; урыхлили землю тщательнымъ обработываніемъ и очистили отъ негодныхъ травъ; съ умноженіемъ кормовыхъ травъ умножили и улучшили скотоводство, а отъ него получили болѣе позему для лучшаго удобрения полей; совокупили хлѣбопашество съ огородничествомъ, и тѣмъ умножили многообразность земныхъ произведеній; извлекли плодотворную силу изъ глубокихъ нѣдръ земли, и тѣмъ какъ бы расширили поверхность земную; призвали въ помощь Науки, Физику, Химию, Минералогію, и сдѣлали изъ Сельской Экономіи пріятную и полезнѣйшую практическую науку, которою охотно занимаются особы и высшихъ классовъ. Всѣми такими улучшениями усугубили доходъ земледѣльца вдвое и болѣе противъ того, сколько получается обыкновеннымъ хлѣбопашествомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ умножили богатство и благосостояніе общественное и частное.

Поздно уже достигли сія улучшенія до прочихъ Государствъ. Германія обязана симъ Г. Теру: онъ познакомилъ ее съ Англійскимъ земледѣліемъ, и самъ показалъ примѣръ. Выгоды, полученныя имъ отъ новаго способа воздѣлыванія земли по Англійской системѣ плодопеременнаго земледѣлства, возбудили всеобщее соревнованіе. Подъ его руководствомъ, четырехъ-польное земледѣлство сдѣлалось Нѣмецкою земледѣльческою системою.

Система сія начала мало по малу переходить изъ Германіи и въ Россію. Въ Остѣ-Зейскія губерніи она съ

каждымъ годомъ распространяется, и доставляетъ хозяевамъ значительныя выгоды. Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи нѣкоторые просвѣщенные и попечительные помѣщики старались ввести ее, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но какъ всякое нововведеніе въ началѣ трудно, такъ и сія система весьма медленно распространяется.

Старинное трехпольное земледѣльство, которому слѣдовали наши предки съ незапамятныхъ временъ, остается и донинѣ всеобщимъ, — земледѣльство самое невыгодное, непрерывно истощающее землю, лишшающее насъ ежегодно цѣлой трети земныхъ продуктовъ, — потеря неисчислимая для всего обширнаго Государства! — ограничивающее нашу производительность почти однимъ зерновымъ хлѣбомъ, при урожаѣ котораго подвергаемся мы опасности голода, не имѣя чѣмъ замѣнить хлѣба; недающее возможности умножить наше скотоводство, и вообще сокращающее нашъ земельный доходъ въ половину и менѣе.

И такъ, мы въ семъ отношеніи не подались впередъ ни на одинъ шагъ. *Земледѣліе наше остается на низшей степени, въ состояніи младенчества.* Однако же примѣтны повсюду порывы къ улучшеніямъ; начинаютъ болѣе и болѣе чувствовать невыгоды своего положенія, дѣлаютъ опыты, и стараются перейти къ лучшему. Уменьшеніе доходовъ, оскудѣніе, сильно къ тому побуждаютъ. *Мы стоимъ на чертъ перехода.*

Но чтобъ переходъ сей былъ успѣшный, съ самымъ малымъ рискомъ; чтобъ онъ, вмѣсто обогащенія, не привелъ въ разореніе; чтобъ предпринимаемыя улучшенія были приспособлены къ нашему климату, къ нашей почвѣ, къ различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, — нужно практическое указаніе, нуженъ примѣръ, и примѣръ близкій, чтобъ всякъ могъ собственными глазами удостовѣриться въ выгоды нововведенія. Тогда только можно ожидать подражанія. Такъ было и въ другихъ земляхъ.

Если бы въ нѣсколькихъ Губерніяхъ помѣщики согласились учредить образцовыя фермы, на общій счетъ, и при нихъ практическія школы земледѣлія, выписать изъ Англіи, или хотя изъ Германіи, искусныхъ экономовъ, устроить лучшія орудія и всякія сельскія заведенія по лучшей методѣ, то успѣхъ новаго земледѣльческаго хозяйства скоро поощрилъ бы всѣхъ къ подражанію, ибо выгода собственная есть сильнѣйшая пружина дѣйствій человѣческихъ.

Доколѣ сего не будетъ, долго еще наше земледѣліе останется на степеняхъ младенчества, къ неисчислимой потерѣ для Государства!

Яценковъ.

О СОСТАВНЫХЪ ЧАСТЯХЪ ПОЧВЪ И ВЛІЯНІИ ИХЪ НА РАСТЕНІЯ.

=

Вліяніе почвы на растенія, воздѣлываемыя человекомъ для собственныхъ нуждъ, явственно обнаруживается преимущественно на пахатныхъ поляхъ. Внимательному сельскому хозяину часто представляется случай замѣтить, что двѣ полосы земли, по видимому ни сколько не отличающіяся одна отъ другой, обработанныя съ одинаковымъ стараніемъ, при всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ равныхъ, не одинаково вознаграждаютъ труды земледѣльца; что извѣстные посѣвы на такомъ-то полѣ лучше прозябаютъ, чѣмъ другіе; что унавоживаніе не всегда есть вѣрнѣйшее и наилучшее средство возвысить плодородіе поля; что не всѣ удобряющія вещества равно пригодны для всякаго рода почвъ. Изыскивая причины сихъ явленій, не трудно убѣдиться, что плодородіе извѣстнаго участка земли главнѣйше зависитъ: 1) отъ составныхъ частей почвы; 2) отъ внутренняго ихъ сложенія;

3) отъ физическихъ свойствъ верхняго, воздымаемаго слоя земли, и нижняго, который мы назовемъ *подпочвою*. Исслѣдованіе почвъ въ снхъ трехъ отношеніяхъ очень важно въ практическомъ земледѣліи для каждаго, кто, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, увѣренъ, что эта прочная основа дальнѣйшаго развитія государственныхъ производительныхъ силъ можетъ и должна постепенно усовершенствоваться, опираясь на указанія опытныхъ наукъ; что наши праотцы, передавая потомкамъ свои замѣчанія о земледѣліи, способы обрабатывать землю и орудія, потребныя для земледѣльческихъ работъ, могли, подобно намъ, ошибаться въ замѣчаніяхъ, принимать плохіе способы за возможно лучшіе, и почитать свои несовершенныя земледѣльческія орудія за окончательно улучшенныя.

Составныя части почвъ можно раздѣлить на *общія* и *случайныя*. Къ первымъ принадлежатъ кварцовый песокъ, глина и известнякъ; ко вторымъ, гніющіе, или уже перегнившіе остатки растительныхъ и животныхъ тѣлъ, нѣкоторыя соли, напримѣръ, поваренная, въ мѣстахъ приморскихъ, или лежащихъ близъ соляныхъ озеръ, селитра, и проч.; вода и воздухъ: два послѣдніе дѣйствителя всегда находятся въ воздымаемыхъ слояхъ земли, и рѣшительно необходимы для прозябанія растений.

Общія составныя части почвъ содѣйствуютъ питанію прозябеній не только механически, — допуская атмосферный воздухъ свободно проникать въ землю, но и химически, — собственнымъ разложеніемъ и образованіемъ новыхъ соединений, отъ совокупнаго дѣйствія теплоты, свѣта, влажности и воздуха.

Разсмотримъ главнѣйшія свойства каждой изъ составныхъ частей почвъ, сколько нужно для практическаго земледѣльца.

Подъ именемъ песку мы привыкли разумѣть всякое землястое вещество, представляющееся намъ въ болѣе или

менше крупныхъ зернахъ, и происшедшее отъ разрушенія какой бы то ни было каменной породы, напримѣръ, гранита, известняка, слюды и проч. Кварцовый песокъ получается преимущественно изъ руслъ множайшихъ рѣкъ въ видѣ довольно крупныхъ зеренъ, большею частію желтоватаго цвѣта. Кислоты сѣрная (купоросное масло), селитряная (острая водка) и соляная ни сколько не дѣйствуютъ на него; цвѣтъ его зависить отъ окисла желѣза.

Обыкновенная глина есть тѣсное соединеніе глинозема съ кремнеземомъ. Въ чистомъ состояніи не вскипаетъ съ кислотами; но если кусокъ глины опустимъ въ крѣпкую сѣрную кислоту, то глиноземъ растворится, а кремнистая земля осадеть на дно сосуда въ видѣ бѣлыхъ клочьевъ. Цвѣтъ глины зависить также отъ большаго или меньшаго количества находящагося въ ней желѣзнаго окисла.

Известь или, собственно говоря, известнякъ состоитъ изъ чистой извести, соединенной съ особеннымъ газомъ, извѣстнымъ въ Химіи подъ именемъ углекислаго. Известнякъ съ кислотами вскипаетъ, т. е., будучи облитъ кислотою, покрывается въ томъ мѣствѣ, гдѣ дѣйствуетъ прилитая жидкость, небольшими пузырьками, похожими на пузырьки, образующіеся на поверхности кипящей воды. Если известнякъ опустимъ въ селитрянную, или соляную кислоту, то получимъ прозрачный растворъ; въ сѣрной кислотѣ онъ даетъ нерастворимый въ водѣ осадокъ, состоящій изъ соединенія извести съ сѣрною кислотою (гипсъ, сѣрнокислая известь).

Пользуясь этими простыми свѣдѣніями, можно всегда опредѣлить относительное количество каждой изъ составныхъ частей почвы извѣстнаго участка земли. Для сего поступимъ слѣдующимъ образомъ.

Возьмемъ извѣстное количество земли, которой составныя части хотимъ изслѣдовать, и высушивъ на солнцѣ, или въ

теплой печи, отвѣсимъ изъ него 100 лотовъ или золотниковъ, по произволу; отвѣшенное количество высушенной земли положимъ въ чистый желѣзный уловникъ и, мѣшая по временамъ лопаткою, станемъ нагрѣвать докрасна, до тѣхъ поръ, пока все, что отъ дѣйствія огня чернѣетъ и обращается въ уголь, совершенно сгоритъ. При накаливаніи остатки растительныхъ и животныхъ веществъ, находящіеся въ почвѣ, разлагаются, сгораютъ и обращаются въ воздухообразныя тѣла, улетающія въ атмосферу; но вмѣстѣ съ тѣмъ и известнякъ теряетъ угольную кислоту, и переходитъ въ негашеную известь (кипѣлку). Прокаленную массу, уже невякшающую съ кислотами, должно выставить на воздухъ, избирал преимущественно такія мѣста, гдѣ гниютъ растительныя вещества или бродятъ пиво, квасъ, и проч., и по временамъ переворачивать. Спустя нѣсколько дней, известь, поглощая угольную кислоту изъ воздуха, опять составитъ известнякъ, и оставшаяся земля снова будетъ вскипать съ кислотами.

Предположимъ, что, взвѣсивъ остатокъ, уже прокаленный и пролежавшій на воздухъ, вмѣсто 100 взятыхъ нами лотовъ найдемъ только 95: и такъ во 100 частяхъ (по вѣсу) взятой земли находилось 7 частей остатковъ животныхъ и растительныхъ веществъ, которыя, перегнивая, составляютъ черноземъ.

Для опредѣленія количества известняка, обольемъ въ стекляномъ сосудѣ оставшуюся землянистую массу разведенною продажною *соляною кислотою*, и оставимъ въ покой до тѣхъ поръ, пока, по прилитіи новаго количества той же кислоты, не замѣтимъ ни малѣйшаго вскипанія. Соляная кислота, вступая въ соединеніе съ известью, заставляетъ угольную кислоту отдѣляться въ видѣ газа, и даетъ растворимое въ водѣ вещество. Глина и кремнистая земля осядутъ на дно сосуда въ видѣ болѣе или менѣе крупнозернистаго порошка. Когда растворъ совершенно освѣтлится, сольемъ его въ стаканъ, а осадокъ, промывъ нѣсколько

разъ чистою водою надъ цѣдилкою изъ пропускной бумаги, сложенной вдвое или втрое, высушимъ на солнцѣ или въ печи, и взвѣсимъ. Положимъ, что собранное на цѣдилкѣ вѣситъ только 59 золотниковъ, и такъ въ 95 лотахъ, оставшихся отъ прежняго приѣма, находилось 34 части по вѣсу известняка.

Дабы опредѣлить относительное количество глины и кварцоваго песку, взболтаемъ собранный на цѣдилкѣ осадокъ съ чистою водою и оставимъ въ покой. Песокъ, какъ тяжелѣйшее тѣло, первый осядетъ на дно сосуда. Коль скоро замѣтимъ, что поверхъ слоя песку начинаетъ садиться другой слой, совершенно отличный отъ перваго какъ бы мучнистымъ сложеніемъ и болѣе или менѣе бѣлымъ цвѣтомъ, сольемъ еще неосвѣтлившуюся жидкость въ другой сосудъ, и наливъ воды на освѣщій песокъ, снова взболтаемъ, дадимъ постоять, и сцѣдимъ, когда на днѣ сосуда въ другой разъ покажется зернистый осадокъ. Повторивъ этотъ приѣмъ раза два или три, мы отдѣлимъ песокъ отъ глины, содержащейся въ землѣ, подвергнутой изслѣдованію. Положимъ, что высушенный, освѣщій песокъ вѣситъ 52 лота; слѣдовательно глины было 27 частей по вѣсу.

И такъ взятая нами земля содержала въ себѣ:

Остатокъ растительныхъ и животныхъ веществъ (чернозема)	7 ч.
Известняка (извести въ соединеніи съ угольною кислотою)	3½ ч.
Глины	27 ч.
Кварцоваго песку	52 ч.

100 частей по вѣсу.

Подобными приѣмами опредѣляя составныя части другой почвы, мы получили бы и другіе выводы; вообще относительныя количества землистыхъ веществъ, входящихъ въ составъ воздѣлываемыхъ почвъ, очень различны и измѣняются по мѣстности; можетъ быть, нѣтъ и двухъ смежныхъ

полей, которыя не отличались бы одно отъ другаго составомъ верхняго слоя земли.

Тѣмъ не менѣ химическими разложеніями доказано, что всѣ плодороднѣйшія почвы вообще состоятъ изъ кремнистой земли, известняка и глины, перемѣшанныхъ съ маленькими гольщиками, хрящемъ и остатками растительныхъ и животныхъ веществъ, болѣе или менѣе измѣнившихся въ своемъ составѣ отъ совокупнаго дѣйствія влажности, воздуха и теплоты.

Бергманъ показалъ, что самыя плодородныя почвы въ Швеціи содержатъ въ себѣ:

Гольшевыхъ, или кремнистыхъ круглячковъ	30 ч.
Кремнистой земли	26
Глинистой	14
Известняка	30
	<hr/>
	100 част. по вѣсу.

Покойный Шапталъ, разлагая очень плодородную почву, образовавшуюся изъ наносовъ рѣки Луары, во Франціи, нашель въ ней

Кварцоваго песку	52
Известковаго	11
Кремнистой земли	10
Углекислой извести	19
Глины	21
Остатковъ растительныхъ веществъ	7
	<hr/>
	100

По разложенію того же Ученаго, почва одного поля въ Турени, давшего превосходный сборъ конопли, содержаа въ себѣ:

Крупнозернистаго песку	49
Углекислой извести	25
Кремнистой земли	16
Глины	10
	<hr/>
	100

Гумфри Деви, оказавший столько важныхъ услугъ земледельческой Химіи, нашелъ въ почвѣ близъ города Дрейтона, въ Англіи:

Кремнистой земли	32
Углекислой извести	28
Глины	29
	89

Относительно почвъ, содержащихъ въ себѣ поваренную соль, замѣчено, что онѣ вовсе не годятся подъ зерновой хлѣбъ, коль скоро соли находится больше 4 частей на 100 по вѣсу.

Практическія наблюденія и опыты ученыхъ агрономовъ показали, что почва тѣмъ менѣе плодородна, чѣмъ болѣе преобладаетъ въ ней которая нибудь изъ трехъ земляныхъ составныхъ частей, и что почва, состоящая только изъ глины, или песку, или разрыхленнаго известняка, все бесплодна. Очевидно, что такія почвы всегда можно удобрить и сдѣлать плодоносными, прибавляя достаточное количество обвѣхъ недостающихъ земель. Такимъ образомъ мнѣніе Г. Дютроше объ удобряющемъ свойствѣ кварцоваго песку на вязкихъ, глинистыхъ почвахъ ни сколько не должно казаться страннымъ. Многіе сельскіе хозяева въ Финляндіи опытами убѣдились въ благотворномъ дѣйствіи пережженной глины на песчаныхъ и сыпучихъ почвахъ. Шотландскіе, Англійскіе и Голландскіе земледѣльцы давно уже съ величайшимъ успѣхомъ удобряютъ вязкія и холодныя почвы известію, довольно долго лежавшею на открытомъ воздухѣ.

Выводы, полученные изъ химическаго разложенія почвъ, наиболѣе отличающихся плодородіемъ, опыты агрономовъ и практическія наблюденія, кажется, достаточно убѣждаютъ, что хорошая пахатная земля должна непременно состоять изъ смѣси кварцоваго песку, глины и разрыхленнаго известняка. Разумѣется, что относительное количество каждой изъ составныхъ частей можетъ и необходимо должно измѣняться соотвѣтственно климату страны, мѣстности и воздѣ-

лываемымъ растеніямъ. Такъ въ странахъ, имѣющихъ влажный климатъ, плодородная почва должна содержать песку и глины больше, чѣмъ другая подобная ей въ странахъ сухихъ; на отлогихъ поляхъ, съ которыхъ вода легко стекаетъ, глина, удерживая влагу, можетъ не вредить плодородію почвы, между тѣмъ, какъ въ удолахъ та же глина, препятствуя водѣ просачиваться внутрь земли въ сырую погоду, а въ сухую трескаясь и какъ бы задушая растенія, дѣлаетъ поле безплоднымъ. Наблюденія показали, что овесъ, ячмень и рожь растутъ лучше на песчаныхъ, чѣмъ на глинистыхъ почвахъ.

Частая вспашка, наезмы, дожди и морозы, содѣйствуя разрыхленію почвы, могутъ наконецъ обратить песокъ, глину и известнякъ въ тончайшій порошокъ, и тѣмъ самымъ сдѣлать прежде хорошее поле почти вовсе безплоднымъ. Опыты Г. Деви показали, что почва, содержащая на 20 частей по вѣсу 19 ч. землистыхъ веществъ въ тончайшемъ порошокѣ, не можетъ приносить даже скуднаго сбора. Такая почва очень мягка, и при первомъ довольно сильномъ дождѣ обращается въ грязь, которая, при наступленіи хорошей погоды ссыхаясь и затвердѣвая, препятствуетъ воздуху проникать внутрь земли, отъ чего корни растеній необходимо страдаютъ и наконецъ погибаютъ.

Въ Природѣ часто встрѣчаются почвы, состоящія только изъ двухъ земель. Смѣсь глины съ кремнистою землею составляетъ глинистыя почвы, которыя вообще мало плодородны, если глина составляетъ половину или болѣе по вѣсу. Известковыя, или легкія почвы, происшедшія чрезъ разрушеніе известняковыхъ породъ, большею частію состоятъ изъ известковаго песку. Онѣ вообще рыхлы, легки и плодородны, особенно въ странахъ, имѣющихъ влажный климатъ, и притомъ когда верхній, воздѣлываемый слой имѣетъ значительную толщину и слегка покатъ. На такихъ почвахъ очень хорошо растутъ виноградъ, рожь и преимущественно многія кормовыя травы. Смѣсь изъ глины и известки составляетъ мергелевыя, или рухляковыя почвы,

которыя съ величайшею пользою употребляются для удобренія другихъ земель, хотя сами бываютъ почти безплодны, когда въ составъ ихъ глина входитъ больше, чѣмъ на половину. Относительное количество обихъ составныхъ частей рухляковыхъ почвъ очень непостоянно. Мергель называется жирнымъ, когда содержитъ глины больше, нежели извести, и тощимъ, или известковымъ, когда известъ находится въ избыткѣ. Последний содержитъ иногда кварцовый песокъ и раковинки, болѣе или менѣе уже измѣнившіяся. Отъ совокупнаго дѣйствія воздуха, воды и особенно стужи, мергель, содержащій въ надлежащемъ количествѣ глину и известъ, скоро распадается въ порошокъ, превосходно и на долго удобряющій песчанья и известковыя почвы.

Основываясь на химическомъ составѣ, можно раздѣлить почвы на 8 слѣдующихъ главныхъ классовъ:

1. Глинистыя.	5. Песчанья.
2. Иловатыя.	6. Мергелевыя, или рухляковыя.
3. Песчано-иловатыя.	7. Известковыя.
4. Иловато-песчанья.	8. Черноземныя.

Въ практическомъ отношеніи должно обращать еще вниманіе на влажность и теплопроводимость¹ почвы; такимъ образомъ въ каждомъ классѣ можно составить два подотдѣленія:

- a) Почва теплая и невлажная.
- b) Почва холодная и влажная.

Влажность почвы зависитъ не только отъ водокръпкости² земляныхъ веществъ, входящихъ въ составъ ея, но еще отъ степени склоненія къ той или другой странѣ

1 Подъ именемъ теплопроводности здѣсь разумется свойство почвы, удобіе или трудіе поглощать теплоту, удерживать ее и издавать.

2 Свойство некоторыхъ гвлъ удерживать воду и не пропускать ея въ низшіе слои.

свѣта, отъ состава и сложенія подпочвы — слоя, остающагося неприкосновеннымъ при паханіи, отъ климата страны, отъ времени года, наконецъ отъ продолжительности дней и ночей. Дѣйствіе влажности такъ измѣняется теплотою, что два поля, имѣющія одинаковую, значительно влажную почву, но лежація, одно въ странѣ теплой, а другое въ холодной, приносятъ не равно обильныя жатвы: первое лучшую, а последнее иногда даже скудную.

Теплопроводимость почвы имѣетъ вліяніе на плодородіе извѣстнаго участка земли, потому, что теплота вообще ускоряетъ химическое разложеніе органическихъ и влажныхъ началъ, составляющихъ пищу растений, и сверхъ того дѣйствуетъ, какъ возбуждающее средство на посѣянные сѣмена и на корни. Легко уразумѣть, что почвы, влажная и сухая обнаженная и покрытая растеніями, не одинаково удерживаютъ и издаютъ теплоту. Благодѣтельное вліяніе теплопроводности воздѣльваемаго слоя на посѣвы можно замѣтить особенно въ томъ случаѣ, когда теплые дни сменяются очень холодными почвами. Поелику черныя тѣла поглощаютъ теплоты больше, нежели свѣтлыя, то бурьян, и вообще темноцвѣтныя почвы естественно должны быть теплѣе свѣтлоцвѣтныхъ.

Теплота и холодность, влажность и сухость почвы, очень сильно измѣняютъ плодородіе поля, какъ то можно увидѣть изъ слѣдующаго.

1. Глинистая почва, теплая и не слишкомъ влажная, пригодна для самыхъ лучшихъ полевыхъ посѣвовъ, и даетъ вѣрную жатву; напротивъ, холодная и влажная даетъ такъ называемый вязкій суглинокъ, на которомъ можно засѣвать, и то съ невѣрною надеждою на хорошій сборъ, только овесъ, кормовой горошекъ и нѣкоторые другіе неважные посѣвы. Вообще холодная и влажная глинистая почва очень рѣдко даетъ обильныя жатвы, и при обработываніи представляетъ земледѣльцу множество препятствій.

2. Иловатая почва, теплая и не слишком влажная, даетъ превосходные посѣвы; холодная и влажная, вообще посредственные; но влажность и холодность ея уже не столько вредны для воздѣлываемыхъ растений, ибо при хорошемъ удобреніи и обработываніи можно съ выгодною засѣвать на иловатой почвѣ, кромѣ овса, гороха, кормоваго горошка, даже озимую пшеницу.

3. На теплой и не слишкомъ влажной песчано-иловатой почвѣ хорошо растутъ рожь и ячмень; сверхъ того она приноситъ хорошіе сборы даже пшеницы, гороха, овса, картофеля и многихъ кормовыхъ травъ; холодная и влажная даетъ очень скудные сборы пшеницы, ржи и ячменя.

4. Теплая и сухая иловато-песчаная почва составляетъ очень хорошія поля подъ рожь и картофель; влажная и холодная не менѣе плодородна.

5. Холодная и влажная песчаная почва вообще даетъ лучшія жатвы, чѣмъ теплая и сухая.

6. Подъ именемъ мергельныхъ, или рухляковыхъ почвъ, должно разумѣть такія, которыя, по причинѣ значительнаго количества извести, въ нихъ находящейся, при паханіи легко разрыхляются, и послѣ дождя, при наступленіи сухой погоды, скоро высыхаютъ, хотя могутъ поглощать влажность изъ воздуха. Плодородіе этихъ почвъ зависитъ отъ относительнаго количества извести и глины, входящихъ въ составъ ихъ; песчано-мергельныя вообще приносятъ очень скудныя жатвы.

7. Известковыя почвы большею частію принадлежатъ къ числу трудно обрабатываемыхъ и мало плодородныхъ.

8. Черноземныя почвы, состоящія изъ перегнившихъ, или еще гниющихъ растительныхъ и животныхъ веществъ, достаточно влажныя и неглубоко поднятыя, вообще очень

плодоносны; напротивъ черноземъ, довольно сухой и какъ бы киснуцій въ высшей степени, самъ по себѣ безплоденъ. Къ последнему отдѣленію должно отнести большую часть болотныхъ и турфяныхъ почвъ.

А. Максимовичъ.

Санктпетербургъ.

АНГЛІЙСКІЙ СПОСОБЪ РАСЧИСЛЕНІЯ МѢРЫ ДОСОКЪ.

==

Отпускъ лѣсу за границу составляетъ важную статью Россійской внѣшней торговли. По Видамъ, обнародованнымъ отъ Правительства, въ послѣднія девять лѣтъ отпущено изъ всего Государства лѣсныхъ товаровъ всякаго рода на сумму безмала 80 милліоновъ, что составитъ среднимъ числомъ въ годъ болѣе 8 милліоновъ рублей.

Въ концѣ сей статьи прилагается подробная Вѣдомость сихъ отпусковъ.

Большая часть лѣсу, особливо пиленныхъ досокъ, отпускается въ Англію. Какъ весьма немногимъ извѣстно расчисленіе мѣры, по которому назначается цѣна доскамъ при закупкѣ ихъ здѣсь по Англійскимъ приказамъ и продажѣ въ Англіи, то мы постараемся сообщить обстоятельное о томъ свѣдѣніе, для пользы и торговцевъ лѣсомъ, и лѣсопильныхъ заводовъ, и самыхъ помѣщиковъ, отпускающихъ свой лѣсъ для распиловки.

Англійское расчисленіе досокъ мѣрными дюжинами.

Для употребленія въ Англіи, приготовляются въ Россіи, изъ сосноваго дерева, доски, называемыя чистыми, т. е.,

безъ оболони ¹, которая отпиливается прочь. Длина ихъ, по длинѣ бревна, бываетъ разная, отъ 12 до 20 футовъ; толщина отъ 1¹/₄ до 4 дюймовъ, и *непремѣнная* ширина въ 11 дюймовъ, Англійской мѣры.

По такой разности въ мѣрѣ, Англичане придумали умственную, *постоянную* мѣру, которая служить какъ-бы мѣриломъ или аршиномъ для измѣренія досокъ, и приведенія ихъ въ *мѣрные* доски.

Мѣрная доска полагается длиною въ 12 футовъ, толщиною въ 1¹/₄ дюйма, и шириною въ 11 дюймовъ.

Такая-то *мѣрная* доска служить мѣриломъ для измѣренія всякихъ досокъ, какой бы онѣ ни были длины и толщины, съ тѣмъ однако же, что *ширина* должна быть всегда *неизмѣнна*, т. е., въ 11 дюймовъ.

12 *мѣрныхъ* досокъ составляютъ *мѣрную дюжину*, standart-dozen; 10 такихъ дюжинъ, или 120 мѣрныхъ досокъ, называются *мѣрною сотнею*, standart-hundert.

За сію-то *мѣрную дюжину*, и *мѣрную сотню*, назначается цѣна, при закупкахъ въ Россіи по Англійскимъ приказамъ и при продажѣ досокъ въ Англіи; также платится и фрахтъ (плата за провозъ на кораблѣ), который въ договорахъ съ кораблехозяевами назначается за *мѣрную сотню*.

А какъ длина и толщина досокъ бываетъ разная, ширина же *всегда* въ 11 дюймовъ, то, по снмъ разностямъ въ длинѣ и толщинѣ, для скорого и удобнаго исчисленія въ *мѣрныхъ дюжинахъ*, употребляется слѣдующій расчетъ.

1 *Оболонь* называется сокращенно *болонь*, и происходитъ вѣроятно отъ слова *оболочка*.

Число досокъ.	Длина.	Толщина.	
	Фут.	Дюй.	
100	20	3	<p>Даютъ 2000 футовъ. Къ тому прибавить еще 2000 » Итого . 4000 футовъ.</p> <p>Изъ сего количества, полагая въ доску 12 футовъ длины, $1\frac{1}{2}$ дюйма толщины, и 11 дюймовъ ширины, составитъ мърныхъ досокъ 353 и 4 фута. А изъ нихъ мърныхъ дюжинъ 27 9 д., 4 ф.</p>
100	20	$2\frac{1}{2}$	<p>Даютъ 2000 футовъ. Прибавить $\frac{2}{3}$. . . 1333$\frac{1}{3}$ » Итого 3333$\frac{1}{3}$ »</p> <p>Составятъ мърныхъ досокъ 277 и $9\frac{1}{2}$ фут. » дюжинъ 23. 1 д., $9\frac{1}{2}$ »</p>
100	20	$2\frac{1}{4}$	<p>Даютъ 2000 футовъ. Прибавить $\frac{1}{2}$. . . 1000 » Итого 3000 »</p> <p>Составятъ мърныхъ досокъ 250 » дюжинъ 20 и 10 досокъ.</p>
100	20	2	<p>Даютъ 2000 футовъ. Прибавить $\frac{1}{3}$. . . 666$\frac{2}{3}$ » Итого 2666$\frac{2}{3}$ »</p> <p>Составятъ мърныхъ досокъ 222 и $2\frac{1}{2}$ фут. » дюжинъ 18. 6 д. $2\frac{1}{2}$ »</p>
100	20	$1\frac{1}{2}$	<p>Даютъ 2000 фут.</p> <p>Составятъ мърныхъ досокъ 166 и 8 фут. » дюжинъ 13. 10 д. 8 »</p>

Число досокъ.	Длина.	Толщина.	
	Фут.	Дюй.	
100	16	4	Даютъ 1600 фунтовъ. Прибавить 1600 » и еще изъ 1600, $\frac{2}{3}$ <u>1066$\frac{2}{3}$</u> » И того 4266 $\frac{2}{3}$ » Составятъ мърныхъ досокъ 355 и 6 $\frac{1}{2}$ фут. » дюжинъ 29.7 д. 6 $\frac{1}{3}$ »
100	18	2 $\frac{3}{4}$	Даютъ 1800 фунтовъ. Прибавить $\frac{3}{8}$ 1500 » И того <u>3300</u> » Составятъ мърныхъ досокъ 275 » дюжинъ 22 и 11 досокъ.
100	18	1 $\frac{1}{4}$	Даютъ 1800 фунтовъ. Убавить $\frac{1}{8}$ 300 » Останется <u>1500</u> » Составятъ мърныхъ досокъ 125 » дюжинъ. 10 и 5 досокъ.

Такую таблицу долженъ имѣть при себѣ всякой, торгующей досками въ заграничный отпускъ. По ней онъ тотчасъ узнаеть, сколько мърныхъ досокъ и мърныхъ дюжинъ содержится въ каждой сотнѣ досокъ, различныхъ размѣровъ по длинѣ и толщинѣ.

Кромѣ чистыхъ досокъ, отпускаются изъ Россіи въ Англію, только въ небольшомъ количествѣ, изъ сосноваго же лѣсу, пиленныя доски, называемыя батансы и диленсы.

Батансами называются доски изъ отпиленныхъ боковъ бревна.

Длина и толщина *батансовъ* бываетъ разная, какъ и чистыхъ досокъ, а ширина въ 7 дюймовъ.

Диленсами называются концы или отрезки отъ чистыхъ досокъ, употребляемые для лучшей укладки въ корабляхъ длинныхъ досокъ, чтобы не оставалось порожнихъ мѣстъ. Они бываютъ длиною отъ 4 до 10 футовъ, а шириною и толщиной противъ чистыхъ, отъ которыхъ были отрезаны.

Цѣна *батансамъ* и *диленсамъ* бываетъ дешевле чистыхъ досокъ одною третьею долею, т. е., ежели цѣна за чистая доски 12 рублей, то за *батансы* и *диленсы* 8 рублей за дюжину.

О РАСПИЛОВКѢ ВРЕВЕНЬ.

Распиловка лѣсу требуетъ расчетливости, чтобы получить изъ бревна наиболѣе выгоды. Часто помѣщики, не зная сего, присылаютъ къ порту, для распиловки и отпуска досокъ за границу, такой лѣсъ, который не даетъ никакой прибыли, или самую малую.

Лѣсъ съ большою оболонью, называемый *мендовый*, также тонкій въ отрубъ, мало даетъ чистыхъ досокъ, и потому невыгоденъ. Доски съ оболонью называются *нечистыя*: онѣ къ отпуску за море не годятся.

Для отпуска за границу идетъ лучший лѣсъ, называемый *краснымъ*, имѣющій самую тонкую оболонь, и чѣмъ онъ толще въ отрубъ, тѣмъ болѣе даетъ чистыхъ досокъ и болѣе выгоды. Лучшій красный лѣсъ бываетъ толщиной въ 9 $\frac{1}{2}$ вершковъ и болѣе, и съ самую малую оболонью.

Paci

2

v

v

v

v

v

v

v

v

I

C

C

I

J

B

C

J

J

J

Большая оболонь показываетъ, что лѣсъ еще не пришелъ въ полный свой возрастъ, или росъ на влажномъ грунтѣ. Она гораздо слабѣ сердцевины, не проникнута смолистымъ веществомъ, и потому скорѣе подвергается гнилости. Ее отпиливаютъ прочь.

При распиловкѣ бревна, прежде всего надобно отпилить съ двухъ противоположныхъ сторонъ оболонь, такъ, чтобы отпиленные бока остались шириною въ 11 дюймовъ, — неизмѣнная ширина доски. Потомъ также отпилить другія двѣ противоположныя стороны подъ прямымъ угломъ. Такимъ образомъ изъ круглаго бревна сдѣлается толстый четверосторонній брусъ, двѣ противоположныя стороны коего будутъ имѣть въ ширину 11 дюймовъ.

Сей брусъ распиливается уже въ доски, параллельно съ теми боками, которые имѣютъ въ ширину 11 дюймовъ, отъ чего всѣ распиленные доски будутъ имѣть сію же ширину.

Толщина досокъ зависитъ отъ произвола; но и тутъ нужна расчетливость, чтобы получить изъ бревна наиболѣе выгоды.

Мы представимъ здѣсь самый выгоднѣйшій способъ распиловки, взявъ въ примѣръ бревно толщиною въ $9\frac{1}{8}$ вершковъ.

Для объясненія прилагается при семь рисунокъ, изображающій отрубъ такого бревна съ вершины.

Оттѣненный ободъ показываетъ оболонь, которая предполагается здѣсь самая тонкая, въ $\frac{1}{8}$ долю дюйма.

Проведенная изъ центра къ окружности линія x, z , есть поперечникъ круга отруба, величиною въ $8\frac{3}{8}$ дюйма, или въ $4\frac{3}{4}$ вершка; следовательно поперечникъ, т. е.,

* Здѣсь не бесполезно замѣтить, что деревянная мостовая въ С.-Петербургѣ, сдѣланная изъ сосновыхъ торцевъ, была бы гораздо прочнѣе, если бы для сего употреблялся красный лѣсъ, безъ оболони, которую нужно бы отпиливать прочь.

толщина бревна въ отрубъ будетъ $16\frac{3}{4}$ дюйма, или $9\frac{1}{2}$ вершковъ.

A, B, C и *D, E, F*, суть два противоположные сегмента круга, которые отпиливаются такъ, что по отпиловкѣ, бока *A, C* и *D, F* должны имѣть въ ширину 11 дюймовъ, какъ то показано въ боковомъ масштабѣ.

C, G, D и *C, H, F*, суть два другіе противоположные сегмента, которые также отпиливаются подѣ прямыми углами.

По отпиловкѣ бревна со всѣхъ четырехъ сторонъ, останется толстый четверосторонній брусъ *A, D, F, C*, коюго два бока *A, C* и *D, F*, будутъ шириною (какъ выше сказано) въ 11 дюймовъ, а другіе два бока *A, D* и *C, F* въ 13 дюймовъ, какъ то показываетъ нижній масштабъ.

Сей брусъ распилывается въ доски, параллельно съ боками *A, C* и *D, F*. А какъ сіи бока имѣютъ въ ширину 11 дюймовъ, то и всѣ доски будутъ имѣть ту же ширину, каковая и требуется для заморскаго отпуски.

Что касается до толщины досокъ, то, хотя она зависить отъ произвола, но самая выгодная распиловка есть слѣдующая:

Средняя доска, *o, p, q, s*, оставляется толщиною въ 3 дюйма; а прочія четыре, *A, r, C, t; - r, s, t, q; - p, u, s, v; - u, D, v, F*, — отпиливаются толщиною въ $2\frac{1}{4}$ дюйма каждая, какъ то можно усмотрѣть по нижнему масштабѣ.

Такимъ образомъ, изъ бревна въ $9\frac{1}{2}$ вершковъ толщиною, получится пять досокъ, изъ коихъ одна въ 3 дюйма, и четыре въ $2\frac{1}{4}$ дюйма каждая толщиною; ширина же всѣхъ сихъ досокъ будетъ равная, въ 11 дюймовъ.

Отпиленные бока также не пропадаютъ: изъ нихъ дѣлаются *батансы*, которые также отпускаются въ продажу, хотя и дешевле цѣною.

Слѣдующій расчетъ покажетъ, сколько досокъ получится такую распиловкою изъ ста бревенъ.

100 бревенъ сосноваго краснаго лѣсу, длиною 3 сажень, толщиною въ $9\frac{1}{2}$ вершковъ въ отрубъ съ вершины, могутъ дать годныхъ для продажи въ Англiи досокъ:

Чистыхъ въ 11 дюймовъ ширины:

100 досокъ, длиною въ 20 футовъ, толщиною въ 3 дюйма, изъ коихъ окажется мѣрныхъ дюжинъ	27. 9 д. 4 фут.
400 досокъ той же длины, толщиною въ $2\frac{1}{2}$ дюйма, изъ коихъ окажется мѣрныхъ дюжинъ	92. 7 $1\frac{1}{2}$
И того	120. 4 $5\frac{1}{2}$

Батансовъ:

200 досокъ, длиною въ 20 футовъ, шириною въ 7 дюймовъ, и толщиною въ 2 дюйма, изъ коихъ окажется мѣрныхъ дюжинъ	24. 8 $3\frac{1}{2}$
Всего	145 дюж. 9 фут.

100 бревенъ такихъ же, но толщиною въ отрубъ съ вершины 7 вершковъ, дадутъ досокъ:

Чистыхъ, въ 11 дюймовъ ширины:

200 досокъ, длиною въ 20 фут., толщиною въ $2\frac{1}{2}$ дюйма, изъ коихъ окажется мѣрныхъ дюжинъ	46. 3 д. $6\frac{1}{2}$ фут.
--	------------------------------

Батансовъ:

200 досокъ, вышеозначенной мѣры	24. 8 $3\frac{1}{2}$
Всего	70. 11 $9\frac{1}{2}$

Примѣч. 1. Лѣсъ не красный, называемый *мендовскій* такого количества досокъ чистыхъ дать не можетъ, по причинѣ толстой оболони.

Примѣч. 2. Россiйская мѣра вершка, противъ Англiйскаго дюйма, состоитъ въ слѣдующей соразмѣрности:

$9\frac{1}{2}$ вершковъ =	около $17\frac{1}{2}$ дюймовъ.
7 =	$12\frac{1}{2}$
6 =	$10\frac{3}{4}$

Вѣдомость,

показывающая цѣнность отпусковъ лѣса изъ Россіи за границу, съ 1824 по 1832 годъ включительно, по Вѣдамъ Государственной Высшей Торговли.

Въ 1824: по Бѣлому морю	786,448 р. асс.
Балтійскому морю	6,449,474.
Сухопутной Европейской границѣ	2,004,985.
Черному и Азовскому морямъ	32,692.
	<hr/>
	9,273,599.
Въ 1825: по Бѣлому морю	868,671.
Балтійскому морю	7,413,922.
Сухопутной Европейской границѣ	3,593,178.
Черному и Азовскому морямъ	6,452.
Каспійскому морю	125:
	<hr/>
	11,882,348.
Въ 1826: по Бѣлому морю	707,262.
Балтійскому морю	4,647,565.
Сухопутной Европейской границѣ	2,562,418.
Черному и Азовскому морямъ.	1,726.
Каспійскому морю	185.
	<hr/>
	7,919,156.
Въ 1827: по Бѣлому морю	889,207.
Балтійскому морю	5,682,691.
Сухопутной Европейской границѣ	2,029,211.
Черному и Азовскому морямъ	53,428.
	<hr/>
	8,654,537.
Въ 1828: по Бѣлому морю	700,317.
Балтійскому морю	5,039,503.
Сухопутной Европейской границѣ	2,712,460.
Черному и Азовскому морямъ.	420.
	<hr/>
	8,452,700.

Въ 1829: по Бѣлому морю	828,173.
Балтійскому морю	5,691,792.
Сухопутной Европейской границъ	1,743,046.
Черному и Азовскому морямъ	30.
	<u>8,263,041.</u>
Въ 1830: по Бѣлому морю	1,091,683.
Балтійскому морю	4,642,414.
Сухопутной Европейской границъ	2,495,831.
Черному и Азовскому морямъ	37,125.
	<u>8,265,053.</u>
Въ 1831: по Бѣлому морю	636,482.
Балтійскому морю	5,110,967.
Сухопутной Европейской границъ	1,529,492.
Черному и Азовскому морямъ .	96,048.
	<u>7,372,989.</u>
Въ 1832: по Бѣлому морю	764,148.
Балтійскому морю	4,323,106.
Сухопутной Европейской границъ	1,984,657.
Черному и Азовскому морямъ .	21,301.
	<u>7,096,654.</u>

Всего отпущено въ теченіе девяти лѣтъ на 77,180,077.

Примѣчаніе 1. Отпускъ лѣса въ 1831 году былъ менше противъ прошлыхъ двухъ годовъ по случаю безпокойствъ въ Литвѣ, откуда бываетъ главнѣйшій отпускъ онаго.

Примѣчаніе 2. Отпускъ лѣсу изъ Россіи за границу въ послѣдніе годы значительно увеличился противъ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, какъ то можно видѣть изъ слѣдующаго счета:

Въ 1802 году отпущено на	1,442,013 рублей.
1803	2,021,508.
1804	1,279,275.

Нужно однако же замѣтить, что въ сіи годы денежный курсъ на Лондонъ, въ С.-Петербургѣ, былъ отъ 31 до 34 $\frac{1}{4}$ пенсовъ за рубль, а напротивъ въ послѣдніе девять лѣтъ онъ понизился до 10 $\frac{1}{4}$, и даже до 9 $\frac{1}{2}$ пенсовъ за рубль.

**ПРИЕМЪ САХАРНЫХЪ ЗАВОДЧИКОВЪ ОТЪ БУМАГИ,
КОЮ ОБВЕРТЫВАЮТСЯ САХАРНЫЯ ГОЛОВЫ.**

=

Сахаръ, головами, продается обыкновенно на вѣсъ вмѣстѣ съ бумагой, въ которую онъ завернуть, и веревочкой, которою обвязанъ. На каждую голову употребляется 4 листа бумаги, изъ коихъ 2 листа, верхніе, синіе, а два нижніе бѣлые или сѣрые. Бумага для сего употребляется почти всегда толстая, тяжелая; веревочки также довольно толстыя.

Я пробовалъ взвѣсить сію оберточную бумагу и съ веревочками. Три головы сахару вѣсили ровно одинъ пудъ; 12 листовъ бумаги, коими онъ были обернуты, вмѣстѣ съ веревочками, вѣсили $2\frac{1}{4}$ фун. Я заплатилъ за пудъ сахару 36 р.; следовательно, въ томъ числѣ за бумагу и веревочки 2 р., т. е. слишкомъ 5%.

Въ одной стопѣ бумаги считается 480 листовъ. Если купить 40 пудъ сахару въ головахъ, то, полагая въ трехъ головахъ 1 пудъ, выйдетъ 120 головъ, изъ коихъ каждая обернута четырьмя листами бумаги и обвязана веревочками; следовательно, на 40 пудъ, или на 120 головъ, употреблена цѣлая стопа бумаги. Сія бумага и съ веревочками, по моему испытанію, будетъ вѣсить 2 пуда и 10 фунтовъ. За 40 пудъ сахару, по 36 р. за пудъ, заплатится 1440 руб.; въ томъ числѣ за бумагу съ веревочками 80 р., которые составляютъ чистую потерю.

Потеря сія будетъ гораздо больше, если бумага толще и тяжеле, каковую предпочтительно употребляютъ нѣкоторые изъ сахарныхъ заводчиковъ.

Въ Парижѣ поручено было одному Химикку испытать такую бумагу, употребляемую на обертку сахара и другихъ товаровъ, продающихся вмѣстѣ съ бумагою. Вотъ что оказалось:

По заказу некоторых фабрикантов и купцов дается нарочно самая тяжелая бумага, въ массу которой, для большей тяжести, примѣшивается мѣлъ, толченый известковый камень, и иногда желтая охра. Тяжесть сей бумаги бываетъ различна: иная вѣситъ болѣе одного фунта въ листѣ, или стопа 525 фунтовъ (15 пудъ нашего вѣсу), другая въ половину того. Сія послѣдняя мало покупается, по причинѣ ея легкости. (Annales de l'industrie, Tome VII, N° 2, 1832.)

Если наши сахарные заводчики, въ подражаніе Французскимъ, станутъ употреблять такую бумагу, то мы будемъ платить за 40 пудъ сахару, по вышешприведенному расчету, 533 р. 33 к. лишнихъ за одну бумагу, которая намъ ни къ чему не нужна *.

Мы часто слышимъ жалобы нашихъ сахарныхъ заводчиковъ на дешезизну сахара, которая не даетъ имъ ни какого барыша, и даже причиняетъ убытокъ. Но намъ кажется, что барышъ болѣе 5 процентовъ отъ одной бумаги съ веревками довольно великъ, при частыхъ оборотахъ ихъ товара.

Яценковъ.

ЗОЛОТЫЯ РУДЫ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.

Лѣтъ за шесть передъ симъ открыты въ Сѣверной Америкѣ (въ Сѣверной Каролинѣ) первыя золотыя руды, близъ рѣки Потомака. Нынѣ извѣдано, что онѣ продолжаютъ и въ Виргиніи и Георгіи, даже до Алабамы и Тенессе. Во многихъ мѣстахъ прински уже разрабатываются съ великимъ успѣхомъ. Въ 1830 году выбито 460,000 долларовъ золотой монеты изъ золота, добытаго изъ рудниковъ Каролины, Виргиніи и Георгіи. Но большая часть золота въ слиткахъ отправляется въ Европу.

* Не худо замѣтить, что во Франціи сахарныя головы обвертываются только двумя листами бумаги, а не четырьмя, какъ у насъ.

КОЛИЧЕСТВО КОРОВЬЯГО МАСЛА, ПОТРЕБЛЯЕМОГО ВЪ ЛОНДОНѢ.

=

Сочтено, что каждый человекъ въ Лондонѣ круглымъ числомъ употребляетъ въ недѣлю полфунта коровьяго масла, или 26 фунтовъ въ годъ. Полагая народонаселеніе Лондона въ 1,450,000 душъ, ежегодное потребленіе масла будетъ 37,700,000 ф., слишкомъ миллионъ пудъ нашего вѣсу. Къ тому должно прибавить около 10 миллионъ фунтовъ для флота, что составитъ всего около 48 миллионъ фунтовъ, или 1,252,500 пудъ нашего вѣсу. Полагая по 10 пенсовъ за фунтъ (около 1 руб. ассиг.), составитъ 49 миллионъ руб. ассиг. И такъ если положить, по расчету Г. Маршала, что одна корова въ Англіи даетъ въ годъ 168 фунтовъ масла (4 пуда 24 фунта нашего вѣса): то нужно болѣе 285,000 коровъ, чтобы получить достаточное количество масла для продовольствія столицы. *London Magazine.*

ТОНЧАЙШИЯ НИТКИ ДЛЯ КРУЖЕВЪ.

=

Городъ Валансиеннъ (въ сѣверной Франціи) издавна славился своими кружевами. Въ нынѣшнемъ году, на бывшей тамъ частной Выставкѣ мануфактурныхъ произведеній того департамента, Г. Леперсъ представилъ коллекцію самыхъ тонкихъ нитокъ для кружевъ, возбуждившую удивленіе знатоковъ. Одинъ килограммъ такихъ тончайшихъ нитокъ стоитъ 6,400 франковъ (4 фунтъ Россійскій; 2560 р.), длина его 728,960 метровъ (безъ-мала 638 верстъ). Дороговизна такихъ нитокъ не удивитъ никого, кто знаетъ, что въ цѣломъ пучкѣ льна часто не найдешь ни одной жилки, годной для пряжи оныхъ. Тонина сихъ кружевныхъ нитокъ превосходить все, что можетъ себѣ представить воображеніе; но при такой тонинѣ, онѣ имѣютъ довольно крѣпости, такъ, что можно ихъ мотать и плести въ кружева. Къ сожалѣнію, сія отрасль промышленности, занимавшая прежде

множество рукъ въ Валансиеннѣ, день ото дня упадаетъ, особливо съ того времени, какъ начали выдѣлывать тюль и бобинетъ машинами. *Journal des Débats.*

ГЛУБОКАЯ СТАРОСТЬ ДЕРЕВЪ.

Декандоль говорить, что деревья въ настоящемъ смыслѣ слова не умираютъ отъ старости. Онъ, можетъ-статься, симъ полагаетъ, что они могли бы расти вѣчно, если бы всегда имѣли нужную для себя пищу, и не были разрушаемы бурями или другими случаями. Баобабское дерево, по искусному исчисленію Адансона, можетъ имѣть отъ рожденія 5000 лѣтъ; но оно растеть въ другомъ климатѣ, нежели нашъ, и не подвержено гибельнымъ переменамъ холода и жара. Въ Англіи находятся дубы, вязы и тисовыя деревья, которыя и донынѣ еще царствуютъ въ ея рощахъ во всемъ прежнемъ великолѣпнн, хотя вѣроятно запомнятъ еще времена Давида и Соломона. Декандоль полагаетъ, что тисовыя деревья Фаунтень-Аббея близъ Рипона имѣютъ 1200 лѣтъ, а тѣ, которыя растутъ на кладбищѣ прихода Гробуръ въ Графствѣ Суррейскомъ, 1450 лѣтъ; и что тисовое дерево Фортингальское въ Пертѣ живетъ уже 2500 лѣтъ, а дерево на мызѣ Брабурнѣ въ Кентскомъ Графствѣ 3000 лѣтъ. Это кажется невѣроятнымъ, но оно основано на весьма точныхъ наблюденіяхъ. *Blackwood's Magazine.*

ЗЕМНЫЕ САДЫ.

Письмо изъ Берлина.

Бьюсь объ закладъ, что вы не отгадаете, откуда я пишу къ вамъ это письмо.

Представьте себѣ большую залу, въ 15 сажень длинны и около 5 сажень ширины, украшенную гирляндами, душистыми цвѣтами въ горшкахъ и живыми деревьями въ кадкахъ и въ грунтѣ, съ двумя фонтанами чистой воды, освѣщенную красивыми лампами и разноцвѣтными шкаликами. Музыка гремитъ: многолюдное общество мужчинъ и дамъ, въ прекраснѣйшихъ лѣтнихъ нарядахъ, — не забудьте, что на дворѣ 20 градусовъ морозу! — иные садятся, другіе раскладываютъ, и болѣе 30 паръ вертятся въ танцахъ. Въ сторонѣ буфетъ съ разными лакомствами и прохладительными напитками.

Вы навѣрное скажете, что это воксалъ или какой нибудь загородный увеселительный домикъ. Не отгадали!..... Это просто оранжерея, устроенная для зимнихъ бабовъ.

Не правда ли, что пріятно, зимою, когда на улицѣ снѣгъ трещить подъ ногами, и теплая шуба едва согреваетъ, провести вечеръ въ прекрасномъ саду, въ умѣренной температурѣ, среди прелестныхъ цвѣтовъ и зеленѣющихъ деревьевъ, гдѣ все напоминаетъ вамъ лѣтнюю прогулку, все приводитъ въ забвеніе суровость нашего климата? Мужчины въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, дамы въ легкомъ, эфирномъ платьѣ, въ волосахъ, съ полуобнаженною грудью..... Придетъ ли тутъ на мысль зима въ 20 градусовъ?

Но вы захотите знать устройство этого зимняго сада? Ничего не можетъ быть проще. Въ одной сторонѣ этой огромной залы двѣ обыкновенныя изразцовыя печи; въ каждой изъ нихъ пустой цилиндръ изъ листовой меди. Нѣсколько поодаль отъ печей три большіе резервуара съ водою: они жестяные и съ крышками. Отъ резервуаровъ проведены трубы къ цилиндрамъ въ печакъ: нижнія трубы почти на ровнѣ съ поломъ, а верхнія фута на два выше нижнихъ. Вотъ все устройство!

Теперь, какъ производится отопленіе? Резервуары наполняются водою, отъ чего всѣ трубы и цилиндры въ печакъ также наполняются ею. Потомъ разводять огонь въ печакъ.

Пламя, обходя вокругъ цилиндровъ, скоро разгорячаетъ ихъ и согреваетъ находящуюся въ нихъ воду. А какъ теплая вода легче холодной, то первая поднимается къ верху, а послѣдняя опускается внизъ. Теплая вода идетъ черезъ верхнія проводныя трубы въ резервуары; напротивъ того, холодная изъ резервуаровъ течетъ черезъ нижнія трубы въ цилиндры, и въ нихъ опять нагрѣвается. Такимъ образомъ производится безпрестанное притеченіе холодной воды изъ резервуаровъ въ цилиндры, и теплой изъ цилиндровъ въ резервуары. Это кругообращеніе воды продолжается до тѣхъ поръ, пока вся вода въ резервуарахъ достигнетъ до степени кипѣнія, до чего однако не допускаютъ, чтобъ не произвестъ пара. Нагрѣтыя отъ горячей воды трубы распространяютъ во всей залѣ умѣренную теплоту, отъ 14 до 15 градусовъ по Реомюру, даже въ самыя жестокіе морозы. Замѣчательно, что эта теплота не влажная; но можно довести ее до влажной, если продолжить огонь въ печи до того, чтобы вода въ резервуарахъ закипѣла, ибо тогда пойдутъ пары.

Хозяинъ увѣрялъ меня, что достаточно топить одинъ разъ въ сутки: разогрѣтая вода въ трубахъ и резервуарахъ сохраняетъ теплоту долго, когда уже огонь въ печи погаснетъ.

Я думаю, что этотъ способъ отопленія можно приспособить не только къ оранжереямъ, но и къ большимъ публичнымъ заламъ. Онъ гораздо экономнѣе нашихъ печей. Чтobъ отопить такую огромную залу, какъ эта, а съ нею еще длинный коридоръ и нѣсколько небольшихъ кабинетовъ, мало было бы шести или восьми обыкновенныхъ печей. Но это не мое дѣло: пусть ваши Архитекторы посудятъ. Для этого посылаю планъ и рисунокъ. Я зашелъ тутъ же въ маленькій кабинетъ, гдѣ, нашедши бумагу, перо и чернила, написалъ это письмо для вашего любопытства, подъ шумомъ танцевъ и музыки, изъ — *зимняго сада*.

ОПИСАНІЕ ПЛАНА ЗИМНЯГО САДА ВЪ БЕРЛИНѢ.

Длина большой залы 100 футовъ, ширина 33 фута, средняя вышина 12 футовъ.

Аппаратъ для топленія находится у передней стѣны.

Е. В. двѣ обыкновенныя изразцовыя печи, съ цилиндрами изъ мѣдныхъ листовъ.

А. Д. С. три резервуара съ водою, также мѣдные.

Цилиндръ въ печи Е. находится въ сообщеніи съ резервуарами А. Д. посредствомъ мѣдныхъ трубъ *m, m; n, n*.

Цилиндръ въ печи В. находится въ сообщеніи съ резервуаромъ С. посредствомъ мѣдныхъ трубъ *o, p*.

Нижнія трубы *n, n, p* идутъ почти наравнѣ съ поломъ; а верхнія *m, m, o*, отстоятъ отъ нижнихъ на два фута выше.

Цилиндръ въ печи Е. длиною 3 фут. 4 дюйма, а въ поперечникъ 10 дюймовъ.

Цилиндръ въ печи В., длиною 2 фут. 6 дюймовъ, въ поперечникъ 10 дюймовъ.

Впрочемъ сіи цилиндры могутъ быть и меньшаго размера.

Резервуары А. Д. С. вышиною 4 фута, въ поперечникъ 2 фута. Они закрыты крышкою, и имѣютъ внизу краны, дабы, въ случаѣ надобности, можно было выпустить изъ нихъ всю воду.

Проводныя трубы *m, m, n, n, o, p*, въ поперечникъ два дюйма.

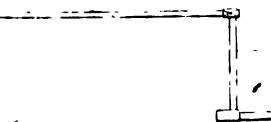
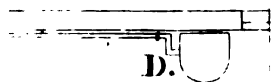
Въ ситуационномъ планѣ назначены разныя части зданія.

САДА

линии А.В.

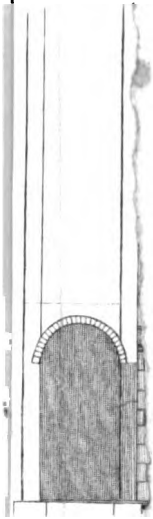

да ?

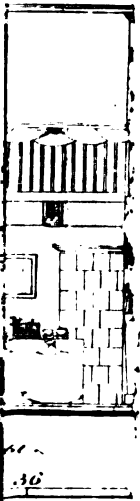

4 c a o

Внѣ

рнѡи с

36

V.

КРИТИКА.

=

1. Россія и Баторій, *Историческая Драма въ пяти дѣйствіяхъ*, сочиненіе Барона Розена. Сп.-бургъ, 1833.
2. Торивато Тассо, *большая Драматическая Фантазія*, въ стихахъ, сочиненіе Н. К. Сп.-бургъ, 1833.
3. Торквато Тассо, *Драма*. Сп.-бургъ, 1833.

=

*** Прошлый годъ въ Русской Словесности былъ очень поэтический. Нѣсколько хорошихъ, даже отличныхъ сочиненій въ стихахъ просвѣтили туманный ея небосклонъ. Следуя плану этого Журнала, мы должны были бы посвятить критическое его отдѣленіе исключительно твореніямъ, вышедшимъ въ свѣтъ со дня его существованія; но литературный 1834-й годъ еще не начинался, и мы воспользуемся небольшимъ промежуткомъ времени между 1-мъ числомъ Января и первыми сочиненіями, которыя безъ сомнѣнія ознаменуютъ этотъ мѣсяць своимъ появленіемъ, чтобъ бросить обратный взглядъ на стихотворныя произведенія, дающія истекшему году право занимать весьма почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашей Словесности.

=

«Россія и Баторій», Драма Барона Розена, преимущественно обратила на себя лестное вниманіе. Она написана хорошими стихами; языкъ ея плавеиъ, звучеиъ, силенъ, примѣчатеиъ во многихъ отношеніяхъ; предметъ чрезвычайно важенъ. Но, говорятъ, Поэтъ рѣшился передѣлать ее по новому плану: я уважаю его рѣшеніе, — оно совершенно законное, и возлагаетъ на критика обя-

занность не говорить ни слова о содержаніи повѣсти, пока она не будетъ передѣлана, то есть, усовершенствована. Но мы можемъ говорить вообще объ Исторической Драмѣ и о предметѣ, который онъ избралъ, и разсматривать историческую и поэтическую его сторону, не дѣлая отнюдь ни какихъ примѣненій къ его творенію.

Я не знаю границъ, въ которыхъ должна удерживаться Историческая Драма, ибо границы эти нигдѣ не опредѣлены, и, при нынѣшней распутицѣ литературныхъ правилъ, даже опредѣлить ихъ невозможно. Но воображеніе поэта должно дѣйствовать: слѣдственно Исторія должна быть нарушена. Все искусство состоитъ, кажется, въ образѣ нарушенія: никто не имѣетъ права порицать поэта, когда, для занимательности своей повѣсти, измѣняетъ онъ Исторію такъ, что ни сама Исторія, ни сопряженныя съ нею пользы человѣчества, не могутъ за то прогнѣваться. И такъ, коль скоро Историческая Драма вѣрно, или по крайней мѣрѣ довольно вѣрно, осуществляетъ мысль данной эпохи или даннаго событія, Исторія должна простить ей остальное; коль скоро Драма не исказила, не запятнала ни одного чистаго и добродѣтельнаго историческаго характера, пользы человѣчества ничего не теряютъ отъ вымысла поэта. И это послѣднее условіе считаю я даже важнѣйшимъ, нежели первое, ибо вся польза, которую человѣчество получаетъ отъ Исторіи, заключается въ образцахъ прекрасныхъ и возвышенныхъ характеровъ, предлагаемыхъ намъ къ удивленію и подражанію, чтобъ облагородить въ нашихъ глазахъ собственный нашъ родъ, чтобъ возбудить въ насъ соревнованіе къ доблести, чтобъ принести облегченіе умственнымъ страданіямъ общества. Драма, которая, для занимательности поэтическаго вы-

мысли, нарушаетъ это условіе, есть не поэма, но оскорбленіе величества рода человѣческаго и чапа яду для высшей общественной нравственности. Поэтому, я даю поэту весьма обширное поле: онъ можетъ значительно измѣнять Исторію, чтобъ забавлять мое воображеніе; но покорно прошу его уважать прекрасныя историческія характеры, ибо это святыня слабой и тѣнной нашей природы. Если онъ станетъ произвольно вваливать на нихъ гнусныя поступки и злодѣянія и чернить память великихъ покойниковъ Исторіи, то я не усматриваю ни какого поощренія для честности и добродѣтели, не вижу ни какой выгоды быть человѣкомъ. Ужъ лучше тогда быть историческою лошадыю, ибо никто еще, для рѣзвы, не сказалъ о прославленномъ конѣ Александра Великаго, что онъ былъ дурной рысакъ и спѣлъ однимъ глазомъ! Нѣтъ ничего унижительное для изящнаго художества, ничего недостойное великаго таланта, какъ добровольно клеветать знаменитый историческій характеръ: кого Исторія передала поэту чистымъ, изъ того можетъ онъ, ежели захочетъ, сдѣлать образецъ всего прекраснаго и высокаго, но онъ не въ правѣ пятнать его славу оскорбительнымъ вымысломъ. Для гнусныхъ дѣйствій есть довольно мерзавцевъ въ Исторіи, и ихъ никто не пожалуетъ, когда поэтъ, чтобъ услить мое отвращеніе къ злодѣянію, припишетъ имъ одну лишнюю подлость. Это главный догматъ литературнаго моего вѣроисповѣданія, и, по моему мнѣнію, онъ основанъ на существѣ высшей общественной нравственности. Онъ показываетъ также, что я не принадлежу къ числу Гюго-поклонниковъ.

Простое соединеніе двухъ собственныхъ именъ, «Россія и Баторій», уже представляетъ уму много

историческаго и много поэтическаго: оно тотчасъ возбуждаетъ въ насъ прекрасное, патриотическое понятіе, — Россіи въ борьбѣ съ Баторіемъ, и торжества народнаго ея духа надъ усиліями завоевателя, даже въ такое время, когда уныніе и бездѣйствіе овладѣли верховною властію, распоряжающею ея судьбами. Это поэтическая сторона эпохи. Другая, то есть, положительная ея сторона, можетъ болѣе или менѣе казаться сходною съ историческою истинною, смотря по мѣсту и времени, въ какихъ происходитъ дѣйствіе. Если дѣйствіе происходитъ во Псковъ, то Исторія въ правѣ немножко поморщиться на Поэзію. Чтобъ примирить ихъ въ этомъ случаѣ, надобно предположить, что Баторій намѣрился завоевать Россію, и что Россія, представляемая Псковомъ, спасла сама себя, — однимъ словомъ, что Псковъ разрушилъ всѣ планы Баторія. На то Исторія въ состояніи возразить, что мысль эпохи совсѣмъ не та. Война между Баторіемъ и Россіею была война возмездія, а не съ цѣлію покорить государство. Баторій стремился не въ центръ Россіи, но въ западный ея уголъ. Занятый своимъ романтическимъ планомъ крестоваго похода противъ Турокъ, враговъ Христіанства, безъ денегъ и не рѣдко безъ пороху, съ 35,000 войска, онъ не могъ и думать о порабоженіи Россіи. Онъ болѣе успѣвалъ своимъ счастіемъ и степеніемъ обстоятельствъ, чѣмъ матеріальною силою. Пока Баторій стремился на Новгородъ, можно еще было предполагать въ немъ честолюбиваго завоевателя; но когда онъ сообразилъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, что этотъ городъ слишкомъ силенъ для его арміи, и изъ Порхова повернулъ на Псковъ, война для него была уже кончена. Тогда онъ рѣшительно оставилъ всѣ свои прежнія намѣренія, и взятіемъ Пскова хотѣлъ только выиграть нѣсколько выгоднѣйшихъ статей

въ трактатъ, приблизиться къ областямъ, въ которыхъ Швеція уже начинала съ нимъ войну, и принудить Царя къ скорѣйшему заключенію мира, о которомъ давно уже шли переговоры, чтобъ обратить силы свои противъ Шведовъ, а потомъ противъ Турокъ. И такъ, во Псковъ, дѣло уже было не между Россією и Баторіемъ, но просто между скорѣйшимъ или медленнѣйшимъ подписаніемъ трактата, — вопросъ болѣе дипломатическій, чѣмъ стратегическій, — и Пскову нечего было спасать Россію, потому, что она находилась внѣ всякой опасности. Псковъ могъ только спасти отечество отъ тягостныхъ условій трактата, но, понесчастію, отъ нихъ онъ не спасъ его. Россія согласилась на всѣ требованія врага, и трактатъ былъ подписанъ, хотя Псковъ не былъ взятъ. Въ такомъ положеніи дѣлъ, я вижу только Псковъ и Баторія въ личной борьбѣ, но Россія и Баторій уже сошли со сцены.

Но я готовъ употребить мое посредничество, чтобъ сблизить Исторію съ Поэзією въ этомъ спорномъ дѣлѣ. Для театральнаго эффекта Поэзія можетъ украсить суховатый историческій фактъ блистательною и утѣшительною мечтою, и Исторія не должна гнѣваться, когда ее такъ великолюбно украшаютъ. Этотъ вымыселъ не только необходимъ для сцены, но даже весьма удаченъ. И сколько чудесныхъ поэтическихъ видовъ открываетъ тогда намъ такъ одушевленная воображеніемъ эпоха! Псковитяне и Баторій съ одной стороны, — ибо я нахожу еще болѣе поэтическимъ для сцены и лестнѣйшимъ для народнаго духа поставить всѣ силы и весь гений Баторія передъ однимъ городомъ Псковомъ, и сокрушить ихъ объ его стѣны, чѣмъ передъ цѣлою Россією, — съ другой стороны Россія и Баторій; съ третьей Царь Іоаннъ Грозный и Баторій; съ

четвертой Царь Іоаннъ и несчастный Царевичъ, падшій невинною жертвою этой политической и домашней бури. Сколько великихъ, истинно драматическихъ и живописныхъ характеровъ, — Царь, Царевичъ, его супруга, Царица, Борисъ Годуновъ, Шуйскіе, Баторій, Замойскій, Курбскій, и даже самый Іезуитъ, Поссевинъ! Сколько драмы повсюду! Отечественныя бѣдствія, сила Русскаго патриотизма, бореніе страстей въ царскихъ палатахъ, казни, страхъ, ужасъ, сыноубійство! Поэзія несется волнами — здѣсь есть довольно предметовъ, — не для одной, — для нѣсколькихъ полныхъ Драмъ. Россія въ борьбѣ съ Баторіемъ во Псковъ можетъ составить обильный происшествіями сюжетъ для большой драматической Поэмы; другой такой же сюжетъ, и еще могущественнѣйшій, еще болѣе драматическій, ожидаетъ Поэта въ сыноубійствѣ. Отъ его искусства зависитъ еще разнообразить каждый изъ нихъ счастливымъ сочетаніемъ событій, заимствованныхъ изъ другаго сюжета, — или въ драму между Россіею и Баторіемъ ввести сыноубійство въ видѣ бѣглаго эпизода, въ видѣ одной изъ тѣхъ ужасныхъ, кровавыхъ молній, которыя, потрясая и раздирая умъ, сердце и воображеніе, приготавливаютъ ихъ къ дальнѣйшимъ ощущеніямъ, сильнымъ, великимъ, торжественнымъ, — или въ страшную драму между отцемъ и сыномъ ввести величественную картину отечества въ отчаяніи, забытаго своимъ вождемъ и борющагося собственными своими силами съ опаснымъ врагомъ. Я не усомнюсь сказать, что нуженъ талантъ почти сверхъ-естественный, чтобъ въ полной мѣрѣ и достойнымъ образомъ исчерпать всю поэзію этой эпохи. Двѣ высокія внутреннія драмы души предстоятъ здѣсь къ развитію, и каждая изъ нихъ требуетъ едва ли не генія Шиллерова: — Курбскій, великій измѣнникъ, подъ Псковомъ передъ

лицемъ Россіи, — мучитель и сыноубійца въ Москвѣ. Нѣтъ сомнѣній, что хотя послѣдняя заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе поэтическихъ красотъ, болѣе предметовъ для тонкихъ философскихъ соображеній и сильныхъ картинъ страсти, за то первая въ состояніи быть поучительнѣе и принести болѣе утѣшенія; но я не могу оставить заведенной мною рѣчи о поэтической сторонѣ этой эпохи, не упомянувъ о томъ, что представляется моему воображенію самымъ глубокимъ, самымъ неисчерпаемымъ источникомъ поэзіи.

Многіе наши сочинители въ стихахъ и прозѣ думаютъ, что прекрасно изобразили характеръ Іоанна Грознаго, когда представили его загадочнымъ и непонятнымъ. Не понимать-то и мы умѣемъ: обязанность писателя и поэта развить создаваемый имъ характеръ такъ, чтобъ мы поняли его насквозь. Мнѣ однако жъ кажется, что въ Іоаннѣ нѣтъ ничего загадочнаго, ни темнаго. По крайней мѣрѣ, мое объ немъ понятіе весьма опредѣлительно, и я готовъ изложить его откровенно. Я не знаю въ новѣйшей Исторіи ни одного характера величественнѣе въ ужасномъ родѣ, болѣе драматическаго, болѣе живописнаго, чѣмъ Грозный. Царь Іоаннъ былъ тиранъ въ полномъ значеніи слова, привыкшій къ крови, любившій кровь, какъ всѣ, которые однажды ея вкусили. Онъ презиралъ челоуѣка, пбо безъ этого нельзя быть тираномъ. Но онъ не былъ ни Неронъ, ни Бухарскій Ханъ, который рубить головы только для того, чтобъ показать, что онъ можетъ рубить ихъ, когда захочетъ. Одаренный благородною страстію къ славѣ, высокимъ умомъ и неукротимымъ нравомъ, онъ считалъ страхъ и строгость необходимымъ средствомъ правительства; но пылкость его почти всегда превращала это сред-

ство въ ужасъ и тиранство. Онъ съ удовольствіемъ проливалъ кровь, поздравлялъ себя съ успѣшнымъ дѣйствіемъ чрезмѣрной строгости, приписывалъ слѣдствія внушеннаго ею страха своему уму, и купался въ преступленіяхъ, пока думалъ, что онъ дѣйствуетъ прекрасно, и что цѣлый свѣтъ судить объ немъ точно такъ же, какъ его льстецы и онъ самъ. Письма Курбскаго въ первый разъ открыли ему глаза. Но письма Курбскаго, измѣнника, презираемаго Іоанномъ, не могли еще сдѣлать въ немъ того потрясенія, какое произвело поведеніе Баторія. Этотъ умный, образованный, благородный Венгерецъ, настоящій рыцарь безъ страха и безъ упрека, стяжавъ своими доблестями два престола, наполнялъ всю Европу самою прекрасною славою, тогда какъ Іоаннъ наполнялъ ее ужасомъ и омерзѣніемъ. Баторій, увлекаемый рыцарскимъ духомъ, который многихъ еще оживлялъ въ то время, душевно гнушался поведеніемъ Іоанна. Не будучи Полякомъ, и слабо поддерживаемый тѣми, для которыхъ жертвовалъ всѣмъ, онъ не имѣлъ ни какого повода раздѣлять народныя ихъ предразсудки и ненавидѣть Россію. Но онъ, по убѣжденію своего сердца, ненавидѣлъ Іоанна Мучителя, былъ личный ему врагъ, и, въ то же время, какъ оружіемъ велъ войну съ Россіею за выгоды буйной и неблагоприятной Польши, которою весьма былъ недоволенъ, онъ объявилъ отъ своего имени нравственную войну Грозному. Онъ заставилъ Курбскаго писать къ нему изъ Полоцка, — Баторій и самъ былъ скоръ на строку, — онъ самъ писалъ къ нему, обнажалъ передъ его глазами всю его жизнь, изображалъ его преступленія и тиранство самыми рѣзкими красками, закидывалъ его своими посланіями, вызывалъ его на посидинокъ, какъ врага человечества, печаталъ объ немъ книги въ Германіи и посылалъ ихъ

къ нему, чтобъ поразить сердце его ужасомъ, испугать, усовѣстить. Карамзинъ, судя поверхностно и не вникая въ тогдашній духъ Европы, называетъ письма Баторія *грубыми!*..... Не со стороны ихъ грубости историкъ и поэтъ должны смотреть на нихъ, но со стороны цѣли и духа, съ какими были они писаны, и дѣйствія, какое произвели. Тогда только Юаннъ, умный отъ природы и пристрастный къ славъ, почувствовалъ всю отвратительность своихъ поступковъ, которые до тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ своими льстецами, почиталъ онъ неподражаемыми. Онъ содрогнулся при мысли, что вся Европа знаетъ объ его преступленіяхъ, и что имя его повсюду въ омерзѣніи. Онъ не могъ не сравнивать прекрасной славы, которою пользовался Баторій, возникшій такъ высоко съ нижнихъ ступеней общества, съ отвращеніемъ, какое поселяла къ нему въ сердцахъ Европейскихъ Государей картина грязной и кровавой его жизни, его, потомка столькихъ властелиновъ, одного изъ могущественнѣйшихъ и благороднѣйшихъ Самодержцевъ въ міръ! Онъ, кажется, даже завидовалъ Баторію. И тогда именно началась эта величественная, чудесная, истинно драматическая борьба въ душѣ мучителя, эта несравненная внутренняя трагедія, кончившаяся страшнымъ, раздирающимъ уныніемъ. Грозный сталъ гнушаться самимъ собою. Онъ стыдился самого себя передъ Баторіемъ; набожныя понятія въка пробудились въ его груди, и онъ вообразилъ себѣ этого героя орудіемъ небеснаго мщенія; онъ тайно призналъ его выше себя, и когда посланецъ принесъ къ нему новое отъ него письмо, новый язвительный упрекъ его совѣсти, и спрашивалъ объ отвѣтъ, онъ сказалъ только: — *Кланяйся брату, Королю!* Никогда не могъ я безъ нетерпѣнія читать въ Карамзинѣ строкъ, гдѣ описывается это происшествіе, которое называетъ онъ

«неслыханнымъ униженіемъ». Какъ! это униженіе! униженіе, самая торжественная минута жизни Іоанна, гдѣ религія, добродѣтель, совѣсть и чувство долга человѣка, одержали такой верхъ надъ законностью въ преступленіи, надъ гордостью властелина, надъ порывистымъ, бурнымъ правомъ мучителя? Ежели это униженіе, то я не знаю въ земномъ существованіи человѣка ни какой славы свѣтлѣе и возвышеннѣе этого униженія. Въ этомъ отвѣтъ вижу я душу Іоанна во всемъ ея величіи: это такой яркій, радужный психологическій феноменъ, какой только можетъ создать самое пылкое воображеніе великаго поэта. Если бъ оно не находилось въ Исторіи, я не желалъ бы для своего безсмертія ничего другаго, какъ выдумать и развить подобное положеніе человѣческой души: я былъ бы Шекспиромъ. Сколько здѣсь драмы!.....

Перенесенное на сцену мощнымъ талантомъ, это безподобное положеніе въ состояніи явиться самымъ патетическимъ, растрогать, изумить и уничтожить зрителя. Надобно только обнять его во всемъ пространствѣ, сильно схватить душою, и смѣло, мгновенно, перекинуть въ душу слушателя! И не здѣсь конецъ высокаго: умъ и сердце мучителя восторжествовали надъ его самолюбіемъ, надъ всѣми его понятіями; но среди печали, унынія, угрызений совѣсти, онъ тотъ же человѣкъ, какъ былъ прежде. Онъ не въ силахъ управлять своимъ огненнымъ, вулканическимъ правомъ. При первомъ сопротивленіи его волѣ, онъ забываетъ обо всемъ, и убиваетъ всякого, кто ему противится. Онъ даже убиваетъ собственнаго своего сына, котораго обожаетъ, и, убивъ, повергается въ отчаяніе. Послѣ раздражающей сцены, о которой говорили мы выше, сыноубійство поразило бы зрителя, какъ громомъ, не торгло бы у всего собранія длинный, пронзитель-

ный стонъ. Отецъ и сынъ возбуждали бы въ насъ сочувствіе, и даже приверженность, ибо человекъ не можетъ смотрѣть безъ сочувствія, безъ любви, на душевныя страданія другаго человека. И посреди отчаянія своего о сынѣ, посреди клятвъ и обѣтовъ, Іоаннъ еще долженъ имѣть припадки вспыльчивости и жестокости, вспомошествоваемые привычнымъ его презрѣніемъ къ человеку, рабоблпствующему передъ его своенравіемъ, которые приводили бы его въ новое, еще сильнѣйшее отчаяніе, и дѣлали бы его истинно, безпредѣльно несчастнымъ. Такимъ точно представляетъ его намъ Исторія, хотя, понесчастію, ни одинъ историкъ не представилъ его такимъ, ни одинъ даже не замѣтилъ единственной въ своемъ родѣ, подлинно драматической, нравственной войны Баторія съ сѣвернымъ Тиберіемъ, — и такимъ я понимаю характеръ его для театра. Тутъ нѣтъ ничего темнаго, ни загадочнаго: напротивъ, все ясно для того, кто знаетъ человеческое сердце и умѣетъ владѣть трагическими эффектами. Россія и Баторій одно дѣло, — Баторій и Іоаннъ Грозный другое. Первое, то есть, осада Пскова, можетъ быть предметомъ только прекраснаго историческаго Романа; второе есть подлинно поэтическое, высокое и доселѣ новое. Я не набиваюсь никому съ моими понятіями, ибо всякъ въ состояніи выдумать многое гораздо умнѣ моего, — но говорю, что если бы я изображалъ характеръ Грознаго, я бы смотрѣлъ на него съ этой точки, и еще окружилъ бы его игрою другихъ страстей, супружеской, родительской, сыновней любви, всѣхъ возможныхъ любвей, чтобъ ярче и сильнѣе отразить его отъ поверхности нѣжныхъ чувствованій, и зрителя ослѣпить его лучами. Царица, Царевны и Царевичъ Теодоръ не были безъ сердца, безъ слезъ, безъ состраданія: они пособили бы мнѣ растрогать слу-

шателей. Не знаю, какъ бы я все это исполнилъ ; но чувствую, что оно такъ должно быть въ Драмѣ, которой нѣтъ въ Природѣ безъ сильныхъ страстей и сильной интриги. Но довольно о драматической эпохѣ и объ Исторической Драмѣ вообще: перейдемъ къ драматической Фантазій.

Два рѣдкія явленія озарили нашъ горизонтъ въ прошедшее лѣто, и оба остались почти непримѣченными, что по-истинѣ должно быть огорчительно для тонкости нашего взора и образованности нашего вкуса. Картина Карла Брюллова, выставленная въ Академіи Художествъ, картина, подлѣ которой Фацъ-Дайкъ и Тиціанъ не постыдились бы подписать свое имя, и которая въ Италіи всю публику привела бы въ восторгъ и сладостный трепеть, — эта картина не оставила между нами послѣ себя даже громкаго эха: весьма немногіе постигли все ея достоинство; бѣольшая часть посѣтителей сказала, что она хороша, но неокончена, — тогда, какъ нельзя прибавить къ ней ни одной черты, не испортивъ высокой ея излщности; прочіе предпочли ей подлѣ стоявшіе портреты. Торквато Тассо, большая драматическая Фантазія, сочиненіе, принадлежащее къ самой высокой Поэзій, которое, бывъ написано по-Французски, заставило бѣ всю Европу, по гласу Парижскихъ Журналовъ, вопить отъ удивленія, — объ этомъ сочиненіи никто почти у насъ не знаетъ!..... Одинъ только Баронъ Розенъ, сочинитель предъидущей Драмы, благородно отдалъ ему справедливость въ Сѣверной Пчелѣ, разобравъ ее съ жаромъ поэта и безпристрастіемъ благомыслящаго дарованія, которое умѣетъ ловко преклонить ко лѣно предъ соперникомъ несравненно выше его; но прекрасный огонь его похвалы потухъ въ сырости осеннихъ нашихъ тумановъ, и не сообщился публикѣ.

Первыя творенія Музы Байрона встрѣтили точно такую же холодность въ Английской публикѣ. Одинъ знаменитый писатель, нынѣ государственный чело-вѣкъ*, совѣтовалъ ему даже никогда не писать стиховъ. Вальтеръ-Скоттъ взялъ перо въ защиту Байрона, и убѣдилъ Англiю, что она имѣеть нового великаго Поэта. Я желалъ бы, чтобы Вальтеръ-Скоттъ воскресъ изъ могилы, и оказалъ другую подобную услугу намъ, Русскимъ: по скромной недоувѣрчивости къ собственнымъ нашимъ силамъ, мы не смѣемъ подумать, чтобы между нами возникъ необыкновенный поэтический геній, — молодой Кукольникъ, точно такъ же, какъ, смотря на картину Брюллова, мы не смѣли предполагать, чтобъ имѣли своего Микель-Анджело. Г. Кукольникъ, надѣюсь, извинить меня, что я нарушилъ его безъименность: молва приписываетъ ему эту удивительную Фантазію, и, назвавъ его, я вѣроятно не ошибся, хотя не имѣю чести знать его лично.

Послѣ прекраснаго разбора, напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ, я не стану разбирать вновь этой Фантазіи, которая, за исключеніемъ немногихъ ошибокъ, происходящихъ отъ неопытности сочинителя, можетъ назваться Драмою въ полномъ смыслѣ слова. Еще нѣсколько болѣе силы въ завязкѣ интриги, и она была бы образцовою Драмою, ибо соединяетъ въ себѣ всѣ ея условія, сильныя страсти, мучительную ихъ борьбу, возвышенныя положенія души, предметы живѣйшаго состраданія, ужась, поэзію всѣхъ родовъ, и чудесныя драматическіе эффекты, несмотря на простоту повѣсти, а это именно есть доказательство и клеймо настоящаго таланта. Я ограничусь указаніемъ на ея красоты: считаю даже долгомъ указать ихъ, какъ самъ ихъ чувствую

* Лордъ Бругамъ.

и какъ имъ удивляюсь, будучи почти не въ силахъ повѣрить, чтобъ это было произведеніе такого молодаго человѣка, и притомъ первое его произведеніе. Отчетъ въ этомъ отдаю я себѣ только при помощи собственнаго признанія поэта, который говоритъ въ предисловіи, что сюжетъ его *Фантазіи* былъ любимую мечтою съ дѣтскихъ лѣтъ, и созрѣлъ въ немъ вмѣстѣ съ возрастомъ. Очень вѣроятно, ибо онъ весь проникнутъ его душою, задуманъ сильно и смѣло, вылитъ на бумагу въ прекрасныхъ формахъ, и не представляетъ, въ своей отдѣлкѣ, почти ничего юношескаго. Это поэзія души пылкаго поэта. Желательно, чтобы Г. Кукольникъ такъ же долго обдумывалъ и будущія свои творенія, и, упитавъ предметъ ихъ всѣмъ своимъ чувствомъ, всѣмъ воображеніемъ, передавалъ намъ его вмѣстѣ съ своею душою. Какой языкъ!..... Онъ далеко уступаетъ въ гибкости и величавой красѣ языку «*Россіи и Батерія*», но я люблю въ немъ и эту жесткую энергію Шиллеризма, и эту Италіянскую звучную steepенность, и даже эту Латинскую непоколебимую твердость. Совѣтую молодому Поэту не терять навыка къ этому оригинальному языку, но усовершенствовать его постепенно, стараясь однако жъ не утратить и не впадать въ манерность.

Изгнанный изъ Феррары, гдѣ дерзнулъ онъ влюбиться въ сестру Герцога Альфонса, Тассъ приходитъ въ Соренто, къ сестрѣ своей, Корнеліи Серсалес, и не застаётъ ея дома. Дѣти и служанка принимаютъ его за нищаго и за сумасшедшаго. Первая сцена уже исторгаетъ пріятную слезу читателя. Я не нахожу ея неумѣстною, и даже причисляю ее къ красотамъ сочиненія, равно какъ и поединокъ Тасса, не только не унижающій его въ моихъ глазахъ, но еще облагораживающій, ибо онъ совершен-

но согласенъ съ духомъ кавалерскихъ нравовъ того вѣка. Истинный поэтъ, особенно Италіанскій, очень легко можетъ казаться немножко сумасшедшимъ: этотъ недостатокъ иногда встрѣчается и у весьма посредственныхъ. Корнелія возвращается изъ церкви: она тоже не понимаетъ его поэтической души, и Тассъ, въ отчаяніи, уходитъ изъ ея дома. Вотъ нѣкоторыя мѣста этого прекраснаго явленія:

ТАССЪ. Но что жъ скажу? Чувствъ много, мало словъ,
И тѣ, какъ наше счастье, слабы, бѣдны!
Что нашъ языкъ? печальный отголосокъ
Торжественнаго грома, что въ душѣ
Гремитъ святымъ, какимъ-то мощнымъ звукомъ!
Но ты молчишь? ты съ горькимъ состраданьемъ,
Какъ на безумнаго, на Тасса смотришь?
Безумный! Да! — О, если бѣ ты могла
Безумье то почувствовать въ себѣ,
Которымъ я всю жизнь мою терзался!
Вообрази блистательное солнце:
Вокругъ него чернѣютъ тучи; громъ
Катается въ тяжелой атмосферѣ,
И солнце то, — что жаркими лучами
Могло бѣ весь свѣтъ обрушить въ груди пепла, —
Презрѣнныя затягиваютъ тучи!.....
При всемъ желаніи благотворить
И согревать существованье міра,
Оно должно смотрѣть на разрушенье
И помощи своей подать не можетъ!
О, такъ и я, въ сообществѣ людей,
Стоялъ, какъ солнце, въ мрачныхъ, черныхъ тучахъ;
Куда я лучъ любви ни посылалъ,
Какъ отъ скалы онъ быстро отражался,
И, — возвратясь ко мнѣ, — мою же грудь
Жегъ пламенемъ позорной неудачи!
Ты не жила на свѣтъ!..... поживешь!.....
Узнаешь ты, какъ люди черны, злобны;
Какъ сердце ихъ упитано порокомъ;

Родъ человеческій безплодной нивѣ
 Подобенъ;.... иногда на ней цвѣтутъ
 Цвѣты, но никогда плоды не зрѣютъ!.....
 Долго я
 Учился..... О! теперь мнѣ только жалко,
 Что я всю жизнь на книгахъ основалъ;
 Теперь ужъ мнѣ понятно, почему
 Ученые такъ мрачны и печальны!
 А прежде, — я ученіе считалъ
 Великимъ благомъ! Надъ Платономъ часто
 Я ночи проводилъ безъ сна, въ забвеньи
 Развязывалъ его святыя мысли
 И новый міръ на старомъ воздвигалъ!
 О, я постигъ всю мудрость человѣка,
 Мечталось мнѣ — и тайну бытія
 Я подсмотрѣлъ. Теперь я буду счастливъ;
 Я знаю все, что было, есть и будетъ;
 Я разгадалъ людей, ихъ умъ, ихъ страсти;
 Я буду жить и весело, и мирно,
 Подъ куполомъ небесъ и славы! — Что же?
 Надъ книгой было хорошо *(съ горькой усмѣшкой)*, а
 въ жизни?!.....

..... Поэзія мечта
 И дѣльному занятію мѣшаетъ!
 Но что же дѣльнаго и въ жизни цѣлой?
 Что жизнь сама? — Бессонница страстей!
 Не лучше ли, — чтобы заснуть покойно
 И утонуть въ пріятныхъ сновидѣньяхъ, —
 Не лучше ли, я говорю, сдружиться
 Съ единственнымъ, прекраснымъ на землѣ,
 Которое душъ нашихъ не погубитъ,
 Не обольститъ, коварно не обманетъ?
 Поэзія есть благовѣсть святая
 О неизвѣстной, вѣчной красотѣ!
 И колокольный звонъ — бездушный звукъ,
 Но какъ онъ святъ и важенъ для того,
 Кто любить въ храмѣ помолиться Богу!
 Не онъ ли намъ о небѣ говорить?
 Не онъ ли намъ объ адѣ вспоминаетъ?

И колоколъ — вещественный языкъ
 Каръ безконечныхъ, безконечныхъ благъ,
 Иному другъ, иному тяжкій врагъ!
 Не то ли и Поэзія святая?

Въ концѣ перваго акта, Тассъ блуждающій по міру, окруженъ, ночью, на берегу морскомъ, шумною толпою Италіянскихъ нищихъ. Безподобная сцена, исполненная чувства и поэтическихъ красотъ! Тассъ пристаеъ къ нищимъ, и идетъ съ ними въ Феррару, на свадьбу Герцога Альфонса. Двѣ сестры Герцога, Лукреція, женщина гордая и развратная, и Леонора, молодая певинная дѣвица, обѣ влюблены въ Тасса. Тассъ нѣкогда пренебрегъ страстную любовь Лукреціи, и она поклялась погубить его, тѣмъ болѣе, что одинъ онъ знаетъ настоящую тайну ея неприличнаго поведенія. Сцена между двумя сестрами прекрасна. Тассъ, получающій милостыню изъ рукъ своего друга, Константини, обрисованъ съ большимъ искусствомъ. То же самое должно сказать о сценѣ въ прохожей дворцовой залѣ. Тассъ прощенъ, и опять принятъ у Герцога. Встрѣча его съ Леонорою, послѣ свиданія съ Лукреціею, — съ Леонорою, которая обѣщала брату быть холодною въ обращеніи съ Тассомъ, и хочетъ сдержать свое слово, — принадлежитъ къ отличнѣйшимъ отрывкамъ драматической Поэзіи.

ТАССЪ. Не такова младая Леонора,
 Высокій образъ доброты сердечной,
 Поэзія, пріятная тѣлесность.

ЛЕОНОРА

(входитъ; увидѣвъ Тасса, содрогается и въ изнеможеніи беретъ за спинку стула).

Торквать! ТАССЪ. Торквать у вашихъ ногъ.
 Вы сонъ его любви, вы — небо Тасса,

Вы тотъ внѣсь, мучительный и сладкій,
 Которымъ жизнь увѣчана моя.
 Я весь въ огнь, въ какомъ-то вдохновеніи,
 Проникнутый восторгомъ и почтеньемъ,
 Цѣлую прахъ, на коемъ ты стоишь,
 Владычица желаній, чувствъ и мыслей.
 Какъ радуга, твой взоръ напоминаетъ,
 Что примиренъ нашъ міръ несчастный съ небомъ;
 Какъ громъ небесъ, такъ голосъ звучный твой
 Присутствіе свидѣтельствуеть Бога.
 О! улыбнись, заря моей надежды,
 Проговори, благовѣститель счастья!

(Леонора хочетъ уйти, но въ безсиліи падаетъ на стулъ, отворачивая
 отъ Тасса голову).

О Боже всемогущій! за всѣ кары,
 Которыми безчеловѣчный жребій
 Преслѣдовалъ несчастнаго пѣвца, —
 Такая мнѣ награда?! Съ отвращеньемъ
 Ты приняла несчастнаго Торквата,
 За то, что онъ любилъ тебя такъ страстно....

(Леонора протягиваетъ руку....)

Ты хочешь говорить.... о, дай мнѣ жизнь!
 Скажи одно спасительное слово.....

(Леонора снова отъ него отворачивается.)

О, ты сестра Лукреціи! я вижу....
 Ты увлекла несчастнаго Торквата,
 Чтобъ онъ, какъ рабъ, за пышной колесницей
 Твоихъ побѣдъ торжественно ходилъ;
 Чтобъ умножалъ презрѣнное число
 Обманутыхъ надеждами любимцевъ!

(Леонора падаетъ безъ чувствъ.)

Чтобъ гимны пѣлъ во славу Леоноры,
 И недостойное потомства имя
 Самимъ собой преступно обезсмертилъ.
 О, я предаю безсмертію Тебя,
 И огненнымъ ужаснымъ языкомъ
 Я расскажу всю повесть злодѣяній,
 Которыми Поэта умерщвляли.

(Приходятъ въ помѣшательство.)

Прощеніе, Альфонсъ, достойно казни!
 Какой постыдный, черный заговоръ!
 Лукреція, Альфонсъ и Леонора,
 Гонзаго, Константини, всѣ вельможи,
 Весь Дворъ — одинъ питають злобный умысль,
 Какъ погубить скорѣе и вѣрнѣе
 Несчастнаго Торквата.... (*Гаскано входитъ въ залу.*)

ТАССЪ (*схвативъ за руку Гаскано.*)
 Ахъ, Гаскано!

Спасай меня! Кругомъ, вездѣ убійцы....

Тассъ, оклеветанный мстительною Лукреціею, опять навлекаетъ на себя гнѣвъ Герцога. Онъ заключенъ въ больницъ сумасшедшихъ. Я пропускаю множество прекрасныхъ мѣстъ, и спѣшу къ чудесной, единственной сценѣ, достойной величайшаго поэтического генія: къ истинной, выпрренной поэзіи ужаса. Это — видѣніе Тасса, который провелъ уже семь лѣтъ въ больницъ сумасшедшихъ. Ему грезится, будто онъ видитъ передъ собою своего генія. Онъ говоритъ съ нимъ, и, въ страшномъ разстройствѣ чувствъ, самъ отвѣчаетъ себя вмѣсто него, и продолжаетъ говорить.

Узкая и тѣсная комната въ больницъ Св. Анны, съ рѣшетчатыми окнами; небольшая кровать, у окна столъ съ бумагами. Сильная буря. Громъ и молнія. Тассъ одинъ сидитъ, совершенно одѣтый, на кровати; вѣтеръ чрезъ отворенное окно шелеститъ бумагами.

ТАССЪ. Ага! Онъ здѣсь! коварный, черный демонъ!
 Иерусалимъ онъ хочетъ унести;
 Но не найдетъ. (*Молнія.*) Вотъ онъ! Какъ онъ печаленъ!

(Какое-то нестройное видѣніе показывается у окна возлѣ столика.
 Молнія.)

Какъ пасмурно онъ смотритъ на бумаги!

(Видѣніе принимаетъ невѣрный видъ человека. Молнія.)

Съ какой тоской, внимательнымъ прискорбьемъ
Читаетъ онъ мои стихи. Быть можетъ —

(Видѣніе принимаетъ совершенный видъ чернаго духа съ крыльями.
Молнія.)

Ты геній мой, моей судьбы властитель,
И потому такъ мраченъ и суровъ.

(Мости входятъ, кладетъ книги у дверей и съ любопытствомъ смотритъ на странное положеніе Тасса.)

ТАССЪ. Спрошу его. Быть можетъ онъ откроетъ
Мнѣ жребій тотъ, который для меня
Онъ вынулъ и исполнить долженъ. Смыло!
(Сильный ударъ молніи упадаетъ близъ больницы.)
Величественный духъ! Кто ты?

ДУХЪ (когого слова, кажется, рздѣляются въ воздухѣ;
Тассъ всѣ слова духа повторяетъ шопотомъ.)

Твой геній!

ТАССЪ. Какую тайну ты приносишь? ДУХЪ. Славу!

ТАССЪ. Зачѣмъ же ты такъ мраченъ? ДУХЪ. Я читаю
Твои стихи, и каждый божій день
Я вижу, что мои совѣты дерзко
Ты пренебрегъ. ТАССЪ. Какіе, добрый геній!

ДУХЪ. На небесахъ я принялъ чудный даръ
И влилъ въ тебя. И городъ славы вышней,
Іерусалимъ освобожденный, сладко
Ты сочеталъ въ небесныхъ, чудныхъ звукахъ,
И ангелы святые съ умиленьемъ
На небесахъ твоимъ внимали звукамъ,
И ангеломъ тебя, Поэтъ, назвали.
Ты благо жилъ. Душа твоя кипѣла
Высокими страстями, неземными.
Ты отъ земли, какъ небо, отдѣлялся,
Какъ небо, землю ты собой объемля,
Очистившись отъ грѣшныхъ заблужденій,
Ты снова сталъ возлюбленникомъ Бога.
И что жъ? — Поэтъ! Ты возлюбилъ не Бога,

Источникъ мудрости и вдохновеній;
 Ты отъ отца неблагодарнымъ сердцемъ,
 Какъ грѣшникъ, отклонился; полюбилъ
 Обманчивость земнаго совершенства!

ТАССЪ. Я человекъ! ДУХЪ. Такъ! Жребій человека
 Гореть въ страстяхъ и въ вѣтренныхъ желаньяхъ!
 Таковъ обыкновенный человекъ.

Но тотъ, кому Господь вливаетъ силу
 Прославиться великими дѣлами
 На благо человѣческому роду,
 Тотъ долженъ истребить въ себѣ всѣ чувства,
 О тѣхъ, о душѣ своей забыть,
 И помнить только о святомъ завѣтѣ,
 Для коего онъ призванъ въ міръ. Смотри!

(Комната исполняется свѣтомъ; вдали виднѣя Капитолій; народъ толпится. Старшины Рима несутъ Виргиліевъ вѣнецъ.)

Вотъ что судьба готовила для Тасса!

ТАССЪ (*бросаясь обнять его.*)

Величественный духъ!

(Тассъ обнимаетъ воздухъ. Упавшая за самымъ окномъ съ ужаснымъ трескомъ молнія нѣсколько моментовъ ярко освѣщаетъ комнату и потрясаетъ зданіе. Тассъ, ослѣпленный и не будучи въ силахъ удержаться на ногахъ, невольно падаетъ на колѣни, закрывъ руками глаза.)

Лоретская Пречистая Марія!
 Спаси меня и заступи отъ бѣса!
 Онъ приходилъ мое разстроить счастье,
 Оклеветать меня передо мной;
 Но если онъ, правдивымъ языкомъ,
 Предсказывалъ мнѣ будущую славу!
 О, подтверди святымъ твоимъ знаменьямъ
 Его слова, тогда и я повѣрю,
 Что грѣшенъ я безмѣрно; что несчастья
 Мнѣ въ наказанье небо посылаетъ,
 И если мнѣ свободу возвратятъ,
 Пойду къ Тебѣ въ Лоретто въ власяницѣ
 И босыми ногами....

(Подъемлетъ голову, но увидѣвъ надъ собой золотой вѣнецъ въ сѣнѣхъ, падаеть ницъ.)

Силы неба!

(Небо расчлѣняется и утро начинается свѣтить въ окна.)

МОСТИ (*подбѣгаетъ къ Тассу и поднимаетъ его.*)

Великій! Что съ тобой? **ТАССЪ**. О юный другъ!

Ты все видалъ? **МОСТИ**. Нѣтъ! ничего не видалъ.

ТАССЪ. Такъ слышалъ? **МОСТИ**. Нѣтъ! я ничего не слышалъ.

ТАССЪ. Я позабылъ; для глазъ обыкновенныхъ

Невидимъ онъ. **МОСТИ**. Кого же вы видали?

ТАССЪ. Не черный демонъ то, но свѣтлый геній.

Если это не поэзія, не самая высокая драматическая поэзія, то во мнѣ нѣтъ души. Этой сцены нельзя читать безъ трепета. Представленная на театрѣ, она заставила бы всѣхъ облитися холодныхъ потомъ. Но одинъ Тальма былъ бы въ состояніи представлять ее: въ его рукахъ она произвела бы такой же ужасный, и гораздо высшій, эффектъ, какъ прославленная сцена лунатизма въ Макбетъ. Но горе посредственному актеру, который возьмется играть ее безъ поэзіи въ душѣ, въ лицѣ, въ глазахъ и даже въ голосѣ!..... То есть, жаль Поэта, жаль тѣхъ, которые будутъ смотрѣть на подобную игру.

Сцена Тасса, гуляющаго въ саду съ сумасшедшими, вся усыяна превосходными стихами, и основана на расчетъ большаго театральнаго эффекта. Она больно, язвительно раздираетъ сердце. Но я хочу скорѣе привести читателей къ постели опасно больной Лукреціи, при которой сидитъ Леонора, — невинность подлѣ преступленія. Мученія коварной изображены съ рѣдкимъ искусствомъ: она не смѣетъ даже молиться Богу, и проситъ сестру научить ее,

Какъ я должна упасть къ Его ногамъ,
Какъ я должна Всесильному молиться?

ЛЕОНОРА (*падаетъ на колѣни.*)

О, Всеблагій! Ты слышишь этотъ голосъ
Полу-смиренный, полу-гордый. — Боже!
Сними кору съ прекраснѣйшаго сердца,
Отчаянье надеждой замѣни!

• Влей благодать въ тоскующую душу.
Ты милосердь, — она преступна; — кто же,
Какъ не преступный, ищетъ милосердя!
Кому же, какъ не грѣшнику, оно
Святымъ твоимъ закономъ суждено?

Она была невинна, непорочна,
Была красой прекраснѣйшаго стада.
Найди ее, о Всемогущій Пастырь!
Возрадуйся своей овцѣ заблудшей!
Я зрю тебя! — И небо улыбнулось,
И ангелы твои возвеселились,

Что въ свѣтлый кругъ ихъ — идетъ новый ангель.
Святой отецъ! Еще одна молитва!
Позволь и мнѣ, изгнанницѣ твоей,
Въ свою обитель возвратиться! Срокъ
Давно прошелъ. — Пойдемъ! Онъ насъ зоветъ,
Сестра, зоветъ. — О добрый, милосердый,
Отецъ и Царь! — Нѣтъ словъ, а сколько чувствъ!
Лукреція, какія слезы льются!

(Бросаются другъ къ другу въ объятія и заливаются слезами.)

Должно отдать справедливость молодому Поэту, что, въ знаніи пружинъ драматическаго эффекта или въ счастливомъ ихъ выборѣ, превзошелъ онъ многихъ опытныхъ драматурговъ. Идея этой сцены весьма проста, но крайне трогательна, и нѣжное, умилительное впечатлѣніе, помѣщенное между двумя разнородными ужасами, доказываетъ отличный художническій вкусъ Г. Кукольника. Но развязка приближается. Общій другъ Тасса, Герцога и Лукре-

ціи, Константины, имѣть въ рукахъ доказательство Преступленія умирающей сестры Альфонса. Отъ Тасса, изъ больницы сумасшедшихъ, гдѣ Лукреція желала навсегда заключить тайну своего поведенія и его свидѣтеля, успѣлъ онъ получить описаніе всего дѣла. Онъ старается усовѣститъ больную, и довести ее до признанія, что она оклеветала Тасса предъ Герцогомъ. Онъ смѣло уличаетъ ее. Стыдъ Лукреціи, ея отчаяніе, борьба ея страстей, и ревность къ сестрѣ, являющаяся подъ личиною заботливости ея о личномъ счастьи соперницы, эта жгучая ревность, которая не оставляетъ сердца, источеннаго порочною любовію даже въ послѣднія минуты жизни, изображены молодымъ поэтомъ съ такою силою, такими глубокими, рѣзкими, огненными чертами, что нельзя не прійти въ изумленіе передъ могуществомъ таланта, сообщающаго уже столько блеска нашей Словесности и обещающаго сообщить его еще болѣе. Константины показываетъ Лукреціи бумагу, въ которой заключается доказательство ея срама и злобы.

Прочтите!

Лукреція, съ нѣкотораго времени уже въ сильномъ волненіи, отгалкиваетъ бумагу.

Что же?

ЛУКРЕЦІЯ. Невиненъ онъ, невиненъ!—Константины!

Невиненъ! ради Бога, перестаньте!

Невиненъ онъ! Преступницу оставьте!

Но скройте стыдъ.... Сегодня я умру,

Невинности его я буду жертвой....

Бѣгите отъ ужасной.... — Леонора!

Твое присутствіе меня убьетъ.... —

У ногъ твоихъ, ужасный Константины,

Прошу.....

(Падаетъ на колѣни.)

АЛЬФОНСЬ (*входитъ.*) Что это? **ЛУКР.** Я сама не знаю!
 Какой-то демонъ въ персяхъ; на устахъ
 Слова, которыхъ я не понимаю
 Сама; они уста мнѣ обожгли....
 Невиненъ онъ! Клянусь, Торкватъ невиненъ.
 (*Падаетъ въ изнеможеніи.*)

АЛЬФ. Я ничего, мой другъ, не понимаю....

КОНС. Все тотчасъ объяснится, только прежде
 Спасти ее намъ должно. (*Подымая Лукрецію*) Гер-
 цогиня!

ЛУКРЕЦІЯ (*въ сильной горячкѣ.*)
 Торкватъ! Прощайте, вы свободны! **АЛЬФ.** Боже!
 Она въ умъ немного повредилась.

ЛУКР. Прости меня, божественный Поэтъ,
 • Прости мнѣ клевету! — Вторая Федра,
 Тебя преслѣдуя, себя сгубила;
 • Жизнь раннюю порокомъ отравила.
 Какъ геній, ты мнѣ жизнь благовѣщалъ,
 Какъ чистый жрецъ меня благословлялъ,
 И посвящалъ въ Весталку вдохновенья
 Ничтожное и слабое творенья.
 Но я сама, нечистою душой,
 Отвергла даръ и чистый и живой!
 О удержи напрасные упреки!
 • (*Бѣжитъ и останавливается.*)
 О добрый духъ! Другъ грозный и жестокий!
 Забыла я давно твои черты....
 Но гдѣ же ты, несчастный, гдѣ же ты!
 Въ темницѣ ты; во гробъ безъ возвращенья
 Повергла я любимца вдохновенья!
 Онъ счастливъ! Такъ! Небесное чело,
 Безъ солнца, тамъ прекрасно расцвѣло.
 Не ропщетъ онъ на яростную львицу,
 Онъ и забылъ ее; свою цѣвницу
 Онъ строитъ для достойнѣйшей жены,
 Къ краткіе его такъ сладки сны;
 Врагамъ своимъ и жребію послушной,
 Не съ нами онъ, не здѣсь; въ темницѣ душевой,

Гдѣ ангелы небесный аромать,
Невидные, невидимо курять....

(Впадаетъ въ глубокую задумчивость.)

АЛЬФ. Лукреція! **ЛУКР.** Ты здѣсь? Какъ благъ Господь!
Нечаянно ты исповѣдь услышалъ,
Ту тайну, отъ которой я дрожала,
Которую ни ласки, ни угрозы,
Ни муки не могли бы вырвать. — Стыдно
Мнѣ бъ было признаваться въ столь преступной,
Презрѣнной клеветѣ; но добрый геній
Всѣхъ васъ закрылъ въ моихъ очахъ преступныхъ.
Я видѣла Торквато только. Правда
Изъ устъ моихъ неожиданно излилася,
И мѣсто то, гдѣ тайну я хранила,
Наполнило прекраснѣйшее чувство,
Котораго назвать я не умѣю.
О милый братъ, о другъ единый мой!
Прости его, прости! Поэтъ Великій
Не долженъ быть такъ долго наказуемъ
За то, что онъ и чище насъ и лучше.
О милый братъ! Еще одно прошенье! —
Кончаюсь я; ты видишь, смерть косою
Въ моихъ глазахъ убійственно сверкаетъ, —
Позволь ему изъ роковой темницы
Прійти къ одру преступницы несчастной.
Позволь хоть передъ нимъ мнѣ оправдаться....
Что я?.... Не оправдаться, — примириться,
Просить прощенья, плакать о грѣхахъ....
О призови, Альфонсъ великодушный,
Великаго Торквата! **АЛЬФ.** Константины!
Просите Тасса. —

(Константины уходитъ; Альфонсъ и Леонора отводятъ Лукрецію въ глупину спальни и сажаютъ на кровать. Продолжительное молчаніе.)

ЛЕОН. Лукреція! Ты страшно какъ-то дышишь;
Вокругъ тебя весь воздухъ пламенѣетъ.
ЛУКР. О! тяжело мнѣ! Мой ангелъ, Леонора!
Не оскверняй себя порочнымъ чувствомъ,

И не питай земной любви къ поэту!
 Мы женщины; тщеславье или страсть
 Чаруютъ насъ. Мы — непорочнымъ сердцемъ
 Мужчинъ любить не можемъ; заблужденье,
 Тщеславье или страсть, — вотъ наши узы!
 Не унижай, другъ милый, Леонора,
 Прекраснѣйшаго сердца — честолюбьемъ
 Или преступной страстью! — Я прошу —
 Молю, — забудь великаго Поэта! —
 Волшебница! онъ твой! ты не исполнишь
 Моей мольбы.... Темнѣетъ свѣтъ.... Сестра!
 Забудь его.... Мнѣ душно, кровь клокочетъ....
 Забудь его!... О стыдъ и униженье.... (Тасъ входитъ.)
 Невиненъ онъ! Я всѣхъ васъ обманула!....
 Забудь его!... Вотъ мой судья приходитъ.

(Тасъ подбѣгаетъ и падаетъ у ея кровати на колѣни; Лукреція хватается за сердце.)

Ахъ! сердце, сердце.... (Съ пронзительнымъ крикомъ.)
 Га! разорвалось!.... (Умираетъ.)

Вотъ, гдѣ драма! настоящая, сильная, великая драма! И вслѣдъ за этимъ горькимъ, мучительнымъ, ужаснымъ зрѣлищемъ, молодой поэтъ, съ истиннымъ инстинктомъ генія, чтобъ еще сильнѣе растравить рану зрителя, чтобъ переломить въ его сердце ножъ, уже возженный въ его грудь, вдругъ перемѣняетъ сцену. Въ комнату Смотрителя за дворцомъ, дѣвушка лѣтъ шестнадцати беззаботно поетъ одна и пляшетъ:

РОЗИНА (одна, пляшетъ и поетъ.)

Когда дѣвица жить начнетъ,
 Всѣ веселиться, прыгать хочетъ;
 О мужъ-скукъ не хлопочетъ,
 И всё поетъ.

И на яву, и въ сладкомъ снѣ,
 То музыка, то пляска снится;

Какъ ноги, голова кружится
И вся — въ огонь.

Но если скука — мужъ придетъ,
Она всѣ радости разлюбитъ,
Одну тоску свою голубитъ
И не поетъ.

Но такъ и быть! Я полюбила скуку, —
И какъ она прекрасна и мила!

Эта скука есть молодой Мости, который присутствовалъ мрачному видѣнiю Тасса. Скоро приходитъ и Мости съ радостнымъ извѣстiемъ, что Тассъ прощенъ совершенно, что Лукреція умерла отъ страсти. Розина невинно спрашиваетъ у него:

О Джулио! что это значить: страсть?

МОСТИ. Огонь въ крови, огонь въ душѣ и сердцѣ;
Прiятное затмѣнiе разсудка,
Очаровательное горе.... РОЗИНА. Мости!
Испанка я, — и вашъ языкъ прелестный
Мнѣ дикъ и новъ; и многихъ, многихъ словъ
Еще не понимаю; что сказалъ ты,
Я, признаюсь, не поняла. Какъ? горе
Очаровательно! — Какъ хочешь, милый,
А мнѣ смѣшно. — Огонь въ душѣ! Прекрасно!
Вотъ страсть!

(Слышеть колокольный звонъ.)

МОСТИ. Что это? РОЗИНА, Умеръ кто нибудь;
Вѣдь это такъ обыкновенно! Полно
Печалиться; и мы съ тобой умремъ.

(Звонъ становится сильнѣе.)

Развеселить тебя? Я протанцую,
Спою твою любимую октаву. (*Начинаетъ пѣть.*)

*Душа велѣла жизнь любить,
А жизнь и душу ненавидѣть....*

Удивительно! удивительно!

Послѣ подобныхъ доказательствъ необыкновеннаго таланта, всякой изъ насъ смѣло можетъ возгордиться такимъ блистательнымъ явленіемъ въ Русской Словесности, — какъ Г. Кукольникъ. Въ Драмѣ все казалось конченнымъ: Тассъ свободенъ, Лукреція умерла, добродѣтель восторжествовала, и я боялся уже подобнаго пятаго акта, какъ въ Гернани, когда молодой поэтъ неожиданно и очень счастливо нашелъ еще средство удержать интересъ за своимъ героемъ и Леонорою, и перенести всѣ мои чувства вмѣстѣ съ ними въ Римъ. Этотъ послѣдній актъ приноситъ величайшую честь поэтическимъ дарованіямъ юнаго нашего Гете. Несмотря на нѣкоторые недостатки, онъ поистинѣ величественъ, и, что всего болѣе меня удивило, — величественъ безъ надменности, безъ хвастливыхъ фразъ и высокопарности, которыя почти всегда принимаются молодыми писателями за высокое. Сочинитель не могъ лучше заключить своей Фантазіи, какъ поставивъ вдохновеннаго поэта передъ лицомъ города, заключающаго въ себѣ всю поэзію земнаго величія человѣка.

Тассъ стоитъ на крыльцѣ Пантеона. Народъ, считая его бродягою, наружность котораго не понравилась ему съ перваго взгляда, требуетъ, чтобы прогнали его отсюда, даже хочетъ сбросить его съ крыльца. Между тѣмъ, кто-то сказалъ, что это Тассъ, великій Поэтъ, и чернь, съ тою же легкомысленностью, съ какою преслѣдовала за мигъ передъ тѣмъ, кричить: Вынчать его!..... Восторженный народъ поднимаетъ на руки, и, среди радостныхъ кликовъ, уноситъ со сцены поэта, уже изнемогающаго подъ бременемъ душевной и тѣлесной скорби.

Тассъ передъ Капитоліею: видъ могучаго зданія, отягощеннаго воспоминаніями всѣхъ вѣковъ и всѣхъ

почти народовъ, взволновалъ его сердце въ слабой и разстроенной груди: онъ получаетъ лирическое вдохновение, и произноситъ стихи, достойные имени Тасса.

НАРОДЪ. Торквато Тассъ! Поэту честь и слава!

ТАССЪ. Благодарю, друзья, благодарю!

Отъ радости я изнемогъ!.... Мнѣ дурно....

О! дайте състь... Пусть сладкій воздухъ Рима

Мнѣ возвратитъ слаббющія силы.

(Приносятъ кресла. Тассъ садится и погружается въ мечтанія. Народъ пребываетъ въ благоговѣнномъ безмолвіи. Тассъ продолжаетъ пѣть, но внятнѣмъ голосомъ.)

И это все для нищаго пѣвца!

Для бѣднаго пѣвца Иерусалима!....

Какъ оглянусь, мнѣ кажется, я прожилъ

Какую-то большую эпопею,

Трагедію огромную я прожилъ.... —

День настаетъ; готовится развязка,

И утромъ я засну вечернимъ сномъ.... —

Настаетъ время, и меня не будетъ,

И всѣ мои мечты и вдохновенья

Въ одно воспоминанье перельются!

Въ Италіи моей уснетъ Искусство,

Поэзія разлюбитъ край Торквата, —

И перейдетъ на Западъ и на Сѣверъ!.... —

Тогда въ снѣгахъ, въ туманномъ, хладномъ сердцѣ

Пробудится о мигъ воспоминанье....

Тотъ юноша, холодный и суровый,

Отъ всѣхъ храня всѣ мысли и всѣ чувства,

Какъ друга своего, меня полюбитъ,

Какъ полюбилъ меня тотъ семилѣтній

И странный другъ въ больницѣ сумасшедшихъ.

Шесть лѣтъ со мной онъ будетъ безъ разлуки.

Еще дитя, въ училищѣ, за книгой,

Онъ обо мнѣ начнетъ мечтать и думать

И жизнь мою расскажетъ передъ свѣтомъ. —

Какъ біографъ, холодный и пристрастный,

Онъ не пойдетъ годъ отъ году искать

Всѣхъ горестей моихъ и всѣхъ несчастій,

Чтобъ въ безобразной кучѣ ихъ представить.
 Нѣтъ! Онъ въ душѣ утрюмой воскресить
 Всю внутреннюю жизнь Торквата Тасса —
 И выставить ее въ науку людямъ....
 И эти люди прибѣгутъ смотрѣть,
 Какъ жилъ Торкватъ; — большая половина
 Трагедію прослушаетъ безъ вздоха!
 Всегда, вездѣ одни и тѣ же люди....
 Но, можетъ быть, — кто знаетъ? — поколѣнья
 Измѣнятся.... Пойдите!.... Вижу я:
 Весь Западъ въ хладный Сѣверъ переходить....
 О! сколько тамъ пѣвцовъ и музыкантовъ,
 Художниковъ и умныхъ и искусныхъ!
 Италіи моей уже не видно....
 Но мѣсто то, гдѣ чудная лежала,
 Покрывъ высокій холмъ, — могильный холмъ,
 Но все еще великій и прекрасный!
 Въ немъ есть врата, и любопытный Сѣверъ
 Тѣснится въ нихъ, то входитъ, то выходитъ...
 И всякій разъ изъ чуднаго холма
 Какой нибудь кладъ дорогой уносить....
 Но снова все туманится и тмится,
 И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ!

(Впадаетъ въ глубокую задумчивость.)

МОСТИ. Въ горячкѣ онъ? скажи мнѣ, Риги, правду!

РИГИ. Нѣтъ, Джуліо! Онъ къ смерти очень близокъ;

А я читалъ, что будто передъ смертью

Предвидялъ все чувствительные люди....

ТАССЪ. Опять народъ, опять весь свѣтъ кипитъ!

Вотъ вижу я: въ толпѣ кудрявыхъ Тевтовъ

Поднялись два гиганта и въ вѣнцахъ!

Одинъ — меня узналъ и сладкой лирой

Привѣтствуетъ! Благодарю, поэтъ!

Другой мечту прекрасную голубить;

Какъ пламенно свою мечту онъ любить;

И правъ поэтъ! Прекрасная мечта!

Но мнѣ дика простая красота

Безъ вымысловъ наряда, украшеній,

И страненъ звукъ Германскихъ вдохновеній!

Друзья мои! Вотъ истинный поэтъ!
 Послушайте, какъ стихъ его рокочетъ,
 То пламенно раздастся, то умретъ,
 То вдругъ скорбитъ, то пляшетъ и хохочетъ.
 Вокругъ него морозъ, свирѣпый младъ,
 (Огни гаснутъ, разсвѣтаетъ.)

А все на немъ цвѣтетъ вѣнецъ лавровый. —
 Откуда онъ? — Невѣдомый нарядъ!
 Подъ шубой весь и въ шапкѣ соболовой!
 Анакреонъ, Горацій, Симонидъ
 Вокругъ стоятъ съ поднятыми очами,
 И Пиндаръ самъ почтительно глядитъ,
 Какъ онъ гремитъ полночными струнами!
 Что жъ онъ поетъ? Его языкъ мнѣ новъ.
 Въ немъ громъ гремитъ въ словахъ далекогласныхъ,
 Тоска горюетъ тихо, — а любовь
 Купается въ созвучьяхъ сладострастныхъ!
 Какъ сей языкъ великолѣпепь, гордъ!
 Какъ риѣкъ его лобзаніе роскошно!
 Какъ гибокъ онъ — и вмѣстѣ какъ онъ твердъ!
 Благословенъ языкъ земли полночной!
 Не разберу я, къ сожалѣнію, словъ;
 Онъ, кажется, поетъ про честь, про славу,
 Про сладкую къ отечеству любовь,
 Про новую, полночную Державу....
 Но снова все туманится и тмится,
 И я опять одинъ на цѣломъ свѣтѣ.
 (Погружается въ совершенное забытіе.)

Вотъ настоящая Поэзія! Замѣтимъ здѣсь случайное сходство весьма простительнаго истинному таланту инстинкта тщеславія у двухъ нашихъ молодыхъ, но уже великихъ, художниковъ, Карла Брюллова и Н. Кукольника, которые, трудясь въ двухъ противоположныхъ концахъ Европы и въ двухъ различныхъ родахъ, въ одно и тоже время возымѣли одинаковую мысль, — помѣстить себя въ своихъ твореніяхъ. Это простое слѣдствіе ощущенія въ душѣ сво-

ей присутствія генія, и противъ подобнаго чувства ни какая ложная скромность устоять не можетъ. Я не стану укорять за то ни того, ни другаго, но боюсь вліянія опаснаго ихъ примѣра. Будетъ бѣда, какъ всѣ мы ощути́мъ въ себѣ присутствіе генія, и, въ доказательство этой истины, начнемъ подчивать публику собственными нашими портретами!..... Г. Кукольникъ притомъ еще отличный пророкъ: онъ весьма ловко предсказалъ, что большая часть читателей и слушателей не пойметъ его сочиненія. Но, на этомъ поприщѣ, неожиданно столкнулся онъ со мною: я тоже имѣю большое притязаніе на даръ пророчанія. И чтобъ доказать ему, что еще лучше его умѣю предсказывать будущность, я объявлю ему отдаленную судьбу его творенія. Прошу только послушать: «Придетъ время, что соберется на землѣ большой «кругъ записныхъ знатоковъ Словесности, цѣловальниковъ изящнаго, страшныхъ судей стиховъ и прозы. Тамъ, въ этомъ кругу, будетъ читана ваша Фантазія. Ее разругаютъ впрахъ!.... Нѣкоторые, только «изъ состраданія къ вашей юности, будутъ защищать васъ, и скажутъ: — Конечно! она слаба, но «въ ней есть много изряднаго: зачѣмъ же огорчать «молодаго чело́вѣка?..... Другіе согласятся съ этимъ «мнѣніемъ, не дорожа своимъ собственнымъ. Всѣ «эти судьи будутъ злѣо понимать Поэзію и Драму!» Увидите, юный Поэтъ, что мое предсказаніе сбудется еще въ концѣ этого столѣтія, не то въ началѣ будущаго. Въ противномъ случаѣ позволяю вамъ всенародно прокричать среди Невскаго Проспекта, что я не го́жусь въ пророки.

Я довольно уже ограбилъ ваше сочиненіе, и совѣщусь привести еще одно мѣсто, красоту котораго непременно желалъ бы показать читателямъ этого журнала, именно, импровизацію Тасса во время вѣн-

чанія его въ Капитоліи. Тассъ умираетъ въ самую торжественную минуту его жизни, когда безсмертный лавръ коснулся его чела. Картина превосходная и чрезвычайно трогательная: ею и должна была окончиться чудесная эта Фантазія. Ежели поэту позволяется нарушать Исторію, то только такимъ образомъ: ни какой исторической характеръ не исковерканъ, и одна лишняя красота приобрѣтена для Поэзіи. Но Поэтъ, къ сожалѣнію, не исчерпалъ всей горькой, мучительной прелести своего прекраснаго и невиннаго вымысла. Здѣсь не достаётъ одного слова, одного только слова, но такого, которое нанесло бы послѣдній ударъ зрителю, которое долго еще раздавалось бы въ его сердце послѣ выхода изъ театра, — и это слово должно происходить изъ устъ, изъ глубины души Леоноры, присутствующей при торжествѣ и кончинѣ злополучнаго своего любовника. Она только закрываетъ лице руками. Этого мало! Одно или два слова, произнесенныя любовницею со всемъ жаромъ страсти и пронзительностью отчаянія; усовершило бы эффектъ и разразило зрителя. Это необходимо.

Обнаруживъ одинъ недостатокъ въ произведеніи Г. Кукольника, я скажу и о другихъ, откровенно, и съ тѣмъ же чувствомъ убѣжденія, съ какимъ хвалилъ достойное похвалы. Почти не постижимо, отъ чего всѣ пояснительныя сцены такъ слабы у поэта, который съ такимъ могуществомъ дарованія начерталъ и отдѣлалъ сцены, посвященныя чувству и страсти. Онѣ вообще слишкомъ длинны; нѣкоторыя изъ нихъ даже вовсе ненужны. Во второмъ актѣ, 2-й выходъ, то есть, монологъ Лукреціи, долженствовалъ бы быть гораздо короче и сильнѣе, хотя послѣдніе шесть стиховъ очень хороши и кстати; 3-й выходъ очень слабъ, даже недостойнъ занимать

свое мѣсто; первый выходъ втораго явленія совершенно бесполезенъ: гораздо лучше начать явленіе прямо съ шествія Альфонса и съ нищихъ. Когда интересъ усиливается, когда красоты и эффекты толпятся отвсюду, надо ускорять ходъ дѣйствія. Luca, fa presto! Не заставляйте насъ долго дожидаться Тасса и Леоноры: безъ нихъ нѣтъ интереса. Напротивъ, четыре послѣдніе стиха втораго акта недостаточны для изображаемаго ими положенія, которое слѣдовало развернуть обстоятельнѣе и живописнѣе. Первое явленіе третьяго акта также длинно, слишкомъ длинно, и всѣ объясненія между Герцогомъ и его Секретаремъ заслуживаютъ подобный же упрекъ, кромѣ другой ошибки, о которой скажемъ немедленно. Явленіе четвертое послѣдняго акта безъ всякой пользы перенесено въ домъ Кардинала д'Эсте, — Поэтъ вѣроятно хотѣлъ сказать, Кардинала д'Эсте: тѣмъ напрасно только замедляется быстрота дѣйствія, и развлекается вниманіе. Luca, fa presto! Оно должно быть соединено съ послѣднимъ выходомъ пьесы.

Ошибка особеннаго рода, о которой упомянулъ я выше, состоитъ въ томъ, что нашъ молодой Поэтъ совсѣмъ неспособенъ къ секрету, и всегда напередъ перескажетъ вамъ, что будетъ. Съ подобною болтливостью нельзя вести ни какой интриги. Весь эффектъ разстраивается, когда напередъ знаешь слѣдствіе или существо дѣла. Ни Тассъ, во время своего виднѣнія, не долженъ говорить, что онъ предвидитъ свое торжество; ни Герцогъ поручать своему Секретарю оправданіе Тасса; ни послѣдній объявлять, что надѣется оправдаться. Все это должно дѣлаться, но не надо говорить зрителю, для чего дѣлается, ибо, какъ скоро заранѣе упомянете вы мнѣ *торжество, оправданіе*, я, по врожденной мнѣ смѣшленности театральнаго

зрителя, тотчасъ знаю, что оправданіе и торжество послѣдуютъ непременно, и, вмѣсто того, чтобъ слушать вашу пьесу, пойду по ложамъ отпускать знакомымъ дамамъ комплименты на счетъ превосходнаго эффекта ихъ беретовъ и турбановъ. Это тоже важная часть драмы; и я совѣтую вамъ неужолимо мучить мое любопытство скрытностью, недоумѣніемъ, секретомъ, ежели хотите приковать взоры мои къ сценѣ и отвлечь ихъ отъ прелестныхъ беретовъ и турбановъ нерваго яруса. Я большой до нихъ охотникъ, наравнѣ съ прочими кресельными монни друзьями.

Но всѣ исчисленные мною недостатки и погрѣшности такъ поверхностны, что, не нарушая зданія поэмы, они могутъ быть исправлены нѣсколькими почерками пера, и *ubi tanta nitent in carmine, paucis non ego offendar maculis.*

Скоро послѣ выхода этой возвышенной Фантазіи, появилась Драма подъ тѣмъ же заглавіемъ, «Торквато Тассо». Авторъ ея неизвѣстенъ, по крайней мѣрѣ мнѣ. Онъ избралъ предметомъ своимъ Тасса человека, тогда, какъ Г. Кукольникъ изобразилъ отвлеченное, лирическое лице, Тасса поэта. Самый сюжетъ безыменнаго сочинителя уже представлялъ гораздо менѣ живописнаго.

Разборъ эпохи Іоанна и Баторія и предъидущей пьесы могъ удостовѣрить всякаго, что я изъясляю свое мнѣніе по личному моему воззрѣнію на предметъ и родъ изящнаго сочиненія, и не спрашиваю совѣта ни у Риторика, ни у Пятики, о томъ, что должно мнѣ нравиться, а что нѣтъ. Я не умѣю чувствовать по даннымъ правиламъ, и признаю откровенно, что у меня, въ моемъ скудномъ собра-

ни понятій, нѣтъ ни одного готоваго удивленія ни для какого въ свѣтъ великаго литературнаго имени. Я такъ дерзокъ, что даже о Шекспирѣ, о Корнельѣ, Расинѣ, Шиллерѣ, Байронѣ, Гётѣ, Пушкинѣ, сужу по собственнымъ моимъ впечатлѣнїямъ, а не по ихъ славамъ, и въ тѣхъ только мѣстахъ удивляюсь имъ болѣе или меньше, гдѣ они поражаютъ меня болѣею или меньшею возвышенностію своего ума надъ чертою нуля, то есть, надъ моимъ собственнымъ умомъ. Все, что я вижу не выше этой черты, называю обыкновеннымъ; что ниже, слабымъ, — и повергаюсь ницъ съ благоговѣнїемъ только тамъ, гдѣ высота чужаго ума выходитъ за предѣлы градусовъ моего критическаго термометра, въ которомъ, какъ я сказалъ, мой умъ образуетъ точку замерзанія. Кто разогрѣетъ его силою своихъ мыслей и подвинетъ вверхъ на известное число градусовъ, тотъ для меня хорошій писатель и художникъ; кто заморозитъ его своею безчувственностію и отсутствїемъ теплыхъ, пылкихъ мыслей, кто заставитъ его опуститься ниже нуля, и произведетъ въ моемъ сердцѣ ознобъ, насморкъ въ моихъ понятїяхъ, того я объявляю скучнымъ и несноснымъ, хоть бы онъ былъ знаменитъ, какъ вся Исторія. По-этому, для меня нѣтъ образцовъ въ Словесности: все образецъ, что превосходно, и я такъ же громко восклицаю «великій Кукольникъ!» передъ его видѣнїемъ Тасса и конечною Лукреціи, какъ восклицаю «великій Байронъ!» передъ многими мѣстами твореній Байрона. Мой умъ стоитъ на точкѣ замерзанія: всей умственной атмосферѣ планеты позволено свободно на него дѣйствовать, позволено производить въ немъ осцилляцію, поднимать и понижать, какъ угодно, — я только обязуюсь вѣрно показывать градусы, на которыхъ онъ остановится. И въ нынѣшнемъ состоянїи литературныхъ ученій, когда страшный умственный пе-

ревороть перековалъ въ кинжалъ даже тотъ аршинъ, которымъ люди такъ удобно мѣряли изящныя красоты подобно атласнымъ лентамъ, я не вижу возможности другаго критическаго мѣрила. Безпристрастною критикою называю я то, когда по чистой совѣсти говорю тѣмъ, которые хотятъ меня слушать, какое впечатлѣніе лично надо мною произвела данная книга. Но степень моего впечатлѣнія не есть правило для другихъ. Критика въ наше время сдѣлалась картиною личныхъ ощущеній всякаго, — всякаго, одареннаго отъ природы яснымъ чувствомъ средствъ и способовъ, которыми изящное можетъ производить полное и пріятное дѣйствіе надъ сердцемъ и воображеніемъ чловѣка. О правилахъ нѣтъ и рѣчи. Одно только условіе въ этомъ чувствѣ средствъ и способовъ, условіе à priori, — нравственность. Вкусъ, — это прихоть беременной женщины, кото; ая есть общество. Слѣдственно, по прочтеніи критики, и спорить не объ чемъ: одно средство, изъявить, независимо отъ обнаруженнаго уже мнѣнія, другое, различное мнѣніе, съ такимъ же чистосердечіемъ, но безъ опроверженій, пбо опровергать чужія ощущенія ровно столько же смѣшно, сколько неудобноисполнимо. Въ ученой критикѣ другое дѣло! Тамъ можно доказывать, основываясь на несомнѣнныхъ данныхъ; но въ литературной, какъ скоро я вѣрно и совѣстно обнаружилъ передъ вами, безъ малѣйшей утайки, все количество пристрастія, какое прочитанная книга внушила мнѣ въ свою пользу, взлѣзайте на башню и кричите міромъ: — Ахъ, какой безпристрастный критикъ!... Я сниму шляпу, и поклонюсь.

И такъ, я говорю, что Драма безыменнаго прозо поэта, — она состоитъ изъ стиховъ и прозы, — можетъ быть читана съ большимъ удовольствіемъ,

даже послѣ Фантазіи Г. Кукольника. Въ ней несравненно менѣе драмы, нежели въ Фантазіи, но болѣе, нежели въ другихъ нашихъ оригинальныхъ Драмахъ послѣднихъ годовъ. Здѣсь по крайней мѣрѣ встрѣтилъ я игру страстей. Сначала, два первыя дѣйствія обѣщаютъ довольно сильную завязку интриги, но въ третьемъ узлы ея ослабѣваютъ, и Драма превращается въ историческое повѣствованіе въ лицахъ. Она опять пробуждается въ пятомъ, по счастью, очень короткомъ дѣйствіи. Драматическіе эффекты совершенно впущены въ ней изъ виду. За то есть нѣсколько трогательныхъ сценъ. Разговоры ведены искусно, съ соблюденіемъ всѣхъ приличій: ничто въ Драмѣ не поражаетъ васъ неумѣрностью, — и это много *! Характеръ Тасса незначителенъ: Тассъ — человекъ, и самъ не весьма важное лице. Авторъ поставилъ его подъ защитою довольно слабаго чувства, — сожалѣнія о несчастномъ положеніи его въ свѣтъ. Тассъ съ сильными страстями былъ бы гораздо занимательнѣе. Почтительная любовь его къ Ленорѣ и любовь Леноры, подавленная всею тяжестью гордости ея рода, для драматическихъ пружинъ слишкомъ слабы. Сочинитель хотѣлъ подкрѣпить дѣло страстною любовію Маркизы Скандіано, но Тассъ къ ней холоденъ, и мы холодны къ ней вмѣстѣ съ Тассомъ, ибо все наше соучастіе должно стремиться въ ту же сторону, какъ и его сердце, — къ Ленорѣ. Это жалкая жертва, но не очень интересная. Характеры Альфонса, Леноры, Графа Чинерозы и даже Джіодоли, созданы хорошо въ своемъ родѣ, и нарисованы рѣзко и смѣло немногими чертами. Въ этомъ отношеніи безыменнѣй авторъ явилъ по крайней мѣрѣ

* Только изъ монахинь не надобно было дѣлать Статсъ-дамъ Папы. Монахини въ Ватиканѣ, вмѣстѣ съ кавалерами, дамами и монахами, большая несообразность.

столько искусства, что позволяет нам предвидеть въ немъ будущаго хорошаго драматурга. Только, одно замѣчаніе. Хотя Маркиза Скандіано удѣлила Автору предметъ одной весьма милой и другой очень хорошей сцены, но характеръ ея неправдоподобенъ, потому, что не основанъ на изображеніи предъидущей ея жизни, — что однако жъ отнюдь не значитъ, чтобы онъ не былъ истиненъ. Онъ очень часто встрѣчается въ Природѣ, но не все правдоподобно, что истинно: правдоподобіе въ Драматическомъ Искусствѣ важнѣе истины, и всегда зависитъ отъ хорошей обрисовки обстоятельствъ. Лучшая драматическая сцена, помоему мнѣнію, есть свиданіе Тасса съ сестрою. Вообще, въ цѣлой пьесѣ примѣчательно много драматическаго таланта.

Языкъ вездѣ чистъ и плавенъ. Я не назначаю опредѣленнаго мѣста въ Драмѣ ни стихамъ, ни прозѣ. Стихи и проза, коль скоро хороши, хороши повсюду, — а проза безыменнаго Автора даже очень хороша. Образцы ничего не доказываютъ въ этомъ отношеніи. Слово *образецъ* соответствуетъ не слову *прекрасное*, но слову — *подражатель*, а я никого не принуждаю къ подражанію: напротивъ, совѣтую всякому быть оригинальнымъ, и слушаться только собственнаго своего вдохновенія.

Я желалъ бы привести изъ этой Драмѣ хоть одно мѣсто, но ни одно не поразило меня своею силою. Все вообще довольно пріятно; ничто не приводитъ въ удивленіе.

Сравнивая относительное достоинство двухъ этихъ пьесъ между собою, и приспособленіе всякой изъ нихъ къ сценѣ, или представленію на театрѣ, можно вывести слѣдующую выкладку. Драма безымен-

наго сочинителя во многихъ мѣстахъ можетъ приятно растрогать слушателей и быть выслушанною до конца. Фантазія Г. Кукольника, исправленная въ некоторыхъ мелкихъ погрѣшностяхъ противъ интриги, и разыгранная отличными актерами, возбудила бы рыданіе, ужасъ, сильное и торжественное потрясеніе души: иначе, она слишкомъ высока для сцены.

ТЮТЮНДЖЮ-ОГЛУ.

=

*** Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ удовольствія распространиться еще о двухъ примѣчательныхъ явленіяхъ въ нашей Поэзіи, «Стихотвореніяхъ Н. Языкова», и «Поэтическихъ опытахъ двинцы Кульманя». Въ особенности сожалѣемъ, что намъ не удалось сказать о послѣднемъ, а объ немъ можно было сказать много, очень много. Истинное поэтическое здравіе въ молодой женщинѣ есть одно въ любопытнѣйшихъ и свѣтлѣйшихъ метеоровъ человѣческой природы: ея поэзія — блистательныя ленты души; всѣ ея мысли — продолженіе сердца, созданнаго нарочно для одной только страсти. Стихотворенія Н. Языкова, равно какъ собраніе поэтическихъ трудовъ И. И. Козлова, вышедшее также въ прошломъ году, состоятъ изъ пьесъ, вообще прежде уже напечатанныхъ, отдѣльно или по разнымъ Журналамъ. Приобрѣтенный ими успѣхъ освобождаетъ насъ отъ подробнаго ихъ разбора, и мы прощаемся, прощаемся навсегда со Словесностью 1833 года и всѣхъ прошедшихъ годовъ. Намъ ожидается бу-

дущность, въ первый день которой рождается на свѣтъ дитя, — какъ вы изволите видѣть, — плотное, жирное, здоровое, нареченное отцомъ своимъ Библиотека для Чтенія Поздравьте его съ рожденіемъ, и, если его наружность можетъ въ нашемъ суевѣрномъ вѣкѣ быть принята въ хорошую примѣту, ожидайте отъ Словесности благополучно начинающагося года поколѣнія изыщныхъ великановъ. Что же сбудется!

Т.-О.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

=

ДЕКАБРЬ, 1835.

ГОРЕ ОТЪ УМА, *Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненіе Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Москва, въ типографіи Авеуста Селена, 1835, въ-8, стр. 178.*

Наконецъ «Горе отъ ума» вышло изъ печати!... Здѣсь не мѣсто разбирать это прекрасное твореніе: сверхъ того, разбирая его, пришлось бы разбирать не сочиненіе умнаго и несчастнаго Грибоѣдова, но пристрастіе девяти десятихъ частей Россіи къ этому сочиненію, и отвращеніе, обнаруживаемое одною десятою частію. «Горе отъ ума» имѣетъ повсюду столь же пламенныхъ обожателей, какъ враговъ. И самое то обстоятельство, что оно заслужило себѣ пламенныхъ противниковъ, уже неоспоримо доказываетъ высокое его достоинство: въ Словесности не всякой, кто захочетъ, имѣетъ жестокихъ враговъ. Есть поэты и прозаики, которые мечутся, какъ угорьлые, прибѣгаютъ къ наглости и оскорбительнымъ обвиненіямъ, стараются даже обидѣть, чтобъ только похвастать враждою нѣкоторыхъ своихъ собратій, — и вмѣсто вражды получаютъ отъ нихъ одишь смѣхъ. Это ужъ вѣрный признакъ посредственности ихъ произведеній! Но когда книга удостоивается сильной вражды, будьте увѣрены, что она необыкновенна во всѣхъ отношеніяхъ.

Комедія Грибоѣдова безъ-сомнѣнія не чужда недостатковъ по части искусства, но общее восхищеніе, съ какимъ Россія ее приняла, заглядывало ея грѣхи и сдѣлало ея красоты народною собственностью. Теперь о красотахъ ея должно говорить такъ, какъ Англичанинъ и Испанецъ говорятъ о красотахъ Шекспира и Кальдерона; о недостаткахъ, съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ они разсуждаютъ о погрѣшностяхъ, примѣчаемыхъ въ твореніяхъ этихъ двухъ писателей. Кто безусловно поноситъ «Горе отъ ума», тотъ оскорбляетъ вкусъ всего народа и судъ, произнесенный всею Россіею. Это народная книга: нѣтъ Русскаго, который бы не зналъ наизусть по крайней мѣрѣ десяти стиховъ изъ этой Комедіи.

«Горе отъ ума» было сравниваемо почти со всеми лучшими произведеніями этого рода въ Европейской Словесности, включая съ тѣмъ, съ которымъ гений самаго Автора хотѣлъ

поставить его на ряду, и дѣйствительно поставить. «Горе отъ ума» занимаетъ въ нашей Словесности, по своему роду и духу, именно то мѣсто, которымъ «Свадьба Фигаро», известная Комедія Бомарше, овладѣла во Французской. Подобно «Свадьбѣ Фигаро», это Комедія политическая: Бомарше и Грибоедовъ, съ одинаковыми дарованиями и равною колкостью сатиры, вывели на сцену политическія понятія и привычки общества, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ. Если «Горе отъ ума» уступаетъ творенію Французскаго комика въ искусности штрихи, съ другой стороны оно возстановляетъ равновѣсіе свое съ нимъ въ отношеніи къ внутреннему достоинству поэтической частью и неподражаемою прелестью разсказа.

Въ этомъ изданіи примѣчаются нѣкоторые маловажные пропуски противъ рукописныхъ экземпляровъ, которыми наводнена Россія: память нынѣшнихъ читателей легко пополнить подобныя мѣста при чтеніи, а будущее поколѣніе читателей отнюдь ничего не потеряетъ: эти пропуски ни мало не уменьшаютъ достоинства книги, и слава Сочинителя не затмится, пожертвовавъ въ пользу роднаго общества нѣсколькими лишними колкостями, излитыми его перомъ въ минуту разсѣянности или снѣха.

Аскольдова могила, *Повѣсть временъ Владимира I. Сочиненіе* М. Загоскина. Москва, 1833, три части, въ 12, стр. IX и 246—292—354.

Всякой видитъ, по одному заглавію, что предметъ этого Историческаго Романа, названнаго Повѣстью по скромной формѣ, предписанной покойнымъ Вальтеромъ Скоттомъ, принадлежитъ временамъ, безпредѣльно романическимъ, — эпохѣ Варяговъ, эпохѣ введенія Христіанской Вѣры въ Россію. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ періодъ нашей Исторіи не представляетъ такихъ богатыхъ и такихъ разнообразныхъ сюжетовъ для Романа, какъ нашъ періодъ Норманскій. Но нельзя также не согласиться, что, кромѣ всѣхъ другихъ дарованій, нужна еще почти исполнская ученость въ романистѣ, чтобъ быть Вальтеромъ Скоттомъ подобнаго періода. Здѣсь писатель долженъ знать не только всѣ историческія тайны стариннаго Сѣвера, не только имѣть точное свѣдѣніе объ этнографическихъ его подробностяхъ и быть коротко знакомымъ со Скандинавскою Словесностію, чтобъ удачно изобразить нравы, образъ мыслей, и даже тонъ разговора Варяговъ, но еще обнять и проникнуть до самой глубины

всѣ вообще части Россійской Исторіи въ нравственномъ и филологическомъ ея отношеніяхъ, чтобъ отдѣлать, отъ общей массы нынѣшняго народнаго быта и языка, обычая, понятія и выраженія, принадлежащаго позднѣйшимъ эпохамъ, и составить себѣ запасъ чистыхъ, безъ всякой примѣси, несомнѣнныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ могъ бы онъ создать болѣе или менѣе вѣрную картину того отдаленнаго времени.

Г. Загоскинъ, съ появленіемъ «Юрія Милославскаго» сдѣлавшійся любимымъ романистомъ публики, не побоялся всѣхъ этихъ трудностей, дѣла: за то и дѣло мастера не испугалось. Въ краткомъ и скромномъ предисловіи, онъ изъясняетъ опасеніе, что мы не захотимъ прочесть всей его книги, и проситъ насъ по крайней мѣрѣ прочесть главы, на которыя самъ указываетъ. Онъ, видно, имѣетъ объ насъ весьма дурное мнѣніе. Чтобъ пристыдить его, скажемъ, что мы прочитали весь его Романъ съ большимъ удовольствіемъ, отъ доски до доски. Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Михайла Николаевичъ, не указывайте намъ, что мы должны читать въ вашей книгѣ: мы сами отыщемъ въ ней мѣста, которыя намъ понравятся. Какъ бы не такъ! Ни одинъ изъ нынѣшнихъ нашихъ писателей не умѣетъ такъ искусно поддѣлываться подъ просторѣчіе, ни одинъ такъ удачно не рисуетъ комическихъ характеровъ Русскаго чернаго народа, какъ Загоскинъ. Въ его «Аскольдовой могилѣ» не надобно искать результатовъ исторической или философической учености: его Норманны и Русины X вѣка по-временамъ говорятъ о Татарскихъ *богатыряхъ* и даже о *колдованіи*, обычая, занесенномъ въ Малороссію Польскимъ католицизмомъ (*calendae januarii*); его Варяги въ состояніи даже поклясться вамъ званіемъ своимъ «природныхъ Варяговъ», то есть, такъ сказать, *природныхъ тѣлохранителей*; но его характеры занимательны, основаніе его повѣсти утѣшительно, рассказъ исполненъ во многихъ мѣстахъ прелести въ своемъ родѣ, и обыкновенные читатели Романовъ прочтутъ эту повую книгу Г. Загоскина съ истиннымъ наслажденіемъ. Ученымъ не должно давать ея въ руки: Романы пишутся не для Ученыхъ. Они находятъ прекраснымъ важное, вѣрное, то есть, скучное: мы, простые чтецы, находимъ прекрасными и анахронизмы, когда они введены въ рассказъ такъ мило, какъ въ «Аскольдовой могилѣ». Мы даже въ состояніи проследить-ся при хорошенькомъ анахронизмѣ: пусть же Ученые попробуютъ испытать отъ него подобное удовольствіе!... Они поставятъ NB! тамъ, гдѣ у насъ капнетъ пріятная слеза. Ахъ,

не говорите мнѣ объ Учепьхъ!..... На зло мнѣ я прочитаю еще разъ «Аскольдову могилу» съ большимъ удовольствіемъ.

Кальянъ, *стихотворенія* А. Полежаева. Москва, 1833, въ типогр. Лазаревыхъ, стр. 132, въ 12, съ портретомъ.

Одинъ молодой человекъ съ большими усами и чувствительнымъ сердцемъ пристрастился къ кальяну, грома Кавказскихъ Горцевъ съвернымъ оружіемъ и Кавказскихъ Горинковъ съверными усами. Въ кальянѣ открылся ему новый свѣтъ, свѣтъ мечтаній, призраковъ, видѣній, чудовищъ, печали, скуки и счастья: словомъ, свѣтъ поэтической. Однажды, поутру, онъ велѣлъ набить себѣ кальянъ, и сталъ писать стихи. Какъ скоро взволнованная табачнымъ дымомъ вода заурчала, воображеніе, понятія, мысли заурчали въ его голову. Прежде всего представилось ему Герменчукское кладбище: онъ начерталъ его картину сърымъ дымомъ кальяна на сѣромъ и туманномъ воздухѣ Кавказа. Потомъ, пришла къ нему толпа Делавишьевыхъ Троянокъ: онъ плакалъ, онъ курилъ кальянъ, и дѣло тѣмъ окончилось. Потомъ, явился къ нему Брутъ, рассказывать свои видѣнія: онъ вдохнулъ изъ кальяна большой клубъ дыма, и — пуфъ! — пустилъ въ лице гордому республиканцу длиною струею: Брутъ закашлялся, и ушелъ. Потомъ, предстала передъ него тѣнь Наполеона: онъ предложилъ ей покурить кальянъ. Корсикавскій герой не вынесъ горечи наркотическаго дыма, добываемаго изъ мучительной машины наслажденія, и они разстались. Наконецъ, привалилъ демонъ вдохновенія, духъ вреда, страшный Ариманъ, съ огромною стаею адскихъ духовъ и всякаго разбора чудовищъ:

Фигуры, тѣни, лица, маски,
Темны, прозрачны и безъ краски,
Густою цѣпью по стѣнъ
Онъ мелькають въ вѣдъ пляски
Ни пѣ, ни такты, ни шаговъ
У очарованныхъ духовъ:
То пѣтью легкой и протяжной,
Подобно тонкимъ облакамъ,
То массой черной, сто-этажной,
Плывуть, какъ волны по волнамъ.

Начинается шумъ, ревъ, вопль, брязаніе тяжелыми цѣпями: мертвецы, возставшіе изъ могилъ, прѣзжаютъ на балъ на совахъ и филипахъ:

И вдруг и трескъ,
И громъ, и блескъ,
И Ариманъ,
Какъ ураганъ,
Въ тройной коронъ
Изъ черныхъ змѣй,
Предсталъ на тронъ
Среди тѣней.

Молодой человекъ, покойно курившій кальянъ, былъ не въ состояннн выдержать долге подобной суматохи: пухъ!!!!... онъ пустилъ въ нихъ изо всей силы струю табачнаго дыма, и Ариманъ мигомъ исчезъ съ своими чудовищами. Съ чертвми нѣтъ другаго средства!

Какъ скоро демонъ вдохновенн исчезъ, молодой человекъ съ кальяномъ сталъ сочинять мелкіе стишки, между которыми «Цыганка» и «Сонъ дѣвицы» довольно ему удалось.

Повѣсти и Разсказы Петра Сумарокова. *Москва, 1833, въ тип. Лазаревыхъ, три части, въ - 12, стр. XXI и 313—337—316.*

Въ этихъ трехъ частяхъ семь повѣстей. Но это еще не конецъ.

Ганъ Исландецъ. *Романъ, сочиненн Виктора Гюго. Переводъ съ Французскаго (въ четырехъ частяхъ). С. П-бургъ, въ типогр. Гинца 1833, въ - 12, стр. 224—291—195—291. Съ четырьмя картинками, литографированными въ Парижѣ, у Эжелманна.*

Довольно хорошій переводъ перваго Романа автора «Церкви Парижской Богоматери». Повѣсть страшная, очень страшная, но весьма занимательная, и, — что удивительно, весьма благопристойная: этого давно уже не случалось съ великимъ Викторомъ Гюго.

О Государственномъ Кредитѣ, сочиненн писанное въ началѣ 1832 года. *Москва, 1833, въ типографн А. Семена, стр. X и 293, въ - 8.*

Книга весьма хорошая, и хорошо написанная. Она состоитъ изъ трехъ отдѣленн: въ первомъ сочинитель излагаетъ теорню государственнаго кредита, въ двухъ послѣднихъ примыляетъ ее къ Исторнн Французскихъ и Англійскихъ финан-

совѣ. Мы съ удовольствіемъ нашли въ неизвѣстномъ ея сочинителѣ челоѵка образованнаго, начитаннаго, нечуждаго высшимъ наукамъ и твердо знающаго свой предметъ, что у насъ не всегда соединяется въ одномъ и томъ же пишущемъ лицѣ. Онъ изложилъ ясно и систематически всѣ здравыя понятія, обращающіяся нынѣ въ Европѣ по части теоріи государственныхъ займовъ, и мы совѣтуемъ всякому читать это книгу со вниманіемъ: она была необходима для огромнаго большинства нашей публики, и Авторъ оказалъ истинную услугу образованности изданіемъ подобнаго сочиненія.

Мы не нашли въ ней ничего новаго, ничего такого, что бы не было извѣстно тѣмъ, которые знаютъ Политическую Экономію, читали лучшія по этой Наукѣ сочиненія, и постоянно читаютъ иностранныя газеты и Журналы. Кто, съ любовію предмета и желаніемъ просвѣтиться по части финансовъ, внимательно слѣдуетъ за преніями Англійскаго Парламента, лучшей школы въ этомъ отношеніи, тотъ не встрѣтитъ въ извѣщаемой нами книгѣ ни какихъ новыхъ видовъ, которые могли бы измѣнить его образъ мыслей, если онъ составляетъ изъ здравыхъ и основательныхъ понятій о дѣлѣ, но первый отдастъ справедливость ея достоинству и пользѣ. Отдавая въ полной мѣрѣ эту справедливость содержанію сочиненія, мы очень сожалѣемъ, что Авторъ громко объявилъ въ предисловіи притязанія свои на преобразование имъ самой теоріи государственнаго кредита, изложилъ въ десяти полновѣсныхъ пунктахъ свои новые виды съ ошутительнымъ презрѣніемъ къ проинициательности всѣхъ знаменитыхъ политическихъ экономистовъ, публицистовъ и деньго-слововъ. Ни одинъ изъ этихъ десяти пунктовъ не доказанъ неоспоримо содержаніемъ сочиненія, а большая ихъ часть есть слѣдствіе оптического обмана, въ которомъ находится самъ Авторъ, смѣшавъ начало факта съ самымъ фактомъ. Латинское слово *кредитъ* значить *доверенность*, а въ политическомъ и гражданскомъ смыслѣ, *способность дѣлать долги*; но сочинитель принимаетъ слово *кредитъ* въ значеніи *дѣйствія дѣлать долги*, и вооружается противъ своихъ предшественниковъ, упрекая ихъ въ непонятности и близорукости. На этомъ основаніи, онъ хочетъ доказать, что государственный *кредитъ*, то есть, *доверенность* капиталистовъ къ данному правительству, не основывается на *доверенности*, потому, что обыкновенные гражданскіе законы не примѣняются къ правительственнымъ должникамъ. Въ томъ никто не сомнѣвается, что государственные займы не поддѣлать дѣйствию судова, и не опираются на *гражданской доверенности*; но они опираются на *политической доверенности*.

Англичане дают теперь деньги одни Донъ - Педру, другіе Донъ-Мигелю, ибо одни имѣютъ болѣе довѣренности къ успѣху дѣла Донъ-Педро, другіе къ успѣху дѣла его брата. Въ замѣнь довѣренности Авторъ свойствомъ государственнаго кредита полагаетъ произволъ: на произволъ однако жъ нельзя основать ни какой теоріи. Мы считаемъ даже ненужнымъ опровергать дѣйствительныя новыя виды Автора, происходящія изъ того же смѣшенія значеній слова *кредитъ*: они кажутся намъ простою игрою словъ. Другая подобная запутанность въ мысляхъ Автора произошла также отъ сліянія въ одно понятіе двухъ разнородныхъ вещей, — биржевой игры въ фонды, настоящаго финансоваго фараона, съ банковскими оборотами по части фондовъ, — и онъ предпринялъ защиту биржевыхъ игроковъ противъ всѣхъ публицистовъ. Продажа и покупка фондовъ по нуждѣ лицъ продающихъ и покупающихъ не есть игра въ фонды: онѣ полезны и необходимы, потому, что естественны и приводятъ капиталы въ движеніе. Но когда соберется шайка плутовъ безъ дѣла и занятія, которая вдругъ отклонитъ значительный капиталъ въ фондахъ отъ полезнаго по торговлѣ и промышленности употребленія, и станетъ смущать естественный ходъ биржевыхъ дѣлъ насильственнымъ движеніемъ большихъ массъ облигацій, выдумывая хитрости и ложные слухи для пониженія или возвышенія ихъ курса, ежедневно безпокоя и потрясая общество своими просками, разоряя легковѣрныхъ, ввѣрившихъ имъ свое достояніе, распространяя тревогу въ торговыхъ и банковскихъ сношеніяхъ; роняя самыя лучшія и самыя прибыльныя для отечества коммерческія соображенія, и тѣмъ стѣсняя кругъ дѣйствія частныхъ банковъ, которые не смѣютъ по поводу ихъ пускаться на далекія спекуляціи и поминутно претерпѣваютъ значительныя потери, — тогда нравственность, порядокъ и благосостояніе общества не должны одобрять подобныхъ дѣйствій, и это именно называется «пагубною» биржевою игрою, которая есть прямой бичъ торговли. Мы охотно уступаемъ сочинителю всѣ новыя его виды, изложенныя въ предисловіи, потому, что сквозь нихъ не видно ничего существеннаго, и душевно благодаримъ его за самое сочиненіе, которое безъ сомнѣнія будетъ читано всѣми съ удовольствіемъ и пользою, и распространить у насъ точнѣйшія понятія объ этой важной части Государственнаго Хозяйства.

Налагая съ большимъ искусствомъ и примѣчательною сноровкою логику теорію государственнаго кредита, какъ отмеченное понятіе, какъ фактъ независящій отъ политическихъ событій, авторъ простираетъ иногда слишкомъ далеко

сдѣлствія своихъ посылковъ: это ужъ злоупотребленіе Логикн. Объяснивъ пользы займовъ и преимущества ихъ предъ другими средствами пріобрѣтенія денегъ для казны въ данныхъ случаяхъ, онъ сдѣлалъ изъ общественнаго долга вѣчто въ родѣ идеальной красоты или философскаго камня. Хочешь ли быть богатымъ? — дѣлай долги; умнымъ? — дѣлай долги; глубокомысленнымъ? — дѣлай долги; счастливымъ, могущественнымъ? — дѣлай долги, дѣлай ихъ, какъ можно больше, и будешь счастливъ и могущъ. Хочешь ли быть героемъ? — опять дѣлай долги, дѣлай ихъ храбро, геройски, по большому масштабу, какъ дѣлали великіе люди. Кто не дѣлаетъ долговъ, тотъ не герой въ наше время. Наполеонъ упалъ, — потому, что Наполеонъ не хотѣлъ дѣлать долговъ!..... Тутъ авторъ очевидно остался въ накладе по своей системѣ, отъ того, что хотѣлъ безусловно отвлечь понятіе государственнаго кредита отъ политическихъ соображеній, которымъ этотъ кредитъ служить пищею и опорною. Отвращеніе Наполеона къ долгамъ, не къ кредиту, происходитъ изъ высокихъ политическихъ соображеній, достойныхъ его ума и проницательности. Онъ боялся не долговъ, но кредиторовъ; боялся того празднаго, шумнаго и опаснаго класса, который Французы называютъ *gentils*; людей, посланныхъ все свое достояніе въ портфели, людей праздныхъ, безпкойныхъ, нагло вторгающихся въ политику, присвоивающихъ себѣ право судить о дѣлахъ правительства и вмѣшиваться въ его мѣры, потому, что у нихъ въ карманѣ есть нѣсколько векселей правительства, и что они считаютъ судьбу свою сопряженною со всякимъ малѣйшимъ распоряженіемъ власти. Послѣдствія вполнѣ оправдали предчувствія Наполеона: Франція устроила свой кредитъ, надѣлала пропасть долговъ, умножила свои капиталы и богатства; но за то она навлекла на себя проворный классъ *gentils*, — въ одномъ Парижѣ считается ихъ слишкомъ 300,000 человекъ, — классъ, содержащій ее въ безпрерывной горячкѣ, терзающій общество, утомляющій правительство. Государства, которыя дѣлаютъ займы за границею, конечно остаются въ убыткѣ въ вещественномъ отношеніи, но они обильно вознаграждаютъ его себѣ нравственнымъ образомъ, избавляясь отъ этого класса, рано или поздно грозящаго всегда проныкнуть въ пѣдра отечественной политики, и заразить ихъ своимъ нечистымъ дыханіемъ. Чтобъ судить безпристрастно о данномъ фактѣ, должно разсматривать его со всѣхъ сторонъ. Долги имѣютъ свои пользы, но также имѣютъ и свои неприятели, которыхъ никакъ не можетъ устранить медленное дѣйствіе Комиссіи Погашенія, устроенныхъ самымъ лучшимъ и надежнымъ образомъ.

Простирая до самой крайности пристрастіе свое къ огромнымъ государственнымъ долгамъ, Авторъ даже увѣренъ, что *враги кредита* (онъ хотѣлъ сказать: «враги долговъ», сдѣланныхъ въ слѣдствіе пріобрѣтсннаго кредита), *суть ни кто другіе, какъ враги властей вообще*. Полноте! А Наполеонъ?..... Объ немъ, по крайней мѣрѣ, нельзя сказать того, чтобъ онъ былъ врагомъ властей вообще! Но Сочинитель, произнося это грізное обвиненіе, имѣлъ, кажется, въ виду *Edinburgh Review* знаменитый Журналъ партіи Вигговъ. Пятнадцать лѣтъ читаемъ мы этотъ Журналъ, и никогда еще не находили въ немъ статей противъ *кредита*, котораго никто не можетъ быть врагомъ. Эдинбургскій Журналъ писалъ много противъ *злоупотребленія кредита*, противъ огромныхъ долговъ, и въ особенности противъ образа, какимъ противная партія, Тори, дѣлала долги и заключала займы; но можно ли называть его «врагомъ властей вообще»? Партіи Тори и Вигъ суть въковыя преданія Англійской аристократіи, отнюдь несходныя съ политическими партіями другихъ народовъ. Чтобъ исторгнуть власть у своихъ противниковъ, Эдинбургскій Журналъ старался поколебать славу Питта и увѣрить Англичанъ, что Тори ведутъ ихъ въ пронасть погибели: онъ успѣлъ въ этомъ, единственно неподражаемою силою своей діалектики, не будучи самъ увѣжденъ въ истинѣ своихъ пророчаній. Между Тори и Вигами дѣло идетъ объ утвержденіи власти въ извѣстныхъ семействахъ той или другой стороны съ ея приверженцами, а отнюдь не о спасеніи или ниспроверженіи «властей вообще». Они перѣдко мѣнялись мнѣніями, смотря по обстоятельствамъ, и еще будутъ мѣняться. Иностранцы, которые принимали проповѣди *Edinburgh Review* за наличныя деньги, добровольно попали въ мистификацію.

Несмотря на эти мелкіе недостатки, книга, о которой мы говоримъ, достойна всего вниманія публики: она въ особенности можетъ просвѣтить многихъ на счетъ финансоваго положенія Англій, которое Авторъ очень хорошо постигъ и развернулъ, хотя не сказалъ объ немъ ничего новаго для знающихъ дѣло.

МАЗЕПА, Историческій Романъ, О. В. Булгарина, пошлуть въ продажу къ 15 Января.

МЕЧТЫ и ЖИЗНЬ. Подъ этимъ заглавіемъ Н. А. Полевой печатаетъ свои Повѣсти и Были, которыя вѣроятно выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

БИРОНОВСКІЕ ПРАЗДНИКИ, новый Романъ И. И. Лажечникова. Первая часть этого сочиненія уже написана.

НОВОСЕЛЬЕ, *часть II*. Успѣхъ, приобретенный вышедшею въ прошломъ году первую частію «Новоселія», побудилъ А. Ф. Смирдина издать въ нынѣшнемъ году вторую, согласно общашию. Она уже печатается, и выйдетъ въ срокъ, къ 19 числу Февраля. Кромѣ многихъ другихъ статей, въ этой части будетъ заключаться: *В. А. Жуковскаго*, Ролландъ Оруженосецъ, Баллада; *А. С. Пушкина*, Ангело, Позна; *Ф. В. Булгарина*, Мудренныя приключенія Квартальнаго Надзирателя; *Кн. А. А. Шаховскаго*, Три женщины въ вопреки разсудку; *Барона Брамбеуса*, Походженія одной ревижской души—Счастливецъ—Фокусы; *И. М. Ястребцова*, Любовь къ влнженму; *Барона Розена*, Руская добросовѣстность; *Н. И. Козлова*, Бренда; *В. А. Ушакова*, Село Дятлево; *Козака Луганскаго*, Сказка о ворѣ и бурой коровѣ; и проч.

Новый нраво-описательный Романъ *Ф. В. Булгарина*, подъ заглавіемъ: *Памятныя записки Титулярнаго Советника Чухина*, или простая исторія обыкновенной жизни, скоро поступитъ въ печать. Онъ будетъ состоять изъ двухъ частей.

Н. И. Гречъ въ непродолжительномъ времени тоже намѣренъ издать написанный имъ въ 4 частяхъ Романъ, *Черная женщина*.

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУКЪ. Г. Бабуринъ, Московскій купецъ и фабрикантъ, открылъ на нашей землѣ вещество, которое можетъ замѣнить на фабрикахъ чернильные орѣшки. Оно содержится въ растеніи, похожемъ съ виду на траву, называемую въ просторѣчїи кувшинникомъ, растущую во всѣхъ рѣкахъ и поймахъ, покрытыхъ водою, и извлекается изъ его зеренъ. Лучшее время для собиранія этихъ зеренъ есть Августъ мѣсяцъ. Академія Наукъ, подвергнувъ ихъ химическому испытанію, нашла въ нихъ дубильное начало, которое дѣйствительно можетъ отчасти замѣнить чернильные орѣшки. Дальнѣйшіе опыты обѣщаютъ увеличать это открытіе еще важнѣйшими слѣдствіями для пользы нашихъ фабрикъ,

КОРОЛЕВСКО - ФРАНЦУЗСКІЙ ИНСТИТУТЪ. Государь Императоръ, ревнуя къ пользѣ просвѣщенія и желая познать иностранцевъ съ богатствами нашей почвы, скрывающей въ недрахъ своихъ сокровища всѣхъ родовъ, Высочайше повелѣть соизволивъ, препроводить въ Парижскую Академію Наукъ полное собраніе Россійскихъ минераловъ. Оно доставлено въ Академію Посломъ нашимъ въ Парижъ, при письмѣ Г. Министра Финансовъ, Графа Е. Ф. Канкринъ, въ которомъ Его Сіятельство говоритъ, что Государю Императору угодно было показати этимъ участіе, принимаемое Имъ въ распространеніи круга Наукъ и сношеній между Учеными всѣхъ странъ. Этотъ великолепный даръ принять съ должною признательностію знаменитымъ сословіемъ, которое умевъ цѣнить всю его важность.

— Извѣстный испытатель Природы, Гё-Люссакъ, замѣтилъ, что Одесскій хлѣбъ, который несравненно превосходитъ хлѣба, родящагося во всѣхъ другихъ странахъ Европы, обязанъ симъ превосходствамъ большому количеству клейстернаго вещества (gluten), въ немъ заключающагося.

Обыкновенный Французскій хлѣбъ содержитъ въ себѣ 30 сотыхъ этого вещества, а Одесскій во крайней мѣрѣ 40. Г. Ге-Люссака, водъ названіемъ Одесскаго хлѣба, разумееть пшеницу, вывозимую изъ Россіи чрезъ Одессу.

— Сверленіе артезіанскихъ колодезей представляетъ явленія разнообразныя и иногда весьма удивительныя. Г. Герикарь-де-Тюри сообщилъ Академіи, что въ Конеліано, близъ Триеста, изъ артезіанскаго колодезя вдругъ появился огненный фонтанъ, вышиною футовъ въ 30 и шириною въ 6, который былъ около четверти часа. Нынѣ сообщены Академіи Наукъ нѣкоторыя подробности о явленіи, хотя не столь удивительномъ, но весьма достойномъ замѣчанія. Въ Бажской общинѣ, въ осьми верстахъ отъ Периньяна, сверлили колодезь. Когда бурованіе дошло въ глубину до 145 футовъ, изъ отверстія началъ бить водяной фонтанъ, образовавшій настоящій ручей, шириною въ два фута, а глубиною, среднимъ числомъ, въ четыре дюйма. Этотъ ключъ бьетъ съ такою силою, что кусокъ свинца въ восемь фунтовъ весомъ, опущенный въ пробурованное отверстие, былъ немедленно вытолкнутъ. Посредствомъ вертикальныхъ трубокъ ключъ сей былъ все выше и выше. Во время отправленія извѣстій объ этомъ явленіи, полагали, что высота фонтана можетъ дойти до 50 футовъ. Вода этого источника чиста, прозрачна, безцвѣтна, прѣсная; температура ея около 15° по Реомюру.

— Издавна замѣчена большая разница между лучами теплоты солнца и теплоты, происходящей отъ земныхъ источниковъ теплотвора: разность эта состоитъ въ томъ, что первые могутъ проникать сквозь стекло, ни сколько не ослабѣвая, между-тѣмъ, какъ другіе проходятъ сквозь то же вещество въ количествахъ почти незамѣтныхъ. Этотъ опытъ сдѣлать весьма неумудрено. Надобно только стать къ солнцу или къ камню, поставивъ передъ лицомъ широкое стекло: теплота солнца будетъ такая же, какъ и прежде, а жаръ отъ камня совсѣмъ нечувствителенъ. Это показываетъ, что работники на стеклянныхъ заводахъ не напрасно, какъ многіе полагали, держатъ передъ лицомъ кусокъ стекла, когда хотять посмотреть въ печь. Изъ многократныхъ опытовъ, произведенныхъ по сему предмету со стекломъ и другими прозрачными тѣлами, Г. Меллони заклю-

часть, что явленіе сіе зависить не отъ существенной разности между теплою солнечною и земною, но отъ того, что теплота того и другаго происхожденія состоитъ, какъ и свѣтъ, изъ различныхъ лучей, и что лучи одного рода находятся не въ одинаковой пропорціи въ обихъ теплотахъ.

— Академія Надписей и Словесности, по предложенію Правительства, занимается теперь преимущественно изслѣдованіемъ всего относящагося къ древнему быту Мавританіи, часть которой, нынѣшній Алжиръ, поступила, какъ извѣстно, во владѣніе Франціи. Греческіе, Латинскіе, Арабскіе и Испанскіе писатели общають обильную жатву любопытныхъ свѣдѣній объ этой, доселѣ малозвѣстной, странѣ, и труды ученаго сословія безъ сомнѣнія принесутъ важную пользу Географіи и Исторіи.

ПЯТЬ ГЛАВНЫХЪ ГОРОДОВЪ ЕВРОПЫ. Помыщаемъ здѣсь, для любопытства нашихъ читателей и соображеній лицъ, занимающихся Статистикою и Политическою Экономіею, сравнительную таблицу числа домовъ и народонаселенія пяти главнѣйшихъ городовъ Европы, Лондона, Парижа, Петербурга, Неаполя и Вѣны.

	Число домовъ.	Народонаселеніе.
Лондонъ	174,000.	1,000,000.
Парижъ	45,000.	939,762.
Петербургъ	9,500.	449,368.
Неаполь	40,000.	360,000.
Вѣна	7,500.	300,000.

Не имѣя достовѣрныхъ свѣдѣній о подробностяхъ народонаселенія Лондона, Неаполя и Вѣны, мы должны ограничиться сравненіемъ ихъ только по двумъ городамъ, Петербургу и Парижу: оно представляетъ много достойнаго примѣчанія.

	Петербургъ	Парижъ
Духовенства	2,118.	—
Дворянъ	34,079.	—
Чиновниковъ	—	20,280.
Учащихся	—	47,000.
Военныхъ	39,437.	36,500.
Иностранцевъ	7,199.	—

Купцовъ.....	10,828.	—
Мѣщанъ	36,739.	—
Разночинцевъ	66,366.	—
<i>Rentiers</i>	—	372,200.
Слугъ.....	94,007.	97,600.
Мужиковъ	131,153.	—
<i>Gens sans aveu</i>	—	75,000.
Ремесленниковъ.....	24,179.	327,942.

Поверхность города Парижа заключаетъ въ себѣ 3¹/₂,396,800 квадратныхъ метровъ; самая большая длина города, 6,000 метровъ, или 6 верстъ. Народонаселеніе его въ 1791 году было 610,620; въ 1804 году, 547,756; въ 1817 году, 713,966; въ 1825 году, 890,431; въ прошломъ 1833 году оно дошло до 959,762 душъ, не считая военныхъ, которыхъ обыкновенно находится въ Парижъ отъ 25 до 36 тысячъ человекъ.

ТОРГОВЛЯ БАЛТИЙСКАГО МОРЯ. Движеніе кораблей на Балтійскомъ Морѣ, на которомъ торговля съ Россією составляетъ главный предметъ купеческаго судоходства, заслуживаетъ въ особенности вниманіе нашихъ Политическихъ Экономистовъ. Вотъ сравнительная таблица числа судовъ, переходившихъ черезъ Зундъ въ теченіе трехъ послѣднихъ годовъ въ первыя полугодія, то есть, съ 1 Января по 1 Июля:

Въ 1831	7,195.
— 1832	5,572.
— 1833	4,473.

Торговля Балтійскаго Моря очевидно уменьшается годъ отъ году. Разница перехода кораблей черезъ Зундъ, между первыми полугодіями прошлаго 1833 года и третьяго 1832 года, простирается до 1100 судовъ, а между 1835 и 1831 до 2722 судовъ, что составитъ круглымъ числомъ по 1360 судовъ въ годъ менше. Надобно думать, что спекуляція Лондонской, Гамбургской и Амстердамской Биржъ обратилась въ другую сторону, ибо въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ истекшаго года однихъ Голландскихъ судовъ прошло черезъ Зундъ 691 менше, нежели въ тѣ же мѣсяцы 1832 года, когда Голландскіе берега были заперты блокадою; Ганноверскихъ, Норвежскихъ и Мекленбургскихъ, 275 мсите; Англійскихъ 13¹/₂ то же менше. Напротивъ того, Пруссія значительно увеличила свою Атлантическую торговлю:

Прусскія купеческія корабли прошло 116 болѣе, чѣмъ въ 1832 году. Число Русскія переходовъ уменьшилось только 15 судами.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Въ теченіе прошлаго года на здѣшнихъ театрахъ играны были четыре новыя Русскія пьесы, и около пятнадцати вновь переведенныхъ съ разныхъ иностранныхъ языковъ. Между первыми въ особенности должно упомянуть о Драмѣ безымяннаго сочинителя, подъ названіемъ *Торквато Тиссо*, разборъ которой помѣщенъ въ V-мъ отдѣленіи этого Журнала. *Суженый жерлаженный*, бенефисное сочиненіе почтеннаго ветерана нашей драматургіи, Кн. А. А. Шаховскаго, было, кажется, предназначено познакомить насъ съ особеннымъ родомъ драматическихъ сюжетовъ, которымъ пресловутый Ансело надѣляетъ Парижскую публику, — съ картинами такъ называемыхъ «временъ Регентства». *Подмосковныя проказы*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, увѣнчался одинъ полнымъ, и даже заслуженнымъ, успѣхомъ. *Молодая маркизантка*, романтическое представленіе въ двухъ сѣткахъ, заимствованное изъ прекрасной повѣсти, недавно вышедшей въ Русскомъ переводѣ, есть четвертое и послѣднее оригинальное произведеніе, заслуживающее занять на нѣкоторое время мѣсто въ репертуарѣ, ибо о пятомъ; *Утро столыпнаго старика*, мы умалчиваемъ изъ учтивости.

Драма *Гусситы подъ Наумбургомъ*, переведенная съ Нѣмецкаго, и Трагедія известнаго Дюма, *Италіанка, или Ядъ и кинжалъ*, суть единственныя двѣ важныя пьесы, приобретенныя въ теченіе года отъ иностранной сцены для нашего театра. Прекрасная Драма Скриба, *Родольфъ, или Братъ и сестра*, была также переведена и разыграна, но не разслышана. Еще одна большая пьеса: *Ричардъ Дарлингтонъ*, Драма съ палачемъ, — слѣдственно прекрасная Драма. Она говоритъ сама въ свою пользу. Вотъ, кажется, все, что было по части Драмъ?..... Да! еще была Драма, *Ницца*, или *Ницца* Драма: хорошо не упомяну названія. Но болѣе Драмъ не было, — то знаю наизусть!

Двѣ переводныя Комедіи, *Неравный брак, или Семейство Рикевуръ*, — *Отецъ и сынъ* (*L'escroc du grand monde*) и десятокъ переводныхъ Водевильей, между которыми

слѣдуетъ отличить: *Артистъ*, — *Астрономическія бредни*, — *Два мужа*, — *Поцѣлуй по вѣселю*, — *Женская ненависть*, — *Каминь 1748 года*, — *Луиза*, или *Свадьба по судейскому приговору*, — и *Минимя Г-жа Мелась*, — довершаютъ кругъ нашихъ сценическихъ новостей.

По части музыкальныхъ представленийъ были всего три новыя, и то бенефисныя Оперы: *Вампиръ*, Маршнера, Седенова *Сумбурищица жена* (*La métamorphose des femmes — Le donne cambiate*), и *Метафастазіевы Китайскія дѣвицы* (*Le Chinoise*), для которыхъ бенефициантъ, Г. Солива, сложилъ музыку. Посчастію, три прекрасныя Балета великолѣпнѣемъ и разнообразностью зрѣлища нѣсколько вознаградили музыкальный неуражай истекшаго года: *Марсъ и Венера*, — *Нина*, или *Сумасшедшая отъ любви*, — и *Амуръ въ деревнѣ*, представленный при открытіи небольшого, но прелестнаго Михайловскаго театра, построеннаго А. П. Брюкловымъ, братомъ знаменитаго Живописца, восхитили публику. *Фюльбертъ*, Балетъ въ одномъ дѣйствіи, спасся только блестящими давленіями ногъ Г-жъ Пейссаръ и Зубовой, и Гг. Алексиса и Дидье.

О *Драматическихъ Интермедіяхъ* мы намѣрены говорить въ журнальныхъ интермедіяхъ, между выходомъ въ свѣтъ книжекъ «Библіотеки для Чтенія», но въ самомъ Журналѣ не скажемъ объ нихъ ни слова.

ВАЖНОЕ СОБЫТІЕ ВЪ РОМАНТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Новѣйшая Французская Словесность, по страсти искать новыхъ пружинъ и производить новыя впечатлѣнія, а можетъ-быть и съ отчаянія, свернула съ прежняго пути въ сторону. Прощайте, висѣлицы! Прощайте, тюрьмы и эшафоты! Теперь ужъ не увидимъ мы болѣе на сценѣ ни палачей, ни вѣдьмъ, ни чертей, ни прелюбодѣяній, ни злодѣяній, ни Наполеоновъ, ни игроковъ, ни пытки. Адъ уже вышелъ изъ моды. Угадайте же, что теперь владычествуетъ во Французской Словесности? Мертвецы? — Фи! это старина, дурной вкусъ! — Разбойники? — нѣтъ! Ужась? — это ужъ слишкомъ вяло! Бьюсь объ закладъ, что вы не угадаете, что такое заступило ихъ мѣсто. Женщины!... Женщины овладѣли всѣмъ, — умомъ, ученостію, Новостію, Разказомъ, Романомъ, Философією, антиквар-

ствомъ, спеною, и даже властію. Дамы господствуютъ и берутъ верхъ надъ мужчинами въ Испаніи и Португаліи; дамы вырываютъ перо изъ грязныхъ рукъ мужчинъ; дамы прогнали со сцены палачей и чертей. И этотъ неожиданный переворотъ произошелъ не по обыкновенной уступчивости нашей братьи, мужчинъ, не по свойственной Французамъ въживости къ прекрасному полу, не по какому - нибудь стеченію непредвидимыхъ обстоятельствъ. Отнюдь нѣтъ! Это сладствіе обширнаго, глупо соображеннаго заговора дамъ противъ мужчинъ, явное и страшное возстаніе красавицъ противъ своихъ обожателей, которые, взявшись забавлять ихъ своими твореніями, только пугали ихъ воображеніемъ, пресыщали ихъ скукою и ужасомъ, забрызгивали ихъ балльные наряды кровью и грязью изъ своихъ перьевъ.

Прежде всего, огромная толпа умныхъ и миленькихъ дамъ, съ прекрасными именами, — толпа Юліи, Эмилии, Эвелинъ, Алинъ, Виргиніи, Анаисъ, Изабелль, Софіи, Гортензій, Розъ, Меланій, Лизъ, Элизъ, Эрнестинъ, Дженни, и прочая, и прочая, — собралась въ условленномъ мѣствѣ, однажды, ввечеру, передъ баломъ, выславъ мужей и прислужниковъ въ театръ, смотрѣть, когда угодно, страшную, отвратительную Драму Виктора Гюго. Сами онѣ, по данному знаку, вооружились золоченными, раздушенными перьями, и ударили всѣми силами на неучтивый, оборватный, развратный полкъ сказочниковъ и повѣствователей, командуемый Гг. Бальзакомъ, Жаненомъ, Жакобомъ-Библиофиломъ, Мишель-Ремономъ; ударили, и разбили его въ прахъ, разсыпали, уничтожили, выстрѣливъ въ него цѣлыми шестью томами Повѣстей, сочиненныхъ самими заговорщицами и изданныхъ подъ заглавіемъ *Вечерніе часы, книга женщинъ*, (*Les heures du soir, livre des femmes, 6 vol. in-8. 1833*). Въ этой книгѣ лучшая Повѣсть есть сочиненіе дамы, которая уже издала нѣсколько Романовъ и скрывается подъ вымышленнымъ именемъ Георгія Занда. Содержаніе этой Повѣсти весьма просто. Это исторія Сира Ліонеля, который любитъ Люцинію, потомъ разлюбливаетъ ее, потомъ снова въ нее влюбляется; но все это написано съ умомъ, съ чувствомъ, съ приличіемъ, Хвалятъ также Повѣсти Г-жъ Анаисы Сегаласъ, Татю,

Элизы Меркеръ, и наконецъ Г-жи Менессье, дочери Карла Подье, женщины необыкновенной, которая пишетъ прелестные романсы, сочиняетъ для нихъ прелестную музыку, и сама прелестно поетъ ихъ.

Послѣ такого важнаго пораженія романистовъ, другая грозная колонна въ розовыхъ лентахъ и черныхъ блондахъ ударила на сонливыхъ и скучныхъ Ученыхъ.

Г-жа Викторина де-Шатне издала недавно, въ 4 т., книгу объ Азiи, творенiе важное, которое, по отзыву Французскихъ журналистовъ, могло бы выйти подъ именемъ Абель-Ремюза или Шампольона. Г-жа де-Шатне представляетъ полную картину Азiи, ея различныя вѣроисповѣданiя, философскiя системы, преданiя, происхожденiе и переселенiе народовъ, въ ней обитающихъ, ея Историю и Литературу, съ глубокой древности до нашего времени. Составленiе подобнаго творенiя предполагаетъ разысканiя, которыя могли бы устроить самаго трудолюбиваго и терпѣливаго мужчину. Г. Сильвестръ де-Саси отзывается съ большею похвалою объ этой книгѣ въ *Journal des Savans*.

Другая дама, — и, что еще замѣчательнѣе, — дѣвушка шестнадцати лѣтъ, Элоиза Пилларъ, написала Похвальное Слово знаменитому Кювье, которое удостоено одною Академiею похвальнаго отзыва.

Третья женщина, Г-жа Ли, издала *Бiографическiя Записки о Баронѣ Кювье*. Г-жа Ли супруга известнаго Англiйскаго путешественника. Любовь къ Наукамъ познакомила ее съ знаменитымъ Французскимъ Естествоиспытателемъ, и это знакомство превратилось по-времени въ нѣжную дружбу, которая продолжалась до самой кончины Барона Кювье. Г-жа Ли была весьма хорошо знакома со всемъ его семействомъ, и потому знала всю частную жизнь его. Записки, ею изданныя, весьма занимательны, тѣмъ болѣе, что кромѣ подробностей о самомъ Кювье, онѣ содержатъ въ себѣ разборъ всѣхъ его сочиненiй.

Наконецъ, еще одна дама, которая скрываетъ свое имя и написала уже нѣсколько Романовъ: *Осмондъ*, *Элиза Риверсъ*, *Маргерита Линдсей*, *Браки и сцены большаго септа*, издала нынче еще Романъ *Les voisins de l'autre côté*.

Замѣчательно то, что во всѣхъ этихъ Романахъ развита одна господствующая мысль. Сочинительница, какъ видно, придерживается Англійскаго методизма, и во всѣхъ своихъ твореніяхъ излагаетъ нравственное ученіе этой секты, объясняя его примѣрами жизни вымышленныхъ ею лицъ. Какъ бы то ни было, но женщина, которая въ состояніи проникнуться одною идеею до того, чтобы развѣивать ее во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, должна быть женщина необыкновенная.

Королевско-Французскій Институтъ затрепеталъ всѣмъ своимъ составомъ, смѣкнувъ, какую опасностію грозитъ всѣмъ пяти Академіямъ подобное вторженіе свѣтлой любезной учености въ мрачную область педантства. Многие Члены привязали платками академическіе парики свои къ головамъ, боясь, чтобы чернобровыя и бѣлокурыя ихъ соперницы не сорвали этихъ заветныхъ париковъ и не надѣли ихъ себѣ на чепчики, когда Гг. Академики будутъ дремать въ конференцъ-залѣ. Литераторы, записные клеветники добродѣтели беззащитнаго пола, тираны своихъ любовницъ и своихъ читателей, ультра-мужчины во всѣхъ отношеніяхъ, видя упадокъ мужской славы и власти, съ досады, съ отчаянія, написали на счетъ дамъ презлой Водевиль, подъ названіемъ *Женское Царство*, Le royaume des femmes, въ которомъ Царь женщина, Министры женщины, Генералы женщины, солдаты, гренадеры, драгуны, уланы, барабанщики, флейщики, тамбуръ-мажоры, шпионы, допощики, измѣнники, — женщины. Какая глупая шутка!..... Какъ будто женщины измѣняютъ комунибудь! Въ этомъ Женскомъ Царствѣ мужчины исправляютъ, — и, говорятъ, довольно удачно, — должность сплетницъ, кумушекъ, тетушекъ, модистокъ, горничныхъ, кухарокъ, нянчатъ ребятишекъ, доятъ коровъ, щупаютъ куръ, играютъ въ куклы, капризничаютъ, — только не рожаютъ дѣтей. Литераторы новой школы и всѣ вообще мужчины, основывали расчеты свои преимущественно на этой пьесѣ: они надѣялись однимъ ударомъ разрушить планы дамскаго заговора, остановить стремленіе враждебнаго пола къ овладѣнію Словесностію и Науками, предать посяганію обнаруженное имъ желаніе первенствовать во всемъ и учить своихъ мужей и любовниковъ уму, остро-

умію и вкусу. Они съ нетерпѣніемъ ожидали перваго представленія этого Водевилья, для котораго театръ нанялъ несмѣтное число актрисъ и фигурантокъ. Но и тутъ победа осталась на сторонѣ дамъ, къ крайнему разстройству мужчинъ, къ крайнему пострамленію ихъ пріятелей, романтиковъ: ни одна дама не поѣхала въ театръ, и мужчины остались съ ними дома, у ихъ ногъ, въ гостиныхъ и уборныхъ. Водевиль упалъ, за неизмѣнимъ слушателей. Два романтика, изъ числа самыхъ отчаянныхъ и неустовыхъ, застрѣлились; пятеро, въ изступленіи, обрили усы и бакенбарды; одинъ, не зная, куда съ стыда дѣваться, сдѣлался даже умнымъ и разсудительнымъ писателемъ.

Торжествуя такую блистательную побѣду, Герцогиня Абрангская, храбрая супруга покойнаго Маршала Жюно и одна изъ главнѣйшихъ заговорщицъ, рѣшилась тотчасъ воздвигнуть нетлѣнный памятникъ своему полу, чтобы передать позднѣйшимъ вѣкамъ вѣсть объ этомъ необычайномъ событіи, и еще болѣе унизить мужчинъ въ глазахъ вселенной. Она объявила во всехъ газетахъ, что издастъ великолѣпное твореніе, подъ заглавіемъ *Знаменитыя женщины всѣхъ народовъ, изъ жизнеописанія и портреты*: *Les femmes célèbres de tous les pays, leurs vies et portraits*. Оно будетъ состоять изъ 60 тетрадей: подписная цѣна каждой тетради 4 франка; каждый мѣсяцъ будетъ выходить по одной тетради, содержащей въ себѣ кромѣ текста, 4 отлично литографированные портрета, работы лучшихъ Парижскихъ и Лондонскихъ художниковъ.

Послѣ этого всѣ романтики, мужья и женихи, пришли въ совершенное уныніе. Одинъ только Тальони, извѣстный Парижскій балетмейстеръ, ловко нашелся въ этомъ случаѣ. Видя, что женщины рѣшительно побѣждаютъ, онъ, по обычаю многихъ умныхъ людей, присталъ къ торжествующей сторонѣ, сочинилъ Балетъ, *Бунтъ въ сѣралахъ*, *La révolte au sérail*, въ которомъ наши прелестныя подруги, созданныя быть нашими утѣшительницами, бьютъ насъ, разбиваютъ, обращаютъ въ бѣгство, преслѣдуютъ съ саблею въ рукѣ, съ барабаннымъ боемъ, по всемъ правиламъ военнаго искусства, которое мы, на бѣду свою, выдумали и усовершенствовали. И предводи-

тельница мятежнической арміи въ этомъ походѣ противъ мужскаго пола — родная дочь балетмейстера, знаменитая красавица и танцовщица, дѣвица Тальони!..... Не возможно было избрать для командованія дѣйствующею арміею искуснѣйшаго генерала и ливнѣйшаго врага нашего пола.

Вотъ, какъ Г. Тальони сочинилъ балетъ свой. Г. Тальони потребовалъ женщинъ, какъ можно болѣе женщинъ, лентъ, кружевъ, тюбановъ, шелковыхъ чулокъ, множества голыхъ плечъ, множество рукъ, одѣтыхъ такъ же какъ и плеча. Ему дали женщинъ, сколько ему хотѣлось; женщинъ молоденькихъ, хорошенькихъ, стройныхъ, развѣтливыхъ, незастрѣченныхъ. Любезный Тальони! тебѣ надобно женщинъ? Вотъ тебѣ женщины! Вотъ еще женщины! И женщины являются къ нему, какъ идеи къ Нѣмецкому поэту, скачками и прыжками, съ земли и съ неба, справа и слева, хлопьями какъ снѣгъ, ливнями какъ дождь, каскадомъ какъ потокъ. А! ты хочешь идей, поэты? А! ты хочешь женщинъ, хореграфъ? Вотъ тебѣ идеи, вотъ тебѣ женщины; теперь изволь привести ихъ въ порядокъ, расположить, какъ тебѣ угодно, извлечь изъ нихъ пользу: только тогда будешь ты поэтомъ и хореграфомъ.

Надобно признаться, что получивъ всѣ эти идеи, Г. Тальони употребилъ ихъ, какъ нельзя лучше. Теперь, что жъ ему изъ нихъ сдѣлать? Хороводъ? шабашъ вѣдьмъ? сельскую картину? Нѣтъ, нѣтъ! онъ сдѣлаетъ изъ нихъ армію. Да, женскую армію; это надежнѣе.

Сказано, сдѣлано. Барабаны бьютъ тревогу. По ружью женщинамъ въ руки, — и онѣ учатся по темпамъ. На плечо! — На караулъ! — Маршъ! — Правой! лѣвой! — Правой! лѣвой! — Ура, генераль-дѣвица Тальони!

Затѣмъ оставалось сдѣлать самое пустое: придумать содержаніе Балета. И, что всего замѣчательнѣе, Тальони человекъ необыкновенный только потому, что у него дочь Г-жа Тальони, сочинилъ балетъ прелестный!

Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи. Тамъ есть нѣкто Магометъ, Царь Гренадскій, Магометъ. Разумѣется, что если бъ Г. Тальони нашелъ имя приличнѣе, танцоватьнѣе этого, онъ бы назвалъ своего Царя иначе. Въ службѣ Ца-

ря Гренадскаго состоитъ знаменитый Исмаиль. Въ этотъ день Исмаиль одержалъ знаменитую побѣду надъ Кастильцами, — вѣчными непріятелями Мавровъ, какъ говоритъ Г. Тальони въ своей программѣ. Тутъ поэма Г. Тальони приостанавливается, — и, право, эта поэма стоитъ Флоріана Гонзалва Кордуанскаго, котораго, во время оно, такъ расхваливали.

Декорация представляетъ дворець Алгамбрскій; на среднемъ планѣ видите вы *Львиный дворъ*, надъ чимъ тянется легкая, прелестная галерея. Раздаются звуки военной музыки, побѣдитель Исмаиль входитъ, и начинается празднество.

Празднество прелестное. Весь гаремъ прибѣгаетъ на сцену; всѣ женщины предаются радости. Но между ними недостаетъ одной, — любимой Султанши Зульмы. Зульма не могла утѣшиться объ отшествіи Исмаиломъ; въ скорби своей, она сидѣла одна взаперти. Султанъ приказываетъ позвать Зульму, и Зульма является. — О боги! Зульма узнаетъ Исмаила, Исмаиль узнаетъ Зульму. Тутъ начинаются пляски пуще прежняго, и драма забыта: двѣица Тальони и Г. Перро танцуютъ *pas-de-deux*.

Вы можете вообразить, что Г. Тальони, человекъ смысленный, продолжаетъ эти танцы, какъ можно болѣе. Онъ не самолюбивъ; онъ не дорожитъ своею драмой. Что ему за надобность, что Султанъ скучаетъ, сидя на тронѣ, — когда дочь его танцуетъ? Что ему за надобность, что придворные Царя Гренадскаго ногъ подъ собой не слышать, стоя на одномъ мѣстѣ такъ долго, — когда Г-жи Нобле и Монтессю танцуютъ? Что ему за надобность, что драма его вдругъ останавливается, — когда онъ можетъ пустить кого-нибудь танцовать? По мнѣ, Г. Тальони правъ: его дѣло, главная, единственная его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы всѣ эти прелестныя женщины танцовали, танцовали, какъ можно болѣе. По окончаніи дивертиссемента, Магометъ взлѣзаетъ на слона, и отправляется въ мечеть благодарить Аллаха за побѣду.

Во второмъ дѣйствіи вы видите купальню. Прелесть и великолѣпіе! Подъ кіоскомъ, окруженнымъ легкими колоннами, стоитъ бѣлая мраморная ванна, и въ ней ку-

паются восемь танцовщицъ. Вода прозрачна; купальщицы бьлы какъ мраморъ бассейна; вы видите роскошные ихъ плеча, которыя то появляются, шо вмигъ исчезаютъ. Тутъ опять Г. Тальони останавливаетъ свою драму, чтобы заставить танцовать весь гаремъ. Первая Одалька, выходящая изъ купальни, — дѣвица Тальони. Невольницы обсушиваютъ и одѣваютъ ее. Опять и опять танцы, но танцамъ долженъ же быть конецъ, и Г. Тальони призываетъ къ себѣ на помощь волшебство. Бѣдная невольница продаетъ Зульму очарованный букетъ.

Зульма хочетъ, чтобы подруги ея были свободны, чтобы онѣ вооружились, и букетъ превращается въ пучъ копій; полки образуются; начинается ученье; Зульма командуетъ этою легкою пехотою. Но въ самомъ пылу ихъ воинственныхъ упражненій, является начальникъ енуховъ. Испуганный Массуфъ бѣжитъ къ Султану *донести о происходлящемъ*. Магометъ приходитъ съ вооруженною стражею. Но, о чудо! копыя превратились въ лиры. Вся эти женщины, которыя только-что дѣлали на-караулъ, поютъ и играютъ; Массуфъ въ смущеніи; успокоенный Магометъ уходитъ. Но тутъ лиры превращаются въ копыя, стѣны сераля рушатся, на рѣкъ, которую Г. Тальони называетъ Хенилемъ, являются позлащенные суда; вся женская армія садится на корабли и вѣрбается дуновению вѣтровъ. Ничто не можетъ быть великолѣпнѣе блестящаго солнца, освѣщающаго Хениль, позлащенныхъ кораблей, нагруженныхъ женщинами, — и зрители спрашивали себя: что же будетъ послѣ этого?

Послѣ этого было третье дѣйствіе, ночь. Мы посреди Алпухаръ, цѣпи горъ, лежащей близъ Хениля. Вся армія Зульмы покоится подѣ открытымъ небомъ; мѣстами пылаютъ бивачные огни, по стану ходятъ патрули, вдали раздаются оклики часовыхъ; женщины — саперы строятъ палисады; главный штабъ и генералы, подавая солдатамъ образецъ бдительности, ложатся послѣдніе; главнокомандующій Зульма спитъ, какъ и простые солдаты, на голой землѣ. Между-тѣмъ, какъ ни хорошо охранялся этотъ лагерь, но въ него пробирается мужчина. Мудрено ли: это станъ женскій! Этотъ молодой человекъ, — Исмаиль.

Онъ видитъ Зульму. Онъ похищаетъ волшебный ея букетъ, и пробуждаетъ ее поцелуемъ. Исмаиль приноситъ отъ Султана мирныя предложенія.

Исмаиль уходитъ. На востокъ брежетъ заря. Станъ подымается. Главнокомандующій Зульма дѣлаетъ смотръ своей арміи. Ничто не можетъ быть прелестнѣе этихъ эволюцій.

Мужество женской арміи устрашаетъ Магомета: онъ сдается на капитуляцію, и соглашается заплатить контрибуцію, приносить великолѣпные дары: золотыя ткани, богатыя ожерелья, блестящія покрывала, браслеты съ драгоценными камнями. При этомъ видѣ, солдаты и офицеры оставляютъ ряды, всѣ стремятся къ подаркамъ. Неосторожныя вопли! Вѣроломный Магометъ приказываетъ своимъ стражамъ захватить покинутое оружіе, — и бѣдныя Одадыки въ пѣну. Зульма лишилась цѣвтка, которому обязана была своимъ могуществомъ. Вдругъ, Исмаиль приноситъ похищенный имъ букетъ. Тутъ раздается громъ, земля потрясается, горы рушатся, являются великолѣпно освѣщенные сады и дворецъ Хенералифскій, и геній покровитель женщинъ соединяетъ Зульму съ Исмаиломъ; восхищенные зрители аплодируютъ.

Этотъ великолѣпный, истинно волшебный Балетъ привлекаетъ теперь всю Парижскую публику, которая не можетъ наглядѣться на блистательныя военныя эволюціи, марши и контрмарши, ученья съ оружіемъ и барабаномъ, тысячи очаровательныхъ женщинъ. Дамы торжествуютъ, и плещутъ бѣленькими, пѣжными ручками. Да здравствуютъ дамы! Ура, спасительницы! Дамы избавятъ Европу отъ неистовствъ романтизма, безвкусія мужчинъ и всеобщей скуки. Кто бы, еще въ началѣ этого года, могъ предвидѣть такую благодѣтельную революцію!.....

НОВАЯ КОМЕДИЯ СКРИВА. За нѣсколько лѣтъ предъ снмъ, неистощимый водевиллистъ Г. Скрибъ вздумалъ написать Комедию въ пяти дѣйствіяхъ, и эта Комедія не стояла даже и посредственныхъ его Водевилей. Нынче онъ снова принялся за комедіи, и въ этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ. Его *Бертранъ и Ратонъ, или Искусство производить заговоры,*

привлекаеть теперь въ первый Французскій театръ лучшую Парижскую публику.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ вышелъ въ Парижъ Романъ, Струэнзе, и этотъ Романъ подалъ Г. Скрибу основную идею его Комедіи. Въ первыхъ явленіяхъ Авторъ весьма искусно объясняетъ положеніе всѣхъ честолюбцевъ, которые вертятся около Струэнзе, одни чтобы воспользоваться его могуществомъ, другіе чтобы его ниспровергнуть. Тутъ вы узнаете вдовствующую Королеву Марію-Юлію, которая почти явно стремится овладѣть верховною властію, отнявъ ее у слабаго Христіана VII, истощеннаго распутствомъ; отставнаго Полковника Голера, который готовъ вступить въ заговоръ, потому, что правительство не приняло услугъ его, намѣреваясь впрочемъ измѣнить заговорщикамъ, если это окажется выгоднымъ; Графа Бертра на Ранцау, стараго придворнаго, тонкаго дипломата, который играетъ только на-вѣрняка и мастеръ употреблять другихъ для достиженія своей цѣли. Графъ скоро овладѣваетъ и вдовствующею Королевою и недовольнымъ Полковникомъ; завербовываетъ купца, Ратона Бургерштафа, который воображаетъ себя государственнымъ человѣкомъ, и даже сына его, который влюбленъ въ благородную дѣвицу и, оскорбленный дворяниномъ, не можетъ получить удовлетворенія.

Съ другой стороны этому тонкому заговорщику противопоставленъ только Графъ Фалкенридь, товарищъ его по министерству, полѣтникъ близорукой, который ищетъ связей и хочетъ выдать дочь свою за знатнаго молодаго чловека, Барона Коллера, пустаго вертопраха, известнаго только тѣмъ, что онъ хорошо танцуетъ; но дѣвица Фалкенридь любитъ бывшаго секретаря отца ея, Эрика Бургерштафа, сына купца Ратона Бургерштафа.

Въ первыхъ двухъ актахъ обрисовываются характеры всѣхъ этихъ лицъ; сверхъ того въ первомъ приготовляется дѣйствіе, начинающееся во второмъ. Отъ Двора мы переходимъ въ домъ Г. Ратона Бургерштафа, и знакомимся съ двумя новыми лицами: женою Ратона, женщиною благоразумною, которая смѣется надъ глупымъ честолюбіемъ своего мужа, и Іоганномъ, прикащикомъ, лицомъ, которое въ другихъ мѣстахъ не существуетъ, а въ Парижѣ весьма обыкновенно.

Это молодой человекъ, который мѣшается во все возмущеніе только потому, что любить шумъ и тревогу. Въ этотъ день, Іоганъ потираетъ себя съ радости руки; онъ видѣлъ на улицахъ волненіе, слышалъ мятежные крики; онъ надеется, что будетъ хоть небольшое возмущеніе, и что купцы принуждены будутъ запереть лавки. Графъ Ранцау сказалъ Эрику, что отца его, противъ котораго Графъ самъ возбудилъ подозреніе правительства, хотѣтъ взять подъ стражу, и Г-жа Бургерштафъ уговариваетъ мужа скрыться съ Іоганномъ въ домъ одного изъ ихъ друзей.

Дорогой, двое полицейскихъ чиновниковъ учтиво приглашаютъ Ратона пожаловать съ ними къ судѣ; онъ бы и не прочь, но Іоганнъ на это не согласенъ. Іоганнъ начинаетъ кричать: Помогите! помогите! хозяина моего берутъ подъ стражу! хозяина моего хотѣтъ засадить въ тюрьму! И вотъ Г. Ратонъ дѣлается угнетенною невинностью, потомъ народнымъ героемъ, потомъ народнымъ предводителемъ: потомъ, его освобождаютъ, отводятъ домой при восклицаніяхъ мятежной толпы, которая оскорбляетъ всякаго, кто кажется ей дворяниномъ или кто ѣдетъ въ каретѣ. Это волненіе заставило дѣвицу Фалкенридъ, дочь министра, укрыться въ магазинъ Г. Ратона, и отдаться подъ покровительство Эрика, который подоспѣлъ во время, чтобъ защитить ее отъ мятежной толпы. Г. Ратонъ охотно покорствуеъ новой своей важности, и даже, говорить онъ съ скромностію, приметъ народное торжество, которое ему готовить.

Когда народъ разошелся, Г. Ратонъ обратилъ вниманіе на Графа Ранцау, который, по обещанію своему, принесъ Іоганну дипломъ на чинъ поручика. Г. Ратонъ принимаетъ также подъ свое покровительство молодую Графиню, и позволяетъ сыну проводить ее домой. Графу Ранцау нужно пятнадцать аршинъ бархату, но Г. Ратону некогда ихъ отмѣривать: онъ занятъ приготовленіями къ пиру, который намѣревается дать своимъ товарищамъ, кунцамъ, и ѣдетъ въ завѣтный погребъ достать вина; но Графъ, которому хотѣлось бы снова возбудить въ народѣ волненіе, запираетъ его въ погребу. Народъ приходитъ, чтобъ вести Г. Ратона на торжество, и нигдѣ его не находитъ. Отъ этого распространяется слухъ, будто онъ похищенъ по приказанію Двора, и мятежники кричатъ: измена! къ оружію!

Новое возстаніе прекращается. Министры отдыхаютъ. Но въ народъ захватили двухъ возмутителей, агентвъ вдовствующей Королевы, и Полковникъ Голеръ, чувствуя, что его поведеніе можетъ быть узнано, доносить правительству о заговорѣ, въ которомъ онъ самъ былъ главнѣйшимъ зачинщикомъ; онъ объясняетъ, что Министровъ, которые въ этотъ день всѣ обѣдали у Графа Фалкенрида, намѣревались взять подъ стражу. Полковника, въ награду за этотъ доносъ, назначаютъ командиромъ гвардіи, и рѣшаютъ позволить мятежникамъ приступить къ исполненію своего предпріятія и потомъ захватить ихъ на дѣлѣ. Но Графъ Ранцау уведомляетъ объ этомъ заговорщиковъ.

Между тѣмъ Эрикъ, гордясь своими эполетами, снова вызываетъ соперника своего Коллера на дуэль и приходитъ къ нему въ домъ Министерства. Тамъ не находятъ онъ никого, кромѣ дѣвицы Фалкенриды, и между ними происходитъ трогательное объясненіе. Эрикъ хочетъ уйти, но домъ окруженъ войсками, и Эрикъ принужденъ спрятаться въ комнату дѣвицы Фалкенриды. Полиція ищетъ одного изъ заговорщиковъ, который долженъ быть тутъ; отворяютъ комнату молодой Графини, и Эрикъ, чтобъ спасти честь ея, объявляетъ, что онъ заговорщикъ. Его судятъ и приговариваютъ разстрѣлять въ теченіе 24 часовъ.

Графъ Ранцау пользуется и этимъ обстоятельствомъ. Теперь доказано, что заговоръ существуетъ, и вдовствующая Королева, которая необходимо подвергнется подозрѣнію, должна, для собственной своей безопасности, спасти осужденнаго; притомъ народъ, который возмутился для освобожденія отца, конечно возмутится для того, чтобы избавить сына отъ смерти. Суды протестуютъ противъ осужденія Эрика Военною Коммиссіею, и Графъ Ранцау пользуется случаемъ показать себя приверженцемъ народа. Онъ подаетъ въ отставку, когда повелѣніе объ отрѣшеніи его отъ должности было уже почти подписано. Между-тѣмъ какъ Министры и Королева Матильда, супруга Христіана VII, предаются радости, думая, что они совершенно обезопасены открытіемъ заговора, и готовятся къ великолѣпному балу, вдовствующая Королева Марія-Юлія, по совѣту Графа Ранцау, приходитъ къ слабому Христіану и заставляетъ его подписать повелѣніе о задержаніи Королевы

Матильды и Струзизе. Но кто же исполнитъ это повелѣнiе, когда начальника гвардiи, Полковникъ Голеръ излеса задержать по другому повелѣнiю Королеву Марiю-Юлию? — «Тотъ же Голеръ, говоритъ Графъ Ранцау; я заставляю его.» У вдовствующей Королевы есть письменныя доказательства участiя Голера въ заговоръ. Ранцау показываетъ ему эти бумаги, и говоритъ: «Полковникъ, выбирайте между повелѣнiями Короля и Струзизе; но ежели Струзизе восторжествуетъ, то эти бумаги уничтожатъ завтра же ваши сегодняшнiя заслуги.» Голеръ рѣшается.

Между-тѣмъ при Дворѣ балъ; Графъ Фалленрихъ и дочь его уѣзжаютъ первые. Во дворецъ ожидаетъ молодую Графиню Г-жа Бургерштафъ; мужъ ея пошелъ возмущать народъ, а она проситъ Графиню спасти Эрика. Графиня рѣшается пожертвовать даже честiю, чтобы избавить несчастнаго Эрика отъ смерти. Она пишетъ къ Королеву письмо, въ которомъ объясняетъ, какимъ образомъ Эрикъ попалъ въ ея комнату. Но отецъ ея видитъ это письмо и хочетъ вырвать его изъ рукъ ея. Тутъ начинается трогательная борьба между отчаянiемъ дочери и неумолимымъ эгоизмомъ отца; между тѣмъ день занимается, слышенъ барабанный бой. Это знакъ казни Эрика!

Вдругъ, поднимаются ужасные крики. Коллеръ вбѣгаетъ въ бальномъ платьѣ. Что же такое случилось? «Пронсшествiя, совершенно невозможны!» говоритъ Коллеръ, — потому, что онъ предупредилъ ихъ: «революцiя, Королева Матильда и Струзизе подъ стражею!» Приходитъ Графъ Ранцау и подтверждаетъ эти извѣстiя. Баронъ Коллеръ, который за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ занялъ его мѣсто, успѣлъ во время своего министерства только протанцовывать менуэтъ. Народъ врывается во дворецъ; съ нимъ Г. Ратонъ и Эрикъ; Эрикъ, который также сражался, но думалъ только о своей любезной, Г. Ратонъ, который, какъ предводитель народа, не видитъ уже границъ своему могуществу. Между-тѣмъ, приносятъ Королевскую прокламацiю. Это конечно награды, жалуетъ Королемъ его вѣрнымъ подданнымъ. Г. Ратонъ принимаетъ на себя прочесть эту бумагу народу. Статья первая: Графъ Ранцау назначается Первымъ Министромъ. Статья вторая: Г. Ратонъ Бургерштафъ назначается..... поставщикомъ лентъ для Регентши.

Бургерштагъ въ отчаяніи! Онъ надвзлелъ самъ быть министромъ: для произведенія и поддержанія мятежа, онъ съпалъ деньги, разорился: онъ банкротъ! Объ немъ и не думаютъ!.... Это ужасъ!... Но такъ кончаются все революціи: всякъ узналъ, въ Ратонъ, Гг. Лафитта и Одри-де-Пиоураво.

НОВАЯ ДРАМА ВИКТОРА ГЮГО. У известной Английской Королевы, Маріи, которую Исторія представляетъ намъ самую добродетельною и безпорочною женщиною, по мнѣнію Г. Гюго, есть любовникъ, Фабіано Фабіани, педальный временщикъ, котораго она осыпала почестями, отличіями, богатствами, для котораго пренебрегаетъ она и мнѣніемъ народа, и рваномъ знати. Страсть ея не знаетъ ни границъ, ни приличій; это не нежное сердечное чувство, но неудержимое влеченіе, какъ любовь Федры къ Инноценту, съ тою только разницею, что Викторъ Гюго не принялъ на себя труда развить эту страсть, какъ сдѣлалъ Расинъ. Какъ бы то ни было, но Фабіани изменяетъ Королеву; онъ обольщаетъ бѣдную сиротку, Иоанну, которая, какъ послѣ открывается, есть дочь казненнаго Герцога Гальбота. Враги любимца, — а врагами его были все придворные, — открываютъ эту интригу и доносятъ объ ней Королеву. Сердце женщины возмущается; она хочетъ смерти изменника; но Королева не въ состояніи заставить Суды приговорить его къ казни за непостоянство въ любви. Чтобъ достигнуть своей цѣли, Марія, съ помощію Испанскаго посла, Симона-Ренара, употребляетъ бѣднаго ремесленника Гильберта, жениха Иоанны, которую обольстилъ Фабіани. Гильбертъ, чтобъ удовлетворить собственной мести, соглашается обвинить любимца въ намѣреніи умертвить Королеву, а себя объявить его сообщникомъ. Уже Фабіани, для потѣхи зрителей, убитъ, въ самомъ началѣ пьесы, жидъ. Жидъ, умирая, отдалъ бумаги, касающіяся рода Иоанны. Теперь, послѣ самой неблагопріистойной сцены, гдѣ Королева, лежа на диванѣ, объясняется съ своимъ любовникомъ; когда спрятанный Гильбертъ, высунувшись изъ-за кулисъ, уличилъ Фабіани въ изменѣ и мнимомъ намѣреніи убить Государыню; когда Фабіани схваченъ и преданъ Суду; когда Иоаннъ возвращены отцовскія имѣнія и титулы, Королева призываетъ палача, бесѣдуетъ съ нимъ, шутитъ объ его сѣди-

нахъ. Ну, Королева!.... Но цыгань, жидъ и палачъ суть верхъ прекраснаго у Г. Гюго. И сверхъ того, Королева, въ присутствіи всего Двора, въ присутствіи даже посла Филиппа II, за котораго собирается она выйти замужъ, осыпаетъ своего любовника упреками, ругательствами, низкою бранью, и всенародно сознается въ своемъ срамѣ. На какой планетѣ происходитъ все это?... Любимецъ Королевы и Гильбертъ осуждены на смерть. Тутъ любовь снова пробуждается въ сердцѣ женщины, и она хочетъ спасти еще милаго ей измѣнника. Всеобщая ненависть къ Фабиани такъ велика, что Королева не можетъ употребить для избавленія его отъ смерти никого, кромѣ своей соперницы; но Иоанна, нынѣ Герцогиня Тальботъ, уже забыла минутную свою склонность къ гнусному обольстителю; она снова любитъ жениха своего, ремесленника, которому измѣнила, и, пользуясь пропускнымъ видомъ, даннымъ ей Королевою, спасаетъ не Фабиани, но Гильберта. Вся перипетія драмы основана на измѣнчивости характера Королевы, на непрерывныхъ *маршахъ* и *контрмаршахъ* въ страсти. Несмотря на нѣсколько сильныхъ сценъ, все неправда; невѣроятность, совершенное отсутствіе логики, вкуса, приличія, знанія людей, — все сумасбродство, настоящій бредъ таланта въ лихорадкѣ!

Изъ этой Драмы уже сдѣлали въ Парижѣ пародію, которую будутъ скоро играть на одномъ изъ меньшихъ театровъ. Заглавіе серьезной Драмы Виктора Гюго: *Marie Tudor*. Заглавіе насмѣшливой пьесы: *Marie, tu dors?...*

AIMER, MOURIR! — ЛЮБИТЬ, УМЕРЕТЬ! — новая Драма, представленная въ первый разъ въ Парижѣ, въ Декабрѣ, 1855. Двое молодыхъ людей, пообѣдавши порядкомъ, вздумали написать Драму, и эта Драма, — можетъ-быть, безъ намѣренія Авторо́въ, — лучшая пародія того, что называютъ *новѣйшею Драмою*. Вы сейчасъ сами увидите.

Я не стану обращать вашего вниманія на избранное Авторами заглавіе: *Любить, умереть!* Это сокращенная исторія всѣхъ героевъ новѣйшей Драмы; одни умираютъ не любивъ, другіе умираютъ полюбивъ; этотъ умеръ, потому, что онъ любимъ; тотъ, потому, что не любимъ; третій собирается любить, и умираетъ; четвертаго собираются полюбить, а

онъ умираеть; всѣ, которые любятъ, умирають; всѣ, которые умирають, любили, любимы, были или будутъ любимы. Молодые Авторы поняли сущность новѣйшей Драмы, и заключили ее въ двухъ-словномъ своемъ заглавіи: *Любить, умереть!*

Первое дѣйствіе этой Драмы происходитъ въ Африкѣ. Вы въ острогъ. Ныиче ни одна Драма не обойдется безъ каторжника, безъ казни, безъ палача. Тутъ вы сразу видите штукъ двадцать каторжниковъ. А объ казни не безпокойтесь: будетъ! Замѣьте только столбъ, поставленный посреди театра; этотъ столбъ Испанская гильотина. Къ столбу приводятъ осужденнаго. Этотъ, осужденный здоровый каторжникъ, который въ прошлую ночь собирался бѣжать, и за то осужденъ на смерть. Осужденный является съ патеромъ. Иначе нельзя: патерь, такъ же лице необходимое въ новѣйшей Драмѣ! Осужденный кается на колѣняхъ въ своихъ грѣхахъ и любви къ свободной жизни. Послѣ исповѣди, священникъ передаетъ осужденнаго палачу. Палачъ привязываетъ его къ столбу, и казнь начинается. *Разъ, два, три.....и!* Дама, которая сидѣла подлѣ меня, говоритъ Ж. Жанень, съ крикомъ отворачивается.

— Успокойтесь, сударыня: развѣ вы не видите, что осужденный не можетъ умереть?

Между-тѣмъ палачъ продолжаетъ поворачивать колесо и стягивать шею осужденнаго, у котораго уже глаза закатываются. *Разъ, два, три.....и!*

— Да отчего же, сударь? сказала дама.

— Онъ не можетъ умереть, сударыня, отъ того, что еще не любилъ.

И дѣйствительно: въ ту минуту, какъ палачъ хотѣлъ въ послѣдній разъ повернуть колесо, является курьеръ изъ Мадрита съ письмомъ къ начальнику острога. Начальникъ дѣлаетъ знакъ палачу; палачъ развертываетъ осужденнаго, а начальникъ, учтиво кланяясь ему, говоритъ: Вы свободны, сеньоръ Блазь..... Да, да! онъ сеньоръ Блазь; только, поверьте, не Жиль-Блазь. Авторы шутятъ.

Перейдемъ ко второму дѣйствію. Мы въ Испаніи. Испанія отечество новѣйшей Драмы. Испанія подарила намъ *Сиду*, и, черезъ двѣсти лѣтъ, *Гернани*. Посему наши Авто-

ры не могли обойтись безъ Испаніи. А на театрѣ, гдѣ Испанія, тамъ на площади балконъ, на балконѣ зеленые рѣшетчатые ставни, за зелеными рѣшетчатыми ставнями блондкая женщина, которая ждетъ блѣднолицаго юноши. Такъ и у нашихъ Авторровъ. Ночь;—о, ночь, день новѣйшей Драммы!— женщина, которую вы видите на балконѣ, Инеса; Инеса ждетъ своего любезнаго Фернандо. На рѣкѣ ллается лодка;—(о, текущая вода—материкъ новѣйшей Драммы!)—на этой лодкѣ Фернандо; Фернандо прѣзжалъ проститься съ Инесою; въ это утро старый нищій;—замѣьте стараго нищаго!— совѣтовалъ ему бѣжать. Спасайтесь, Донъ Фернандо, сказалъ старый нищій; начальникъ полиціи, суровый Донъ Блазъ, хочетъ взять васъ подѣ стражу. Фернандо спасается, и хочетъ проститься со своей любезною Инесою!

Покуда онъ прощается, день занимается и колокола звонятъ къ заутрени; церковь отворяется; народъ и полицейскіе шпіоны входятъ на сцену; суровый Донъ Блазъ садится за столъ и завтракаетъ въ трактирѣ, посреди театра.

Дона Фернанда берутъ въ церкви подѣ стражу.

Когда Фернанда взяли подѣ стражу, Донъ Блазъ, который еще не отзавтракалъ, велитъ позвать Инесу, и, завтракая, говорить Инесѣ,—замѣйте, что онъ никогда прежде не говаривалъ съ Инесою:

— Инеса, я люблю тебя, ты любишь Фернанда. Если ты поупрямишься и не перестанешь любить Фернанда, Фернандо умретъ; если ты будешь любить меня, Фернандо не умретъ. Люби меня!

Инеса такъ любитъ Фернанда, что выходитъ замужъ за Донъ Блаза. Донъ Фернанда отправляютъ въ ссылку.

Донъ Блазъ, окончивъ свой завтракъ, утирается, и целуетъ руку Инесы.

Въ третьемъ дѣйствиіи, Инеса вышиваетъ. Вышивая, она вздыхаетъ; вздыхая, она смотритъ на мужа своего, Донъ Блаза; смотря на своего мужа, она думаетъ о любовникѣ. Вдругъ тюрьма, находящаяся черезъ улицу отъ ихъ дома, загорается. Въ этой тюрьмѣ томится опять Донъ Фернандо. Фернандо, пользуясь пожаромъ, снимаетъ съ себя оковы, и убѣгаетъ изъ тюрьмы. Прежде всего, онъ идетъ къ Дону Блазу требовать отъ него Инесы. Донъ Блазъ, вместо того, чтобы возвратитъ ему Инесу, стрѣляетъ ему въ грудь изъ

пистолета; но Фернандо умереть еще не может: онъ еще не довольно любилъ.

Выслушайте четвертое Дѣйствіе. Театръ представляетъ кабакъ. Кабакъ, тюрьма, острогъ, — все это въ новѣйшей Драмѣ одно безъ другаго не бываетъ. Въ кабакъ, толпа контрабандистовъ пьетъ портвейнъ. Одинъ изъ нихъ пересаживается монахомъ, чтобъ перевезти запрещенныя кружева. Контрабанда отвозится, для большей безопасности, — куда вы думаете? Въ домъ суроваго Дона Блаза. Въ домъ начальника полиціи у контрабандистовъ есть покровитель. Вотъ почему вы видите посреди кабака большой сундукъ; но въ этомъ сундукъ спрятался Донъ Фернандо. Контрабандисты, унося сундукъ, находятъ, что кружева очень тяжелы.

Въ пятомъ дѣйствіи вы видите комнату Инесы; посреди комнаты Инесы, сундукъ, въ которомъ лежитъ Фернандо. Инеса приходитъ, ложится на кушетку, и засыпаетъ, именно для того, чтобъ не видать Фернандо. Тогда Фернандо вылезаетъ изъ сундука; онъ смотритъ на Инесу; Инеса просыпается и обнимаетъ Фернандо. Вдругъ стукъ у дверей: это мужъ, это Донъ Блазъ возвращается. Инеса трепещетъ, Фернандо прячется въ сундукъ, Донъ Блазъ входитъ.

Преждевсего бросается въ глаза Донъ Блазу сундукъ. Что это такое? говоритъ онъ женѣ. Она отвѣчаетъ весьма наниво: Сундукъ! Удивительно, этотъ, столь естественный отвѣтъ, кажется Дону Блазу неудовлетворительнымъ. Онъ беретъ крючекъ, и хочетъ отпереть сундукъ; сундукъ не отпирается. Вдругъ на улицѣ раздается шумъ: кловреты Донъ Блаза убиваютъ одного изгнанника, негра. Донъ Блазъ идетъ полюбоваться на это, и говоритъ, что онъ сейчасъ воротится. Инеса, оставшись одна съ сундукомъ, выпускаетъ изъ сундука Донъ Фернандо. — Бѣги, Фернандо! — Фернандо обнимаетъ Инесу, и уходитъ черезъ потаенный выходъ, *неизвѣстный Донъ Блазу* въ собственномъ его домъ. Донъ Блазъ является, видитъ, что сундукъ пустъ, и говоритъ женѣ: — Въ этомъ сундукъ былъ мужчина; этотъ мужчина твой любовникъ! Ступай исповѣдываться; духовникъ твой въ передней. — Инеса уходитъ.

Тутъ Фернандо возвращается; Фернандо нашелъ алгвазильовъ Донъ Блаза въ тайномъ выходѣ, неизвѣстномъ

Донъ Блазу, и возвращается въ комнату Инесы, крича во все горло: *Инеса!* Донъ Блазь отвѣчаетъ ему кинжаломъ, и, заколовъ его надлежащимъ образомъ, кладетъ его на постель Инесы, и прикрываетъ своимъ краснымъ плащемъ.

Инеса приходитъ съ духовникомъ. Донъ Блазь говоритъ Инесѣ: — Оставляю тебя съ твоимъ любовникомъ! — Потому онъ уходитъ съ духовникомъ, который не почелъ пужнымъ сказать ни слова, и приказываетъ заколотить двери и окна. Инеса, я Думаю, теперь ужъ умерла съ голоду подлѣ своего любовника.

Эта Драма была написана очень серіозно. Но, во время представленія, два шалуна стали хохотать во все горло, увѣряя партеръ, что Авторы хотѣли сдѣлать рѣзкую пародію новѣйшей драмы, и публика вдругъ принялась хохотать при самыхъ ужасныхъ сценахъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ВЪГЛЫХЪ ЛЮДЯХЪ *отъ 10 Іюня 146 года до Рождества Христова.* Напрасно человѣческое общество надѣется скрыть свои грѣхи и происки отъ отдаленнаго потомства, полагаясь въ этомъ случаѣ на востребительную силу времени. Время, какъ нарочно, послѣ многихъ тысячъ лѣтъ, нерѣдко выбрасываетъ изъ нѣдръ своихъ давно пожранныя имъ доказательства мелкости истлевшаго въ землѣ челоуѣка, — ничтожныя лоскутки бумаги, забытыя теми же лицами, которыя сдѣлали на нихъ свои отметки или признанія, но важныя свидѣтельства для потомства, жаждущаго узнать все относящееся къ быту его предковъ. Найденныя въ Египетскихъ муміяхъ папирусы уже обнаружили намъ множество сдѣлокъ лихонмства, ябедничества, ссоръ и подлоговъ покойныхъ подданныхъ Фараона и Птоломея. Недавно нашли еще въ одной гробницѣ родъ оторваннаго отъ Прибавленій къ Мемфисскимъ Академическимъ Вѣдомостямъ лоскутка, на которомъ ученый и трудолюбивый Летроннъ прочиталъ Объявленіе о поимкѣ людей, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ за полтора вѣка до Р. Х. Этотъ любопытный папирусъ заключаетъ въ себѣ множество рѣдкихъ свѣдѣній для Политической Экономіи древнихъ Египтянъ: вотъ онъ, въ переводѣ съ Греческаго подлинника, писаннаго въ царствованіе Эвергета II.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

25 года, мѣсяца Эпифи въ 26 день (10 Юня, 146 года до Р. Х.)

— Рабъ посланника города Алабанды (что въ Малой Азій), Аристогиа Христоптова, бѣжалъ изъ Александріи. Оный рабъ, по имени Эрмонъ, по прозванію Нилъ, Сирскій уроженецъ изъ Бамбука, отъ роду 18 лѣтъ, ростъ средний, ноги прекрасныя, безъ волосъ на бородѣ, но съ небольшою въ среднѣхъ ея впадинкою, съ рубцомъ надъ лѣвымъ уголкомъ рта, на правой рукѣ наколоты варварскія (Сирскія) письмена; на немъ поясъ, въ которомъ были три золотыя монеты, цѣною въ 3 мны, и 10..... (въ 210 р. асс.), а на желѣзномъ кольцѣ у пояса стекляночка съ духами и банный приборъ для натиранія тѣла; сверхъ сего, плащъ и передникъ. Кто приведетъ его къ хозяину, тотъ получитъ въ награду 2 таланта и 3,000 драхмъ мѣдью (175 руб. асс.); кто укажетъ мѣсто его пребыванія, лишь бы только не въ священнои оградѣ, получитъ 1 талантъ и 2,000 драхмъ мѣдью (93 руб. 33 коп. асс.); буде же у челоюпка зажиточнаго и могущаго уплатитъ пеню, то 3 таланта 5,000 драхмъ мѣдью (268 руб. 33 коп. асс.). Желающіе могутъ объявить о томъ и мѣстной полиціи.

— Также ушелъ изъ Александріи, вмѣстѣ съ упомянутымъ, рабъ дворцоваго Оберъ-каммерлака, Калликрата, по имени Віонъ: ростъ малый, плеча широкия, ноги толстыя, глаза голубые; на немъ рубаха и невольничья шинелька. Онъ унесъ съ собою женскій личикъ цѣною въ 6 талантовъ и 5,000 драхмъ (478 руб. 33 коп. асс.). Кто приведетъ его, получитъ такую же награду, какъ и за выше-прописаннаго. Объявить и объ немъ, если угодно, мѣстной полиціи.

Это объявленіе, которое, какъ видно, было разослано по всемъ городамъ и прибито къ угламъ улицъ, по соображеніи его съ другими, уже извѣстными папирусами, послужило Г. Лерронню къ рѣшенію важнаго для Исторіи и древней Политической Экономіи вопроса, — именно, къ опредѣленію настоящей цѣны Египетскихъ и Греческихъ денегъ. По его изслѣдованіямъ, считая нашъ ассигнаціонный рубль равнымъ франку, 1 Египетская мѣдная драхма равнялась

1¼ копейки; 60 таких драхм составляли 1 серебряную драхму = 70 коп.; четыре серебряных драхмы составляли 1 тетрадрахму = 2 р. 80 коп.; две съ половиною тетрадрахмы составляли 1 декадрахму, то есть, десять драхм или золотниковъ серебра, родъ Египетскаго долера, равный 7 рублям асс., или франкамъ. Золотыя монеты были следующие: золотая драхма, или золотникъ, = 8 р. 75 коп.; золотая тетрадрахма (полу-имперіаль) = 35 руб.; золотая октодрахма (статиръ, имперіаль) = 70 руб. Кроме монетъ, были, какъ известно, въ употребленіи счетныя суммы, подобно Англійскимъ фунтамъ стерлинговъ, Славянскимъ гривнамъ, и Индійскимъ лакамъ рупій. Счетныя суммы были следующие: 1) *Мна*, или *мина*, состоящая, по Римскому положенію, изъ 96 драхмъ, или золотниковъ; по Египетскому, изъ 100 драхмъ; это наша древняя гривна серебра, родъ, пага. Она равнялась цѣною золотой октодрахмѣ, или статирѣ, то есть, имперіалу въ 70 руб. цѣною, который, такъ же какъ у Византійцевъ и у насъ, носила иногда на себя въ видѣ украшенія или знака отличія, и называли *моною*, *миною* или гривною, потому, что достоинство ея было равно мнѣ, или гривнѣ серебра. 2) *Талентъ мѣди*, равный цѣною мнѣ, или гривнѣ серебра, и золотой октодрахмѣ, статирѣ, или имперіалу = 70 р. 3) *Талентъ золота*, равный 6 талентамъ или 360,000 драхмамъ мѣди, и следовательно 60-ти минамъ, или гривнамъ серебра, также 60-ти октодрахмамъ, статирамъ, или имперіаламъ = 4,200 р. асс. Изъ этого слѣдуетъ, что во II вѣкѣ до Р. Х., относительная цѣна мѣди къ серебру была, какъ 1 : 60; серебра къ золоту, какъ 1 : 12 ¼; что въ Египтѣ считали все на мѣдныхъ денгахъ; что законные проценты были по 12 со ста; указная цѣна раба, полагая въ-четверо противъ награды, 700 руб. асс.; справочная цѣна быка 245 руб., и настоящее достоинство прославленной казны Птолемеевъ не выше 49,000,000 рублей асс. *Journal des Savans.*

МЕМНОНОВЪ ВОЛОСЪ. Г. Летроннъ издалъ также въ прошломъ году весьма любопытное и ученое сочиненіе объ известной колоссальной статуѣ Мемнона, издававшей гармоническіе звуки при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, и которая теперь смирно стоитъ въ деревенскомъ лѣсѣ,

посвяпюмъ на великолѣпной площади древней стовратной столицы Египта, **Онъ**. (*La statue vocale de Memnon, considérée dans ses rapports avec l'Égypte et la Grèce. Paris, 1833, un vol. in-4°.*) Статуя эта почти равна вышиною Александровской колоннѣ, безъ капителя, и имѣетъ видъ великана, сидящаго на стулѣ. Древніе путешественники, герон, богомолы, поэты, Цари, вѣдали въ Верхній Египетъ, чтобъ видѣть ее и убѣдиться собственными ушами въ подлинности извѣстія о музыкальныхъ ея свойствахъ. Нижняя часть ея почти сплошь покрыта надписями посѣтителей всѣхъ вѣковъ и вѣроисповѣданій, и нынѣшніе грѣшныя путешественники еще вырѣзываютъ на ней гвоздемъ имена свои подъ знаменитыми именами Германика, Адриана и Сабиты. Многіе изъ Древнихъ, кромѣ имени, оставили на ней свидѣтельство, что действительно сами они слышали звуки внутри каменнаго великана въ минуту восхожденія солнца; другіе начертали свои мысли въ отицахъ, неуступающихъ въ достоинствѣ поэтическимъ вдохновеніемъ провѣжкихъ, исповывающихъ амазомъ окопечныя стекла гостинницъ. Новѣйшіе путешественники, у которыхъ дѣло никогда не ставитъ за причиною, все вообще приписывали таинственные звуки Мемнонова колеса плутовству Египетскихъ жрецовъ и потаенному механизму, устроенному внутри статуи. Но одинъ Англичанинъ, недавно посѣщавшій Мемнона, жалуетъ, что самъ онъ слышалъ какой-то шумъ, похожій на урчаніе желудка, въ огромномъ каменномъ тѣлѣ герала, когда лучи солнца начали согревать камень. Г. Лестронъ пожелалъ поддержать эту мысль, или открытіе, историческими изслѣдованіями, и написалъ книгу, которая, не смотря на глубокую его ученость, на множество Греческихъ и Латинскихъ текстовъ, представляетъ почти занимательность волшебнаго Романа, — столько собралъ онъ новыхъ фактовъ и удивительныхъ показаній о самой статуѣ и о феноменѣ, которымъ она прославилась! Во-первыхъ, онъ доказалъ, что все мы, разсуждая о колоссѣ Мемнона, не знаемъ, что говоримъ, ибо это изображеніе не Мемнона, но Аменофиса III, которое Греки, по своей легкомысленности и невѣжеству, прозвали Мемнономъ отъ того, что оно находилась въ части города, именуемой *Мемнонионъ*. Съ Греками никогда не добьешься толку!.... Во-вторыхъ, онъ замѣтилъ, что почти все надписи, свидѣ-

тельствующія о звукѣ, составлены одинаково: «Такой-то «сынъ такого-то, въ первомъ часу слышалъ Мемнона уда-«но.» Последнее слово показываетъ, что не всякой день можно было хорошо слышать эти звуки, — важный атестатъ о честномъ и добропорядочномъ поведеніи въ этомъ дѣлѣ бѣдныхъ языческихъ жрецовъ; ибо, если бѣ внутренняя гармонія происходила отъ ихъ плутовства, ничто не препятствовало имъ плутовать въ каждое ясное утро, а въ ясныхъ утрахъ въ Веринемъ Египтъ нѣтъ недостатка. Притомъ, подлѣ этого колосса стоитъ другой, почти равной ему величины: почему же этотъ другой не издавалъ звуковъ?... Почему и тотъ пересталъ издавать ихъ, въ самое то время, когда жрецы болѣе всего нуждались въ его чудесахъ, чтобъ удержать народъ въ Вѣрѣ отцевъ, и остановить успѣхи Христіанства?...

Г. Летроннъ излагаетъ исторически, что до Рождества Христова никто не называлъ этого колосса Мемнономъ, и никто не говорилъ объ утренней его музыкѣ. Страбонъ еще упоминаетъ объ немъ безъ имени, и онъ первый говоритъ объ его звучности, но съ явною недовѣрчивостію. Колоссъ этотъ, состоявшій прежде изъ одного цѣльнаго камня, былъ поврежденъ землетрясеніемъ въ 27 году до Р. Х., и потерялъ верхнюю свою часть. Съ тѣхъ поръ, въ остальной его части послышалось звучное дрожаніе массы, согрѣтой первыми лучами утра; мало-по-малу слава его распространилась; около временъ Нерона она сдѣлалась несомнѣнною; всѣ заговорили о статуѣ, которую наобумъ стали называть Царемъ Мемнономъ и смѣшивать съ мифологическимъ Мемнономъ, сыномъ Авроры, или Зари; всѣ пустились путешествовать въ Египеть, и когда, спустя два вѣка, Императоръ Септимій-Северъ, восхищенный ея музыкальнымъ дарованіемъ, приказалъ ее исправить, звуки вдругъ умолкли. Съ того времени, никто уже не странствовалъ къ Мемнону, и на колоссѣ прекращаются надписи, которыя Г. Летроннъ собралъ и объяснилъ съ большимъ тщаніемъ и искусствомъ. Разбирая всѣ несомнѣнные свидѣтельства, онъ показываетъ, что эта таинственная гармонія колосса есть только сплетня энтузіастовъ, преувеличившихъ смыслъ подлинныхъ описаній: тѣ, которые посѣщали памятникъ, говорятъ только объ урчаніи, шумѣ, а не о гармоніи. Очевидно, что это урчаніе, шумъ или внутренній трескъ, были слѣдствіемъ поврежденія

колосса землетрясеніемъ; что запертый въ подости каменной массы воздухъ, согреваясь лучами солнца, выходилъ съ шумомъ въ какую нибудь расщелину, и что онъ пересталъ выходить, какъ скоро расщелина была задѣлана.

Между стихотворными надписями древнихъ поствителей, весьма немногія заслуживаютъ вниманіе по своему содержанию. Какая-то Римская барыня, Юлія Бальбила, сопровождавшая Императрицу Сабину, большая охотница стряпать вирши, исписала всю икру великана дурными стихами. Другая путешественница, по имени Требулла, удивляясь очаровавшей ее мелодіи, весьма сожалѣетъ, что у Мемнона нѣтъ головы: она увѣрена, что Мемнонъ игралъ еще лучше, когда носилъ на плечахъ голову. Мы бы теперь этого не сказали: по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ, люди безъ головы способны другихъ быть отличными музыкантами.

Лучшая поэтическая надпись принадлежитъ одному древнему подьячему, Прокурору Кесаря, Асклепідоту: «Вѣдай, о богиня моря, ясная Заря, Фетида, что сынъ твой Мемнонъ еще живъ; что, согрѣтый твоимъ материнскимъ взоромъ, еще оглашаетъ онъ своими звуками Ливійскій хребетъ горъ Египетскихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ могучій Нилъ разсѣкаетъ Оивы великовратныя. Вѣдай по крайней мѣрѣ о томъ, ибо втораго твоего сына, неумолимаго Ахилла, никто уже не слышитъ ни на Троянской равнинѣ, ни на поляхъ Фессаліи.» Римскій Прокуроръ, кажется, опечаленъ упадкомъ міеологическаго вѣрованія въ собственной колыбели Міеологін.

Г. Летроппъ не ограничился надписями колосса: онъ присовокупилъ къ нимъ многія другія, снятыя со стѣнъ великолѣпныхъ гробницъ Фараоновъ. Въ числѣ послѣднихъ самая примѣчательная есть слѣдующая: «Я, Дадухъ пресвятѣйшихъ таинствъ Элевсинскихъ, Никагоръ Минукіановъ, Аѳинянинъ, посѣщалъ сіи подземныя гробницы несравненно позже божественнаго Платона Аѳинскаго, — да будетъ надо мною и здѣсь покровъ Платоновъ! — и удивлялся имъ, и благословлялъ за то боговъ, равно какъ благочестивѣйшаго Императора Константина (Великаго), способствовавшаго мнѣ въ этомъ своею милостью.»

Сочиненіе ученаго Французскаго Академика достойно вниманія всѣхъ любителей Древностей и Исторіи.

ГАЛЛИЯ И ФРАНЦИЯ. Таково заглавіе новаго сочиненія известнаго Александра Дюма (*Gaule et France, par Alexandre Dumas, 1853*), одного изъ начальниковъ новой романтической школы и автора нѣсколькихъ хорошихъ драмъ. Оно написано въ увѣренно-разрушительномъ духѣ, и «Юная Франція» провозгласила его образцомъ глубокихъ соображеній, удивительной скромности и безконечной учености. Между-тѣмъ, хладнокровная и непристрастная Критика разобрала его анатомически, и вѣдливными выписками обнаружила ту неоспоримую истину, что вся ученость Г. Дюма взята живьемъ изъ сочиненій Шатобриана и Августина Тьерри, съ прибавленіемъ только принятыхъ возгласовъ и напыщенныхъ фразъ безъ смысла, которыми живетъ и дышитъ нынѣшнее молодое поколѣніе Французовъ, болѣе и болѣе отстающее отъ основательнаго изученія главныхъ вѣсостей къ изслѣдованіямъ и систематически погружающееся въ невежество. Вотъ, на чемъ основана слава удивительной учености знаменитаго романтика! Единбургскій Журналъ весьма справедливо замѣтилъ, что молодымъ Французскимъ писателямъ болѣе всего недостаетъ классныхъ познаній, и что все ученіе неистоваго романтизма опирается на дурномъ воспитаніи его проповѣдниковъ. Тѣмъ, которые, увлекаясь односторонними похвалами многихъ Журналовъ, желали бы читать прославленную историко-политическую книгу «ученаго» Дюма, советуемъ лучше прочесть разборъ ея въ *Journal des Débats* (26 пов., 1853).

ПОСЛѢДНЕЕ СОЧИНЕНІЕ Г. ВЕВЕДЖА, знаменитаго Англійскаго Профессора. Разсужденіе объ экономіи машинъ и мануфактуръ. Вотъ книга, весьма любопытная, весьма занимательная, и притомъ появляющаяся весьма кстати. Чтобы оправдать эту похвалу, достаточно было бы написать оглавленіе; но мы не боимся говорить съ нѣкоторою подробностію о книгѣ, въ которой ученый Профессоръ, живущій посреди величайшаго во всемъ свѣтѣ промышленнаго движенія, разбираетъ весьма важные вопросы о вліяніи, производимомъ машинами. Намъ хотѣлось бы обратить вниманіе читателей и переводчиковъ на эту книгу, гдѣ найдутъ они самыя простыя и ясныя свѣдѣнія о практико-

ской Механики и о началах Политической Экономии, которая весьма полезно распространять во всех классах народа.

Первое дѣйствіе машинъ, самая неоспоримая выгода, ими приносимая, достойная вниманія Философовъ, есть увеличеніе общественнаго благосостоянія и уменьшеніе тѣлесныхъ трудовъ. Благодаря машинамъ, работникъ уже не обременяется физическими трудами, которые погашаютъ его умственный способности и равняютъ его съ рабочимъ скотомъ. Разсудокъ его возвышается по мѣрѣ того, какъ тѣло перестаетъ сгибаться подъ тяжестью работъ самыхъ утомительныхъ, и онъ дѣлается способнымъ къ принятію умственнаго образованія. Машинны увеличиваютъ силу человека, берегутъ время, и потому суть одно изъ самыхъ важныхъ средствъ просвѣщенія.

Опытъ весьма простой показываетъ, какъ много трудовъ и работы сберегается самое малое усовершенствованіе въ способахъ производства. Чтобы тащить камень въ 1800 фунтовъ въсомъ, по дурно обтесанной, горизонтальной наклонной плоскости, нужна сила; равная 758 фунтамъ. Чтобы тащить тотъ же камень; по деревяннымъ брусьямъ, надобно 652 ф., силы; тотъ же камень на деревянной подставкѣ, тащимый по деревянной площади, требуетъ только 606 ф. силы; но ежели намылить объ деревянную плоскости, то потребуетъ ся уже только 182 ф. Наконецъ тотъ же камень, катимый на каткахъ, уступаетъ силъ въ 28 фунтовъ, а ежели эти катки положены между двумя намыленными деревянными плоскостями, то достаточно и 22 фунтовъ!

Любители промышленности найдутъ въ первой части книги Г. Бембеджа занимательныя подробности о самыхъ любопытныхъ машинахъ, о средствахъ собирать силу, о лучшемъ распредѣленіи силы, о различныхъ употребленіяхъ паровъ; объясненіе некоторыхъ дѣйствій пороха, свѣдѣнія объ искусствѣ печатальщика, литейщика, и наконецъ о томъ, какъ надлежитъ производить наблюденія, обзрѣвая какою-нибудь фабрику.

Во второй части, подъ заглавіемъ *Политическая и частная экономія мануфактуръ*, разсматриваются предметы весьма важные: раздѣленіе работы вообще, раздѣленіе умственной работы, дѣйствія излишняго производства, стачка работниковъ и хозяевъ однихъ противъ другихъ, дѣйствіе

пошлинъ и законныхъ ограниченій свободы промышленности, дѣйствіе Наукъ на будущіе промышленности, и проч.

Мы хотѣли бы сдѣлать нѣкоторыя выписки изъ книги Г. Бейбеджа; но въ ней такъ много любопытнаго, что мы затрудняемся въ выборѣ. Возьмемъ наудачу слѣдующія. Хотите ли, напримеръ, знать важность производства, по видимому, самыхъ маловажныхъ вещей? Послушайте показаніе Г. Остлера, фабриканта стеклянныхъ бусъ, сдѣланное имъ въ назначенной Парламентомъ Слѣдственной Комиссіи. «Лѣтъ за 18 предъ симъ, сказалъ онъ, встрѣтилъ я на Биржѣ человека, порядочно одѣтаго, который спросилъ меня, не могу ли я дѣлать ему *эмалевые глаза для куколъ*. Признаюсь, я былъ такъ глупъ, что обидѣлся подобнымъ предложеніемъ, которое, какъ мнѣ казалось, не соответствовало важности званія фабриканта. Онъ свелъ меня въ комнату не уже, но вдвое длиннѣе этой: тамъ былъ только узкій проходъ между огромными запасами разныхъ частей куколъ, наваленными до самаго потолка. Здѣсь только руки и ноги куколъ, сказалъ мой проводникъ: тузовница въ другой комнатѣ. Но этого было уже довольно, чтобы показать мнѣ, какъ много эмалевыхъ глазъ ему надобно.» Послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ, Г. Остлеръ наконецъ нашелъ средство дѣлать требуемыя отъ него вещи. «Въ 18 лѣтъ, присовокупилъ онъ, эмалевые глаза чрезвычайно подешевѣли, и теперь они не стоятъ и половины того, что стояли тогда. Положимъ, что дѣти начинаютъ играть въ куклы только съ двухъ лѣтъ, перестаютъ играть семи лѣтъ, и ломаютъ въ годъ только одну куклу: можно расчислить, что производство эмалевыхъ глазъ для куколъ, пускаетъ въ обращеніе нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ.»

Многіе боятся, что при устройствѣ чугунныхъ дорогъ обыкновенные пути сообщенія будутъ совершенно оставлены. Вотъ примѣръ, который можетъ успокоить ихъ на этотъ счетъ. Когда стали помышлять о заведеніи парохода между Лондономъ и Маргатомъ, подрядчики дилижансовъ, ходившихъ по этой дорогѣ, подали въ Нижній Парламентъ прошеніе противъ пароходовъ, которые, по ихъ мнѣнію, должны разорить ихъ. Время доказало, что это опасеніе было совершенно неосновательно, потому, что число дилижансовъ въ короткое время увеличилось, и это произошло, по

всей вѣроятности; отъ заведенія пароходовъ, которое чрезвычайно усилило число путешественниковъ. Нынѣ боятся, что распространеніе чугуныхъ дорогъ и паровыхъ машинъ оставитъ безъ работы множество лошадей и разоритъ лежащія по дорогамъ трактиры. Это опасеніе, вѣроятно, такъ же неосновательно, какъ и страхъ содержателей Маргатскихъ джанжацовъ.

Извлекаемъ изъ книги Бесбеджа описаніе одного изъ самыхъ смѣлыхъ произведеній человѣческой промышленности.

«Нѣкоторыя изъ высокихъ Швейцарскихъ горъ покрыты превосходнымъ строевымъ лѣсомъ, находящимся въ мѣстахъ совершенно неприступныхъ. Долгое время дикія отлогости и глубокія ущелья горы Пилатской были покрыты непроходимыми лѣсами, которые росли и погибали безъ всякой пользы для человѣка, когда одинъ иностранецъ, охотившійся въ этихъ мѣстахъ за дикими козами, обратилъ на эти лѣса вниманіе Швейцарскихъ помѣщиковъ; но самые предприимчивые изъ нихъ объявили, что, къ несчастію, нѣтъ ни какой возможности добывать этотъ лѣсъ. Уже въ 1816 году Г. Руппъ и трое Швейцарскихъ помѣщиковъ, болѣ смѣлыхъ въ своихъ надеждахъ, купили у Аншпахской общины за 56,000 фр. нѣкоторое количество этихъ земель, покрытыхъ лѣсомъ, и начали строить наклонную площадь, которая окончена въ 1818 году.

«Эта площадь состоитъ изъ 25,000 огромныхъ сосенъ, очищенныхъ отъ коры и соединенныхъ весьма искусно безъ помощи желѣза. Около 160 работниковъ полтора года строили эту площадь, и она стоила 100,000 франковъ. Наклонная площадь сія, длиною въ 12 верстъ, примыкала къ Люцернскому озеру; она сдѣлана была въ видѣ ящика, шириною въ шесть футовъ, глубиною отъ трехъ до шести; дно состояло изъ трехъ деревьевъ; въ среднемъ сдѣланъ продольный жолобъ, въ который изъ разныхъ мѣстъ проведены были ручейки для уменьшенія тренія. Вся наклонная площадь поддерживалась двумя тысячами подпоръ, и въ разныхъ мѣстахъ весьма замысловато прикрѣплена къ отвѣснымъ гранитнымъ скаламъ. Мѣстами она шла прямо, а иногда ломаною линіею: наклонность измѣнялась отъ 18 до 20 градусовъ. Иногда она прилѣплена была къ бокамъ камней или скалъ, иногда лежала на ихъ вершинѣ. Въ одномъ мѣстѣ она прохо-

дла подъ землею, а нѣсколько подагѣ танулась надъ пропастью, поддерживаемая 120 футовыми подмостками.

Смысль этой работы и замысловатое устройство разныхъ частей ея возбуждали всеобщее удивленіе. До началія работы надобно было вырубить нѣсколько тысячъ деревь, чтобы сдѣлать просѣку въ этой непроходимой чащѣ. По мѣрѣ того, какъ работники подвигались впередъ, по мѣстамъ разставляемы были люди, чтобы показывать имъ дорогу на возвратномъ пути и отыскивать въ ложбинахъ мѣста, въ которыхъ надобно поставить столбы для поддержанія наклонной площади. Самъ Г. Рупшъ принужденъ былъ не разъ спускаться на веревкѣ въ пропасти въ нѣсколько сотъ футовъ глубиною. Въ первые мѣсяцы по началіи предпріятія, онъ сильно заболѣлъ лихорадкою, которая препятствовала ему наблюдать за работами; но ничто не могло уменьшить его неусыпной дѣятельности. Онъ каждый день отправлялся въ носилкахъ на гору для управленія работами, что было совершенно необходимо, потому, что въ числѣ его работниковъ были только два хорошіе плотника; остальные были собраны со всѣхъ сторонъ безъ разбора, и не имѣли свѣдѣній, нужныхъ для совершенія столь гигантскаго предпріятія. Сверхъ того, Г. Рупшъ долженъ былъ бороться съ предрасудками мужиковъ, которые думали, что онъ водится съ нечистымъ духомъ, обвиняли его въ безбожій, и для забавы всячески препятствовали совершенію его предпріятія, которое они почитали нелѣпымъ и невозможнымъ. Наконецъ, всѣ эти препятствія были преодолены, и Г. Рупшъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ деревья его съ быстротою молніи спускались съ горы. Величайшія сосны, длиною во 100 футовъ, толщиною въ верхушкѣ въ 10 дюймовъ, пробгали въ двѣ минуты съ половиною пространство въ 12 верстѣ, и во время бѣга казались длиною въ нѣсколько футовъ.

Спускъ деревь былъ устроенъ весьма просто. Съ самаго низа наклонной площади и до самаго верха, стояли люди въ одинаковыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго. Когда все было готово, низшій работникъ кричалъ слѣдующему: *Пу-скай!* Команда эта, передаваемая однимъ часовымъ другому, доходила до вершины наклонной площади минуты въ три. Тогда работники, стоявшіе на самомъ верху, кричали пер-

вому часовому: *Идетъ!* — и этотъ крикъ повторялся, предшествуя дереву, летящему по плоскости. Какъ скоро дерево доходило до низу и погружалось въ Люцернское озеро, первый работникъ опять кричалъ: *Пускай!* Такимъ образомъ каждыя пять или шесть минутъ спускаемо было по дереву, если только въ помостъ наклонной площади не случалось поврежденія, что, правду сказать, бывало довольно часто; но изломанное въ ту жь минуту починавалось.

Чтобы показать, какую ужасную силу приобретаѣли деревья скоростію своего паденія, Г. Руппъ устроилъ такъ, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ упали съ наклонной площади: они погружались толстымъ концемъ въ землю на 18, и даже на 24 фута; и когда одно изъ нихъ ударилось объ другое, то раскололось съ верху до низу, какъ-будто разбитое громомъ.

Это гигантское и превосходное произведеніе искусства, предпринятое и совершенное однимъ человѣкомъ, теперь уже не существуетъ. На Пилатской горѣ остались только слабые слѣды наклонной площади.

Людемъ, которые думаютъ, что машины доведены уже до послѣдней степени могущества, мы совѣтуемъ прочесть главу, въ которой Г. Беббеджъ говоритъ о вліяніи Наукъ на будущее развитіе промышленности. Они увидятъ, чего воображеніе смѣлое и ученое можетъ не безъ основанія ожидать отъ силъ Природы, которыхъ человѣкъ еще не успѣлъ поработить себѣ.

ЧИСЛИТЕЛЬНАЯ МАШИНА Г. БЕББЕДЖА. Обязанность этой чудной машины состоитъ въ вычисленіи и печатаніи весьма пространныхъ и весьма сложныхъ астрономическихъ и навигаціонныхъ таблицъ, на составленіе которыхъ, посредствомъ обыкновеннаго способа, потребовалось бы очень много труда и времени; да и притомъ онѣ не имѣли бы надлежащей точности. Кромѣ таблицъ логарифмовъ, машина Г. Беббеджа будетъ еще вычислять произведеніе чиселъ и всѣ астрономическія таблицы для опредѣленія положенія солнца, луны и планетъ. Чтобы дать понятіе объ этой удивительной машинѣ, мы опишемъ дѣйствія, произведенныя маленькою пробною машиною, сдѣланною изобрѣтателемъ. Цифры, по мѣрѣ того, какъ машина ихъ вычисляла,

являлись не въ квадратикахъ или другимъ подобнымъ образомъ, но выходили изъ боковъ машины: напримеръ, число 983 являлось цифрами предъ глазами человека, который ихъ списывалъ.

Пока машина вычисляла одну таблицу, пріятель изобретателя принялся записывать числа. Онъ писалъ весьма скоро, и потому сначала обгонялъ машину; но потомъ, когда цифры начали являться по пяти вдругъ, онъ едва могъ поспѣвать за нею. При другомъ опытѣ, *тридцать два* числа одной таблицы были вычислены въ *два минуты и тридцать секундъ*; а какъ въ нихъ было *восемьдесятъ два* цифры, то изъ этого слѣдуетъ, что машина производила въ минуту тридцать три цифры, или *одну цифру* меньше чѣмъ въ *два секунды*. Эта быстрота хода машины могла бы продолжаться, сколько угодно, и немногіе писцы въ состояніи были бы равняться съ нею.

Нѣкоторые думали, что изобрѣтеніе этой машины принадлежитъ не Г. Беббеджу, что это идея не нова: въ такомъ случаѣ можно сказать, что изобрѣтеніе телескопа есть не что иное, какъ слѣдствіе изобрѣтенія очковъ. Это даже было бы справедливѣе, чѣмъ думать, что машина Г. Беббеджа мало различается отъ арифметическихъ машинъ Паскаля и нѣкоторыхъ другихъ. Эти машины имѣли совсѣмъ иной предметъ: онъ ограничивались производствомъ обыкновенныхъ дѣйствій Арифметики. Правда, что машина Г. Беббеджа также можетъ производить эти дѣйствія: она можетъ извлекать корни чиселъ, и подходить къ корнямъ уравненій, и даже къ ихъ невозможнымъ корнямъ; но назначеніе ея не въ томъ. Предметъ ея, отличный отъ предмета всѣхъ другихъ числительныхъ машинъ, состоитъ въ примѣненіи Механики къ дифференціальной методѣ, чего никогда не было дѣлано. Результаты, которые она можетъ доставить, и работы, которыя она, какъ надѣются, совершить въ нѣсколько лѣтъ, поставляютъ ее выше всего, что усилія генія Механики доселѣ производили.

ЛИВЕРПУЛЬ И МАНЧЕСТЕРЪ. Важнѣйшая изъ Англійскихъ чугунныхъ дорогъ есть, безъ сомнѣнія, та, которая лежитъ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, и этою важною обязанъ она нераздѣльному союзу, соединяющему эти

два города. Манчестеръ со своими окрестностями на 25 или 30 верстъ кругомъ не что иное, какъ огромная фабрика. Ливерпуль не производитъ ровно ничего, но онъ продаетъ то, что производить его сосѣди. Ливерпульскіе *мичероме* говорятъ, что городъ ихъ вторая Венеція, возвышающаяся надъ водами; это не правда. Ливерпуль контора, не что иное какъ контора, но контора, величайшая и наилучше расположенная во всемъ свѣтѣ. Всѣ дѣла производятся тамъ на небольшомъ пространствѣ, въ которомъ заключается великолѣпная Биржа, ратуша и всѣ конторы (*business*). Въ четыре часа по полудни все кончено: каждый запираетъ свою келью (тамошнія конторы вполнѣ заслуживаютъ это названіе), и отправляется въ свой городской или загородный домъ. Ливерпуль и Манчестеръ окружены двойною, или даже тройною, линіею каналовъ: каналъ Герцога Бриджватерскаго, каналъ изъ Лидса въ Ливерпуль, каналы Санкейскій, Лигскій, Больтонскій, Бюрійскій, Мерсейскій и Ирвелльскій, не говоря уже о небольшихъ рѣчкахъ, которыя при устьѣ своемъ образуютъ родъ бухтъ, и выше могутъ почитаться ручьями, хотя, благодаря человѣческому искусству, вездѣ судоходны, именно, обѣ Ирвесь, Мерсеъ и Виверъ; и судоходство по нимъ производится съ быстротою, у насъ совершенно незвѣстною. Но со времени заключенія мира, благосостояніе сихъ двухъ городовъ такъ увеличилось, что за десять лѣтъ предъ симъ эти пути сообщенія и превосходная дорога оказались недостаточными, потому, что контора и фабрика хотѣли сблизиться. 20 Мая 1824 года сто пятьдесятъ кушечъ подписали объявленіе, въ которомъ доказывали недостаточность средствъ сообщенія, и положено было устроить чугунную дорогу. Работы начались въ Іюнь 1826 года, а 15 Сентября 1830 года дорога торжественно открыта. Извѣстно, по какому несчастному случаю Ливерпульскій представитель, Министръ Торговли Г. Госкиссонъ, погибъ при этомъ торжествѣ. Нынѣ устраиваютъ подземелье, по которому чугунная дорога проведена будетъ до самой середины Ливерпуля.

* Чтобы видѣть, какъ важны дѣла, производимыя въ этомъ небольшомъ пространствѣ, довольно сказать, что земля продавалась тамъ недавно по 10,000 руб. за квадрат. сажень. Въ самыхъ лучшихъ частяхъ Паррижа и Лондона земля никогда не продается и за половину этой цѣны.

Главная отрасль Английской торговли, та, въ которой она не имѣетъ соперниковъ, и которая открываетъ ей порты всего свѣта, состоитъ изъ всякаго рода бумажныхъ произведеній. Сложная цѣнность вывоза изъ Англiи землядѣльческихъ и мануфактурныхъ произведеній простиралась въ послѣднее десятилѣтiе почти ежегодно отъ 900 до 920 милліоновъ рублей. Бумажныхъ товаровъ было въ томъ числѣ на 420 или 450 милліоновъ; а большая часть Английскихъ бумажныхъ произведеній дѣлается въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ*. Это одно уже могло бы объяснить коммерческую важность Ливерпульскаго порта**, но къ этому надобно еще прибавить, что Ливерпуль лежитъ по близости чугунныхъ и желѣзныхъ заводовъ Стаффордширскихъ и Шропшейрскихъ, и фабрикъ Бирмингамскихъ и Шеффилдскихъ; что, по узости Англiи подъ 53° широты, у него подъ рукою оба берега, западный и восточный; что онъ служитъ центральнымъ пунктомъ сношеній Ирландiи съ Великобританiею; что онъ почти смеженъ и съ Шотландiею и съ Валлисомъ; что онъ главная квартира Английскихъ пароходовъ. Вспомнивъ все это, вы поймете, что Ливерпуль долженъ производить огромную торговлю: и действительно, она уступаетъ только Лондонской. Одиннадцать тысячъ судовъ въ 1,400,000 тоннъ ежегодно устанавливаются въ девяти его бассейнахъ. Двѣ-пятыхъ всего Великобританскаго вывоза производится черезъ Ливерпуль. Больше пятой части всѣхъ Великобританскихъ таможенныхъ доходовъ собирается въ Ливерпуль (около 100 милліоновъ); а со времени учрежденiя хартiи Индiйской Компанiи, Ливерпульскiе купцы надѣются овладѣть болѣею частию торговли съ Азiею, которая доселѣ вся производилась черезъ Лондонъ. Они всѣми силами стараются сравнить Ливерпульскую торговлю съ Лондонскою, и надобно сказать, что они идутъ къ этой цѣли скорыми шагами.

* Съ 1801 по 1831 годъ, народонаселенiе Графства Ланкастерскаго, гдѣ находятся Ливерпуль и Манчестеръ, возросло отъ 672,731 души до 1,336,854, т. е., оно удвоилось, между-тѣмъ среднее увеличенiе народонаселенiя во всей Великобританiи было 20 на 100.

** Съ 5 Декабря 1830 по 5 Января 1831 года, бумажныхъ произведенiй вывезено изъ Ливерпуля на 37,500,000 руб.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗЛИЧНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ РЕЗИНЫ. Каучукъ, называемый въ просторѣчїа резиною, или гумми-эластикумъ, сдѣлался извѣстнымъ въ Европѣ въ началѣ осьмнадцатаго столѣтїа. Его привозили тогда въ разные виды изъ Южной Америки, какъ предметъ любопытства; но тогда не знали, что это такое и какимъ образомъ получается: извѣстно было только то, что это вещество принадлежитъ къ растительному царству. Это продолжалось до путешествїа, въ Южную Америку, совершеннаго въ 1735 году Французскою Коммиссїею для измѣренїа градуса меридїана. Эти Ученые не ограничили своихъ изысканїй однимъ только главнымъ предметомъ ихъ путешествїа, но собрали множество свѣдѣнїй по части Естественной Исторїи. Происхожденїе каучука обратило на себя ихъ вниманїе: они открыли въ Бразилїи, въ Эсмеральдѣ, дерево, называемое туземцами *gève (hévé)*, котораго сокъ, выкопавъ, составляетъ каучукъ. Въ послѣдствїи это дерево найдено также въ Кайеннѣ и по берегамъ Амазонской рѣки, а потомъ дознано, что каучукъ можно получать изъ другаго дерева, растущаго въ Южной Америкѣ и называемаго *jacipha elastica*.

Когда на одномъ изъ этихъ деревьевъ сдѣлаютъ надрѣзъ, изъ него начнетъ вытекать молочнистый сокъ, котораго относительный вѣсъ составляетъ 0,9335, и который на воздухѣ сгущается, образуя вещество чистаго бѣлаго цвѣта, безвкусное и непахучее. Черный цвѣтъ продажнаго каучука происходитъ отъ образа сушенїа его. Это производится слѣдующимъ образомъ: глиняную форму покрываютъ тонкимъ пластомъ этого молочнистаго сока, и потомъ сушатъ его, подвергая форму дѣйствию огня, производящаго много дыма. Первый пластъ покрываютъ вторымъ, поступая такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока каучукъ получить нужную толщину. Когда всѣ эти пласты достаточно высушены, внутреннюю глиняную форму разбиваютъ молоткомъ, и куски вынимаютъ сквозь отверстїе въ обложкѣ. Такимъ образомъ, бутылки каучука, которыя мы видимъ въ торговлѣ, состоятъ изъ множества тонкихъ пластовъ молочнистаго сока и столькихъ же пластовъ сажн.

Жители Южной Америки, гдѣ родится это дерево, дѣлаютъ изъ его сока разные употребленїа. Они собираютъ

его въ дождливое время, потому, что хотя его можно получать и во всякое время, но въ это онъ бываетъ обильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Индѣйцы дѣлаютъ изъ него сапоги, совершенно непромокаемые, а жители Квито приготавливаютъ ткань, имѣющую то же свойство. Эта ткань вѣроятно походить на ткани подобнаго рода, приготавливаемая во Франціи и въ Англіи и у насъ въ Петербургѣ.

Въ некоторыхъ частяхъ Южной Америки изъ каучука дѣлаютъ также родъ свѣчъ, которыя горятъ весьма хорошо: при горѣніи онѣ издаютъ запахъ, пріятный для тѣхъ, кто привыкъ къ нему, но вообще неприятный Европейцамъ. Подобная свѣча, въ полтора дюйма длиною, горитъ двѣнадцать часовъ.

Со времени открытія каучука въ Америкѣ, въ Азіи найдено нѣсколько деревьевъ, которыя даютъ точно такой же сокъ, и также принадлежать тропическимъ странамъ: они суть *ficus indica*, *artocarpus integrifolia*, и *urceola elastica*. Жидкость, доставляемую этими деревьями, сушатъ иначе, чѣмъ въ Америкѣ: посему каучукъ, такимъ образомъ получаемый, имѣетъ лимонный цвѣтъ, и, въ противоположность добываемому въ Америкѣ, называется бѣлымъ каучукомъ.

Каучукъ имѣетъ некоторые особенныя и весьма замѣчательныя свойства, которыя, со времени ввезенія его въ Европу, сдѣлались предметомъ изслѣдованія для Химиковъ. Онъ гибче и упруже всѣхъ извѣстныхъ веществъ, и тягучесть его такъ велика, что разорвать каучукъ трудно. Химики долго искали средства растворять каучукъ, чтобы привести его снова въ жидкое состояніе. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, найдены два растворяющія средства: эфиръ и терпентинное масло, по испареніи коихъ, каучукъ сохраняетъ всѣ свои свойства. Самый тонкій пластъ раствора каучука, наложенный на какую-либо ткань, дѣлаетъ ее совершенно непроницаемою для воздуха и сырости, не лишая притомъ гибкости. Г. Ганкокъ, въ Фулгамѣ, нашелъ средство дѣлать изъ каучука полную одежду, совершенно гибкую и производящую спасительныя дѣйствія надъ людьми, которые страдаютъ ревматизмами, потому, что подобное платье содержитъ тѣло въ непрерывной испаринѣ. Каучукъ употребляютъ также на дѣланіе поясовъ, подтяжекъ, гамошъ, разныхъ хирургическихъ инструментовъ, которые,

по своей гибкости, непроницаемости и прочности, лучше
всѣхъ прочихъ.

Вотъ увеличеніе ввоза каучука въ послѣдніе годы въ
Англию.

	фунтовъ:		фунтовъ:
1829.....	23.000.	1831.....	82.000.
1830.....	51.000.	1832.....	98.000.

Цѣна каучука въ Англии измѣняется отъ 1 шил. 6 п. (1
р. 85 к.) до 2 ш. 3 п. (2 р. 80 к.) за фунтъ.

ВОДЯНОЙ ПАУКЪ. Это насѣкомое весьма замѣчательно
тѣмъ, что оно погружается въ воду или плаваетъ на ея по-
верхности въ эластическомъ и непромокаемомъ шарѣ. Ниче-
го не можетъ быть нежнѣе, замысловатѣе этого судна: оно
состоитъ изъ небольшого количества воздуха, заключеннаго
въ прозрачной газовой ткани которая служитъ насѣкомому без-
опаснымъ и покойнымъ жилищемъ. Пловучій домъ его прикрѣ-
пляется тонкими нитками къ листьямъ водяныхъ растений.
На концѣ этихъ нитокъ насѣкомое придръльвается родъ мѣ-
шечка, довольно похожаго на мыльный пузырь, и раздуваема-
го по волѣ паука. Клейкая матерія, которою онъ покрытъ
снаружи, дѣлаетъ его непроницаемымъ, а внутри онъ уби-
рается пухомъ. Видите ли, — корабликъ плаваетъ. Это значить
что паукъ ищетъ добычи. Но вотъ онъ является съ торже-
ствомъ, цѣпляется за свои канаты, прячется въ свое та-
инственное судно, и погружается въ воду. Онъ еще не
сытъ: онъ раздуваетъ свои легкія, и корабликъ его всплы-
ваетъ. Посмотрите какъ бѣдный паукъ заботится, беспокоит-
ся! Съ нимъ случилось несчастье: въ подводномъ кораблѣ
его оказалась течь. Онъ однако жъ не лишается мужества;
у него есть всѣ нужныя орудія, чтобъ исправить повре-
жденіе. Какъ опытный инженеръ, онъ сначала заботится о
томъ, чтобы задѣлать отверстіе, потомъ, посредствомъ сво-
его хобота, вытягиваетъ и выливаетъ воду. Но корабль его
починенъ, плыветъ легче прежняго, и паукъ снова пускает-
ся за добычею. Онъ часто по цѣлымъ днямъ остается подъ
водою, и выходитъ оттуда только тогда, когда сквозь про-
зрачныя стѣнки своего жилища увидитъ добычу.

ГРИНВИЧСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ. Известно, что все сферальныя и гидрографическія вычисленія дѣлаются въ Англіи по меридіану Гринвичской обсерваторіи, основанной въ 1675 году, Королемъ Карломъ II, по указанію одного Француза, Сенъ-Пьера. Посему, весьма важно, чтобы минута прохожденія солнца черезъ этотъ меридіанъ была въ точности извѣстна. Для этого, устроены нынѣ новыя, весьма простой приборъ. На одной изъ башенъ обсерваторіи поставленъ высокій шестъ съ крестомъ на верху. За нѣсколько минутъ до полудня, къ кресту поднимаютъ шаръ въ восемь футовъ въ діаметръ, и въ ту минуту, какъ солнце проходитъ чрезъ меридіанъ, шаръ спускаютъ. Въ другихъ обсерваторіяхъ употребляютъ для этого равныя сфериды; въ однихъ поднимаютъ флагъ, въ другихъ стрѣляютъ изъ пушки; но флагъ, по направленію вѣтра, можетъ быть не виденъ, а выстрѣлъ не слышенъ; между тѣмъ, какъ этотъ огромный шаръ, заранее выставленный и внезапно исчезающій виденъ во всякое время.

ПРИЕМЪ АНГЛІЙСКАГО БАНКА. Само собою разумеется, что всякой разъ, когда, по случаю пожара, кораблекрушенія, или какого либо другаго происшествія, банковыя облигаціи (bank-notes) бывають истреблены, отъ этого происходятъ для Банка вѣрный и чистый барышъ; но незначитель, можетъ быть, знаютъ, что со времени основанія Банка, т. е., съ 1694 года, не представлено, и следовательно, по всей вѣроятности, истреблено билетовъ на 122,000,000 руб. Во время ста-тридцати-девяти-лѣтняго существованія Банка, облигацій его выпущено на 500,000,000 руб.

ПЛОДОРОДНОСТЬ НѢКОТОРЫХЪ РАСТЕНІЙ. Сиръ Генри Портеръ, Великобританскій Консулъ въ Караккасъ, прислалъ Земледѣльческому Обществу въ Лондонѣ нѣсколько образчиковъ хлѣба *Викторіа*, удивительно плодороднаго и растущаго весьма скоро. Съ акра земли собирается этого хлѣба въ зерно до двухъ или трехъ тысячъ фунтовъ, и не меньше чѣмъ въ семь мѣсяцевъ (съ 15 Февраля по 1 Августа) его жнутъ два раза, между-тѣмъ какъ туземный хлѣбъ въ Англіи и Франціи даетъ только отъ осьми до девяти сотъ фунтовъ зерна съ акра и собирается одинъ разъ въ годъ.

Г. Кроссли сообщилъ тому же Обществу, что онъ посредствомъ особаго способа произвелъ необычайное количество луку и готовъ сообщить свою методу всякому желающему. Вотъ его опыты: въ первый разъ онъ послалъ 2 унціи луку, и собралъ 8,496 унцій; въ другой разъ послалъ 12 унцій и собралъ 8000 фунтовъ.

Наконецъ Г. Дьюсонъ читалъ въ томъ же Обществѣ записку о способахъ, посредствомъ конхъ на одной и той же землѣ, съ Декабря по Іюль, можно собирать картофель два раза. Въ возможности этого Г. Девсонъ убѣдился неоднократноными опытами:

ЛУЧШИЙ СПОСОБЪ СОХРАНЕНІЯ ДЖИНУ. Въ прошломъ Ноябрь мѣсяцѣ море выбросило на берега Франціи глыбу тресшихся устрицъ и улитокъ. Разбивая ее, открыли въ серединѣ дерево, обложенное толстымъ въ поларшина слоемъ валявшихъ раковинъ. По внимательномъ осмотрѣніи, убѣдились, что это дерево бочка, и, очистивъ ее, нашли внутри столѣтній джинъ, получившій отъ качки волнами океана огненную крѣпость и почти зѣврый вкусъ. Бордосскій Префектъ тотчасъ купилъ всю бочку. Старшины города Лондона, узнавъ о такомъ важномъ для Наукъ открытіи, отправили къ нему депутатовъ, съ предложеніемъ, уступить этотъ джинъ тремъ Королевствамъ Великобританіи, на вѣсь серебра. Префектъ не рѣшается.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И.

Французскія.

VOYAGE A PRAGUE ET A LÉONEN, par M. le vicomte de Valsh.

VOYAGE EN SYRIE et dans le désert, par *Damoiseau*. 4 vol.

VOYAGE DE L'ARABIE PÉTRÉE, par Léon Delaborde et Linant.

4 vol. folio.

LA SUISSE PITTORESQUE et ses environs, tableau général descriptif, historique et statistique des 22 cantons, etc., par Alexandre Martin. 1 vol. in-4., orné de 460 gravures en acier. Souscription.

FRANCE PITTORESQUE, description pittoresque, topographique et statistique des départemens et des colonies, tableau complet de la France, par M. *A. Hugo*. 3 vol. in-4., avec 120 cartes et 720 vignettes. Souscription.

HISTOIRE (la plus complète qui ait paru jusqu'à ce jour) **DE LA RÉVOLUTION FRANÇAISE**, par M. *Tissot*, de l'Académie Française. 5 vol. in-8. Souscription.

HISTOIRE PARLEMENTAIRE de la révolution française, par MM. *Buchez et Roux*, ouvrage destiné à tenir lieu de toutes les collections de journaux et autres documens relatifs à cette époque. 20 vol., paraissant chaque mois. Souscription.

NOUVEL ATLAS national de la France, dressé sur l'échelle de 1,350,000°, par M. *Charle*, avec des augmentations de M. *Darmet*, folio.

HISTOIRE DE L'EMPEREUR NAPOLEON, par M. *A. Hugo*, septième et dernière livraison.

HISTOIRE GÉNÉRALE DES ILES BRITANNIQUES, par Walter Scott, James Mackintosh et Thomas Moore, traduite par M. *Defauconpret*. 12 vol. in-8. Souscription.

DICTIONNAIRE BIOGRAPHIQUE, universel et pittoresque, contenant 3000 articles de plus que le plus complet dictionnaire de ce genre. 48 livraisons, paraissant le mardi depuis le 15 octobre. Souscription.

DICTIONNAIRE PITTORESQUE d'histoire naturelle et de phénomènes de la nature, par une Société de savans et de naturalistes, avec 400 planches. Souscription.

COURS COMPLET D'AGRICULTURE, ou nouveau Dictionnaire d'Agriculture théorique et pratique, d'Économie rurale et de Médecine vétérinaire. Ouvrage, en 15 vol., par une Société de savans. Souscription, sans rien payer d'avance.

TRAITÉ SUR L'ÉCONOMIE DES MACHINES et des manufactures, par Babbage, traduit par M. *Biot*. 4 vol.

BERTRAND ET RATON, comédie en cinq actes, par M. *Scribe*.

L'IRONIE, roman, par M. *Gustave Drouineau*. 2 vol.

CONFESSIONS POÉTIQUES, par le même.

LE BRASSEUR ROI, roman, par M. le vicomte d'*Arincourt*. 2 vol.

LES RÉVERBÈRES, roman, par M. *Touchard-Lafosse*. 6 vol., les deux dernières livraisons.

LE VAL-DUONEGRO, ou les Frères du poignard invisible, suivi des **RUINES DE DIRCKENFELD**, histoire du XVe siècle, par M. *Lévesque*. 4 vol.

LA THÉODICÉE, ou le Triomphe du Christianisme, poème en dix chants, par M. *Bosset*.

NAPOLINE, poème, par Mme *Emile de Girardin* (Mlle *Gay*). 4 vol.

LES FRANCS-TAUPINS, roman, par M. *Jacob*, bibliophile. 3 vol.

MATER DOLOROSA, roman, par M. *Henri Berthoud*. 2 vol., sous presse.

- LA NONNE DE GNADENZELL**, roman, par *Spindler*, auteur du « Juif ». 2 vol.
RAOUL DE PELLEVE, roman, par l'auteur du *Duc de Guise à Naples*. 2 vol.
LE CIMETIERE D'IVRY, ou le cadavre, roman, par MM. *Artaud* et *Poujol*. 2 vol.
SCENES DU JEUNE AGE, par Mme *Gay*. 2 vol.
EXPEDITION SENTIMENTALE, par *E. D.* 4 vol.
ZOHRAB LE PRISONNIER, mœurs persanes, de *Morier*, trad. de l'anglais. 2 vol.
ETUDES DES MŒURS au XIXe siècle, par *M. de Balzac*. 12 volumes, dont deux inédits et paraissant pour la première fois.

ENCYCLOPEDIE PITTORESQUE, à deux sous la livraison; nouveau journal d'instruction et d'agrément, paraissant deux fois par semaine. 404 livraisons par an.

L'ECHO BRITANNIQUE (nouveau journal), choix d'articles de tout genre, sciences, arts, mœurs, usages, industrie etc., extraits de journaux anglais. Prix 6 francs par an.

LA MODE DE PARIS, nouveau journal de toilette et de nouveautés parisiennes. Point de politique. Prix 6 francs par an.

LE NAVIGATEUR, nouvelle Revue maritime; naufrages, pirateries, voyages, incendies, évènements de mer, histoire de la marine et littérature maritime. Prix 6 francs par an.

LE SELAM (livre d'étrennes, un de plus jolis keepsakes publiés en France, avec de charmantes vignettes anglaises), composé d'articles inédits de MM. *J. Janin*, *Dumas*, *Brucker*, *Barthélemy*, *Méry*, *Nodier*, etc.

L'AMULETTE, étrennes à nos jeunes amis, par *C. Nodier*, *E. Sue*, *F. Soulié*, *L. Gozlan*, le bibliophile *Jacob*, le comte de *Pastoret*, *J. Lacroix*, *E. Cabanon*, *Desbordes-Walmore*, *Menessier-Nodier*, etc., etc.

VERT ET BLANC (livre d'étrennes des royalistes, composé d'articles inédits des auteurs pour la plupart peu connus dans la littérature, à l'exception de MM. *Michaud*, *J. Janin*, *Merle*, *Morice*, *Emile Deschamps* et la princesse de *Craon*). 4 vol., avec une gravure.

Англійскія.

THE ANNUAL Biography and Obituary. 4 vol.

PHILOSOPHICAL TRANSACTIONS of the Royal Society of London for the year 1832. 2 parts.

ELEMENTS OF MATERIA MEDICA and Therapeutics, including the recent discoveries and analyses. By *Anthony Todd Thomson*, M. D. 4 vol.

SURGICAL ESSAIS. By *Bransby Cooper*. 1 vol.

- THE INFIRMITIES OF GENIUS**, illustrated by referring the anomalies in the literary character to the habits and constitutional particularities of men of genius. By *R. R. Madden*. 2 vols.
- TREATISE ON HAPPINESS**, containing observations on health, property, the mind and the passions, with the virtues and vices, the defects and excellencies, of the human life. 2 vols.
- THE PROVINCE OF JURISPRUDENCE** determined. By *John Austin*. 4 vol.
- PRINCIPLES** of Political Economy. By *G. P. Scrope*. 4 vol.
- A TREATISE ON THE ROADS**. By *Sir Henry Parnell*. 4 vol.
- ON THE RESISTANCE OF WATER** in the ship and canal navigation. By *John Macneill*. 4 vol.
- THE NATURAL HISTORY** of humming-birds. By *Sir William Jardine*. 4 vol.
- THE POETRY OF BIRDS**. By a Lady. With 22 coloured plates. 4 vol.
- HAMBLEN IN THE NINETEENTH CENTURY**, conversation on the errors and the improvements of the society. 2 vols.
- TAXATION, REVENUE, EXPENDITURE**, power, statistics and debt of the whole British Empire; their origine, progress and present state, with an estimate of the capital and resources of the Empire. The whole founded on, and executed by, official tables and authentic documents. By *Pablo Pebrer*, 4 vol. thick.
- THE GENIUS OF JUDAISM**. 1 vol.
- LIVES** of the most eminent sovereigns of moderne Europe, written by a Father for the instruction and amusement of his eldest son. 4 vol.
- MEMORIALS** of the professional life and times of sir William Pean, Admiral and General of the Fleet. By *Granville Penn*. 2 vols.
- LIVES** of eminent persons. 4 vol.
- NAVAL HISTORY** of England. By *Robert Southey*. 2 vols.
- A MORAL AND POLITICAL SKETCH** of United States of North America. By *Achille Murat*, ci-devant Prince Royal of the Two Sicilies, and citizen of United States. 1 vol.
- THREE YEARS IN NORTH AMERICA**. By *James Stuart*. 2 vols.
- PRATICAL NOTES**, made during a Tour in Canada and a portion of United States. By *Adam Ferguson*.
- REFLEXIONS** on the domestic and foreign Policy of Great Britain since the war. By a British Merchant. 4 vol.
- TWENTY FIVE YEARS** in the Rifle Brigade. By late *William Surrey*, Quartermaster. 1 vol.
- SIX WEEKS** on the Loire, with a peep into La Vendée. By a Lady. 4 vol.
- RECORDS OF A VOYAGE** to the western coast of Africa, in his Majesty's ship Dryad, for the suppression of the slave trade. By *Peter Leonard*, Surgeon. 1 vol.
- TOURS IN UPPER INDIA**, and in parts of Himalaya mountain, with account of the Courts of the native Princes. By *Major Archer*. 2 vols.

- THE GOVERNMENT OF INDIA.** By Major-General Sir John Malcolm. 1 vol.
- SKETCHES OF GREECE AND TURKEY**, with the present condition and futur prospects of the Turkish Empire. 1 vol.
- TURKEY AND ITS RESSOURCES**; its municipal organisation and free stade; the state and prospects of English commerce in the East; the new administration of Greece, its revenues, etc. 1 vol.
- DOMESTIC MANNERS** and social condition of white, coloured and negro population of the West Indies. By Mrs. Carmichael. 2 vols.
- REMINISCENCES OF SPAIN.** By C. Cushing. 2 vols.
- REMINISCENCES** of an old traveller. 1 vol.
- LETTERS** from Switzeland and Italy. By the auctor of Letters from the East. 1 vol.

-
- LECTURES ON POETRY** and general Literature. By James Montgomery. 1 vol.
- HISTORY** of the American Stage. By William Dunlap. 2 vols.
- EVENINGS IN GREECE.** By Thomas Moore. Poetry.
- THE DREAM**, and other poems. By Mrs. Coningham. 1 vol.
- POEMS.** By Bratley Coleridge. 1 vol.
- THE BARD OF THE SEA-KINGS**, a Novel. By E. L. Montagu 1 vol.
- LOVE AND PRIDE**, a Novel. By the author of Sayings and doings. 3 vols.
- CHILDE ROELIFF'S** pilgrimage, a Novel. 3 vols.
- FRANCES BERRAIN**, a Novel. 3 vols.
- THE WHIGS OF SCOTLAND**; a historical tale. 2 vols.
- DRAMATIC SCENES** from real life. By Lady Morgan. 2 vols.
- THE PARSON'S DAUGHTER**, a Novel. By Hook. 3 vols.
- POLISH TALES.** By the authoress of Hungarian Tales. 3 vols.
- THE NEW ROAD TO RUIN**, a Novel. By Lady-Stepney. 3 vols.
- TRAITS AND STORIES** of the Irish peasantry. Second series. 3 vols. Dublin.
- RECOLLECTIONS** of a Chaperon. Novels. By Lady Dacre. 3 vols.
- THE WONDOROUS TALE OF ALROY**; The rise of Iskander. By the author of Vivian Grey and Contadini Fleming. 3 vols.

=

М О Д Ы.

=

Русскія. При Императорскомъ Дворѣ дамы нынче являются въ торжественныхъ случаяхъ не иначе, какъ въ Русскомъ національномъ платьѣ, великолѣпномъ и прелестномъ. Двѣ приложенныя здѣсь картинки представляютъ

приняты на этотъ конецъ костюмы, №1 для Статсъ-Дамъ, №2 для Фрейлинь. Для первой книжки Журнала, мы предпочли ихъ изображенію Французскихъ модныхъ костюмовъ, надѣясь тѣмъ обрадовать Русскія сердца: всякой, мы увѣрены, съ восхищеніемъ увидитъ это новое и очаровательное доказательство болѣе и болѣе утверждающейся у насъ народности.

Французскія. Въ Парижѣ также примѣчается рѣшительный возвратъ къ старинному. Вся цвѣта прошлаго столѣтія въ большой модѣ. Новая матерія, по имени *старо-новая*, *nouvelle-ancienne*, одерживаетъ верхъ надъ прочими: это тафта съ тканными цвѣтными узорами во вкусъ нашихъ прабабушекъ. Другая модная матерія называется *Персидская тафта*, *tafetás persan*: она бываетъ бѣло-молочнистаго или лимоннаго цвѣтовъ, съ букетами розъ, рѣдко набросанными. Бальныя платья дѣлаются всѣ изъ бѣлаго крепа или тюля, съ шитыми цвѣтами въ томъ же родѣ. На вечерахъ, бархатныя платья, высокія до самой шеи, считаются *отлично благородными*, — *parfaitement comme-il-faut*.

Новый фасонъ атласныхъ капотовъ отличается только тѣмъ отъ прежняго, что спереди въ юбкѣ и въ лифѣ дѣлаются въ серединѣ три равныя складки, каждая шириною въ вершокъ. Остальная часть лифа спереди и сзади совершенно гладка: только внизу лифа, сзади, стягиваютъ матерію подъ кушакомъ въ видѣ мелкихъ морщинъ.

Кушаки изъ атласныхъ лентъ: они завязываются маленькимъ бантомъ спереди, съ коротенькими концами. Атласные шитые эшарпы и прошлогоднія длинныя пелерины вытѣснили собольи и пуховые хвосты, боа, которые совсѣмъ не въ модѣ. Всѣ почти дамы носятъ мѣховыя муфты, атласныя, гладкія, или печатныя узорчатыя, или шитыя, съ двумя бантами изъ лентъ по концамъ.

Шиньоны, вообще низкіе, очень легкіе и весьма простые, носятя на маковкѣ и обвиваются внизу косою, чтобъ дать имъ видъ пошире. Блондовые турбаны въ большомъ употребленіи: они чрезвычайно красивы. Вместо блондъ, можно дѣлать турбанъ изъ газоваго эшарпа; но одного эшарпа мало. Большія щеголихи дѣлаютъ турбаны изъ турецкихъ шалей, и являются въ нихъ даже на балѣ.

У себя дома, онѣ носятъ атласныя сапожки, черныя или того же цвѣта, какъ и платье.

Впрочемъ, все остается попрежнему.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Моя Молитва. <i>И. И. Козлова</i>	1.
Норманскій обычай. <i>В. А. Жуковскаго</i>	4.
Гусарь. <i>А. С. Пушкина</i>	13.
Свѣжана и Русланъ. <i>И. И. Козлова</i>	18.
Беритское чудовище. <i>Барона Е. О. Розена</i>	23.
Оковы — Синичка — Незабудочка. <i>Г. Р. Держасина</i> .	30.

ПРОЗА.

Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ, Повесть. <i>Барона Брамбеуса</i>	33.
Первая любовь, Разсказъ стараго воина. <i>О. В. Булгарина</i>	115.
Штыкъ, военный Разсказъ. <i>И. Н. Скоблева</i>	149.
Письмо къ Я. Н. Толстому. <i>И. И. Греча</i>	159.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Персть Божій, Повѣсть Мишель-Ремона. <i>А. Н. Очкина</i>	1.
Эгвильеты Анны Австрійской.....	45.
Мнѣніе известнаго Англійскаго Журнала Edinburgh Review о нынѣшней Французской Словесности...	52.
Искусство литературныхъ Объявленій.....	79.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Скандинавскія Саги. <i>О. И. Сенковскаго</i>	1.
Взглядъ на Исторію Россіи, отъ кончины Іоанна Калиты до кончины Іоанна III. <i>Н. А. Полеваго</i> .	78.
Историческіе афоризмы. <i>М. П. Погодина</i>	101.
О границахъ и переходахъ царствъ Природы. <i>М. А. Максимовича</i>	112.
Последній день Помпея, картина К. Брюллова.....	119.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О состояніи мануфактуръ въ Россіи. <i>Г. М. Яценкова</i> .	1.
О пользе Компаній, его же.....	4.
О бѣленіи полотень, его же.....	9.
О земледѣліи въ Россіи, его же.....	14.
Англійскій способъ расчисленія мѣры досокъ, его же	28.
Распиловка бревень (съ рисункомъ), его же.....	51.
О составныхъ частяхъ почвъ. <i>А. П. Максимовича</i> .	17.
О зимнихъ садахъ, письмо изъ Берлина (съ 2 рисунками).....	41.
Разныя навѣстія.	58.

V.

КРИТИКА.

Россия и Баторій.—Торквато Тассо, Фантазія.—Торквато Тассо, Драма.....	1.
--	----

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Горе: отъ ума. — Аскольдова могила. — Кальянь. — Повѣсти и Разказы. — Ганъ Исландецъ. — О Государственномъ Кредитѣ. — Разныя извѣстія.....	43.
--	-----

VII.

СМЪСЬ.

Императорская Академія Наукъ,	1.
Королевско-Французскій Институтъ,.....	1.
Народонаселеніе пяти главныхъ городовъ Европы,.....	3.
Торговля Балтійскаго моря,.....	4.
Русскій Театръ въ С.-Петербургѣ,.....	5.
Важное событіе въ романтической Словесности,.....	6.
Новый Балетъ Р. Тальони,.....	14.
Новая Драма В. Гюго,.....	14.
Новая Комедія Г. Скриба,.....	19.
Любить, умереть!.....	20.
Объявленіе о бѣглыхъ людяхъ,.....	24.
Мемпоновъ колоссъ,.....	26.
Галлія и Франція,.....	30.
Последнее сочиненіе Г. Беббеджа,.....	50.
Числительная машина Г. Беббеджа,.....	35,
● Ливерпуль и Манчестеръ,.....	36.
Происхожденіе и различныя употребленія резины,.....	39.

Водяной паукъ,.....	41.
Гринвичская обсерваторія,.....	42.
Прибыль Англійскаго Банка,.....	42.
Плодородность некоторыхъ растений,.....	42.
Лучшій способъ сохраненія джину,.....	43.
Новыя книги,.....	43.
Моды (съ двумя картинками)	47.

—●—

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ ПЕЧАТИ.

— Въ отдѣленіи Русская Словесность, въ статьѣ «Штыкъ», на стр. 149, напечатано: *при всякомъ его словѣ говоритъ, бывало, сердце—читай: горитъ, бывало, сердце....*

— Въ отдѣленіи Смѣсь, на стр. 3, народонаселеніе Лондона показано въ 1,000,000 душъ — читай: 1,400,000.

=

.

